

**ЭМИГРАЦИЯ
КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Венгеро-российский культурно-просветительский фонд
«Dialogorum»

**Эмиграция как текст культуры:
историческое наследие и современность**

Сборник научных статей

Будапешт
Киров
2020

УДК 325.2; 009

ББК 6/8

Э55

Рецензенты: И. А. Едошина, доктор культурологии, профессор (Россия);

Синъити Мурата, PhD, профессор филологии (Япония)

Редакционная коллегия:

Руководитель проекта – Н. Зария (Венгрия)

С. А. Гарциано, доктор филологических наук, проф. (Франция);

И. Надь – доктор филологии, проф. (Венгрия);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, проф. (Россия) – отв. редактор;

В. Л. Телицын, доктор исторических наук, проф. (Россия)

Э55 Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей. – Будапешт : Изд-во Selmeczi Bt. ; Киров : ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. – 455 с.

ISBN 978-5-6044635-2-9

В сборнике представлены результаты научных исследований, посвященных проблеме эмиграции, которая понимается авторами как широкое социокультурное явление, связанное с политическими, историческими, национальными, художественными аспектами. В центре внимания авторов – проблемы миграции в целом, люди и судьбы, творческое наследие эмигрантов, позволяющее по-новому интерпретировать известные факты и ввести в научный оборот неизученные архивные материалы, дополняющие сложную и многоцветную панораму современных миграционных процессов. Один из разделов сборника посвящен 100-летию Русского (Крымского) исхода (1920), положившего начало уникальному историко-культурному феномену – зарубежной России.

Адресовано специалистам-гуманитариям, преподавателям и студентам профильных учебных заведений, всем, кто интересуется проблемами эмиграции.

Ответственность за точность цитирования и соблюдение закона об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

УДК 25.2;009

ББК 6/8

ISBN 978-5-6044635-2-9

© Культурно-просветительский фонд
«Dialogorum», 2020

© Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT), Венгрия, 2020

© ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», Россия,
2020

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЭМИГРАНТОЛОГИИ: МЕТОДЫ, ПОДХОДЫ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ

<i>Попов А. В.</i> Теоретико-методологические аспекты исследований российского зарубежья и феномена эмиграции.....	7
<i>Пронин А.А.</i> Библиометрический метод исследования диссертаций по истории российской эмиграции: когнитивные возможности в историографическом дискурсе	21
<i>Акишина А. А., Тряпельников А. В.</i> Диалог культур: роль кибертекстов в приобщении мигрантов к культуре новой для них страны	32
<i>Кротова М. В.</i> Русская эмиграция в архивных документах фонда Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом.....	42
<i>Овчинкина И. В.</i> Содружество имени профессора И. А. Ильина (1956-1971): документальные свидетельства	53
<i>Олейникова В. П.</i> Переход русских женщин привилегированных сословий в католицизм как отражение эмансипации и феминизации российского общества в XIX – начале XX в.	64
<i>Лисенкова Л. Н.</i> «Быть историком современных событий»: лидеры кадетской партии в эмиграции о революции 1917 года.....	74
<i>Щербакова Д. Д.</i> Взаимоотношения советских диссидентов и российских эмигрантов первой и второй волн	86
<i>Кушнерева К. В. А. А.</i> Амальрик о социальной стратификации в СССР.....	96
<i>Алипов П. А.</i> Научная деятельность Н. П. Кондакова в оценках советских ученых 1920-х гг.	101
<i>Безнин М. А., Димони Т. М.</i> Российские экономисты-эмигранты о первоначальном накоплении в СССР	111
<i>Канделаки Д. Г.</i> Вопросы истории Грузии в творчестве грузинских политических эмигрантов	121
<i>Сейбель Н. Э.</i> Персонажи-типы в литературе эмиграции (на материале романа Н. Харатишвили «Восьмая жизнь (для Брильки)»	127
<i>Осипова Н. О.</i> «Маленький человек» русской эмиграции (по результатам работы над изданием «Русское зарубежье во Франции»)	136
<i>Мусаев В. И.</i> Русская диаспора в Финляндии в 1920-е – 1930-е гг.: формирование, способы адаптации	143
<i>Алентьева Т. В.</i> От этнорелигиозного и социокультурного конфликта к консенсусу: ирландская эмиграция в США.....	159
<i>Бенямина Х.</i> Нелегальная эмиграция в странах Средиземноморья в настоящее время.....	169

<i>Гузей Я. С.</i> Принимающее общество и китайские мигранты на российском Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX в. (по материалам российской дальневосточной прессы)	175
<i>Руонала Л. А. А.</i> Русские женщины-мигранты в Швеции: проблемы идентичности и социально-психологическая адаптация.....	183
<i>Харламова С. И.</i> Диалект пенсильванских немцев в американских газетных статьях.....	192
<i>Шуляковская К., Хаев Л.</i> Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов	200

II. Русское зарубежье: историческая память и художественный опыт. К 100-летию Русского (Крымского) исхода

<i>Павельева Ю. Е.</i> «Никогда мне эта чаша горше не была, чем из Крыма...» (Крымский исход на страницах Всероссийской мемуарной библиотеки).....	214
<i>Турьгина Н. В.</i> «Я русская, потому что я русская»: маркеры русской идентичности (по данным интервью с русскими эмигрантами и их потомками)	227
<i>Бунин Ю. Ф.</i> Культурно-историческое значение войсковых регалий Кубанского казачьего войска в период эмиграции	232
<i>Гребенкин А. Н.</i> Развитие социокультурных традиций российской военной школы в кадетских корпусах Русского Зарубежья: преемственность и новации.....	240
<i>Евдошенко Н. В.</i> Архивные документы о событиях культурной жизни русской эмиграции во Франции в 1920–1930 гг.	254
<i>Гриневич О. А.</i> Усадебный текст как ретранслятор культурной памяти в творчестве русских эмигрантов первой волны	266
<i>Надь И.</i> «Я хочу воскресить весь тот мир...» (письма Марины Цветаевой к Вере Муромцевой)	276
<i>Закрыжевская Е. А.</i> О письмах Н. Н. Берберовой к Г. В. Адамовичу в книге воспоминаний «Курсив мой» (по материалам Гуверовского архива).....	283
<i>Кастлер Л. А.</i> Русские эмигранты первой волны как проводники русской театральной культуры во Франции	290
<i>Литаврина М. Г.</i> «Актриса. Ничего другого не умела...» (Е. И. Корнакова-Бринер в зарубежье: новые материалы)	300
<i>Ржевская Е. А.</i> «Сломишь, но не согнешь!» Барон П. Н. Врангель: образ в искусстве	312
<i>Костоева В. А.</i> Церковные проекты Романа Верховского в США и последние годы его жизни: новые материалы из архивов.....	321
<i>Муромцева О. В.</i> Архив Ивана Пуни и Ксаны Богуславской: неизученные источники русской художественной эмиграции	330
<i>Чернова А. Е.</i> Мотив странствий в поэме Николая Туроверова «Легион»	343
<i>Сафонова Е. А.</i> Тема любви в лирике Ирины Одоевцевой	354

<i>Гарциано С. А.</i> Маргиналии как источник изучения культурного сознания русского зарубежья: заметки к теме	364
<i>Левицкая Т. В.</i> Роман Н. А. Оцупа «Беатриче в аду»: люди тридцатых годов на фоне дантовского ада	379
<i>Исаева Е. И.</i> Изгнание в психологическом аспекте: концепция личности в прозе Гайто Газданова.....	386
<i>Куприянова Т. Ф.</i> «Где ты, страждущая душа, моей родная? Что там развеяно, по мирам угасшим?!».....	391
<i>Жужгина-Аллахвердян Т. Н.</i> Максимилиан Волошин и русская эмиграция	400
<i>Столетова А. С.</i> История трансформации уклада деревенской жизни в повести А. Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т. К. Чугуновым	412
<i>Кшондзер М. К.</i> Эмиграция как текст жизни и текст творчества Иосифа Бродского.....	420
<i>Ланда Т. Ю.</i> Язык драмы XXI века – варианты, эксперименты, искушения (на примере творчества Владимира Сорокина)	430
<i>Фомин Э. В.</i> Архив поэта в эмиграции	436
<i>Новокрещенова И. Н.</i> Ларисса Андерсен – поэтическая «душа» русского Харбина.....	439
<i>Черникова Л. П.</i> Феномен восточной эмиграции в Китае и проблема диалога культур	444

От редколлегии

Содержание сборника «Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность» составили статьи, подготовленные авторами к Международной научной конференции, проведение которой планировалось в Будапеште на апрель 2020 года. Объективные обстоятельства, в связи с которыми мы приняли вынужденное решение о переносе конференции, тем не менее не помешали авторам собраться в этом издании под одной обложкой и представить полноформатные статьи в рамках обозначенной темы.

В книге отражены достижения всех сфер гуманитарного знания в исследовании миграционных процессов, изучении историко-культурного опыта различных этнонациональных диаспор эмиграции в разных странах, отраженного в художественном творчестве, повседневной жизни, документах и судьбах. Это позволило представить феномен эмиграции как культурный текст, воплощенный в знаковых явлениях исторического плана, творческих биографиях, образах и символах литературы и искусства.

Два основных направления сборника реализованы в следующих разделах:

– Проблемное поле эмигрантологии: методы, подходы, интеллектуальная и культурная история, национальные коды. В рамках этого направления авторы обращаются к теоретико-методологическим аспектам феномена эмиграции, современным миграционным процессам, жизни и деятельности национальных диаспор в современном мире, материалам эмигрантской периодики и архивов, экономическим, религиозным, социальным и правовым аспектам эмиграции.

– Русское зарубежье: историческая память и художественный опыт. Раздел посвящен столетию «Русского (Крымского) исхода» (1920), ставшего трагическим завершением национальной катастрофы и одновременно началом рождения уникального историко-культурного феномена – Зарубежной России.

Здесь помещены материалы, посвященные феномену русской эмиграции: это спектр ее жизни и деятельности в разных странах, художественно-эстетический опыт ее представителей, их судьбы, отраженные в документах и устных свидетельствах.

Редколлегия благодарит всех авторов, приславших свои статьи для публикации, и выражает надежду на дальнейшее сотрудничество.

I. Проблемное поле эмигрантологии: методы, подходы, интеллектуальная и культурная история, национальные коды

Андрей Владимирович Попов,

кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, г. Москва, insatiable@fryazino.net

УДК 930.2

Теоретико-методологические аспекты исследований российского зарубежья и феномена эмиграции

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам феномена русского зарубежья и эмиграции. Цель статьи – обобщить состояние современного научного знания в исследовании теории и методологии феномена эмиграции. В статье рассматриваются объект и предмет исследований, а также теоретические и методологические проблемы истории русского зарубежья, перспективы дальнейших исследований. Статья адресована историкам, архивистам и другим исследователям, интересующимся проблемами российской истории и русского зарубежья.

Ключевые слова: теория и методология исторических исследований, объект исследования, предмет исследования, периодизация истории российского зарубежья, историография истории российской эмиграции.

Andrey Popov

Candidate of Sciences in History, associate professor,
Russian State University for the Humanities, insatiable@fryazino.net

Theoretical and methodological aspects of the phenomenon of Russian emigration

Abstract. The article is devoted to the theoretical and methodological aspects of the phenomenon of Russian emigration. The aim of the article is to generalize modern scientific studies related to the theoretical and methodological phenomenon of emigration. The article considers the object and the subject of the research as well as the theoretical and methodological problems of the history of Russian emigration and the prospects for further research. The article is intended for historians, archivists and other researchers interested in the problems of Russian history and Russian emigration.

Keywords: theory and methodology of historical research, object of research, subject of research, periodization of history of Russian emigration, historiography of history of Russian emigration.

Одной из первых попыток сформулировать достижения и обозначить проблемы в изучении феномена российской эмиграции был доклад академика Е. П. Челышева, прозвучавший в сентябре 1993 г. на Международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции». Спустя год материалы конференции были опубликованы.

В своем докладе Е. П. Челышев обозначил укоренившееся сейчас деление истории российской эмиграции на волны: «Послереволюционное существование российской эмиграции обычно расчленяется на три периода, или, как иногда говорят, на три волны. Определение временных границ между ними в достаточной степени условно. Первым обычно считается период между двумя мировыми войнами; второй с 1945 до конца шестидесятых годов (время перемещенных лиц “второй волны” и второго, родившегося за рубежом эмигрантского поколения); третьим – период после 1970 года, когда начался, а потом все более усиливался современный исход россиян на Запад» [1, с. 5]. Выделил он и наиболее интересный для исторической науки период в истории российской эмиграции: «Наибольший интерес для науки представляет первый период, еще недостаточно осмысленный и малознакомый...» [1, с. 5].

Е. П. Челышев констатировал появление в рамках российской гуманитарной науки нового направления – исследование культурного наследия российской эмиграции. Цель новой исторической дисциплины, которую сейчас часто называют эмигрантоведением или эмигрантологией, он видел в комплексном и междисциплинарном рассмотрении всех обстоятельств, в которых развивалась русская культура за рубежом.

Им было высказано чрезвычайно важное положение о том, что культура русского зарубежья является частью единой целостной системы – русской национальной культуры.

Е. П. Челышев считал, что открытие ранее неизвестных архивов и документов создает благоприятные предпосылки для становления и дальнейшего развития нового научного направления – изучения культурного наследия российской эмиграции. Главной задачей нового научного направления, по мнению Е. П. Челышева, является не только академический интерес, но и «оздоровление российского общества, преодоление в нем негативных тенденций: беспредельного эгоизма, вседозволенности...» путем обращения к гуманистическим, нравственным истокам национальной культуры, сохраненным за рубежом. Вместе с тем он предостерегал от идеализации российской эмиграции.

Многие положения фундаментального доклада академика Е. П. Челышева сохраняют актуальность и в наши дни. Сохранила свою актуальность предложенная им периодизация истории российской эмиграции. Аксиоматическим стал тезис о единстве русской культуры метрополии и диаспоры, выросшей из одного общего корня – единой русской культуры.

Тезисы, изложенные в докладе академика Е. П. Челышева, развивает доктор исторических наук, сотрудник Центра по истории Российского зарубежья Института истории России РАН Г. Я. Тарле. В своем докладе «История российского зарубежья: термины; принципы периодизации» она обращает внимание на то, что «распространенным является словосочетание “русская эмиграция”, применяемое практически для всех периодов ее истории ко всем без исключения выходцам из бывшей царской России, из Советской России и из СССР. На наш взгляд, точнее понятие “российская эмиграция”, отражающее пестроту этнических групп выходцев из России, обосновавшихся в зарубежных странах в качестве эмигрантов» [2, с. 19]. Для обозначения разнообразных групп выходцев из России, которые по разным причинам жили или живут за пределами своей страны, Г. Я. Тарле предлагает более универсальный термин «российское зарубежье». Важным представляется тезис Г. Я. Тарле о том, что объективное исследование истории российского зарубежья возможно только при рассмотрении его как составной части мировых миграционных процессов.

Российский исследователь истории эмиграции Е. И. Пивовар также считает, что серьезное изучение истории эмиграции должно опираться на междисциплинарность. При этом, как пишет Е. И. Пивовар, важнейшими смежными науками для историка эмиграции, без которых невозможно строить исследование, являются прежде всего: «...этнология, антропология, социология; при обращении к проблематике русского зарубежья дополнительно требуется привлечение географии, юриспруденции, сравнительной лингвистики, психологии и других дисциплин» [3, с. 17].

Вместе с тем целый ряд теоретических и методологических проблем остался неисследованным. Новый вызов для историков, в том числе историков российского зарубежья, представляет современная информационная реальность, характеризуемая небывалым информационным обеспечением исторической науки, доступностью архивной и другой информации, в том числе online. Как это ни парадоксально, данные факторы могут и затруднять поиск информации: информационные потоки, сопровождаемые информационным шумом, настолько интенсивны и велики по объему, что затрудняют поиск и верификацию информации, способствуя информационной энтропии.

Для историков русского зарубежья первичным (после наличия познающего субъекта) является объект как фрагмент реальности, избранный историком для исследования.

На наш взгляд, несмотря на длительный период изучения истории российского зарубежья четкого, однозначно принимаемого большинством исследователей определения объекта на сегодняшний день не существует. Большинство исследователей определяют его как «русское/российское зарубежье» или «зарубежную Россию», понимаемую как «русская/российская диаспора», иногда – «социокультурный феномен». Некоторые историки полагают, что использование понятия «русское зарубежье» автоматически дает внятное представление об объекте исследований – русской диаспоре. Так, например, считает Т. П. Тетеревлева [4, с. 9].

М. Раев определяет объект исследований эмигрантоведов как «общество в изгнании». Он считает, что формированию общества в изгнании способствовали два фактора. Во-первых, за рубежом присутствовали все слои дореволюционного русского общества. Во-вторых, «эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь». «Эмигранты воспринимали себя как представители единого общества, а Русское Зарубежье – как свою страну», пишет М. Раев [5, с. 15–16]. Хронологические рамки существования «общества в изгнании» М. Раев определяет как период с середины 1920-х гг. до 1945 г. По его мнению, 1945 год стал концом истории России за рубежом.

Рассмотрение взглядов М. Раева не приближает нас к определению объекта исследований историков российской эмиграции, ведь он, как и многие другие авторы, использует четыре термина: «общество в изгнании», «Россия за рубежом», «русское зарубежье», «русская диаспора».

К. Гусефф в книге «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)», не называя объекта исследования, называет предметом исследования истории российской эмиграции «зарубежную Россию», определяемую ею как «история одной диаспоры». К. Гусефф обращает внимание на то, что история эмиграции вначале создавалась силами самих эмигрантов. Эта особенность наложила отпечаток на все последующие исследования и историографию российской эмиграции. К. Гусефф отвергает идею «непреодолимой особенности» русской эмиграции, считая это предрассудком. При этом она добавляет, что «у предрассудков существует собственная история» [6, с. 12]. Главным недостатком прошлой и сегодняшней историографии российского зарубежья она считает «господство культурного подхода», при котором «зарубежная Россия» воспринимается российскими авторами как «светлое пятно» на фоне мрачного советского XX века. Характеризуя французскую историографию истории иностранцев во Франции, которая сделала за последние

тридцать лет значительные успехи (в том числе были опубликованы фундаментальные, обобщающие труды), К. Гусефф отмечает, что история русских во Франции занимает маргинальное и незначительное место среди французских сюжетов исследований диаспор и миграций.

Директор Франко-российского центра общественных и гуманитарных наук Алексис Берелович во многом разделяет позицию К. Гусефф. Выступая в Москве на международной конференции «Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом», он обратил внимание на преувеличение значения российской эмиграции для мировой культуры, характерное для российских участников конференции. По его мнению, главным критерием для определения этого значения является определение влияния российских эмигрантов на культуру принимающей страны. Алексис Берелович считает, что для Франции и других стран эта роль «была не так существенна, как полагают сегодня в России, и что все-таки осталась маргинальной» [7, с. 66].

Оценивая статью А. Береловича в предисловии к сборнику материалов конференции, руководитель Федерального архивного агентства В. П. Козлов писал: «Она (статья) – одна из первых в настоящем сборнике – конечно же отрезвляет. Мысль о ничтожной роли “третьей волны” российской эмиграции в интеллектуальной жизни Франции, на первый взгляд кажется противоречащей всему духу проведенной конференции и публикуемому по ее материалу сборнику статей, особенно если учесть, что “первая волна” нашей эмиграции все же оставила в той же Франции, не говоря о других странах мира, ручеек идей и дел, к которому западные интеллектуалы припадали не раз в безумные межвоенные годы. Тем не менее, с аргументацией Береловича все же приходится согласиться» [8, с. 7].

Возможно, что одним из первых термин «эмигрантология» ввел в научный обиход польский ученый Люциан Суханек – на XII Международном Конгрессе славистов в Кракове, прошедшем в 1998 г. Люциан Суханек, не касаясь темы влияния российской эмиграции на польскую культуру, отмечает интерес к ней в польских научных центрах. Он пишет: «В славистских, особенно в россиеведческих исследованиях важное место занимает эмигрантология. Это интердисциплинарная область знаний, охватывающая наследие и письменность эмиграции в области таких наук, как история, культурология, литературоведение, философия и политическая мысль, языкознание, религиоведение, история искусства и другие... В россиеведческих эмигрантологических исследованиях важное место принадлежит работам по философии и общественно-политической мысли. В Польше они появлялись в основном в двух центрах – лодзинском и краковском; оба они выпускают серии трудов по русской философии. В поль-

ской эмигрантологии появились книги, посвященные Николаю Бердяеву, Семену Франку, Сергию Гессену, есть книги, посвященные евразийству. Взгляды русских эмигрантских мыслителей (Г. Федотов, Федор Степун, Николай Лосский, Василий Зеньковский, Лев Карсавин) были представлены также в собирательных трудах» [9, с. 18].

Суждения зарубежных ученых заставляют нас задуматься над трудными вопросами. Может быть, мы действительно преувеличиваем роль и значение российской эмиграции, выделяя ее среди других миграционных процессов и эмиграций.

На наш взгляд, понятие «русское/российское зарубежье» шире, чем «зарубежная Россия». Зарубежной России сейчас не существует.

Следует помнить, что первичным является объект исследования (более широкое понятие), вторичным – предмет исследования, в котором выделяется определенное свойство объекта исследования. Некоторые исследователи русского зарубежья не видят разницы в этих понятиях, отождествляя предмет и объект исследования. Но различие объекта и предмета исследования не только в том, что объект шире предмета. С гносеологической точки зрения объект выступает как нечто данное, независимое от познающего субъекта, в то время как предмет, хотя и обуславливается природой объекта, но формируется субъектом на основе накопленного знания об объекте исследования.

Современная историческая наука предпочитает разделять объект и предмет исследования в каждом направлении исследований. Объект может быть многопредметен и рассматриваться разными направлениями/областями изучения русского зарубежья с разных точек зрения, а также с разными задачами.

Понятие объекта шире, им охватываются явления внешнего мира, на которые распространяется познание и практическое влияние субъектов, людей.

Предмет же – это часть, сторона, тот или иной конкретный аспект исследуемого историком объекта, это круг наиболее существенных вопросов, которые он изучает. То есть предмет истории русского зарубежья – часть объекта, определенный его аспект, исследуемый в каком-либо конкретном случае.

Если объект выступает, как правило, общим для всех исследователей русского зарубежья, то предметы научных направлений или областей отдельных историков могут не совпадать. Любая область в изучении русского зарубежья имеет характерный только для нее предмет, которым и определяется уникальность и особенность того или иного направления истории русского зарубежья, его отличие от других направлений внутри «эмигрантоведения».

Собственно история русского зарубежья как научная дисциплина или одна из областей исторической науки по своей структуре соответствует исторической науке в целом. Важнейшими частями истории русского зарубежья, как и исторической науки в целом, являются историография, источниковедение, археография, история зарубежной России, методология научного познания.

При изучении русского зарубежья практически не используется большинство вспомогательных исторических дисциплин. Ограниченно используется архивоведение: только в плане изучения архивной россики и архивов русского зарубежья. Как и историческая наука в целом, история русского зарубежья имеет свои области исследований, направленные на изучение конкретных проявлений истории русского зарубежья: социальная история, военная история, экономическая история, история культуры, православного зарубежья, науки, история искусств, история отдельных периодов в истории русского зарубежья (дореволюционной и послереволюционной эмиграций, различных волн эмиграции). Как и в исторической науке, в истории русского зарубежья присутствует не только хронологическое разделение предмета, но и географическое. Например, изучение русского зарубежья на различных континентах, в странах, регионах и даже городах.

Если посмотреть на формулу специальности «Отечественная история» (07.00.02), то мы увидим 25 областей исследований. Фактически все они присутствуют в областях исследования русского зарубежья, преломленные не на историю России в целом, а на историю русского зарубежья:

- научная периодизация истории России;
- предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности;
- социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития;
- история взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов;
- история международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития;
- история повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе ее развития;
- история развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности;
- военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития;
- история общественной мысли и общественных движений;

- национальная политика Российского государства и ее реализация.

История национальных отношений;

- социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны;
- история развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов;
- история взаимоотношений государства и религиозных конфессий;
- история политических партий России;
- исторический опыт российских реформ;
- история российских революций;
- личность в российской истории, ее персоналии;
- исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества;
- история развития российского города и деревни;
- история семьи;
- история экономического развития России, ее регионов;
- интеллектуальная история России;
- история Великой Отечественной войны;
- Россия в крупнейших международных конфликтах;
- история государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

В значительной мере это относится и к искусствоведению, включающему следующие отрасли науки:

- теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия;
- театральное искусство;
- музыкальное искусство;
- кино-, теле- и другие экранные искусства;
- изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура;
- хореографическое искусство;
- техническая эстетика и дизайн;
- теория и история искусства;
- теория и история культуры;
- музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Если для истории объект – люди и время, а предмет – эволюционирование социальности, то объектом научной дисциплины (направления в

отечественной истории) «История русского зарубежья», по всей видимости, является «русская/российская диаспора».

Существует множество определений диаспоры в целом и российской/русской диаспоры в частности. Так или иначе, все они включают характерные особенности диаспоры, то есть те особенности, которые делают сообщество иностранцев за рубежом диаспорой. В первую очередь, это наличие как минимум двух субъектов – метрополии и диаспоры. Это необходимое условие, но его недостаточно. Для существования диаспоры нужна среда ее существования, не обязательно враждебная, но другая. Именно в такой среде и рождается миф об исторической родине, формируется и поддерживается ностальгическое отношение к ней. В свою очередь, для поддержания такого мифа в коллективной/исторической памяти необходимы усилия (как, собственно, и для консервации памяти, как и для служения Родине). Это выражается в создании архивов, музеев, библиотек, системы образования новых поколений, в традициях диаспоры, в продолжении русских традиций в искусстве, науке и в широком смысле в культуре в целом. При этом этническая принадлежность членов диаспоры играет незначительную роль. Следует отметить, что в истории русского зарубежья существует целое направление – изучение диаспоры. Условно его можно отнести к теории истории русского зарубежья [10, с. 104–107; 11, с. 27–35; 12, с. 207–236].

Важно подчеркнуть, что в охарактеризованном выше контексте понятие «диаспора» применимо только к русскому зарубежью в целом. Не вполне корректны употребления термина «диаспора» для обозначения общности русских в одной стране или одном регионе, а также для обозначения любой другой общности в зарубежье, кроме этнокультурной (например, «церковная/научная/эмигрантская диаспора»).

Объект и предмет исследования как категории научного процесса соотносятся между собой как общее – частное. В объекте выделяется та его часть, которая служит предметом исследования. Структура предмета Истории русского зарубежья детерминирована структурой объекта, но эта детерминация не является жесткой. Структура предмета относительно самостоятельна. Основными элементами этой структуры выступают, во-первых, история развития науки об изучаемом объекте; во-вторых, существенные свойства, а также законы развития русского зарубежья; в-третьих, методология, используемая в процессе сепарирования объекта (формирования предмета познания). Таким образом, предметом Истории русского зарубежья является круг вопросов, касающихся объекта, исследуемого конкретным направлением истории русского зарубежья. То есть предмет – это отдельные стороны объекта, то, что непосредственно изучает данное направление/область.

В самом общем смысле под методологией понимается система методов, используемых в некоторой области деятельности. В контексте философского исследования методология – это, прежде всего, учение о методах научной деятельности, общая теория научного метода. Ее задачи заключаются в исследовании возможностей и перспектив развития соответствующих методов в ходе научного познания.

Методология науки стремится упорядочить, систематизировать методы, установить пригодность их применения в различных областях. Методология науки представляет собой теорию научного познания, исследующую познавательные процессы, происходящие в науке, формы и методы научного познания. В этом смысле она выступает метанаучным знанием философского характера.

Историки русского зарубежья используют:

1) общелогические методы, применяемые в любом акте познания и на любом уровне (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, аналогия, абстрагирование);

2) методы эмпирического исследования, применяемые на эмпирическом уровне исследования (наблюдение, эксперимент, описание, измерение, сравнение);

3) методы теоретического исследования, применяемые на теоретическом уровне исследования (идеализация, формализация, аксиоматический, гипотетико-дедуктивный и т. д.);

4) методы систематизации научных знаний (типологизация, классификация).

Важнейшей научной дисциплиной для историков русского зарубежья, конечно, остается источниковедение. Источниковедение – это самостоятельная область знания, наука об источниках. Она разрабатывает специфические теоретико-познавательные проблемы, имеющие фундаментальное значение. Для историков русского зарубежья источниковедение важно еще и тем, что дает им в руки инструменты – аналитический анализ и синтез.

Необходима исследователям русского зарубежья и классификация источников. На наш взгляд, наиболее интересна классификация источников, предложенная С. М. Каштановым:

- вещественные;
- звуковые;
- кинетические (пантомимы и др.).

Каждый из этих типов делится на два подтипа:

- явления и произведения природы;
- проявления и результаты деятельности человека.

Следует добавить, что нельзя смешивать понятия «источник» и «документ» (данное смешение сегодня, увы, стало весьма популярным): документ – это правовой источник ~ акт.

Перспективы исследований истории русского зарубежья наиболее исчерпывающе отражает тематика Нансеновских чтений – авторитетной международной научной конференции, посвященной изучению феномена эмиграции. Напомним основные темы Нансеновских чтений, проведенных в 2007–2020 гг.:

I: Проблемы адаптации русской эмиграции к иноязычному, иноконфессиональному и инокультурному окружению, 2007 г.

II: Проблемы идеологического взаимодействия и противостояния русской эмиграции и метрополии, 2008 г.

III: Вторая волна эмиграции, ее предпосылки, процесс формирования и специфика, 2009 г.

IV: Русская эмиграция. Первая половина XX в. Итоги изучения, 2010 г.

V: Частная жизнь русской эмиграции первой волны. Повседневность, 2012 г.

VI: Русская школа за рубежом: прошлое и настоящее, 2014 г.

VII: Русское зарубежье в поисках будущего России, 2016 г.

VIII: 100-летие возникновения исторического феномена зарубежной России, 2018 г.

IX: Русское зарубежье: мифы и реальность, 2020 г.

Одна из конференций была целиком посвящена проблемам истории «второй волны» эмиграции, на других обсуждали отдельные проблемы или темы в истории российского зарубежья: школу, адаптацию, повседневность, политические концепции, представления эмигрантов о будущем России и др. Была проведена конференция, целиком посвященная обсуждению итогов изучения эмиграции в России. Тематика Нансеновских чтений свидетельствует, что тематика исследований по истории российского зарубежья в основном соответствует общим трендам исторической науки. Доклады, представленные на этой конференции в разные годы, позволяют очертить круг задач, стоящих перед исследователями.

В задачи исследования истории русского зарубежья входят: оценка достигнутого уровня знаний о зарубежной России; обобщение результатов ведущихся исследований; выявление и обсуждение научных точек зрения о зарубежной России, ее проблем, недостаточно исследованных или не исследованных вовсе, а также анализ выводов и сложившихся представлений, требующих пересмотра.

Российские эмигранты смогли воссоздать за рубежом институты и проявления жизни дореволюционной России. Конечно, это не был слепок

со старой России. Получилось нечто иное, что принято называть русским зарубежьем. Если говорить о наполнении русского зарубежья, его формах, то следует отметить следующие компоненты: система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, широкая сеть издательств и органов периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, балет, живопись, кино, литература, музыка, театр), сложившаяся инфраструктура русских зарубежных архивов, музеев, библиотек и др.

Отдельная большая тема – русская наука и русские ученые за рубежом, их вклад мировую науку. Нельзя забывать и о российской православной диаспоре за рубежом, русских церквях различных юрисдикций. История русского зарубежья – это часть истории России. Именно поэтому в истории русского зарубежья присутствует почти вся проблематика, все направления и области исторических исследований, существующие в поле отечественной истории.

Начиналось всё в первую очередь с исследований политической эмиграции еще в XIX в. После прихода большевиков к власти эта тенденция получила свое дальнейшее развитие, выраженное в изучении истории партии, в том числе и эмигрантского периода ее деятельности, в возвращении партийных архивов из-за рубежа, что наиболее ярко проявилось в деятельности ИМЭЛ и ЦПА.

После крушения СССР изучение российского зарубежья, освобожденное от идеологических пут, получило новый толчок и развитие. Первоначально это выразилось в переиздании произведений эмигрантских писателей, поэтов, публикации источников. Затем появились и монографические исследования, различные справочники: энциклопедии, словари, библиографические указатели и др.

Особняком стоит тема зарубежной архивной россики и архивов русского зарубежья, разрабатываемая уже более тридцати лет в Историко-архивном институте РГГУ [13, с. 218].

Следует отметить, что тема архивной россики самым тесным образом связана с архивоведением, с его теорией и методологией. Проблема архивной россики – это специфическая проблема отечественного архивоведения.

На наш взгляд, неправомерно говорить о конце истории, конце изучения русского зарубежья. Исследования в этом направлении продолжатся во всех жанрах и направлениях. С одной стороны, будет продолжаться публикация источников, различных справочников и т. д. С другой стороны, продолжатся исследования по всей проблематике истории русского зарубежья: истории политической, региональной, истории литературы, науки, культуры и искусства и т. п.

При исследовании российского зарубежья, как и при других исторических исследованиях, нельзя забывать и об этических нормах научного сообщества исследователей русского зарубежья, которые представляют собой совокупность четырех основных ценностей:

- универсализм (истинность научных утверждений должна оцениваться независимо от расы, пола, возраста, авторитета, званий тех, кто их формулирует);

- общность (научное знание должно свободно становиться общим достоянием);

- незаинтересованность, беспристрастность (ученый должен искать истину бескорыстно; вознаграждение и признание необходимо рассматривать лишь как возможное следствие научных достижений, а не как самоцель; необходимо понимание широко распространенного явления – научной конкуренции, заключающейся в стремлении ученых получить научный результат быстрее других, конкуренции отдельных ученых и научных коллективов за получение грантов, государственных заказов и т. д.);

- рациональный скептицизм (каждый исследователь несет ответственность за оценку качества того, что сделано его коллегами; он не освобождается от ответственности за использование в своей работе данных, полученных другими исследователями, если он сам не проверил точность этих данных, то есть в науке необходимо, с одной стороны, уважение к тому, что сделали предшественники, а с другой стороны, скептическое отношение к их результатам).

Шведский теоретик и методолог исторического знания Рольф Тоштендаль предлагает свои, близкие к вышеизложенным критериям требования к этике историков:

- «1. Не выступать с противоречивыми утверждениями или утверждениями, ведущими к противоречиям.

2. Придерживаться одного предмета в одном исследовании, чтобы результаты исследования были связаны именно с ним.

3. Представлять основания для утверждений в эмпирической форме, которая допускает контроль других специалистов» [14, с. 219].

Безусловно, тему российского зарубежья нельзя закрыть, как нельзя закрыть или изучить любую страницу из истории России. При этом, на наш взгляд, все-таки следует задаться вопросом: если большинство исследователей считают, что зарубежная Россия, просуществовав недолго, умерла, то живо ли еще русское зарубежье? Не является ли оно только объектом изучения историков?

Список использованной литературы

1. Чельшев Е. П. Предисловие // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 : в 2 кн. Кн. 1 / под общ. ред. Е. П. Чельшева и Д. М. Шаховского. М. : Наследие, 1994. С. 5–14.
2. Тарле Г. Я. История русского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 : в 2 кн. Кн. 1. М. : Наследие, 1994. С. 16–24.
3. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М. : РГГУ, 2008. 545 с.
4. Тетеревлева Т. П. Пореволюционное русское зарубежье, его центры и периферия: теоретические аспекты междисциплинарных исследований // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2005. № 1. С. 5–15.
5. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / предисл. О. Казниной ; пер. А. Ратобильской. М. : Прогресс-академия, 1994. 294 с.
6. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с фр. Э. Кустовой. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 321 с. : ил.
7. Берелович А. «Эмиграция третьей волны» и ее роль во Франции // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом : материалы междунар. науч.-практ. конф. 29–30 октября 2003 г. М. : РОССПЭН, 2005. С. 65–68.
8. Козлов В. П. Вступительное слово // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом : материалы междунар. науч.-практ. конф. 29–30 октября 2003 г. М. : РОССПЭН, 2005. С. 7–8.
9. Суханек Л. Россиеведение и эмигрантология. Новые формы исследований и дидактики в польской славистике // Новая русистика = *Nová rusistika*. Международный журнал современной филологической и ареальной русистики. Brno, 2012. Supplementum. С. 17–21.
10. Еханурова И. Р. Теоретические подходы к определению понятия «диаспора» // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2011. № 6. С. 104–107.
11. Тишков В. А. Где и когда российская диаспора? // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. : сб. статей. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2001. С. 27–35.
12. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки 3(121). М. : Наука, 2000. С. 207–236.

13. Попов А. В. Русское зарубежье и зарубежная архивная россика // Новый журнал = NewReview. Нью-Йорк, 2003. № 230. С. 217–245.

14. Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание / пер. с англ. А. Ю. Серегиной. М. : Новый хронограф, 2014. 346 с.

Александр Алексеевич Пронин,

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Россия, г. Екатеринбург, ro.pronin2015@yandex.ru

УДК 001

**Библиометрический метод исследования диссертаций
по истории российской эмиграции:
когнитивные возможности в историографическом дискурсе**

Аннотация. Статья содержит рассказ об основных результатах проведенного и опубликованного автором в 2019 г. монографического исследования, в котором предложен библиометрический подход к проведению историографических исследований, дана его подробная характеристика, определены достоинства и недостатки (границы применимости), осуществлена апробация, для чего впервые в историографии предпринята попытка библиометрического анализа диссертаций по теме «российская эмиграция», защищавшихся в РСФСР/РФ за 37 лет (1980–2016 гг.) и охватывающих советский и постсоветский временные отрезки.

Ключевые слова: библиометрия, диссертации, российская эмиграция, российское зарубежье, эмигрантоведение, диссертациеведение.

Alexander Pronin

Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Leading Researcher,
Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Russia, Ekaterinburg,
ro.pronin2015@yandex.ru

**Bibliometric method of dissertation research on the history
of Russian emigration: cognitive capabilities
in historiographic discourse**

Abstract. The article contains an account of the main results of the monographic study conducted and published by the author in 2019, which proposes a bibliometric approach to the conduct of historiographic research, gives its detailed description, identified advantages and disadvantages (Limits of applicability), testing was carried out, for which purpose for the first time in historiography an attempt was made to bibliometric analysis of theses on the topic "Russian emigra-

tion," defended in the RSFSR/Russian Federation for 37 years (1980–2016) and covering Soviet and post-Soviet time segments.

Key words: bibliometry, dissertation, Russian emigration, Russian abroad, emigrants, dissertation.

В изданной «Директ-Медиа» в 2019 г. монографии «Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2016 гг.» нами предложен науко- и библиометрический подход к проведению историографических исследований, дана его подробная характеристика, определены достоинства и недостатки (границы применимости), осуществлена апробация, для чего впервые в историографии предпринята попытка библиометрического анализа диссертаций по теме «российская эмиграция», защищавшихся в РСФСР/РФ за 37 лет (1980–2016 гг.) и охватывающих советский и постсоветский временные отрезки, в результате которой установлены и систематизированы доминирующие тенденции развития отечественной гуманитарной науки в части осмысления ею проблем истории российской эмиграции и доказано появление эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике, изучена динамика его развития, определено отраслевое «ядро» эмигрантоведческих исследований и смежные с ним отрасли науки, показаны темпы их развития, определены перспективы дальнейших исследований истории российской эмиграции и российского зарубежья [1]. Ниже дается характеристика принятого исследования.

Выделим два аспекта актуальности данной темы: научно-теоретический и социально-практический. В научно-теоретическом плане тема представляется актуальной ввиду принципиально инновационной постановки исследовательской проблемы. Впервые в отечественной науке мы ставили задачу разработать и апробировать методику применения библиометрического метода в изучении значительного массива диссертаций по проблемам российской эмиграции. Все три основные составляющие проблемы, которые можно обозначить ключевыми словами: библиометрический метод, диссертации, эмиграция, – являются актуальными.

Во-первых, проблема использования библиометрии в историографическом научном дискурсе. По нашему убеждению, библиометрический метод, интегрированный с общенаучными и специальными методами познания, способен выявлять базовые количественные характеристики больших информационных массивов, трансформируя количественный анализ до степени качественного аналитического осмысления, фундаментального теоретического уровня.

Во-вторых, обращение к библиометрическому анализу именно диссертаций представляется особо актуальным. Любой исследователь начинает путь в науке с подготовки квалификационных работ, а именно – с

кандидатских и докторских диссертаций. В этих текстах формируется базовая проблематика исследований, выявляются и вводятся в научный оборот новые исторические источники, апробируются новые методы исследования, формулируются важные теоретические обобщения и закладываются основы научных школ. При этом в отечественной историографии никогда прежде не уделялось пристального внимания изучению именно диссертаций как особого вида исторического и историографического нарратива.

Мы дерзнули обозначить принципиальное новое направление в историографии – изучение диссертаций с помощью библиометрического метода по определенной проблематике. Причем в поле нашего внимания были включены не только диссертации и авторефераты диссертаций, но и статьи и монографии, созданные авторами диссертационных исследований. Мы рассмотрели диссертации во всем многообразии их проблематики и репрезентации этой проблематики в пространстве отечественной науки, показали информативную ценность и значение научного потенциала диссертаций как индикатора развития гуманитарных и общественных наук по определенной и актуальной проблематике.

В-третьих, в своем исследовании мы обратились к библиометрическому анализу диссертаций по истории российской эмиграции. История российской эмиграции является многомерной научной проблемой, изучением которой активно занимаются представители различных гуманитарных и общественных наук. В настоящее время представляется крайне важно обобщить накопленный учеными опыт в специальном историографическом исследовании.

Социально-практическая актуальность исследования следующая. Исследование проблем истории российской эмиграции в старом зарубежье позволит уяснить механизм конфликтных ситуаций и будет способствовать их урегулированию в новом зарубежье, изучение закономерностей адаптации эмигрантов к новым условиям жизни поможет прогнозированию поведения современных многочисленных мигрантов в России и за ее пределами. Вторая причина имеет когнитивный характер и состоит в необходимости изучения большого творческого наследия эмигрантов, которое имеет исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического развития России в условиях становления новой инновационной экономики, интегративных процессах по собиранию Русского мира как особого метафизического и социокультурного феномена.

Библиометрический метод как способ познания диссертационных исследований по истории российской эмиграции. Мы акцентируем внимание на системном анализе диссертаций и их авторефератов различных научных специальностей, посвященных проблеме изучения российской

эмиграции и российского зарубежья (эти дефиниции раскрываются нами далее). Диссертации и их авторефераты рассматриваются в тесной связи с другими видами научных работ (книгами и статьями) эмигрантоведческого характера – как простые монодокументы, обладающие определенной структурой (титул и оборот титула как источники сведений об авторе, теме исследования, названии ученой степени, на соискание которой представлена диссертация, шифре и наименовании специальности в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников, названии организации, где состоялась защита, месте и годе написания диссертации (выпуска автореферата); текст как законченное словесное произведение; система цитат и ссылок, несущих информацию о межтекстовых связях и источниковой базе работы; и др.).

Предмет исследования: когнитивные возможности библиометрического анализа историографического нарратива, на примере изучения диссертаций по истории российской эмиграции.

Цель исследования: разработка методики применения и апробация библиометрического метода при анализе массива диссертаций 1980–2016 гг. по истории российской эмиграции, а также выявление доминирующих тенденций развития отечественной науки по осмыслению проблем российской эмиграции, репрезентированных в диссертационных исследованиях.

В основу нашего исследования положен *библиометрический метод* познания, интегрированный с иными общенаучными и специальными методами. В данной интеграции видится *междисциплинарный подход* нашего исследования, который расширяется благодаря включению в сферу анализа всего комплекса диссертаций, объектом которых выступает российская эмиграция, не только по историческим, но и философским, филологическим, педагогическим, юридическим, политологическим и многим другим отраслям науки.

Традиционно считается, что историография – сфера не количественного, а качественного анализа, поэтому количественные методы не могут здесь найти применение. Однако значительное расширение источниковой базы и стремительное проникновение в гуманитаристику новых способов обработки информации обусловили использование нами статистических и математических приемов и операций, позволяющих получить новое знание. Нами используются достижения *библиометрии* как одного из разделов наукометрии – области науковедения, зародившейся в середине XX в. и занимающейся статистическими исследованиями структуры и динамики массивов и потоков научной информации. Применение формальных процедур измерения данных служит повышению объективности знания и дает дополнительную возможность ответить на вопрос о том, насколько гипо-

теза нашего исследования (появление эмигрантоведения как нового направления отечественной гуманитаристики) может быть верифицируема, насколько она соответствует данным и, соответственно, должна быть принята или отклонена.

Автор данной работы А. А. Пронин на протяжении двух десятилетий прилежно исследует диссертации различных научных областей и специальностей, посвященные российской эмиграции, что является, по нашему скромному убеждению, принципиально новым направлением в историографии. Начиная с кандидатской диссертации, защищенной в 2001 г. в УрО РАН по специальности 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторических исследований [2], мы рассмотрели диссертации во всем многообразии их проблематики и репрезентации этой проблематики в пространстве отечественной науки, показали значение научного потенциала диссертаций как индикатора развития гуманитарных и общественных наук по определенной актуальной теме, показали связи диссертаций с явлением научных школ [3]. Тем самым привлечено внимание ученых к такому кругу источников исторического знания, как диссертации. Именно нами в 2001 г. была предложена практика применения в историографическом исследовании библиометрического метода анализа диссертаций. На основе предложенной нами методологии в 2007 г. библиометрический анализ диссертаций по тематике российского зарубежья был предпринят Е. В. Панковой, причем автор назвала нас первопроходцем [4]. В 2011–2019 гг. библиометрический подход к анализу именно диссертационных исследований был применен в публикациях историка И. А. Сизовой (2011 г.), культурологов С. А. Кретовой (2015 г.) и А. В. Пронькиной (2016 г.), географа Д. В. Власова (2017 г.), документоведа Е. А. Плешкевич (2019 г.), причем формулировки названий опубликованных ими статей очень напоминают наши. Исследования этих и других авторов целиком основываются на предложенной нами методологии, более того, их прочтение недвусмысленно указывает на знакомство с нашими текстами, однако ссылки на наши идеи в них редкость.

По нашему убеждению, интерес к диссертациям, к диссертационной истории, к диссертационной культуре будет лишь возрастать в научном сообществе, да и не только в научном, о чем свидетельствуют реалии современности. Наверное, примеров можно приводить много, начиная с «казуса Мединского» и заканчивая упорной работой так называемого «Диссернета». Позиция ВАК по ужесточению требовательности к новым диссертациям в данном контексте представляется вполне обоснованной и своевременной.

В последние десять лет библиометрия стала признанным современным подходом к оценке развития науки. Сегодня она используется для

выявления новейших тенденций исследовательских интересов, оценки и сравнения исследовательской и публикационной активности преподавателей и ученых, высших учебных заведений и исследовательских институтов, научно-образовательного потенциала регионов, научных сообществ, результативности научных исследований, поддерживаемых грантодателями научных проектов и эффективности конкурсного финансирования, как метод анализа и оценки состояния книгоиздания, инструмент оценки значимости научных журналов, способ идентификации научных направлений и научных школ, методологическая и инструментальная основа мониторинга развития и информационной поддержки российской науки.

Очевидно, что в условиях постоянного увеличения скорости и объемов публикаций (объема информации) в масштабах планеты, получившего название «информационного взрыва», роль наукометрического инструментария в изучении происходящих в научно-исследовательской сфере процессов будет день ото дня расти, а значит, будет увеличиваться и число работ, осмысливающих методику применения библиометрии. Если в 2010 г. в Научной электронной библиотеке elibrary.ru работ, посвященных использованию библиометрии в научных исследованиях, насчитывалось пара десятков, то в начале 2020 г. таковых насчитывается уже более 600, причем большая их часть опубликована во втором десятилетии XXI в. Однако библиометрический метод исследования диссертаций мы предложили и апробировали первыми, наглядно показав во множестве общедоступных публикаций его когнитивные возможности в историографическом дискурсе и обрета последователей.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1980–2016 гг. Нижняя граница исследования (1980 г.) обусловлена логикой развития исторической науки: во второй половине 1970-х гг. вышли знаковые монографические работы, в которых затрагивались вопросы деятельности постреволюционной эмиграции. Однако первые диссертации (а именно они являются объектом нашего исследования) были защищены только в начале 1980-х гг. Конечная граница исследования – 2016 г. (наши дни).

Методом сплошного просмотра нами были изучены государственные библиографические указатели «Книжная летопись. Дополнительный выпуск. Авторефераты диссертаций» (1981–1992 гг.), «Летопись авторефератов диссертаций» (1993–2014 гг., с 2015 г. – «Авторефераты диссертаций») и установлен круг авторефератов диссертаций по теме «российская эмиграция», отпечатанных в РСФСР/России в 1980–2016 гг., которые впоследствии были заказаны. Установив с помощью главным образом «Летописей» круг авторефератов, мы на следующем этапе отбора источников смогли выйти уже на сами диссертации (из этого вида документов нас интересовали преимущественно работы историков). Отбирались лишь

авторефераты диссертаций, в которых, насколько можно было судить по названиям, рассматриваются – главным образом либо частично – именно эмигрантский отрезок жизни и деятельности лица, культурное наследие, созданное им в эмиграции. При знакомстве непосредственно с текстами заказанных авторефератов круг отобранных источников незначительно скорректировался. Отобранные диссертации и авторефераты составили две базы: в одной нами были собраны все диссертации по проблемам эмиграции в разных гуманитарных науках, в другой – выборка исключительно исторических работ. Первая база представляет научный контекст. Вторая база – объект нашего историографического анализа. Мы не ставили целью анализировать диссертации по иным научным направлениям (да и не смогли бы это сделать), поскольку занимаемся именно историографией.

Принципиальная научная новизна исследования состоит в постановке и специфике решения сформулированных исследовательских задач и заключается в следующем:

- выявлены когнитивные возможности библиометрии в историографическом исследовании, что позволило на основе системы науко- и библиометрических показателей охарактеризовать отраслевой и квалификационный состав диссертаций по истории эмиграции из России (распределение по степеням, отраслям науки и специальностям научных работников), динамику защит, деятельность центров изучения российского зарубежья (города и организации, где состоялись защиты, научные школы историков-эмигрантоведов), выявить характерные особенности и тенденции изучения российской эмиграции на разных исторических этапах отечественной истории; доказана эффективность использования библиометрии для анализа корпуса диссертационных исследований, посвященных феномену эмиграции;

- осуществлен комплексный историографический анализ диссертационных исследований и связанных с ними научных работ различной гуманитарной направленности с использованием количественных и качественных способов познания, что позволило: установить все выявленные отечественными исследователями причины эмиграции и основные регионы исхода; идентифицировать специфику эмиграции различных этнических и этносословных групп, установить способы адаптации эмигрантов, выявленные отечественными исследователями в диссертационных работах и иных научных трудах; установить специфику феномена российского православного зарубежья, отмеченную в научном дискурсе эмигрантоведческой направленности; осветить вопросы образовательной, издательской и музейной деятельности эмигрантов, отраженные в научных исследованиях отечественных историков; выявить имена предста-

вителей российского зарубежья, деятельность которых оказалась в поле научного интереса отечественных гуманитариев.

1. Библиометрический метод является эффективным способом исследования историографического материала. Научно- и библиометрические методики, апробированные в настоящей работе, зарекомендовали себя как эффективные инструменты изучения историографии российской эмиграции и российского зарубежья. С их помощью выявлены направления и темпы развития эмигрантоведческой области; динамика исследовательского интереса; вклад отдельных регионов, организаций, авторов в развитие эмигрантоведения; интенсивность работы научных центров (включая научные школы); интегративные связи между отраслями науки и рассматриваемыми ими проблемами; и др.

В исследовании были установлены пределы применения библиометрического метода. Вне границ применимости библиометрии располагаются смысловые параметры научных текстов, поскольку измерению библиометрическими способами поддаются лишь формализованные источники. Вместе с тем мы показали, что интеграция библиометрического метода с традиционными методами анализа историографических документов (историографический анализ научных текстов) позволяет эффективно проводить системный и комплексный анализ исторического и историографического материала.

2. В нашей работе впервые с помощью библиометрического метода, интегрированного с общенаучными и специальными методами исследования, представлена исчерпывающая характеристика существующей «историографии историографии», т. е. историография истории изучения российской эмиграции. Сделан вывод, что историография российской эмиграции находится в стадии своего становления. Ввиду отсутствия исторических трудов, посвященных третьей и четвертой волнам послеоктябрьской эмиграции, историографы сосредоточились на первой послеоктябрьской волне, оказавшейся наиболее интересной в историческом отношении, а также эмиграции дореволюционной (главным образом политической). Среди рассмотренных историографами вопросов – периодизация и методология истории изучения эмиграции из России, история изучения пребывания российской эмиграции в регионах исхода, деятельность эмигрантских объединений, социальных групп и институциональных структур. Набирает силу «персоналистское» направление историографии. Все это свидетельствует о том, что накопленное исследователями конкретно-историческое знание, отражением которого являются названные работы, обретает зримую проблемно-тематическую структуру.

3. С помощью библиометрических показателей нами установлена динамика и сущностные характеристики основных этапов изучения российской эмиграции.

В 1980–1993 гг., годы советской власти, изучение российской (советской) эмиграции фактически сводилось к исследованию теоретического наследия и деятельности за рубежом представителей русской революционной эмиграции (Г. В. Плеханов, П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин, Н. П. Огарев, П. Н. Ткачев, А. И. Герцен, Г. А. Лопатин), творчества российских композиторов-эмигрантов (С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский), созданных в эмиграции произведений советских писателей М. Горького и А. Н. Толстого. Как справедливо отмечается рядом исследователей, доминирование в работах советских историков идейно-политических мотивов мешало превращению истории российского рассеяния в подлинно гуманитарную науку, т. е. такую науку, где, по определению, объектом изучения являются человек и его культура.

В перестройку и последующие годы возобладало мнение, что осмысление большого творческого наследия эмигрантов будет иметь исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического возрождения России в условиях становления новой государственности и выбора вариантов общественного развития.

С начала 1990-х гг. популярными в ученой среде стали имена писателя И. А. Бунина, философов Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. Шестова. Обусловленный утратой теоретической базы отечественной исторической науки – марксизма – ее методологический кризис заставил исследователей обратиться к теоретическим конструкциям российских ученых, оказавшихся после 1917 г. за рубежом, рассмотрению их исторических и историко-философских концепций. С середины 1990-х гг. одновременно с ростом числа имен эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций, начинается изучение эмиграции как явления.

В первом десятилетии XXI в. непредвзятое изучение российского зарубежья стало одной из актуальных задач современной науки; эмиграция превратилась из запретной темы в новую отрасль гуманитарного знания. Ажиотаж вокруг темы эмиграции, ее культурного наследия, своего рода мода, каковую мы отмечали в начале 1990-х гг., уступили место спокойной, кропотливой («академичной») исследовательской работе – закономерный этап эволюции любого нового научного направления. Главный итог всех сделанных в последние десятилетия научных изысканий состоит в признании российской эмиграции составной частью единой российской культуры – хранительницей ее лучших традиций, а истории эмиграции – составной частью социальной истории Российского государства.

4. Осуществив комплексный анализ историографического материала, мы констатируем появление в конце XX – начале XXI в. *эмигрантоведения* как нового общественно значимого научного направления в отечественной гуманитаристике, развивавшегося ускоренными темпами. Развитие каждого научного направления проходит ряд последовательных этапов, которые были нами выявлены и осмыслены применительно к истории изучения российской эмиграции: интенсивный выход в свет статей в периодических и продолжающихся изданиях (этап зарождения, связанный с высоким общественным интересом к теме); следующий этап связан с более глубоким и всесторонним исследованием проблемы на фоне частичного снижения общественного интереса к ней – в результате в документопотоке уменьшается количество оперативных публикаций и нарастает число монографий, диссертаций и иных работ, отличающихся аналитической глубиной, универсальностью и фундаментальностью содержания. Для дальнейшего развития научного направления характерно уже появление учебников и справочников, аккумулирующих в себе устоявшееся, апробированное знание. На наш взгляд, в первом десятилетии XXI в. эмигрантоведение переживало именно эту фазу развития, свидетельством чему – нарастание потока учебных изданий. В последующие годы оно превратилось в затухающее направление гуманитарной науки.

5. Мы выявили возрастающий интерес историков разных регионов и научных школ к диссертациям как особому виду научных произведений, который содержит множество науковедческих, библиометрических, документоведческих сведений и дает представление о направлениях развития научной мысли, о темах, которые находятся в центре внимания, позволяет признать научно-квалификационные работы историографическим феноменом, требующим специфической методики своего изучения. Большое количество публикаций разнообразных жанров, наблюдаемое в последние годы, посвященных концепту диссертационной культуры и российской эмиграции в диссертациях, позволяет говорить о становлении *диссертациеведения* как нового направления в отечественной исторической науке, объектом познания которого являются диссертации.

Изучение проблем становления, развития и современного состояния исторической науки в части осмысления ею проблем эмиграции из России проведено в теоретическом, источниковедческом, методологическом и историографическом измерениях.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что:

– разработан и апробирован алгоритм использования библиометрического метода в его интеграции с общенаучными и специальными методами познания (прежде всего специально-исторических, а также методов математической статистики, библиографоведения, информатики, наукометрии) в изучении историографического материала;

– проанализирован многомерный процесс становления и развития историографии (включая историографию историографии) всех волн российской эмиграции как совокупности диссертационных и иных работ, обобщающих систему накопления исторических знаний об эмиграции, изменение методик ее изучения. Собранный историографический материал систематизирован по кругу рассматриваемых вопросов. Сделаны выводы, обобщающие содержание накопленного историографами материала;

– доказано появление эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике, изучена динамика его развития, определено отраслевое «ядро» эмигрантоведческих исследований и смежные с ним отрасли науки, показаны темпы их развития;

– установлены и систематизированы политико-идеологические и организационно-научные факторы, оказывающие влияние на развитие историографического процесса, в результате чего российское эмигрантоведение изучено как явление, порожденное условиями исторического развития государства и общества;

– определены динамика, базовые проблемы, научные школы и перспективы дальнейших исследований истории российской эмиграции и российского зарубежья.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается следующим:

– разработана и апробирована методика применения библиометрического подхода к проведению историографических исследований, определены возможности и пределы его применения;

– привлечено внимание научного сообщества к такому кругу источников исторического знания, как диссертации, которые, по сложившейся традиции, мало используются в научных трудах исследователей.

Список использованной литературы

1. Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2016 гг. : монография : в 2 т. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. Т. I. 489 с. Т. II. 533 с.

2. Пронин А. А. Российская эмиграция в современной историографии : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. А. Пронин. Екатеринбург, 2001. 284 с.

3. Пронин Александр Алексеевич // Известные ученые : эл. энциклопедия. URL: <https://famous-scientists.ru/11750> (дата обращения: 02.04.2020).

4. Панкова Е. В. Библиометрический анализ диссертационных исследований по тематике русского зарубежья // Берега: информ.-аналит. сб. о рус. зарубежье. СПб., 2007. Вып. 7. С. 90–98.

Алла Александровна Акишина,

кандидат филологических наук, профессор, Академия труда и социальных отношений, Россия, г. Москва, akishina26@gmail.com

Анатолий Викторович Тряпельников,

кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, tryapelnikov@yandex.ru

УДК а811.161.1 а378

Диалог культур: роль кибертекстов в приобщении мигрантов к культуре новой для них страны

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена роли культурных институтов диаспор в пространстве «другой культуры». А поскольку одним из важнейших институтов диаспор являются институты обучения языку страны, куда приехали эмигранты, то проблемы преподавания иностранного языка становятся злободневными и для этих институтов. Авторы сообщают о новом учебном типе мультимедийного текста, который ими назван кибертекстом, а образ, передаваемый этим текстом, – киберобразом; кибертекст облегчает эмигрантам вхождение в «чужую» для них культуру. Анализируются особенности строения данного учебного кибертекста и его педагогическая значимость. Рассматриваются уже существующие виды текстов (текст, гипертекст, интертекст) и место кибертекста в ряду этих типов. Освещается роль кибертекстов в формировании у учащихся современной картины мира изучаемого языка.

Ключевые слова: текст, медиатекст, гипер-, интер-, кибертекст, киберобраз, использование ресурсов, Интернет, каналы восприятия, педагогическая ценность, мигранты, критический барьер, эмоциональное воздействие.

Alla Akishina

Honorary doctor Mongeral, PhD. philologist. Professor, Academy of Labor and Social relations, Russia, Moscow, akishina26@gmail.com

Anatoly Viktorovich Tryapelnikov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, RUDN University, Russia, Moscow, tryapelnikov@yandex.ru

Dialogue of cultures: the role of cyber-texts in introducing migrants to the culture of a new country for them

Abstract. The proposed report is dedicated to the “role of the cultural institutions of the diasporas in the space of a “different culture”. And since one of the most important institutions of the diaspora is the language teaching institutes of the country to which the emigrants arrived, the problems of teaching a foreign language become topical for these institutions as well.

The authors report on a new educational type of multimedia text, which they called cyber-text, and the image, transmitted by this cyber-text-cyber-image, and which makes it easier for emigrants to enter a "foreign" culture for them. The authors analyze the features of the structure of this educational cybertext and its pedagogical significance. Already existing types of texts (text, hypertext, intertext) and the place of cybertext among these types are considered. The role of cybertexts in the formation of students' modern worldview of the studied language is Keywords: text, media text, Hyper-, inter-, cyber-text, cyber-image, use of resources, Internet, channels of perception, pedagogical value highlighted.

Keywords: text, media text, Hyper-, inter-, cyber-text, cyber-image, resource use, Internet, perception channels, pedagogical value, migrants, critical barrier, emotional impact.

Сегодня в иноязычном образовании особенно значим принцип диалога культур, так как требования сегодняшнего дня – это умение жить в обществе среди людей разных вероисповеданий, языков, различных культур и быть толерантным, понимать и принимать чужие обычаи, уважать представителей других культур. Считается, что нет раздельно языка и культуры, язык есть органическая часть культуры. Факты языка – это те же факты культуры. Именно поэтому диалог культур становится первоочередной задачей преподавания чужого языка.

Потребность в иноязычном образовании в диалоге культур на иностранном языке возникает как у людей, которые эмигрируют из своей страны в другие страны, на новые места своего проживания, так и у тех, кто временно переезжает в чужую страну в поисках работы. Так образуются во многих развитых странах диаспоры эмигрантов-соотечественников в пространстве «другой для них культуры». И если у одних эмигрантов потребность иноязычного образования насущная, острая проблема, то у других, временно работающих в чужой стране, эта потребность значительно ниже, а иногда даже отсутствует. Но и в этом случае проблемы взаимопонимания, социального взаимодействия в языковой культурной среде только усугубляются, поскольку пренебрежение к языку в его культурном пространстве воспринимается как неуважительное отношение «к стране и обществу в целом». «Небрежное отношение к языку, по словам Ю. В. Рождественского, говорит о небрежности отношения к стране и обществу в целом» [1].

Язык – это ключ к успешной интеграции в новое общество. Язык – это средство, помогающее проникнуть в ментальность народа, познать его культуру. Успешное обучение второму языку предполагает овладение и культурой страны.

Однако, преподавая эмигрантам, изучающим второй язык и неродную для них культуру, мы часто не учитываем, как отмечает методист Е. И. Пассов, того, что «готовность воспринимать чужое (чуждое!) не яв-

ляется естественным свойством человека. Наоборот – биологически человеку свойственна ксенофобия», возникают проблемы взаимопонимания, менталитета, взаимоотношений культуры и языка [2].

Преподавание неродного языка эмигрантам только с позиций языка не отвечает в полной мере современному принципу коммуникативного обучения в диалоге культур. Недостаточно знакомить учащихся со страноведческой информацией, давать знания о сходстве и различии культур. Только осознание ценностей чужой культуры, признание прав других традиций, уважение к чужой культуре является сегодня целью обучения неродному языку.

А для этого необходимо эмоциональное отношение к чужой культуре, не настороженное, не нейтральное, а заинтересованное, эмоционально пережитое. Настало время, и появились возможности создания новых видов эмоционально воздействующих учебных текстов. С одним таким видом текста на материале русского языка и русской культуры авторы знакомят читателей этой статьи. Эти тексты ими названы кибертекстами, а образ, передаваемый этим текстом, – киберобразом.

Что же мешает эмигрантам быстро адаптироваться и легко освоить новую для них культуру той страны, в которую они приехали? Конечно, незнание языка. Знание языка, умение общаться открывают большие возможности для знакомства со страной.

Но новый язык дается нелегко. Основы языка, то, что называют «языком выживания», мигрант выучил и бросил. Почему?

Причина этому – критический барьер: *«Здесь все не мое, не привычное для меня, чуждое, здесь и воздух не тот, и люди не те, и говорят они не так, и язык у них не такой музыкальный, как мой, и все здесь не мое»*. И замыкается человек в себе и своем кругу, отгораживается от всего чужого, прячется, как черепаха в свой панцирь [3].

Как помочь снять критический барьер?

О критическом барьере, который мешает человеку влиться в новую для него среду и выучить иностранный язык, много говорят психологи, а болгарский ученый Георгий Лозанов [4] разработал метод, как помочь снять критический барьер, который мешает быстро и успешно принять новую языковую среду и выучить иностранный язык, – это, в первую очередь, подключение эмоциональных способов воздействия. И одним из способов такого эмоционального воздействия является, по нашему мнению, разработанный нами новый учебный вид текста, КИБЕРТЕКСТ.

Кибертекст – это такой вид цифрового текста, который собирается из разных текстов, находящихся в киберпространстве: словесный текст, видео-, аудиотекст, живописное полотно, фотография, музыкальное произ-

ведение и т. д. При этом формируется и новый образ, названный нами киберобразом.

Как всякий текст, кибертекст имеет смысловую связанность, целостность, завершенность, но это не последовательность символов, типичная для любого текста (в словесном тексте – слов и предложений, в музыке – звуков или нотных символов, в живописи – красок, форм, линий, в кинематографии – монтажа и т. д.), а поликодовый текст, набор текстов с разными символами (словесными, звуковыми, кинематографическими), но связанных одной темой и единым художественным образом. На рис. 1 мы показываем пример, как выглядит кибертекст «А. С. Пушкин».

Рис. 1. Кибертекст «А. С. Пушкин» в свернутом виде [4]

Собирание кибертекста условно можно сравнить с созданием картины-инкрустации, когда из мелких деталей разной окраски и формы делается картина с задуманным автором художественным образом, и этот образ возникает в результате соединения множества деталей. То же самое мы наблюдаем при создании витражей и собирании пазлов, хотя все это и происходит в другой среде и с другими целями.

Кибертекст – это принципиально новая текстовая организация, новая образная архитектура. Это лаконичный обобщенный сплав словесного и образно-эмоционального восприятия мира, который стал возможен благодаря информационно-техническому прорыву.

Известно, что мир образов – это чувственное представление определенной идеи. Кибертекст, как любой иной текст, передает смысл, то важное и существенное, что хотят донести авторы своим подбором текстов. А поскольку авторы кибертекстов опираются на тексты, представленные в киберпространстве, они, хотят этого или не хотят, отражают точку зрения на явления массового потребителя цифрового поля. Авторское видение явления, отражающее обобщенное понимание этого явления носителями языка, – это и есть художественный образ кибертекста.

Киберобраз, как любой художественный образ, является замыслом автора, воплощённой автором главной, обобщающей идеи, переданной не

только вербальным текстом, но и зрительно-слуховыми текстами: музыкой, кадрами кинофильмов, полотнами художников, фотографиями и др. [6, с. 267–274].

Киберобраз принимает чувственно воспринимаемые формы, экспрессивно воздействуя на эмоции пользователей (читателей, слушателей, зрителей). Киберобраз максимально ёмок, обобщен, типизирован, экспрессивен, самодостаточен, лаконичен. Это сближает его с образами текстов художественных произведений и воздействует на эмоционально-экспрессивном уровне.

Благодаря киберобразу, действующему на пользователя на экспрессивно-эмоциональном уровне, кибертекст легко воспринимается людьми, даже плохо владеющими языком страны. Таким образом, кибертекст является прекрасным учебным текстом, рано знакомящим учащихся с литературой, искусством, историей страны, язык которой ими изучается.

На рис. 1 можно увидеть, что кибертекст состоит из фрагментов, это миникибертексты, перечислим их в приведенном выше кибертексте:

1. А. С. Пушкин – единственная творческая личность, именем которого названа эпоха. Портреты Пушкина, цитата А. Ахматовой о пушкинской эпохе, фрагмент лекции о А. С. Пушкине, увертюра к опере «Руслан и Людмила» М. И. Глинки.

2. Важнейшие исторические события этого периода: Отечественная война 1812 г. на фоне музыки М. И. Глинки из оперы «Иван Сусанин», восстание декабристов. Фрагмент лекции «Пушкин и декабристы». Цитаты из стихотворений Пушкина. Полотна художников, отражающих эти события.

3. Пушкинская Москва. «Москва, как много в этом звуке...» Видеофрагмент биографии А. Пушкина.

4. Пушкинский Петербург. «Люблю тебя, Петра творенье». Фрагменты из видеофильмов о Пушкине.

5. Семья, друзья и современники А. С. Пушкина (композиторы, художники, писатели и их произведения). Видеофрагменты из документальных фильмов о Пушкине.

6. Гибель поэта и рождение нового поэта М. Ю. Лермонтова («Погиб поэт, невольник чести...»). Фрагменты из видеофильмов о Пушкине.

7. Пушкинское стихотворение «Памятник». Стихи даются в аудиозаписи. Включены фрагменты из документальных фильмов-лекций и из художественных видеофильмов о Пушкине

Приведём пример одного из мини-кибертекстов «Пушкинский Петербург», который в свою очередь тоже состоит из множества кадров: памятные места, связанные с именем поэта (лицей, Невский проспект, театр, место дуэли, последняя квартира поэта), семья поэта (рис. 2).

Рис. 2. Пример мини-кибертекста и кадров к нему, входящих в этот кибертекст

С нашей точки зрения, кибертекст – тот вид учебного текста, который необходим в методике преподавания неродных языков и, в частности, русского языка как неродного в свете современного подхода к изучению языка в диалоге культур. Кибертексты обладают сильной эмоциональной образностью, благодаря художественному образу, который закладывается авторами кибертекста подборкой фрагментов, а также тем, что кибертекст воздействует на все органы чувств одновременно – музыка, аудио-, видео-, что облегчает понимание, усвоение и принятие текста. И при этом все лаконично, компактно и понятно.

При включении кибертекста в обучение языку мы исходим из того, что нет языка без культуры изучаемого языка и не будет успеха в освоении культуры без владения языком изучаемой культуры. Язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны – это место сопряжения физического, духовного и социального. И поэтому знание истории, культуры и обычаев народа, язык которого изучается, в сравнении с собственной культурой, с нашей точки зрения, обязательно. Наш принцип: язык через культуру, культура через язык [7]. И наш кибертекст «А. С. Пушкин» с его киберобразом «Пушкин – наше все» как учебный текст для обучения иностранному (в нашем случае – русскому как иностранному языку) знакомит мигрантов не только с поэтом, но и с его ролью в жизни каждого русского человека, с национальным концептом «Пушкин» в русской культуре.

Что же значит для носителей русского языка и культуры имя Александр Сергеевич Пушкин? Мы произносим имя ПУШКИН и подразумеваем наличие таких смыслов:

Пушкин – имя известного русского поэта, писателя и драматурга.

Пушкин – основоположник русского литературного языка: мы говорим и пишем сегодня языком Пушкина и отмечаем международный день русского языка в дату рождения поэта – 6 июня.

Пушкин – его литературные произведения, которые мы слушаем и читаем с детства («Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотой рыбке», «Руслан и Людмила» и др.), изучаем в школе («Евгений Онегин», «Я вас любил», «Моцарт и Сальери», «Станционный смотритель», «Капитанская дочка», «Борис Годунов» и т. д.).

Пушкин – это герои его произведений, с которыми мы сроднились (Татьяна Ларина, Владимир Ленский, Дубровский, Руслан и Людмила, Лукоморье, кот ученый, 33 богатыря, три сестрицы под окном, золотая рыбка и разбитое корыто, Черномор и др.).

Пушкин – это строки его поэзии, которые мы цитируем, не задумываясь об авторстве («и растет царевич там не по дням, а по часам», «я памятник себе воздвиг нерукотворный», «мы все учились понемногу», «но я другому отдана» и многие-многие другие).

Пушкин – это музыка и живопись, созданные по произведениям писателя.

Пушкин – это потомок рода Ганнибалов с интересной родословной и внешностью, с яркой биографией: выпускник первой группы лицеистов, человек, защитивший честь жены Натали и погибший на дуэли, друг декабристов, современник писателя Н. В. Гоголя, композитора М. В. Глинки и художника К. П. Брюллова.

Пушкин – это образы русской природы, которые сегодня мы сверяем с пушкинскими строками: «Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало, / Короче становился день»; «Ложился на поля туман», «Мороз и солнце, день чудесный» и др.

Пушкин – это эмоциональный, темпераментный, остроумный, находчивый человек, автор многих эпиграмм.

Оригинальность личности А. С. Пушкина отразилась в многочисленных анекдотах о нем. Пушкин в них прежде всего поэт. В народных и историко-литературных анекдотах он чаще всего изъясняется стихами или репликами, близкими к стихам. «Это обычно истории об остроумном литераторе, чье слово сражало, как выстрел на дуэли – или как козырная карта за карточном столом».

Пушкин – это «Мы с Пушкиным спасли страну». Есть в Интернете трогательные воспоминания и стихи о значении для людей имени А. С. Пушкина и его поэзии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. под общим названием «Мы с Пушкиным спасли страну»: «Неправда,

будто на войне / Смолкает голос муз. / На фронте с Пушкиным вдвойне / Был крепок наш союз».

Эти строки написала Вера Михайловна Инбер, с первого до последнего дня находившаяся в осажденном Ленинграде [8].

О том, что имя Пушкина вошло в русское сознание, говорят многие исследователи, изучающие пушкинское мифотворчество [9, с. 245], стихи и высказывания о Пушкине:

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! –
Могущественные слова!...
Есть имена, как солнце! Имена –
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном, в любые времена!»

(И. Северянин) [10]

«*Пушкин* – солнечный центр» нашей истории, – писал философ И. Ильин.

Определяя роль А. С. Пушкина в русской истории, И. Ильин в своих многочисленных работах о Пушкине как поэте, историке и философе утверждал, что величие Пушкина в том, что он пророчески указал жизненную цель русскому народу – душевную свободу. Он «сам дышал этой свободой и потому стал русским национальным учителем, путеводной звездой русской культуры» [11].

Пушкин – это «Мой Пушкин».

Его имя оторвалось от стихов, от сути – давно «продаётся» отдельно: «Пушкин» – самолёт «Аэрофлота» (Boeing 777-300), ресторан «Пушкин», институты, аэропорты, библиотеки, конфеты «Онегин», гостиницы «Онегин», клубы «Онегин», реклама «Майский чай – Пушкин» и т. д.

Все события, связанные с именем поэта (место его рождения и проживания, встречи с друзьями, имена родственников), цитаты из его произведений, которые подчас даже не осознаются как цитаты, имена героев его произведений, да и само имя Пушкин вошли в русскую речь в виде нарицательных слов.

Все эти прецедентные тексты (крылатые слова, аллюзии, интертексты), пушкинизмы, восходя к пушкинскому слову, занимают особое место в языковом сознании современного носителя русского языка, в его культурной памяти, о чем свидетельствует «Русский ассоциативный словарь», который фиксирует в качестве реакции на многие стимулы пушкинизмами, например: *тяжела ты, шапка Мономаха; наука страсти нежной; охота к перемене мест; мы все глядим в Наполеоны* и многие другие [12]. А по свидетельству авторов «Словаря крылатых выражений А. С. Пушкина», 1900 выражений из разных произведений А. С. Пушкина, в том числе

400 из «Евгения Онегина», находятся сегодня в употреблении [13]. Как писал Л. Рубинштейн, «Пушкина рвут на куски. А он рвется легко, безо всяких травм, главное, ничуть не теряя собственной целостности. Ибо он не монолит. Он – вопреки классической формулировке – не солнце русской поэзии, а скорее воздух и атмосфера» [14]. Эти прецедентные тексты действуют на эмоциональную сферу личности, проникая в языковое сознание человека бессознательно.

Итак, Пушкин – это «наше всё» (А. Григорьев).

Как все эти «заместители» русской культуры, включенные в одно имя «А. С. Пушкин», передать иностранцу единым образом, единым контекстом? Как дать иностранцу понять значение имени Пушкин для русского человека? Это, конечно, можно сделать через любой вербальный текст, перечислив значение поэта в русской литературе и в становлении русского литературного языка. Но как дать почувствовать связь русских людей с его именем так, как её чувствует носитель русского языка, когда говорит: «мой Пушкин», «я выросла на пушкинских сказках», «когда мне трудно, я перечитываю стихи Пушкина»?

И в этом случае нам сможет помочь кибертекст, тот новый вид учебного текста, который вот уже несколько лет авторы этой статьи продвигают в учебный процесс вместе с термином, который они предлагают. Именно кибертекст, который собирается в киберпространстве и представляет собой мозаику, собранную из множества самых различных текстов, способен передать как единый образ – «Пушкин – наше все».

Авторами данной статьи созданы ММ комплексы с кибертекстами по русской истории и культуре с VIII по XXI в., пособия для детей «Природа и музыка» по развитию речи, а также разработаны технологии их использования на занятиях и во внеурочное время.

Познакомиться с этими материалами можно по ссылкам:

– авторский образовательный ресурс «АТМОСФЕРА» (<https://www.atmos-sfera-edu.ru>),

– открытые образовательные ресурсы на сайте кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ФГСН РУДН (<http://ryimk.ru/node/126>),

– канал на YouTube <https://www.youtube.com/channel/UCJjCnkovp3ki7dUVZ0nI9VQ>

Список использованной литературы

1. Ю. В. Рождественский. URL: <https://omiliya.org/article/horosh-li-russkiy-yazyk-yu-v-rozhdestvenskiy> (дата обращения: 04.04.2020).

2. Пассов Е. И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты (Статья вторая). URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_237(дата обращения: 04.04.2020).
3. Стресс и ненависть в эмиграции: 4 стадии адаптации в новой стране. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15978-stress-i-nenavist-v-emigratsii-4-stadii-adaptatsii-v-novoy-strane>(дата обращения: 04.04.2020).
4. Лозанов Г. Суггестология. София, 1971.
5. Акишина А. А., Тряпельников А. В. Мастерская: русский язык через историю и культуру России. URL: <https://atmos-sfera.ru/atmosfera.html> (дата обращения: 04.04.2020).
6. Акишина А. А., Тряпельников А. В., Шипелевич Л. О новом типе учебного текста для изучающих иностранные языки // Человек, сознание, коммуникация, Интернет : материалы VI Международ. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира»: 22–25 мая 2014 г. Лёвен, 2014. С. 267–274.
7. Тряпельников А. В., Акишина А. А. Вызовы XXI века: поликодовые мультимедийные тексты // Материалы VI Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20–23 марта 2019 г.). URL: <https://www.twirpx.com/file/2795565/> (дата обращения: 04.04.2020).
8. Мы с Пушкиным спасли страну. Вокруг книг. URL: http://vokrugknig.blogspot.com/2015/06/blog-post_9.html (дата обращения: 04.04.2020).
9. Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2001. 245 стр.
10. Северянин И. URL: <https://rustih.ru/igor-severyanin-lyubov-rossiya-solnce-pushkin/> (дата обращения: 04.04.2020).
11. Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ilin/prorocheskoe-prizvanie.htm> (дата обращения: 04.04.2020).
12. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6. М. : Российская академия наук, 1994–1998.
13. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Изд-во СПбГУ ; Фолио-Пресс, 1999. 747 с.
14. Цит. по: Cernjak V.D. Revue des etudes slaves, vol. 71. No. 3/4 les freres de serapion of les voies de la literature Russe du XXe siècle.199. p.797-800. URL: https://www.jstor.org/stable/43271312?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 04.04.2020).

Мария Владимировна Кротова,

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, mary_krot@mail.ru

УДК 94(47).084.9

**Русская эмиграция в архивных документах
фонда Советского комитета по культурным связям
с соотечественниками за рубежом**

Аннотация. Статья посвящена уникальным источникам по истории русской эмиграции 1960–1970-х гг. – документам фонда Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В них нашли отражение настроения эмиграции первой и второй волн, свидетельства раскола внутри русской диаспоры, деятельность некоторых эмигрантских организаций, отношение их к СССР и попытки взаимодействия. Особый интерес представляет переписка Комитета с отдельными эмигрантами, в частности с Г. П. Чеботаревым.

Ключевые слова: русская эмиграция, СССР, Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, 1960–1970-е гг., Г. П. Чеботарев, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Mariya Krotova

Doctor of Sciences in History, Professor, St. Petersburg State University of
Economics, Russia, Saint-Petersburg, mary_krot@mail.ru

**Russian Emigration in Archival Documents of the Foundation of the
Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad**

Abstract. The article is devoted to unique sources on the history of Russian emigration in the 1960s – 1970s-documents of the Foundation of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad from the State archive of the Russian Federation (GARF). They reflect the mood of emigration of the first and second waves, evidence of a split within the Russian Diaspora, the activities of some emigrant organizations, their attitude to the USSR and attempts to interact. Of particular interest is the correspondence of the Committee with individual emigrants, in particular, with G. P. Chebotarev.

Keywords: Russian emigration, USSR, Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad, 1960s – 1970s, G. P. Chebotarev, State archive of the Russian Federation (GARF).

Период существования русской эмиграции 1960–1970-х гг. не часто становится предметом исследования. Тем ценнее архивные свидетельства о деятельности русской эмиграции в послевоенный период, сохранившиеся в фонде Р-9651 «Советский комитет по культурным связям с соотече-

ственников за рубежом» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). История этой организации еще не воссоздана в полной мере. Известно лишь, что в 1955 г. в Берлине не без участия советских спецслужб был организован «Комитет за возвращение на Родину» под председательством генерала Н. Ф. Михайлова (с 1959 г. «Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками»), который начал активно устанавливать контакты с эмигрантами, в основном, второй волны, с целью возвращения их в СССР. Отзывы об этой организации среди эмигрантов были большей частью отрицательными, к ней относились с большим подозрением. В брошюре «Комната № 6» приводились свидетельства о контактах эмигрантов с Комитетом, подробности о письмах под диктовку, искупления вины «патриотической» деятельностью и проч. [1] Тогда же в Берлине начала выходить газета «За возвращение на Родину» (с 1960 г. – «Голос Родины»), которую издавал Комитет. Газета распространялась в 83 странах и предназначалась для русских эмигрантов. Целью газеты было создание благоприятного образа Советского Союза и критика антисоветских эмигрантских организаций.

Однако Берлинский кризис 1961 г. привел к тому, что Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками изменил свое название и цели: в 1963 г. в Москве был образован «Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом» (далее – Комитет), аналогичные комитеты были созданы в союзных республиках, в Берлине осталось представительство Комитета. Главными задачами Комитета стали «активизация патриотического движения среди перемещенных советских граждан и эмигрантов»; установление контактов с «прогрессивными организациями» эмигрантов и «оказание практической помощи им в работе»; «усиление среди соотечественников пропаганды советской действительности, воспитание у них чувства патриотизма и любви к Советской Родине»; «разоблачение враждебной деятельности антисоветских и националистических эмигрантских организаций и их главарей, отрыв из-под их влияния колеблющейся и заблуждающейся части эмиграции» [2, л. 1].

Документы фонда Р-9651 ГАРФ (2 описи, 848 дел) имеют свою специфику – это протоколы заседаний Комитета, отчеты о работе, записи бесед с приезжавшими в СССР в 1960–1970-х гг. эмигрантами, справки, характеристики на отдельных людей и организации. Особенно ценной является переписка с эмигрантами и русскими организациями из США, Канады, Австралии, Латинской Америки, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Австрии, Германии, Финляндии, Норвегии, Швейцарии (опись 2, 547 дел). В этих письмах нашли отражение настроения эмиграции первой и второй волн, свидетельства раскола внутри русских колоний

разных стран, деятельность некоторых эмигрантских организаций, отношение их к СССР и попытки взаимодействия.

Переписка с соотечественниками и приглашение их в Советский Союз за счет Комитета использовались для «активизации патриотического движения» среди русской эмиграции и в пропагандистских целях. Адреса члены Комитета узнавали через репатриантов, эмигрантов или из справочников (например, из отрывного ежегодного календаря Н. Н. Мартьянова, известного в русской Америке издателя), посылали по этим адресам газеты и журналы. Как правило, получив печатные издания Комитета, эмигранты, возможно, из вежливости, благодарили за присланные материалы в ответном письме, и таким образом завязывались контакты. В письмах члены Комитета апеллировали к «чувству русского человека», интересам Родины. Однако в переписке заметны и практические задачи Комитета – выявление настроений внутри русской диаспоры, группировок и антисоветских организаций и пропагандистская работа. В письмах члены Комитета часто просили прислать материалы – воспоминания, статьи, художественные произведения для газеты «Голос Родины». Так, в письме от 14 июня 1960 г. эмигранту первой волны, участнику Гражданской войны, полковнику И. С. Ильину в Швейцарию член Комитета В. П. Дегтярев замечал: «Нашу переписку мы могли бы построить на взаимно интересующих вопросах в плане развития культурных связей с соотечественниками», предлагал прислать «воспоминания о прожитых годах на чужбине, осмысленные в свете успехов нашей Родины и ее неустанной заботы о сохранении мира, роста культуры и науки в нашей стране» [3, л. 20]. В одном из писем 1967 г. эмигранту из Австралии Э. В. Левитскому сотрудник редакции газеты «Голос Родины» Б. В. Сагарев спрашивал: «С какими мыслями и чувствами встречают соотечественники за рубежом полувековой юбилей нашей страны?» – и предлагал написать что-нибудь к юбилею революции – «о сохранении чувства национальной гордости», проблеме воспитания эмигрантской молодежи «в духе уважения к Родине», об изучении русского языка в Австралии и т. п. [4, л. 31] Любопытно, что для Комитета существовали «сложные участки», т. е. страны, где было трудно установить контакты с эмиграцией, например Швеция и Западная Германия [5, л. 8].

Из переписки с Комитетом виден резкий контраст между первой и второй волнами эмиграции. Комитет делал ставку на т. н. ДиПи – «перемещенных лиц» (DP – displaced persons), так как многие из них были активными сторонниками советской политики, организаторами просоветских обществ, через них сотрудники Комитета пытались узнать подробности о жизни и деятельности первой волны эмиграции. «Дипийцев» Комитет также разделял на «прогрессивных» и «антисоветчиков». На одном из

совещаний работников Комитета 30 октября 1966 г. был задан вопрос: «Каково должно быть наше отношение к палачам и пособникам фашистов из числа эмигрантов?» Ответ был следующим: «Приближать к себе можно только ту часть эмиграции из числа сотрудничавших с немцами, которая горько раскаивается и сознает свои ошибки, и не иметь дело с теми, у которых руки по локоть в крови. В этом вопросе должен быть дифференцированный подход» [6, л. 10]. Среди ДиПи в переписку вступали в основном женщины, угнанные в Германию или оказавшиеся в оккупационных зонах союзников, вышедшие замуж за иностранцев и оставшиеся за границей. Они пытались через Комитет найти родных и близких, часто жаловались на «капиталистические порядки». Трудно сказать, были ли эти жалобы искренними или таким образом они старались подыграть советским членам Комитета. Из сообщений корреспондентов можно заметить, что первая и вторая волны эмиграции практически не смешивались – настолько разными были предпочтения, поведение, даже язык. Один из корреспондентов Комитета, Николай Михайлович Попандопуло, 1902 г. р., участник Белого движения, который после войны долгое время был председателем Союза советских граждан в Бельгии, сетовал на то, что «старую» эмиграцию в Бельгии оттеснили «новые мигранты» [7, л. 15–21].

Главным объектом Комитета, судя по документам, была т. н. «прогрессивная» эмиграция, люди, сочувствующие советской политике, настроенные просоветски или уже имевшие советское гражданство. Однако среди них преобладала сомнительная публика, которая часто не оправдывала надежд. Так, летом 1965 и 1966 гг. в Москве по приглашению Комитета (и за его счет) находился руководитель Славянского общества в Хаддерсфилде (Великобритания) М. П. Райцев. В отчете референта Комитета Н. Н. Кравченко от 20 августа 1966 г. о работе с ним указывалось, что он «неохотно» рассказывал о делах общества: «Основная тема бесед – получение от Советского комитета или Московского народного банка в Лондоне субсидий или кредитов на развертывание патриотической деятельности». Райцевым назывались суммы в 6–8–10 тысяч фунтов стерлингов, необходимых для приобретения дома для Общества, ресторана, номера или квартиры для сдачи в аренду, библиотеки и т. п. Также выяснилось, что он купил во Внешпосылторге автомобиль Москвич-408 (экспортный вариант) за 360 фунтов стерлингов, а по «внутренним» ценам такая машина стоила 4661 руб. [7, л. 5–6]. Другие представители «прогрессивных» организаций просили бесплатные путевки в советские санатории и дома отдыха, узнавали о возможности обучения детей в советских вузах и т. д.

«Польза» от таких контактов была сомнительной, и это хорошо понимали в Москве. Комитет был заинтересован в расширении контактов со старой эмиграцией, хотя бы «нейтральной», которая хотела «сохранить

все русское». Такие контакты были предусмотрены «перспективным планом работы Комитета», на них отпускались значительные средства в валюте. Заместитель председателя Комитета генерал-майор КГБ К. И. Никишов на совещании 30 октября 1966 г. указал, что «там, где это выгодно, мы должны вступать в контакты с этими людьми, оказывать на них влияние и пытаться через них влиять на рядовых участников реакционных организаций» [6, л. 14]. Здесь же он подчеркнул: «В основном надо делать упор на тех людей, которые представляют большой интерес с точки зрения влияния на широкие слои, особенно интеллигенцию, молодежь. Надо искать выход на нейтральную эмиграцию с тем, чтобы расширять свои позиции» [6, л. 14].

Одним из подходящих «нейтральных» эмигрантов первой волны с точки зрения Комитета стал Григорий Порфирьевич Чеботарев (1899–1985), профессор Принстонского университета. Чеботарев переписывался с Комитетом с 1966 по 1968 г., и в справке, составленной на него, характеризовался как «трезвомыслящий представитель русской зарубежной интеллигенции, понимающий бесперспективность т. н. “белой идеологии”»; «русский патриот, который, став лояльным американским гражданином, сохранил добрые чувства к Родине и считает своим долгом посильно способствовать расчистке путей к взаимопониманию и доверию между народами США и СССР в целях сохранения мира на основе мирного сосуществования» [8, л. 4].

Г. П. Чеботарев родился в Павловске, где его отец Порфирий Григорьевич Чеботарев (1873–1920) служил в Донской казачьей батарее. Его мать Валентина Ивановна, урожденная Дубягская, во время Первой мировой войны работала сестрой милосердия в госпитале в Царском Селе вместе с императрицей Александрой Федоровной и была довольно близка к царской семье. После обучения в Императорском училище правоведения Г. П. Чеботарев, пройдя ускоренный курс в Михайловском артиллерийском училище, в 1916 г. был причислен к Донской казачьей батарее и отправился на фронт. Волею судьбы Чеботарев стал свидетелем и участником событий октября 1917 г. в Петрограде и Гражданской войны на Дону, о чем позже поведал в своих воспоминаниях [9]. Оказавшись в эмиграции, он окончил Высшую техническую школу в Берлине в 1925 г., работал инженером в строительных фирмах Германии и Египта. В 1936 г. Чеботарев получил приглашение на работу в США, и с 1937 г. преподавал в Принстонском университете (Нью-Джерси). В 1938 г. он женился на Флоренс Билл (Florence Dorothy Bill), дочери известного историка и писателя А. Билла. Учебник Чеботарева 1951 г. по механике грунтов «Soil mechanics, foundations, and earth structures» стал бестселлером, переиздавался несколько раз, был даже переведен на русский язык в 1968 г. [10]

В 1959 г. он вместе с американской делегацией специалистов по фундаментостроению был приглашен в СССР для обмена опытом с советскими коллегами, и об этой поездке у него остались самые благоприятные впечатления, которыми он поделился в упомянутой выше книге «Russia, My Native Land». В последней части книги «Сорок лет спустя» Чеботарев писал, что «многое во время поездки живо напоминало мне прежнюю Россию», что он уезжал из СССР «со счастливым чувством, что его родина, Россия не только жива, но и оправляется от своих ужасных испытаний» [11, с. 417]. Надо заметить, что книгу эту Чеботарев отправил заказными пакетами советским коллегам – инженерам, с которыми познакомился во время поездки в СССР в 1959 г., но она была конфискована советской цензурой и не дошла до адресатов, что очень задело профессора.

Книга «Russia, My Native Land» была замечена и в эмиграции, и в СССР. В отзыве на нее в журнале «Часовой» говорилось о репутации Г. П. Чеботарева, как «защитника извращаемого прошлого России» [12, с. 14]. Известный советский писатель, член Комитета Лев Никулин поместил рецензию на книгу Чеботарева в газете «Голос Родины». В этой рецензии Л. Никулин, указывая на пристрастное описание событий Гражданской войны Чеботаревым, сделал вывод: «Книга значительно выиграла бы, если бы автор открыто признал, что он долгие годы ошибался в оценке происходящих на Родине исторических перемен» [13]. В адрес Чеботарева 22 июля 1966 г. было отправлено письмо от члена Комитета Ирины Левченко, Героя Советского Союза: «Хотелось бы, чтобы о Вашей книге узнали на моей и Вашей родине. Я знаю, что Вы русский. Я твердо верю, что Вы сын России, хотя Вы настойчиво повторяете, что сегодня Вы американец. Никогда русский не сможет до конца стать американцем, и, пожалуй, нет на нашей планете другой такой нации, представители которой, где бы ни жили, сколько бы ни жили, все равно говорят, что мы русские. И до последнего часа, до последнего удара сердца верны своей Родине – России. Русское сердце не может стать ни английским, ни американским, несмотря на внешние приметы, приобретенные в той или иной стране» [8, л. 14–15]. К письму была приложена вырезка из газеты «Голос Родины» с рецензией Л. Никулина на его книгу и припиской: «Рецензия может показаться пристрастной... но, Григорий Порфирьевич, Вы ученый профессор, Ваша голова в сединах. Пора бы понять, дорогой профессор, что нет и не может быть беспристрастности тогда, когда вопрос идет о классовой борьбе» [8, л. 16].

Г. П. Чеботарев ответил и на письмо, и на советские рецензии в ноябрьском номере журнала «Часовой» [14]. В своем ответе он подчеркнул: «Я старался – и стараюсь – найти разумные пути к честному примирению на прочной основе, объясняя моим американским согражданам всю неле-

пость проводимой в Западных странах некоторыми кругами пропаганды враждебности к России». Чеботарев считал, что необходимо отдать должное «действительным советским достижениям» и «начавшейся эволюции» в СССР, переосмыслить трагедию Гражданской войны и «ошибки прошлого и настоящего, как белых, так и красных». Но здесь же он заметил: «Я вовсе не считаю, что я и мои соратники, белая молодежь, ошибались в 1917–1920 годах. Действовали мы тогда из патриотических побуждений... И большой вопрос, что было бы, если бы мы победили. Более чем вероятно, что достижения демократической (в западном смысле слова) России были бы не меньшими, чем Советского Союза, не потребовав при этом громадных имевших место человеческих жертв» [14, с. 19–20].

В ответном письме в Комитет Чеботарев приложил текст своего ответа в журнале «Часовой» и просил перепечатать его в газете «Голос Родины» без изменений. Однако член Комитета, журналист Анатолий Александрович Кузьмин предложил написать ему новую статью, а затем, «путем обмена мнениями (в личной переписке) найти общий, приемлемый для Вас, и для нас вариант» [8, л. 31]. На это Чеботарев ответил в письме 27 ноября 1966 г.: «Такой подход я считаю глубоко ошибочным. Только путем открытого, публичного обсуждения спорных вопросов... и на отказе от пропаганды можно надеяться добиться их постепенного разъяснения и разрежения международной напряженности», настаивая на том, чтобы его статья была перепечатана полностью, возможно, с редакционной статьей или статьей с выражением иных взглядов [8, л. 32].

Переписка Чеботарева с Комитетом длилась около двух лет, хотя в искренности советской стороны можно усомниться, так как Комитет явно преследовал свои прагматические интересы. В справке Комитета о Г. П. Чеботареве от 24 марта 1969 г. было указано: «В процессе переписки удалось склонить (курсив мой. – М. К.) Чеботарева к передаче им музею Революции СССР части сохранившихся у него материалов, представляющих интерес для историков» [8, л. 5]. Писем или других свидетельств «склонения» Чеботарева в материалах фонда нет, однако известно, что в начале января 1968 г. он передал копии документов из его личного архива (в виде микрофильмов) в Государственный музей революции СССР в Москве (с 1998 г. – Государственный центральный музей современной истории России). Это были дневники его матери за 1915–1918 гг., некоторые документы времен Гражданской войны. Однако директор музея А. И. Толстихина настаивала на предоставлении музею подлинников, в том числе и писем императрицы Александры Федоровны и ее дочерей [8, л. 19]. Позже через посольство СССР в Вашингтоне он передал Музею революции подлинники дневников своей матери, а также подлинник приказа генерала П. Н. Краснова. Микрокопии этих документов он отдал

в дар американской библиотеке Моргана в Нью-Йорке (Pierpont Morgan Library) [15]. Туда же он передал подлинники писем Александры Федоровны и старших дочерей царя к его матери, написанные в 1916–1918 гг., в том числе из Тобольска и Екатеринбурга (более 90 писем), а микрокопии этих писем отправил в Музей революции. В справке Комитета о Чеботареве содержится объяснение, почему он не передал подлинники писем в СССР: «характер смерти этих особ». Указывалось, что Чеботарев «выдержал скрупулезный паритет между американской и советской сторонами», причем оформил передачу и раздел официальным завещанием [8, л. 5].

Комитет пригласил Чеботарева в Москву, но тот вежливо уклонился, дав понять, что «не сможет принять предложение совершить поездку в СССР в качестве официального гостя Советского комитета за счет последнего», но приедет только за свой в качестве туриста [8, л. 2]. Тогда А. А. Кузьмин предложил в письме от 14 декабря 1966 г. купить путевку в один из советских санаториев (это была распространенная практика Комитета в отношении соотечественников): «Сочинские курорты великолепны, и в смысле лечения многих (простите) “стариковских” болезней типа подагры, ишиаса, радикулитов и т. д. – просто уникальны. ...Для иностранцев трехнедельный курс лечения стоит совсем недорого, купить тур в такой санаторий – проще простого, причем поездку в Сочи можно совместить (до или после) с турне по родным местам» [8, л. 37].

Чеботарев и здесь сослался на занятость, но сообщил, что собирается посетить СССР в июне – июле 1968 г. с женой, причем его предполагаемый маршрут был следующим: Москва, Ленинград, Казань, далее по Волге до Ростова-на-Дону (12 дней), один день в Новочеркасске, потом Киев и опять Москва [16, л. 4–6]. Комитет обещал со своей стороны оказать содействие. В письме в Комитет 7 февраля 1968 г. А. А. Кузьмину Чеботарев попросил помочь организовать посещение кладбища в Павловске, где был похоронен его дед Иван Степанович Дубягский, добавив, что во время поездки в СССР в 1959 г. это кладбище ему посетить не разрешили. Также он просил о посещении кладбища в г. Новочеркасске, где в 1919 г. была похоронена его мать, умершая от тифа (отец Чеботарева был похоронен в 1920 г. в Новороссийске, но могила и кладбище не сохранились). Кроме того, Чеботарев хотел посетить в Ленинграде бывший дворец Бирона на Фонтанке, где до революции находилось Императорское училище правоведения, в котором он учился, Михайловскую артиллерийскую академию у Литейного моста, которую окончил отец. В Новочеркасске он хотел посетить бывший Атаманский дворец и бывший Донской кадетский корпус, где учился отец, а в Гатчине – дворец, в котором в конце октября 1917 г. был штаб генерала П. Н. Краснова [16, л. 5]. В ответном письме от 23 февраля 1968 г. Кузьмин вновь предложил вместо путешествия по Волге «хо-

роший санаторий на 26 дней в Сочи, Мисхоре или Кисловодске (290 американских долларов на одно лицо, люкс – 440 долларов) через Интурист» [16, л. 7–8]. В письме от 16 марта 1968 г. Чеботарев отказался от санатория, но изменил план поездки, выбрав следующие пункты: Москва – Ленинград – Киев – Ростов-на-Дону – Минеральные Воды – Кисловодск – Пятигорск – Тбилиси – Ереван – Москва, а в письме от 2 мая 1968 г. добавил новые объекты для посещения – бывший Институт инженеров путей сообщения в Ленинграде и Политехнический институт в Новочеркасске [16, л. 14, 27].

Необходимо заметить, что все визиты эмигрантов в СССР использовались Комитетом в пропагандистских целях. Об этом догадывался и сам Чеботарев, заметив в одном из писем от 9 апреля 1968 г.: «Единственно, чего я хочу обязательно избежать, это создания впечатления как у моих врагов, так и, особенно, у моих друзей тут, что я в той или иной форме, прямо или косвенно, дал себя использовать для антиамериканской пропаганды» [16, л. 20]. По этой причине он принципиально оплачивал весь тур сам. Однако Комитет не мог упустить такую возможность и вмешивался в планы Чеботарева, предлагая свои варианты поездки. А. А. Кузьмин предложил Чеботареву встретиться с митрополитом Пименом, который также являлся членом Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, хотя Чеботарев отмечал в переписке, что не особенно религиозен. Тем не менее Комитет настаивал на этой встрече. В деле сохранилось письмо зам. председателя Комитета К. И. Никишова от 27 мая 1968 г. к В. А. Куроедову, председателю Совета по делам религии при Совете министров СССР с просьбой дать согласие на прием Чеботарева «членом нашего Комитета» Пименом в г. Загорске: «Это будет способствовать распространению в США правды о положении церкви в СССР и повышению авторитета нашей организации в глазах эмиграции» [16, л. 9].

Туристическая поездка все-таки состоялась с 15 июня по 18 июля 1968 г. Чеботарев вместе с женой посетили Москву, Ленинград, Киев, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Кисловодск, Орджоникидзе, Ереван и Тбилиси. В Москве они пробыли неделю с 15 по 22 июня 1968 г., и программа, подготовленная Комитетом, оказалась насыщенной: Музей революции, Кремль, Оружейная палата, музей-квартира В. И. Ленина, Третьяковская галерея, балет «Лебединое озеро», спектакль «Дни Турбиных». Состоялась также встреча с митрополитом Пименом в его резиденции в Новодевичьем монастыре, где Чеботарев получил от Пимена подарок – медную икону-складень (эту икону при выезде отобрали на таможне) [16, л. 46–55]. Для жены (в документах она числилась как Флоренция Альфредовна Чеботарева) была подготовлена особая программа [16,

л. 56–57]. Никаких свидетельств о дальнейшей поездке в документах Комитета нет, кроме замечания, что в Новочеркасске Чеботарев не смог разыскать на кладбище могилу матери, взял только горсть земли с кладбища [8, л. 6].

Во время пребывания в Москве Чеботарев дал интервью газете «Голос Родины», довольно сдержанное, в котором он отметил достижения Советского Союза, повышение жизненного уровня населения, размах жилищного строительства, высказался за мир и улучшение советско-американских отношений [17, с. 4]. Позже, уже по возвращении в США, он выступил с протестом в нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 19 августа 1968 г., считая, что его интервью было искажено, и из его слов могло создаться впечатление, что он «молчаливо одобряет деятельность Комитета», в то время как «Голос Родины» «“грешит” антиамериканской пропагандой». Копию своего письма в газету он переслал в Комитет 26 августа 1968 г. [16, л. 65–66] Письмо Чеботарева было связано с нападениями на профессора в эмигрантской прессе, в частности в газете «Россия» (Нью-Йорк), том смысле, что налаживать диалог эмиграции с коммунистической властью было бессмысленно: «...зачем профессор счел возможным беседовать с представителем этого лживого и клеветнического листка и давать ему какие бы то ни было советы» [16, л. 76–78].

Ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 г., реакция на это событие внутри эмиграции повлияли на дальнейшие контакты с СССР. Переписка Чеботарева с Комитетом на этом фактически прервалась. Последнее письмо в деле было от митрополита Пимена с поздравлением с Рождеством Христовым от 10 декабря 1968 г. с замечанием: «Недоразумение и недопонимание между отдельными людьми, разделенными временем и расстоянием, преходящи. Что значат они перед лицом столь высоких, обоюдных стремлений?», на что Чеботарев ответил 23 декабря 1968 г.: «Дай Бог, чтобы события в нем (Новом году. – М. К.) положили бы начало действительному взаимопониманию между ныне ссорящимися народами и группами лиц, привели бы “непримиримых” всех сторон к примирению... вселили бы новые надежды на мирное развитие дел в сердца людей доброй воли на всем свете» [16, л. 104–105]. В справке Комитета от 24 марта 1969 г., составленной К. И. Никишовым, указывалось, что в Чеботареве «чувствуется еще “белая закваска”. США он считает демократическим государством... постоянно подчеркивает, что он – гражданин США, считает себя “патриотом и русским, и американским”», поэтому «для использования в работе Советского Комитета по развитию патриотического движения среди эмиграции в США Чеботарев бесперспективен», «контакт с ним по линии Комитета развивать нецелесообразно», «переписку с Чеботаревым по линии Комитета прекратить» [8, л. 13].

Документы Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом позволяют заполнить лакуны в послевоенной истории русской эмиграции, касающиеся взаимоотношений эмигрантов с СССР. В 1960-е гг. в «железном занавесе» возникли значительные бреши, увеличился туристический поток из капиталистических стран в СССР, возобновилась переписка, многие эмигранты воспользовались возможностью посетить СССР. Хотя для многих эмигрантов Советский Союз уже не выглядел чудовищем, однако «примирения» не произошло. Само слово «эмиграция» в СССР продолжало носить негативный оттенок, хотя его и заменили термином «соотечественники». Для эмигрантов же «крепкие объятия Родины» показались слишком удушающими. Границы оказались не столько географическими, сколько ментальными. Материалы переписки Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом с профессором Г. П. Чеботаревым дают представление об общении «старой» и «новой» России, мировоззрении и моделях поведения русской эмиграции, сохранении ею не только русской истории и культуры, но чести и достоинства.

Список использованной литературы

1. Комната № 6. Свидетельства очевидцев о восточногерманском «Комитете за возвращение на родину». Мюнхен : Издание Центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1955. 26 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 36. Отчет о работе Комитета за 1963–1965 гг.
3. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 2. Д. 538. И. С. Ильин.
4. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 2. Д. 38. Э. В. Левитский.
5. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 1. Протоколы заседания Комитета.
6. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 55. Стенограмма совещания работников Комитета. 1966 г.
7. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 61. Отчеты, справки о посещении Комитета соотечественниками.
8. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 2. Д. 344. Г. П. Чеботарев. Т. 1.
9. Tschegotarioff, Gregory P. *Russia, My Native Land: A U.S. Engineer Reminiscences and Looks at the Present*. New York : McGraw-Hill Book Company, 1964. 384 p.
10. Чеботарев Г. П. *Механика грунтов, основания и земляные сооружения* / пер. с англ. М. : Стройиздат, 1968. 616 с.
11. Чеботарев Г. П. *Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917–1959* / пер. с англ. Н. И. Лисовой. М. : Центрполиграф, 2007. 445 с.

12. Russia, My Native Land: A U.S. Engineer Reminisces and Looks at the Present by Gregory Tschebotarioff. Foreword by George F. Kennan // Часовой. 1965. № 463(1). Январь. С. 14–15.

13. Никулин Л. В. Две судьбы // Голос Родины. 1966. Июль. № 58.

14. Чеботарев Г. П. Судьбы и пути русских эмигрантов // Часовой. 1966. Ноябрь. № 485. С. 18–20.

15. The Morgan Library & Museum. Literary and Historical Manuscripts. Tschebotarioff family papers, 1915–1948. MA 2582 (1–118, 401–413, 501–532).

16. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 2. Д. 345. Г. П. Чеботарев. Т. 2.

17. «Увожу добрые чувства к родной земле» // Голос Родины. 1968. Июль. № 61.

Ирина Вячеславовна Овчинкина,

кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва, ovchinkina.iv@gmail.com

УДК 314.74; 93/94

Содружество имени профессора И. А. Ильина (1956–1971): документальные свидетельства

Аннотация. История «Содружества имени проф. И. А. Ильина» прослеживается в архивных документах, вошедших в «Коллекцию Н. П. Полторацкого» (Ф. 47), которая является частью архива И. А. Ильина, поступившего в ОРКиР НБ МГУ им. М. В. Ломоносова в ноябре 2006 г. из Мичиганского университета (Ист-Лансинга). Описание и классификация документов, анализ личной переписки учредителей «Содружества» позволяют выявить цели, задачи, трудности, результаты его деятельности, а также существующие представления о политическом истеблишменте России третьей четверти XX в. Деятельность «содружников» в русском рассеянии (на африканском континенте, в странах Европы и в Америке) была нацелена на пропаганду идей И. А. Ильина, продолжение его учения и трансфер в освобожденную Россию с целью указания путей, которые «поведут к духовному возрождению России и русского народа».

Ключевые слова: Содружество имени проф. И. А. Ильина, Р. М. Зиле, Н. П. Полторацкий, Н. Н. Ильина, основы организации, члены Содружества, результаты деятельности, национальная идея.

Irina Ovchinkina

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Russian State University for the humanities, Russia, Moscow, ovchinkina.iv@gmail.com

Association named after professor Ilyin (1956–1971): documentary evidence

Abstract. The History of “The Association named after Prof. Ilyin” is traced back to archive documents which became part of N. P. Poltoratsky’s Collection (F. 47), which in its turn is part of I. A. Ilyin’s archive, obtained by the Department of Rare Books and Manuscripts of The Scientific Library of Moscow State University named after M. V. Lomonosov in November 2006 from Michigan University (East Lansing). The description and classification of documents, analysis of private correspondence of the ‘Association’ founders allows to discover objectives, tasks, difficulties and the results of his activity. It also acquaints readers with ideas about the political establishment of Russia in the third quarter of the 20th century existing at that time. The activity of the members of the “Association” in Russian dispersal (on the African continent, in the countries of Europe and America) was aimed at the promotion of Ilyin’s ideas, development of his teaching and transfer into Liberated Russia meaning to show ways which will lead to the spiritual revival of Russia and its people.

Key words: ‘The Association’ named after Prof. I. A. Ilyin, R. M. Zile, N. P. Poltoratsky, N. N. Ilyina, the basis of the organization, members of ‘the Association’, results of the activity, national idea.

История «Содружества имени профессора И. А. Ильина» началась задолго до его оформления. Вынужденная эмиграция И. А. Ильина (1883–1954), государствоведа, философа, публициста, – по сути, политическая высылка из страны, случившаяся 26 сентября 1922 г. после шести арестов и приговора к смерти, – предполагала поиск единомышленников, способных в условиях рассеяния продолжить «служение России, и только России». В берлинский период жизни И. А. Ильина (1922–1938) круг его сподвижников формировался вокруг идеологии Белого движения и политической программы обустройства новой России, что наглядно проявилось в девяти изданиях «Русского Колокола. Журнала волевой идеи» (1927–1930), в резолюциях Съезда белых организаций (Румыния, август – сентябрь 1938) и в Проекте Основного Закона Российской Империи (1939) – постбольшевистской конституции России. В цюрихский период (1938–1954) общей идеологической платформой, объединявшей будущих содружников, стал РОВС – Русский Обще-Воинский Союз (1948–1954), издававший по инициативе И. А. Ильина самиздатовские еженедельные бюллетени «Наши задачи» с акцентированным подзаголовком «Еженедельные листки только для единомышленников». Именно эти «листки» (216 статей), издаваемые генералом А. П. Архангельским (Брюссель), его

заместителем генералом А. А. фон Лампе (Париж) и редактором С. П. Мельгуновым (Париж) стали первым двухтомным изданием, подготовленным Содружеством и осуществленным в 1956 г. на деньги Шарлотты Барейсс.

Идея создать «Содружество имени И. А. Ильина» из числа единомышленников, друзей и последователей выдающегося русского мыслителя зародилась 21 декабря 1956 г. – в день второй годовщины со дня его смерти. Документы «Коллекции Н. П. Полторацкого» (Ф. 47), ставшие частью архива И. А. Ильина, хранящегося в настоящее время в ОРКиР НБ МГУ, после их описания и научной классификации позволили выделить несколько тематических разделов, наглядно представляющих цели и задачи организации. Так, в ряде протокольных материалов 1955–1963 гг. предельно четко выявляются а) документы Основ Содружества, б) документы, касающиеся отбора и регистрации его членов, в) циркулярные сообщения, протоколы и постановления, г) документы, фиксирующие этапы описания и собрания архива И. А. Ильина и определение места его хранения до окончания большевистского режима в России.

Для понимания деятельности Содружества существенную роль играет анализ писем содружников, в частности писем Н. Н. Ильиной (урожденной Вокач, 1882–1963), Е. Ф. фон Баумгартен, Р. М. Зиле, А. А. Квартирова, К. Е. Климова, адресованных как зарегистрированным членам, так и всем сочувствующим и помогающим делу распространения идей И. А. Ильина. Из этой переписки следует, что первое неофициальное собрание Содружества, на котором присутствовали Р. М. Зиле, о. Митрофан (Зноско-Боровский), ген. В. Г. Харжевский, полк. М. И. Тихонравов и В. Н. Бутков, состоялось в мае 1955 г. Главный вопрос этого собрания касался переиздания книг И. А. Ильина, в первую очередь «О тьме и просветлении», книге о творчестве русских писателей-эмигрантов И. Бунина, А. Ремизова и И. Шмелева, изданной в 1937 г. в Риге. Ее тираж с приходом в Латвию красных почти целиком остался на складе и с 1941 г. стал «библиографической редкостью». Вероятно, тогда же встал вопрос о создании Правления Содружества, куда должны были войти Н. Н. Ильина (Цюрих), Е. Ф. Баумгартен (Цюрих), Р. М. Зиле (Меттманн), А. А. Квартиров (Женева), К. Е. Климов (Квебек). К 1956 г. из числа этих лиц сформировалась «инициативная тройка», приступившая к созданию организации. Примечательно, что Н. Н. Ильина (центральное лицо в Содружестве – председатель правления, генератор основных направлений его деятельности) считала, что организация не должна быть создана ею. По ее замыслу, необходимо было создать сеть организаций по всему миру русского рассеяния, задача которых заключалась бы в узком смысле – в издании трудов И. А. Ильина и написании рецензий на его книги, в широком – в про-

должении его дела. В письме к Р. М. Зиле от 24 мая 1956 г. она предлагает *«создать небольшие местные объединения, кот<орые> могут действовать, не входя в организацию; отношения между центральным органом и периферическими должны быть хорошо продуманы. Таким образом может образовываться “союз союзов”. Никаких референдумов и прочей канители, а взаимная помощь»*.

Содружество изначально мыслилось как широкая международная сеть, затрагивающая все страны и континенты. В тех частях света, где не было действительных его членов, предполагалось обеспечить контроль со стороны руководства Содружества. Так, Р. М. Зиле должен был осуществлять связь с русскими, проживающими в Австралии, А. А. Квартиров – в Южной Америке, Н. Н. Ильина – в Африке, Е. Ф. фон Баумгартен – в Италии и Испании.

Название «Содружество имени проф. И. А. Ильина» было предложено Р. М. Зиле. К декабрю 1956 г. он составил проект Основ организации, который представил на письменное согласование членам оргкомитета. Ближайшая цель Содружества была сформулирована в п. 1.

1. Целью Содружества является всяческое и всемерное содействие делу хранения, сохранения, издания и переиздания, как и распространения трудов профессора Ивана Александровича ИЛЬИНА, а также способствование широкому распространению его идейного наследия.

2. Содружество создано по почину Наталии Николаевны Ильиной совместно с друзьями и учениками И. А. Ильина:

Еленой Федоровной Баумгартен – Цюрих (Швейцария)

Романом Мартыновичем Зиле – Меттманн (Германия)

Алексеем Александровичем Квартировым – Женева (Швейцария)

Константином Евгеньевичем Климовым – Квебек (Канада)

3. Упомянутые в п. 2 пять лиц являются УЧРЕДИТЕЛЯМИ Содружества и образуют одновременно временное Правление Содружества.

4. Впредь до юридической легализации (путем регистрации в той или иной стране) Содружество будет носить характер ВОЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛИЦ, желающих служить целям, изложенным в п. 1 настоящих ОСНОВ ОРГАНИЗАЦИИ, и принятых Правлением в число действительных членов Содружества путем кооптации<...>

На протяжении последующих лет текст документа, содержащего 12 пунктов, фактически не менялся. Вносились некоторые корректирующие уточнения, вводились должности первого и второго ревизора из числа членов Содружества, определялись сроки ревизии (раз в два года) и сроки строгой отчетности; устанавливался размер членских взносов, которые взимались с 1958 г. Казна Содружества пополнялась и за счет добро-

вольных пожертвований, как правило, состоящих из средств, полученных за чтение докладов и лекций или за счет доходов с продаж книг И. А. Ильина.

К январю 1957 г. Р. М. Зиле составил текст письма-приглашения для желающих вступить в Содружество, в котором прежде сформулированные Основы организации конкретизировались и уточнялись:

Милостивый государь, ...

В 1956 году, 21 декабря минуло два года со дня кончины профессора ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА. Имя и труды покойного настолько известны, что нет надобности говорить о том, сколь велика эта утрата. Иссяк великий источник русской национальной мысли, патриотического умудрения и духовно-религиозных прозрений и очевидностей.

Оставленное И. А. ИЛЬИНЫМ духовное наследие столь велико и значительно, столь оплодотворяющее идейно богато, что исчерпывающая и предметно до конца справедливая оценка его потребовала бы настоящего научно-философского исследования. Такое изучение наследия И. А. ИЛЬИНА окажется неизбежно необходимым в освобожденной и возрождающейся России.

Но это задача для будущего. В настоящее же время у нас, русских эмигрантов-патриотов, есть другая неотложная обязанность:

НАДО СОХРАНИТЬ НАСЛЕДИЕ ИЛЬИНА ДЛЯ РОССИИ!

Еще много трудов ИЛЬИНА не издано и имеется лишь в рукописном виде. Часть изданных трудов либо целиком погибла, либо стала библиографической редкостью. Многочисленные статьи его в периодических и непериодических изданиях необходимо собрать, хранить и подготовить к включению в ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ И. А. ИЛЬИНА, – осуществление сего последнего представляется нам как завершение нашего долга сохранить наследие ИЛЬИНА для РОССИИ.

Наш долг, долг русских эмигрантов-патриотов, – сделать не только все, дабы оставленное ИЛЬИНЫМ наследие сохранилось в виде печатного слова, но и добиться того, чтобы оно живым огнем горело бы в НАС САМИХ, дабы ДОНЕСТИ его в нас, или в наших детях, в освобожденную Россию. И чем дольше затянется наше пребывание в зарубежии, тем ответственнее эта наша обязанность.

ИЛЬИН в своей биографической статье «ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?» с горечью пишет, что “русских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберезет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу ТОЛЬКО для РОССИИ”.

Мы глубоко уверены в том, что Господь уберезет наследие ИЛЬИНА от гибели. <...>

Сознание необходимости теперь же, не покладая рук, приступить к осуществлению нашей национальной обязанности, побудило ряд близких друзей-

последователей-учеников Ивана Александровича Ильина, по почину Наталии Николаевны ИЛЬИНОЙ, создать
«СОДРУЖЕСТВО
имени профессора Ивана Александровича Ильина»,
целью которого должно быть всемерное содействие сохранению и распространению трудов и идей нашего философа<...>.

За годы существования Содружества количество его членов формально увеличивалось, но происходили и существенные потери, вызванные как естественными причинами (болезнью или смертью), так и идеологическими. На 10 сентября 1958 г. в реестре Р. М. Зиле числилось 16 человек, на 1 апреля 1961 г. – 25. Общий принцип членства определялся тем, что не допускались «политически экспонированные лица». Вероятно, существовали и некоторые субъективно-личностные принципы отбора. Например, генерал А. А. фон Лампе, заместитель председателя РОВС, с которым И. А. Ильин познакомился в 1922 г. в Берлине как с представителем генерала Врангеля, вдруг вызвал подозрения Н. Н. Ильиной. Известно, что Н. Н. Ильина выступала против расширения Содружества. Р. М. Зиле в письме к А. А. Квартирову от 22 марта 1959 г. сообщает: «Нат<алья> Ник<олаевна> ... проводила линию совершенно предельной исключительности, выдвигая для членов Содружества такие высокие требования, каких вообще почти не бывает... Нат<алья> Ник<олаевна> на все смотрит только со своей стороны, а не со стороны тех, кого так легко можно неосторожно задеть или обидеть». А. А. фон Лампе (издатель «Наших задач») вызвал недовольство Н. Н. Ильиной только тем, что предлагал продавать его книги во враждебном для нее «Возрождении» и помогал без ее ведома в реализации книги И. А. Ильина «Аксиомы религиозного опыта». Н. Н. Ильина не захотела видеть его среди членов Содружества, хотя не могла не знать текста парижского некролога от 15 января 1955 г., где А. А. фон Лампе писал о необходимости оценить наследие своего Учителя и Друга «исчерпывающе и авторитетно». Для этого, считал он, «нужна перспектива, которая позволит оценить его яркую и сильную фигуру... нужен научный подход, нужно пережить какие-то сроки, которые дадут возможность изжить личное горе от его потери и объективно подойти к оценке личности этого исключительного русского человека, проповедника, ученого и мыслителя» [1, с. 366]. А. А. фон Лампе был приглашен в Содружество Р. М. Зиле и, как следует из переписки, Р. М. Зиле не понял его добровольного отказа, предположив, что отказ от членства – обида за слишком позднее приглашение.

Н. Н. Ильина выступала против принятия в Содружество некоторых авторов «Наших задач», в частности Н. Полянова и П. П. Анненкова.

Напряженные отношения сложились у нее и с К. Е. Климовым, который внес неоспоримый вклад в «Содружество», был инициатором совещания членов Содружества 6 июня 1959 г. в Нью-Йорке. Вероятно, такая жесткость была обусловлена горьким опытом выживания в фашистской Германии, где Ильиным пришлось выдержать натиск немецкого министерства пропаганды, пережить конфликт с А. Эртом, доносы соотечественников и допросы в гестапо. В свою очередь К. Е. Климов выступал против кандидатуры Г. В. Месняева, бывшего белого офицера, сотрудника «Русского Воскресения» и позже редактора газеты «Россия», обосновывая свое решение тем, что тот когда-то в Германии писал доносы.

За пятнадцать лет существования Содружества сформировался список его членов: Г. А. Алексеев, И. М. Андреев (Андреевский), А. Д. Билимович, В. А. Босс, А. И. Булдеев, В. Н. Бутков, И. Н. Горяинов, М. Г. Дерюгин, М. К. Зноско-Боровский, В. С. Ильин, П. Д. Ильинский, А. А. Квартиров, братья Климовы, Г. В. Месняев, Г. В. Офросимов, А. А. Сван, А. А. Тенсон, М. И. Тихонравов, Р. М. Трахтенберг, А. Н. Цуриков, Ф. А. Шульте-Рехберг, С. Щукин и др.

Имеющиеся архивные документы, вошедшие в «Коллекцию Полторацкого» (Ф. 47), не позволяют в полной мере судить о конкретной работе каждого содружника. Более того, в адресных письмах, записках и циркулярах упоминаются еще около 40 человек, которые принимали непосредственное участие в работе, связанной с распространением книг И. А. Ильина.

При кажущейся узкой цели организации Содружества, зафиксированной в протоколе от 5 октября 1957 г. («распространение идей, исповедуемых И. А. Ильиным», «установление связи с прессой», «организация представительств по продаже книг И. А. Ильина»), была общая глобальная цель – «донести идеи И. А. Ильина до свободной России», создать кружки для русской молодежи в эмиграции (особенно в Америке), распределить книги И. А. Ильина по университетским библиотекам. Для Р. М. Зиле «Содружество» было «организацией активного действия», для К. Е. Климова – «борьбой за идеологическое наследство И. А. Ильина». Поэтому задачами ближайших десятилетий было сохранение архива «от изъятия и уничтожения», «от фальсификации», а в перспективе, согласно воле И. А. Ильина, возвращение его в Россию.

Н. Н. Ильина и Р. М. Зиле начали системно разбирать архив только в 1961 г. Описи составлял Р. М. Зиле, приезжавший из Меттманна на два-три дня специально для этой работы. Там были письма Н. Бердяева, И. Бунина, Д. Мережковского, А. Герцык и др., пропавшие предположительно в период с 1959 по 1964 г. Чтобы сохранить документы, с подачи М. Г. Дерюгина было принято решение сфотографировать часть архива на

микрофильмах и хранить их в разных местах и на разных континентах, что частично было осуществлено.

После смерти Н. Н. Ильиной, последовавшей 30 марта 1963 г., хранение архива на чердаке клиники Хирсланден в 9–10 ящиках и в двух бельевых корзинах, где лежали вперемешку рукописи, брошюры, фотографии, документы и книги, было опасным.

Еще при жизни Н. Н. Ильиной ее наследница Е. Ф. фон Баумгартен сообщала Р. М. Зиле, что «слишком много гостей мимоходом навещают». Было и еще два настораживающих сообщения от Е. Ф. фон Баумгартен: «Все ликвидировать мы право не имеем, пока Н. Н. жива» и что при ликвидации квартиры Ильиных в Цолликоне часть книг (возможно, из личной библиотеки И. А. Ильина) по ошибке продана. Сам Р. М. Зиле раздавал некоторые фотографии, Е. Ф. фон Баумгартен дарила «сувениры» из дома Ильиных. Вопрос о сохранности архива вставал очень остро. «Эвентуальные переговоры» велись длительно и безрезультатно. Решения содружников поместить архив то в церковь в Женеве, то в Колумбийский университет, то в Русский музей (Сан-Франциско), то в Гуверовский архив при Стенфордском университете, то в «Архив фюргенетише Филозофи» под Цюрихом, то в архив в Нью-Йорке не давали гарантий его сохранности. Особую дискуссию вызвали два вопроса: вопрос о размещении архива в Колумбийском университете, но там были, по выражению А. Д. Билимовича, «коммунизированствующие сквознячки», и вопрос о некоторых «проблемных» документах в архиве. К. Е. Климов в письме от 2 сентября 1963 г. напоминал Р. М. Зиле: *«Со слов самого И. А. я знаю, что у него были и есть документы в архиве и очень важные и очень секретные»; «все важно-секретное надо, по-моему, выделить из архива и хранить отдельно в сейфе, либо в особо надежных руках»*. В июне 1964 г. Р. М. Зиле обсуждал с Е. Ф. Баумгартен этот вопрос, предлагая отдельные манускрипты либо изъять, либо «хранить на особом положении». Строгая конфиденциальность в обсуждении некоторых вопросов (не всё обсуждалось письменно, назначались и личные встречи учредителей) не дает оснований говорить о каких-то конкретных материалах, но один «секретный пакет» все же был создан с сопроводительной запиской не вскрывать его до 1 января 1975 г. В 1964 г. было принято решение отправить архив в Ист-Лансинг (Университет библиотек штата Мичиган) на попечение профессора Н. П. Полторацкого, вступившего в Содружество в 1964 г. Инициатива передачи архива исходила от семьи Климовых. 30 июня 1964 г. К. Е. Климов пишет Р. М. Зиле: *«Архив И. А. есть достояние национальной России. Никакого прямого отношения к США или к ее культуре он не имеет. Все главное его содержание направлено и посвящено национальной России и ее возрождению. Возрождение России и есть ключ к оздоровле-*

нию и успокоению всего свободного мира, в том числе и США. Обращение Содружества к университету в Америке с предложением принять, хранить и дать возможность этот архив изучать является необходимостью при настоящих исторических и политических обстоятельствах в мире, т. к. найти благоприятные условия его передачи в Европе нам представляется неосуществимыми. <...> Полагаю также, что наилучшим шагом в работе над архивом была бы не только подробная его инвентаризация, но и монография о личности и трудах И. А. Ильина. Такой правдивый труд был бы не только достойным завершением усилий Содружества, но и представлял бы огромную ценность для всех, кому дорога идея освобождения России от коммунизма и построение новой России на принципах вечной ценности».

Архив предоставлялся Мичиганскому университету во «временное пользование» при соблюдении семи условий, сформулированных Р. М. Зиле [2, с. 127]. С 20 июня 1966 г. Р. М. Зиле получил авторские права на архив, до него все права принадлежали Е. Ф. фон Баумгартен.

С момента прибытия архива в Мичиган в начале 1966 г. деятельность Содружества заметно ослабела. В 1968 г. Р. М. Зиле формально объявил о роспуске Содружества. Однако до июля 1971 г. продолжались встречи содружников в Монтре, где проживала Е. Ф. фон Баумгартен.

С конца 1965 г. Н. П. Полторацкий начал проводить большую научную работу, связанную с созданием центра по изучению наследия И. А. Ильина. Сам он еще в декабре 1964 г. в Обществе друзей русской культуры (Нью-Йорк) выступил с докладом «Историческое бремя и национальные задачи России: к 10-летию кончины И. А. Ильина». Неоспоримой заслугой Н. П. Полторацкого стала попытка приращения документов или фотостатов документов от лиц, обладающих неучтенными материалами (они находились у К. Е. Климова, Ш. М. Барейсс, архимандрита Константина, И. М. Андреевского, проф. П. Д. Ильинского, О. М. Врангель, А. А. фон Лампе и др.).

Работа «Содружества» иногда была сопряжена с непреодолимыми трудностями. Главная из них заключалась в «межконтинентальной разбросанности», которая замедляла решение многих вопросов, делала невозможным обсуждение проблем, требующих личного присутствия. Второй «непреодолимой силой» была непреклонность Н. Н. Ильиной, принимавшей излишне осторожные и часто неоправданные решения. Ее «недоверие» к А. А. фон Лампе, К. Е. Климову, кн. С. С. Белосельскому (председателю российских эмигрантов в Америке, издателю журнала «Русское дело»), к Г. Г. Миткевичу, выступавшему за печатание статей И. А. Ильина в «Русском деле», к Ш. М. Барейсс, к Ю. А. Кутыриной, которая «может... помешать» как член кружка памяти Шмелева, часто останавливало

дело. К. Е. Климов многие провалы в работе связывал именно с ее характером. Об этом прямо сказано в письме к Р. М. Зиле от 29 мая 1962 г.: «Думаю, что нам, знавшим Ильиных, ценившим и любившим их, давно уже стало ясно, что Н. Н. не была тем человеком, который умел объединять людей и привлекать сердца. Нет, этого качества природа ей не дала. Это именно и было причиной того, что само слово “Содружество” не нашло себе осуществления. Все члены содружества так и остались далекими друг другу как были, и никто к реализации “С<одружест>ва” и не тянется. Ведь тактика центра была – засекречивать связи с отдельными членами, что, конечно, не вело к сближению по “содружеской линии”. Были и просто печальные случаи...»

В 1957 г. Н. Н. Ильина в письмах к А. М. Метнер высказалась против передачи каких-либо работ И. А. Ильина и своих собственных в Россию [3, с. 371]. Это прямо противоречило деятельности Содружества. А. А. Квартиров пишет Р. М. Зиле 25 марта 1963 г.: *«...если... переправлять труды Ивана Александровича сейчас в Советскую Россию, то это очень будет положительным фактом для работы Содружества. Наша цель должна быть широкое распространение учения Ивана Алекс. Не только среди эмигрантов, но главным образом там. Думаю, что об этом нужно будет переговорить и обсудить этот вопрос с другими членами правления, когда официальная часть будет приведена в порядок».*

Были и другие трудности, связанные с печатанием, хранением и реализацией книг. Например, в 1959 г. в Америке продажи книг И. А. Ильина вызвали конфликт между синодальной и митрополичьей церковью. В 1960 г. Содружество разорвало отношения с В. П. Камкиным, владельцем крупного книжного магазина в Вашингтоне, который начал продавать советские книги и представлять все советские издания.

Но все же, несмотря на многие отягощающие обстоятельства, главные цели организации были достигнуты. Сам И. А. Ильин в статье «Что нам делать?» (1949) видел причину крушения России в духовном кризисе, который в начале XX в. сопровождался «кризисом русской религиозности», «кризисом русского правосознания», «кризисом русской военной верности и стойкости», «кризисом русской чести и совести», «кризисом русского национального характера», «кризисом русской семьи» и «великим и глубоким кризисом всей русской культуры» [4, с. 358]. Преодолеть этот кризис он считал возможным при условии консолидации русской интеллигенции за рубежом. Эта консолидация началась при его жизни, так как фактически все содружники были его друзьями или «учениками». «Содружеству» удалось издать основные книги И. А. Ильина: «Наши задачи» (Париж, 1956), «О сущности правосознания» (Мюнхен, 1956), «Путь к очевидности» (Мюнхен, 1957), «Поющее сердце. Книга тихих со-

зерцаний» (Мюнхен, 1958), «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев» (Мюнхен, 1959), «Путь духовного обновления» (Мюнхен, 1962). Большая их часть печаталась в типографии Иова Почаевского при активном участии архимандрита Корнилия (Малюшицкого).

Содружеству удалось сохранить и приумножить наследие И. А. Ильина, удалось исполнить его волю – вернуть архив в Московский университет. Удалось после смерти Р. М. Зиле (23 авг. 1971 г.) продолжить академическое изучение работ И. А. Ильина, обрести новых «учеников» и исследователей, прежде всего в лице Н. П. Полторацкого (1921–1990), автора трех монографических исследований, и д. ф.-м. наук Ю. Т. Лисицы, подготовившего за двадцать лет 33 тома собрания сочинений И. А. Ильина.

И. А. Ильин большое значение придавал национальной идее, которая сводилась к борьбе за Россию, он был убежден, что «здоровая и самобытная национальная Россия необходима миру» [5, с. 5], что «Россия не призрак, не случайная комбинация народностей, не беспочвенное смятение событий. Она имеет свою живую субстанцию, связующую ее с Господом» [6, с. 146], она умеет «незримо возрождаться в зримом умирании» [7, с. 149]. Будущая опасность в посткоммунистической России виделась ему в том, что у власти окажутся «закабалившие себя иноземцами интернационалисты» [8, с. 436], и тогда «Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости» [9, с. 265]. Думается, что «Содружество имени проф. И. А. Ильина» в русском рассеянии выполнило главную свою миссию – оно сохранило не только «печатное слово», но и «живой огонь» в себе, что позволило сделать невероятное – полностью вернуть труды И. А. Ильина в Россию.

Список использованной литературы

1. Лампе А. А. фон. Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. Т. 2. М. : Айрис-Пресс, 2008. 512 с.
2. Лисица О. В. «Собранное должно иметь одно назначение – возвращение в Россию, единую и освобожденную» // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М. : Водолей Publishers, 2008.
3. Записки отдела рукописей. Вып. 52. М. : Пашков дом, 2004. 696 с. (Письмо Н. Н. Ильиной к А. М. Метнер от 27.01.1957).
4. Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. Т. 2. М. : Айрис-Пресс, 2008.
5. Ильин И. А. Россия и мы. Белград, 1926.

6. Ильин И. А. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М. : Русская книга, 2001. 558 с.
7. Там же.
8. Ильин И. А. России нужны независимые люди // Ильин И. А. Собрание соч. : в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.
9. Там же.

Валентина Петровна Олейникова,

кандидат исторических наук, лицензированный гид, Италия, г. Неаполь,
valeole@yandex.ru

УДК 273-337

Переход русских женщин привилегированных сословий в католицизм как отражение эмансипации и феминизации российского общества в XIX – начале XX в.

Аннотация. Статья посвящена истории духовных исканий представительниц привилегированных сословий Российской империи, облекших форму католицизма. В ней, главным образом, прослеживаются судьбы женщин, связавших свою биографию со странами Западной Европы, прежде всего с Италией и Францией. В статье использованы материалы итальянских архивов.

Ключевые слова: история культуры, генеалогия, русское дворянство XVIII–XIX веков, русские женщины в Италии, история благотворительности.

Valentina Oleynikova

Candidate of Science in History, Licensed Tour Guide, Italy, Naples,
valeole@yandex.ru

Transition of Russian women of privileged classes to Catholicism as a reflection of emancipation and the feminization of Russian society in the XIX – early XX centuries

Abstract. The article is devoted to the history of spiritual searches of the representatives of the privileged estates of the Russian Empire, having dressed in the form of Catholicism. It mainly traces the fate of women who linked their biography with the countries of Western Europe, primarily with Italy and France. The article uses materials from the Italian archives.

Keywords: genealogy, Russian nobility of the XVIII–XIX centuries, Russian women in Italy, the history of charity, the history of culture.

На фоне европейских стран, идущих по пути модернизации, Россия в конце XVIII – начале XIX в. оставалась крестьянской страной с фео-

дальным укладом экономики и патриархальным стилем жизни. Представители передовой общественности понимали, что «патриархальность есть то главное, историческое, но к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами» [1, с. 515]. Русская женщина «большой частью и в XVIII столетии... как и в XVI, являлась такою, какой хотел ее видеть мужчина» [2, с. 257]. Несмотря на благоприятные условия, «созданные женскими царствованиями XVIII в. ... значение русской женщины не поднялось до той высоты, какой достигла в это время европейская женщина» [3, с. 316].

Все женские обязанности описывались в «Домострое» – книге, «которая содержит в себе полезные сведения, поучение и наставление всякому христианину» [4, с. 255]. Как писал В. С. Соловьев, «женщина видит в своем избраннике спасителя, который должен открыть ей и осуществить смысл ее жизни» [5, с. 12]. Такие старорусские представления о женщине являлись явно дискриминационными.

Сам уклад жизни удивлял прагматичных иностранцев, считавших, что «католицизм делает русских способными к интеллектуальному развитию» [6, р. 19]. Данная характеристика, высказанная послом Папы Римского А. Поссевини, не звучала шокирующе, ибо патриархальность жизни российской женщины предопределялась, прежде всего, строгостью канон православной религии (во времена отсутствия свободы совести и свободы вероисповедания, а значит, и государственного запрета на распространение европейских религий).

Тем не менее в 1716 г. в Петербурге был основан Католический приход.

Но до 1721 г. в России запрещались браки православных с неправославными. В соответствии со ст. 67 ч. 1 т. 10 Свода законов браки заключались лишь при условии, что дети будут воспитываться в православной вере [7, с. 378], ибо Российская империя всеми возможными методами противилась политике Папского государства, стремившегося подчинить себе православную церковь и легализовать свои отношения с теми частями Российской империи, где проживали католики. Россия желала рассматривать Папскую область лишь как светское государство. Но в 1721 г. пленные шведы даже вынуждены были обратиться в Берг-коллегию с прошением «разрешить им жениться на православных». Синод дал согласие на смешанные браки между христианами [8, с. 308], хотя принятие римской веры считалось выражением европейского соблазна.

А в 1738 г. императрица Анна Иоанновна подписала разрешение на возведение первого католического храма на Невской перспективе (проспекте). Но строительство шло с большими перерывами. Всё это время община служила во временном храме, зал для которого был оборудован в

соседнем доме (на месте современного дома 34 на Невском проспекте). Лишь в 1782 г. строительство храма было закончено под руководством итальянских архитекторов Минчиани и Антонио Ринальди. Неаполитанец Ринальди и стал старостой католической общины.

Уже правила Екатерина Великая, а потому 7 октября 1783 г. храм, получивший статус собора, был освящён в честь святой Екатерины Александрийской – покровительницы императрицы Екатерины II. Таким образом, такое освящение стало выражением своеобразной благодарности российской императрице, ибо именно Екатерина Великая приняла Общество Иисуса в неблагоприятных условиях для иезуитов (когда папа Климент XIV под давлением монархов Европы был вынужден упразднить орден в 1773 г.).

Причем принятие иезуитов Екатериной II произошло при условии запрета заниматься прозелитизмом – обращением других в свою веру. Но оно все-таки произошло, причем в то время когда «папа по указанию других держав находил иезуитов для них вредными и оттого закрывал вовсе их орден» [9, с. 423]. По мнению князя М. А. Оболенского, Екатерина II, «наперекор Риму, поддерживая эту силу католичества, приобретала в ней новое для себя орудие, безвредное под управлением ее законов» [9, с. 423].

Павел I продолжил дело, начатое его высокопоставленной матушкой и стал первым императором, который серьезно заинтересовался идеей экуменизма как идеей объединения двух церквей – католиков и православных (с целью усиления своей политической власти и ее распространения в Европе). В 1800 г. императором был издан указ о дозволении совершения католических богослужений в России. При этом Обществу Иисуса был предоставлен костел св. Екатерины (принадлежавший изначально францисканцам). Город превратился в вотчину иезуитов, а интерес к католицизму резко возрос, хотя случаев перехода в иную веру в литературе в то время зафиксировано еще не было. Когда же Павел I был провозглашен магистром Мальтийского ордена, «его страсть была интерпретирована недоброжелателями как симпатия к католической вере, образцовыми представителями которой являлись мальтийские кавалеры» [10, р. 24], а потому, по мнению итальянских исследователей, «Павла можно по праву назвать экуменистом, мучеником католической веры» [10, р. 24].

Итальянец Джулио Ренато-Литта-Висконти-Арезе первый раз был отправлен по приглашению Екатерины II в Россию великим магистром де Роганом, якобы для оказания помощи в борьбе со шведами еще в 1788 г. На самом деле речь шла о переводе России в католическую веру, к чему Павел I серьезно склонялся, как свидетельствует переписка Джулио и Лоренцо Литта с Папой Римским, обнаруженная относительно недавно

в пригороде Неаполя [11, р. 2]. Литта как командор одной из галер Мальтийского ордена убеждал Павла I в необходимости восстановления иезуитского ордена, начав действовать в обход главы католического населения России [12, с. 35]. В 1800 г. был издан указ о дозволении совершения католических богослужений в России.

С началом же XIX столетия православная церковь уже вступила в стадию определенного кризиса, ибо при Александре I, прославившемся своим либерализмом, веротерпимость становится нормой поведения, а переход в латинскую веру – не таким уж редким явлением. Именно в это время недовольство порядками православной церковной организации, идеологическим слиянием с государством стало приводить думающих женщин к размышлениям о католицизме, в котором виделись новые возможности для духовной деятельности.

Тем не менее современники в России продолжали поверхностно объяснять это увлечение так называемой модой на «мистические бредни и шарлатанства», а также «мученичества» («В Петербурге... они мечтали о мученичестве, как итальянки мечтают о любовнике»). Отказывая себе в анализе данного явления, писатели делали однозначный вывод: «Наши неверные бояре и их жены после нескольких лет неверия и разврата, после оргий петербургских и парижских делались самыми благочестивыми детьми латинской церкви. Так уловлена была Свечина [13] и подобные ей. Одних совращали иезуиты, других – пиетисты».

По мнению исследователя Е. Н. Цимбаевой, «изучение биографий русских католиков выявляет интересную закономерность: несмотря на отдельные исключения (сестры Белосельские, Д. Д. Голицын), основная масса обращений делится на 2 периода: 1. 1800–1810-е гг. и 2. 1840-е гг.

В первом случае обращались лица, родившиеся в 1760–1775 гг., преимущественно петербургские дамы или воспитанники иезуитских пансионов... Во втором случае отечественную веру оставляли молодые люди 1810-х гг. рождения, не получившие католического воспитания, под влиянием собственных раздумий. ...Их разрыв с православным миром был, как правило, полным – они уходили в монастырь» [14, с. 70].

По мнению автора статьи, необходимо выделять и третий период обращения – в последней четверти XIX – начале XX в., когда увлечение католицизмом ненадолго возродилось. На этом этапе мы остановимся подробнее чуть ниже.

В период же правления Александра I в католическую веру перешли такие выдающиеся представительницы российской знати, как губернаторша Москвы графиня Екатерина Ростопчина (мать Нарышкиной), княгиня Голицына, ее двоюродная сестра Шмед (ставшая монахиней), графиня

ня В. Н. Головина (дом которой стал центром иезуитской пропаганды), княгиня Оболенская и др.

Часть из них меняла вероисповедание и в связи с замужеством. Так, в личных бумагах А. А. Вяземской – второй жены посланника Королевства обеих Сицилий герцога Серракаприолы – сохранились письма иезуита И. Пьетробони, как свидетельства процесса вовлечения княгини в католическую веру. По свидетельству современников, «во главе светских дам, отступивших от православной церкви», стояли такие дамы, как княгиня Е. П. Гагарина, графиня Е. Н. Толстая (спустя некоторое время ее муж стал посланником в Риме), сестры Протасовы... «Их неосторожный пыл был причиной изгнания иезуитов из России. Вслед за иезуитами начали покидать Родину и русские католички» [15, с. 289].

Княгиня Голицына, прожившая в Петербурге до конца своих дней и организовавшая свой религиозный салон, с сожалением относилась к покидавшим Родину «католикам», считая, что «служить Богу можно везде, но, когда оказывается возможность, не следует ли отдавать предпочтение страны Отечеству, в особенности, когда оно нуждается в помощи более, чем какая бы то ни было другая». Таким образом, княгиня выразила официальное мнение верхушки петербургского общества, ибо русские католики, покидавшие Россию навсегда, совершали с точки зрения придворной идеологии «тройственное ренегатство – национальное, религиозное, политическое, что было громадной победой для католиков».

В клане Барятинских первым примером обращения в католическую веру стала сестра князя Ивана Ивановича – княгиня Анна Ивановна Толстая (урожденная Барятинская), причем в том же возрасте и в те же годы, что и сестры Протасовы. Данный шаг позволил княгине Толстой отдать своего сына в иезуитский пансион Петербурга Эммануила Николаевича Толстого и склонить к католичеству своих дочерей – Евдокию и Екатерину (в замужестве – Любомирскую). Католицизм Э. Н. Толстого, как и в случае с Луниным, прямо способствовал формированию его оппозиционных взглядов и сближению с декабристами. За княгиней А. И. Толстой последовали ее племянница Леонилла Барятинская-Витгенштейн с дочерью Антуанеттой Витгенштейн-Киджи; графиня Юлия Самойлова и ее семейство; Шуваловы – бабка Екатерина Петровна, тетка княгиня Дидрихштейн, мать София (урожденная Щербатова). Наиболее знаменитыми католиками среди них стали Григорий Шувалов, сестра Анастасия, воспитатель детей – Иван Мартынов. Александрина Шувалова, поменяв веру в 1819 г., поселилась в Париже вместе с двумя дочерьми.

Многие русские аристократки, переезжая на историческую родину своего супруга-католика, автоматически меняли и конфессию, а потому несколько удивляют утверждения некоторых отечественных историков,

что «первым русским католическим центром можно считать Villa Volkonski в Риме», хотя бы потому, что в архивах хранится еще достаточно неизученных документов, а из опубликованных фактов достоверно известно, что семейство Бутурлиных покинуло Россию на 10 лет раньше Волконской.

Тайный советник, директор императорского Эрмитажа в 1809–1817 гг., граф Д. П. Бутурлин с 1793 г. был женат на А. А. Воронцовой. Супруги имели двоих сыновей и трех дочерей, с которыми покинули Россию по причине тяжелого астматического заболевания графа. Переселившись в Италию в августе 1817 г., графиня, дочери и старший сын «перешли в латинство и уже не возвращались в Россию».

Биографы А. А. Бутурлиной сообщают, что графиня, несмотря на юный возраст, отличалась железным нравом. Мемуары ее сына – историка М. Д. Бутурлина – единственного из Бутурлиных, оставшегося в православии после смерти отца (скорее всего, по экономическим соображениям) – представляют достаточное количество фактов о том, что первые католики, приезжая в Италию, посещали дом ортодоксальной католички А. А. Бутурлиной как местный «русский католический центр». Среди единоверцев графини упоминаются имена ее сестер – М. А. Воронцовой, миланской маркизы Терци (урожденной княжны Голицыной) и др. Как непосредственный очевидец мучений, которые испытывали близкие женщины при переходе в католицизм, Михаил Дмитриевич свидетельствовал: «О, не без борьбы... совершился скорбный переход моих семейных в Римскую церковь!» Все его сестры и братья перешли в католическое вероисповедание, породнившись с итальянцами, ибо до Второго Ватиканского собора это было обязательным при «смешанных» браках: старшая сестра Мария вышла замуж за тосканского графа Диньи, средняя Елизавета – за ломбардского маркиза Соммарина, младшая Елена – за ломбардского князя Видонио Сорреджиано. Не вызывает удивления сокрытие некоторыми из них факта перехода в другую веру, ибо, как уже отмечалось, на родине эти дамы объявлялись «рenegатками».

Для современников ярким олицетворением национального, политического и религиозного ренегатства стали персоналии таких незаурядных женщин, как генеральша С. П. Свечина и княгиня З. А. Волконская, в поисках своих идеалов переехавшие из России во Францию и Италию. Именно персоналии этих женщин повлияли на обращение многих других русских дворянок.

Их уход из жизни совпал с завершением в России эпохи католицизма как формы политической оппозиции, ибо с началом реформ 1860-х гг. случаи перехода в католицизм по идейным соображениям постепенно прекратились. Вера становилась личным, интимным делом. Католики пе-

рестали преследоваться государством, и мода на католицизм стала исчезать, хотя случаи перехода в римскую веру еще встречались [16]. Такие переходы в католичество на фоне жизненных неудач и психических расстройств были нередки и во второй половине XIX столетия, о чем свидетельствуют захоронения российских граждан на католическом кладбище Верано в Риме [17].

В Европе искали подкрепления своей веры и граждане Российской империи, изначально рожденные в католическом вероисповедании. Так, после гибели мужа в польском восстании 1831 г. была вынуждена покинуть Варшаву убежденная католичка графиня Р. А. Ржевусская. Строгий цензор «Философских писем» П. Чаадаева, знакомая С. Свечиной и С. Шуваловой (женой дипломата Г. Шувалова, в римском салоне которой неоднократно встречались Р. Ржевусская и А. Тургенев [18, с. 10]), в 1833–1834 гг. она жила преимущественно в Италии и Швейцарии.

Спасаясь от жизненных перипетий и стремясь «замолить грехи» (еще в 1847 г. они тайно бежали из России), в начале 1860-х гг. в Рим переехали и родственница вышеупомянутой княгини Леониллы Ивановны Витгенштейн (урожденной Барятинской) со стороны мужа – супруга русского князя Н. Сайн-Витгенштейна (брата Льва Петровича) – Каролина Витгенштейн и любовь всей ее жизни – композитор Ференц Лист.

Как мы уже отмечали, в последней трети XIX – начале XX в. наступил третий этап увлечения католицизмом российских граждан. Во многом рост интереса был обусловлен ссылкой 45 тысяч польских повстанцев в середине XIX в. в глубь России. Значительная часть поляков поселилась в губернском Курске. В 1859 г. курская католическая община, состоящая примерно из тысячи верующих, обратилась с просьбой разрешить строительство храма. Строительство храма Успения началось в 1892 г. и закончилось через четыре года, в 1896 г.

В Храме Успения Богоматери венчался и крестил дочь выдающийся художник Казимир Малевич, живший в Курске более 8 лет. Примечателен еще один факт: наш город и приход регулярно с 1928 по 1930 г. посещала блаженная Болеслава Лямент, основательница конгрегации сестер-миссионерок Святого Семейства. Реликварий с частицей мощей блаженной находится и сейчас в костеле.

Начало XX в. стало эпохой Серебряного века, когда интерес к католической вере приобрел чисто эстетический характер и в основном поддерживался символистами и их лидерами – Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Римская вера уже не использовалась как средство противостояния государству, в ней уже не искали духовного удовлетворения. Католицизм для русской интеллигенции стал философией. Побывавший в 1908 г. в России П. О. Пирлинг (будущий директор Славянской библиоте-

ки) отмечал: «Католическое движение постепенно сходит в России на нет. Есть только отдельные обращения и даже призвания» [14, с. 93].

Среди этих обращений и призваний наибольший интерес вызывают такие личности, как Юлия Данзас и Раиса Маритен, нашедшие спасение от российских катаклизмов начала XX в. в посвящении себя изучению философии католицизма.

Данзас Юлия Николаевна (1879–1942), историк религии, теолог, религиозный и общественный деятель. Родилась в Афинах в семье русского дипломата. С 1888 г. жила в России в Харьковской губернии, затем в столице, где и окончила гимназию (1895). Став вольнослушательницей Сорбонны, изучала философию и психологию. Будучи с 1907 г. фрейлиной императрицы Александры Федоровны, заведовала ее благотворительными делами. Во время Первой мировой войны заведовала складом Красного Креста при 10-й армии, затем поступила добровольцем в 18-й Оренбургский казачий полк, приняв в 1916 г. участие в боевых действиях. Была награждена Георгиевским крестом. С февраля 1917 г. работала в Публичной библиотеке, преподавала во 2-м Государственном университете (Психоневрологическом институте). В 1920 г. по протекции М. Горького стала заведовать отделением Петроградского Дома ученых. Здесь, на одном из религиозно-философских собраний познакомилась с экзархом русских католиков о. Леонидом Федоровым и под его влиянием приняла католичество. Вместе с ним организовала в 1921 г. монашескую общину Св. Духа, а в 1922 г. постриглась в монахини под именем Иустины.

11 ноября 1923 г. Данзас была арестована в числе других петроградских католиков. Ей было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации среди католиков, осуждена по ст. 61 на десять лет лишения свободы. Содержалась сначала в Иркутской тюрьме, а с 1928 г. была заключенной Соловецкого лагеря особого назначения. Работала счетоводом и библиотекарем Соловецкого музея. В 1932 г. ее перевели на ст. Медвежья Гора, в управление строительством Беломоро-Балтийского канала, где она работала в отделе статистики. Была освобождена досрочно опять-таки по ходатайству М. Горького в янв. 1932 г. После освобождения жила некоторое время в Ленинграде и Москве, затем при содействии Горького в 1933 г. уехала из СССР [19].

За границей Данзас поселилась сначала в Берлине, у брата Якова, затем – во Франции, сначала в монастыре г. Пруль, а потом в г. Лилле, где работала в доминиканском центре по изучению России «Истина». Там она издавала журнал «Russie et Chrétienté», много писала (на французском языке). Из ее работ того времени следует отметить воспоминания о Соловках, вышедшие анонимно, "Bagne rouge. Souvenirs d'une prisonnière au pays des Soviets" (Juvisy, 1935). Для истории русской религиозно-

философской мысли имеет значение ее исследование «L'itinéraire religieux de la conscience russe» (Juvisy, 1935), вызвавшее резко отрицательный отзыв Н. А. Бердяева (Путь. 1936. № 51).

В мире современной мультикультуризации также можно отметить примеры католизации российского общества, причем не только в крупных городах страны (в университетах которых получает образование молодежь из стран католической ориентации). Москва и Петербург давно стали примером своеобразного экуменизма. Вызывает несомненный интерес тот факт, что в постперестроечный период возродились католические диаспоры и в нескольких провинциальных городах России. Среди них присутствует и областной центр Курск, где еще в конце XIX в. по инициативе сосланных поляков был построен католический храм Успения Богоматери, о чем мы рассказывали выше.

Деятельность католической общины в городе возобновилась в 1993 г., что было обусловлено общей направленностью на восстановление нормальной деятельности католической церкви в России в начале 90-х гг. XX в. В 1997 г. здание храма было возвращено Церкви.

31 мая 2003 г. католический приход в Курске посетила генеральная настоятельница конгрегации Св. Елизаветы Венгерской Маргарита Вишневецка. С того времени здесь – при Курском Римско-католическом приходе Успения Божией Матери – начали служить сестры Святой Елизаветы. В 2006 г. приходская община торжественно отмечала 110-летие храма. Количество прихожан выросло не только за счет местных жителей, но и благодаря иностранным студентам, обучающимся в вузах Курска. Монашки-елизаветинки трудятся здесь так же самоотверженно, как они работают в 19 странах мира. Сестры убеждены, что «духовное призвание – это не избранность и никакая не заслуга. Бог просто дает его, часто приводя в изумление как самого человека, так и его родных и знакомых. В духовном призвании вербовка невозможна. Ибо только в святой воле Бога призвать, кого Он захочет» [20]. Таким образом, замкнулся своеобразный духовный круг, ибо в Курской губернии, в Марьино прошли детство, отрочество, юность княгини Леониллы Ивановны Витгенштейн-Барятинской, которая «в католическом мире второй половины XIX века... была необыкновенно влиятельной особой» [14, с. 70].

Все свою долгую жизнь княгиня Витгенштейн гордилась, что в ее венах текла кровь Святой Елизаветы Венгерской!

Список использованной литературы

1. Бакунин М. Философия, социология, политика. М., 1989. 623 с.
2. Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени : биографические очерки из русской истории. Женщины второй половины XVIII века / сост. Д. Мордовцев. СПб. : А. Черкесов и К., 1874. XII. 317 с.
3. Шашков С. С. История русской женщины. 2-е изд. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1879. 352 с.
4. Семенова Л. Э., Семенова В. Э. Образ женщины в религиях мира // Сборник научных трудов: социально-психологические проблемы. Н. Новгород, 2002.
5. Цит. по: Рябов О. В. Жена, облеченная в солнце. М., 1997. 157 с.
6. Possevini A. Missio Moscovitica. Paris, 1882.
7. Градовский А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. Т. 3. СПб. : Тип. «М. Стасюлевич», 1875–1883.
8. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб. : Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. 714 с.
9. Оболенский М. А. Переписка по делу об открытии в Белоруссии иезуитского новициата // Сборник русского исторического общества. Т. 1. СПб., 1867.
10. Пуччо Д. Павел I // Итальянцы в России. Два тысячелетия дружбы // *La nostra gazzetta. Pompei*. 29.05.2008. № 62. 40 p.
11. Archivio di Stato di Napoli // Ministero affair Esteri // Fasc. 2909–2918 (1793–1860).
12. Нечаев С. Ю. Русская Италия. М. : Вече, 2008. 320 с.
13. Софья Петровна Свечина (1782–1859) еще в России испытала на себе «нравственное обаяние» Жозефа де Местра. После принятия католичества выехала вслед за ним во Францию. Сблизившись в Париже с верхушкой общества, генеральша Свечина стала одним из ведущих католических лидеров европейского общества, обладавшим большим авторитетом у Римского Папы и кардиналов. Ее салон стал духовным центром интеллигенции Парижа и очагом русского католичества, при этом С. П. Свечина отрицательно относилась к иллюминатству. Генеральша до конца дней оставалась сторонницей монархизма и ультрамонтанства, восхищаясь Николаем I и не реагируя на сообщения о преследовании католических священников в России. Восстание декабристов было осуждено ею как «зловещий заговор... преступления, задуманные исподтишка». Позиция Свечиной существенно отличалась от духовных исканий другой выдающейся «русской католички» – Зинаиды Александровны Волконской, как отличалась и их внешняя «харизма»: по воспоминаниям современников, Свечи-

на, неоднократно посещавшая Рим и Флоренцию, не обременяла себя доброжелательным расположением к своим соотечественникам.

14. Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. Идея всеевропейского единства в России XIX в. М. : Изд-во ЛКИ, 2015. 205 с.

15. Головкин Ф. Г. Двор в царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М. : Сфинкс, 2003. 480 с.

16. Самсонов В. Аркадий Нелидов. Курск, 2002. В 1860-е гг. бывший курский губернатор А. А. Нелидов после кончины супруги и шестерых детей, впав в затяжную депрессию, переехал в Рим. Сблизившись с иезуитами, надломленный «русский барин» перешел в католичество. По свидетельству старожилов с. Моква, был захоронен на родине, в России, но в одежде католического монаха.

17. Гасперович В. Шумков А. Российские могилы на римском кладбище. СПб. : Изд-во РГО, 1996. 32 с. (Российский некрополь; вып. 2).

18. Азадовский К. «Устаю от восхищения непрерывного...» (А. Тургенев в Риме) // Всемирное слово. 2005. № 17/18. 180 с.

19. Агурский М. С. М. Горький и Ю. Н. Данзас // Минувшее : ист. альманах. 1991. Вып. 5. 426 с.

20. Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов» в Санкт-Петербурге. URL: https://vk.com/seminary_petersburg

Любовь Николаевна Лисенкова,

кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, lunili@yandex.ru

УДК 94(47).084.2

«Быть историком современных событий»: лидеры кадетской партии в эмиграции о революции 1917 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды деятелей кадетской партии в эмиграции на революцию 1917 г. Принадлежа к интеллектуальной элите России, будучи свидетелями и участниками величайшего в мировой истории социального перелома и обладая уникальным политическим опытом, кадеты в изгнании создали богатейшую литературу, пытаясь понять, почему Февраль 1917-го, с которым было связано так много надежд на либеральное обновление страны, завершился Октябрьским финалом. Вину за срыв демократического процесса они возлагали не только на большевиков, но и на умеренных социалистов – меньшевиков и эсеров, которые не могли решиться на принятие жестких мер против сторонников «утопических экспериментов».

Уже летом 1917 г. альтернативу усиливавшему свое влияние большевизму кадеты видели в установлении военной диктатуры. В трагическом исходе русской революции они признавали и свою ответственность. Фатальная ошибка, допущенная партией народной свободы, состояла в настойчивом стремлении к продолжению войны. Описывая события 1917 г., кадеты главное внимание уделяли анализу тактических ошибок отдельных лидеров и политических партий. Историком П. Н. Милуковым были изучены глубинные, объективные предпосылки победы В. И. Ленина и его партии.

Ключевые слова: русское зарубежье, революция 1917 г., кадеты, П. Н. Милуков, В. Д. Набоков, Б. Э. Нольде, И. В. Гессен, П. Д. Долгорукий, В. А. Маклаков.

Liubov Lisenkova

Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Saint-Petersburg State Pediatric Medical University, Russia, Saint-Petersburg, lunili@yandex.ru

'Being a historian of contemporary events': leaders of the Kadet party in emigration about the revolution of 1917

Abstract. In the article are considered the views on the revolution of 1917 of the Kadet party leaders in emigration. Belonging to the intellectual elite of Russia, being witnesses and participants of the greatest social turning point in world history and possessing unique political experience, the Kadets created voluminous literature in exile trying to understand, why February 1917, which raised so many hopes for a liberal renewal of the country, ended with the October finale. They blamed the failure of the democratic process not the Bolsheviks only, but also moderate socialists – the Mensheviks and the Socialist-Revolutionaries, who could not decide to take stern measures against the supporters of 'utopian experiments'. It was in the summer of 1917, when the Kadets considered the military dictatorship as the alternative to Bolshevism. They also recognized their responsibility of the tragic outcome of the Russian revolution. The fatal error made by the Party of National Freedom was the urge to continue the war. Describing the events of 1917, the Kadets focused on the analysis of tactical errors of the leaders and political parties. Historian P. N. Milyukov studied the deep, objective prerequisites for the victory of V. I. Lenin and his party.

Key words: Russian Diaspora, Revolution of 1917, Kadets, P. N. Milyukov, V. D. Nabokov, B. E. Nolde, I. V. Hesse, P. D. Dolgoruky, V. A. Maklakov.

«Революция провела грань между настоящим и прошлым; но нашему поколению было дано жить в *обеих* эпохах; оно может сочетать в себе беспристрастие историка с осведомленностью современника, быть историком *современных событий*, – писал в эмиграции видный кадетский деятель В. А. Маклаков. – Свое прошлое мы можем наблюдать в исторической перспективе, зная, к чему оно привело; может, поэтому теперь судить о нем вернее, чем раньше» [1, с. 278].

Февраль 1917-го, с которым было связаны надежды на либеральное обновление России, завершился Октябрьским финалом. В изгнании кадеты мучительно размышляли над причинами кроваво-трагического пути, по которому пошла русская революция, обличали «виновных», откровенно писали о своих просчетах и ошибках.

Из богатейшего литературного наследия, оставленного деятелями либерального лагеря эмиграции, наибольшую научную ценность представляют историко-мемуарные труды лидера партии, ученого-историка П. Н. Милюкова. Считая приход к власти В. И. Ленина и большевиков величайшей трагедией России, желая понять и объяснить происшедшее, уже в ноябре 1917 г. в Ростове-на-Дону П. Н. Милюков начал работу над «Историей второй русской революции» [2]. В августе 1918 г. труд был закончен. Киевское издательство «Летопись» успело опубликовать только первый том, когда занявшие город петлюровские войска разгромили типографию и уничтожили рукопись. Лишь в 1920 г. в Париже автору удалось восстановить текст книги.

Назвав свой труд «Историей», П. Н. Милюков в предисловии оговаривается, что сам «хорошо сознает, что для истории революции в строгом смысле время не скоро настанет», выбрав такое название, он «хотел лишь сказать, что его цель в этой книге идет дальше личных “Воспоминаний”» [3, с. 3–4]. Кадетский лидер обещал принципиально отказаться от субъективного освещения и заставить говорить факты. Но активное участие в описываемых событиях помешало П. Н. Милюкову стать беспристрастным летописцем русской революции. Он написал субъективное и весьма полемическое исследование, в котором вину за трагический исход революции возлагал на революционную демократию и его лидера А. Ф. Керенского.

Начало революции в России П. Н. Милюков датировал 1 ноября 1916 г., когда в числе других ораторов, обличавших старый режим, он произнес с трибуны Государственной думы знаменитую речь, постоянным рефреном в которой звучал риторический вопрос: «Глупость это или измена?» «И хотя оратор, – вспоминал историк, – склонялся скорее к первой альтернативе, аудитория своими одобрениями поддержала вторую» [3, с. 33]. Речи этого дня, запрещенные цензурой, переписывались, в миллионах экземпляров они разлетелись по всей стране и привели к окончательной дискредитации власти.

Лидер кадетов напоминал: либералы не хотели и опасались революционных перемен во время войны. Настаивая на реформах, они пытались предотвратить революцию, но старый режим не проявил готовности к компромиссу и пошел навстречу собственной гибели.

Трагический рисунок русской революции П. Н. Милюков объяснял, прежде всего, крутым разрывом с политической символикой прошлого. Он вспоминал о своей безуспешной попытке убедить Великого князя Михаила Александровича воспринять переданную ему верховную власть, но Великий князь отказался принять российский престол. «За ним не чувствовалось любви и боли за Россию, а только страх за себя, – с горечью замечал лидер кадетской партии. – ...Совершилась первая капитуляция русской революции... создано положение, дефектное в самом источнике, – положение, из которого должны были развиваться все последующие ошибки революции» [3, с. 55].

Подробно прослеживая ход событий 1917 г., историк выделял ряд следующих друг за другом приблизительно в двухмесячный срок переворотов, причем каждый новый переворот ослаблял революционную власть, которая становилась все более «номинальной» и «фиктивной». Сообразно этому «ритму» русской революции он делил события эпохи Временного правительства на четыре периода: 1. Первое революционное правительство (2 марта – 2 мая). 2. Первое правительство коалиционного состава (2 мая – 2 июля). 3. Первый кризис власти и вторая коалиция (3 июля – 28 августа). 4. Второй кризис власти и третья коалиция (28 августа – 25 октября). Внутренним признаком последовательно меняющихся кабинетов являлся постоянно прогрессирующий распад власти.

Согласно концепции П. Н. Милюкова русская революция прошла через разрешение трех внутренне присущих ей противоречий, каждое в направлении капитуляции более умеренных течений перед более крайними.

Первое противоречие. Государственная дума, законопослушная и монархически настроенная в своем большинстве, сдала революции идею монархии.

Второе противоречие. Кабинет князя Львова, цензовый по составу, ввиду зависимости от Совета подчинился «целям социализма».

Третье противоречие развертывалось при следующем правительстве, первом коалиционном, когда, «приняв власть», умеренные социалисты вынуждены были делать «буржуазное» дело «социалистическими» руками. «Как можно было ожидать, – писал П. Н. Милюков, – эта двусмысленная позиция погубила их во мнении рабочего класса и чрезвычайно усилила левый фланг социализма – большевизм» [3, с. 57].

Уже летом 1917 г. Россия была поставлена перед роковым выбором: Корнилов или Ленин? Диктатура справа или слева? Но, «предав» генерала Л. Г. Корнилова, премьер-министр А. Ф. Керенский лишил страну последней возможности выйти из состояния распада и создать сильную национальную власть [4, с. 216–217]. Политический маятник качнулся

резко влево: Петроградский Совет стал прочной базой большевиков в борьбе за власть.

«Товарищеская близость» к большевикам умеренных течений русского социализма мешала им понять всю трагичность положения и необходимость принятия жестких мер против сторонников утопических экспериментов. Именно классовая позиция меньшевиков и эсеров, настаивал П. Н. Милюков, оказалась тем «подводным камнем», о который суждено было разбиться русской революцией.

Преступную пассивность и нерешительность проявлял А. Ф. Керенский. В дни октябрьского восстания премьер-министра покинули все, ни на одном из флангов российской общественности не обнаружилось твердой решимости защитить Временное правительство. «Злой рок судил, чтобы в ту минуту, когда нужно было собрать все силы на защиту русской государственности, эта государственность называлась именем Керенского, – писал кадетский лидер. – И своей легкой победой большевики в весьма значительной степени были обязаны тем, что имели такого противника в высоком звании Верховного главнокомандующего» [5, с. 240].

П. Н. Милюков, трезво и реалистически мыслящий политик, одним из первых в эмиграции порвал с идеологией «белой борьбы» и признал невозможным свержение большевиков вооруженным путем. В разработанной им «новой тактике» ставка делалась не на военную интервенцию, а на внутреннюю эволюцию советского режима в сторону демократии. Изменение политической позиции повлияло на интерпретацию историком событий 1917 г. Он склонен меньше винить в исторической неудаче Февраля отдельных лидеров и политические партии, а больше – объективные условия, глубинные причины и корни. В 1927 г. в Париже был издан двухтомник П. Н. Милюкова «Россия на переломе», в котором автор «хотел смотреть на события глазами историка, а не политика» [6, с. VIII].

Кадетский лидер предлагал искать объяснение «национального лица» русской революции в прошлом. Основная особенность исторического развития России заключалась в «известной слабости сцепления и цементирования частей, составляющих социальный агрегат»: 1) отчужденность масс и государственной власти, 2) острота классовых противоречий, 3) оторванность интеллигенции от низов, ее склонность к максимализму и утопическим решениям, 4) наличие центробежных национальных тенденций. «Соединенным результатом действия этих факторов, явился русский большевизм – специфически русский продукт, выросший на национальной почве и невозможный в этом виде нигде, кроме России», – констатировал историк [6, с. 29–38].

Размышляя над индивидуальными чертами и общими закономерностями революционного процесса, П. Н. Милюков сформулировал важный

социологический закон «*полевения революции*», согласно которому русская революция не могла остановиться на полпути и должна была достигнуть крайней октябрьской стадии [6, с. 40–41]. Многие явления, характеризующие наступление большевистского режима, по мнению историка, явственно обозначились уже к концу февральского периода революции. Он писал: «Раньше, чем стать большевистской, Россия созрела для большевизма» [6, с. 100]. «Военный коммунизм», развившийся во время войны в результате чрезвычайного расширения функций государства, делал более легким переход к большевистской диктатуре. «Солдаты уже начали самочинно прекращать войну, крестьяне захватывали земли, рабочие начали захватывать фабрики, – вспоминал П. Н. Милюков. – Ленину оставалось только санкционировать совершившийся процесс, чтобы привлечь на свою сторону сочувствие солдат, крестьян и рабочих» [7, л. 27 об.].

В 1940 г. П. Н. Милюков приступил к написанию своих воспоминаний. Он жил в Виши, Монпелье и Экс ле Бен, вдали от своей парижской библиотеки и архива, работал «при отсутствии всяких материалов, кроме запасов... памяти» [8, с. 7]. «Присяжный историк», как называл себя автор, помнил только то, что «исторически разумно» и можно ввести в логическую цепь причин и следствий. Неискренность уступок царского правительства сорвала попытки либеральных кругов сдержать народную революцию. Старая власть «самоликвидировалась», перед Россией открылись заманчивые демократические перспективы, но неспособность Временного правительства закончить войну привела страну к торжеству большевизма. Это было мужественное признание бывшего министра иностранных дел, который более чем кто-либо из деятелей Февраля боролся за продолжение войны до победного конца и за сохранение ее старых целей. Свою позицию лидер кадетов объяснял тем, что «выйти из войны... можно было только посредством сепаратного мира. А это рассматривалось как позор, несовместимый с честью и достоинством России» [9, с. 338–339].

Богатейший материал по истории русской революции, Гражданской войны и первых лет Советской власти содержит 22-томный «Архив русской революции», издававшийся в Берлине известным кадетским деятелем И. В. Гессеном с 1921 по 1934 г. Цель издания, как подчеркивалось в предисловии, исключая всякую предвзятость и партийность, дать правдивую картину величайшего исторического перелома, который переживала Россия, содействовать познанию исторической истины.

«Архив русской революции» открывается воспоминаниями В. Д. Набокова «Временное правительство», составленными под самым свежим впечатлением о пережитых событиях в апреле – сентябре 1918 г. В это время автор проживал в Крыму, писал по памяти, имея под рукой

только кипы номеров кадетской газеты «Речь». Он считал нравственным долгом всех, кто причастен к работе Временного правительства, оставить для беспристрастного суда истории свои правдивые и искренние записки.

В воспоминаниях в хронологической последовательности изложены основные события 1917 г. Наиболее интересные страницы посвящены рассказу о деятельности Временного правительства первого состава, в котором В. Д. Набоков занимал должность управляющего делами. Автор был подавлен той хаотической картиной, которую представляли заседания правительства, и принятыми решениями, имевшими характер «необдуманной и легкомысленной импровизации» [10, с. 27].

Вдумчивый наблюдатель, обладавший, несомненно, большим литературным дарованием, В. Д. Набоков создал яркие, порой нелюбимые, психологические портреты членов Временного правительства. Не скрывая презрения и ненависти, В. Д. Набоков писал о министре юстиции А. Ф. Керенском, у которого с «болезненным тщеславием... соединялось еще одно неприятное свойство: актерство, любовь к позе и, вместе с тем, ко всякой пышности и помпе». Психозом толпы автор объяснял преклонение, истерически-восторженное отношение к «случайному, маленькому человеку», сыгравшему роковую роль в истории русской революции [10, с. 35]. И только о министре иностранных дел П. Н. Милюкове В. Д. Набоков вспоминал с уважением и любовью: «Во Временном правительстве первого состава, самой крупной величиной – умственной и политической – был Милюков. Его я считаю, вообще, одним из самых замечательных русских людей» [10, с. 52].

Подробно и много автор писал об отношении П. Н. Милюкова к войне, и хотя сам не разделял упорное требование «войны до победного конца», но старался оправдать позицию, занятую лидером своей партии. «Милюков, ухватившись и до самого конца цепко державшийся за обещание Константинополя и проливов, думал только о благе России», – подчеркивал В. Д. Набоков [10, с. 56]. С негодованием он вспоминал об апрельских событиях, которые привели к отставке министра иностранных дел. И именно с того момента, когда П. Н. Милюков был принесен в жертву требованиям Исполкома Петроградского Совета, начался мартиролог Временного правительства. Последующие шесть месяцев, с их периодическими потрясениями и кризисами, с тщетными попытками создать сильную власть, были одним «сплошным умиранием». «Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть последнее коалиционное Правительство Керенского, обнаружило его внутреннее бессилие. Степень этого бессилия изумила даже хорошо осведомленных людей», – констатировал автор [10, с. 10].

На торжественном заседании Юридического общества 24 мая 1922 г. в Париже, посвященном памяти В. Д. Набокова, с рассказом о его деятельности в 1917 г. выступил барон Б. Э. Нольде. Доклад одинаково ценен и тонкой характеристикой В. Д. Набокова, и личными воспоминаниями автора о наиболее значительных моментах русской революции. В обстановке нараставших признаков разложения и гибели, отмечал докладчик, В. Д. Набоковым ясно и точно была сформулирована дилемма, стоявшая тогда перед Россией: «разумный мир или неминуемое торжество Ленина» [11, с. 11]. Но необходимость отказа «от борьбы до победного конца» считалась в кадетских кругах «греховной и запретной политической ересью». В партии господствовала концепция П. Н. Милюкова: революция была сделана, чтобы успешно завершить войну. Б. Э. Нольде оценивал ее как «один из наивнейших самообманов этой богатой всякими фикциями эпохи» [11, с. 10]. Он был согласен с В. Д. Набоковым, что только поиск пути к миру давал молодой российской демократии шанс на спасение.

В 1930 г. в Париже была опубликована книга Б. Э. Нольде «Далекое и близкое», в которой были собраны его газетные статьи, очень короткие, но насыщенные богатым историко-политическим содержанием. Несомненный интерес представляет статья «Как совершился Октябрьский переворот», в которой анализировался внутренний механизм развития событий в «самые трагические дни русской истории» [12, с. 156–166]. Идейным вдохновителем вооруженного восстания, отмечал автор, был В. И. Ленин, но главная роль в осуществлении большевистских замыслов принадлежала Л. Д. Троцкому. Со свойственным ему «темпераментом и задором» председатель Петросовета боролся с военной властью за влияние на столичный гарнизон, «единственную реальную опору в будущем захвате власти». Действуя весьма искусно, Л. Д. Троцкий убеждал солдат, что Временное правительство собирается отправить петроградские воинские части на фронт и, воспользовавшись этим, устроить новую «корниловщину». «Солдатам было мало дела до спасения революции, – подчеркивал Б. Э. Нольде, – но им совсем не хотелось на фронт... в течение нескольких дней анархия петроградского гарнизона была превращена Троцким в первые революционные действия» [12, с. 161–162]. Правительство не принимало никаких решительных мер против большевиков, открыто готовящих государственный переворот. Только 24 октября 1917 г. А. Ф. Керенский начал действовать и обратился за поддержкой к Совету Республики, но резолюция, принятая Предпарламентом, носила характер «маленькой нотации», прочтенной премьер-министру. Потеряв все надежды найти опору в столице, А. Ф. Керенский выехал на фронт, «но последние военные действия Временного правительства, – замечал Б. Э. Нольде,

– уже не история, а исторический анекдот» [12, с. 165]. Подлинная история совершилась в столице 25 октября 1917 г. Поднятые Л. Д. Троцким части без сопротивления заняли главные пункты города и окружили Зимний дворец. «В два часа в Смольном появился Ленин, чтобы пожать плоды того, что было завоевано фразой Троцкого и потеряно фразой его предшественников», – приходил к выводу Б. Э. Нольде [12, с. 166].

В последнем томе «Архива русской революции» опубликованы мемуары его редактора И. В. Гессена «В двух веках. Жизненный отчет» – ценнейший источник по истории либерального движения в России. В мельчайших подробностях, используя записи, сделанные через несколько месяцев после октябрьского переворота, автор передавал мысли, чувства, настроения, которые переживались им в 1917 г. С самого начала революции его не покидало предчувствие неизбежной трагической развязки. «Положительно утверждаю, – писал он, – что ни одной минуты не верил, что революции удастся прекратить разруху, обуздать стихию, всеми фибрами ощущая, что мы стоим на наклонной плоскости, на которой удержаться немислимо, а куда соскользнем – не вижу, и сохраним ли при этом голову на плечах – не думаю» [13, с. 356]. Беспомощность новой власти еще ярче обрисовалась с тех пор, как восторжествовал принцип коалиции буржуазных элементов с социалистическими. Автор обвинял представителей революционной демократии в том, что они, «считая тактику большевиков губительной, не решились, однако, четко от них отгородиться и, таким образом, добровольно отдавали дело социализма на поток и разграбление губительной тактики» [13, с. 368].

И. В. Гессен не сомневался, что уже 3–4 июля 1917 г. большевики предприняли первую попытку захвата власти. Эти события напоминали ему октябрь 1905 г., когда правительство и революция не решились померяться силами. «Весь ужас, – писал он, – в том и заключался, что для властного окрика не было воли – на одной стороне уже не было, на другой еще не накопилось» [13, с. 370]. И хотя министр юстиции П. Н. Переверзев передал газетам официальные данные, уличавшие В. И. Ленина в измене, успевшее оправиться от первого испуга правительство поспешило задержать оглашение этих сведений и дезавуировать П. Н. Переверзева. Это была демонстрация бессилия власти. В целях успокоения общественности печать чрезмерно писала о неудаче 3 июля как доказательстве слабости заговорщиков, но это была «ложь во спасение» – целесообразнее было подчеркивать грозящую революции опасность и принять решительные меры против сторонников утопических экспериментов. Только твердая власть могла спасти Россию, но «“заговор Корнилова” не только не удался, но смертельно разбередил революционную болячку» [13, с. 373].

Делегированный от Общества редакторов в Совет Республики И. В. Гессен оставил яркое описание работы этого учреждения, созыв которого считал «преступлением против несчастной родины». «Голосование, произведенное среди невероятного шума, не давало точных результатов, – вспоминал он, – недовольные требовали проверки, партийные загонщики рыскали по кулуарам – не застрял ли кто-нибудь из своих, многие переставали понимать, за что они голосуют... от края и до края всем было слышно и стало ясно, что власть совершенно беспомощная, что ее можно взять голыми руками» [13, с. 376]. 25 октября большевики оказались смелее, чем 3 июля, и без особых усилий им удалось свергнуть Временное правительство.

Калейдоскоп революционных событий 1917 г. запечатлен в мемуарах князя Павла Дмитриевича Долгорукова «Великая Разруха». Книга делится на две равные части: первая – воспоминания кн. П. Д. Долгорукова, озаглавленные автором «Великая Разруха», охватывает период (1916–1926); вторая – его биография, составленная братом Петром Дмитриевичем Долгоруковым. Обе части представляют исключительный и равный интерес, будучи объединены незаурядной личностью кн. П. Д. Долгорукова.

Пристальный и внимательный наблюдатель, автор воссоздал живые картины «толчеи и сумятицы» Таврического дворца в февральские дни. Либеральная общественность, по его мнению, допустила грубый просчет, согласившись на «оттеснение» Государственной думы от политики. Пренебрегшее ее поддержкой Временное правительство оказалось не в силах сдержать давление со стороны Совета р. и с. д., и возникшее с самого начала революции «раздвоение» власти неминуемо вело страну к анархии и смуте.

В апреле 1917 г. в качестве делегата Думской комиссии кн. П. Д. Долгоруков побывал на фронте, произносил речи, вел беседы с солдатами и офицерами, «наблюдая ту же двойственность, а потому и ослабление власти, что и в Петрограде» [14, с. 35]. Автор приходил к категорическому выводу: только вождь-диктатор может спасти страну от кровопролития и гибели. «К несчастью русского народа... – писал князь, – когда осенью 1917 года появился Корнилов, было уже поздно, власть оказалась в слабых, неумелых руках, способствовавших дальнейшему ее разложению и захвату ее большевиками» [14, с. 10].

В октябре 1917 г. во время борьбы со сторонниками В. И. Ленина в Москве кн. П. Д. Долгоруков находился в штабе сопротивления – Александровском училище. Не только недостаток пулеметов и патронов, нерешительность полковника К. П. Рябцева обеспечили победу большевиков. «На психику офицеров, – вспоминал князь, – удручающе действовала

мысль: умирать за кого, за Керенского? А его они презирали и ненавидели» [14, с. 51]. Борьба была проиграна. Россия взошла на Голгофу.

Размышлял над историческим смыслом русской революции и лидер правого течения кадетской партии В. А. Маклаков. Свои воспоминания, появившиеся сначала на страницах журнала «Современные записки», а затем вышедшие отдельным изданием, он посвятил истории либерального движения, оценке тех возможностей, которые появились в России после революции 1905 г. и создания Государственной думы.

В старой России, признавал В. А. Маклаков, было много «бессмысленного, жестокого и даже гнусного» [1, с. 287]. Жажда революционных перемен была создана, прежде всего, виною и ошибками старого строя. Но одновременно он ставил вопрос: все ли было сделано либеральной общественностью, чтобы предотвратить революцию? «В стране, столь насыщенной застарелой социальной враждой, незабытыми старыми счетами мужика и помещика, народа и барина, в стране, политически и культурно отсталой, – писал В. А. Маклаков, – падение исторической власти, насильственное разрушение привычных государственных рамок и сдержек не могли не перевернуть общество до основания, не унести с собой *всей* старой России. Это было величайшей опасностью» [1, с. 288].

«Историческая вина» кадетов, настаивал автор, состояла в том, что они не осознали необходимости сотрудничества с монархией и своей непримиримой тактикой открыли двери революции, которую считал величайшей «глупостью» и «преступлением». Даже если бы Февраль и утвердился, то «получилось бы только то, к чему Россия шла и *без того* эволюционным путем, к чему бы она и без Революции *все равно пришла бы*, хотя позднее, но зато гораздо более верным путем и с бесконечно *меньшими* жертвами» [1, с. 292]. Российские либералы изменили либерализму, отказавшись от предназначенной им историей роли реформаторов, и толкнули Россию к катастрофе.

В. А. Маклаков, один из блистательных российских адвокатов, в нарушении непрерывного правового развития видел главный, определяющий признак революции. И поэтому революция 1917 г. для него началась «в тот роковой для России день – 3-го марта, когда Михаил по совету Комитета Государственной Думы не принял престола, объявив трон вакантным, и когда назначенный Государем Председатель Совета Министров пренебрег таким назначением, не захотел быть законной властью, а предпочел свое происхождение вести *от победы над старым порядком*, от самозванных органов Революции, от Временного Комитета Государственной Думы и даже Совета Рабочих Депутатов» [1, с. 283]. Лидеры партии народной свободы, знатоки конституции и регламентов, были хорошо подготовлены к парламентским битвам, но мало годились для рево-

люции – для этого нужны были люди другого склада и темперамента. «Партия все потеряла, когда принуждена была играть роль в условиях революции», – констатировал В. А. Маклаков [1, с. 303].

Итог своей политической жизни лидер правых кадетов подвел в книге «Из воспоминаний», изданной в Нью-Йорке в 1954 г. В. А. Маклаков напоминал, что главное расхождение между ним и большинством кадетской партии было «в отношении желательности и возможности у нас революции». «Не могу сказать, – писал он, – будто кадетские лидеры революцию хотели, и даже просто с ней мирились, как с неизбежностью, но, в отличие от меня, они ее не боялись. ... Так как угроза революции могла заставить власть идти на уступки, то они эту карту продолжали играть, не отдавая себе отчета, что играют с огнем» [15, с. 320–321].

Деятели кадетской партии – интеллектуальная элита России, будучи свидетелями и участниками величайшего в мировой истории социального перелома и обладая уникальным политическим опытом, дали глубокий анализ истоков и сути российской трагедии 1917 г. Пройдя через ужасы Гражданской войны и тяготы изгнания, русская либеральная эмиграция сохранила не только беззаветную любовь к своему Отечеству, но и веру в то, что Октябрь 1917 г. лишь ступень в развитии Великой Российской Революции. Лидер кадетской партии П. Н. Милюков писал, что, «завершив свой кровавый и страшный круг», революция неизбежно придет к давно поставленной перед Россией задаче – свободе и демократии. Историк советовал «не проявлять нетерпение к большому и сложному революционному процессу, который в других странах потребовал десятилетия, если не столетия, для своего завершения» [6, с. XIII].

Список использованной литературы

1. Маклаков В. А. Из прошлого // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 38. С. 276–314.
2. Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Киев : Летопись, 1919. 171 с.
3. Милюков П. Н. История второй русской революции : в 3 вып. Вып. 1. Противоречия революции. София, б. и., 1921. 248 с.
4. Милюков П. Н. История второй русской революции : в 3 вып. Вып. 2. Корнилов или Ленин? София, б. и., 1921. 290 с.
5. Милюков П. Н. История второй русской революции : в 3 вып. Вып. 3. Агония власти. София, 1923. 307 с.
6. Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции : в 2 т. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. XXIV, 400 с.
7. ГАРФ. Ф 579. Оп. 5. Д. 145. Л. 27 об.

8. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955. 438 с.
9. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955. 397 с.
10. Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин : Слово, 1921. Т. 1. С. 9–96.
11. Нольде Б. Э. В. Д. Набоков в 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 5–13.
12. Нольде Б. Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж : Современные записки, 1930. 278 с.
13. Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин : Слово, 1937. 413 с.
14. Долгоруков П. Д. Великая Разруха. Мадрид, б. и., 1964. 459 с.
15. Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1954. 410 с.

Дарья Дмитриевна Щербакова,

магистр, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар, shcherbakova.dara@yandex.ru

УДК 94(47).084.9:314.743

Взаимоотношения советских диссидентов и российских эмигрантов первой и второй волн

Аннотация. В современном мире одна из проблем, представляющих интерес, – миграционные потоки. После распада СССР мы вновь говорим о Русском мире, и в этой связи интересна проблема взаимоотношения советских диссидентов, составивших ядро третьей волны эмиграции (пореволюционная эмиграция советского периода) и российских эмигрантов первой и второй волн.

Первую и третью волны эмиграции многое роднило, но слиться они так и не смогли. Между ними существовала пропасть времени, культуры и мировоззрения. Для каждого поколения существовала своя Россия. Появление в Русском мире эмигрантов третьей волны внесло ряд дискуссий, легших в основу самосознания русского зарубежья. Культурные, социальные и политические противоречия прямым образом повлияли на адаптацию представителей третьей волны.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, диссидентство.

Daria Shcherbakova

Master of History, Kuban State University, Russia, Krasnodar,
shcherbakova.dara@yandex.ru

Relations between Soviet dissidents and Russian emigrants of the First and Second waves

Abstract. In the modern world one of the issues of interest is migration flows. Nowadays after the collapse of the USSR, again we are talking about the Russian emigration. In this regard, we are interested in the problem of the relations between Soviet dissidents who formed the core of the Third wave of emigration (post-revolutionary emigration of the Soviet period) and Russian emigrants of the First and Second waves.

The first and Third waves had a lot in common, but these waves could not merge. There was an abyss of time, culture, and worldview between them. For each generation there was a different Russia. The appearance of the Third Wave emigrants in the Russian abroad made a number of discussions that formed the basis of the self-consciousness of the Russian emigration. Cultural, social and political contradictions directly affected the adaptation of the third wave representatives.

Keywords: Third wave of emigration, First wave of emigration, Russian emigration, Soviet dissidents.

В конце 1960-х гг. русское зарубежье встретило новую волну эмиграции – третью. На тот момент эмиграцию как часть Русского мира составляли представители первой волны, их потомков и представителей второй волны.

Понятие «Русский мир» – это в первую очередь культурно-историческая категория, характеризующаяся многогранностью определений и понятий. Для нашего предмета изучения наиболее приемлемо определение, данное политологом О. Н. Батановой: «...глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе» [1, с. 164].

С понятием «Русский мир» близко пересекается понятие «русское зарубежье», определяемое как совокупность деятельности всех тех, кто был частью Русского мира за рубежом, при этом данная категория не ограничивается в изучении эмиграционных процессов, а включает анализ деятельности, идейно-политические взгляды и т. п. [2, с. 168]

Эмиграционные потоки имеют пульсирующий характер и напрямую связаны с политической и идеологической ситуацией в стране. Существует множество классификаций эмигрантских течений, но для корректности формулировок в данной статье мы будем использовать нумерационную

терминологию, учитывая, что данные волны имеют отношение к пореволюционной эмиграции советского периода.

Первая волна эмиграции – самая массовая за всю историю России. События двух революций и Гражданской войны спровоцировали массовый исход населения, центральными точками которых стали Париж, Прага, Берлин, Белград, София и Харбин. Точных статистических данных о числе выехавших не составлено, но большинством ученых признается цифра от 1,5 до 3 млн человек с 1917 г. по 1920-е гг. [3, с. 499].

Большинство эмигрантов, среди которых были люди, прославившие русскую культуру и науку, так и не смогли полностью интегрироваться в среду проживания, сохраняя свою самобытность, культуру и традиции. Интеллигенция, бывшая основой данной эмиграционной волны, стала носителем образа России, противостоявшего своей идеологией и культурой Советскому Союзу.

Часть Русского мира также составляли эмигранты второй волны. Как и все эмиграционные волны, вторая волна – явление многогранное. Ее отсчет можно считать Великой Отечественной войну, сопровождавшуюся принудительным переселением («угоном») части советских граждан в Германию, военнопленными в немецких лагерях и проч. Уже после 1945 г. возникла проблема, названная ДР («ди-пи») и касавшаяся перемещенных лиц во время Второй мировой войны. Они и стали основанием второй эмиграционной волны. Большинство из них были подвергнуты репатриации, но существовала и часть, отказавшаяся возвращаться в СССР. Причиной отказа был страх репрессий, которые могли ждать ДР на родине. Составляющей частью второй волны слали коллаборационисты и советские граждане, сотрудничавшие с оккупационными немецкими властями, лица, переходившие на службу Третьего рейха. Около 300 тысяч советских граждан так и не вернулись на родину [4].

Советский Союз покинули И. В. Елагин, В. Ф. Марков, П. П. Козакевич, И. Д. Жадан и др. Крупнейшими же местами расселения представителей второй волны эмиграции стали такие страны, как США, Франция и государства Латинской Америки.

Третья волна эмиграции была не похожа на устоявшийся Русский мир и вместе с тем сама представляла из себя конгломерат разных, зачастую полярных идей и ценностей.

Начавшись со второй половины 1960-х гг., волна продлилась до конца 1980-х гг. и обладала еще одной чертой – пестрым национальным составом: евреи, немцы, испанцы, финны, поляки и другие народы. Любопытна особенность, присущая многим эмигрировавшим гражданам Советского Союза еврейской национальности. В частности, у них проявлялась «тенденция к ностальгической саморусификации», т. е. уже после эмигра-

ции они стали в большей степени проявлять черты русской культуры, нежели еврейской. «Чувствовавшие себя в советско-российской среде “особенными” как евреи, а теперь оказавшись в нерусской, непривычной и в общем чуждой им по традиционным ценностным установкам среде канадского общества, многие иммигранты этой волны обнаруживали, что их русская специфика во много раз перевешивает еврейскую», – пишет Черкасов [5, с. 70]. И уже в конце 1980-х гг. около трети прихожан в православной церкви в Торонто были крестившиеся советские евреи [6]. Таким образом, данные выходцы из Советского Союза интегрировались в Русский мир, изменяя его, будучи носителями и трансляторами советской культуры.

Костяк третьей волны состоял из интеллигенции, включающей и поколение «шестидесятников». Разочаровавшись в политике оттепели, как и в своих надеждах в 1970-е гг., многие стали участниками диссидентского правозащитного движения и вынуждены были эмигрировать (писатели В. П. Аксёнов, В. Н. Войнович, А. Т. Гладилин, А. А. Галич, Н. М. Коржавин; кинематографисты Э. Севела, М. Н. Калик, А. А. Тарковский и многие другие).

Яркую часть диссидентства представляли политически мыслящие интеллектуалы, заточенные на социально-политические проблемы и составившие ядро третьей волны эмиграции.

Если за 1954–1959 гг. выехало лишь 776 человек, то за 1960–1967 гг. число эмигрантов из Советского Союза выросло более чем в 7 раз и достигло цифры в 5632 человека [6, с. 19].

Эмигрировали советские граждане и добровольно, многие стали «невозвращенцами» из зарубежных командировок. Масштабной, не по размерам, а по значению, была принудительная эмиграция. Наиболее активно советское правительство использовало данную меру борьбы с инакомыслящими, политзаключенными, неугодными деятелями культуры с 1970-х гг. Именно тогда Советский Союз вынуждена была покинуть основная масса диссидентского движения и творческой интеллигенции. Одним из первых высланных стал В. Я. Тарсис (1966 г.), вскоре вынуждены были эмигрировать И. А. Бродский, Ю. Н. Вознесенская, С. Д. Довлатов, А. А. Зиновьев, Р. Х. Нуреев. В это время из СССР эмигрировали и были высланы «генералы» диссидентского движения: Л. М. Алексеева, В. К. Буковский, А. И. Гинзбург, П. Г. Григоренко, А. С. Есенин-Вольпин, Э. С. Кузнецов, П. М. Литвинов, Ю. Ф. Орлов, А. И. Солженицын, А. Д. Синявский, Н. Щаранский.

Отношение многих к эмиграции было отрицательным, зачастую те, кто оказался в ней по принуждению, вовсе не хотел покидать родину навсегда. Выехав на определенный срок за границу без намерения эми-

грировать, имея обратный билет, деятели оппозиционной советской интеллигенции могли оказаться лишенными гражданства.

Именно во время эмиграции третьей волны окончательно трансформировался географическая карта Русского мира, изменился главный ее вектор – с Европы на США. Америка станет центром русской эмиграции.

Оказавшись в эмиграции, деятели третьей волны зачастую оставались без средств к существованию, впрочем и в Советском Союзе многие из них были лишены работы, в том числе и в виде запрета на творческую деятельность, что стало решающим фактором для эмиграции. Однако, по словам Зинаиды Алексеевны Шаховской, «по сравнению с первой эмиграцией у третьей волны в материальном плане лучшее положение, благодаря известности, заработанной ими на Западе еще до выезда из СССР» [7, с. 355].

Западная пресса освещала положение диссидентов в СССР и за рубежом через интервью и комментарии самих участников движения. Многие диссиденты сотрудничали со СМИ и на постоянной основе. В своих воспоминаниях А. Солженицын пишет, что каждое его новое появление на публике вызывало ажиотаж в среде средств массовой информации: «Рабочие и служащие густо сидят, видят меня, узнают, приветствуют, корреспондентов в этом месте почему-то не помню. Но по улицам они нас сопровождают и бесцеремонно подсовывают к моему рту длинные свои микрофонные палки» [8].

Людмила Алексеева, составлявшая для конгресса США информационное пособие по диссидентскому движению и бывшая зарубежным представителем Московской Хельсинкской группы, упоминает, что в процессе написания пособия она выступала консультантом для конгрессменов по вопросам развития инакомыслия в СССР. Правительства принимающих стран поддерживали связи с эмигрантами, особенно активно пропагандировавшими антисоветскую риторику и либерально настроенными, а также собирали источники, посвященные деятельности диссидентов в СССР.

Те, кто не был удостоен внимания прессы и правительств принимающих стран, устраивались на работу в различные русские магазины, издательства, предприятия и создавали их сами. Эмигрантская пресса тех лет пестрит рекламой русских магазинов, книжных, кафе, а также различных услуг для эмигрантов. Часты были объявления: «Утки, индюшки, куры, гуси разного веса... Всегда имеется свежая птица. Рыбный отдел: имеется любая рыба – всегда свежая. Пельмени: русские, китайские и рыбные. Говорим по-русски. Спросите Матвея» [6, с. 62].

В эмиграции деятели третьей волны волей-неволей устанавливали контакты с представителями русских эмигрантских общин. Во второй половине XX в. постепенно угасают различные структуры русского мира –

эмигрантские организации, возникшие еще в 1920–30-х гг. В Русском мире появляется новое направление эмиграции – третья эмиграционная волна.

Несмотря на то что первую и третью волну многое роднило: принудительная высылка, творческо-интеллектуальный костяк – слиться волны так и не смогли. Волны отличало не только время, история, разница в возрасте, но и мышление. Язык третьей волны эмигранты прозвали «совпадским жаргоном» [9, с. 205]. Менее резок был в высказывании Роман Борисович Гуль, который в интервью Джону Глэду заявил, что язык эмигрантов третьей волны «ему, как представителю великой русской культуры, просто режет слух» [7, с. 355]. Нелестны были в высказываниях и представители самой третьей волны, которым язык белоэмигрантской среды представлялся никак не иначе чем «замороженной клубникой» [10, с. 215]. А. И. Солженицын в эмиграции даже напишет «Русский словарь языкового расширения».

Монархическому миру русского зарубежья было тяжело принять в себя новую, такую не похожую советскую культуру. Первая волна не понимала новых веяний, она была слишком законсервированной, и эта «законсервированность» явилась выработанной привычкой во имя сохранения прошлой России, которую они потеряли.

«Элита» первой волны в целом неприязненно относилась к советским эмигрантам, «неосознанно» видя в них причину всех своих бед и зол. Как уже говорилось, упреком для третьей волны была низкая культура; так, Борис Филиппов, эмигрант второй волны, говорил о представителях третьей волны эмиграции, что им «не хватает культуры» [7, с. 355]. Однако будет неправильно полагать, что люди, выросшие и сформировавшиеся в СССР, обладали более приземленной культурой. Именно интеллектуалы и творческие люди составили основу диссидентского сообщества третьей волны эмиграции. Действительно, их манера поведения отличалась, это было обусловлено тем хронологическим разрывом, существующим между волнами. Например, А. Синявский отмечал, что посещавшие его лекции в 1971 г. (первом году его эмиграции) старые эмигранты «невероятно отстали от начала XX века в эстетическом смысле и ушли куда-то в прошлое столетие» [11, с. 159].

Для промонархической части первой волны новые эмигранты становились чуждыми, их считали советскими шпионами, засланными большевиками: «В Советском Союзе, я был агентом империализма, здесь, в эмиграции, я “агент Москвы”... посланный разрушить русскую культуру...» [12]. Об оказавшемся в таком положении А. Синявском по сей день в эмигрантском обществе бытует мнение, что при освобождении из лагеря он стал сотрудничать с КГБ. Одним из создателей данного предположения

был Владимир Буковский, сам бывший представителем третьей волны эмиграции, он опубликовал в израильской газете «Вести» ксерокопию записки Андропова о Синявском и Даниэле, направленной в ЦК КПСС 26 февраля 1973 г., но впоследствии экспертиза доказала фальсификацию данного документа.

Говоря о Андрее Синявском, необходимо отметить его непростые отношения с русским зарубежьем. Иллюстрацией данного конфликта можно считать статью против Синявского, опубликованную Романом Гулем, известным публицистом первой волны, в «Новом журнале». К слову, не вся третья волна эмиграции поддерживала конфликт с А. Д. Синявским, например Павел Литвинов высказался о статье Р. Гуля как о безобразной, гнусной, советской абсолютно, только с точки зрения старых эмигрантов [13, с. 133]. Интересно, что Павел Литвинов, описывая опыт сотрудничества с «Новым журналом» и с его издателем Романом Гулем, говорил, что Р. Гуль «не понимал диссидентов, не понимал демократии, был такой классический старорежимный белогвардеец-антикоммунист» [13, с. 132].

Видный деятель третьей волны эмиграции Александр Александрович Зиновьев, высланный в 1978 г. из СССР за роман «Светлое будущее», так описывал свое положение в изгнании: «Старая же русская эмиграция меня вообще встретила крайне враждебно... Я все десять лет жил в обстановке ложных слухов, клеветы, травли» [11, с. 234]. Однако он уточняет, что рядовые эмигранты отнеслись к нему и его деятельности положительно, отрицательное отношение же связывается с эмигрантскими «генералами», такими как А. И. Солженицын. По мнению самого А. А. Зиновьева, эмигрантскую среду раздражали та независимость и тот успех, который ему сопутствовал.

Но были и те, кто шел на сближение вопреки всем слухам. Так, С. Крикорьян, выходец из семьи, эмигрировавшей в первую волну, вступил в переписку с невозвращенцем Анатолием Васильевичем Кузнецовым, оказав ему вотум доверия и «введя с обществом». А. В. Кузнецова эмигрантская среда обвиняла в шпионаже и работе на КГБ [14]. Писатель действительно признавал работу на КГБ, объясняя это желанием эмигрировать. Даже в среде третьей волны многие осуждали его действия, как, например, Андрей Амальрик в своём «Открытом письме»: «Вы все время пишете: меня вызвали, мне велели, цензура всегда ставила меня на колени... и т. д. Мне кажется, что если Вы постоянно шли на уступки и делали то, что в душе осуждали, то Вы и не заслуживали лучшего отношения со стороны КГБ или цензуры. Я думаю, что вправе сделать Вам этот упрек... И не потому, что хочу осудить Вас лично, а потому, что хочу осудить философию бессилия и самооправдания, которая проходит через все, что Вы

сказали или написали на Западе» [15]. Самого Андрея Алексеевича Амальрика эмиграция тоже не приняла, негативное отношение к нему сформировалось задолго до его высылки из СССР в 1976 г.

Известно, что именно Андрей Амальрик был связным между диссидентами и западной общественностью. Через А. Амальрика проходило множество самиздата – так, благодаря его деятельности за рубежом было опубликовано письмо Ларисы Богораз и Павла Литвинова – обращение к мировой общественности, в котором авторы призывали советскую власть обеспечить присутствие международных наблюдателей в судах над диссидентами [16]. Также на запад была передана статья А. Д. Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». А. Амальрик стоял у истоков создания Московской Хельсинкской группы – системообразующей организации советского правозащитного движения.

Изданная в 1969 г. на Западе работа А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» была крайне негативно встречена эмиграцией [17]. Выдвинутые автором тезисы об «очень низком культурном уровне большей части нашего народа», а также высказывания о русском народе как «народе без религии и морали» никак не могли вызвать симпатию у промонархических групп русского зарубежья [6, с. 202–203].

Так, Д. В. Поспеловский, известный историк Русской православной церкви, назвал работу Андрея Амальрика «несерьезной», а автора – «очень слабым историком» [6, с. 203–204]. М. Л. Слоним, литературовед и деятель эссеровского движения, назвал статью Амальрика «опасным документом», считая, что она может привести к ослаблению деятельности либеральной оппозиции в СССР [6, с. 204]. М. Слоним, напротив, полагал, что советская интеллигенция не столь «безнадежна», как это представлялось автору статьи. К. Д. Померанцев, поэт и журналист русского зарубежья, упоминал, что эмигрантскую среду раздражали прогнозы Амальрика, пророчившие войну с Китаем, розни между республиками и распад России.

Деятели, хронологически составляющие третью волну эмиграции, создавали различные организации, контактирующие с представителями Русского мира. Одним из них был Александр Исаевич Солженицын, который в изгнании создал Русский общественный фонд. А в «Обращении к российским эмигрантам» А. И. Солженицын обозначил одну из целей фонда – соби́рание личных воспоминаний соотечественников в эмиграции [18, с. 45–46]. Фонд принимал рукописи, размещал по каталогам воспоминания эмигрантов о революции, Гражданской войне, о жизни в эмиграции и СССР. Сам же Солженицын в эмиграции брал интервью, общался с

прессой и представителями первой волны эмиграции, собирая материал для своих литературных произведений.

Владимир Буковский совместно с Эдуардом Кузнецовым и кубинским диссидентом Армандо Вальядаресом основали в Париже в 1983 г. международную антикоммунистическую организацию «Интернационал сопротивления» [19]. Главной задачей организации стало проведение антикоммунистической пропаганды в зонах вооруженных конфликтов.

Контактировали деятели третьей волны и с организациями, созданными задолго до их появления на Западе. Одной из площадок для общения были конференции и отчетные заседания Народно-трудового союза (НТС). Так, накануне «перестройки» М. С. Горбачева на собраниях заслушивались доклады как видных деятелей Союза (Р. Н. Редлиха, В. Д. Поремского), так и относительно новых участников из среды третьей волны (В. Войновича) [6, с. 91].

Все культурные, социальные и политические противоречия Русского мира повлияли на адаптацию диссидентов в эмиграции. Многие из них сами не очень спешили интегрироваться в уже сложившееся эмигрантское сообщество. Предпринимавший попытки к сближению с эмигрантами третьей волны В. Алой выделил еще один фактор разногласий: противоборство за место на «крохотном пяточке работы на Россию» [7, с. 355].

Существовало и еще одно важное отличие третьей волны эмиграции: у них изначально не было слепой надежды на возвращение, какие бытовали в среде белоэмигрантов. Первая волна увозила с собой свою Россию и видела себя как хранителей ее, существовавшая на месте их России страна была для них уже совсем иной, а люди, выросшие и сформировавшиеся в Советском Союзе, были чужды.

Однако нельзя однозначно полагать, что между представителями различных волн эмиграции, в том числе диссидентами, не существовало положительного общения, эмиграционные волны – в первую очередь понятие хронологическое, поэтому принадлежность к определённому периоду не всегда влияла на установление контактов. В русском зарубежье, безусловно, существовали прения между различными его представителями, но именно они способствовали формированию живой жизни русского зарубежья.

Говоря о положительном общении, мы можем привести пример: Иван Елагин, эмигрант из послевоенной среды, в интервью с Д. Глэдом говорил: «У меня прекрасные отношения сложились с определенными людьми из всех эмиграций и плохие отношения с людьми из всех этих эмиграций» [11, с. 60]. Данное высказывание только может подтвердить, что эмиграционные волны имеют важную характеристику – разнородный состав.

Для каждого поколения существовал свой идеал родины, своя Россия. Появление в русском мире эмигрантов третьей волны, в том числе советских диссидентов, и их взаимоотношения с «соотечественниками» внесли ряд ожесточенных дискуссий и полемик, как касающихся вопросов культуры, так и идейно-политического характера. Все это легло в основу самосознания русского зарубежья и третьей волны эмиграции.

Список использованной литературы

1. Кочеров С. Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 164–167.
2. Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. // Известия АлтГУ. 2009. № 4-1. С. 168–176.
3. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М. : Объединённое гуманитарное издательство, 2005. С. 493–519.
4. Путятин В. С. Русская эмиграция // Энциклопедия Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/russkaia_emigratsiia
5. Черкасов А. И. Русские канадцы // США – Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 68–72.
6. Антошин А. В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Т. 5 // Русский мир в XX веке : в 6 т. / под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М. : Алетейя, 2014. 376 с.
7. Средняк К. В. Третья волна эмиграции и русское зарубежье // Вестник ТГУ. 2009. № 8. С. 354–356.
8. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=69889&p=1>
9. Вайль П. Великий город, окраина империи: [О русской литературной эмиграции «третьей волны» в Нью-Йорке] // Знамя. 1994. № 10. С. 203–207.
10. Хазанов Б., Глэд Дж. Допрос с пристрастием: литература изгнания. М. : Захаров, 2001. 269 с.
11. Глэд Д. Беседы в изгнании : Рус. лит. зарубежье. М. : Кн. палата, 1991. 318 с.
12. Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/08/sinyavsky/>
13. Морев Г. Диссиденты: двадцать разговоров. М. : АСТ, 2017. 416 с.
14. Письмо Председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР Ю. В. Андропова в ЦК КПСС о мерах воздействия на английские власти с целью возвращения писателя Кузнецова. 4 августа 1969 г. // Лидеры советской эпохи. URL: <http://leaders.rusarchives.ru/andropov/docs/pismo-predsedatelya-komiteta-gosbezopasnosti-pri-sovete-ministrov-sssr-yuv-andropova.html>

15. Амальрик А. Открытое письмо А. Кузнецову // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=50673&p=1>
16. Даниэль А. Ю. Человек против СССР (Демонстрация семерых) // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/courses/40/1>
17. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>
18. Солженицын А. И. Подлинная свобода : избранная публицистика в годы изгнания. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 45–47.
19. Интернационал сопротивления. Интервью с Владимиром Буковским // Панорама. 1991. № 3(30), декабрь. URL: <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p30buk.html>

Ксения Владимировна Кушнерева,

магистрант, Вологодский государственный университет,
Россия, г. Вологда, k.v.kushnerova@yandex.ru

УДК 325.2

А. А. Амальрик о социальной стратификации в СССР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950—1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

Аннотация. В тексте настоящей статьи в социально-историческом контексте анализируется книга-эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Дается краткий экскурс в историческое наследие автора. Акцентируется внимание на личности Андрея Алексеевича Амальрика. Освещаются мотивы написания данного произведения как одного из воплощений направления «историческая футурология». Характеризуются взаимоотношения элит и других категорий населения. Подвергается осмыслению проблема социальной стратификации в СССР. Исследуется вопрос отношения разных категорий граждан к советскому режиму, а также скорость падения системы, предпосылки и причины этого события

Ключевые слова: А. А. Амальрик, эмиграция, диссидент, СССР, футурология, советская система, социальная стратификация.

Ksenia Kushnereva

Master's student of the Department of national history,
Humanities Institute of the Vologda state University, Russia, Vologda,
k.v.kushnereva@yandex.ru

A. A. Amalrik on social stratification in the USSR

Abstract. The text of theof this article analyzes the book-essay «will the Soviet Union Last until 1984?» in a socio-historical context. A brief overview of the author's historical heritage is given. Attention is focused on the personality of AndreyAmalrik. The author highlights the motives for writing this work as one of the embodiments of the "historical futurology" direction. The relationship between elites and the common population is characterized. The problem of social stratification in the USSR is being analyzed. The article examines the attitude of different categories of citizens to the Soviet regime, as well as the speed of the system's decline, the background and reasons for these events.

Keywords: A. A. Amalrik, emigration, dissident, USSR, futurology, Soviet system, social stratification.

Важнейшим вопросом, который пока так и остался недостаточно освещенным в исторических исследованиях, является проблема социальной стратификации в советской России. Одним из важнейших источников, помогающих прояснить данный сюжет, являются работы современников, в том числе политическая публицистика. Сохранилось довольно много работ советских диссидентов, рассуждающих по данной проблеме, и один из них – А. А. Амальрик. При изучении тематики, связанной с трактовкой А. А. Амальриком социальной стратификации в СССР, привлекались опубликованные и неопубликованные источники. К опубликованным источникам относятся произведения А. А. Амальрика. Неопубликованные источники исследовались в Архиве истории инакомыслия общества «Мемориал» (Москва). Был изучен фонд № 116 «Коллекция А. Амальрика» (1969–1980 гг.). Фонд сложился в 1996 г. в основном из поступлений от Л. Алексеевой, он пока не имеет описи. В данном фонде содержатся данные о биографии историка, письма, заметки и вырезки статей из иностранных журналов об авторе. С помощью данных документов представим краткий экскурс в историческое наследие диссидента в плане изучения социальной структуры советского общества.

Андрей Алексеевич Амальрик родился в 1938 г. в семье историка, одного из авторов популярной в свое время книги «В поисках исчезнувших цивилизаций». В 1959–1960 и 1962–1963 гг. изучал историю в МГУ. Подготовил курсовую работу «Норманны и Киевская Русь», написанную без оглядки на официальные теории и во многом противоречащую им, вследствие чего был исключен из университета со второго курса. После

этого Амальрик сменил много случайных работ, ухаживал за отцом-инвалидом. Но большую часть сил и времени он посвятил литературе. В 1963–1965 гг. написал ряд пьес. В мае 1965 г. А. Амальрика арестовали. Ввиду отсутствия постоянного места работы он попал под действие знаменитого «Указа о тунеядцах» (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г.). Ссылки на болезнь отца оказались неубедительны. Судебный процесс способствовал утверждению А. А. Амальрика в мысли о том, что «верность убеждениям заключается не в том, чтобы доказывать их правоту каждому встречному ослу, а в том, чтобы следовать им в своей работе...» [3]. Андрей Алексеевич был осужден на 2,5 года ссылки и перемещен в Красноярский край. Однако летом 1966 г. благодаря настойчивым хлопотам друзей и адвокатов ему удалось вернуться в Москву. По материалам впечатлений от ссылки А. А. Амальрик создал работу «Нежеланное путешествие в Сибирь» (издана в Нью-Йорке в 1970 г.). В июле 1976 г. Андрей Алексеевич вынужденно покинул СССР. Находясь в эмиграции, он продолжал общественную и публицистическую деятельность. Погиб 12 ноября 1980 г. в автокатастрофе в Испании.

Автор первым среди диссидентов начал постоянно общаться с иностранными корреспондентами (в мемуарах он писал, что выполнял роль «офицера связи» между диссидентскими кругами и зарубежными журналистами) [3]. Деятельность диссидентов меняла общественный климат страны, демонстрируя существование альтернативного взгляда на порядок вещей, утверждая ценность человеческой жизни и гражданских прав. Общеизвестно, что диссиденты подготовили интеллектуальную альтернативу советскому строю, способствуя нынешней общественной активности, преемственности принципов правозащитной деятельности. Фигура Андрея Алексеевича неоднозначна. О нем говорили так: «Амальрик является спорным человеком. Даже внутри небольшой группы советских диссидентов у него мало связей и много разногласий. Он – человек своего собственного ума и своего собственного мнения. Долгое время советские эмигранты и западные разведывательные эксперты настаивали на связи историка со спецслужбами [3].

В 1969 г. Андрей Амальрик написал эссе под названием «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В данной работе А. А. Амальрик скептически оценивал устойчивость советского режима и на гипотетическое постсоветское будущее также смотрел крайне пессимистически. Он сомневался в возможности демократического преобразования страны. Современники поразились предвидению Андрея Амальрика, предсказавшего будущий развал Советского Союза, но отмечали, что не всё получилось так, как в его работах и пророчествах. Но факт остается фактом, во многом размышления Андрея Алексеевича подтвердились [3].

С выходом этого произведения наметилась новая линия в творчестве автора – футурологическая. Можно утверждать, что автор предсказывал еще в 1969 г. крах системы. Ее гибель, по мысли автора, скорее всего должна была произойти в результате конфликта с Китаем. Эти идеи никто не воспринимал всерьез. А. Амальрик ошибался насчет войны с Китаем. В настоящее время люди, почти не помнящие тот период, воспринимают распад СССР как очередной неизбежный исторический момент [3].

Примечательно, что помимо вопроса об исходе советского режима и его возможных причинах А. А. Амальрик охарактеризовал советское общество. Небезынтересен авторский взгляд на социальную стратификацию, в основе которой лежал принцип сопротивления режиму, исходящий от того или иного класса. Интеллигенция обозначалась термином «средний класс». При этом историк делал оговорки: «Это слово носит слишком неопределенный характер, характеризует не столько положение человека в обществе и обозначает не столько какую-либо общественную группу, сколько способность отдельных представителей этой группы к интеллектуальной работе. Я имею в виду, что научная работа требует, как правило, большой отдачи сил и полной сосредоточенности, привилегированное положение в обществе предохраняет от рискованных шагов, а воспитанное наукой мышление носит скорее умозрительный, чем прагматический характер» [2]. Следующей группой, которую выделял А. А. Амальрик, являлись рабочие. Историк резюмировал, что, «хотя рабочие представляют сейчас гораздо более консервативную и пассивную группу, чем ученые, я вполне могу себе представить через несколько лет крупные забастовки на заводах, но вот забастовку в каком-либо научно-исследовательском институте вообразить себе не могу». Итак, анализируя структуру советского социума, эмигрант выделял страты по виду деятельности и способности к сопротивлению. Далее автор отмечал формирование «класса специалистов» – категории граждан, которые впоследствии должны стать основой демократического общества. К данной совокупности «принадлежали люди, обеспечившие себе и своим семьям относительно высокий, по советским меркам, уровень жизни, обладающие профессией, дающей им уважаемое место в обществе, известной культурой и способностью более или менее здраво оценивать свое положение и положение общества в целом. Сюда относятся лица свободных профессий (писатели и артисты), лица, занятые научной и научно-административной работой, лица, занятые управленческой работой в экономической области» [2]. Отметим, что автор подчеркивал новизну общественных процессов, состоявших в том, что сам «класс специалистов» начинал осознавать свое единство и самоидентифицировать себя. Говоря о критериях социальной стратификации, историк выделял для среднего слоя следующие позиции: «...регулярная хоро-

шая пища, хорошая одежда, кооперативная квартира с хорошей обстановкой и иногда даже автомобиль, и, разумеется, какие-то развлечения» [2].

Характеризуя особенности советского социума, автор писал: «Следует сказать, что этот “парадокс среднего класса” соединяется любопытным образом с “парадоксом режима”. Как известно, режим претерпел очень динамичные внутренние изменения в предвоенное пятилетие, однако в дальнейшем регенерация бюрократической элиты шла уже бюрократическим путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Этот бюрократический “противоестественный отбор” наиболее послушных старой бюрократии, вытеснение из правящей касты наиболее смелых и самостоятельных породил с каждым разом все более слабое и нерешительное новое поколение бюрократической элиты». Таким образом, историк выражал мысль о самобытности советского исторического развития, на изменения в обществе которого влияла партия [2].

Говоря об оценках труда А. А. Амальрика, стоит отметить их неоднозначность, некую неопределенность в толкованиях. Одни говорили о значительном вкладе историка в изучение современных процессов. К примеру, журналист Владимир Фрумкин, эмигрировавший в 1974 г., высказался про работу так: «Поразила аналитическая часть, где автор ставил диагноз системе, описывал ее неизлечимые недуги. А вот футурологическая часть – предсказание скорого краха СССР – вызывала сильные сомнения» [3]. Следовательно, можно сделать вывод, что в эмигрантской среде не верили в такую скорость падения советского режима. Другие же отзывались отрицательно. Так, И. Александров не скупился в выражениях: «Взять, к примеру, некоего Амальрика, которого “Вашингтон Пост” величает “историком” и автором “захватывающих, блестящих” творений. На деле же он причастен не столько к истории, сколько к скандальным уголовным историям. Мелкий клеветник-валютчик осужден советским судом к трехлетнему заключению» [1]. Объединяющей позицией являлось то, что современники поражались предвидению Андрея Амальрика, предсказавшего будущий развал Советского Союза, но отмечали недостатки его произведения.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что автору с некоторой неточностью во времени и в предполагаемых причинах удалось предопределить падение советского режима. Следует также отметить, что Андрей Алексеевич был реабилитирован судом. С 1990 г. его книги и статьи начали переиздаваться в постсоветской России.

Список использованной литературы

1. Александров И. Нищета антикоммунизма // Правда. 1970. 17 дек.
2. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вѣхи». URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (дата обращения: 15.04.2020).
3. Архив истории инакомыслия общества «Мемориал». Ф. 116.

Павел Андреевич Алипов,

кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва, palipov@mail.ru

УДК 930.1

Научная деятельность Н. П. Кондакова в оценках советских ученых 1920-х гг.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются первые отзывы на кончину выдающегося российского историка Н. П. Кондакова, появившиеся в советской периодической печати. Акцент делается на разнице в освещении его научной деятельности со стороны дореволюционной и зарождающейся советской научной элиты. Отмечается более критическое отношение к его творчеству среди молодых советских специалистов. Подчеркивается тот факт, что в 1920-е гг. биографический эмигрантский аспект жизни ученого еще не играл решающую роль при оценке его интеллектуальных достижений.

Ключевые слова: Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, В. Н. Лазарев, византийское искусство, иконографический метод.

Pavel Alipov

Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow, palipov@mail.ru

The scholarly activity of N. P. Kondakov in the assessments of the Soviet researchers of the 1920s

Abstract. The first reaction on the death of the outstanding Russian historian N. P. Kondakov in the Soviet periodicals are the main topic of the present article. The author emphasizes the difference between the highlighting of the scholar's activity from the side of the pre-revolutionary intellectual elite and the Soviet one. The more critical attitude of young Soviet specialists towards his heritage is being noted. The author also underlines the fact that the biographical émigré aspect of Kondakov's life had not yet played the decisive role in the process of assessment of his intellectual achievements in the 1920s.

Keywords: N. P. Kondakov, F. I. Uspensky, V. N. Lazarev, Byzantine art, iconographical method.

Выдающийся отечественный ученый Н. П. Кондаков (1844–1925) еще при жизни приобрел всеобщее признание как интеллектуальный лидер и первопроходец в таких научных областях, как история искусства Византии и Древней Руси. Вынужденный эмигрировать из Советской России уже в очень преклонном возрасте (в 1920 г. Никодиму Павловичу исполнилось 76 лет), последние годы своей жизни он посвятил преподаванию сначала в Софийском, а затем в Пражском университетах. Однако, несмотря ни на какие трудности, здесь он сумел не только не затеряться среди местных историков, филологов, искусствоведов, но и стать своего рода локомотивом в научной разработке интересовавших его самого и его многочисленных коллег и последователей сюжетов. Организованный учениками Никодима Павловича «*Seminarium Kondakovianum*», позже преобразованный в Археологический институт им. Н. П. Кондакова, стал мощнейшим центром гуманитарных исследований в Восточной Европе, в деятельность которого оказалась вовлечена целая плеяда замечательных специалистов. Не случайно в наши дни этот международный проект признается исследователями русского зарубежья в качестве наиболее известного и успешного научного предприятия российских эмигрантов 1920–1930-х гг. [1, с. 209; 2, с. 204–205].

Тем не менее посмертная оценка научной деятельности Н. П. Кондакова оказалась не такой однозначной, как можно было бы себе ее представить. Если в среде ближайших учеников и последователей ученого царило восторженное единодушие, то на его родине, где стремительно набирали обороты иные подходы к осмыслению гуманитарных явлений и процессов, подобное единомыслие оказалось недостижимо.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть те противоречия, которые наметились среди советских ученых в понимании вклада Н. П. Кондакова в мировую науку, и определить причины, по которым большинство из них в итоге выбрали предельно критический вариант истолкования этого вклада.

Оценивая то, как он сам и его творческое наследие стали восприниматься новой элитой (прежде всего научной) зарождавшегося советского государства, в первую очередь принципиально важно понять, в какой мере имперское прошлое и эмигрантское настоящее ученого повлияли на историографическое осмысление его достижений в области истории византийского и древнерусского искусства, а также в разработке новой методологии изучения визуальных источников. Таким образом, необходимо сопоставить значение внешнего и внутреннего контекстов в формировании ка-

нонического портрета Н. П. Кондакова в интеллектуальном пространстве советской гуманитаристики.

Как уже было отмечено выше, российское научное зарубежье с огромным энтузиазмом включилось в целую серию мероприятий, посвященных чествованию ученого в связи с его восьмидесятилетним юбилеем. Ведущие отечественные историки-эмигранты с радостью откликнулись на призывы организаторов, с готовностью принимали приглашения выступить перед широкой научной аудиторией с обзорными докладами о жизни и творчестве своего наставника [см., например: 3, с. 228–257]. В Праге был подготовлен специальный сборник воспоминаний его коллег и учеников, на тот момент уже признанных корифеев исторической науки, где каждый поделился своими личными впечатлениями от знакомства с Н. П. Кондаковым и попытался вкратце обозначить суть его вклада в мировую науку [4; переиздано: 5, с. 199–227]. Праздничные торжества 1924 г. по иронии судьбы плавно перетекли в траурные церемонии, следовавшие вслед за скоропостижной кончиной Никодима Павловича в начале 1925 г. И снова в зарубежной периодической печати стали появляться обзоры его обширного интеллектуального творчества, оценки его многогранной научной и общественной деятельности [см., например: 6, с. 258–323]. Таким образом, оба повода – радостный и печальный – естественным образом способствовали увековечению памяти выдающегося российского ученого.

Примечательно, что в этих заграничных изданиях, наравне с эмигрантами Г. В. Вернадским [3, с. 228–257; 6, с. 258–323] и М. И. Ростовцевым [7, с. 211–216], свободно принимали участие такие советские ученые, как С. А. Жебелёв [8, с. 217–222], Д. В. Айналов [9, с. 324–347] и др. Жесткий запрет на подобного рода контакты с идеологически чуждой интеллектуальной средой еще не установился в полной мере. Гроза разразится позже, причем именно в связи с сотрудничеством С. А. Жебелёва с пражским «*Seminarium Kondakovianum*» [10, с. 101–109].

Однако в самом Советском Союзе уже в это время на до того безоблачном научном небосклоне засверкали первые молнии, сначала, впрочем, весьма редкие. Отечественная гуманитаристика на родине переживала период неопределенности, находясь на распутье. Методологические метания ученых во многом оказались связаны с их принадлежностью к разным поколениям [см. подробнее: 11]. Старшее, сформировавшееся в дореволюционной России в условиях теоретического и методологического плюрализма, продолжало идти своим путем, пока что не слишком откликаясь на новые веяния. Младшее, наоборот, стремилось самоутвердиться в зарождающейся советской науке, не дожидаясь, когда их более маститые коллеги освободят дорогу к долгожданному Олимпу. Самым эффективным

средством обновления научной элиты, таким образом, в середине 1920-х гг. явилась как раз возможность примкнуть к новой методологии, тем самым на вполне законных и с человеческой точки зрения порядочных основаниях (в отличие от доносов и публичных отречений 1930-х) решительно отмежевавшись от уходящих в прошлое дореволюционных авторитетов.

Именно по такой схеме развивалась рецепция научных взглядов Н. П. Кондакова в СССР. Сразу же после смерти ученого в советской печати приблизительно в одно и то же время выходят два совершенно разных по настроению и по тону отзыва на это событие. Один из них принадлежит представителю старой школы Ф. И. Успенскому [12], второй – молодому и амбициозному В. Н. Лазареву [13, с. 7–19], в будущем одному из ведущих лидеров советского искусствоведения. Их сопоставление поможет наглядно проследить отмеченные нами тенденции в советской гуманитаристике рассматриваемого периода.

Ф. И. Успенский (1845–1928) принадлежал к тому же поколению ученых, что и сам Н. П. Кондаков. Сегодня трудно сказать, кто из них обладал бóльшим авторитетом в области византиноведения. Инициатор создания Русского археологического института в Константинополе, ставший впоследствии его директором, Ф. И. Успенский приобрел за годы своей научной и организаторской деятельности очень хорошую интернациональную репутацию. Современный исследователь Л. Г. Хрушкова, специально занимавшаяся изучением зарубежных контактов Н. П. Кондакова, отмечает, что последний, будучи человеком довольно закрытым и малообщительным, не так часто принимал участие в международных конгрессах и симпозиумах. В этом смысле Ф. И. Успенский, безусловно, мог дать ему фору [см. подробнее: 14, с. 265, 270]. Впрочем, сам автор некролога (выросшего, заметим, из публичного доклада на заседании общего собрания Академии наук СССР 3 октября 1925 г.) говорит о своем коллеге как об ученом, обладавшем «прочной» известностью как в России, так и за ее пределами, авторитет которого в истории византийской археологии и искусства был общепризнан [12, с. 567, 571].

Федор Иванович подходит к своему делу с дореволюционной неспешностью и солидностью. Используя устаревшие словосочетания и выражения («ушедшего от нас сочлена» [12, с. 567], «долго жывал за границей» [12, с. 568], «нужно почерпать изучением их формы» [12, с. 575]), без раздумий ставя первую заглавную букву в слове «Богоматерь» [12, с. 573], он, как это было принято среди людей его поколения, зачастую использует некролог в качестве плацдарма для разворачивания своих собственных научных взглядов и предположений. Творчество Н. П. Кондакова служит для него лишь отправной точкой в этом процессе. Под конец автор работы

совсем уж скатывается к обсуждению занимавшего его частного вопроса о бытовании отдельных элементов византийских императорских облачений в варварской среде и, как бы поздно спохватившись, завершает свой мемориальный текст общим пафосным пассажем, обращаясь к ученикам Н. П. Кондакова с призывом продолжить труды своего учителя [12, с. 575–576].

Этот реквием по уходящей эпохе, эпохе и самого Ф. И. Успенского, звучит тем более пронзительно, что свой путь в науке оба ученых начинали вместе. Автор вспоминает о друге: «Судьба поставила меня в ближайшее с ним соприкосновение; начиная с 1875 г., когда я был назначен доцентом в Одесский Университет, где он состоял в то же время и в той же должности, в течение десяти слишком лет я был с ним в постоянных сношениях и мог близко наблюдать начальные годы его вступления в тесную область византийско-русского искусства» [12, с. 568]. Личные мемуары занимают еще целый абзац, смысл которого сводится к тому, что из относительного широкого круга профессоров, развивавших в Одессе византийские исследования, в дело своей жизни их превратили только двое – он сам и Н. П. Кондаков [12, с. 568–569].

Что же касается непосредственно анализа интеллектуального наследия коллеги, то Ф. И. Успенский подходит к нему концептуально и предельно лапидарно, сосредоточившись лишь на избранных трудах ученого и попытавшись представить широкими мазками характеристику его вклада в мировую науку. В итоге он выделяет три базовых компонента этого вклада.

Во-первых, продолжая линию своего учителя Ф. И. Буслаева (эта преемственность подчеркивается в некрологе не единожды [12, с. 567, 569, 574]), Н. П. Кондаков сразу обратил внимание на невозможность исследовать византийское искусство исключительно с помощью памятников письменности. «Он начал так отрицательно относиться к историческим источникам еще в восьмидесятые годы, и чем дальше, тем полней становилось расхождение его с историческими текстами» [12, с. 571]. Отсюда вытекает его интерес к самым разным видам визуальных источников: это и миниатюра (предмет изучения самого Ф. И. Буслаева) [12, с. 569–572], фрески [12, с. 573] и иконопись [12, с. 572–573], и архитектура [12, с. 572], и изделия эмальерного искусства [12, с. 573], а также «остатки быта и сохранившиеся следы житейского обихода» [12, с. 572], предметы промышленного производства [12, с. 572–575]. Широчайшая эрудиция, прекрасная осведомленность о новых археологических находках по всей Европе и за ее пределами, позволяли Н. П. Кондакову приходиться к поразительным выводам, делать широчайшие обобщения [12, с. 568, 572]. При этом, по мнению Ф. И. Успенского, за этими плюсами научного метода

Н. П. Кондакова скрывались одновременно и его минусы. При общей неразвитости на тот момент византиноведения, при том, что источниковая база еще не была выявлена в должной мере, подобная страсть к теоретизированию и построению глобальных схем зачастую оборачивалась их ошибочностью и необходимостью дальнейшей переработки с учетом постоянно обновляющегося вещественного материала [12, с. 574–576].

Во-вторых, занимаясь вопросами происхождения византийского искусства, Н. П. Кондаков вплотную подошел к проблеме влияний, которая и заняла со временем центральное место в его творчестве [12, с. 568, 572, 574]. И если в начале своего научного пути он стремился выявить те компоненты, из которых складывалось само искусство Византии, обращая внимание, в первую очередь, на классические античные элементы в его составе [12, с. 571], то впоследствии он обратил взоры и на периферию Империи ромеев, в частности на окружавшие ее варварские народы [12, с. 574–575] и Древнюю Русь [12, с. 573], теперь уже в их искусстве пытаюсь отыскать византийские веяния. Принципиальным видится и тот факт, что ученый «сильно выдвинул особый элемент – постоянный обмен с Востоком и заимствования из Индии, Китая и Персии» [12, с. 574]. Это был новый поворот в отечественном искусствоведении, особенно в той его отрасли, которая занималась специально византийскими и древнерусскими сюжетами.

Наконец, в-третьих, Н. П. Кондаковым была разработана особая методология, позволявшая ему решать поставленные задачи на высоком научном уровне. Этот метод, не называя его каким-то особым термином, Ф. И. Успенский описывает так: «В массе рисунков, часто передающих один и тот же сюжет, равно как в расположении фигур на сцене, в характере лиц и в костюмировке и проч. автор, при тщательном изучении материала, подметил особенности и отличия, какими характеризуется рисунок одного мастера в отличие от другого, один период художественной производительности сравнительно с другим, более ранним или более поздним» [12, с. 570–571]. Исследуя специфику этих отличий, он и смог выстроить достаточно логичную и убедительную схему влияний и заимствований, выделить элементы чисто оригинальные, рождавшиеся конкретным талантливым мастером в процессе его творчества, и тем самым составить общую картину развития византийского искусства [12, с. 571].

Таким образом, некролог, написанный Ф. И. Успенским, представляет собой классический образец этого жанра, сложившийся в дореволюционной науке. Теплый, добросердечный, можно даже сказать – человечный по своему настроению, он был призван стать данью памяти выдающемуся коллеге и другу. Даже легкие элементы критики, включенные автором в свой текст, предназначены не для того, чтобы как-то принизить значение

творческой деятельности Н. П. Кондакова, но, наоборот, чтобы показать, как его идеи могут инспирировать развитие научной мысли уже сейчас, после его кончины. В этом кроется наивысший комплимент, который только и мог сделать ученый, равновеликий по своим достижениям усопшему собрату.

Совсем иной отзыв на кончину Н. П. Кондакова был представлен молодым, набирающим обороты советским искусствоведом В. Н. Лазаревым. Очень вежливый, предельно уважительный, он содержит в себе между тем отчетливо различимые нотки металла, превращающие все достижения Никодима Павловича в историографический факт, не более того. О значении очерка В. Н. Лазарева уже написано в научной литературе. Его видение вклада Н. П. Кондакова в мировую науку стало на долгие годы хрестоматийным для советских ученых [14, с. 271–273]. Однако в наши дни отношение к методологии, выработанной в свое время выдающимся историком и искусствоведом, снова меняется [14, с. 273–275], а потому и критика самого В. Н. Лазарева может быть прочитана в совершенно другом свете.

К своему делу В. Н. Лазарев подходит очень серьезно: его статья гораздо более информативна и фундирована, чем некролог Ф. И. Успенского, и содержит значительно более системный анализ жизни и творчества Н. П. Кондакова. Довольно полно представлена биография ученого, в которой нашлось место сведениям и о его трудах на уровне общественно-научного служения [13, с. 7–10]. Максимально полно и в высшей степени скрупулезно рассмотрена теоретико-методологическая база его исследований [13, с. 11–16]. Наконец, в общих чертах, но в целом основательно дана схема исторического развития византийского искусства, как она изложена в работах историка [13, с. 16–19].

Примечательно, что В. Н. Лазарев старается максимально соблюсти политес в отношении почившего корифея византистики, делая все необходимые реверансы в его адрес. Отмечается и его пионерское внимание к самой теме византийского искусства, до того остававшейся абсолютной *terra incognita* в науке [13, с. 7], и выработка им самостоятельного, оригинального метода [13, с. 7, 14], и цельность его мировоззрения [13, с. 11, 19], и, конечно же, владение огромной фактологией [13, с. 11], ясность ума и работоспособность [13, с. 10], здравый смысл [13, с. 16], тонкость критического чутья [13, с. 8]. В одном месте В. Н. Лазарев даже позволил себе эмоциональное восклицание: «Приходится лишь поражаться, как одному человеку удалось произвести такую колоссальную работу, охватившую громадный материал самого разношерстного характера и из самых различных эпох» [13, с. 16]. По сути, мы видим здесь все те классические характеристики научного почерка Н. П. Кондакова, которые стали к тому

времени уже общим местом во всех историографических работах, посвященных ученому.

Однако подобные пассажи не могут скрыть желание автора доказать, что при всем своем общепризнанном величии Н. П. Кондаков не может в настоящее время рассматриваться в качестве актуального научного авторитета. В частности мы узнаем, что «Кондаков так и не дал в течение всей своей жизни ни одного систематического изложения своего принципиального понимания византийского искусства» [13, с. 8]. Более того, «Кондаков любил искусство, но далеко не всегда понимал его» [13, с. 12], ученый был лишен «тонкого глаза» [13, с. 12]. Его отличала «неискушенность в теоретических вопросах» [13, с. 14], даже «беспомощность» [13, с. 15], поэтому из-под его пера могли вылетать «нелепые фразы» [13, с. 14], он часто ошибался в датировке памятников, не всегда правильно указывал их местоположение, давал некорректные описания [13, с. 15]. Ко всему прочему добавлялся отвратительный стиль изложения, «тяжелый» и «громоздкий»: «Совершенно отсутствуют пафос, нервность, концентрация. Это делает чтение книг Кондакова довольно утомительным <...>. Длинные фразы, сложные обороты, подчас архаические, малопонятные выражения...» [13, с. 15]. Накопленные им факты в виде карточек с выписками, фотографий различных памятников, записных книжек составляли «хаотический архив» – ученый не мог и не хотел заниматься кропотливой работой со своим критическим аппаратом, так как подобная деятельность не соответствовала его темпераменту [13, с. 15]. Созданная Н. П. Кондаковым концепция развития византийского искусства в итоге также обладает рядом недостатков, главным из которых выступает ее сущностный дефект – базирование «на совершенно неисторических категориях расцвета и упадка» без какой-либо отчетливой характеристики каждой конкретной взятой эпохи [13, с. 18].

Главный же удар В. Н. Лазарев направляет в адрес методологии Н. П. Кондакова и, прежде всего, в отношении широко применявшегося им иконографического метода (хотя общеизвестно, что сам этот термин ученый не употреблял, он впервые появился именно в рассматриваемой работе В. Н. Лазарева). Онтологический недостаток метода автору видится в его историчности и недооценке эстетических критериев при анализе произведений искусства. Он многократно подчеркивает этот исторический уклон научной деятельности Н. П. Кондакова, который проявился еще со времени его первой лекции в Новороссийском университете. В ней «особенно оттенялось то положение, что наука истории искусств солидарна с другими историческими дисциплинами» [13, с. 8]. Для В. Н. Лазарева, адепта новой зарождающейся науки – искусствоведения, такое сознательное отстаивание идеалов чистой истории кажется неприемлемым

[13, с. 12]. Стоит вспомнить и контекст, в котором создавался отзыв: в СССР 1920-х гг. история в принципе была не в чести, что и признает сам Виктор Никитич, утверждая, что «наше время почти утратило вкус к чистой истории» [13, с. 11]. Между тем Н. П. Кондаков, «всю свою жизнь остававшийся верным убеждениям юности, не мог отказаться от этого “исторического” подхода к искусству» [13, с. 12].

В чем же заключалась эта пресловутая историчность? Дело в том, что Никодим Павлович, очень трепетно относившийся к конкретному факту (нельзя не вспомнить в этой связи так называемый кружок фактопоклонников, сложившийся в Петербургском университете из его учеников [15, с. 53]), воспринимал памятники искусства как «факты культуры, мало чем отличающиеся от прочих исторических фактов», «как продукты определенной среды» [13, с. 12]. Соответственно, в его работах «к ним никогда не применяются принципы художественного анализа, они расцениваются лишь по техническим, иконографическим и культурно-бытовым признакам» [13, с. 12]. Ученый, по мнению В. Н. Лазарева, сознательно отказывался воспринимать произведения искусства в качестве «эстетических явлений автономного порядка», живущих по своим собственным законам [13, с. 12]. Придавая первенствующее значение иконографии, он забывал о формах ее художественного выражения, не задумываясь о вопросах эстетического качества той или иной вещи: «Для ученого, занимающегося одной лишь иконографией, все изображения одинаково хороши, особенно если они заполняют брешь в изучаемой им эволюции какого-либо типа» [13, с. 14]. В итоге история византийского искусства, созданная Н. П. Кондаковым, не может восприниматься удовлетворительно именно в силу недостаточного обособления по своему методу от чистой истории [13, с. 14].

Интересен в этой связи пассаж В. Н. Лазарева, в котором лучшим учеником Н. П. Кондакова провозглашается Д. В. Айналов (собственно, и признаваемый в качестве настоящего основателя советского искусствоведения [14, с. 273]) и в то же время делается выпад в отношении «эпигонов кондаковской школы, перегружающих критический аппарат своих исследований массой фактов, никому не нужных и ничего не выясняющих в развитии общей концепции» [13, с. 12]. Конечно, можно только догадываться, кого конкретно имел в виду В. Н. Лазарев, но с большой долей вероятности кажется справедливым отнести этот укол на счет тех учеников Н. П. Кондакова, которые оказались за пределами СССР, вне лагеря молодой советской науки.

Два отклика на смерть выдающегося российского ученого Никодима Павловича Кондакова, появившиеся в советской печати сразу же после этого печального события, обозначили, таким образом, и две тенденции в

развитии гуманитаристики в СССР. Первая, постепенно сходящая на нет, была связана с дореволюционным типом научного мышления, когда о покойном коллеге говорить было принято с максимальным пиететом, которого он заслуживал, вне зависимости от того, каких взглядов придерживался сам автор отзыва. Вторая, набирающая силу, подобный плюрализм уже не допускала. Какие бы заслуги ни вменялись ученому при его жизни, его «отставание» от новых поисков советских специалистов служило залогом «сбрасывания с корабля современности». Особенность 1920-х гг. заключалась лишь в том, что пока еще это делалось культурно, интеллигентно, с серьезной научной аргументацией, в которой внешние обстоятельства его биографии играли совсем незначительную роль.

Список использованной литературы

1. Сорокина М. Ю., Стоюхина Н. Ю. К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2013. М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014. С. 209–220.

2. «Нет утешения в разлуке...»: переписка Н. П. и Н. В. Толлей и Н. Е. Андреева (1948–1980 гг.) / публ. Е. Н. Андреевой ; подгот. текста А. А. Кондратьевой и М. Ю. Сорокиной ; коммент. М. Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2018. М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2018. С. 203–232.

3. Вернадский Г. В. О значении научной деятельности Н. П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844–1924 // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М. : «Индрик», 2002. 415 с.

4. Никодим Павлович Кондаков: 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага : Б. и., 1924. 85 с.

5. Никодим Павлович Кондаков: 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М. : «Индрик», 2002. 415 с.

6. Вернадский Г. В. Никодим Павлович Кондаков // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М. : «Индрик», 2002. 415 с.

7. Ростовцев М. И. Странички воспоминаний // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М. : «Индрик», 2002. 415 с.

8. Жебелёв С. А. ОЕΥΣ ΤΑ ΠΡΑΓΜΑΤΑ // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М. : «Индрик», 2002. 415 с.

9. Айналов Д. В. Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М. : «Индрик», 2002. 415 с.

10. Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. : РОССПЭН, 1997. 623 с.

11. Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М. : ИРИ РАН, 2008. 294 с.

12. Успенский Ф. И. Памяти Никодима Павловича Кондакова. Некролог // Известия Академии наук СССР. VI серия. 1926. Т. 20, вып. 9. С. 567–576.

13. Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) // Лазарев В. Н. Византийская живопись. М. : Наука, 1971. 419 с. (Впервые очерк опубликован отдельной брошюрой в 1925 г.).

14. Хрушкова Л. Г. Никодим Павлович Кондаков в зарубежной научной литературе // Археология античного и средневекового города : сб. статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / отв. ред. В. В. Майко. Севастополь ; Калининград : РОСТ-ДООАФК, 2018. 372 с.

15. Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. : РОССПЭН, 1997. 623 с.

Михаил Алексеевич Безнин,

доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет, Россия, г. Вологда, beznin@uni-vologda.ac.ru

Татьяна Михайловна Димони,

доктор исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет, Россия, г. Вологда, dimonitm@yandex.ru

УДК 930/2

Российские экономисты-эмигранты о первоначальном накоплении в СССР

*Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства».*

Аннотация. Авторы обращаются к исследованию мнения крупнейших экономистов-эмигрантов из России о специфике советского экономического развития 1930–1950-х гг. Речь идет о трудах Н. М. Ясного, С. Н. Прокоповича,

С. С. Маслова и С. Кузнеця. Все они эмигрировали в первой четверти XX в. и хорошо ориентировались в экономическом и социально-политическом развитии СССР. Творчество ученых развивалось на территории Западной Европы и США, что не могло не политизировать в определенном плане их выводы. Работы ученых оказали огромное влияние на развитие экономических исследований и понимание процессов экономического роста. Одна из главных мыслей работ состояла в изучении соотношения накопления и потребления в СССР. Это позволило сделать им вывод о том, что советское построение социализма (индустриализация, коллективизация) вполне вписывается в процессы первоначального накопления капитала.

Ключевые слова: экономисты, эмиграция, первоначальное накопление, СССР, Россия.

Mikhail Alekseevich Beznin

Doctor of Historical Sciences, Professor, Vologda State University,
Russia, Vologda, beznin@uni-vologda.ac.ru

Tatyana Mikhailovna Dimoni

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vologda State University,
Russia, Vologda, dimonitm@yandex.ru

Emigrant Russian economists on initial accumulation in the USSR

This article was prepared with a grant from the Russian Science Foundation, project № 19-18-00269 «Transformation of Russian society in the 1950-1990s: class genesis and evolution of the economic structure».

Abstract. In the article, the authors turn to the study of the opinions of the largest economists - emigrants from Russia - the specifics of Soviet economic development of the 1930-1950s. We are talking about the works of N.M. Yasny, S.N. Prokopovich, S.S. Maslov and S. Kuznets. All of them emigrated in the first quarter of the twentieth century and were well versed in the economic and socio-political development of the USSR. The creativity of scientists developed in Western Europe and the United States, which could not but politicize their conclusions in a certain way. The work of scientists has had a huge impact on the development of economic research and understanding of the processes of economic growth. One of the main ideas of the work was to study the ratio of accumulation and consumption in the USSR. This allowed them to conclude that the Soviet construction of socialism (industrialization, collectivization) fully fit into the processes of the initial accumulation of capital.

Keywords: economists, emigration, initial accumulation, USSR, Russia.

В отличие от советской экономической науки, западные исследователи довольно много писали о периоде первых пятилеток в СССР как о периоде первоначального накопления. Это интересный феномен, так как теория о периоде первоначального накопления пришла из марксизма и

обозначала определенный этап, в ходе которого создавались предпосылки для перехода к капиталистическому устройству общества. Особенно много высказываний этого плана содержала англо-американская общественная наука. Не отрицая экономического роста в СССР, она обращала внимание на то, что источники накопления национального капитала лежали, прежде всего, в ограблении деревни. Данные подходы неоднократно воспроизводились в работах А. Ноува, Л. Шапиро, А. Гершенкрона, Н. Спалбера и др. В этом плане очень востребованными оказались работы специалистов по экономике России, эмигрировавших из СССР. Они не понаслышке были знакомы с реалиями экономической жизни советской страны, многие из них специализировались на экономических исследованиях в области сельского хозяйства как основной отрасли хозяйства СССР. Практически все экономисты-эмигранты из СССР принадлежали к небольшевистской политической партии, что, на наш взгляд, обязательно нужно учитывать при анализе их экономических представлений (Н. М. Ясный был меньшевиком, С. Н. Прокопович – кадетом, затем социалистом, масоном; С. С. Маслов – эсером и т. д.).

Наиболее известны за рубежом работы экономистов Н. М. Ясного и С. Кузнеця. Наум Михайлович Ясный родился в 1883 г. в русском городе Харькове, обучался в Петербургском, Харьковском и европейских университетах. Эмигрировал из России в 1921 г., перед переездом в США в 1933 г. работал в Институте исследований сельскохозяйственного рынка. В 1910–1920-х гг. опубликовал ряд работ, посвященных исследованиям сельскохозяйственного производства в России [1, 2, 3]. В США работал в правительственных учреждениях, неоднократно публиковал работы с оценками экономического развития СССР [4, 5, 6]. После Великой Отечественной войны работы по экономике СССР приобрели в США особую актуальность, хотя первоначально английские и американские ученые с осторожностью восприняли критику Н. Ясным советских статистических показателей.

Н. М. Ясный, анализируя проблемы экономического развития СССР конца 1920–1950-х гг., подробно рассмотрел величину национального дохода. Экономическая наука всегда уделяла много внимания данному показателю как исходному для определения уровня накопления в советском народном хозяйстве. Экономисты отмечали, что без национального капитала, сформированного в процессе накопления продуктов прошлого труда и результатов интеллектуальной деятельности, было невозможно движение к обществу индустриального типа. Приведем расчеты Н. М. Ясного величины национального дохода СССР (табл. 1).

Чистый национальный продукт* (доход) СССР за отдельные годы
(млрд руб., в ценах 1926/27 гг.)

	1928 г.	1937 г.	1940 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.
Всего, с дублированием	32,6	54,0	60,1	59,0	78,0	96,4	118,6
В том числе чистые инвестиции	5,1	18,0	18,0	18,0	26,1	32,3	39,9
Всего, без дублирования	29,8	51,1	56,4	54,7	72,8	90,7	111,5

Составлено по: Jasny N. Soviet industrialization, 1928–1952. Chicago : University of Chicago Press, 1961. Tabl. 1.

* **Чистый национальный продукт** (ЧНП) – общий объем товаров и услуг, которые страна за определенный промежуток времени произвела и потребила во всех секторах своего национального хозяйства. Если из ЧНП вычесть сумму косвенных налогов, можно получить значение национального дохода.

Расчеты Н. М. Ясного были выполнены им по доступной советской статистике и данным, полученным зарубежными авторами (А. Бергсон, Х. Хейманн и др.). Н. М. Ясный в дополнение к опубликованным данным отмечает, что абсолютная точность данных представляется ему невозможной, однако полученные данные коррелируют между собой, что подтверждает правильность его предположений. Как можно видеть из сравнения с советской статистикой, данные, рассчитанные Н. М. Ясным, отличались, особенно по периодам 1930–1950-х гг. Данные о национальном доходе СССР, которые сохранились в засекреченной советской статистике, выглядят следующим образом (в неизменных ценах 1926/27 гг.): 1928 г. – 25 млрд руб., 1937 г. – 96,3 млрд руб., 1940 г. – 128,3 млрд руб., 1948 г. – 148,7 млрд руб., 1950 г. – 210,6 млрд руб. [7] Сопоставление советских статистических данных и данных, презентованных Н. М. Ясным (при всей неясности методики их получения и сопоставления), показывают, что, имея примерно одинаковый уровень представлений о величинах национального дохода за 1928 г., за более поздний период показатели, приведенные Н. М. Ясным, – в разы меньше, чем в советских источниках.

Отметим, что не только Н. М. Ясный сомневался в высоком темпе форсированных процессов накопления в СССР. Примерно такой же скепсис высказывал экономист С. Н. Прокопович (1871–1955). С. Н. Прокопович являлся специалистом по статистическим исследованиям, политической экономии; опубликовал до революции работу, посвященную исчислению народного дохода России. В работе «Народное хозяйство СССР» (Нью-Йорк, 1952), вышедшей в 2 томах, С. Н. Прокопович обратился к исследованию не только национального дохода советской России, но и ве-

личины национального накопления. Автор работы чрезвычайно критично отнесся к официальным советским данным о величине национального дохода. Буквально он пишет: «Из пяти основных слагаемых народного дохода СССР нет ни одного правильного вычисления; в сельском хозяйстве доход от растениеводства преувеличен на 20–25%; рост дохода от промышленности еще более преувеличен, быть может, на 30–40%, учет дохода от строительства сделан совершенно произвольно, и ничего нам не дает; доход от железнодорожного транспорта, напротив, преуменьшен, так как в нем не учтена перевозка пассажиров; доход от торговли вычислен также неправильно» [8, с. 333–334].

Несмотря на то, что С. Н. Прокопович считал советскую методику расчета национального дохода 1932–1942 г., ведущую к его преувеличению, автор стремился ответить на вопрос о возможностях накоплений советской экономикой. Накопление в советской экономике, по мнению экономистов, обозначало показатель использования части чистого дохода общества, состоящей из средств производства и предметов потребления, средств для расширения производства, а также для образования материальных резервов и увеличения непроизводственных социально-культурных фондов [9]. С. Н. Прокопович обратился к исследованию показателей нормы накопления, которые имели важнейшее значение для осмысления процессов первоначального накопления (норма накопления – доля национального дохода, идущая на накопление). Расчеты С. Н. Прокоповича показали, что в дореволюционной России масштабы накопления были низкими – в период 1913 г. на уровне 9,2% от национального дохода России [8, с. 335]. Уровень национального накопления СССР в 1930 – начале 1950-х гг., по расчетам С. Н. Прокоповича, колебался на отметке 24–26% от произведенного национального дохода [8, с. 338]. Автор лишь констатирует этот уровень, однако не дает ему оценок; также он не дает распределения накопления на фонды производственного накопления и потребления. Отметим, что в большинстве экономических исследований норма накопления на уровне четверти национального дохода рассматривается как характерная для индустриализирующего общества, находящегося в фазе активной капитализации [10]. Косвенно С. Н. Прокопович также придерживается данного мнения, отмечая, что основная часть капитальных вложений в СССР по пятилетним планам шла в тяжелую промышленность, производящую средства производства; на втором месте по размерам капвложений были железные дороги, на третьем – сельское хозяйство. В легкую же промышленность, производящую предметы личного потребления, вкладывались в несколько раз меньшие капиталы [8, с. 343]. Среди трудностей накопления С. Н. Прокопович отдельно отмечает влияние Великой Отечественной войны, серьезно сни-

жившей качество трудовых ресурсов и сократившей их количество. Кроме того С. Н. Прокопович отметил сокращение национальных капиталов СССР после Второй мировой войны (он называет цифру сокращения в 679 млрд руб., что составляло около 65% от уровня 1940 г.) [8, с. 346]. Расчеты советской статистики давали цифру потерь около 30% национального капитала. Сделанные выводы заставили С. Н. Прокоповича сомневаться в возможности возобновления накопления в СССР на уровне четверти национального дохода в 1946–1950 гг. [8, с. 348–349] Книгу экономист заканчивает довольно политизированными выводами: СССР останется отстающей от Запада страной, высокий уровень накопления в ней осуществить невозможно, уровень жизни русского народа будет оставаться низким.

Последний тезис вообще в работах экономистов-эмигрантов был почти основополагающим. Как правило, он сопрягался с выводами о сельскохозяйственной отрасли как о резервуаре средств для первоначального накопления капитала. О данном явлении как об аграрной колонизации писал и Н. М. Ясный [11]. Главный довод его касался расхождения в уровне заготовительных и розничных цен. В целом авторы данной статьи вполне разделяют подход Н. М. Ясного, а использование ресурса низших укладов (аграрных) для продвижения высших укладов (индустриальных, капитализированных) для авторов данной работы является признанной чертой периода первоначального накопления [12].

Эмигрировавшие из СССР экономисты большое внимание в работах уделяли оценкам уровня жизни населения в СССР. Отчасти данное внимание было обусловлено пропагандистским противостоянием властям СССР, подчеркивавшим улучшение «благополучия» населения по сравнению с «царской» Россией. Часть экономистов посвятили изучению данного вопроса довольно фундаментальные работы, например С. С. Маслов (1887–1945?). Будучи глубоко знакомым с проблемами советского сельского хозяйства (начинал он как деятель кооперативного движения), он в 1937 г. подготовил книгу «Колхозная Россия. История и жизнь колхозов» [13, 14] (вышла в Праге). В монографии С. С. Маслов поставил задачу описать коллективизацию в СССР, которую он охарактеризовал «по глубине переворота, по размаху и темпам» как «величайшую из революций, которые переживало крестьянство всех народов и на всей памяти человеческой истории» [14, с. 86]. Книга написана на материалах выступлений советских партийных лидеров, периодики, статистики, а также рассказов человека, который бежал из СССР «в разгар сталинской коллективизации». В работе С. С. Маслов обращает внимание на принудительность коллективизации, реакцию крестьян на нее, часто выражавшуюся в открытом сопротивлении. Но самый большой упор в работе С. С. Маслова сделан на описании системы налогов и обязанностей колхозов и колхозников. Автор подробно рассмотрел Уставы колхоза 1930 г., 1935 г., за-

крепляющие трудовые обязанности колхозника в сельхозартели, что привело его к выводу: «...Колхозники бесправны, безгласны, подвергаются многочисленным и произвольным взысканиям» [14, с. 205]. Главную же цель создания колхозов С. С. Малов описывает как «долгое, регулярное и легкое отчуждение для задач власти продуктов сельского хозяйства в натуре, в первую очередь – зерна» [14, с. 260], а назначение колхозов как «податное».

Пользуясь данными официальной советской статистики (с оговорками, что она преувеличивает показатели валового сбора зерновых), С. С. Маслов рассчитывает долю государственных заготовок в валовых сборах зерна колхозами в 1/3 их величины (на 1935 г.) [14, с. 171]. Отметим, что расчеты С. С. Маслова очень близки к истине. Выполненные по современным статистическим данным расчеты авторов статьи показали долю изъятия зерновых из сельского хозяйства РСФСР в 1940 г. в 44% от валового сбора [15, с. 121]. Основную же характеристику крестьянской жизни в колхозах С. С. Маслов дает следующим образом: «Постоянное недоедание и неизменное ощущение голода» [14, с. 181]. Таким образом, монографическое исследование С. С. Маслова стало яркой иллюстрацией одной из важнейших составляющих процесса первоначального накопления: «отделения производителя от средств производства» и полномасштабного использования этого рычага для изъятия ресурсов сельского уклада в пользу промышленной составляющей.

Более подробно уровень жизни населения СССР описал Н. М. Ясный, который проанализировал данные за 1932–1955 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Реальная заработная плата и реальный доход крестьян СССР
за отдельные годы¹ (1928 = 100)

Год	Реальная заработная плата	Реальный доход крестьян
1932/33	49	53
1936	55	–
1937	60	81
1940	52	60
1948	45	50
1950	60	55
1952	70	60
1955	80	75

Источник: Jasny N. Soviet industrialization, 1928–1952. Chicago : University of Chicago Press, 1961. Tabl. II.

¹ Индексы заработной платы охватывают только выплаченную заработную плату за вычетом налогов и покупки облигаций. Доходы крестьян исчисляются аналогичным образом.

Представленные Н. М. Ясным данные показывают серьезное падение уровня жизни советских рабочих и колхозников в 1930–1950-е гг. по сравнению с 1928 г., который принят за эталон для сравнения. По мнению Н. М. Ясного, наиболее резким падением уровень доходов отличался в начале 1930-х гг. и после Великой Отечественной войны, а несколько выше уровень доходов был во второй половине 1930-х и первой половине 1950-х гг. Однако ни разу, по его мнению, уровень жизни населения СССР в период 1930–1950-х гг. не повторил предколлективизационный показатель (1928 г.). Все эти явления с точки зрения марксистской теории также вполне вписываются в признаки периода первоначального накопления. При этом сам Н. М. Ясный напрямую данный термин в отношении СССР не употреблял, а вот западные исследователи, использовавшие его подходы, именно в этих терминах определяли период советской форсированной индустриализации (например, А. Гершенкрон [16]).

В целом выводы и наблюдения экономистов, эмигрировавших из СССР в первой трети XX в., оказались весьма востребованными даже в современной историографической ситуации. Важнейшие процессы, связанные с формированием национального дохода, его величинами, нормой накопления и т. д., плохо осмыслены исторической наукой и по сей день. А вполне укладывающиеся в схему первоначального накопления явления воспринимаются российскими историками как отдельные и не встроенные в единый процесс. В этом смысле очень важными представляются макроисторические наблюдения еще одного эмигранта из России – С. Кузнецца.

Саймон (Семен) Кузнец (1901–1985) эмигрировал в США в 1922 г. Хорошо знакомый с работами и методами советской статистики, он развивал эти подходы и в эмиграции. С. Кузнец известен как крупнейший специалист в области исчисления национального дохода и исследований экономического роста. Применительно к экономическому развитию России, С. Кузнец считал ее страной, развивающейся в современных трендах. Наиболее часто исследователи отмечают возможность применения к истории России «кривой Кузнецца». «Кривая Кузнецца» проводила зависимость между дифференциацией доходов в обществе и уровнем экономического развития. Согласно этой зависимости, в эпоху доиндустриального общества социальное неравенство нарастает по мере экономического развития. В процессе «капиталистической модернизации» неравенство в распределении доходов сначала резко возрастает, но затем имеет тенденцию снижаться и устанавливается на некотором, практически неизменном, долгосрочном уровне. По мнению С. Кузнецца, во всех странах, переживавших «капиталистическую модернизацию», своей наивысшей точки неравенство достигло в начале XX в. В период 1920–1950-х гг. в большин-

стве развитых стран произошло постепенное сглаживание дифференциации доходов населения, после чего положение оставалось практически неизменным [17]. Мы имеем довольно мало данных, чтобы опровергнуть или подтвердить все позиции, высказанные С. Кузнецом об изменении дифференциации доходов населения в России. Известно, что в начале XX в. дифференциация доходов в российской деревне (а именно там проживала подавляющая часть населения страны) была очень мала. По данным Б. Н. Миронова [18, с. 128], к 1917 г. коэффициент Джинни составлял в деревне сотые процента. Многие историки отмечали рост уровня социального расслоения в России период 1930–1950-х гг., особенно делая упор на улучшении жизни так называемой «номенклатуры» [19]. В более же поздний период мы имеем данные о сглаживании уровня дифференциации. По расчетам, сделанным Н. Е. Рабкиной, Н. М. Римашевской [20, с. 11], децильный коэффициент дифференциации доходов колхозников и рабочих в СССР составлял в 1960-е гг. около 4 раз. Таким этот уровень оставался до конца 1980-х гг. [21, с. 312] Таким образом, идея С. Кузнеца вполне применима к характеристикам развития России и вписывается в динамику развития стран, переживающих капитализационные процессы. Она также свидетельствует о том, что процесс капитализации имеет общие закономерности и развивается независимо от социально-политической оболочки.

Современная историографическая ситуация делает весьма востребованными наработки эмигрантов из СССР первой волны, так как они позволяют увидеть альтернативные представления об истории советской России. Пока мало признаваемая в историографии оценка периода развития СССР 1930–1950-х гг. как этапа форсированного первоначального накопления вполне согласуется с вопросами, поставленными эмигрантской экономической наукой. Пункты, по которым шла наработка знаний рассмотренными экономистами (история национального дохода, норма накопления советской экономикой, дифференциация доходов населения, специфика советской статистики, макроэкономические закономерности и др.), только сейчас оказываются в аналитическом поле российской исторической науки.

Список использованной литературы

1. Ясный Н. М. Опыт регулирования снабжения хлебом / под ред. Ф. А. Липкина. Всерос. союз городов, Экон. отд., Стат.-экон. бюро. Пг. : Тип. В. Андерсона и Г. Лойцянского, 1917. 155 с.
2. Ясный Н. М. Война и народное хозяйство. [Харьков] : Союз, 1919. 87 с.

3. Ясный Н. М. Зерновые элеваторы в Северной Америке и в России. М. : «Центросоюз», 1925. 70 с.
4. Jasny N. The Socialized Agriculture of the USSR; Plans and Performance. Stanford : Stanford University Press, 1949. 837 p.
5. Jasny N. Soviet industrialization, 1928–1952. Chicago : University of Chicago Press, 1961. 482 p.
6. Jasny N. Essey of the Soviet Econome. Munoch, 1962. 297 p.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 36. Документ называется «Статистические динамические ряды за 1913–1951 годы», на обложке гриф «Совершенно секретно».
8. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1952. 355 с.
9. Островитянов К. В. Политическая экономия. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1954. 640 с.
10. Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История, методология, исчисления, динамика. М. : Наука, 1969. 168 с.
11. Jasny N. The Price of Soviet Industrialization // Current History. 1961. November. P. 292–298.
12. Безнин М. А., Димони Т. М. Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2(5). С. 118–135.
13. Маслов С. С. Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Прага, 1937. 250 с.
14. Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М. : Наука, 2007. 299 с.
15. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М. : URSS, 2019. 608 с.
16. Gershencron A. The Economic Backwardness in Historical Perspectives. Cambridge, Mass., 1962. 456 p.
17. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. No I. P. 1–28.
18. Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1. СПб. : Дм. Буланин, 1999. 548 с.
19. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : МП «Октябрь» – Советская Россия, 1991. 624 с.
20. Рабкина Н. Е., Римашевская Н. М. Перспективы изменения степени дифференциации душевых доходов семей колхозников в сравнении с городским населением (промежуточный отчет). М., 1971. 17 с.
21. Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990-е гг. / отв.ред.: И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. М. : РИК, 1996. 507 с.

Дали Георгиевна Канделаки,

доктор исторических наук, профессор,
Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили,
Грузия, г. Тбилиси, dali.kandelaki@tsu.ge

УДК 930.23 + 908

Вопросы истории Грузии в творчестве грузинских политических эмигрантов

Аннотация. История Южного Кавказа первых двадцати лет XX в., в частности Грузии, убедительно отражена в литературе эмигрантов. В 1921 г. правительство Демократической Республики Грузии, воевавшее против советского режима, было вынуждено покинуть страну и уехать за границу. Соответственно, грузинская эмиграция этого периода – это в основном политическая эмиграция. Грузинские эмигранты за рубежом издавали как отдельные книги, так и периодические издания – журналы и газеты.

Большинство эмигрантов – политических писателей – уделяли большое внимание национальному вопросу в творчестве и восстановлению государственной независимости Грузии. Их творения значительно отличаются от произведений грузинских писателей, работавших в Грузии в советский период. Эмигранты описывали свои воспоминания и историческую реальность вдали от родины. Их труды являются важными документами для оценки истории Грузии этого периода.

Ключевые слова: Грузия, грузинская эмиграция, литература иммигрантов, XX век.

Dali Kandelaki

Doctor of Sciences in History, Professor, Department of Russian History, Faculty of Humanities Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
Georgia, Tbilisi, dali.kandelaki@tsu.ge

Questions about the history of Georgia in the works of the Georgian political immigrants

Abstract. The history of the South Caucasus in the first twenty years of the 20th century, in particular Georgia, is very convincingly reflected in the literature of the immigrants. In 1921, the government of the Democratic Republic of Georgia, which fought against the Soviet regime, was forced to leave the country and go abroad; accordingly, the Georgian emigration of this period is mainly political emigration. Georgian emigrants abroad published both separate books and periodicals - magazines and newspapers.

What issues are addressed in the writings and published materials of immigrant authors? How did they see the processes taking place in their abandoned homeland, and what assessments did they make?

Most immigrant political writers paid great attention to creativity on national issues and the restoration of state independence of Georgia. Their creations are sig-

nificantly different from the works of Georgian writers who worked in Georgia during the Soviet period. These people described their memories and historical reality away from their homeland. Their works are important documents for assessing the history of Georgia of this period.

Keywords: Georgia, Georgian emigration, immigrant literature, XX century.

Изучение деятельности грузинской политической эмиграции занимает определенное место в грузинской историографии. Объективные исследования первых двадцати лет XX в. проводились грузинскими деятелями, жившими в эмиграции. Их сочинения публиковались в виде статей в периодической прессе или в виде отдельных книг. Среди мемуарных источников следует отметить воспоминания Н. Жордания [1], А. Рамишвили [2], З. Авалишвили [3] и др.

Грузинские периодические издания, опубликованные за рубежом, разоблачают жестокость советского режима. В Париже эмигранты основали грузинский социал-демократический журнал «Брдзола» («Борьба»), затем газету «Брдзолис хма» («Голос борьбы») и журнал «Чвени дроша» («Наш флаг»).

В данной статье мы рассмотрим мнения двух представителей правительства Демократической Республики Грузии, первого и второго председателей правительства – Ноэ Рамишвили* и Ноэ Жордания**. Они вели активную деятельность в эмиграции для восстановления независимости Грузии. Какие события предшествовали созданию Демократической Республики Грузии? Почему Грузия была аннексирована Советской Россией? Какие шаги должно было предпринять перебравшееся за рубеж правительство для восстановления независимости? Это лишь часть вопросов, которые переселившиеся в зарубежные страны политики фиксировали в своих письменных или устных выступлениях.

Интерес вызывает слово Ноэ Жордания, опубликованное в газете «Республика Грузия» 1 мая 1920 г., которое он произнес на заседании Учредительного собрания 30 апреля. Выступая от имени правительства, он говорил о событиях в Азербайджане и угрозах, исходящих от Советской России: «Вторжение большевизма в нашу страну означает вторжение отсталого в передовую страну, уничтожение демократии и народного господства и воцарение тирании. Большевизм здесь сделает то же, что делает в России, – уничтожит национальность, городское самоуправление, общины, уничтожит все органы самоуправления, гражданскую и политическую свободу и на их месте утвердит господство террористов и Красной армии. Место свободного творчества и движения займет штык» [4].

26 мая 1918 г. состоялось последнее заседание Закавказского Сейма, на котором было объявлено о распаде Закавказской Демократической

Федеративной Республики [5, с. 129]. В тот же день было создано независимое государство – Грузинская Демократическая Республика.

Завершилась длительная борьба грузинского народа за свободу, была восстановлена государственная независимость Грузии. Внешняя политическая ориентация страны была европейской, что было неприемлемо для руководителей Советской России. Основатели Грузинской Демократической Республики, просуществовавшей до 25 февраля 1921 г., добились создания демократических институтов и организации армии, успехов в области экономики, культуры и образования [6, с. 333].

Демократическая Грузия со своими европейскими ценностями и стремлением к независимости находилась в прямом противостоянии с моделью советского государства, оснащенной самой сильной пропагандистской машиной. Именно эта машина создала миф о «меньшевистской тюрьме», и, по сути, для большей части грузинского общества только в конце прошлого века, во время Национального движения, стало известно о независимом грузинском государстве 1920-х гг. и о вынужденно переселившемся за рубеж правительстве Грузии [7, с. 3].

Н. Жордания писал в своих мемуарах в 1939 г., что после провозглашения независимости «наше демократическое государство идеологически и национально было в противостоянии только с одним государством – большевистской Москвой, Советской Республикой. Прикрытие себя от него стало нашей главной задачей. Какими путями? Только двумя – путем распространения нашей антибольшевистской идеологии в народе и укрепления государства международными средствами» [1, с. 156].

В марте 1921 г. представители грузинского правительства, которые боролись против советского политического режима, были вынуждены покинуть страну и эмигрировать.

После советизации Демократической Республики Грузии началась борьба за восстановление утраченного суверенитета за границей. Борьбу вели эмигрировавшее Национальное правительство во главе с Ноэ Жордания, посольство Демократической Республики во главе с Акакием Чхенкели, грузинские политические партии (социал-демократы, социал-федералисты, национал-демократы) и созданные в Европе в разное время различные политические организации [8, с. 365].

Ноэ Рамишвили и Ноэ Жордания не переставали работать в эмиграции для восстановления независимости Грузии. Они активно пропагандировали против большевистского режима в Грузии; принимали участие в переговорах между сторонами и поддерживали восстание 1924 г. против Советской России.

В письме, написанном в Париже 9 апреля 1923 г. и направленном в Комитет независимости Грузии***, Ноэ Жордания говорил о прошлом и

будущих перспективах правительства. Как видно из письма, ранее они отправили в Комитет призыв «Грузинской нации».

В письме подробно обсуждаются попытки грузинских политиков, работающих за рубежом, освободить Грузию от российской оккупации. В свете международных политических событий того времени интересно видение Ноэ Жордания в вопросе деоккупации Грузии [9, с. 72]. Ноэ Жордания отмечает, что на данном этапе против них действует только Коммунистическая партия при поддержке Москвы; члены большевистской партии называются сторонниками Москвы. Автор письма обнадеживает и считает, что европейское общественное мнение на их стороне, и поэтому московские агенты вынуждены смириться с этим и не выступать против Грузии.

В 1923 г. Ноэ Рамишвили дал следующую оценку советскому режиму в Грузии: «Более двух лет русский коммунизм вторгся в Грузию с мечом и сверг Демократическую Республику. Штык русского коммунизма был направлен на демократию Грузии... Грузинская нация, которая находится под игом российского коммунизма, несомненно, воспользуется первой благоприятной возможностью, неустойчивостью лидеров коммунистической России, чтобы восстановить независимость Грузии и восстановить демократию» [10].

Члены грузинского национального правительства в изгнании занимали разные позиции в отношении восстания 1924 г., о чем свидетельствует переписка между ними. Некоторые поддерживали восстание, в то время как другие полагали, что грузинскому народу это принесет только репрессии. Ноэ Жордания и Ноэ Рамишвили поддерживали это восстание.

Акакий Рамишвили в своей работе «Наши ошибки» вспоминает: «В среде грузинской эмиграции самым активным сторонником восстания в Грузии 1924 года был Ноэ Рамишвили. Вместе с генералом Андроникашвили он доказывал всем, что Англия и Франция готовы помочь Грузии. Это, конечно, не соответствовало действительности, но этим они стремились дать моральную поддержку повстанцам» [2, с. 9].

Важными являются письма, посланные Ноэ Рамишвили из Парижа 10 марта и 29 марта 1924 г. (касающиеся позиции азербайджанцев в отношении антисоветского восстания), подтверждающие, что он являлся автором и организатором восстания [11, с. 155–157].

Несмотря на поражение восстания, оно считается одной из важных вех в национально-освободительной борьбе грузинского народа. Ноэ Жордания и Ноэ Рамишвили и после этого продолжали убеждать грузин не прекращать борьбу с большевистским режимом.

После подавления восстания, в декабре 1924 г., была опубликована брошюра Ноэ Рамишвили «Грузия и Россия» [12]. Н. Рамишвили писал:

«Грузинская нация всеми силами стремится восстановить свою независимость и будет всегда требовать немедленного прекращения оккупации Грузии Советской Россией. Особенно после восстания в августе – сентябре вся Европа окончательно убедилась, что порабощение Грузии временно, что рано или поздно коммунистическая армия Москвы и горстка грузинских предателей будут вынуждены покинуть Грузию и испытать свою авантюру в другой части мира» [12, с. 3]. Обсуждая экономические вопросы, он отмечал, что Россия с момента завоевания Грузии разрушила ее экономику и вывезла из страны все природные богатства. Его целью было закрыть Грузию и Кавказ, чтобы уничтожить иностранную конкуренцию и получить искусственный рынок для своих товаров. Н. Рамишвили надеялся, что падение Советской России рано или поздно возможно. Грузия и другие народы Кавказа воспользуются первым благоприятным моментом и вернут себе независимость [12, с. 35].

В письме от 1947 г. об истории грузинской социал-демократической партии Ноэ Жордания среди прочих вопросов, перечисленных в 20 пунктах, упоминает российско-грузинские отношения, советскую оккупацию и эмиграцию после переворота в октябре 1917 г. Он отмечает, что «пути Грузии и России громогласно разошлись, что обрело форму в соответствующих национальных, политических и социальных формах. Прежде всего, Грузия отошла от России и провозгласила свою независимость, прерванную русскими войсками сто лет назад... против русско-большевистских волн, поднявшихся вокруг Грузии, против миллионной большевистской русской армии восстал единый национальный фронт... сразу после захвата Грузии, со стороны Москвы та же социал-демократия строится в нелегальные, тайные организации, разжигает борьбу против оккупационного правительства и собирает вокруг себя всех преданных борцов. Эта борьба будет продолжаться с 1921 года по сегодняшний день: было принесено в жертву много жизней, были расстреляны тысячи лучших бойцов, но его не смогли подавить, не смогли остановить тираны никакими средствами. В то же самое время национальное правительство, направленное в Европу Учредительным собранием, все это время ведет политическую борьбу против большевиков и для освобождения Грузии» [14].

Одной из жертв тирании стал Ноэ Рамишвили, активный борец против Советского Союза, который был убит 7 декабря 1930 г. рукой грузинского эмигранта.

Правительство Демократической Республики Грузии, насильно уехавшее в эмиграцию, сделало все возможное, чтобы привлечь внимание европейских стран и добиться от них помощи, но их усилия по восстановлению независимости страны потерпели неудачу. Среди других причин

определяющим фактором была международная ситуация. Европейские государства сначала признали Советскую Россию, а затем Союз Советских Социалистических Республик и уже сознательно обходили стороной проблему Грузии. Несмотря на провал, борьба грузинских политиков-эмигрантов за достижение цели всегда оставалась упорной, добывающейся максимумом возможного.

Примечания

* **Раишвили Ноэ Виссарионович** (1881, Грузия – 1930, Париж) – политический деятель, революционер. В 1902 г. он вступил в социал-демократическую партию и стал активным сторонником меньшевизма. С 26 мая – до 24 июня 1918 г. Н. В. Раишвили возглавил правительство Грузинской Демократической Республики. Одновременно и министр внутренних дел. Затем – министр иностранных дел. В 1921 г., после падения республики, эмигрировал во Францию. Участник подготовки восстания в Грузии в 1924 г. 7 декабря 1930 г. он был убит грузинским эмигрантом П. Чануквадзе. Это было политическое убийство, организованное советскими спецслужбами. Похоронен на Левильском кладбище.

** **Жордания Ноэ Николаевич** (1868, Грузия – 1953, Париж) – политический деятель, лидер грузинских меньшевиков. Революционную деятельность начал в рабочих кружках Тифлиса, в 1893–1898 гг. возглавлял легальных марксистов в «Месаме даси» («Третьей группе»). Глава правительства Грузинской Республики (июнь 1918 – февраль 1921). В 1921 г., после падения республики, эмигрировал во Францию. Участник подготовки восстания в Грузии в 1924 г.

*** **Комитет независимости Грузии** (Sak'art'velos damoukideblobis Комитети – «Дамком») или Комитет по паритету – Межпартийный паритетный комитет антисоветских партий Грузии, который в 1922–1924 гг. вел активную подпольную борьбу против советской оккупации и большевистского режима. Этот блок обязался организовать всеобщее народное восстание в Грузии.

Список использованной литературы

1. Жордания Н. Мое прошлое (Воспоминания). Париж : Изд-во Rue des Cordeliers, 1953. 190 с. (на груз. яз.).
2. Раишвили А. Наши ошибки (1918–1921 гг.). Тбилиси : Изд-во «Месаме асаки», 2000. 200 с. (на груз. яз.).
3. Авалишвили З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 годов : воспоминания, очерки. Тифлис : Заккнига, 1925. 318 с.
4. «Республика Грузия». 01.05.1920. № 96. Выступление председателя правительства г-на Ноэ Жордания. (на груз. яз.) // Республика 100. URL: https://civil.ge/ka/archives/349360?fbclid=IwAR2yt4MQUKvwGtqkRZWsCmTsmLsBTi__raFvVFcGR5kFChdiJoDWyigGAR4
5. Канделаки Д. Г. Октябрьская революция и путь к государственной независимости Азербайджана // Материалы международной научной

конференции, посвященной столетию Азербайджанской Демократической Республики: первой парламентской республики на мусульманском Востоке. Баку : Бакинский гос. ун-т, 2018. С. 126–131.

6. Канделаки Д. Г. Октябрьская революция и подготовка к государственной независимости Грузии // 1917: Россия в период революции. История, культура и память. М. : Ленанд, 2019. С. 324–334.

7. Кобахидзе Б., Силакадзе Д., Вачарадзе А. Первая Республика Грузия. 4-е изд. Тбилиси, 2019. 170 с. (на груз. яз.).

8. Мурусидзе Ш. Деятельность правительства Первой республики за восстановление независимости Грузии в эмиграции (1921–1933) // Сборник международной конференции Национального архива. Тбилиси, 2019. С. 365–371. (на груз. яз.). URL: <https://archive.gov.ge/ge/sametsnihero-publikatsiebi/erovnuli-arkivis-saertashoriso-konferentsiis-krebuli-2018-1>

9. Саралидзе Л. Из истории борьбы за деокупацию Грузии (1922–1923) // Вопросы новой и новейшей истории. Тбилиси : Изд-во «Универсал», 2014. 1(14). С. 69–79 (на груз. яз.).

10. Рамишвили Н. Русский коммунизм и демократия Грузии (на груз. яз.). URL: <https://matiane.wordpress.com/2010/02/04/noe-ramishvili-russian-bolshevism-and-georgian-democracy/>

11. Силакадзе Д., Иремадзе И. Ноэ Рамишвили. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 2018. 208 с. (на груз. яз.).

12. Рамишвили Н. Грузия и Россия. Тбилиси : Изд-во «Артануджи», 2006. 66 с.

13. Жордания Н. Грузинская социал-демократия (на груз. яз.). URL: <http://european.ge/noe-jordania-qartveli-social-demokratia/>

Наталия Эдуардовна Сейбель,

доктор филологических наук, профессор,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,

Россия, г. Челябинск, Seibel_ner@mail.ru

УДК 83:84

**Персонажи-типы в литературе эмиграции
(на материале романа Н. Харатишвили
«Восьмая жизнь (для Брильки)»**

Аннотация. Вековой временной охват романа, сюжет смены поколений, рассказчик-комментатор – специфические жанровые черты семейной хроники.

Персонажи «Восьмой жизни» воплощают несколько важных в контексте хроникального жанра типов. Центральный – восторженная интеллигентка, проходящая путь от веры до разочарования, эмиграции, подведения предварительных итогов. У Харатишвили эти героини сохраняют волю к сопротивлению, они хранительницы дома. Другой тип – офицер, выбирающий между служением и успехом. Героям предстоит самим отличить верность от предательства.

Хозяин-предприниматель, создавший и потерявший своё дело, также частотный тип для эмигрантского романа, с ним связаны мотивы судьбы, рока.

Опробованные литературой типы переосмысляются и приобретают новые коннотации в романе.

Ключевые слова: роман, хроника, Харатишвили, тип персонажа, мотив маски, музыкальность.

Nataliya Seibel

Doctor of Sciences in Philology, professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Chelyabinsk, Seibel_ner@mail.ru

Character types in the literature of emigration (based on the novel by N. Haratishvili "The Eighth Life (for Brilka)")

Abstract. The centuries-old time-span novel, the plot of a generational change, the narrator-commentator are specific genre features of the family chronicle.

The characters of the novel embody several important types in the context of the chronicles genre. Central - an enthusiastic intellectual, going from faith to disappointment, emigration, summing up preliminary results. In Kharatashvili, these heroines retain the will to resist, they are the guardians of the house.

Another type is an officer who chooses between service and success. Heroes themselves have to distinguish loyalty from betrayal.

The owner-entrepreneur, who created and lost his business, is also a frequency type for an immigrant romance; motives of fate and fate are associated with it.

Types tested by literature are reinterpreted and acquire new connotations in the novel.

Keywords: novel, chronicle, Haratishvili, character type, motif of mask, musicality.

Начавшая литературную карьеру в 2002 г., сотрудничавшая с театрами в Гамбурге и Геттингене, получившая в 2010 г. литературную премию им. Адельберта фон Шамиссо как автор-эмигрант, Нино Харатишвили – одна из ярких и спорных представительниц драматургии и прозы Германии. Её тема – призраки прошлого, нагоняющие, мстительные, разрушающие не просто душевное равновесие, но жизнь и психику. Пытающаяся преодолеть воспоминания Медея, одержимая чувством вины Лив Штайн – «обращенные в мрамор царицы» [1, с. 342], героини, силящиеся выбраться из сети прегрешений, потери, ответственности. Прозаические тексты Ха-

ратишвили продолжают и развивают ту же тему: «Кошка и генерал», «Жужа», «Восьмая жизнь (для Брильки)» – истории о связи того, что было, что есть и что будет.

Почти десяток объемных (под тысячу страниц) романов, четыре литературных премии и несколько номинаций – такая продуктивность становится поводом для полемики вокруг творчества писательницы. Среди многочисленных комментариев можно найти высказывания о специфике «неродного» немецкого языка – легкого, глагольно-действенного, подчиненного движению фабулы, – об обилии интертекста, граничащего с «креативным подлогом» [2], о мастерски «закрученном» сюжете и о «напихивании в придуманную судьбу... всех где-то вычитанных, услышанных или приснившихся ужасов» [3].

Историческая позиция автора действительно граничит с конъюнктурной: акцент делается на экзотике утопического грузинского мира, разрушенного революцией, свершившейся в далекой и чужой России, вине коммунистического режима (более виновного, чем фашистский, родственного с ним), страхе и жестокостях мира, в конфликт с которым вступают герои, «несколько более схематичные, чем хотелось бы» [4]. К списку недостатков стоит добавить «заштампованность и канонизированность» в освещении политических вопросов [2], неточности в датах и последовательности военных событий.

Однако Харатишвили вызывает уважение «мастеровитостью» своих текстов и выраженным акцентом на вопросах самоидентификации, поиска места Грузии в европейском мире, самоопределения в семье, истории, культуре. Древний мир Колхиды (Кутаиси – основное место действия романа) сталкивается с ветрами перемен, дующими из «молодых» и чуждых стран. Атмосфера родины слагается из легенды о Боге, раздавшем земли и богатства, и из сочувствия к добродушному опоздавшему грузину, отдавшему ему рай, а также из памяти о псевдомиссионерах-аргонавтах, выдающих себя за носителей цивилизации и культуры, но на деле мечтающих о золотом руне («Страна, которая когда-то была золотой Колхидой, которая должна была дать грекам таинство любви в форме золотого руна, поскольку до безумия влюбленная и упрямая дочь короля Медея так приказала» [здесь и далее перевод наш. – Н. С.; Брилька, 5, S. 18]). Утраченная утопия грузинской провинции – город-«лабиринт» [5, S. 151], где не только грузины, но и русские, курды, армяне, евреи живут общими заботами «бедных кварталов» [5, S. 152]. Герои «Восьмой жизни» незлобивы, но нервны; смиренны, но готовы к сопротивлению; способны к прощению и приятию обстоятельств, но хранят травматичные воспоминания о прошлом.

Восемь частей романа – восемь судеб представителей одной семьи, вовлеченной в исторические бури и вихри. Это восемь жертв, взаимно отражающих друг друга, связанных предопределенностью (мотив мистически разрушенных судеб связан в романе с прадедушкиным шоколадом, от которого «всё становилось так, как должно было быть» [5, S. 46], искусительным напитком, который «сыграл фатальную роль» [5, S. 53]).

Части и эпизоды соединены кумулятивной связью, которая базируется на вытеснении сюжетной ситуации «нанизыванием», немотивированным соединением частей «по формуле, – как писал В. Б. Шкловский, – арифметической прогрессии без проведения подобных членов... на своеобразной сюжетной тавтологии» [6, с. 44]. Накопление приводит к тому, что финал – а в романе несколько «промежуточных» итогов – закономерно перерастает в катастрофу.

Герои романа Харатишвили честно заняты напряженным поиском себя и своего пути. Действие стремительно развивается не только за счет огромного временного и событийного охвата, но и за счет того, что на каждом повороте сюжета они должны делать судьбоносный выбор между охранительным компромиссом или страшной неизвестностью своей собственной судьбы.

Поиск самоидентичности организует как основной/обрамляющий сюжет, так и внутренний, исторический план романа.

Раму «Восьмой жизни (для Брильки)» составляет развернутое письмо. Весь роман – попытка рассказать племяннице-подростку историю семьи и помочь ей сделать выбор: эмиграция или возвращение. Вспоминающая героиня не может определить свой статус: «Я разорвала контакты с большинством людей, которых я когда-то любила и которые для меня что-то значили. Я стала приглашенным профессором, что позволяло мне существовать, но ничего для меня не значило» [5, S. 10]. Называя свой пролог «Партитурой забвения», она не рвет связи, а, наоборот, наполняет текст любовью и горечью по отношению к родине. Если по ходу романа Низа отказывается от ностальгии, то ради дидактики. Обе героини, вступающие в заочный диалог, – Низа и Брилька – находятся на пороге судьбоносных решений, у «точки невозврата»: одна только что получила предложение о замужестве, другая приняла решение бежать. Ощущение «начала», выбора своего пути, кануна новой жизни определяет отношение к прошлому: воспроизводимая история необходима для понимания того, откуда взялся максимализм подростка-бунтарки, где корни её безапелляционности, непримиримости, прямолинейности. Мотив повторения, круговорота семейной истории вводится с самого начала. Здесь все персонажи имеют двойников. Чувствующая свою «ненужность» и «ущербность» Низа и её «обожествлённая и восхитительная» сестра, «бравурно исполняющая роль

обожаемого всеми бриллианта» [5, S. 24–25], – повтор прабабушек Стаси и Кристины. Короткая и принесшая беды и разочарования любовь рвущегося на войну Симона и Стаси повторяется в судьбе оставленной сбежавшим Андро беременной Китти. Романтические заблуждения бабушек должны стать для Брильки уроком свободы и самостоятельности: это не просто ошибки; трудности, рожденные их максимализмом и влюбленностями, – это опыт, доказывающий, как важно идти наперекор революциям и войнам за своей любовью и своим талантом. Харатишвили показывает, как «большая история» врывается в мир девичьих грёз, любви, искусства – не подготовленные к встрече со злом героини тем не менее сохраняют веру, надежды, заботятся о доме, детях и будущем семьи. Если мобилизация всех нравственных сил перед лицом опасности, грозящей семье, – «родовой» признак женщин из этого рода, то «новые» герои – Низа и Брилька – лишь ищут свою «самость», находятся в процессе становления системы личных ценностей. Они не столько беглецы, сколько номады, «блуждающие по континентам совсем крохотной планеты со своими note-book'ами, кредитными карточками и сотовыми телефонами» [7, с. 221]. Они обречены решать проблему собственной онтологической обоснованности, искать себя и свой метафизический дом.

Центральным типом героя становится в романе восторженная интеллигентка, барышня из хорошей семьи, проходящая путь от веры в будущее и влюбленности в начинающего политика до разочарования, подведения предварительных итогов в ситуации потери дома, ценностных ориентиров, ностальгии. В этой роли оказываются поочередно все центральные героини: Стася, Кристина, Китти, Елена, Дарья, Низа. Б. Шнайд пишет о том, что главным в их истории становится мотив столкновения великого и малого [8]. Действительно, Харатишвили активно пользуется антитетичной парой: гротеск/литота. Характеристика ни разу не названного по имени в романе Берии («маленький великий мужчина») [5, S. 146] показательна, она выявляет общий принцип, повторяющийся в романе на уровне фабулы, системы образов и т. д.: нарочито большое сталкивается с повседневным, исторически значимое с приватным. Иногда эта гротескная схема оборачивается страшной, иногда смешной своей стороной, принцип «низведения великого до малого» [9, с. 305] устойчиво «работает» при описании всех исторических персонажей и используется там последовательнее, чем выше ранг появляющегося в тексте коммунистического деятеля. «Странность и гротескность отнюдь не равнозначны комическому и стиховому, не сводятся к нему» [9, с. 278].

Еще один важный мотив, выделяющий любимых героев автора, – отказ от маски, от «чужого лица», который помогает им опознать «своего» в мире «чужого», иногда становится опасным и даже смертельным.

Впервые он заявлен в истории Стаси. Сватающийся Симон объясняет, почему обратил на неё внимание: «Мы сидели бок о бок на виолончельном концерте братьев Максим... вы плакали от потрясения и вытирали слёзы рукавом. Вы не воспользовались шёлковым платком... Потом я видел вас в цирке, вы ели яблоко... и у вас не было шёлкового носового платка. Затем на балу... вы танцевали и капли пота вытерли... Не шёлковым платком» [5, S. 39]. Излюбленный Харатишвили прием – полные повторы и повторы с вариациями – настойчиво обращает внимание на изначальную незащищённость и открытость героини, на родственность тех, кто вступает в любовный союз. И чем больше Симон подчиняется своей маске – военной форме, тем дальше герои и уязвимее семья: «Я тот, кто тоже не пользуется платком... Каждый, кто пользуется вуалью, кому нужен предмет – даже если он из шёлка – между собой и миром, боится жизни» [5, S. 40].

Будущая трагедия Кристины завязывается на маскараде, где происходит своеобразный смысловой перевёртыш: те, кто пришел в карнавальных костюмах, выглядят более естественными, чем Берия и его охрана в военной форме. Конфликт по поводу приказа снять маску становится роковым для Кристины и её мужа. Наконец, надевающий маску ценителя искусства тиран, умиляющийся Рахманинову, в характеристике которого настойчиво появляются указания на «актерскую игру» [5, S. 147], «наигранность» [5, S. 148], «притворно драматичные» вздохи [5, S. 154], проявляет себя в прямом требовании подчинения, а все вокруг «соглашаются участвовать в этом маскараде» [5, S. 190].

Маска появляется и на лицах второстепенных героев, чья функция в романе лишь подтверждать жестокость строя и невозможность самореализации героев. Так, выгоняющий изнасилованную Гуло из университета профессор надевает на себя «искусственно-страдальческую физиономию» [5, S. 219]. Допрашивающая Китти в застенках НКВД женщина в униформе с размазанной помадой кричит на беременную героиню «ртом клоуна» [5, S. 296]. Даже неживые предметы, переставшие выполнять свою функцию, надевают, если можно так сказать, маску: в доме Иды пианино «укутано занавесью из ткани» [5, S. 229].

Косвенно юная Брилька вписана в этот ряд героев, вовлеченных в маскарад жизни: она занимается танцами и исполняет мужские роли, поскольку она «для фольклорных утонченных женских партий нашей родины была слишком резкой, слишком большой и мрачной» [5, S. 11]. Ей еще предстоит найти себя и определить, что для неё лицо, а что маска, отказаться от чужого и обрести своё.

Центральные героини романа – люди, изначально родившиеся «без маски» и мечтавшие о жизни без неё, но вынужденные надеть физическую

(изуродованное лицо Кристина прикрывает вуалью) или метафизическую (Китти) защитную маску.

Другой связующий их мотив – материнство. Рожденные и нерожденные дети не только наделяются в романе собственной судьбой, но и становятся индикатором тех изменений, которые в процессе испытаний происходят с их матерями.

Изоощренная жестокость режима проявляется в разрушении естественной смысловой связи «любовь – ребенок». Дети в романе становятся воплощением боли, страха, отчаяния.

Уже Костя и Китти, рожденные, казалось бы, в счастливом браке, стали итогом разочарования Стаси в своем увлеченном политикой муже. Костя рождается после осознания ею предательства Симона – он мог приехать за ней в охваченный революционным хаосом Петербург, но не сделал этого, Китти – плод жалости, а не любви к мужу, вернувшемуся из рейда по охваченным голодом деревням и впервые проявившему человеческие чувства – раскаяние, ужас. Семнадцатилетняя Китти теряет и возлюбленного, и ребенка в тюремных стенах, открывая все самые страшные стороны жизни, до сих пор скрываемые от неё матерью и теткой. Рождение единственного сына стоит Гуло мечты, чести, будущего – её изгоняют с математического факультета университета, где она была единственной девушкой-студенткой.

Героини, обожающие детей и страстно желающие их, лишены счастья материнства. Арест Сопио прерывает сказочное детство Андро, в котором его мать «проявляла недюжинную фантазию, чтобы ребенок не чувствовал бедности и ущербности» [5, S. 151]. Мечтающая о материнстве Кристина не получает желанного ребенка от мужа, но делает аборт от его все сильного начальника и «друга».

Однако несмотря на разрыв естественных причинно-следственных связей, в микромире описываемой в романе семьи уравниваются радости и страхи – дети становятся объектом всеобщего внимания и, даже оказавшись обделенными родительской любовью, получают в качестве компенсации обожание многочисленной родни. Большая семья, историю которой рассказывает Низа, выживает в XX веке именно за счет связей более широких, чем только поколенческие.

Героини этого типа активно ставятся автором в контекст многочисленных интертекстуальных характеристик. Бернд Шнейд пишет в своей статье-аннотации: «Анастасия или Дарья и Китти, кто знает, от толстовской “Анны Карениной” или от более давних Эмбы Бовари Флобера и Эффи Бристы Фонтане, чьи главные героини отразились в “Восьмой жизни (для Брильки)” ... от Ады Набокова. ... Это мировая литература, обновленная к XXI веку» [8]. Отсылки к толстовской идиллии Левина и Китти

артикулированы в романе достаточно внятно. Комплекс противоречивых идей, вокруг которых в свое время разворачивалась полемика Толстого и Достоевского, Толстого и Лескова, сознательно или бессознательно восстанавливается и в романе Харатишвили: допустимо ли ненасилие в ответ на вопиющее зло, как далеко простираются границы прощения и смирения, что важнее – справедливость или милосердие и др. Однако у Харатишвили героини сохраняют волю к сопротивлению, остаются берегинями семьи. Они хранят даже тех членов семьи, которые разбросаны по миру и поддерживают ощущение связности и дома вопреки обстоятельствам.

Другой важный тип, характерный для эмигрантской литературы, – офицер, выбирающий между служением прежним идеалам (царской России) и надеждами на успех, власть, участие в исторических событиях. Симон Джаши проходит путь разочарования и постепенного осознания утраты свободы – чувство вины становится его уделом. Его сын Константин – путь потери и попытки найти замену утраченной любви, мечты и счастья.

Симон появляется в романе с устойчивым эпитетом «белый лейтенант». Его героическая биография – объект восхищения для юной невесты, потом гордости для сына. Участник Русско-японской войны и либерал по убеждениям, он напряженно ищет применения своей молодой энергии: «Снаружи люди заново создавали целые страны, он хотел в этом участвовать» [5, S. 70].

Достаточно долго он предстаёт романтизированной фигурой: отъезд на войну через две недели после свадьбы, любовные телеграммы в разгар революционных боёв, тревога за Стасю («Голубка, здесь беспокойно» [5, S. 77]). Впрочем, принцип рассказывания из будущего о прошлом, базирующемся на знании «катастрофических и ужасающих» [5, S. 82] результатов описываемых процессов, не дает автору долго сохранять романтический ореол вокруг героя. Он вызывает уважение тем, что «не смог найти в своей жизни другой идеологии, кроме родины» [5, S. 43], но «все, что он говорил, звучало как наизусть заученное стихотворение» [5, S. 106]. Этот человек оказывается в плену совершенного выбора, осознавая, что служит злу, продолжает также честно выполнять свой долг – сначала по убеждению, потом из страха, наконец, по привычке и по профессии. Итог: «сентиментальная любовь... ко всему ушедшему – пушкинской России, наполеоновским балам, «Лебединому озеру» [5, S. 44] сменяется «ощущением чужой жизни» [5, S. 112] в своей семье, своем доме, на своей родине. Но хотя в нём «окончательно что-то потухло» [5, S. 114], он всё же продолжает воевать и честно делать свое дело.

С Симоном и Костей в роман входит тема России как растерзанного мира. Россия предстает в «Восьмой жизни» двумя почти несвязными образами: с одной стороны, империя, всегда бывшая и продолжающая при

Советском Союзе быть агрессором, источник жестокости, несправедливости и притеснений по отношению к Грузии (и тут автор безжалостно играет фактами и цифрами), с другой – страна, заслуживающая сочувствия из-за своей несчастливой судьбы и бесконечно уничтожающая своё же собственное культурное достояние. В первую очередь этот образ разрушаемого величия связан с Ленинградом, в котором происходит чуть ли не треть действия романа. Революционный Петроград, где верящий в культуру человек обречен либо на гибель, либо миграцию, блокадный Ленинград как город-жертва, в котором замолчала даже музыка, «так невыносимо хватающая за сердце» [5, S. 285], послевоенный город – герои самым неожиданным образом возвращаются в это мистическое чуждое пространство.

Опробованные мигрантской литературой типы восторженной барышни, вовлеченной в революцию, «белого офицера», а также примыкающих к ним – рафинированного интеллигента, мечтающего о лучшем мире (Рамаз и отчасти Андро), прагматика-предпринимателя, утратившего дело своей жизни (прапрадедушка), – приобретают в романе Харатишвили новые коннотации, ставятся в нетипичные ситуации, переосмысляются с позиций субъективно осмысляющего историю повествователя.

Список использованной литературы

1. Харатишвили Н. Лив Штайн // ШАГ-4: Новая немецкая драматургия. М. : Немецкий культурный центр им. Гёте в Москве, 2011. С. 291–342.
2. Миллер М. Лица немецкой литературы. Нино Харатишвили. Генерал и кошка // Интервью с Вадимом Фельдманом, 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d230cbb959b0d00ad33cb2e/lica-nemeckoi-literatury-nino-haratishevili-general-i-koshka-5d29a7a84e057700ad302388>
3. Александрова М. «Восьмая жизнь» – спектакль про то, как страшно было жить в СССР и после // ИА REGNUM, 2019. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2769769.html>
4. Машевка П., Шуман Е. Немецкий театр без грузинского акцента: Нино Харатишвили получила премию имени Шамиссо // DW. 2010. URL: <https://www.dw.com/ru/немецкий-театр-без-грузинского-акцента-нино-харатишвили-получила-премию-имени-шамиссо/a-5339469>
5. Haratischwili N. Das achte Leben (Für Brilka). Hamburg : TIDE exklusiv, 2019.
6. Шкловский В. Б. О теории прозы. М. : Сов. писатель, 1983. 384 с.
7. Кузнецов П. Эмиграция, изгнание, Кундера и Достоевский // Звезда. 2002. № 4. С. 220–223.

8. Schneid B. Nino Haratischwilis “Das achte Leben (Für Brillka)” – Über die Unausweichlichkeit dieser beispielhaften Leben // MEDIENobservationen, 2014. URL: <https://www.medienobservationen.de/2014/schneid-haratischwili-das-achte-leben/>

9. Гуревич А. Я. «Верх» и «низ»: средневековый гротеск // Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М. : Искусство, 1981. С. 271–326.

Нина Осиповна Осипова,

доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров, nina.osipova@list.ru

УДК 93/94

«Маленький человек» русской эмиграции (по результатам работы над изданием «Русское зарубежье во Франции»)

Аннотация. Статья представляет результаты поисковых исследований в процессе работы над французскими архивами для Словаря «Российское зарубежье во Франции». В сфере внимания автора – судьбы русской эмигрантов т. н. «второго» и «третьего» ряда – тех «маленьких» людей эмиграции, которые, тем не менее, внесли достойный вклад в русскую и французскую общественную жизнь и культуру, и их имена впервые представлены в печати.

Ключевые слова: российское зарубежье, русские архивы Франции, «маленький человек».

Nina Osipova

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Vyatka State University,
Russia, Kirov, nina.osipova@list.ru

„The small person” of Russian emigration (based on the results of the publication Russian abroad in France)

Abstract. The article presents the results of research in the process of working on French archives for the Dictionary "Russian Diaspora in France". The object of the author's attention is the fate of the Russian emigrants so-called "second" and "third" rank – those "little men" of the emigration. Nevertheless, they made a deserving contribution to Russian and French social life and culture; and their names were first presented in print.

Keywords: Russia abroad, Russian archives in France, „the small person”.

«Маленький человек» – это понятие специфически русское, обозначающее особый тип литературного героя русской литературы, вошедшего

в культурный контекст благодаря произведениям А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя и др.

На страницах их произведений постепенно вырисовался тип маленького человека – невысокого социального положения и происхождения, не одаренного выдающимися способностями, не отличающегося силой характера или специфической харизмой, но при этом обладающего добротой, духовным богатством и острым чувством справедливости. Писатели-классики, создавая образ маленького человека, хотели напомнить читателям, привыкшим восхищаться романтическими героями, что самый обыкновенный человек – тоже человек, достойный сочувствия, внимания, поддержки. Этот тип менялся с течением времени, приобретая новые черты в зависимости от эпохи и писательского отношения (например, маленькие люди Гоголя и Чехова различны по своим человеческим свойствам). Важно при этом понимать, что чисто внешние (иерархические) черты не могут являться критерием типа, то есть, например, не всякий крепостной или чиновник 14-го класса будет «маленьким человеком», в то же время представитель более высокой социальной иерархии может оказаться в ситуации «маленького человека».

Следуя литературной традиции, главными тематическими чертами этого образа являются: низкое, бедственное, подчиненное социальное положение; страдание, происходящее от собственных слабостей и ошибок; острота жизненных переживаний; осознание себя именно «маленьким человеком» и стремление утвердить свое право на жизнь именно в таком качестве; наконец, обращение к Богу как единственному носителю справедливости и равенства.

И для наших персонажей характерен весь комплекс указанных признаков, которые осложнены тем, что они были сформированы ситуацией эмиграции, которая поставила перед маленьким человеком задачу выживания и выстраивания своей судьбы в условиях изгнания. Эмиграция обострила проблему маленького человека, исключив из нее социальный критерий. Общество «маленьких людей» стремительно пополнили бывшие военные, дворяне, духовенство.

Но основная часть этих людей – это люди без судьбы. Они не были ни диссидентами, ни борцами за демократию, ни борцами против революции, советской власти, фашизма или коммунизма – они просто боролись за свою жизнь и за своё счастье и стремились сохранить свое достоинство. Именно в таком качестве они попали на страницы Б. Зайцева, Тэффи, Г. Газданова, И. Бунина...

Силу трагизма маленьких людей – «героев зловонных и темных углов» (А. Григорьев) – очень точно определил П. Вайль: «Маленький человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему

уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров <...> герои Кафки, Беккета, Камю...» [1, с. 228]

При этом мы не склонны идеализировать «маленького человека» эмиграции – слишком разные типажи встречались в границах этого понятия, что нашло отражение и в многочисленной мемуарной литературе. Так, Р. Гуль вспоминал: «Я был благодарен Жоржу Леонтьеву не только “за приют”, но и за то, что он открыл мне мир русского шоферского Парижа. Когда поздно вечером мы шли обедать, моим Virgiliem был Жорж. Вокруг Ля Мотт-Пике в дешевых русских ресторанах и в грязноватых “бистро” сходилась русско-шоферская братия. Тут больше пили, чем ели. Пили много потому, что “замело тебя снегом, Россия...” <...> Конечно, не все русские шоферы пили вмертвую. Многие жили семейной жизнью. Многие выбились из шоферства, войдя во французскую жизнь, многие скопили деньги, купили свои машины. Из шоферов, например, вышел талантливый писатель Георгий Газданов, автор “Вечера у Клэр”, “Ночных дорог” и др. Многие как следует встали на ноги. Но Жорж-то показал мне тот русско-шоферский мир, который, пия, шел ко дну, не хотя никуда “выбиваться”. По молодости лет в гражданскую войну Жорж попал с гимназической скамьи... А в Париже перед собой ничего кроме шоферства не видел. Собутыльниками Жоржа были и кадровые офицеры, и военного времени, все, кто, потеряв родную почву, не могли и не хотели “в этой растреклятой Франции” куда-то “выбиваться”. Вот и “пили”» [2].

Описание такой жизни мы встречаем на страницах романа «Мир» В. Яновского (Берлин, 1931), посвященного изображению русской эмиграции и ее нравов и единодушно осужденного эмигрантской критикой. Жизнь русских за рубежом была показана в романе, по выражению Н. Оцуа (Н. О-ъ), как бы с «черной лестницы», человек предстал в произведении как «существо нечистоплотное и мелко несчастное», «гадко и цинично» предающееся своим порокам, ведущее «подленькое существование», а бытие эмигрантов рисовалось «зловонной ямой». Признавая книгу «интересной», критик отмечал, что роман вызывает не столько «отвращение к миру», сколько «жалость к автору» [3, с. 263–264]. Г. Адамович в «Современных записках» особо отметил противоречия между терзаниями героев, их развратом – и постоянными разговорами «на высокие темы». Среди главных недостатков романа Адамович назвал склонность автора к «грубым мелодраматическим эффектам и контрастам», стремление «по каждому поводу ставить и разрешать мировые загадки» [4, с. 457]. Несмотря на открытое неприятие романа, в нем, по мнению критиков, нашли отражение некоторые черты эмигрантского «дна», описанные с

«настоящим знанием людей» и «живым чувствованием людского страдания» (Г. Адамович). Все это свидетельствует о том, что в жизни эмиграции существовали и активно функционировали социальные сферы, достаточно далекие от интеллектуальной и культурной элиты русского зарубежья.

Перед нашим научным коллективом авторов и составителей Словаря «Русское зарубежье во Франции» [5] стояла непростая задача: как найти среди огромного моря обыкновенных людей тех, кто оставил свой, хотя бы небольшой, след в истории Франции и эмиграции в частности? Каковы же источники, из которых черпались сведения о таких людях? Отметим сразу, что уникальность трехтомного Словаря заключается в том, что кроме известных деятелей русской эмиграции сюда вошли персонажи, не сделавшие никаких открытий в той или иной сфере деятельности, не получившие известности на общественном поприще, но в архивах, в периодике их имена остались в связи с тем, пусть небольшим, вкладом, который эти люди внесли в жизнь русского зарубежья или французской культуры. К сожалению, в Словарь из-за ограниченности объема не вошла вся информация о них, но рабочие материалы в большом количестве остались. Мы исследовали архивы обществ и профессиональные союзов, которые были важной составной частью процесса интеграции российской эмиграции в европейское общество. Деятельность общественных организаций стала единственной реальной опорой для многих тысяч эмигрантов во время их пребывания в изгнании. Причем чаще всего речь шла не о таких влиятельных и авторитетных, как Российское общество Красного Креста, Земско-городской союз и др., которые осуществляли благотворительную деятельность без введения какого-либо профессионального, образовательного или иного ценза. Но наряду с ними во Франции действовали более мелкие организации, положившие в основу своего построения факт принадлежности к определенной социальной категории.

Стремление российских беженцев, нашедших работу во Франции, к объединению по национально-профессиональному принципу – явление уникальное для эмиграции. В первой половине 1920-х гг. появились союзы русских летчиков, шоферов, врачей, рабочих, юристов, писателей, актеров и целый ряд других. Русские таксисты в Париже создали свою организацию – Союз русских шоферов, который был одновременно профсоюзом и клубом. Но даже и не об этих обществах идет речь, потому что они объединяли людей больших (и распространенных) профессий. А вот, например, было Российское спортивное общество, занимающееся улучшением физического здоровья русской колонии во Франции, которое размещалось в 1923 г. в Париже на rue de Mardebourg, было даже общество мастеров головных уборов. Именно эти общества собирали чаще всего

«маленьких» людей, и именно для таких устраивали заседания, обеды, «чашки чая», служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова чувствовали себя полковниками армии, портнихи – институтками, скромные служащие – чиновниками или прокурорами.

Они и составляли своего рода «русские городки», жители которых по воскресеньям и праздникам ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали продукты в русских лавчонках... а по вечерам ходили на русские концерты, слушали лекции и доклады, участвовали в собраниях всевозможных обществ и объединений... В эти годы в Париже насчитывалось более трехсот вот таких русско-эмигрантских организаций. Многие эмигранты были мелкими служащими этих организаций, и именно поэтому их имена сохранились в документах, многие были их участниками, одновременно работая в магазинах, на заводах, в портах.

Так, например, в словарь попал Александр Алимов, бывший сапожник, основавший впоследствии фабрику деревянной обуви, так попал И. Белавенец, шофер. Примечательна судьба О. Гронской, которая работала кухаркой, горничной, и никто бы ее так и не знал, если бы она впоследствии не написала книгу о своей жизни. Яков Гуревич служил метранпажем в «Последних новостях» – и на своей маленькой должности служил в одной из ведущих эмигрантских газет. Многие женщины-участницы организаций, объединений и кружков работали медсестрами, портнихами и попали в хронику как активные участницы этих организаций.

В ряд этих обществ можно поставить и многочисленные кружки – преимущественно любителей искусства (драматические, певческие, художественные). Стремление к самостоятельному творчеству всегда было традицией русской культуры, а в эмиграции – еще одной из возможностей самореализации и психологической релаксации. Многие были артистами-любителями и в этом своем качестве становились героями газетной хроники.

Иногда достаточно было какого-то одного факта – и человек попадал в хронику. Например, Анатолий Ленин (бывший капитан) зарабатывал уличной торговлей. Но в 1938 г. принял участие в вечере памяти певицы Вяльцевой и написал даже романс.

Еще один источник, откуда черпались сведения, – это деятельность землячеств, которые создавались не по профессиональному, не по интеллектуальному или иерархическому принципу, а по географическому.

В результате через короткие промежутки времени возникли Самарское, Саратовское, Симбирское, Казанское, Царицынское, Киевское, Харьковское, Московское, Екатеринославское и Петербургское земляче-

ства. Идея создания землячеств оказалась очень успешной, и очень скоро эти объединения российских эмигрантов превращались в своего рода клубы земляков, где издавались свои «листки», проводились общие собрания, вечера, обеды и концерты. Информация об этих вечерах и собраниях проникает в прессу и часто с указанием их участников. По этим листкам, объявлениям мы можем не только восстановить картину жизни эмиграции, но и конкретизировать ее.

Богатейшим источником стали архивы Красного Креста, в рамках которого работали сестры милосердия, санитары, работники ферм, воспитатели, члены студенческих союзов (карточки русских студентов сохранились в архивах).

Еще один источник – обращение к тем центрам, где диаспора была наиболее многочисленной. Например, в небольшом городке Монтаржи был завод, и сохранилось русское кладбище, на котором кроме рабочих похоронены учительница, занимавшаяся с их детьми, священник русской церкви... Вообще мы начинали с описания кладбищ в разных городах и городках Франции, где российская диаспора была более или менее представленной. Потом какие-то имена из этих списков мы находили в периодике, архивах – так постепенно собирался «портрет» человека, который обрастал дополнительными подробностями.

Пожалуй, самое ценное, что здесь представлен уникальный по масштабу «второй ряд», люди, не известные широкому кругу и, честно говоря, в основном забытые, как казалось, навсегда. А ведь за каждым из них целая жизнь и достойные дела. Ну кто, к примеру, сегодня знает, кем был Евгений Ионович Вдовенко? А теперь мы можем вспомнить этого замечательного человека, электротехника, протодиакона, владельца мастерской церковных облачений и принадлежностей, снабжавшего ими половину русских приходов во Франции. Или Мария Яковлевна Мясникова, всю жизнь ухаживавшая за больными в Ницце. И таких примеров – тысячи.

Одним из самых важных источников информации являются религиозные организации (списки приходов, фамилии наиболее активных прихожан, помогающих церкви). Не было ни одного христианина (или представителя иной религии), которые не были бы связаны с культовыми организациями, даже если это был самый последний нищий или безработный.

Для тех, кого мы называем маленькими людьми, религиозная составляющая была чрезвычайно важна, потому что, по большому счету, в традицию «малости» человека входит идея равенства людей перед Богом, заложенная в евангельском тексте, от которого, по-видимому, ведет свою родословную понятие маленького человека.

Человек, нарисованный в Евангелии, есть именно «м а л ы й», меньший перед Богом, а не перед земной властью, силой или богатством. Христос прежде всего обращен к «униженным и оскорбленным»: «Придите ко мне, все нуждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф., 11, 28); «то, что сделали вы одному из братьев моих меньших, то сделали мне» (Мф., 25, 40–45); «кто из вас меньше всех, тот будет велик» (Лк., 9, 48); «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; кто хочет быть первым, да будет вам рабом» (Мф., 20, 26), «смотрите, не презирайте ни одного из малых сих» (Мф., 18, 10). Евангельский человек м а л своим духом, унижен, слаб, но устремлен к Богу в ожидании высшего суда, он преображается, несмотря на земное унижение. Вообще обращенность к Богу будет одной из обязательных черт образа «маленького человека», что достигается любовью к ближнему и неизбежным страданием.

Шоферы, рабочие заводов, счетоводы, казначеи, медсестры, мелкие бухгалтеры – все были равны перед Богом и в своем участии в делах церкви. Так, в Словарь попал прихожанин Александро-Невского собора Владимир Ленци – таксист, шофер грузовых фур, открывший первый в Париже гимнастический зал... Виктория Баумгартен, медсестра, была членом женского кружка особого комитета по сбору средств на ремонт Александро-Невского собора. Бывший офицер Сергей Доможиров служил дворником при этом же соборе. Многие участвовали в ремонте, реконструкциях, строительстве храмов, о чем также сохранились сведения, вошедшие в наш Словарь. Например, Ирина Мусина-Пушкина, работница бумажной фабрики, одновременно занималась распространением «Вестника западноевропейской епархии».

Помощь ближнему становилась тем импульсом, который помогал выжить и самому человеку, психологически утвердить себя в чужом мире. Отсюда многочисленные благотворительные акции (я не имею в виду благотворительность высокого уровня): работа воспитателями в детских лагерях, проведение детских елок, помощь в оформлении документов безграмотным и т. д. Так, Ирина Гербильская (портниха) организовывала благотворительные базары в пользу нуждающимся. Татьяна Розеншильд-Паулин, которая торговала на рынках, разводила кур, кроликов, в то же время шила одежду из одеял для бездомных и помогала русским в оформлении документов.

Информация такого рода собиралась по крохам – через хронику, воспоминания, церковные архивы, установление дат рождения и смерти по кладбищенским записям. И когда удавалось заполнить тире между датами рождения и смерти, пусть даже самыми малыми сведениями, человек становился персонажем Словаря.

К сожалению, далеко не все сведения удалось собрать. Сегодня появилась возможность работать с архивами и документами, используя большие данные, цифровые технологии. Идет процесс активной цифровизации архивов (например, оцифрована русская периодика библиотеки ВДИС, идет активная оцифровка русских архивов в США, Амстердаме, частных коллекций... Процесс сбора материала продолжается и сейчас, собрана обширная база данных, и хочется надеяться, что со временем мы сможем больше узнать о жизни обыкновенного человека, мечтающего об обыкновенном счастье.

Список использованной литературы

1. Вайль П., Смерть героя // Знамя. 1992. №11. С. 228–232.
2. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. URL: <http://www.dk1868.ru/history/gul2>).
3. Н. О-ъ. В. Яновский «Мир». Рецензия // Числа. 1932. № 6. С. 263–264.
4. Адамович Г. Рецензия на роман В. Яновского «Мир» // Современные записки. 1933. № 52. С. 457.
5. Русское зарубежье во Франции: 1919–2000 : биографический словарь : в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М. : Наука. Т. 1. А–К – 2008, 796 с.; Т. 2. Л–Р – 2010, 685 с.; Т. 3. С–Я. Дополнения. – 2010, 757 с.

Вадим Ибрагимович Мусаев,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Россия, г. Санкт-Петербург, vmusaev62@mail.ru

УДК 314.74; 94(47)

Русская диаспора в Финляндии в 1920–1930-е гг.: формирование, способы адаптации

Аннотация. После событий в России в 1917 г. и последующие годы Финляндия стала одной из стран «русского исхода». В силу ряда причин Финляндия не относилась к числу основных стран, в которые устремлялся поток беженцев и эмигрантов из бывшей Российской империи. Этому препятствовали языковые и культурные различия между эмигрантами и коренным населением страны, наличие в Финляндии антирусских настроений и довольно жесткая иммиграционная политика. С другой стороны, действовали обстоятельства, которые способствовали тому, что часть выходцев из России оседала именно в Финляндии. К ним относились близкое соседство Финляндии, про-

нищаемость границы, наличие в Финляндии «старожильческого» русского населения, русских обществ, торговых и промышленных предприятий, школ, структур Русской православной церкви.

Ключевые слова: эмиграция, диаспора, адаптация, русский исход, Финляндия, иммиграционная политика.

Vadim Musaev

Doctor of Sciences in History, Leading Researcher, St. Petersburg History Institute,
the Russian Academy of Science, Russia, St. Petersburg, vmusaev62@mail.ru

Russian Diaspora in Finland in the Nineteen-Twenties and Thirties: Formation, Ways of Adaptation

Abstract. After the events of 1917 and the succeeding years in Russia Finland became one of the countries of the "Russian Exodus". In virtue of some circumstances Finland did not belong to the main centers, which hosted the main groups of the refugees and emigrants from the former Russian Empire. It was caused by language and cultural differences between the Russians and the dominating population of Finland, presence of anti-Russian attitudes and quite severe immigration policy in Finland. On the other hand, there were some factors which favored settlement of some newcomers from the East in Finland. Among them there were the common frontier of Russia and Finland, presence of the "old" Russian residents in the country, availability of Russian societies, trade and industrial enterprises, owned by the Russians, of Russian schools, structures of the Orthodox Church.

Keywords: Emigration, diaspora, adaptation, Russian Exodus, Finland, immigration policy.

Беженцы из бывшей Российской империи, обосновавшиеся в Финляндии после 1917 г., были частью «великого русского исхода», составившего более миллиона человек. В октябре 1921 г., до начала восстания и бегства населения из Беломорской Карелии, численность российских граждан в Финляндии, по данным органов внутренних дел, равнялась 19 585 человек. Большая их часть – 14 632 человека – находилась на территории Выборгской губернии; из них более половины – 8317 человек – составляли русские [1]. В начале же весны 1922 г. в Финляндии находились примерно 33 500 беженцев из России, среди которых русские и лица иного этнического происхождения, которых можно, тем не менее, причислить к носителям русской культуры, составляли около 15 000 человек (остальные 18 500 тысяч относились к ингерманландским финнам и восточным карелам) [2, р. 37]. В 1924 г., когда еще продолжалась активная фаза репатриации, начавшаяся после заключения Тартуского мира в 1920 г., в Финляндии находились примерно 23 500 беженцев, из них 13 300 русских, 7000 карелов и 3200 ингерманландцев. Русских и русскоязычных беженцев до конца 1920-х гг. в Советскую Россию вернулось бо-

лее 10 000 человек, но в основном это были участники Кронштадтского восстания [3, с. 59]. Бывшие российские подданные, выезжавшие в 1920–1930-х гг. из Финляндии, ехали главным образом в другие страны Европы (в основном в Германию, Францию, Югославию или Чехословакию), некоторые отправлялись за океан. Для части беженцев Финляндия, в силу своего пограничного с Россией положения, стала лишь перевалочной базой на пути в третьи страны. Относительно крупная группа беженцев с востока всё же осталась в Финляндии на постоянное место жительства, составив в этой стране, вместе с потомками иммигрантов имперского периода, русскоязычную диаспору.

Начиная с середины 1920-х гг. численность русской диаспоры в Финляндии была относительно стабильной, хотя выезд в страны Европы и в Америку в ограниченных размерах продолжался. По официальным данным на конец 1927 г., в Финляндии пребывали около 15 000 выходцев из России, из них примерно 8500 собственно русских эмигрантов [4]. От этих данных мало отличаются сведения, датируемые 1934 г., когда, по данным органов Центральной сыскной полиции, в Финляндии пребывали также около 15 000 российских беженцев, из них карелы и ингерманландцы составляли 52%, русские – 48% (около 7200 человек). Из последних более половины находились в Выборгской губернии, около трети – в Уусимаа, остальные – в других частях Финляндии [5]. В 1938 г. численность беженцев в Финляндии, не имевших финляндского гражданства, оценивалась приблизительно в 14 000 человек, в том числе 6300 русских, 5500 восточных карелов и 2400 ингерманландцев [6, р. 248].

Перемещения через границу, в том числе нелегальные, впрочем, продолжались на протяжении всех 1920-х гг., хотя они и не достигали таких масштабов, как в 1918–1922 гг. Так, за 1925 г., по данным газеты «Хельсингин Саномат», из Советского Союза в Финляндию въехали 1849 человек, в противоположном направлении проследовали 1904 человека. Число нелегальных беженцев за этот период составило 155 человек, из них 60 финнов, 44 русских, 20 ингерманландцев, 18 карелов, несколько эстонцев, поляков и представителей других национальностей [7]. В 1926 г., по данным той же газеты, границу с российской стороны тайно перешли 250 человек, в том числе 161 финн, 43 русских, 22 ингерманландца, 21 карел, трое лиц других национальностей. За этот же период более 200 человек вернулось в Советский Союз, примерно такое же число лиц выехали в третьи страны [8]. Среди новых беженцев с востока с середины 1920-х гг. появились беглецы из лагерей ГУЛАГа, расположенных на территории Советской Карелии и находившихся в подчинении Управления Соловецкими лагерями особого назначения. Точное

их число неизвестно, по мнению исследователей, речь может идти о нескольких десятках человек [9].

Количество эмигрантов и беженцев из России, обосновавшихся в Финляндии, было не очень значительным в общей статистике Российского зарубежья. По численности русских эмигрантов Финляндия заметно уступала основным центрам русского исхода в Европе, таким как Германия, Франция или страны Балканского полуострова, но в то же время превосходила некоторые другие европейские страны. Выбор беженцами той или иной страны в качестве новой родины зависел от целого ряда объективных и субъективных причин. Притягательность Германии или Франции для многих русских эмигрантов, прежде всего из «образованных классов», была связана с их культурной ориентацией. Многие представители дворянства, буржуазии, интеллигенции до мировой войны бывали в этих странах, имели там знакомых, хорошо владели немецким или французским языками. Одним из центров русской эмиграции стала Югославия, что было связано с традиционно дружественным отношением южных славян к русским и с покровительственной политикой по отношению к эмигрантам, которое проводило югославское руководство во главе с королем Александром. Существенное значение имела языковая близость русских с южными славянами, а с некоторыми из них (сербами и черногорцами) русских роднила общая вера. Столь же родственные и дружественные чувства связывали с русскими чехов и словаков, а президент Чехословацкой Республики Т. Г. Масарик, имевший тесные связи со многими российскими деятелями науки и культуры, также покровительствовал русским эмигрантам. В Чехословакии проводилась специальная акция по оказанию помощи русским беженцам – т. н. “Action russe” [10, p. 128].

Выбор в пользу Финляндии, сделанный частью эмигрантов, также имел свои мотивы. Большинство населения Финляндии было чуждо русским в языковом и культурном отношении. На официальном уровне отношение к эмигрантам было в лучшем случае терпимым, в правовом отношении они были в значительной мере ущемлены. Антирусские настроения в стране были не так сильны, как в первые месяцы финляндской независимости, но и не были полностью изжиты. Тем не менее для русских Финляндия не была полностью чужой страной. Как бывшая часть Российской империи Финляндия (в первую очередь Карельский перешеек) была в известной степени «освоена» русскими. Здесь имелось русское население, принадлежавшие русским земельные участки, дома, дачи, промышленные и торговые предприятия, действовали русские образовательные учреждения. Большое значение для адаптации русских эмигрантов в Финляндии имело существование на ее территории православной церкви. В отличие от стран Западной Европы, где имелись лишь отдельные рус-

ские церкви и приходы, в Финляндии православие существовало на уровне крупной и разветвленной церковной организации, с архиепископской кафедрой. Свою роль играли территориальная близость и наличие общей границы. Некоторые эмигранты, перейдя границу и рассматривая поначалу свое пребывание в Финляндии как временное, в силу ряда обстоятельств (в частности, отсутствия необходимых средств) не выезжали в третьи страны и оставались здесь на постоянное жительство или на более длительный срок.

Наряду с факторами, способствовавшими адаптации выходцев из России в Финляндии, действовали и обстоятельства, затруднявшие её. Помимо законодательных стеснений и недоброжелательного отношения со стороны части местного населения, не последнюю роль играл языковой барьер: среди беженцев почти никто не говорил по-фински или по-шведски, тогда как основные европейские языки, которыми владела часть эмигрантов, тогда в Финляндии были распространены мало. Некоторые эмигранты к тому же и не стремились интегрироваться в жизнь страны и изучать местные языки, надеясь на скорое падение большевистского режима в России или рассчитывая выехать в другую страну. В силу этих обстоятельств приток эмигрантов из России в Финляндию имел ограниченный характер.

Иммиграционная политика финского руководства как на центральном, так и на местном уровне в начале 1920-х гг. неоднократно претерпевала изменения. После избрания К. Й. Стольберга президентом Финляндской Республики в июле 1919 г. во внешней политике был избран сдержанный курс, в том числе и в отношениях с восточным соседом. Отношение к выходцам из России отличалось строгостью, рассматривались планы сокращения числа русских в стране, которые, впрочем, не были реализованы в широких масштабах. Первое постановление об иностранцах, вступившее в силу в августе 1919 г., предусматривало, что лицо, въезжавшее в страну, должно иметь паспорт и визу. По отношению к русским беженцам, многие из которых не имели паспортов, это постановление применялось далеко не всегда. Среди финских официальных лиц в отношении к русским беженцам по-прежнему просматривались расхождения. Наиболее непримиримую позицию занимали бывший губернатор Уусимаа Бруно Яландер, ставший в новом кабинете военным министром, и лидер аграриев С. Алкио, который стал министром по социальным делам. Наиболее благосклонно к русским относились Выборгский губернатор Антти Хакцель и пограничный комендант Карельского перешейка подполковник Лаури Сарин, который в конце 1919 г. объявил, что следует принять всех беженцев, которым грозит опасность в Советской России [3, с. 69–70]. Весной 1920 г. оба, однако, были смещены со своих постов

именно за излишне благожелательное отношение к беженцам. Новым выборгским губернатором стал Лаури Реландер, депутат парламента от Аграрного союза, члены которого всегда выступали за ограничение допуска русских беженцев в Финляндию, а новым пограничным комендантом — подполковник Эрик Хейнрикс, выходец из егерских кругов. Оба были сторонниками ужесточения беженской политики и усиления пограничного контроля [11, s. 186]. В 1920–1921 гг. из Финляндии было выслано 577 человек [12, л. 8, 10–11]. Возвести непреодолимую стену на границе, однако, не удалось. Нелегальные переходы границы продолжались, отправлять же обратно всех «нелегалов» даже чисто физически было трудно.

Начало стабилизации в финляндской государственной политике по отношению к беженцам относится к 1922 г. В это время происходит урегулирование беженского вопроса на международном уровне. В июне 1921 г. на сессии Совета Лиги Наций было принято решение об учреждении должности Верховного комиссара по делам беженцев, которую осенью того же года занял известный норвежский полярный исследователь и общественный деятель Фритьоф Нансен. Задачи Верховного комиссара и его аппарата заключались в урегулировании правового статуса беженцев, организации им помощи в размещении и трудоустройстве [10, p. 78]. К маю 1922 г. Верховный комиссар имел своих представителей в 14 государствах, в том числе в Финляндии. На межправительственной конференции, созванной по инициативе Ф. Нансена в июле 1922 г., была принята форма особого сертификата для русских беженцев, известного как «нансеновский паспорт». Этот сертификат был утвержден третьей сессией Лиги Наций в октябре того же года. К январю 1923 г. он был признан 31 государством. Этот документ позволял беженцам, не имевшим гражданства, свободно пересекать государственные границы. Действие «нансеновского паспорта» длилось один год, после чего он подлежал продлению [2, p. 104–105]. Для русских беженцев в Финляндии это решение было весьма своевременным. Советское полпредство в Финляндии в феврале 1922 г. объявило о необходимости регистрации лиц, желавших принять советское гражданство, до 1 июня того же года (по истечении этого срока регистрация была продлена). Остальные, в соответствии с декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г., лишались прав российского гражданства и переходили на положение иностранцев по отношению к РСФСР. Декрет был подтвержден законом от 29 октября 1924 г. [10, p. 79]. Выдача нансеновских паспортов давала таким лицам хоть какую-то правовую защиту. Важные дополнения к положению о нансеновских паспортах были сделаны во второй половине 1920-х гг. Положение от 12 мая 1926 г. признавало право проставления в нансеновских паспортах обратной визы, а положением от 28 июня 1928 г. было рекомендовано возложить на представи-

тельства Верховного комиссара выполнение консульских функций для беженцев [2, р. 108].

Летом 1922 г. в Финляндии было утверждено понятие «российский беженец». Беженцами считались те иностранцы, которые спасались бегством из России, в том числе и выехавшие из нее граждане Финляндии. Не считались беженцами выходцы из России, прибывшие в Финляндию с нансеновскими паспортами из западных стран, а также русские, проживавшие в Финляндии до ее отделения от России [13, с. 35]. 23 сентября 1922 г. председатель «Особого комитета по делам русских в Финляндии» А. Н. Фену сообщал дипломату М. Н. Гирсу: «Сего числа президент Финляндской Республики утвердил форму и порядок выдачи русским политическим эмигрантам, желающим выехать за границу, особого удостоверения личности, применительно к постановлению Лиги Наций. [...] Выдаваться оно будет Финл[яндской] Центральной (политической или сыскной) полицией, исключительно за подписью ее начальника. Последний негласно будет сноситься со мной для контроля показаний желающего получить удостоверение в особо установленных опросных листах и во избежание (по возможности) получения этих удостоверений лицами, признавшими Сов[етскую] власть и зарегистрировавшимися в здешнем большевистском представительстве» [14, с. 213].

23 ноября 1923 г. было принято «Постановление о въезде иностранцев в Финляндию и их пребывании в стране» за подписью президента, в которое были внесены некоторые изменения через три года, 23 ноября 1926 г. Согласно этому постановлению, каждый иностранец, въезжавший в страну и пребывавший на ее территории, должен был иметь действующий паспорт. Для получения разрешения на въезд или на пребывание в паспорте не позднее чем через три месяца должна была делаться соответствующая отметка. Если иностранец хотел остаться в Финляндии на срок более трех месяцев, он должен был получить у губернатора «разрешение на право пребывания» (ololippu), которое подлежало утверждению МВД. Разрешение должно было обновляться не реже одного раза в год. При выезде в другую губернию иностранец должен был получить новое разрешение у соответствующего губернатора. Губернатор имел право по своему усмотрению аннулировать разрешение. Иностранцам, желавшим поступить в Финляндии на работу, требовалось также получить разрешение на работу, однако на лица, находившиеся в Финляндии по «разрешениям на право пребывания», данное требование не распространялось [15]. Правительственным распоряжением от 7 февраля 1929 г. с 1 апреля также вводились в действие «книжки на пребывание» (oleskelukirjat), которые выдавались лицам, пользовавшимся правом убежища, на один год и могли в особых случаях продлеваться губернатором на срок до трех лет. Тем же

распоряжением предусматривались льготы по трудоустройству эмигрантов [14, с. 38]. В 1930-х гг., однако, в условиях нового усиления беженского движения из СССР, вызванного коллективизацией и политическими репрессиями, и роста напряженности в Центральной Европе, финляндское законодательство об иностранцах было несколько ужесточено. Согласно постановлению 1933 г., в праве пересечения границы могло быть отказано лицам, вызывавшим подозрения относительно способов добывания средств к существованию, а также тем, кто был уличен в совершении преступления или вызывал подозрения в отношении политической благонадежности. На тех же основаниях могло производиться выдворение из страны. Основные права «старых» беженцев, впрочем, при этом мало изменились. Напротив, разрешение на пребывание они могли теперь продлевать сразу на три года вместо одного по старому закону [3, с. 87].

Материальное положение большинства беженцев из России было крайне сложным. Многие из них прибыли в Финляндию без каких-либо средств к существованию. Другим приходилось распродавать свое движимое, а затем и недвижимое (у кого оно было) имущество. Поиск постоянного способа добывания средств представлял собой немалые сложности и требовал времени. Для оседлых русских торговцев и предпринимателей, которые успешно вели свои дела до 1917 г. в великокняжеской Финляндии, также наступили не лучшие времена. Число их клиентов, с выездами бывших российских подданных из Финляндии, резко сократилось, традиционные торговые связи с Петроградом оборвались, курс рубля рухнул. Немало прежде процветавших купцов разорились и лишились своей собственности [16, р. 102]. Многим эмигрантам с Востока приходилось рассчитывать на благотворительную помощь со стороны государства или каких-либо частных организаций. В самой Финляндии экономическое положение было сложным. В первые годы действовало жесткое нормирование товаров и продуктов питания. Попытки финского руководства добиться, чтобы Швеция и Норвегия приняли часть беженцев из России у себя, не увенчались успехом.

В январе 1920 г. в Финляндии было открыто отделение Американского Красного Креста. Возглавлял его майор Р. Смит, а с мая того же года – капитан Ф. Д. Хопкинс. Первоначально американцы работали совместно с действовавшей в Финляндии организацией Российского Красного Креста. Позднее, однако, они отошли от сотрудничества с ней вследствие обвинений в её адрес со стороны финских властей в том, что она якобы использует благотворительность в целях великорусской пропаганды и взимает плату за оказание помощи. За период с июня по октябрь 1920 г. служащими АКК были распределены среди беженцев 1 040 459 кг пшеничной муки, 1000 кг овсяной крупы, 51 335 кг шпика, 61 580 кг сала,

292 846 кг молока и 18 420 кг мыла. Помощь оказывалась также одеждой и обувью, которых было в общей сложности распределено 90–100 тонн. Всего, согласно спискам, помощь была оказана 22 187 беженцам [17, л. 2–4].

В апреле 1921 г. АКК прекратил свою деятельность в Европе, в том числе и в Финляндии. От американцев остались, однако, продовольственные запасы общей стоимостью до 16 миллионов марок. Для продолжения работы по их распределению в Выборге была образована «Комиссия по продовольственным запасам Американского Красного Креста». Ее председателем стал инспектор по делам призрения бедных (köyhäinhoidontarkastaja) Йоханнес Хагельберг, членами – барон Борис фон Гревениц и ингерманландец капитан Юхо Тирранен. Эта комиссия решила расходовать оставшиеся запасы как можно более экономно, и число лиц, которым предоставлялось право на получение помощи, было резко сокращено. В апреле 1922 г. на базе комиссии был организован «Государственный центр помощи беженцам» (“Valtion Pakolaisavustuskeskus”), который должен был под руководством МВД координировать деятельность по обустройству беженцев в масштабах всей Финляндии. Его руководителем до начала 1930-х гг. был Валде Сариио, затем его сменил на этом посту губернатор Арво Маннер. Начальником канцелярии был Ю. Тирранен [3, с. 125]. Средства, которые имелись в распоряжении центра, были недостаточными для оказания помощи всем нуждающимся. К тому же в 1922 г., в связи с массовым наплывом беженцев из Беломорской Карелии, пришлось продолжить сокращение помощи другим категориям беженцев. Это сокращение оказалось особенно чувствительным для русских беженцев: если в 1921 г. поддержку получали 16 580 русских, то в 1922 г. – лишь 4020 (помощь финнам была тогда же сокращена с 10 245 до 4273 человек, ингерманландцам – с 4600 до 3680 человек, восточным карелам, напротив, увеличена с 1155 до 11 239 человек) [18]. При пересмотре списков на получение помощи из них исключались прежде всего здоровые и трудоспособные. Обращалось также внимание на длительность пребывания беженцев на территории Финляндии: с конца 1923 г. из списков стали вычеркивать лиц, находившихся в стране более одного года [3, с. 126–127]. В 1930 г. государственную помощь получали 1283 карела, 469 ингерманландцев, 401 русский и 26 финнов, в 1934 г. – 1215 карелов, 364 ингерманландца, 109 русских и др. [19] В 1939 г. число беженцев, которым оказывалась государственная помощь, составляло лишь около 1500 человек [6, с. 248]. В 1930-е гг. забота о беженцах все в большей степени переносилась с государственного на местный уровень.

С течением времени всё большему количеству беженцев при поиске средств к существованию приходилось рассчитывать на собственные воз-

возможности. В 1921–1922 гг. русскими эмигрантами было основано несколько контор по трудоустройству, под началом которых работали ремесленные мастерские. В большинстве они оказались недолговечными, но в Выборге еще в конце 1920-х гг. существовал Комитет трудовой помощи, а в Хельсинки работу предоставляла Русская трудовая артель. Также в Хельсинки и в порту Уурас (Тронгсунд) на Карельском перешейке трудились сформированные из офицеров артели докеров [3, с. 163]. В 1925 г. новый состав совета общества Русская колония открыл трудовую секцию. Ее деятельность заключалась в том, что специальный уполномоченный Н. П. Пастернак устраивал безработных русских в крупных финляндских предприятиях [20, с. 159]. Важную роль в трудоустройстве эмигрантов играли фирмы, которые были основаны русскими или которые так или иначе были связаны своим происхождением с Россией. Одним из самых крупных работодателей для выходцев из России была конфетная фабрика «Фацер» («Фазер»), которую даже называли «русской академией». К числу других предприятий, на которых работало много русских, относились колбасная фабрика «Маршан», Хельсинкский кабельный завод, док «Вяртсиля», фарфоровая и керамическая фабрика «Арабия», фирма по мощению улиц «Смирнофф», столярная мастерская «Хейнцманн», фирма по отделке интерьеров «Пауль Буман». В Выборге такими предприятиями были концерн Ф. И. Сергеева, который состоял из табачной фабрики, пивоваренного завода, текстильной и колониальной торговли, лесопромышленный завод Жаворонковых (сам завод находился в Суоярви, контора – в Выборге), конфетные фабрики Кулаковых и Васильевых «Койтто», огородное дело Пековых и Наумовых, фирмы Маркеловых, Никитиных, Храбровых, Пименовых. Русских также принимали на работу на лесопильню Векрот-Ниemi и картонную фабрику Зориных в Райвола и Терийоки, завод Дизена (позднее – Pitkäranta Osakeyhtiö) в Питкяранта. Некоторые эмигранты зарабатывали уроками языков или музыки, игрой в ресторанах и кинематографах, изготовлением игрушек и сувениров. Многие занимались рыночной продажей овощей, мяса, кур, зарабатывали солением огурцов и квашением капусты. Женщины подрабатывали шитьем и вышивкой на дому, скорняжными работами. Те, кому удавалось сохранить на Карельском перешейке дачи и земельные наделы, получали доход от продажи выращенных на своем участке овощей, фруктов и ягод [16, р. 105–107].

Среди эмигрантов лишь немногим удавалось получить работу в соответствии с их профессиональной подготовкой (профессиональные рабочие, ремесленники, прислуга). Многим приходилось работать не по своей специальности. Особенно в сложном положении оказывались представители бывших привилегированных слоев, военные, чиновники. От их

прежнего профессионального опыта в новых условиях не было никакой пользы. Некоторым из них приходилось заниматься непривычным для себя физическим трудом или другой неквалифицированной работой, совершенно не соответствовавшей их прежнему статусу. Экономический кризис в Европе начала 1930-х гг., в период «великой депрессии», вызвавший массовую безработицу, имел для эмигрантов на рынке труда самые неприятные последствия. Не обладая полнотой гражданских прав, часто слабо владея языком страны пребывания, они становились первыми кандидатами на увольнение. Финляндия в этом отношении не была исключением. В целом жизнь выходцев из России в бытовом отношении складывалась очень неодинаково. Кто-то сумел преуспеть, открыв свое дело или добившись успеха на ниве культуры. Другие едва сводили концы с концами еще в конце 1930-х гг. По данным на 1937 г., 2096 русских эмигрантов в Финляндии были заняты неквалифицированным трудом, 1003 работали в сфере промышленности и ремесла, 859 – в торговле, на транспорте и в области свободных профессий, 314 – в качестве домашней прислуги, 217 – в сельском хозяйстве [21, s. 184].

Адаптация выходцев из России в Финляндии, их интеграция в местную жизнь проходили с немалым трудом. И. Еленевская, прожившая в Финляндии в 1920–1930-е гг. более 15 лет, по этому поводу отмечала: «Русские, осевшие в Финляндии, остались чуждым элементом для местного населения и сами не могли с ним сплотиться, как, например, в Югославии. Для этого мы были слишком различны и по характеру, и по подходу ко всему, не говоря уже о незнании местных языков, шведского и финского. Только в очень редких случаях, при смешанных браках или по материальным расчетам, русские эмигранты приобщались к финляндской культуре» [20, с. 133]. Процесс принятия эмигрантами финляндского гражданства продвигался довольно медленно. В 1918–1919 гг. финляндское гражданство получили около 2000 русских, но в основном это были те, кто жил в Финляндии еще во времена автономии. В 1921 г. гражданство было предоставлено 134 русским, тогда как 127 ходатайств было отклонено. Самым быстрым способом получения гражданства было вступление в брак с гражданином Финляндии. Для остальных случаев закон, одобренный парламентом в 1920 г., предусматривал ценз оседлости длительностью в пять лет, при этом лицо, желавшее получить гражданство, должно было доказать способность содержать себя и свою семью. В 1920 г. численность русскоязычных граждан Финляндии составляла около 4800 человек, в 1930 г. – около 8200 человек [22, s. 83].

Ситуация диктовала необходимость создания объединений, которые могли бы оказывать выходцам из России не только материальную и правовую, но и моральную поддержку, выполнять функции объединяющих

центров, очагов русской культурной жизни. В 1920-е гг. в Финляндии действовало значительное количество русских организаций. Старейшим среди них было Русское благотворительное общество, основанное еще в 1870-е гг. Оно продолжало действовать и в независимой Финляндии, оказывая помощь нуждавшимся эмигрантам. Средства общество добывало через организацию благотворительных вечеров и концертов, за счет хозяйственной деятельности, в частности устройства огородов; оказывали поддержку и русские купцы, такие как А. Ф. Андреев и Н. И. Матросов [16, р. 133–134]. В 1918 г. были основаны общество «Русская колония в Финляндии» и «Особый комитет по делам русских в Финляндии». Кроме них в конце того же года возник также «Временный комитет по защите интересов российских граждан, находящихся в Финляндии»¹. Основной целью этого комитета была забота об имуществе российских граждан, в том числе тех, чья собственность оказалась без присмотра. В состав комитета вошли А. Андреев, крупный лесопромышленник из Салми, лесопромышленник и владелец мельничного производства Башкиров, инженер Орловский и бывший Выборгский комендант полковник Колобов. Комитет добывал средства из-за границы, посредством которых он оплачивал налоги за оставленную без присмотра недвижимость русских владельцев и предоставлял займы русским беженцам. В 1920 г., в связи с тем, что источник средств у комитета иссяк и что главную роль в работе среди русских эмигрантов стал играть «Особый комитет», «Временный комитет» прекратил свою деятельность [23].

«Особый комитет» оставался важнейшим среди эмигрантских организаций. После роспуска Северо-Западной армии Н. Н. Юденича политический оттенок его деятельности стал менее заметным, больше внимания стало уделяться оказанию помощи беженцам. После того, как было получено единовременное пособие от финского правительства, ходатайства о новых ассигнованиях неизменно отклонялись. Для изыскания средств приходилось прибегать к банковским ссудам. После того, как в Париже был образован Совет послов, комитет некоторое время получал от него субсидии. Председатель комитета А. В. Карташев уехал из Финляндии в 1923 г. В последующие годы комитет возглавлял полковник А. Н. Фену, а после того, как он в 1928 г. также покинул Финляндию, его место занял барон Б. Н. фон Гревениц [20, с. 153–155]. С согласия финляндского правительства комитет выполнял функции консульского представительства для беженцев, утративших российское гражданство, выдавал паспорта и удостоверения личности. Консульский отдел работал на средства старого

---

¹ Название, возможно, не вполне точное, так как дается в обратном переводе с финского (“Suomessa olevien Venäjän kansalaisten etujen huoltoliiton väliaikainen komitea”). Найти сведения об этой организации в русскоязычных источниках пока не удается.

российского правительства, поступавшие из Парижа. Поскольку «Особый комитет» со времен Гражданской войны считался антисоветской организацией, советское правительство неоднократно требовало закрыть его и выслать из Финляндии наиболее активных его членов. Финские власти после очередной ноты, предъявленной советским послом, были вынуждены распустить Особый комитет и предложить Гревеницу выехать из страны. Однако одновременно был создан новый Особый комитет с новым составом правления и новым уставом. Его председателем стал профессор Г. Ф. Цейдлер, занимавший ранее должность «уполномоченного Российского общества Красного Креста по Петрограду, Финляндии и Скандинавии». Б. Н. Гревениц, проведя около года за границей, вернулся в Финляндию частным порядком, а с 1933 г. он снова вошел в правление Особого комитета [24, с. 170].

Общество «Русская колония в Финляндии» действовало на протяжении всего межвоенного периода. Его председателем до середины 1920-х гг. был Р. К. Раупах, бывший военный следователь, в 1925–1932 гг. – граф В. А. Буксгевден, бывший чиновник министерства двора, а в 1932–1940 гг. – барон Р. А. Штакельберг, бывший церемониймейстер. В сентябре 1930 г. был принят и утвержден социальным министерством новый устав общества. Целью общества, согласно уставу, было «объединение проживающих в Финляндии русских эмигрантов и лиц русской национальности на началах культурных, национальных и экономических». Его более конкретные задачи заключались в следующем: «Организация всяких видов материальной взаимопомощи (кассы: ссудно-сберегательная и похоронная, кооперативы и т. п.) и содействие возникновению профессиональных, спортивных и др. объединений; создание и поддержка различных культурно-просветительских начинаний (библиотек, читален, школ и т. п.), устройство приютов, общежитий, клубов и проч.; помощь благотворительная, правовая (юридические советы, содействие разрешению споров и недоразумений путем суда чести, третейского и проч.) и иная; сближение с финляндским народом путем взаимного изучения культуры и общих интересов» [25, с. 1]. Общество содержало библиотеку, клуб, детский сад, с 1925 г. оно распространило свою деятельность на сферу культуры и искусства. Ежегодно 26 мая (по старому стилю), в день рождения А. С. Пушкина, общество организовывало празднование Дня русской культуры. Мероприятия этого дня посещали не только русские, но и финны и финляндские шведы. Общество устраивало и мероприятия, посвященные другим великим деятелям русской культуры. Так, 9 сентября 1929 г. был организован вечер, посвященный Л. Н. Толстому. В 1935 г. в состав общества «Русская колония» входило 277 членов (из которых 138 человек не имели гражданства, 128 человек имели финляндское граж-

данство, пять человек были шведскими подданными, двое – британскими и еще двое были французскими гражданами) [26]. К 1939 г. число членов общества сократилось до 225 человек (характерно, что теперь граждане Финляндии в его составе (114) численно преобладали над лицами без гражданства, которых оставалось 100) [27].

Большую роль в оказании помощи русским эмигрантам во всех странах рассеяния играло Объединение земских и городских деятелей (Земгор), основанное еще до революции 1917 г. Деятельность Земгора распространялась и на Финляндию, где с начала 1921 г. существовал его отдел во главе с К. А. Александровым. Земгором, в частности, было открыто бюро по трудоустройству в Выборге, организована продажа изделий, изготовленных эмигрантами, выдавались стипендии учащимся, поддерживались школы и приюты, в течение некоторого времени поддерживалась издательская деятельность в Таллинне и Хельсинки. На местах, однако, подчас возникали разногласия между представителями Земгора и Особого комитета. Противоречия возникали и внутри самого Земгора. В частности, председатель общего собрания членов финляндского отдела Земгора С. Андреевский в письме к А. В. Карташову выражал резкое недовольство деятельностью Александрова [28, л. 24]. Эти обстоятельства, а также сложности с финансированием, заставили отделение Земгора в конечном счете свернуть свою деятельность в Финляндии.

Свои объединения имели в Финляндии русские купцы. Еще во времена автономии было основано Выборгское русское купеческое общество. В Хельсинки русские купцы основали свое объединение в начале 1918 г. Поначалу оно примыкало к обществу Русская колония в Финляндии, но вскоре отделилось от него. В начале декабря 1918 г. было проведено учредительное собрание купеческого общества и избран его временный комитет [29, л. 342 об.]. Зарегистрировано оно было в 1920 г. как Русское купеческое общество в Гельсингфорсе. Инициаторами его создания были генерал-лейтенант К. В. Самсонов (первый председатель правления общества), предприниматели А. Самсонов, Н. Баранов, Н. Матросов и А. Николаев. Деятельность общества имела аполитичный характер. Помимо заботы о профессиональных интересах своих членов, общество вносило свой вклад в поддержание культурной жизни русской эмиграции. Им была основана библиотека, инициатором создания которой выступил В. Н. Шохин. К концу 1923 г. фонд библиотеки составлял 1105 книг, у нее было 108 читателей. При обществе проводились циклы лекций, которые читали, в частности, профессор К. И. Арабажин, генерал С. Ц. Добровольский. При клубе общества действовали различные кружки [30, с. 58–60].

В перечне русских организаций в Финляндии, составленном в середине 1920-х гг., фигурируют 24 различных объединения [26]. Различные организации пытались координировать свою деятельность. В середине

1920-х гг. было образовано «Объединенное совещание Русских эмигрантских организаций в Финляндии». Как следует из схемы положений «Объединенного совещания», утвержденного на заседании 10 ноября 1925 г., оно являлось «местным эмигрантским надпартийным органом, объединяющим местные русские эмигрантские как политические, так и профессиональные, бытовые и др. организации, не признающие советской власти в России и стремящиеся к восстановлению национальной русской государственности» [28, л. 15].

Большое значение для поддержания русской идентичности на чужбине имело наличие школьного образования на русском языке. Система русских образовательных учреждений в Финляндии была создана еще во времена автономии, во второй половине XIX в. В независимой Финляндии они, лишившись централизованного финансирования, испытывали значительные трудности. К концу 1930-х гг. почти все русские школы в Финляндии прекратили свою работу (подробнее см. [31, с. 240–260]), но и они успели сыграть свою роль как инструмент адаптации эмигрантов к новым условиям.

Русскоязычные жители Финляндии в 1920–1930-е гг. активно стремились поддерживать «русский дух» в стране. В сфере культурной жизни, как и в быту, им приходилось преодолевать многочисленные трудности, сталкиваться с предрассудками и даже активным неприятием со стороны части коренного населения. С течением времени отношение к русским в Финляндии становилось более терпимым. Претерпевало изменения и восприятие финнами русской культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Luettelo Suomessa oleskelevien Venäjän alamaisten lukumäärästä. Laadittu sisäasiainministeriössä maaherrojen ilmoitusten pohjalta 11.11.1921. Kirjeasiakirjat 283/42/1921; Viipurin läänin maaherran vastauskirje Sisäasiainministeriölle 28.10.1921. Kirjeasiakirjat 283/42.1921 // Kansallisarkisto (KA). Sisäasiain-ministeriön arkisto.

2. Skran C. Refugees in Inter-War Europe. The Emergence of a Regime. Oxford : Clarendon press, 1995. 324 p.

3. Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб. : Журнал «Нева», 2003. 366 с.

4. Etsivän keskuspoliisin tiedonanto N:o 127 4.11.1927 // KA. Etsivän Keskuspoliisin – Valtiollisen Poliisin arkisto (EK-Valpo). Ryhmä XXI. Venäläiset emigrantit Suomessa. Kansio 440.

5. P. m. “Venäläinen emigratio Suomessa”. 11.1934 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Venäläiset emigrantit Suomessa. Kansio 440.

6. Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993.

7. Helsingin Sanomat. 1926. 2. helmikuuta.
8. Helsingin Sanomat. 1927. 8. helmikuuta.
9. EK:n päällikkö. Kiertokirje Etsivän keskuspoliisin Terijoen, Sortavalan ja Oulun alaosastojen päälliköille sekä Kemin, Kajaanin ja Joensuun edustajille. 14.8.1931 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XVI. Kansio 369 3.
10. Simpson J. H. The Refugees Problem: Preliminary Report of a Survey. London : Chatham House, 1938. 229 p.
11. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki : SHS, 1998. 221 s.
12. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 16. Д. 681.
13. Бочарова З. С. Правовое положение русских беженцев в Финляндии: Нансеновский паспорт, репатриация // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами : сб. науч. трудов. СПб. : Изд-во Сударыня, 2004. С. 27–45.
14. Доронченков И. А. Петроград – Куоккала. Через границу. 1920-е годы // Минувшее. № 19. М. ; СПб. : Atheneum-Феникс, 1996. С. 204–219.
15. Asetus ulkomaalaisten Suomeen tulosta ja oleskelusta maassa. 23.11.1926 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XV. Ulkomaalaiset Suomessa. Kansio 367.
16. Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland: A Local and Oral History. Helsinki : Studia Slavica Finlandensia, 2001. 485 p.
17. Amerikan Punaisen Ristin toiminta Suomessa // ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 710.
18. Selostus valtion varoilla suoritetusta pakolaisavustustyöstä ajalla 1918–1930 // KA. Valtion Pakolaisavustuskeskuksen arkisto (VPAKA). I. Keskuskanslia. Nb 1.
19. Selostus valtion varoilla suoritetusta pakolaisavustustyöstä ajalla 1918–1930; Pakolaiskysymys. Yleinen heimokokous Helsingissä 5.1.1936 // KA. VPAKA. I. Nb 1.
20. Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм : Б. и., 1968. 215 с.
21. Leinonen M. Helsinki: Die russische Emigration in Finnland // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 154–189.
22. Haimila M. Kun kumous vie kodin. Suomeen paenneet venäläiset 1917–1927 // Kansa ja kumous. Modernin Euroopan murroksia 1880–1930. Helsinki, 1998.
23. EK:n Viipurin osasto – EK:n pääosastolle. 16.12.1925 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437.

24. Korhonen K. Naapurit vastoin tahtaan: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. I. 1920–1933. Helsinki : Tammi, 1966. 236 s.

25. Устав общества Русская колония в Финляндии // Helsingin Yliopiston Kirjasto. Käsikirjoituskokoelmat. Venäläisen hyväntekeväisyysseuran kokoelma.

26. Ryska Kolonin i Finland. Medlemmarförteckning till den 1 Januari 1935 // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. A 2 с.

27. Ryska Kolonin i Finland. Medlemmarförteckning till den 1 Januari 1939 // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. A 2 с.

28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 22.

29. ГАРФ. Ф. Р-5801. Оп. 1. Д. 40.

30. Шеншина В. А. Русское купеческое общество в г. Гельсингфорсе // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. : сб. статей. СПб. : Европейский дом, 2000. С. 44–63.

31. Мусаев В. И. Организация русского школьного дела в автономной и независимой Финляндии // Культура России и международные отношения. К 1150-летию русской государственности. СПб., 2012. С. 240–260.

Татьяна Викторовна Алентьева,

доктор исторических наук, профессор, Курский государственный университет,
Россия, г. Курск, alenttv@mail.ru

УДК 94(73)

От этнорелигиозного и социокультурного конфликта к консенсусу: ирландская эмиграция в США

Аннотация. В статье рассматривается процесс длительной интеграции ирландской диаспоры в американское общество, сопровождавшийся этнорелигиозными и социокультурными конфликтами. В историческом прошлом сложились негативные стереотипы в отношении ирландцев, оказавшиеся настолько живучими, что в общественном сознании американцев они стояли даже ниже афроамериканцев. В статье проводится анализ, каким образом ирландцам удалось сохранить свою национальную идентичность, достичь консенсуса в сфере культурной адаптации. Показано, как это влияет на современную культурную жизнь США.

Ключевые слова. США, ирландская иммиграция, этнорелигиозный и социокультурный конфликты, национальная идентичность, аккультурация.

Tatiana Alentieva

Doctor of Sciences in History, Professor, Kursk State University,
Russia, Kursk, alenttv@mail.ru

From ethno-religious and socio-cultural conflict to consensus: Irish emigration to the United States

Abstract. The article examines the process of long-term integration of the Irish Diaspora into American society, which was accompanied by ethno-religious and socio-cultural conflicts. In the historical past, there were negative stereotypes about the Irish. They stood even lower than African-Americans in the public consciousness of Americans. The article analyzes how the Irish preserved their national identity and reached a consensus concerning cultural adaptation. It is shown how this affects the modern cultural life of the United States.

Keywords: USA, Irish immigration, ethno-religious and socio-cultural conflicts, national identity, acculturation.

В популярной американской карикатуре XIX в. под красноречивым названием «Плавильный котел» [28] изображена Колумбия (стереотипный образ США), перемешивающая в гигантском котле огромной ложкой с надписью «равные права» иммигрантов из различных стран, чтобы создать единый тип американского гражданина. Она довольно верно отражала общественное мнение того времени. Сами американцы полагали, что чем быстрее иммигранты ассимилируются, освоят язык, культуру, обычаи новой страны, тем скорее их жизненный уровень вырастет. Именно это предполагала теория «плавильного котла»: все иностранцы, прибывающие в США, должны «переплавиться» в единую американскую нацию, пройти процесс ассимиляции и этнической консолидации, стать 100%-ными американцами. Таким образом формировался известный всему миру феномен американской цивилизации с присущим ему типом американца-янки, разделявшего истинно американские ценности [11, 18, 34].

На самом деле не все иммигранты готовы были ассимилироваться и утратить свою идентичность. Из карикатуры художника Джозефа Кепплера видно, что «плавильному котлу гражданства» сопротивляется ирландец. Он сидит на краешке «плавильного котла», вооруженный ножом и размахивает национальным зеленым знаменем.

Проблема формирования единой американской нации всегда привлекала внимание ученых, поскольку американский континент со времени открытия его Колумбом был местом проживания самых разных народов и этнических групп. Разумеется, потомки первых переселенцев англосаксов, «отцов-пилигримов», намеревавшихся найти в Новом Свете «землю обетованную», создать библейский «град на холме», были убеждены в своем национальном и расовом превосходстве по отношению к аборигенам-

индейцам и чернокожим рабам. Недаром возникла аббревиатура именно в отношении первых английских переселенцев и их потомков, считавших себя коренными американцами – WASP (белые англо-саксонские протестанты). Протестантская религия играла важнейшую роль в формировании американской нации, заложив ее архетипические коды. Все, что не соответствовало складывающимся традициям, стереотипам поведения, ментальности нового общества, отторгалось как нечто чуждое, инаковое. Американские пуритане четко проводили линию разграничения между «своими» и «чужими». Последние или подлежали уничтожению или должны были ассимилироваться, утратив свою собственную национальную идентичность, свою самость.

Прибывавшие в Америку, «страну свободы», как полагало большинство иммигрантов, они действительно стремились как можно быстрее освоить язык и культуру новой родины, адаптироваться к американским условиям. Ирландцам не было необходимости изучать английский язык, но это никак не влияло на тот процесс отторжения, который американское общество демонстрировало на протяжении десятилетий. К сожалению, Ирландии географически не повезло со своим агрессивным соседом. Начиная с XII в. англичане методически завоевывали «зеленый остров», окончательно покорив его в период Английской революции, когда военный поход О. Кромвеля в Ирландию окончательно превратил эту страну в колонию. С 1641 по 1652 г. свыше 500 000 ирландцев были убиты англичанами, а другие 300 000 были проданы в качестве рабов [6, с. 106, 110]. Их продавали с аукциона именно как невольников, приравнивая к скоту. Ирландские рабы были из самых дешевых, их жизнь ничего не стоила даже по сравнению с африканскими. После подавления очередных восстаний и мятежей непокорных ирландцев ссылали в английские колонии все также в качестве белых рабов. Война за независимость США практически покончила с белым рабством, ее основным документ «Декларация независимости» провозглашал, что все люди равны от рождения. Однако сложившиеся ранее стереотипы в отношении ирландцев оказались настолько живучими, что в общественном сознании американцев они по-прежнему стояли даже ниже негров. Показательна в этом плане карикатура художника Томаса Наста, опубликованная в популярном иллюстрированном еженедельнике «Harper's Weekly» [20]. Она называется «Весы», и на двух чашах этих весов представлены негр и ирландец. Негр выглядит явно привлекательнее, он улыбается, несмотря на свой бедняцкий наряд и отсутствие башмаков. По контрасту ирландец одет вполне прилично, но концентрация внимания здесь направлена на его лицо. Оно напоминает обезьянью морду с совершенно зверским выражением.

Растиражированный многими печатными изданиями образ ирландца как пьяницы, дебошира, насильника, дегенерата, бездельника, лентяя, нищего оборванца, попрошайки стал расхожим стереотипом в американском общественном сознании на долгие десятилетия XIX в. И если английская пресса охотно изображала ирландца как чудовище Франкенштейна, злобного убийцу, американская пресса охотно подхватила идею об ирландских террористах-фениях. И вот уже страницы американских иллюстрированных журналов украсились карикатурой, на которых обезьяноподобный персонаж с бутылкой рома в одной руке и горящим факелом в другой восседает на бочке с порохом [19]. Это должно было породить в обществе фобии, так же как коллективная бессознательная ненависть к католицизму и папизму, поскольку это была преобладающая религия ирландцев. Еще более резкой была критика присущего ирландцам алкоголизма, стремление американцев представлять ирландцев как беспробудных пьяниц, в то время как в самом американском обществе нарастало движение за трезвость. Популярная тогда физиогномика находила в лицах ирландцев сходство с животными, в том числе с гориллами и собаками: плоский нос, сильно выпяченные губы, низкий лоб. Насмешкам подвергался и их рыжий цвет волос, и даже неизменные веснушки.

Накануне Гражданской войны в США ирландцы составляли самую большую группу иммигрантского населения страны – 38,9% и насчитывали 1,6 млн чел., составляя 5% населения страны [4, с. 123–126]. Их эмиграция из Ирландии приняла наиболее массовый характер во второй половине 1840-х гг., особенно вследствие страшного голода 1846–1847 гг., унесшего, по некоторым данным, до 1 млн жизней. Они брались за любую работу, соглашаясь на самый грязный, тяжелый, изнурительный, низкооплачиваемый труд. Ирландцы стояли на одной из низших ступеней социальной лестницы. Вот что писал о положении ирландцев американский философ Генри Торо: «Ошибочно было бы думать, что если в стране существуют обычные признаки цивилизации, то в ней не может быть огромных масс населения, низведенных до уровня дикарей. Я сейчас говорю о деградации бедняков, а не богачей. Чтобы увидеть ее, мне достаточно заглянуть в лачуги ирландцев, выстроенные вдоль всей железной дороги...» [13, с. 408].

Свидетельства современников характеризуют ту отвратительную дискриминацию, которой подвергались выходцы из Ирландии. В глазах американцев они были не просто эмигрантами, а низшей, по сравнению с англосаксонской, кельтской расой. Сложившийся в американском массовом сознании стереотип ирландца как бездельника, неудачника, пьяницы во многом базировался на английском имидже «Пэдди» (презрительная кличка ирландцев. – *Т. А.*) [22, р. 137–138].

Мнение, что ирландцы ничем не лучше негров, было особенно укоренено на Юге. Журналист Ф. Олмстед писал, что в Алабаме на более тяжелых работах охотнее использовались ирландцы, чем рабы. Рабовладельцы утверждали: «Негры стоят слишком дорого, чтобы рисковать ими; если Пэдди вылетит за борт или сломает себе шею, то никто ничего не теряет» [28, р. 30].

Рытье каналов, строительство шоссейных и железных дорог, их особенно много сооружалось в XIX в., становилось главным образом занятием целых ирландских артелей. При этом совершенно ужасающими были условия труда, полностью отсутствовала какая-либо техника безопасности, поэтому массы ирландцев гибли от непосильного труда, жестокой эксплуатации и производственного травматизма. В Америке даже сложилось выражение: «Под каждой шпалой железной дороги погребен ирландец» [33, р. 30]. Чарльз Диккенс реалистично описывает, как жили ирландские рабочие-железнодорожники: «На крутом склоне горы, у подножия которой проходит еще недоконченная железная дорога, мы наткнулись на поселение ирландцев. Кругом тут есть все необходимое для постройки приличного жилья, но просто удивительно, до чего нескладны, примитивны и убоги их лачуги. Лучшие из них еще могут с грехом пополам защитить от непогоды; худшие пропускают ветер и дождь сквозь широкие бреши в крышах из волглой травы и в глиняных стенах; у них нет ни двери, ни окон; иные еле стоят, кое-как подпертые кольями и столбами; и все – обветшалые и грязные. На редкость безобразные старухи и полногрудые молодые женщины, свиньи, собаки, мужчины, дети, грудные младенцы, горшки, котлы, навоз, вонючие отбросы, гнилая солома и стоячая вода – все смешано здесь в одну кучу, составляя неотъемлемую принадлежность каждой темной и зловонной хижины» [5, с. 112].

Яркая национальная и культурная идентичность ирландцев, их инаковость, то, что в них видели «врага» коренных американцев, «агентов римского папы», спланивали ирландцев, вели к компактному проживанию в крупных городах Северо-Востока, а также к объединению в различного рода общества. Именно эти города становятся ареной ожесточенных уличных схваток, погромов, различных проявлений насилия и нетерпимости. Важной отличительной чертой ирландцев была их фанатичная приверженность к католической церкви, вызывавшая непримиримую ненависть американских протестантов. Тем более, что католические священники ратовали за открытие отдельных католических школ и колледжей, выступали категорически против браков с протестантами. Согласно данным статистики, католическое население в США выросло с 318 тыс. человек в 1830 г. до 1 606 тыс. человек в 1850 г., а в 1860 г. оно составило 3 103 тыс. [2, с. 109]

Большинство ирландских эмигрантов оседали в крупных городах, особенно в Нью-Йорке, объединяясь в религиозно-этнические диаспоры. Им приходилось селиться на самом дне. Страшно перенаселенные, чудовищно грязные трущобы, где обитали другие нищие иммигранты и свободные негры, были районами беспросветной нужды, болезней и голода, здесь процветали насилие, порок и преступность. Чарльз Диккенс, посетивший Америку в 1842 г., писал: «Идемте дальше и погрузимся в Пять Точек... Ну и местечко! Узкие проходы расходятся направо и налево. Везде запах грязи и отбросов... Сами дома преждевременно постарели от дебоширства. Посмотрите, как обрушиваются прогнившие балки и как разбитые и запачканные окна хмуро смотрят тусклыми глазами, словно подбитыми в пьяной драке... Здесь живет множество свиней. Интересно, удивляются ли они тому, что их хозяева ходят на двух ногах, а не на четырех, и что они не хрюкают, а разговаривают... Есть в этом квартале тупики и переулки, мощенные грязью, доходящей до колен; подвалы, где эти люди пляшут и играют... отвратительные притоны, названия которых взяты из языка воров и убийц. Все, что есть гнусного, опустившегося разлагающегося, – все вы найдете здесь» [5, с. 110].

Чтобы защититься от коренных американцев, ирландцы объединялись в гангстерские банды, промышлявшие также воровством, грабежами. Особенно опасным в Нью-Йорке считался район Пяти Углов (Five Points) – в Нижнем Манхэттене. Здесь ирландские иммигранты создали свою банду – «мертвые кролики». На тогдашнем сленге «кролик» обозначал «крутого бесстрашного парня», а «мертвый» – крутейшего из крутых. В названии обыгрывалось ирландское выражение «*gáibéad*», обозначавшее человека, не знающего страха [14, р. 102–106)]. Против них постоянно боролись «парни Бауэри», гангстерская группировка, состоявшая в основном из коренных американцев.

Между бандами постоянно возникали потасовки с поножовщиной. Как пишет Г. Осбери: «Иногда бои бушевали по два-три дня без перерыва, улицы были забаррикадированы телегами и булыжниками из мостовой, а гангстеры то перестреливались из мушкетов и пистолетов, то вступали в рукопашный бой, орудуя ножами, кирпичами, дубинами, зубами и кулаками» [9, с. 37–38)].

Особенно крупным бунтом «мертвых кроликов» были двухдневные настоящие сражения с «парнями Бауэри» 4–5 июля 1857 г. По оценкам современников, в беспорядках приняли участие 800–1000 членов банд, которые использовали беспорядки для грабежа района Бауэри. Члены обеих банд громили лавки, магазины, бары и пабы, тут же напиваясь до бесчувствия. На улицах сооружались импровизированные баррикады, у обеих сторон имелось огнестрельное оружие. Во время двухдневных беспоряд-

ков восемь человек были убиты и до ста ранены, примерно половина из них была госпитализирована. Однако точное число погибших установить не удалось, так как многие убитые члены банды были похищены их друзьями, а затем похоронены в подвалах и других потайных местах. Это было одно из самых крупных столкновений на этноконфессиональной основе до Гражданской войны. Порядок был восстановлен только милицией штата Нью-Йорк при поддержке отрядов городской полиции [27].

В этих кровавых столкновениях ярко выразилась трагическая для XIX в. коллизия – неприятие «коренными» американцами-протестантами (англосаксами) массовой эмиграции из Ирландии. Уроженцы Зеленого Эрина были чуждым этническим элементом со своими кельтскими корнями и традициями, преданностью родной стране и ее культуре, приверженностью к католической вере. Что еще больше отдаляло их от «коренных американцев», так это страшная нищета, безграмотность и бесправность, которые в новой стране были предосудительными.

В 1850-е гг. различные шовинистические и масонские организации, в том числе нативисты, объединились в Американскую партию «ничего не знающих», активно проводившую политику дискриминации иммигрантов, особенно ирландцев [10, с. 32–35; 16, р. 97–98]. Нативисты способствовали усилению ксенофобии и религиозной нетерпимости в американском обществе. Среди ее лидеров оказались многие видные политики: М. Филлмор, Дж. Криттенден, Дж. Белл, С. Боулз, и даже ученые, например Сэмюэл Морзе. Последний требовал пересмотра законов о натурализации в плане их ужесточения. Существующий срок натурализации в 5 лет, по его мнению, был недостаточен для проверки лояльности новых граждан. Морзе писал в своем дневнике: «Первое, что нам следует сделать, – это затворить ворота, которые до сих пор мы держали распахнутыми. Этим будет сделан первый шаг к спасению, здесь начинается наша оборона. Враги под маской друзей несут нам гибель, тысячами устремляясь в страну и осваиваясь в ней, благодаря либеральным законам о натурализации. Надо остановить их, или мы погибнем, погибнем безвозвратно. Первая битва должна быть нами выиграна здесь у ворот» [3, с. 119; 7, с. 75; 25, р. 396]. Нативистские агитаторы и проповедники с помощью ложных обвинений натравливали толпу на католиков. В середине 1840–1850-х гг. были разгромлены десятки их церквей [26; 15, р. 313–314]. Устраивались шумные антикатолические демонстрации, организовывались нападения на дома и клубы иммигрантов, происходили погромы и избиения. Особенно трагическими стали события в Филадельфии, где в 1844 г. были сожжены 2 католические церкви, убито 20 человек [24]. Подобные же антикатолические бунты произошли в Мэне и Кентукки в 1855 г.

Для большинства ирландских иммигрантов партией, защищавшей их интересы, представлялись демократы, имевшие большой пропагандистский опыт и заинтересованные в голосах новых избирателей. Они добивались отмены закона о натурализации и стремились, чтобы только что прибывшие ирландцы сразу становились их избирателями. Довольно тесными оказались связи демократической партии с ирландскими гангстерскими бандами, особенно в Нью-Йорке, где штаб-квартира демократов располагалась в знаменитом Таммани-холл. Таммани с самого начала опиралась на организованную преступность и иммигрантов. Г. Осбери описывает, в какой атмосфере проходили выборы в Нью-Йорке в 1850-е гг. В своей книге он приводит цифру в 30 тысяч членов банд Пяти Углов, Бауэри и 4-го округа, которые помогали политическим лидерам Таммани держать контроль над городом. На каждых выборах бандиты бесчинствовали на избирательных участках, избивая честных граждан, голосуя сами по нескольку раз, вбрасывая поддельные бюллетени. Противники избранного мэром в 1856 г. Фернандо Вуда уверяли, что, по крайней мере, 10 тысяч бюллетеней были фальшивыми, но никакого расследования не последовало [9, с. 105–106].

В 1858 г. Уильям Твид, бывший пожарный, а впоследствии конгрессмен и сенатор, стал председателем правящей в Нью-Йорке демократической партии. Население города составляло в то время 800 тысяч человек. Больше половины из них родилось за границей, в том числе 200 тысяч в Ирландии. Демократы заигрывали с иммигрантами, помогая им в устройстве на работу, в нахождении пристанища, а в обмен получали их поддержку. Голоса эмигрантов позволили Твиду провести более 100 своих сторонников на выборные должности в местном управлении, в том числе мэра, городского казначея и губернатора штата. Причем широко применялось запугивание избирателей с помощью оружия, незаконная натурализация иностранцев, ложная регистрация, двойное и даже тройное голосование, подтасовка результатов [1, с. 6–7; 23, р. 139–143; 30, р. 145].

И все-таки, несмотря на все выпавшие на новой родине испытания, ирландцы оказались стойкими защитниками единства страны. В годы Гражданской войны 150 тысяч ирландцев сражались в армии Союза [32, р. 33].

В настоящее время в США все более популярной стала теория мультикультурализма, или, как ее иначе называют, теория «миски с салатом», поскольку в единой американской нации ее отдельные составные части все же умудрились во многом сохранить в определенной мере свою национальную идентичность и неповторимые черты национального колорита, особенно в области культуры [12, с. 85–86]. В значительной мере это относится к американцам ирландского происхождения. Красочные и много-

людные парады в честь небесного покровителя Ирландии святого Патрика собирают огромное количество участников и зрителей. Среди участников преобладает зеленый цвет и символ праздника – трилистник. В Нью-Йорке парад является наиболее грандиозным, он собирает до 2 млн человек. Этот день практически превратился в один из самых популярных общеамериканских праздников. Поражает огромное количество школ ирландских танцев, музыки и пения, практически в каждом штате Америки их насчитываются десятки. Довольно влиятельной является католическая церковь в США, укрепление позиций которой было связано, прежде всего, с ирландскими иммигрантами. В настоящее время в США насчитывается 70 млн 412 тысяч католиков, что составляет 22% населения.

Уникальная ирландская культура повлияла на многие сферы жизни американцев: политику, художественное творчество, литературу, кино, спорт. Среди наиболее известных писателей с ирландскими корнями выделяются драматург Юджин О'Нил, новеллисты Френсис Скотт Фитцджеральд, Джеймс Т. Фаррелл, Флэннери О'Коннор, а в среде художников – Джорджия О'Киффи, Уильям Гарнетт. Во многих американских городах (Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне) созданы мемориалы жертвам ирландского голода 1846–1848 гг. Музеи ирландско-американского наследия действуют в столице США Вашингтоне, в Олбани (Нью-Йорк). Музей ирландского «великого голода» открылся в 2012 г. в Хэмдене (Коннектикут). Ирландские культурные центры существуют в большинстве штатов Америки.

Понадобились десятилетия, чтобы яркая самобытная идентичность ирландцев нашла признание американцев и они стали полноправным гражданами страны. И теперь эта диаспора – одна из наиболее многочисленных. Около 33 миллионов американцев – 10,5% от общей численности населения – заявили об ирландском происхождении в переписи населения 2013 г., в то время как на самом острове Ирландия проживает 6,7 миллиона человек [31]. Несомненно, что ирландцы внесли огромный вклад в становление и развитие американской цивилизации.

Список использованной литературы

1. Алентьева Т. В. Борьба с коррупцией в Нью-Йорке в 1870-е годы // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 3–16.
2. Алентьева Т. В. США накануне Гражданской войны: время и люди. Курск : Изд-во Курского ун-та, 2003. 455 с.
3. Алентьева Т. В. Четыре линии жизни Сэмюэля Морзе // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 110–128.
4. Богина Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период Гражданской войны (1850–1865). М. : Наука, 1965. 251 с.

5. Диккенс Ч. Американские заметки // Диккенс Ч. Собр. соч. : в 30 т. Т. 9. М. : ГИХЛ, 1958. С. 7–310.
6. История Ирландии / под ред. Л. И. Гольмана. М. : Мысль, 1980. 390 с.
7. Кислова А. А. Протестантизм и католическая иммиграция в США (первая половина XIX века). Американский ежегодник, 1982. М., 1982. С. 75.
8. Кислова А. А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США в первой половине XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.
9. Осбери Г. Банды Нью-Йорка. М. : Центрполиграф, 2004. 249 с.
10. Филиппенко А. А. Иммиграционная политика США. Очерки истории. М. : Весь мир, 2018. 232 с.
11. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ-Транзиткнига, 2004. 635 с.
12. Чертина З. С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М. : ИВИ РАН, 2000. 164 с.
13. Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Худож. лит., 1986. 639 с.
14. Asbury H. The Gangs of New York: An Informal History of the New York Underworld. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1928. 400 p.
15. Billington R. A. The Protestant Crusade, 1800–1860. A Study of the Origin of American Nativism. Chicago : Quadrangle Books, Inc., 1964. 407 p.
16. Dolan J. The Irish Americans. N. Y. : Bloomsbury Press, 2008. 368 p.
17. English T. J. Paddy Whacked: The Untold Story of the Irish American Gangster. New York : ReganBooks, 2005. 480 p.
18. Handlin O. Uprooted. The Epic Story of the Great Migrations that Made the American People. University of Pennsylvania Press, 2002. 344 p.
19. Harper's Weekly. Sept. 2. 1871.
20. Harper's Weekly. Dec. 6. 1870.
21. Higham J. Strangers in the Land. Patterns of American Nativism. New Brunswick : Rutgers University Press, 2002. 447 p.
22. Knobel D. T. Paddy and the Republic. Ethnicity and the Nationality in Antebellum America. Middletown : Wesleyan University Press, 1986. 251 p.
23. Loth D. Public Plunder. A History of Graft in America. Westport, Conn. : Greenwood Press, 1970. 436 p.
24. Milano K. W. Philadelphia Nativist Riots: Irish Kensington Erupts. Charleston, SC, 2013.
25. Morse S. F. B. His Letters and Journals : in 2 vols. Vol. I. N. Y., 2008.
26. New York Daily Tribune. Aug. 22. 1854.
27. New York Times, July 6, 1857.

28. Olmstead F. L. The Cotton Kingdom. N. Y. : McGraw-Hill Humanities, 1983. 624 p.
29. Puck. June 26. 1889.
30. Summers M. W. The Plundering Generation. Corruption and the Crisis of the Union. 1849–1861. N. Y. : Oxford University Press, 1987. 362 p.
31. U. S. Census Bureau. Dec. 11 2014
32. Ural S. J. The Harp and the Eagle. Irish-American Volunteers and the Union Army, 1861–1865. N. Y. : NYU Press, 2006. 323 p.
33. Wittke C. The Irish in America. N. Y. : Russell & Russell, 1970. 462 p.
34. Wittke C. We Who Built America. The Saga of Immigrant. N. Y. : Prentice-Hall, 1946. 552 p.

Хабиб Бенямина,

доктор педагогических наук, профессор, Ахмед Бен Ахмед университет,
Алжир, г. Оран, habibenyamina@yahoo.fr

УДК 314.74

**Нелегальная эмиграция в странах Средиземноморья
в настоящее время**

Аннотация. В статье рассматриваются важные проблемы, связанные с нелегальной иммиграцией в бассейне Средиземного моря. Автор показывает различные точки зрения на определение термина «нелегальная иммиграция» и её основные причины – экономические, социальные и политические факторы, а также вытекающие из этого последствия, которые могут быть отрицательными или положительными для принимающих и отталкивающих стран.

Ключевые слова: нелегальная иммиграция, Средиземноморье, экономические и социальные факторы.

Habib Benyamina

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Russian Language Department,
Ahmed Ben Ahmed University, Algeria, Oran, habibenyamina@yahoo.fr

Illegal emigration in the Mediterranean countries presently

Abstract. The article discusses important issues related to illegal immigration in the Mediterranean basin. The author presents various points of view on the definition of the term “illegal immigration” and the main reasons are such economic, social and political factors, as well as the consequences arising from this, which can be negative or positive for receiving and repelling countries.

Keywords: illegal immigration, the Mediterranean Sea, economic and social factors.

Иммиграция является одним из известных явлений с древних времен до наших дней, она помогла построить цивилизации и общества. Но концепция нелегальной иммиграции существенно отличается от обычной иммиграции, потому что нелегальная иммиграция связана с нарушением законов, относящихся к стране иммиграции. Нелегальная иммиграция стала острой проблемой, вызывающей серьезную обеспокоенность международного сообщества, будь то страны, являющиеся источником мигрантов, страны, являющиеся транзитным пунктом, или страны, принимающие мигрантов. Надо отметить, что Средиземноморье считается одним из самых важных регионов на всех этапах древней истории и до сегодняшнего дня, поскольку оно облегчало движение между обществами в разных странах и было первым средством содействия культурному обмену между населением, поскольку процветало благодаря торговле между континентами и странами.

Без всякого сомнения, Средиземноморская зона – это модельный регион для наблюдения за этим явлением, так как она является транзитным пунктом из Северной Африки и зоны Сахеля, а также Турции. В странах Магриба корни миграции уходят в эпоху Первой мировой войны, когда прибытие марокканцев в Европу привело к перезапуску парализованных заводов, а также к пополнению армии. Таким образом, феномен нелегальной иммиграции развивался в течение разных исторических периодов, и это привело к ухудшению ситуации в Европе сегодня, создав кризис нелегальных иммигрантов.

В общих чертах исследование ставит задачу дальнейшей разработки понятия нелегальной иммиграции, ее причин и мотивов, а также неизбежных последствий.

Прежде всего, рассмотрим различные точки зрения на понятие термина «нелегальная иммиграция». Кристина Бишофф, Фальк, Франческа и Сильвия Кафехси определяют термин таким образом: это въезд людей в страну без юридических процедур. Нелегальная иммиграция включает в себя:

- лиц, которые незаконно въезжают в принимающие страны и не регулируют свой статус;
- лиц, которые въезжают в страны приема на законных основаниях и остаются там после истечения срока законного проживания;
- лиц, работающих нелегально во время разрешенного пребывания;
- лиц, занимающих должности без оговорки в трудовом договоре

[1].

В терминологическом словаре Международной организации по миграции понятие «незаконный мигрант» определено как статус иностранца, который въезжает в государство вне пунктов контроля, избегает досмотра официальными лицами, получает разрешение обманным путем или вступает в фиктивный брак для того, чтобы обойти иммиграционные законы. Согласно этому определению, незаконная миграция включает, среди других, тех лиц, которые не имеют законных документов для въезда в государство; въезжают с фальшивыми документами; въезжают в государство с оформленными в соответствии с законом документами, однако остаются сверх разрешенного срока или иным образом нарушают правила въезда и пребывания [2].

И кроме того, П. Шатцер в выступлении 13 декабря 2001 г. на организованной Парламентской Ассамблеей Совета Европы конференции по незаконной миграции определил незаконную миграцию как обход законных процедур въезда в государство для целей миграции. По его мнению, незаконная миграция включает в себя все формы нарушения границ, имеющих отношение к миграции. П. Шатцер отмечает, что есть множество путей, которые приводят к неупорядоченному статусу соответствующих лиц; они простираются от незаконного пересечения границы до превышения разрешенного времени пребывания, от незаконной занятости при въезде по туристическим и образовательным визам до невыполнения решения о выезде после отказа в предоставлении убежища [3].

Таким образом, все мнения цитируемых авторов по поводу термина «нелегальная иммиграция» сводятся к тому, что это въезд людей в страну без юридических процедур или в обход легальной процедурной системы.

Очевидно, каждый понимает, что главной причиной иммиграции является поиск лучшего и комфортного места для жизни, и это абсолютно логично. Но есть другие мотивы нелегальной иммиграции, среди главных из которых следует отметить экономические.

Одной из основных причин нелегальной иммиграции является разница в экономическом уровне между отталкивающими и принимающими странами. Основа этого различия заключается в том, что темпы развития в странах обычного проживания мигрантов растут очень медленно по сравнению с принимающими странами. Этот фактор отрицательно влияет на экономические условия в этих странах, который приводит к снижению уровня индивидуальных доходов, высоким ценам и росту безработицы [4, с. 49]. Они медленно развиваются, страдают от недостатка рабочих мест, низкой заработной платы и уровня жизни, а также высокого уровня безработицы.

Другая причина, которая не менее важна, чем экономическая, – это социальный фактор. Арабские общества в их различных социальных и

культурных сферах живут в рамке социальных противоречий и даже конфликтов. Эти противоречия связаны с общественным проектом страны, особенно на уровне примирения между консервативностью традиций и современностью в различных аспектах жизни отдельных лиц и групп (таких как характер семьи, взаимоотношения между мужчинами и женщинами), и они колеблются между реальностью и ценностями, ролью религии, демократии, партийных свобод, гражданства и лояльности. И это распространяется на социальные группы (особенно молодежь), которые борются с преобладающими социальными ценностями. Это положение связано с различием мнения о многих социальных проблемах, которые заставляют многих отчаявшихся людей чувствовать себя отчужденными в обществе. И после этого становится ясно, что легальная и нелегальная миграция молодежи несет в себе глубокие социальные коннотации, приводя к протесту против нынешних условий и недовольству молодых людей существующей реальностью, что и приводит их к миграции [5, с. 22].

Тем не менее рост нелегальной иммиграции связан не только с экономическими и социальными мотивами, но и с политическими. Это прежде всего:

- сужение пространства политических свобод, свободы выражения мнений или так называемого абсентеизма на политическом уровне;

- войны и внутренние вооруженные конфликты и, как следствие, запугивание гражданских лиц совершением преступлений против них, что происходит сегодня в большинстве арабских стран и приводит граждан этих стран к миграции в Европу;

- наличие нарушений внутренней безопасности, как в случае, когда некоторые арабские страны, такие как Ирак, Сирия, Ливан, Ливия и Йемен, все еще находятся в состоянии внутреннего военного конфликта [6, с. 81–82].

Следует подчеркнуть, что иммигранты не вполне счастливы и в принимающих странах, но довольствуются тем, что им удастся удовлетворить потребности своих семей, оставшихся в стране происхождения. Таким образом, несмотря на сложные условия жизни, иммигрантам удается собирать и отправлять деньги семье в страны происхождения. Для них иммиграция является единственно возможной стратегией успеха, поэтому возвращение для тех, кто сумел эмигрировать, а потом вернулся в страну происхождения, так и не достигнув своих целей, воспринимается как провал.

Это негативно отражается на всех аспектах жизни в соответствующей стране, особенно в экономическом и социальном аспектах. Исходя из этого, рассмотрим наиболее существенные последствия нелегальной иммиграции.

Прежде всего, это экономический фактор, на который влияют как первоначальное государство иммигрантов, так и принимающее государство, поскольку в результате этой миграции сдвигается весь платежный баланс в них. Что касается негативной стороны экономического аспекта, то это отражается на принимающей стране, а также на странах, которые экспортируют мигрантов. Это проявляется в следующем. Прежде всего, страна, из которой человек эмигрирует, особенно если он квалифицирован, опытен, имеет высокий научный статус, испытывает серьезное негативное влияние. Это приводит к последующим потерям для экономики этой страны, потому что она не может извлечь из этого выгоду, – наоборот, мы заметим, что принимающие страны извлекают выгоду из притока высококлассных специалистов, и благодаря им они достигают значительного использования возможностей и опыта мигрантов, что приводит к успеху их экономики и увеличению их доходов [7, с. 6]. Хотя иммиграция может помочь устранить безработицу в стране происхождения иммигранта, она не решает ее полностью, и, в свою очередь, в стране иммиграции не планируется покрывать тот дефицит, который возникает в результате этой миграции. Увеличение уровня инфляции в стране обычного проживания иммигранта, где большая часть трансфертов расходуется на потребление, не идет на пользу развитию страны.

Второе последствие, не менее важное, чем первое, – это социальный фактор. Иммиграция, как правило, приводит к изменению социальной структуры общества – как в странах «выхода», так и в странах-донорах. В результате так называемого отбора миграция, которая влечет за собой отбор только молодых элементов из общества, в частности мужчин, в страны-иммигранты, негативно влияет на социальную структуру сообщества, «иммигрировавшего из других и иммигрировавшего в...» [8, с. 35 и далее].

В то же время, как следует из анализа М. А. Февральской, нелегальная иммиграция в Европе имеет ряд отрицательных и положительных воздействий на экономику, политику и демографию [9, с. 921–925]:

1. Рост рабочей силы. Например, в сегодняшней Германии большим спросом на рынке труда пользуются работники с навыками в области математики, информационных технологий и естественных наук. Существует надежда, что из 800 тысяч мигрантов, которые прибыли в 2015 г., будут те, кто сможет удовлетворить этот спрос.

2. Рост численности рабочей силы в виде мигрантов может увеличить рождаемость, став противовесом процессу старения Европы. Согласно данным Евросоюза, самый низкий уровень рождаемости существует в странах с крупнейшей экономикой – Германии, Италии и Испании.

3. Несмотря на то что мигранты могут пополнить ряды рабочих, существуют серьезные опасения, что многие из беженцев, прибывающих из стран Африки и Ближнего Востока, не имеют ни образования, ни навыков, вследствие чего они лягут балластом на экономику принимающих европейских государств.

4. В Европе в течение нескольких последних лет происходит рост антимигрантских настроений, но текущая миграционная проблема разделила общественное мнение. Многие противники миграции поменяли свои взгляды под влиянием душераздирающих картин, изображающих детей и взрослых, умерших на пути в Европу. Во многих европейских городах все чаще стали проводиться демонстрации и протестные акции как против мигрантов, так и в их поддержку.

5. Кроме этих последствий проблема мигрантов может существенно повлиять на изменение политической жизни в европейских странах. Массовое недовольство приездом новых мигрантов и беженцев приводит к увеличению популярности ультраправых партий.

В итоге, как было показано в этом исследовании, нелегальная иммиграция – это не просто обычное явление, но, согласно правовому регулированию, преступление, вид трансграничной организованной преступности, наказуемой как национальным, так и международным правом.

Таким образом, под явлением нелегальной иммиграции подразумевается въезд лица в другую страну незаконным или даже законным путем, а затем преднамеренное нарушение закона в стране пребывания в конце срока пребывания и невыезд с намерением проживать в этой стране. Поэтому то, что отмечается в нелегальной иммиграции, имеет свои причины, обоснования и мотивы, которые делают ее неуклонно возрастающей и превращают ее в международную проблему, от которой страдают все страны мира. В результате нелегальной иммиграции возникает много негативных последствий, и эти последствия ограничиваются не только странами, в которые мигрируют, но и распространяются на страны, из которых мигрируют, и эти последствия имеют экономическое и социальное значение, а также влияют на уровень безопасности, политику и демографию.

Список использованной литературы

1. Кристина Бишофф, Фальк, Франческа и Сильвия Кафехси: Образы нелегальной иммиграции. На пути к критической иконологии политики. Билефельд: стенограмма. Ноябрь 2010 г.

2. Draft Glossary of Migration Terms. International Organization for Migration Technical Cooperation Centre. Vienna, 1999. Цит. по: Садовская Е. Ю. Незаконная миграция в Республике Казахстан // Миграция в

СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству / под ред. Г. Витковской, Ж. Зайончковской. М. : Изд. товарищество «Адамант», 2001. С. 100–112.

3. Schatzer P. Illegal migration needs firm but compassionate solution. URL: <http://www.population2005.org/Illegal%20migration.doc>.

4. Салах Эд-Дин Фаузи. Общие рамки борьбы с нелегальной иммиграцией // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 63. С. 49.

5. Иссам Тауфик Камар и др. Современные социальные проблемы. Амман : Дом Аль-Фикр, 2008.

6. Абасса Дербал Сорайя и др. Нелегальная иммиграция и международное сотрудничество. Книга о нелегальной иммиграции в Средиземноморском регионе «Риски и стратегия конфронтации», 1-й этаж. Бейрут : Изд-во Дом А1-Рафид, 2014. С. 81–82.

7. Хишам Башир. Нелегальная арабская иммиграция в Европу, ее причины – последствия – пути противостояния // Журнал международной политики. Вып. 178. Каир : Центр «Аль-Ахрам», 2010. С. 6–12.

8. Яхья Али Хасан аль-Сараби. Законная легитимность и аспекты безопасности иммиграции // Журнал международной политики. Вып. 178. Каир : Центр «Аль-Ахрам», 2010. С. 35–38.

9. Февральская М. А. Проблема миграции в современной Европе: причины и последствия // Концепт. 2016. Т. 11. С. 921–925. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86201.htm>.

Яна Сергеевна Гузей,

кандидат исторических наук, доцент,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия,
г. Санкт-Петербург, guzeiana@mail.ru

УДК 325.14

**Принимающее общество и китайские мигранты
на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.
(по материалам российской дальневосточной прессы)**

Аннотация. В конце XIX – начале XX в. быстрый рост и развитие российского Дальнего Востока способствовали активному притоку в регион не только переселенцев из европейской части России, но и мигрантов из других государств. Наиболее многочисленной группой оказались китайские мигранты, ставшие объектом особого внимания местной прессы. В результате на страницах дальневосточных газет широкое освещение получает тема взаимодей-

ствия китайских мигрантов и принимающего общества, которая активно обсуждается в рамках нескольких разнонаправленных дискурсов: исключительной важности китайского мигранта для развития дальневосточной окраины, угрозы для региона, а также в рамках рассмотрения межнациональных конфликтов в дальневосточных городах.

Ключевые слова: китайские мигранты, принимающее общество, дальневосточная пресса, «желтая опасность».

Iana Guzei

Candidate of Sciences in History, Lecturer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia, Saint-Petersburg, guzeiana@mail.ru

Hosting Society and Chinese Migrants in the Russian Far East at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century Based on the Materials of the Russian Far Eastern Press

Abstract. At the end of the 19th – beginning of the 20th century, the rapid growth and development of the Russian Far East contributed to the active influx of immigrants from both the European part of Russia and other countries into the region. Chinese migrants comprised the most numerous group, thus becoming the object of special attention for the local press. As a result, the topic of interaction between Chinese migrants and the hosting society received wide coverage on the pages of the Far Eastern newspapers and was actively discussed in the framework of several multidirectional discourses, such as exceptional importance of the Chinese migrants for the development of the Far Eastern outskirts, threat to the region as well as consideration of ethnic conflicts in the Far Eastern cities .

Keywords: Chinese migrants, hosting society, Far Eastern press, “yellow peril”.

Конец XIX – начало XX в. стали для Российской империи временем наиболее активного освоения и развития российского Дальнего Востока. В то время под этим термином понимались, прежде всего, земли Приамурского генерал-губернаторства, образованного в 1884 г. и включавшего в себя Забайкальскую, Амурскую, Приморскую области и остров Сахалин.

Быстрый рост и развитие российской дальневосточной окраины способствовали активному притоку в край не только переселенцев из европейской части России, но также и мигрантов из других стран, породив уникальный феномен «дальневосточного» общества, в рамках которого происходило пересечение и взаимовлияние самых различных культур. Контакты с представителями других народов не воспринимались здесь в качестве чего-то экзотического, а приобрели в прямом смысле слова характер «нормы жизни», обыденной части повседневности.

Близость дальневосточной окраины России к странам Азии предопределила значительное число выходцев из Китая, Кореи и Японии, по-

стоянно проживавших в городах и селениях российского Дальнего Востока.

Согласно данным Первой всероссийской переписи населения, в 1897 г. в Российской империи проживали 86 113 представителей «культурных народов крайней Восточной Азии», и большую часть из них составляли китайцы – 57 459 человек [1, с. XXIX]. По данным генерал-губернатора Н. И. Гродекова, в 1900 г. в Приамурском генерал-губернаторстве китайцев насчитывалось 51 891 [2, л. 14]. Таким образом, китайских мигрантов можно было встретить практически во всех дальневосточных городах от Читы до Владивостока. В особенности же их присутствие было заметно во Владивостоке (11 150 чел.), Благовещенске (4 240 чел.) и Хабаровске (2 107 чел.) [2, л. 14]. Так что совершавший в 1898 г. поездку по епархии Камчатский епископ Евсей был вынужден констатировать, что Владивосток «далеко не русский, а китайский город», где «китайская жизнь проявляет себя на каждом шагу» [3, с. 37].

Китайские мигранты были неотъемлемой и важной частью дальневосточного социума, что автоматически сделало их объектом особого внимания не только со стороны принимающего общества, но и дальневосточной прессы. На сегодняшний день существует значительное число фундаментальных работ, посвященных жизни и деятельности китайцев на российском Дальнем Востоке [4, 5, 6], однако наименее изученным источником по этой теме во многом продолжает оставаться дальневосточная пресса, тем не менее способная дать большой фактический материал для понимания общественных настроений в отношении китайских мигрантов в регионе. Задача настоящей статьи – взглянуть на взаимоотношения принимающего общества и китайских мигрантов сквозь призму российской дальневосточной прессы. В частности, речь идет о реконструкции основных направлений дискуссий, касающихся взаимоотношений принимающего общества и китайских мигрантов в период с 1895 г. по 1905 г., совпавший по времени с активизацией российской дальневосточной политики и двумя военно-политическими конфликтами на Востоке – восстанием ихэтуаней в Китае (1900) и Русско-японской войной 1904–1905 гг.

В конце XIX – начале XX в. российский Дальний Восток не знал недостатка в периодических изданиях: практически каждый крупный город имел свою собственную, а иногда и не единственную, газету. В целом на рубеже веков в регионе выходило около 8 постоянных газет: «Забайкальские областные ведомости» (Чита), «Амурская газета» (Благовещенск), «Амурский край» (Благовещенск), «Приамурские губернские ведомости» (Хабаровск), «Владивосток», «Дальний Восток», «Восточный вестник» (Владивосток) и «Никольск-Уссурийский листок» (Никольск-Уссурийский).

Одной из наиболее активно обсуждаемых тем на страницах дальневосточной прессы становится тема исключительной важности китайского мигранта. Молодая динамично развивающаяся окраина остро нуждалась в рабочих руках, потребность в которых фактически нельзя было всецело удовлетворить за счет русских рабочих. Это обстоятельство хорошо понимали и дальневосточные публицисты. Так, благовещенская газета «Амурский край» совершенно справедливо замечала, что китайцы – это основной контингент дальневосточных чернорабочих: «...они и угольщики, и вывозчики мусора, и чистильщики сортиров, и помойных ям и т. п.; русского рабочего на подобные работы во всем городе не найдешь. Кроме всего этого, они же таким образом снабжают город овощами, начиная с начала весны и до поздней осени, таская таковые в своих корзинах из дома в дом, они же доставляют домашнюю птицу, и яйца, и рыбу; они снабжают нас горшечными изделиями, корзинами и т. п. Все это доставляется нам в изобилии по крайне дешевой цене, что значительно облегчает существование всех горожан...» [7]. Такой взгляд разделяли и другие издания. Один из публицистов газеты «Приамурские ведомости», в целом соглашаясь с мнением «Амурского края», утверждал, что Владивосток совершенно нельзя себе представить без китайских «боек-помощников» и «разносчиков-манз», выкрикивающих на улицах: «Капитана, лука», «Капитана, рыба» [8]. Давая собирательный образ китайского мигранта, дальневосточные издания нередко характеризовали китайцев в качестве мирного, безобидного населения, отличающегося исключительным трудолюбием и самыми минимальными потребностями.

Вместе с тем китайские мигранты довольно скоро стали восприниматься не только благом региона, но и его постоянной головной болью. Значительная численность китайцев, проживавших здесь, формировала среди населения края убеждение в том, что в самом ближайшем будущем Дальний Восток будет совершенно заселен китайцами и в конечном счете отторгнут от России. Справедливости ради надо сказать, что эта тема была одним из вариантов довольно распространенных на рубеже XIX–XX вв. дискуссий на тему о «желтой опасности», широко обсуждавшейся в России и в мире [9]. В целом под термином «желтая опасность» понималась потенциальная угроза, которую страны и народы Дальнего Востока несут для России и стран Запада. И чаще всего эту «угрозу» представляли в качестве одного из трех возможных вариантов: военного столкновения стран Запада и Востока, «мирной колонизации» и «окитаяния» западных государств, а также в качестве «экономической опасности» – разрушения всей западной промышленности вследствие неконкурентоспособности с многонаселенными странами Востока.

В России именно Дальний Восток оказался тем регионом, для которого эта тема из области рассуждений переходила в практическую плоскость. Так, один из публицистов газеты «Дальний Восток» уже в 1895 г. задавался глобальным вопросом: «У кого в гостях? – Мы ли, русские, хозяева Уссурийского края, или же китайцы?» [10] Заметка в подобном тоне была опубликована и в следующем номере газеты, где отмечалось, что «китайцы, проявившие в настоящее время в борьбе с Японией, свою полную несостоятельность, здесь, на нашей окраине, проявляют, тем не менее, свою силу, – силу равную, по своим качествам и применению мировой борьбе, всякой боевой правоспособности: сила эта жизненная цепкость, способность ухватиться и жить везде, вытесняя другие национальности» [11].

Особую обеспокоенность по поводу китайской миграции выражали также и публицисты «Амурской газеты», выходявшей в Благовещенске. Неслучайно, что первый номер, опубликованный в новом XX в., открывался заметкой главного редактора А. В. Кирхнера именно на эту тему: «Глухо стало на Амуре, еще так недавно столь оживленном. И полным надежд на лучшее будущее... С жаркого юга Китая надвигается, как грозная туча, густая волна китайской колонизации. Шаг за шагом, рядами, вдоль Южной ветки Маньчжурской дороги появляются все новые и новые кадры китайских переселенцев и выставляют ряды китайских селений в строгом порядке, как этапы идущей сзади армии. Передовые эшелоны этой колонизации уже достигают берегов Амура и даже перекинулись через него. В Амурской области, в деревнях и в городе появляются толпы китайцев и заполняют все... Получив контроль над Амуром, китайцы не замедлят воспользоваться плодами победы своей дипломатии. Густой волной, как грозная стихия, двинутся они дальше и оттеснят все русское население за Байкал, а может быть, и дальше» [12]. И такие заметки были совсем не редкостью на страницах дальневосточных изданий. При этом редакции дальневосточных газет не только публиковали заметки на эту тему региональных публицистов, но и перепечатывали статьи о «желтой опасности», опубликованные в центральных изданиях империи.

Между тем нельзя сказать, что мнение о серьезности угрозы, которую китайская миграция несет для российского Дальнего Востока, разделяли абсолютно все. Для некоторой части публицистов подобные опасения представлялись не более чем плодом фантазии: «Если отбросить от себя все ложно патриотические взгляды и присмотреться поближе к условиям местного края, то никакой опасности, что китайцы идут к нам работать, нет и не может быть. Какая же тут опасность в самом деле: пришли к нам, правда из чужих краев, бедные оборванные люди, пришли не с какими-нибудь завоевательными целями, как стараются убедить нас в том

амурские ревнители, а с той единственной целью только работать, чтобы не пропасть с голоду» [13].

Еще одной центральной темой обсуждений дальневосточных изданий стала также тема проблем, которые привнес в край китайский мигрант. По мнению дальневосточных журналистов, именно китайцы выступали главным «источником» распространения ханшина (китайской водки), опиума и антисанитарной обстановки в городах Дальнего Востока. Так, в газете «Приамурские ведомости» отмечалось, что выросшую «как гнездо грибов после дождя» китайскую слободку в Хабаровске «можно уподобить той же куче грибов еще и потому, что строения нагромождены в беспорядке и чересчур скученно...», ввиду чего «нужно только китайцев обязать устраивать ретирады и воспретить заражать нечистотами прилегающую местность» [14].

Совершенно особый интерес в рамках настоящей темы представляет и местная хроника дальневосточных газет, фактически оставшаяся без внимания исследователей. Между тем данные материалы во многом отражают повседневную жизнь дальневосточных городов и передают взаимоотношения принимающего общества и китайских мигрантов. Хроника происшествий в городах российского Дальнего Востока изобилует сообщениями о межнациональных конфликтах между русскими и китайскими мигрантами. Как показывают материалы, пик такого конфликтного взаимодействия между русскими и китайцами в целом приходится на 1900–1903 гг., что вполне может объясняться сложной внутривосточной обстановкой в Китае, вызванной восстанием ихэтуаней. Таким образом, антииностранный движением в соседнем Китае и участие российского контингента в его подавлении способствовали возрастанию общего числа случаев насилий над китайцами в городах российского Дальнего Востока.

Парадокс ситуации заключался в том, что для дальневосточных жителей китайцы оказывались одновременно и «своими», и «чужими». С одной стороны, в них остро нуждались, с другой же стороны, нередко считали «источником» массы проблем. Главной причиной озлобленности принимающего общества в отношении китайцев служила конкуренция на рынке труда, часто выливавшаяся в случаи открытых насилий над ними. При этом поводом для конфликта могло послужить все что угодно – не поданные вовремя пельмени или застрявшая в грязи посреди улицы китайская телега. Иногда же повода и вовсе не требовалось. Один из подобных случаев в 1900 г. передавала газета «Забайкальские областные ведомости»: «...Китаец, встречается с несколькими рабочими на военной тропе. Бедняга издали уже начал кланяться и говорить: “Саталаствуй русски хороши людя”. А эти хорошие люди первым делом отобрали у него топор, с которым он думал работать на этой тропе, а затем, конечно, наградили

его подзатыльниками» [15]. Характеризуя отношения дальневосточников к мигрантам из Китая, местная хроника «Амурской газеты» в 1896 г. отмечала: «Отношение простого русского человека к инородцу вообще говоря добродушное: он не чванится благородством расы, охотно панибратствует с ним, а при случае еще и с большей охотой поколотит его. Кража у маньчжур огурцов, орехов, дынь и прочей мелочи не считается делом зазорным» [16].

Интересно, что, публикуя сообщения на данные темы, редакции дальневосточных газет, по всей видимости, видели в этом повод поговорить не о проблеме негативного отношения к китайским мигрантам в целом, а скорее о «дикости нравов» населения дальневосточных городов. Так, газета «Никольск-Уссурийский листок» в октябре 1900 г. даже опубликовала заметку под заголовком «Жестокие нравы»: «Если вы желаете познакомиться с нравами нашего простонародья – загляните в праздничный день на базар: поле для наблюдения – обширное... Стоял на базаре, с телегой, манза и продавал капусту. Подходит к манзе мужик, – нехмельной, нет! – и спрашивает цену капусты. Узнав, что манза продает капусту по 8 руб. за сотню вилок, мужик остервенел моментально. Продавец-манза не успел и глазом моргнуть, как получил удар по лицу здоровенным мужичьим кулачищем. За первым ударом последовал второй, третий... Толпа ржала от удовольствия. – “Так его, собаку!.. Сыпь ему в хайло!..” Не успел кончить свой “кураж” мужик на конце базара – “закуражился” на другом какой-то солдатишка. Проходя мимо манзы, торговавшего фруктами, он задел за лоток с яблоками, которые и рассыпались по земле. Обруганный за это манзой-торговцем, христолюбивый воин “раскуражился” и в кровь избил “обидчика”. И здесь сердце толпы “билося в унисон” с сердцем “героя”. И на сей раз полицейских не доискались» [17]. Не следует, однако, полагать, что исключительно все на Дальнем Востоке были негативно настроены в отношении китайцев, скорее это отражало лишь одну из граней значительного спектра взаимодействий между китайцами и принимающим обществом.

Кроме того, интересно, что в ежедневной хронике дальневосточных газет китайцы, хотя и гораздо реже, но все же также фигурируют в качестве нарушителей общепринятых норм. К примеру, газета «Приамурские ведомости» в 1899 г. сообщала о том, что среди китайцев появились «отъявленные плуты», которые сначала собирают по домам стулья якобы для починки, а затем продают их в своих лавочках [18]. А газета «Дальний Восток» 14 августа 1901 г. передавала, что 11 августа в городскую больницу был доставлен русский, которого «китаец-лавочник за крайнюю назойливость и непризнание чужой собственности стукнул бутылкой в лоб так, что тот чуть не очумел» [19].

Подводя итог, стоит сказать, что на страницах дальневосточных изданий тема взаимодействия китайских мигрантов с принимающим обществом оказалась довольно сложной. Разные издания занимали различную позицию по этому вопросу. На эту тему рассуждали, спорили, но отнестись к ней равнодушно не могли. В результате эта тема появляется на страницах дальневосточных газет в контексте нескольких совершенно разнонаправленных дискурсов – исключительной важности китайского мигранта для развития дальневосточной окраины, угрозы для региона, а также в рамках рассмотрения межнациональных конфликтов в дальневосточных городах. С одной стороны, многие публицисты и редакторы понимали крайнюю зависимость региона от китайской рабочей силы и видели в ней скорее благо, с другой же стороны, значительная часть публицистов просто не могла игнорировать проблемы, неразрывно связанные с китайской миграцией – антисанитарию китайских кварталов, озлобленность отдельной части населения по отношению к китайцам, а также рассуждения о «желтой опасности».

Если вводить дальневосточную прессу с контекст общеимперской, то надо сказать, что дальневосточные издания в большей степени склонны были рассматривать проблему китайской миграции с региональных позиций. И если центральные издания рассматривали эту проблему в общемировом масштабе, как проблему, с которой столкнулись и в других странах, дальневосточные публицисты в большей степени склонны были осмысливать ее чаще всего в рамках собственного региона.

Список использованной литературы

1. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Спб. : Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. Т. II. С. XXIX. 417 с.
2. Всеподданнейший доклад генерал-губернатора от инфантерии Гродекова за 1898, 1899, 1900 гг. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 332. Л. 14.
3. Описание поездки преосвященного Евсея, епископа Камчатского для обозрения церковью епархии, совершенной с 8 июля по 22 августа сего 1898 г. // Камчатские епархиальные ведомости. 1899. № 3. С. 37.
4. Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск : Изд-во Омгу, 1999. 263 с.
5. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.

6. Залесская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2009. 380 с.
7. О китайцах // Амурский край. Благовещенск, 1900. 7 апр.
8. Областная хроника // Приамурские ведомости. Хабаровск, 1901. 4 февр.
9. Дятлов В. И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 63–89.
10. Р. Желтые и белые // Дальний Восток. Владивосток, 1895. 16 апр.
11. Дальний Восток. Владивосток, 1895. 23 апр.
12. А. К-р // Амурская газета. Благовещенск, 1902. 23 июня.
13. М. Желтая опасность // Амурская газета. Благовещенск, 1903. 22 авг.
14. Городская хроника // Приамурские ведомости. Хабаровск, 1899. 25 июля.
15. Село Шилкинское // Забайкальские областные ведомости. Чита, 1900. 22 авг.
16. Местная хроника // Амурская газета. Благовещенск, 1896. 4 авг.
17. Жестокие нравы // Никольск-Уссурийский листок. Никольск-Уссурийский, 1900. 5 окт.
18. Городская хроника // Приамурские ведомости. Хабаровск, 1899. 15 авг.
19. Хроника // Дальний Восток. Владивосток, 1901. 14 авг.

Лидия Александра Александровна Руонала,

аспирант, Московский институт психоанализа,
Швеция, г. Гетеборг; Россия, г. Москва, lydia.ruonala@gmail.com

УДК 316.61

**Русские женщины-мигранты в Швеции:
проблемы идентичности
и социально-психологическая адаптация**

Аннотация. При изучении социально-психологической адаптации мигрантов особое внимание уделяется вопросам идентичности, которая подвергается изменениям. Русские женщины-мигранты в Швеции в процессе социально-психологической адаптации сталкиваются с переосмыслением собственной идентичности, на которую оказывает влияние восприятие шведским обществом выходцев из постсоветского пространства. В статье, построенной на интервьюировании 15 женщин-мигрантов, проживающих на территории Швеции более 5 лет, производится попытка выделить типичные для успешно интегрировавшихся в шведское общество женщин-мигрантов ситуации, свя-

занные с идентичностью, а также отмечено их влияние на сам процесс адаптации.

Ключевые слова: миграция, социальная идентичность, этническая идентичность, Швеция, Россия, гибридная идентичность, адаптация, интеграция.

Lydia Ruonala

Postgraduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Sweden,
Gothenburg; Russia, Moscow, lydia.ruonala@gmail.com

Russian Women-Migrants in Sweden: Identity Problems and Socio-Psychological Adaptation

Abstract. When studying the socio-psychological adaptation of migrants, special attention is paid to issues of identity, which is undergoing changes. Russian migrant women in Sweden are faced with a rethinking of their own identity in the process of socio-psychological adaptation, which is influenced by the perception of the Swedish society of people from the post-Soviet space. Based on interviews with 15 migrant women who have lived in Sweden for more than 5 years, the article attempts to highlight the situations associated with identity typical for migrant women who have successfully integrated into Swedish society, as well as their influence on the adaptation process itself.

Keywords: migration, social identity, ethnic identity, Sweden, Russia, hybrid identity, adaptation, integration.

По данным Миграционного агентства Швеции, с 2000 г. 1 916 557 чел. получили право на проживание в Швеции [1]. В 2019 г. число получивших право на проживание в стране составило 119 450 чел. Из 10,3 млн граждан Швеции 2,6 млн не являются урожденными шведами. Около 10 000 урожденных русских проживают в Швеции. По данным на 2012 г., около 27% популяции страны имеют одного или двоих родителей с иностранным происхождением [2].

Швеция активно участвует в интеграции мигрантов, уделяя большое внимание их бесплатному образованию – языковым курсам и профессиональной переподготовке. Несомненно, переход в новую культуру подразумевает как психологическую, так и социокультурную адаптацию.

Изучая культуру России и Швеции, А. Н. Иванов отметил разницу картин мира в этих двух государствах. Базовые константы шведской ментальности – индивидуализм, умеренность, современность, рациональность – противопоставляются константам в тезаурусе русской культуры – общинность, полярность, традиционность, иррациональность. Противоречивость картин мира подтверждается также набором противоположных друг другу концептов. Несхожесть менталитетов Швеции и культуры России является существенной преградой для их взаимопонимания [3, с. 145].

Данная противоречивость оказывает влияние на процесс интеграции русских мигрантов в шведское общество и ставит их перед задачей взаимодействия, социального сравнения и восприятия новых социальных установок.

Описывая структуру социальной идентичности, Н. Л. Иванова раскрывает этот термин как комплекс единых когнитивных, мотивационных и ценностных установок, объединение которых создает следующие основные блоки: «базисный», который описывает социальную реальность через этническую, региональную, семейную и подобные им общности и активизирует мотивацию самозащиты и безопасности; «индивидуально-личностный», где самоидентификация происходит через определения культуры, нравственной оценки социальных общностей, связан с мотивацией самоуважения и ценностей общения; и «профессионально-деловой», который проявляется в мотивации самореализации, ценностях профессии и деловой жизни [4, с. 147]. Кризис социальной идентичности возникает в случае изменений, связанных с блоками «базисный» и «индивидуально-личностный».

Когда человек эмигрирует и попадает в другую страну, этническая и культурная идентичность начинают восприниматься как нечто очень существенное. Изменения идентичности являются одними из наиболее важных явлений, связанных с иммиграцией. Каждый человек, который живет в другой стране (не являющейся страной его происхождения), ищет стратегии, чтобы преодолеть это соревнование между двумя культурами [5, с. 225].

Самоопределение – одно из необходимых условий развития и существования личности. Процесс формирования самоопределения называется ауто-идентичностью, т. е. отождествлением себя с другим человеком или группой людей.

Развитие личности включает в себя три этапа:

1) адаптация, т. е. усвоение действующих ценностей и норм, овладение средствами и формами деятельности, принятыми в некоторой общности;

2) индивидуализация, где ведущим становится конфликт между максимальной персонализацией и потребностью «быть как все»;

3) интеграция, где конфликт смещается в сторону потребности индивида быть представленным в общности своими наилучшими частями и потребностью общности брать от индивида то, что служит развитию общества [6, с. 203].

В широком смысле результатом аутоидентичности выступает идентичность [6, с. 10]. Относя себя к той социальной группе и идентифицируясь с ней, осознавая группу как играющую важную роль в его жизни, че-

ловец актуализирует социальную идентичность [7, с. 45]. Социальная идентичность формируется поэтапно. В 4 года начинается формироваться половая идентичность, в 6–7 лет (по некоторым данным, раньше) формируется этническая идентичность. В подростковом и юношеском возрасте начинают формироваться ценностные ориентации, в т. ч. профессиональная, политическая, религиозная. Новые социальные идентичности появляются у человека на протяжении всей жизни [7, с. 82].

Этническая идентичность как часть социальной идентичности описывается через понятия языка, происхождения, образа жизни, традиционной культуры, ценностей, норм, исторической памяти, религии, мифологии, чувства родины, внешности, гражданства, характера [8, с. 297]. В. В. Константинов, М. В. Бабаева отмечают, что понятие этнической идентичности включает в себя знание о собственном этносе, эмоциональное отношение к собственному этносу (гордость, превосходство, униженность, стыд и т. д.), а также отраженное отношение со стороны других этносов [9, с. 129].

Вопрос соотношения, взаимовлияния и иерархии социальных идентичностей особенно актуален для описания личности адаптированного мигранта, у которого в процессе интеграции в новое общество произошло формирование новой гибридной идентичности. У опрошенных в данном исследовании сформировалась новая, смешанная русско-шведская культура, которая при этом не является ни русской, ни шведской в полной мере. Такие тенденции наблюдаются не только в шведском обществе.

Исследование личности человека с точки зрения членства в различных социальных группах теряет свою актуальность в условиях современного динамичного общества. Дэвид Керцер указывает на тот факт, что в современном мире осмысление демографических исследований через понятие этнической идентичности может приводить к путанице, поскольку страна происхождения не может полноценно описывать личность человека. Приводится пример человека, родившегося в США, чьи бабушка и дедушка родились в еврейской семье на территории Российской империи, а сейчас данная территория принадлежит Польше [10, с. 29].

Принадлежность к России может переживаться через авто- и гетеростереотипы: водка, матрешка, зима, холод, снег, медведь. Наряду с этим есть ожидание от русских как носителей имперских амбиций и потенциально угрожающими с точки зрения мировоззренческой и территориальной экспансии, и в таком контексте Россия ассоциируется с войной, рашизмом, агрессивностью, грубостью, лживостью и невежеством [11, с. 295]. Такое переживание своей принадлежности к русской идентичности может вызывать сложности в процессе адаптации со стороны самих

мигрантов, для которых Россия, оставаясь в прошлом, формирует их будущее и самоощущение русскости как потенциальной угрозы.

А. А. Линченко и О. В. Головашина отмечают, что для русских мигрантов в современной Европе «прошлое оказывается одновременно и источником, и препятствием для интеграции», поскольку культурная память оказывает влияние на границы социальной идентичности [12, с. 83].

Целью данного исследования стало изучение трансформации самоидентификации 15 русских женщин, проживающих в Швеции более 5 лет и оценивающих свою адаптацию как успешную. Для этого был выбран метод глубинного интервью. Все принявшие участие в исследовании женщины были проинформированы, что собранные данные будут использованы для исследования и дали согласие на использование этих данных при условии сохранения анонимности.

Принявшие участие в опросе женщины, соотносившие себя с категорией «русская», проживали не только на территории государства Российская Федерация. Их идентичность выражалась через принадлежность к культуре постсоветского пространства и использование русского языка как языка родительской семьи.

В соответствии с возрастом опрошенные распределились следующим образом: 6 опрошенных принадлежат к возрастной группе от 30 до 39 лет, 5 опрошенных – в группе от 40 до 49 лет, возраст 4 опрошенных – от 50 до 59 лет.

По количеству прожитых в Швеции лет респондентки разделились на три равные группы: 5 опрошенных проживают в Швеции от 5 до 9 лет, 5 опрошенных – от 10 до 19 лет, 5 опрошенных – от 20 до 30 лет.

2/3 опрошенных имеют высшее образование: у одной из опрошенных два высших образования, две респондентки имеют среднее специальное образование, у двух участниц исследования есть научная степень.

Причиной переезда для 6 респонденток послужило замужество, три переехали по собственному рабочему контракту, 2 опрошенных переехали в связи с рабочим контрактом мужа, еще 2 – в связи с обучением, одна – в связи с замужеством матери, и еще одна – по программе Au Pair.

Все опрошенные работают, и на текущий момент их занятость распределяется следующим образом: медицинские сестры (3 чел.), педагоги дошкольного и школьного образования (3 чел.), по 1 чел. заняты в таких профессиях, как преподаватель высшей школы, научный сотрудник, экономист, конструктор, руководитель собственного бизнеса, системный администратор, журналист, сотрудница сферы транспорта и персональный ассистент.

До переезда в Швецию респондентки в основном оценивают свою жизнь на родине положительно: «было проблематичнее, но веселее», «бы-

ло все, кроме любви», «все нравилось, за исключением отсутствия работы», «увидела брошюру о программах обучения за рубежом и решила попробовать», «я не планировала переезжать, но встретила своего мужа». Три респондентки были так или иначе разочарованы в реалиях жизни в России и гуманности общества, еще три ответили, что столкнулись на родине с проблемой выйти замуж повторно с ребенком от предыдущих отношений.

Описывая свой опыт адаптации в Швеции, 13 из 15 женщин, отвечая на вопрос о реакции шведов на их принадлежность к русскому этносу, начинали формулировать свой ответ через отрицание негативного опыта со стороны принимающего общества либо предположения, что негативное отношение могло оставаться ими незамеченным. «Ничего плохого сказать не могу», «шведы воспитаны в ценностях толерантности и не демонстрируют открыто своего отношения», «может быть, и было что плохое, но я не замечала или выбирала не замечать». Женщины отмечали, что, несмотря на нейтральную формулировку вопроса, у них было ожидание, что вопрос про русскую идентичность должен был подразумевать описание именно негативного опыта.

При контакте с местными жителями (как шведами, так и мигрантами из других государств) как сами опрошенные, так и их дети сталкивались со стереотипными представлениями о России: водка, русская мафия, холод, тоталитарный коммунистический режим, русские женщины с ярко выраженной гендерной идентичностью, социальное неблагополучие. Отмечается, что обратная связь зависела от уровня образования шведов. Шведы с высшим образованием или амбициями, связанными с обучением, чаще проявляли осведомленность о русской культуре и географии, оценивали уровень образования у русских как высокий (особенно это касается точных наук), отмечали готовность и умение учиться.

Опрошенные отмечали следующие стереотипы: «я должна пить как слон, я должна вкусно готовить и любить биатлон, потому что там стреляют», «водка и красивые русские девушки», «если мы что и читаем, то только классику», «раз ты русская, ты хочешь замуж и остаться в богатой Швеции, но не любишь по-настоящему», «русские женщины – хорошие домохозяйки», «русские женщины доступные, со шведками так себя вести не будут», «нам говорили, что у вас все очень плохо».

Все опрошенные отметили, что жизнь в Швеции заставила их по-новому взглянуть на представления о гендерной социализации, отношении к здоровью и ценностям личности: «гендерные различия раньше во мне отзывались более позитивно», «я могла пройти несколько километров на каблуках», «наши женщины не борются за женские права, им некогда».

Опрошенные указывали, что избегают на родине разговоров, связанных с политикой, сексуальными меньшинствами и правами человека.

Во время посещения родины и общения с родственниками и друзьями, опрошенные отмечают стремление русских «видеть мир более упрощенным, с позиции своих и чужих», «обязательно отстаивать собственное мнение», «судить, что такое хорошо и плохо». Посещая родину, респонденты отмечали сложности с доступной средой и незаинтересованность в интеграции людей с особыми нуждами, безразличное отношение к условиям окружающей среды и безопасности.

Пять опрошенных столкнулись в России с представлениями о легкой жизни в Швеции: «нам за границей жить просто, и мы должны делиться», «я много делала для своих родственников, но не получила даже слова благодарности, мои усилия воспринимались как должное», «руки опускались, когда я пыталась искренне помочь».

В вопросах дружбы 8 опрошенных выбирают строить межличностные отношения с русскоговорящими, подчеркивая возможность общаться на родном языке, понимание общего происхождения и исторического контекста, общие шутки и представления о социальной дистанции: «я скучаю по русскому языку», «мне не надо объяснять, что такое жить в перестройку», «мы с самого начала друг друга поддерживали в новой стране, и это очень поддерживало». Две участницы исследования отметили, что у них нет близких друзей, и это их полностью устраивает. «Я не должна ни с кем сблизиться, никто от меня не ожидает открытости и не лезет в душу». Трое опрошенных сказали, что они одинаково хорошо дружат как с мигрантами, так и со шведами, и еще две женщины сказали, что их близкий круг составляют только шведы.

Несмотря на то что шведская культура напрямую связана с толерантностью к мигрантам, все опрошенные указали на особые отношения шведов к мигрантам из России. Они связывали это с похожестью в менталитете, общей историей и интересу к России со стороны средств массовой информации (СМИ). Опрошенные отмечали, что шведы знакомы с Москвой и Санкт-Петербургом, но остальные населенные пункты страны остаются для Швеции малоизвестными. Участницы из стран бывшего СССР (исключая РСФСР) замечали, что, с точки зрения шведов, они остаются русскими, и только люди с хорошим академическим образованием и личным интересом к России могут делать различия между Россией и бывшими республиками, знают названия столиц СНГ.

Респондентки отметили, что при более близком общении шведы выражают свое негативное отношение или опасения, связанные с Россией: «Да, мы не любим Россию, но мы любим тебя, Маша». По мнению опрошенных, шведы относятся к русским как к агрессивным, прямолинейным,

потенциально угрожающим. Особенно это стало заметно после событий на территории Крымского полуострова в 2014 г.: «После событий, связанных с Украиной и вокруг Крыма, те, кто раньше более позитивно относился к России и лучше ее знал, стали более негативно оценивать политическую повестку», «я отказывалась говорить о политике, но мне постоянно говорили о России как об агрессоре, пересказывая то, что говорили в СМИ», «на меня обижались, что я никак не оценивала политику Путина, ведь я уже давно живу в Швеции».

При этом отмечалось, что националистически настроенные шведы, которые раньше в основном рассматривали Россию через призму стереотипных представлений, стали рассматривать политику Президента России В. В. Путина более позитивно: «Путин думает о своей стране».

Оказываясь в третьих странах, респондентки при первом контакте представляли себя через шведскую идентичность. Но при более близком общении описывали себя следующим образом: «Я живу в Швеции, но я русская». Шестеро опрошенных говорили, что получают лучший сервис и уважение к личным границам, когда скрывают свою принадлежность к России. Пятеро опрошенных сказали, что в зависимости от страны могут предъявлять или нет свою принадлежность к России: «В Испании очень хорошо относятся к русским, более тепло принимают, а к шведам относятся как к более состоятельным и холодным». Четверо опрошенных не заметили разницы в отношении к туристам из России и из Швеции.

Формируя новую – гибридную – идентичность, русские женщины сталкивались с необходимостью переосмыслить темы, связанные с женской гендерной социализацией, социальной дистанцией и вопросах безопасности, толерантностью в вопросах равноправия сексуального и гендерного выбора, отношения к незащищенным слоям населения, доступной среды, отношения к здоровью и окружающей среде.

Объединенная администрация министерств Швеции на своем официальном сайте подчеркивает, что российско-шведские отношения широки и затрагивают большинство сфер, однако на двусторонних отношениях негативно сказалась ситуация, развернувшаяся между Россией и Украиной в 2014 г., в связи с чем Швеция поддерживает введение санкций.

В данный момент ведущими интересами официальной Швеции относительно России является оказание поддержки, которая, среди прочего, направлена на укрепление условий для демократического развития в России, укрепление свободы выражения мнений и уважение прав человека и верховенства закона, а также на улучшение окружающей среды и более глубокую работу в области климата, в частности в регионе Балтийского моря [13].

Данная повестка Швеции соответствует представлению о России женщин, проживших в Швеции более 5 лет.

Подводя итоги этого исследования, можно сделать следующие выводы:

- русская идентичность женщин-мигранток в Швеции может переживаться как потенциально проблемная;
- политическая обстановка в России в 2014 г. отразилась на восприятии русских коренным населением Швеции;
- опрошенные отождествляют себя как с русской, так и со шведской идентичностью, при этом не могут полностью разделять ценности русской или шведской культуры;
- фактором, определяющим адаптационные процессы, выступает причина переезда. Участницы опроса, переехавшие в связи с рабочим контрактом или учебой, более позитивно оценивают свой опыт интеграции и более удовлетворены текущей жизнью. Те из опрошенных, кто переехал в связи с замужеством или рабочим контрактом мужа, оценивают свой опыт более негативно.

Список использованной литературы

1. Granted residence permits overviews // Migration Agency, 2020. URL: <https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/Granted-permits-overviews.html>
2. Summary of Population Statistics 1960–2011 // Statistics Sweden, 2012. URL: https://web.archive.org/web/20130317045943/http://www.scb.se/Pages/TableAndChart____26041.aspx
3. Иванов А. Н. Диалог культур России и Швеции : тезаурусный подход : дис. ... канд. культурологии. М., 2010. 168 с.
4. Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности : дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2003. 408 с.
5. Ayala E. S., Dalouh R. Moroccan Immigrant Women in Spain: Problems of Identity and Emotional Well-being // Procedia -Social and Behavioral Sciences. Volume 132, 15 May 2014. P. 222–228.
6. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб. : Изд-во «Прайм-Еврознак», 2007. 640 с.
7. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений : учеб. пособие. М. : НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. 432 с.
8. Психология общения : энцикл. словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М. : Изд-во «Когито-Центр», 2011. 600 с.

9. Константинов В. В., Бабаева М. В. Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 1. С. 128–142.

10. Kertzer D. I. The Perils of Reification: Identity Categories and Identity Construction in Migration Research // Decimo F., Gribaldo A. (eds) Boundaries within: Nation, Kinship and Identity among Migrants and Minorities. 2017. P. 23–34.

11. Козловцева Н. А. Русский мир как коллективная идентичность: 50 оттенков русскости // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 292–296.

12. Линченко А. А., Головашина О. В. «Русские» в Европе: память о прошлом, идентичность и историческое сознание русскоговорящих мигрантов в Центральной и Восточной Европе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 83–92.

13. Rysland // Regeringskansliet, 2020. URL: <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/utrikesdepartementet/sveriges-diplomatiska-forbindelser/europa-och-centralasien/ryssland>

Серафима Ивановна Харламова,

бакалавр лингвистики, магистрант,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, harlamova.sera@gmail.com

УДК 81-25

Диалект пенсильванских немцев в американских газетных статьях

Аннотация. В штате Пенсильвания США проживает большое количество этнических немцев, поэтому в местных периодических изданиях можно встретить диалектные германизмы. В статье были рассмотрены варианты происхождения данных лексических единиц, проведен анализ изменений, произошедших с ними в процессе заимствования.

Ключевые слова: американский английский, германизмы, диалект пенсильванских немцев, этимология диалектизмов, немецкие заимствования.

Serafima Kharlamova

Bachelor of Linguistics, Master student,
Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow,
harlamova.sera@gmail.com

Pennsylvanian Germans' Dialect in American Newspaper Articles

Abstract. A lot of ethnic Germans live in Pennsylvania, the USA, that is why one can see dialectal Germanisms in local periodicals. The article deals with the variants of such lexical units' origin, and the analysis of the changes, which happened to them while they were being borrowed.

Key words: American English, Germanisms, Pennsylvanian Germans' dialect, dialects etymology, German borrowings.

Выявление первоначальных значений и внутренних форм заимствованных слов является основной задачей этимологического исследования и играет значительную роль в изучении исторического развития языка, родства языков, древних субстратов, а также этногенеза.

Германизмы широко распространены как в английском языке в целом, так и в публицистических текстах американских печатных изданий. Тем не менее не все немецкие заимствования можно считать диалектизмами. В условиях глобализации новые заимствования крайне быстро входят в обиход говорящих на английском языке, ассимилируются и становятся нормой языка, а диалектизмы все более активно «проникают» в литературную речь. Поэтому важно исследовать их этимологию, пока характерные для территориально ограниченной лексики особенности не были утрачены.

При этом следует отметить, что значения и минимальные сведения об этимологии некоторых германизмов чаще встречаются в статьях по культурологии или в тех научных сферах, где те или иные германизмы могут употребляться, в то время как лингвистика уделяет им недостаточно внимания.

В данной статье будет рассмотрена этимология территориально специфических германизмов, встречаемых в газетных статьях, форма и семантика соответствующих лексических единиц в современных диалектах английского языка и в верхненемецком языке. Это позволит установить этимологию диалектных германизмов и сравнить изменения в форме и семантике, параллельно происходивших с исходным словом на разных континентах.

Как известно, английский язык был привезён в Северную Америку британскими колонистами в XVII–XVIII вв. Англоязычные группы про-

должали преобладать в миграционном потоке в США вплоть до начала Войны за независимость в 1776 г., когда из 2,8 миллионов американцев абсолютное большинство (82% белых) были англичанами-протестантами. Помимо этого в США на начальном этапе прибыло заметное количество носителей других, преимущественно германских, языков, среди которых выделялись нидерландский, немецкий, шведский, норвежский, а также носители кельтских языков: ирландского, валлийского и гэльского. Близость германских языков к английскому, а также усиливающееся двуязычие кельтских народов, большинство из которых уже тогда находились под властью британской короны, привели к быстрой ассимиляции мигрантов, но их языки оказали влияние на некоторые тенденции в английском языке США.

Влияние немецкого языка на американский английский было сравнительно невелико, но довольно ощутимо. С одной стороны, немецкий язык, а точнее, различные его диалекты, был родным для самой значительной волны иммигрантов. И сегодня около 20% населения США (порядка 60 миллионов человек) имеют полное или частичное немецкое происхождение. С другой стороны, отсутствие официального статуса немецкого языка привело к сокращению его сферы влияния (сегодня только 1,5 миллиона американцев считают его родным). Немецкое влияние ощущается в некоторых словах и словарных переосмыслениях (например, «dumb» в значении глупый, ср. нем. dumm).

Английский язык содержит большое количество очень высокочастотных исконных германских слов – как артиклей, предлогов, союзов, числительных, вспомогательных глаголов, так и слов, обозначающих предметы и понятия повседневной жизни (child, water, come, good, bad). Кроме того, грамматическая структура, по существу германская, осталась нетронутой иностранным влиянием.

Далее мы рассмотрим примеры употребления диалектизмов немецкого происхождения в статье «Dialect spoken, and that's no tripe», опубликованной в газете “Reading Eagle” в городе Рединг штата Пенсильвания. Данная местность представляет особый интерес для настоящего исследования, поскольку по причине особенно высокого процента немцев, проживающих в штате Пенсильвания, на этой территории можно услышать пенсильванский английский, в котором влияние немецкого языка особенно четко прослеживается.

People of German heritage hold annual **fersommling**, or gathering... [1]

“Fersommling” – слово немецкого происхождения. В современном немецком “Versammlung” имеет основное значение «собрание» и, как правило, употребляется, когда речь идет об официальных мероприятиях или об органах власти. Однако немцы, проживающие на территории штата

Пенсильвания, обозначают этим словом конкретное культурное событие. Хотя цель проведения таких «собраний» – сохранение и возрождение культуры и языка пенсильванских немцев – очень важна, они имеют мало общего с официальными встречами и скорее напоминают тематическую вечеринку с застольем, играми, песнями и обсуждением проблем данной культуры в современном мире [2].

В целом можно отметить, что большинство понятий, связанных с культурой немецких иммигрантов, перешло в английский язык «без перевода», в виде заимствований. *Кухня* – одна из областей, на примере которой это становится наиболее очевидным.

В упомянутой выше статье, а также в двух других статьях, связанных с немецкой культурой Пенсильвании, можно встретить диалектные названия блюд традиционной кухни пенсильванских немцев.

So much for Smith's first encounter with **sauere kuddelfleck**, or tripe, a Pennsylvania German staple made from ground-up cow stomach [1].

Как и большинство диалектизмов, данное название осталось бы непонятным для большей части читателей, и автор приводит объяснение значения непосредственно в тексте статьи. Данным словосочетанием называют одно из самых популярных среди пенсильванских немцев блюд, которое готовят из говяжьего рубца. Литературное слово английского языка 'tripe' может обозначать как рубец, так и требуху вообще. Также автор использует игру слов, основанную на еще одном значении этого существительного – «вздор», «чепуха». При этом немецкое название блюда позволяет узнать немного больше о том, что оно из себя представляет. В верхненемецком слово *Kuttelfleck*, или просто *Kutteln*, обозначает «триппа», т. е. блюдо из рубца, а стоящее перед ним прилагательное *sauer* (кислый), употребленное перед названием блюда, как правило, указывает на то, что для его приготовления был использован уксус.

«In this Lenten season, a traditional time of denial and restraint 40 days before Easter, the perfect meal to stave off hunger isn't a **fasnacht**, a fatty doughnut treat often lathered in syrup. It's a more rarely prepared dish, at least in public restaurants, called **boova shenkel** (also bova shankel or other spelling variations). "It means 'boyslegs,' " said Elaine Bartholomew...» [3]

Здесь мы встречаем два названия блюд, пришедших из немецкого языка. Вот что особенно интересно, когда речь идет о слове *fasnacht*: верхненемецкое *Fastnacht* имеет только два значения – заговенье, канун Великого поста, и Масленица – при этом не только в немецко-русских словарях, но и в словаре *Duden* не приведено никаких значений, связанных непосредственно с пищей. В то же время в данной статье это слово, очевидно, употребляется для обозначения блюда – жирного пончика, в приготовлении которого часто используется сироп. Связь этого значения с

исходным нетрудно проследить: в статье эта разновидность выпечки приводится как пример традиционного блюда для заговенья.

Однако в центре внимания в статье оказывается не столь популярное угощение. В статье его называют *boova shenkel*, указан альтернативный вариант написания (*bova shankel*) и сказано, что это словосочетание означает «ребячьи ноги». В отличие от предыдущих примеров, однозначно определить верхненемецкий исходный вариант слова *bova* (*boova*) не удалось. Во-первых, в результате произошедших со словом изменений, встреченное в английском тексте, оно на первый взгляд не сохранило написания, характерного для германизмов, так же как и вероятное произношение слова стало более «нейтральным», и наверняка внешне похожее слово могло возникнуть и в диалектах, формирование которых проходило без влияния немецкого или других германских языков, носители которых жили на территории США. Это лишило смысла попытки поиска похожих слов в словарях немецкого языка, поскольку, кроме не подтвержденного ссылками указания на происхождение слова (в основном в кулинарных статьях), немецкое происхождение ничем не доказывалось. Благодаря тому, что вероятность сохранения основного лексического значения в процессе заимствования для рассматриваемых диалектизмов довольно-таки высока, предположение о том, что искомое верхненемецкое слово стоит искать среди синонимов слова *Junge* (мальчик), было достаточно обоснованным. В результате скорее методом исключения были выделены два слова, которые могли когда-то, будучи в употреблении как в Европе, так и на территории США, совпадать по форме и семантике с сегодняшним *bova* в пенсильванских английском и немецком языках: *Bub* (используется на юге Германии, в Австрии и в Швейцарии) и *Vübel* (используется в Баварии и Австрии). Оба слова в современном языке характерны для разговорной речи. Чтобы продолжить поиск конкретной «вывезенной» за океан формы слова, необходимо было обратиться к этимологии рассматриваемых слов современного немецкого, поскольку такие значительные различия в формах слов с крайне небольшой вероятностью являются результатом изменений слова в процессе развития пенсильванского диалекта немецкого языка, в большинстве подобных случаев наблюдается противоположное явление: в языковой среде эмигрантов большее число лексических единиц либо остаются без изменений, либо претерпевают менее значительные изменения по сравнению с изменениями в словах в исходной языковой среде, произошедшими к некоторому моменту после разделения.

К сожалению, данных о диахронических изменениях слова *Vübel* найти не удалось, вероятно, по причине относительно невысокой частоты употребления. Согласно статье в словаре *Duden*, посвященной слову *Bub*,

в средневерхненемецком языке ему соответствовало *buobe*. Однако для не вызывающего сомнений результата необходимо более узкое исследование проблемы в рамках отдельной работы. А здесь стоит отметить, что помимо исторической формы, напоминающей современное диалектное слово, есть предположение, что современные слова *boova* и *Vub* произошли от одного и того же слова, не сохранившего свою форму до настоящего времени. *Vübel* специфичен для баварского диалекта, а понимание речи баварцев непростая, а порой и не всегда выполнимая задача даже для немцев, проживающих на территориях других административных округов ФРГ. Немцы, населившие территорию штата Пенсильвания, вряд ли могли употреблять более распространенное слово, которое на своей «родине» постепенно превратилось в современный довольно-таки ограниченный по территории употребления диалектизм. Напротив, слово *Vub* достаточно часто встречается в речи, чтобы войти в список лексики, знание которой может понадобиться для успешной сдачи ряда экзаменов на получение международного сертификата, подтверждающего определенный уровень знания немецкого языка.

А вот второй элемент названия *boova shenkel* (*bova shankel*) не вызывает никаких сложностей при поиске соответствующего слова в верхненемецком языке. В современном языке *Schenkel* означает «бедро», однако в средневерхненемецкий период аналогичным по форме словом обозначалась собственно нога. В то время как в верхненемецком языке значение сузилось, в языках штата Пенсильвания семантика исходного слова осталась без изменений, и влияние английской орфографии на форму слова не препятствуют тому, что при наличии определенных знаний немецкого языка слово будет легко узнаваемо в англоязычном тексте, хотя и не полностью совпадает по значению с современным *Schenkel*.

Ниже приведены аналогичные примеры из других статей.

Kriebel feasted on **lattwaerrick mit schmierkees** (apple butter and cottage cheese)... [2]

A main course of **gabacke sunkefleesch** (baked ham) and **gebacke hinkel schenkel** (chicken legs) was complemented by such Pennsylvania Dutch delicacies as **sauere kuddlefleck** (tripe) and **salat mit seid eschpeck brie** (lettuce with hot bacon dressing). [4]

Translating the main course, **gabacke sunkefleesch und gebacke hinkel schenkel**, should have earned them an A. That's baked ham and baked chicken legs, by the way. The sides included **grumbeerefilse weiskann** (potato filling) with **dunkes** (gravy) and **grautzelaat mit rahm** (creamed cabbage) [1].

Рассмотренные примеры характерны именно для пенсильванских диалектов, и за пределами штата не будут понятны другим носителям ан-

глийского языка, за исключением тех, чья деятельность связана с соответствующими познаниями в кулинарии или традиционной кухне.

Далее будет рассмотрено одно из особенно распространенных названий.

“Bratwurst” – немецкое название сосисок для обжарки на сковороде или на гриле. Это слово есть не только в английском и немецком языках, но и в русском («братвурст»). Оно произошло от древневерхненемецкого *Brätwurst*, где *brät-* обозначало «тонко нарезанный» и «Wurst» – «сосиска», хотя сегодня компонент “brat-“ ассоциируется с глаголом “braten” (“жарить”) [5]. На севере США вместо “bratwurst” чаще говорят “braht” или “brat” [6].

A few old-fashioned butchers and markets in and near Sheboygan make their own **brats**. [7]

Шебойган – один из городов, где проживает значительное число немцев и влияние немецкой культуры распространяется в том числе и на язык остальной части населения. Кроме того, в этом городе *братвурст* особенно популярен, что, видимо, и привело к изменению в слове по причине его частого использования, и в посвященной этому статье употребление именно «северного» варианта слова помогает передать культурный колорит.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. В газетных статьях можно встретить диалектные германизмы, связанные с культурно специфическими реалиями в жизни немецкого населения. Особенно часто можно встретить названия блюд, которые относят к традиционной кухне штата Пенсильвания.

По сравнению с современным верхненемецким языком в рассмотренных примерах семантика осталась без изменений, в то время как орфография и произношение отражают влияние английской орфографии и фонетических особенностей.

Современные, лишь незначительно различающиеся по форме слова верхненемецкого языка и американские диалектизмы могут различаться по своей семантике, поэтому эти германизмы могут не только поставить в тупик носителя английского языка, не знакомого с данной лексикой, но и сыграть роль «ложных друзей переводчика» для читателя, который владеет в некоторой степени современным немецким языком, в результате чего узнает знакомые внешне слова и делает ошибочные выводы относительно их лексического значения.

В том случае, когда изменения формы слова приводят к трудностям при поиске исходной формы, используя не только данные этимологических статей, но и учитывая примерное время заимствования, частоту употребления и территориальное распространение как в момент образования

новой языковой среды, определяющей параллельный путь развития слова, отличный от наблюдаемого у того же слова в исходной среде, так и в современных языках, возможно сделать предположения о происхождении анализируемого диалектизма и выделить наиболее вероятное. Однако для получения более точных результатов необходимо отдельное исследование более узкой направленности.

Возникшие при анализе трудности доказывают практическую важность своевременного проведения исследований такого плана, по возможности более глубоких и охватывающих значительное число лексических единиц, пока представляется возможным проследить этимологию слов без затруднений и получить достоверные результаты.

Список использованной литературы

1. Devlin R. Dialect spoken, and that's no tripe // Reading Eagle (Reading PA), April 16, 2007. URL: <http://readingeagle.com/Article.aspx?id=30412>
2. Rosenberger H. T. The Pennsylvania Germans: 189—1965. Lancaster, PA : Pennsylvania German Society, 1966. P. 194—199.
3. Posten R. B. 'Boys legs' a rare and tasty dish here in Berks // Reading Eagle (Reading PA), February 16, 2010.
4. Devlin R. At annual Berks County Fersommling, tradition is served with each course // Reading Eagle (Reading PA). April 6. 2010.
5. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / bearbeitet von Elmar Seebold. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2001.
6. Houston G. Dictionary of American Regional English. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002.
7. Apple R. W., Jr. The Meat That Made Sheboygan Famous // The New York Times, June 5, 2002. URL: <http://www.nytimes.com/2002/06/05/dining/the-meat-that-made-sheboygan-famous.html>

Катерина Шуляковская,

куратор курса русского языка как иностранного, Лаудиус Академия,
Германия, г. Штрелен, k.shuliakouskaya@gmail.com

Леонид Хаёт,

кандидат технических наук, консультант Службы помощи,
Германия, г. Берлин, chef47@mail.ru

УДК 159.9:81

Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов

Аннотация. В статье рассмотрены процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов, описана миграция как фактор мультилингвизма, показаны особенности многоязычия в условиях миграции, рассмотрено взаимодействие языков, которыми владеет индивид. Описаны методы исследования многоязычия, приведена классификация ситуаций миграции, обуславливающих структуру полилингвальности. Приведены конкретные примеры, описана динамика показателей многоязычия.

Ключевые слова: миграция, многоязычие, идентичность, трансформация идентичности, деформации языка.

Katsiaryna Shuliakouskaya

Author of the online Russian language course for foreigners and e-learning coach,
Laudius Academy, Straelen, Germany, k.shuliakouskaya@gmail.com

Leonid Khayet

Doctor of technical Sciences, consultant, Help Care, Berlin, Germany,
chef47@mail.ru

Transformation process of language and psychological identity of immigrants

Abstract. The article discusses the processes of transformation of the linguistic and psychological identity of immigrants, describes migration as a factor of multilingualism, shows the features of multilingualism in the conditions of migration and considers the interaction of languages held by the individual. Methods of multilingualism research are described and a classification of migration situations that determine the structure of multilingually is given. Specific examples are given, and the dynamics of multilingualism indicators is described.

Keywords: migration, multilingualism, identity, identity transformation, language deformations.

В современном мире феномен многоязычия (мультилингвальности) стал важным фактором национального и глобального развития [1; 2; 3; 4; 5]. Согласно М. Хаскельбергу, 75% населения земного шара владеют двумя или более языками. Около четверти стран официально признают два языка на своей территории, несколько стран – три и более, но фактическое количество функционирующих языков существенно больше [2].

Многоязычие является ответом на противоречие необходимости сохранения многообразия языков, культур, наций, конфессий и цивилизаций, интенсификации обмена информацией и согласования всё возрастающего объёма решений на уровне индивидов, малых и больших групп, государств и транснациональных организаций. Возникновение многоязычия всегда было в значительной мере управляемым через систему образования, а сегодня ещё и через Интернет и иные информационные технологии. Классический пример – распространение латыни в средневековой Европе через сеть католических (в большинстве иезуитских) учебных заведений.

Мультилингвы – люди, владеющие несколькими языками, имеют когнитивное преимущество над монолингвами по параметрам когнитивной и поведенческой гибкости, аналитических и металингвистических способностей.

Согласно теории лингвистического релятивизма Сепира – Уорфа язык, на котором говорит индивид, оказывает влияние на его восприятие мира и собственной личности [5]. Практический опыт убеждает в справедливости положений лингвистического релятивизма, особенно в ситуации взаимодействия индивидов, принадлежащих к различным языковым общностям. Доказательством справедливости этого принципа является и успешное применение в психотерапии (например, в НЛП) изменения языка человека для изменения его психологических установок.

Это положение может быть интерпретировано также и в том смысле, что мультилингвы имеют размытую или расщеплённую идентичность. Если принять структуру личности как совокупность некоего набора субличностей, то каждой из этих субличностей могут быть сопоставлены некий «язык» (даже при общности языка в лингвистическом смысле) и картина мира. Для мультилингвов очевидно соответствие каждого из языков, которым владеет индивид (даже на невысоком уровне языковой компетенции), определённым личностным характеристикам соответствующей субличности.

По своей этиологии многоязычие имеет два варианта: первичное, «врождённое», детское, параллельное [3; 4], и вторичное, приобретённое, позднее, последовательное [6]. Первый вариант обусловлен полилингвальной языковой средой развития ребёнка. Подобная среда характерна,

в частности, для многоязычных горных регионов – Альпы, Кавказ и т. п. Мы наблюдали группы детей в Тбилиси и Баку, легко объяснявшихся с ровесниками на 2–5 языках без всякого специального обучения.

Второй вариант многоязычия обуславливается процессами обучения и миграции. Сегодня управляемая миграция стала одним из решающих факторов глобальных изменений, её оценки колеблются от восторженно позитивных у глобалистов [7; 8] до отчетливо негативных у традиционалистов [9]. По оценкам ООН, к середине 2019 г. в мире насчитывалось 272 млн мигрантов, что вдвое больше, чем в 2000 г. Приведенные цифры отражают лишь легальную миграцию, а методы учёта численности мигрантов являются весьма несовершенными и субъективными [8]. Из России с 1916 по 2018 г. уехали 13 млн чел., в том числе 8 млн – за годы горбачёвской «катастрофы» [6, с. 415].

Феномен миграции является одним из наиболее актуальных, активно исследуемых и обсуждаемых в современной науке [6; 7; 8; 9]. Ввиду остроты идеологического противостояния большинство публикаций по теме миграции являются политически ангажированными, в силу чего часто не могут быть восприняты научным сообществом как объективные.

К. Оберг выделяет 6 аспектов «культурного шока» мигрантов: повышение напряжения из-за дополнительных усилий по психологической адаптации; чувство потери, утраты, лишения окружения, привязанностей и социального статуса; чувство отверженности из-за неспособности установить контакты в новом культурном окружении; срыв, сбой из-за межкультурных различий в ценностях и стереотипах поведения; общая тревога из-за осознания различий своей и чужой культуры; чувство неполноценности из-за неспособности понять чужую культурную среду [6, с. 420].

Как неизбежные компоненты тяжёлой психической травмы, сопровождающей миграцию, Н. С. Хрусталёва рассматривает ностальгию, утрату социального статуса и чувства собственной значимости, нарушение Я-концепции и представлений о самом себе, нарушение самоидентификации, чувство вины, деформированную картину мира [6, с. 424].

Дж. Берри выделяет 4 стратегии, схемы «аккультурации» иммигрантов: маргинализация (схема 00 – отказ от всякой культуры, десоциализация), ассимиляция (01 – отказ от родной культуры и языка), сепарация (10 – отказ от чужой культуры), интеграция (11 – принятие своей и чужой культуры) [6, с. 417]. С. Боккер называет иммигрантов, принявших эти стратегии, «маргиналами» (00), «перебежчиками» (01), «шовинистами» (10) и «посредниками» (11) [6, с. 420]. В нашем опыте мы наблюдали все эти 4 варианта интеграции иммигрантов.

В индивидуальном аспекте с момента попадания в иную социальную среду в психике индивида начинают происходить нелинейные немонотонные

тонные многомерные переходные процессы, продолжающиеся всю жизнь и охватывающие минимум 3 поколения мигрантов и их потомков [6]. Еще более усложняются адаптационные процессы с учётом наличия разнообразных групп и сообществ мигрантов, так как здесь обнаруживается совокупность противоположно направленных факторов: стремление к ассимиляции и интеграции в общество, к достижению социального успеха – и в то же время стремление к языковому, этническому и конфессиональному обособлению, формированию замкнутых общин и территориальных анклавов (США, Франция, Германия) [9].

Среди этих процессов ключевое значение имеют сложные многофакторные нелинейные процессы трансформации идентичности мигранта [6]. Наиболее важными аспектами идентичности мигранта являются его языковая [1; 3; 10; 11] и психологическая [12; 13] идентичности. Так, естественные процессы старения и тем более различные заболевания (болезнь Альцгеймера) и травмы (утрата близкого) иногда приводят к возвращению использования родного языка, на котором человек не говорил 40–50 лет (из нашего опыта).

Динамика изменения языковой идентичности мигранта включает совокупность прогрессивных (улучшение владения новым языком), регрессивных (утрату владения языком, потерю навыков его использования) и субтрактивных (замещение родного языка новым языком, освоенным индивидом) процессов.

Процессы, которые начинаются после миграции значительной массы людей в иноязычную и инокультурную среду, весьма сложны и разнообразны. В процессе обучения рассеивание характеристик учащихся снижается [14], аналогичные процессы иногда протекают и при адаптации иммигрантов при интенсивном взаимодействии со средой (учёба или работа в иноязычной среде).

Однако часто наблюдается и противоположный процесс – увеличение рассеивания со временем, когда худшие ещё больше отстают, а лучшие ещё больше вырываются вперёд, что показано на рисунке (см. рисунок). К сожалению, в условиях, когда худших лишь поддерживают на минимальном уровне и не обеспечивают им возвращение к среднему уровню (а именно такая схема всё больше принимается на вооружение), рассеивание характеристик со временем увеличивается. Более того, распределение характеристик деформируется, дрейфуя от нормального закона к закону Вейбулла – Гнеденко (здесь не рассмотрен).

При исследовании процессов адаптации обычно рассматривают лишь изменение характеристик сообществ мигрантов, что нарушает принципы системного подхода. Такое рассмотрение имело право на существование, когда доля пришлых была ничтожной – дипломаты, торговцы,

шпионы. Сегодня в большинстве европейских стран доля мигрантов сопоставима с долей коренного населения, поэтому такой подход искажает реальную ситуацию.

Для получения полной картины необходимо рассмотреть изменения в обеих взаимодействующих общностях, то есть взаимную языковую адаптацию мигрантов (М) и автохтонов (А). Что касается изменения среднего уровня знания языка, языковой компетентности этих общностей, то они могут развиваться в соответствии с одной из трёх возможных моделей (см. рисунок):

а) модель притяжения, сближения, смешивания, взаимного приспособления, растворения собственной идентичности в общей. Она приводит к снижению общего коэффициента вариации показателей в процессе взаимодействия. Идеологи глобализации именно эту схему считают благоприятной («борщ и чай в одной посуде»). Давление на русских мигрантов часто приводит к реализации именно этой модели;

б) модель отталкивания, взаимного разведения и дистанцирования, инкапсуляции и укрепления собственной идентичности (справедлива для большинства мусульман в Европе);

в) модель индуцированного расщепления, раскола («Spaltung») каждой из взаимодействующих языковых общностей.

Модель разведения сообществ (см. рисунок б) часто возникает под действием системных законов. Как в России, так и в Германии с интенсификацией управляемой иммиграции всё более развивается американская модель адаптации: каждое из этнических сообществ занимает свою специфическую социальную нишу.

Действие такой модели приводит к дальнейшему увеличению социального неравенства, что негативно сказывается на процессах адаптации иммигрантов.

Часто взаимодействие двух различающихся общностей приводит к их расколу, расщеплению на сторонников и противников объединения и слияния (см. рисунок в). Так, в последние годы все немецкие СМИ с огорчением констатируют, что «партии власти», «партии центра», несмотря на огромный административный ресурс и международную поддержку, теряют свои позиции, а правые и левые «популисты» всё увеличивают свою долю на выборах. На глазах происходит политическая и идеологическая поляризация немецкого общества, причём камнем преткновения является в первую очередь политика иммиграции. Аналогичные процессы происходят в сферах экономики и культуры, что с учетом реципрокности не может не сказываться на процессах трансформации психологии иммигрантов и их сообществ.

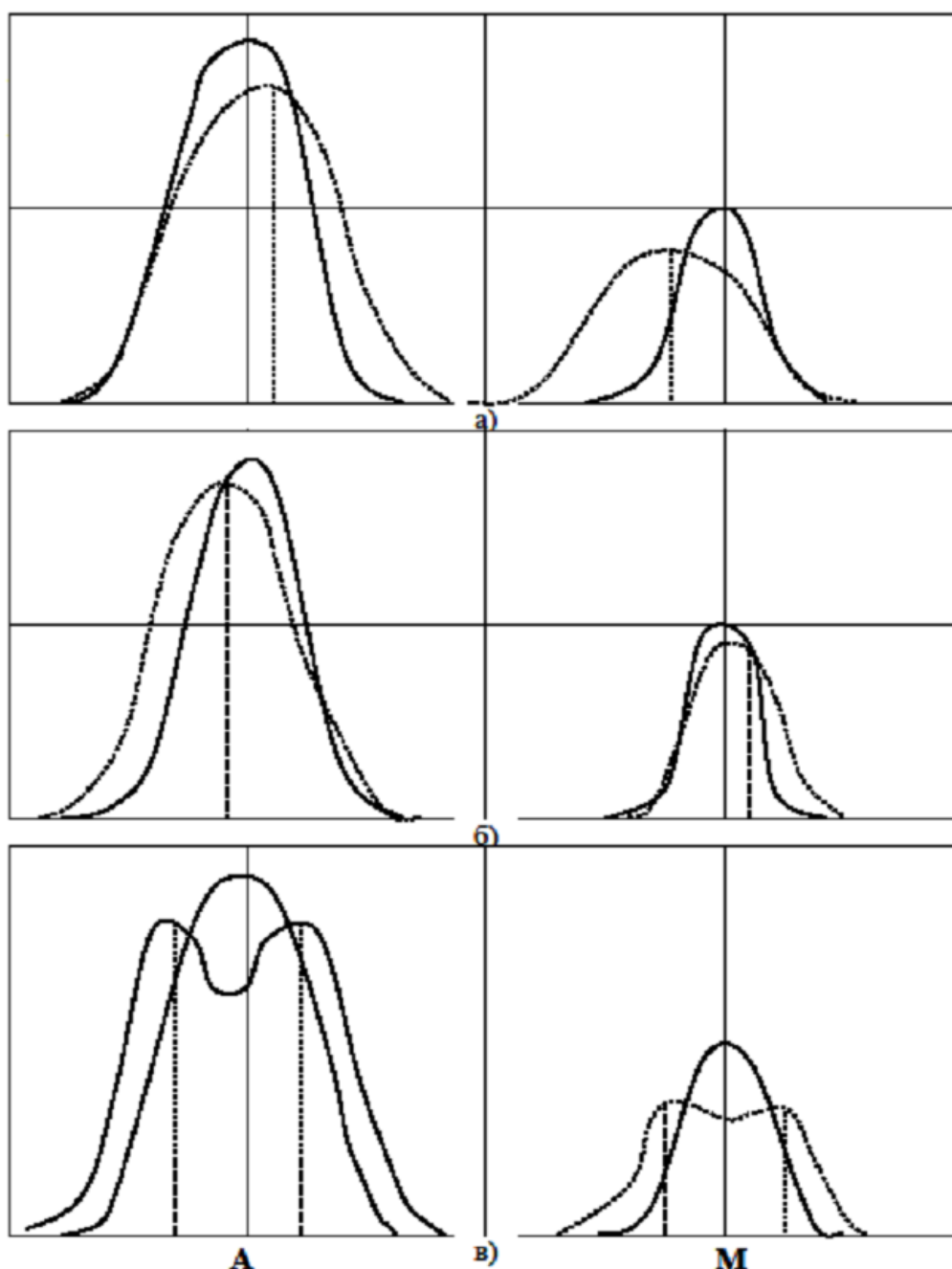

Рис. Модели языковой адаптации мигрантов (М) и автохтонов (А).

а) модель смешивания, взаимного приспособления, растворения идентичности;

б) модель разведения, инкапсуляции, укрепления идентичности;

в) модель индуцированного расщепления взаимодействующих языковых общностей. По горизонтали – степень языковой идентичности, по вертикали – плотность вероятности распределения идентичности. Сплошные линии – исходное состояние, пунктирные – конечное

Таким образом, указанные модели языковой трансформации могут быть распространены и на иные сферы адаптационных процессов – психологическую, эстетическую, социальную, экономическую адаптацию и т. п. Важным и малоизученным вопросом является соотношение и взаи-

модействие процессов трансформации языковой и психологической идентичности мигрантов, особенно в свете положений лингвистического релятивизма. Прояснение этого вопроса обеспечивает основания для более надёжной диагностики и обеспечения позитивных трансформаций сообществ мигрантов.

Одной из ключевых проблем глобальной трансформации человека и общества является вопрос идентичности индивида. Об этом – знаменитые «вопросы ночного сторожа» по А. Шопенгауэру: «Кто ты? Откуда ты? Куда ты идёшь?», – который считал их главными вопросами философии. Понятие идентичности соотносится с понятиями единства, монолитности, аутентичности, позволяющими описать одни явления как отграниченные от других [12].

Можно считать, что идентичность индивида включает в себя (в нестрогом порядке повышения общности) следующие группы: возрастную, телесную, физиологическую; половую, полоролевою, психосексуальную; личностную, персональную, психологическую; семейную и родовую; профессиональную, «цеховую» и социальную; национальную, этническую, языковую, страновую; конфессиональную, религиозную; цивилизационную, идеологическую, мировоззренческую, духовную.

Трансформации психологической идентичности плохо выявляются с помощью батарей различных тестов-опросников, так как на их результаты сильно влияет стремление к демонстрации социально одобряемого поведения, принимающее особенно выраженные формы у мигрантов. Глубокие личностные изменения можно выявить с помощью проективного тестирования при выполнении творческих работ [15], однако эти методы не стандартизованы. Лучшие результаты, снимающие проблему социальной желательности, дают проективные тесты, хотя и являются более субъективными, так как на их результаты оказывает влияние личность интерпретатора [13].

Параметры психологической идентичности устанавливали по авторской методике, включающей контент-анализ результатов теста [13] и выявление маркеров идентичности различного модуля и направленности. Так, высказываниям «я русский», «я православный» приписывали значимость 1, «я работаю на немецкой фирме» – $-0,75$, учёбе, работе неполное время, общественной работе – $0,5$, посещению магазинов, клубов, концертов, дискотек – $0,25$, культурно-нейтральным высказываниям (я шатен, еврей, учёный, доктор наук, спортсмен) – 0 . По сумме маркеров определяли выраженность культурной (социальной, поведенческой) и психологической (осознаваемой и экспонируемой) идентичности, по их разности – её направленность. Схема 00 соответствовала низкой выраженности и направленности, 01 – средней выраженности и направленности «на чу-

жое», 10 – средней выраженности и направленности «на своё», 11 – высокой выраженности и низкой направленности, высокой полилингвальной компетентности.

Экспериментальная часть работы включала:

– подбор группы информантов с различной языковой идентичностью и различным уровнем языковой компетентности. Место постоянного жительства информантов – Берлин, основными исследуемыми языками были русский, украинский, белорусский, немецкий и английский. Меньше данных по испанскому, французскому, польскому языкам. Число языков, которыми практически владели информанты, колебалось от 2 до 7;

– предварительную оценку уровня языковой компетентности и языковой идентичности каждого информанта экспертным методом по биографическим данным. Уровень погружения информанта в языковую среду А оценивали по 5-уровневой шкале (0 – информант никогда не находился в среде языка А; 0,25 – находился в этой среде давно или небольшую часть жизни; 0,50 – примерно половину жизни; 0,75 – большую часть жизни; 1 – всегда находился в среде языка А). Сумму уровней погружения информанта во все его языковые среды считали равной единице;

– аудиозапись по одному монологу на каждом из языков, которыми владел информант, продолжительностью 5 минут. Монолог представлял собой свободный (не прерываемый репликами других лиц и иными звуками) рассказ информанта на языке А на тему «Моё последнее состоявшееся (если было) или ближайшее планируемое (если не было) путешествие в страну языка А» (для русского языка – в Россию, для белорусского – в Беларусь и т. п.);

– обработку аудиозаписей по предложенной методике для установления особенностей языковой идентичности информанта; сопоставление биографических особенностей, показателей языковой и психологической идентичности иммигрантов.

Соотношение между уровнями владения двумя или несколькими языками может быть весьма различным как количественно, так и качественно. По взаимовлиянию двух или более языков различают способы их использования:

– координативный, подразумевающий одинаково эффективное использование индивидом двух языковых систем, которые существуют в сознании билингва параллельно и не смешиваются при речевом общении;

– субординативный, при котором один из языков играет для индивида большую роль, при этом наблюдается значительная интерференция этого языка при использовании другого.

Накопленный опыт изучения взаимодействия различных языковых систем из славянских, романских и германских языков показывает, что, к

сожалению, у подавляющего большинства мигрантов преобладает субординативный способ. Кроме того, возникает проблема нивелировки, вплоть до потери языковой идентичности у мигрантов первых трёх поколений. Важно выявить пути лингвистической компенсации утраты языковой идентичности.

В качестве метода установления языковой идентичности информантов был выбран лингвистический анализ монологов на основных уровнях языка: фонетическом, морфологическом, на уровне синтаксических структур, лексико-фразеологического состава монологов. В рамках фонетического анализа учитывали также орфоэпические особенности монологов. В морфологическом анализе особое внимание уделяли грамматической правильности речи и взаимовлиянию активных языков информантов. На лексическом уровне анализа наиболее ярко выражено взаимопроникновение языков и разрушение их целостности. В ходе анализа устанавливали различия в развитии активных языков информантов в зависимости от путей их изучения и сфер использования.

Интонация в лингвистике описывает различные особенности просодии (система фонетических средств, дополнительная по отношению к основной артикуляции звуков и не выделяющаяся при членении речи на фонемы). В фонетике под интонацией понимают воспринимаемое временное изменение высоты тона внутри слова (мелодия слова), предложения (мелодия предложения) или законченного отрывка речи (речевая мелодия) [10; 11].

Таблица

Классификация элементарных ситуаций изменения языковой идентичности для двух языков – родного и иностранного

№ ситуации	Факторы ситуации изменения языковой идентичности				Условное обозначение уровня языковой идентичности	
	Изучение иностранного языка	Переезд в страну иностранного языка	Утрата исходной языковой идентичности	Утрата контакта с носителями родного языка	Для родного языка	Для иностранного языка
1	Нет	Нет	Нет	Нет	1,00	0,00
2	Есть				Есть	Есть
3		Есть	Есть	0,50		
4				Есть	Есть	0,25
5		Есть	0,00			1,00

Приведенные ниже примеры являются типичными для мигрантов, язык которых отражает базовые процессы сдвига языковой идентичности. По статистике ООН, 12,2% мигрантов едут в Германию; страной проис-

хождения 10,6% иммигрантов является Россия [7; 8], поэтому приведенные данные отражают типичную картину изменения идентичности мигрантов.

Пример 1

Информант X живет 18 лет в Германии, владеет русским, пассивно белорусским, в течение 5 лет изучал немецкий язык на языковых курсах. Информант достаточно хорошо интегрирован в немецкое общество, 16 лет работает в немецкоязычной среде. Несмотря на это, уровень немецкого при тестировании получал результаты максимум B1 по европейским языковым стандартам. Информант субъективно оценивает своё владение языком как недостаточное по причине отсутствия или неиспользования источников информации на немецком, недостатка языковой практики в неформальной среде. Анализ интервью на немецком выявил значительное влияние русского и белорусского языков на всех языковых уровнях.

На фонетическом уровне выделяется типично славянское /p/, даже на конце слов. Например, *sehr, für, immer, Schwester, oder, interessant* и т. д. Информант явно не различает длинные и короткие гласные, так как это различие не присутствует в его родных языках. Так, например, в *sehr, Schneewittchen, spazieren* длинные гласные произносятся кратко. Нерегулярно используются умляуты, не характерные для славянских языков, как в *zurück* (без умляута, с сильным, твёрдым/p/). Встречается смягчение согласных, характерное для русского языка, особенно смягчение /л/. Например, *Schloss* как /шлѐс/.

На уровне просодики можно заметить неуверенность информанта. Используются, преимущественно, повествовательные предложения. Однако большинство их интонационно не завершены, оборваны, имеют паузы и остановки в своей структуре. Часто сложно выделить границы предложений. Информант часто делает паузы на обдумывание дальнейшего развития мысли/предложения.

...unten diese Fluss – bisschen laut diese Fluss...

...für mich wie Märchenland – sehr super...

Грамматика текста сильно подвержена влиянию русского языка. Среди типичных морфологических модификаций следует отметить практически полное отсутствие артиклей. Как известно, русский язык артиклей не имеет. Редко, но встречается неопределенный артикль: «...ein Film gemacht...», «...diese eine Fluss...».

Ни существительные, ни прилагательные в интервью не склоняются, так как пропущены артикли, окончания информантом опускаются, используется спорадически короткое /э/. Системы рода и склонения кардинально различаются в немецком и русском языках. Информант не уверен в

верности формы слова, поэтому предпочитает нейтральное окончание либо не склоняет слово вовсе:

«...diese Ritter schloss», «in der Nähe bei Autobahn», «mit Auto gefahren», «meine Schwester mit Freund...».

Формы степени сравнения прилагательных встречаются редко и используются некорректно, заметно, что это сложно для информанта: «...sehr schönste Schloss...».

Под влиянием русской системы глагольных времён информант редуцирует немецкую систему глагольных времён, используя только настоящее время и перфект. Единственный глагол в имперфекте – это глагол sein(быть): «...war bei Schloß...», «... bisschen schwierig war erste Mal...».

Немецкий глагольный перфект часто сокращается до формы основного глагола, служебный глагол опускается. В этом можно также заметить влияние русской формы прошедшего времени, состоящей только из формы основного глагола. Информант не использует остальные немецкие глагольные времена, также избегает сослагательных форм в немецком языке:

... mit Auto ein fach gefahren...

... bisschen gesucht und gefunden...

... ich hab' erste Gäste... (здесь опущен основной глагол, речь идёт о прошедших событиях)

Предлоги используются часто некорректно, информант не уверен в своём выборе предлога. В некоторых случаях информант вообще избегает использовать предлоги:

...ein Film gemacht für Schneewittchen... (должно быть über) ...

...in der Nähe bei Autobahn...

...war bei Schloß... (имеется в виду «был в замке»).

Синтаксис интервью также демонстрирует значительное влияние русского языка. Синтаксическая структура русского языка является достаточно свободной, что информант переносит и в немецкий текст, ломая строго определённые немецкие структуры фраз. В настоящем времени часто опущены глаголы-связки, что также свидетельствует о влиянии русского языка:

...Diese Style – sehr super für mich...

...1400 angefangen irgendwo...

...Jeden welche Besitzer bisschen besser baut, so und so...

...Diese große Schloss sehr interessant und nicht so schwierig finden...

Как видим, в большинстве отсутствует согласование подлежащего и сказуемого, определения и определяемого слова. Информант прилагает большие усилия при формировании предложения, упуская согласование членов предложения.

Предложения в тексте короткие, мало развитые, наблюдается тенденция к простым предложениям либо к очень коротким сложноподчинённым предложениям. Часто из-за размытой синтаксической и интонационной структуры текста сложно выделить границы предложений.

Лексический запас информанта ограничен, поэтому в тексте много повторений, практически отсутствуют синонимы. Не всегда информант правильно использует слова: *spazieren* вместо *laufen*, *irgendwo* вместо *ungefähr*. Постоянно повторяются эмоциональные *interessant*, *super*, *gut*. Отсутствуют риторические приемы, использовано одно сравнение на весь текст («...für mich wie Märchenschloss...»).

В русском интервью влияние немецкого языка присутствует незначительно. На фонетическом уровне модификаций языка не выявлено, хотя информант проживает в Германии более десяти лет. Этот факт также говорит о слабой интеграции информанта в немецкое языковое пространство. Кроме того, в произношении выявляются черты белорусской фонетики. Так, информант регулярно произносит /што/, типичное для белорусского языка, фрикативное /г/, также характерное для белорусского языка. В языке нет редукции гласных, безударные /о/ произносятся как открытые /а/. Например, /атлична/, /павел/, /сильна/ и т. д. Встречается типичное для белорусского языка протетическое ассимилятивное смягчение /с/ (/гасьтаница/, /сьняли/).

На морфологическом уровне явных ошибок, вызванных влиянием немецкого языка, нет, но можно отметить типично немецкие предложные конструкции «документы на визы», «люди... без проблем», «путешествовали до цели». Синтаксический и лексический уровни практически не имеют модификаций, хотя встречается вкрапление «немножко было авантюринг», которое свидетельствует о глубоком смешении двух языков.

В целом можно говорить об неустойчивой языковой идентичности информанта. Информант за более чем десять лет проживания в Германии не приобрёл устойчивой второй, немецкой, языковой идентичности и постепенно теряет свою исходную идентичность.

Пример 2

Информант У живет в Германии 17 лет, владеет русским, украинским и немецким языками, интегрирована в немецкое общество, работает в немецкоязычной среде. Сама информант оценивает свою степень владения немецким языком как недостаточную для коммуникации, в ходе интервью она не в состоянии была долго поддерживать своё повествование на немецком языке. В интервью на русском и украинском информант также не смогла выдержать рамок одного языка. Особенно сильно это прослеживается в интервью на украинском, где мы находим фрагменты украинского, русского, немецкого языка и южных белорусских диалектов.

Так, в изначально украинском тексте мы находим немецкие выражения, ставшие для информанта своего рода фразеологизмами:

...балакаюць на расийскай мове letzte Jahre...

...горилку dazu...

...дуже zufrieden...

Подобные псевдофразеологизмы типичны не только для информанта, но и для множества иммигрантов, постепенно теряющих свою языковую идентичность. Они перестают быть уверенными носителями родного языка, но не становятся в то же время твёрдыми носителями языка новой страны. Этот факт подтверждает и использование языковых дуплетов. Информант в соседних предложениях использует слова из разных языков с одинаковым значением.

... Ходзили в кирху / дужэ багато цэрквей...

...немецких лопчык / deutsche хлопчык...

...ён will / ён хоча...

В украинском тексте мы находим немецкие грамматические признаки, что свидетельствует о разрушении глубинных структур языка: «in городе балакаюць», «ён hat сказау». На фонетическом уровне влияния немецкого языка нет, но отчётливо прослеживается влияние южного белорусского диалекта. Это типичное белорусское аканье (хадзили, багато, хоча), мягкое /дз, ц/ (хадзили, жыць).

В итоге проведенной работы:

– предложены модели взаимной адаптации взаимодействующих языковых общностей, показано их соответствие реальным процессам;

– предложены и практически опробованы количественные методики выявления психологической и языковой идентичности мигрантов;

– показана высокая степень соответствия показателей психологической и языковой идентичности мигрантов и справедливость лингвистического релятивизма.

Список использованной литературы

1. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Директ-Медиа, 2014. 260 с.

2. Сагиева А. Т., Салимгерей З., Байсеитова М. Мультилингвизм как социокультурный феномен в системе образования Казахстана // Proceedings of the International mediaconference of Association «Society for Academic Activity» (Serbia), November-December, 2019. Nis, Serbia. P. 235–242.

3. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.

4. Bialystok E. Language processing in bilingual children. Cambridge : University Press, 1991. 251 p.

5. Grosjean F. Life as a bilingual: the reality of living with two or more languages // *Psychology Today*. 2011.
6. Психология кризисных и экстремальных ситуаций / под ред. Н. С. Хрусталёвой. СПб. : СПбГУ, 2018. 748 с.
7. Статистика миграции: откуда и куда переселяются люди. URL: <https://theworldonly.org/statistika-migratsii/>
8. Щербакова Е. М. Международная миграция по оценкам ООН 2019 года // *Демоскоп Weekly*. 2019. № 835-836. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0835/barom01.php>
9. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 373 S.
10. Möbius B. Ein quantitatives Modell der deutschen Intonation. Analyse und Synthese von Grundfrequenzverläufen. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1993.
11. Taylor P. A. A Phonetic Model of the English Intonation. Bloomington : Indiana University Linguistics Club, 1994. 206 p.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
13. Kuhn M. H., McPartland T. S. The Empirical Investigation of Self-attitude // *American Sociological Review*. V. 19. 1954.
14. Summers D., Utemissova G. Educational challenges and their impact on the functional literacy of primary schoolchildren // *Proceedings of the International media conference of Association «Society for Academic Activity» (Serbia)*, November-December, 2019. Nis, Serbia. P. 21–31.
15. Khayet L. Le don entant que rituel et entant que concept en art-thérapie // *Arts Thérapies et Rituels. Revue annuelle de la Fédération Française des Art-Thérapeutes*. Paris : FFAT, 2018. P. 97–106.

II. Русское зарубежье: историческая память и художественный опыт. К 100-летию Русского (Крымского) исхода

Юлия Евгеньевна Павельева,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Россия, г. Москва, up1469@yandex.ru

УДК 82-94

«Никогда мне эта чаша горше не была, чем из Крыма...» (Крымский исход на страницах Всероссийской мемуарной библиотеки)

Аннотация. А. И. Солженицын дважды обращался к русским эмигрантам с просьбой подготовить воспоминания о событиях 1917–1922 гг. Эти воспоминания положили начало созданию богатейшей архивной коллекции. Коллекция насчитывает более 2000 рукописей и составляет Фонд № 1 Дома русского зарубежья. Рукописи, ставшие основой Всероссийской мемуарной библиотеки (ВМБ), издавались в «YMCA-Press» и «Русском пути». Среди материалов ВМБ были опубликованы воспоминания участников Крымского исхода.

Ключевые слова: Крымский исход, А. И. Солженицын, воспоминания эмигрантов, архив Дома русского зарубежья, Всероссийская мемуарная библиотека.

Yulia Pavelieva

Candidate of Sciences in Philology, Leading Researcher of House of Russian abroad
named after Alexander Solzhenitsyn, Russia, Moscow, up1469@yandex.ru

I've never had this cup more bitter than from Crimea... (Crimean Exodus on the pages of All-Russian Memorial Library)

Abstract. A.I. Solzhenitsyn twice asked Russian emigrants to prepare memoirs of the events of 1917–1922. These memories marked the beginning of the creation of a rich archive collection. The collection contains more than 2,000 manuscripts and is the Foundation Number 1 of the House of Russian abroad. The manuscripts that became the basis of the All-Russian Memorial Library (ARML) were published in “YMCA-Press” and “Russky put”. Among the materials of the ARML were published memoirs of participants of the Crimean Exodus.

Keywords: Crimean Exodus, A. I. Solzhenitsyn, the memoirs of emigrants, archive of House of Russian abroad, All-Russian Memorial Library.

В Доме русского зарубежья, носящего имя одного из своих основателей – А. И. Солженицына, собрана богатейшая коллекция документов, открывающая перед исследователями мир русской эмиграции. Определяющими моментами для создания этого собрания стали два призыва нобелевского лауреата к людям, познавшим судьбу изгнанника: «Обращение к русским эмигрантам, старшим революции» (1975) [1, с. 315–317] и «Всероссийская мемуарная библиотека. Обращение к российским эмигрантам» (1977) [2, с. 471–473].

Главный библиотекарь Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ) Н. А. Егорова, рассказывая о формировании архивного фонда, отмечает следующее: «А. И. Солженицын, высланный из СССР в 1974 г., дважды обращался к соотечественникам, живущим за рубежом, с призывом присылать ему свои воспоминания о жизни в России до эмиграции для изучения и последующей передачи на родину. Из разных стран было получено около 1 000 рукописей. Присланные материалы, дополненные впоследствии воспоминаниями советских и российских граждан, были объединены во “Всероссийскую мемуарную библиотеку” (ВМБ). Рукописный фонд ВМБ составляет основу фонда № 1 архивного собрания Дома русского зарубежья. В настоящее время ВМБ включает в себя более 2000 рукописей и ежегодно пополняется» [3, с. 39].

О том, как создавалась Всероссийская мемуарная библиотека, вспоминала в феврале 2020 г. на открытии в ДРЗ выставки, посвященной возвращению архива А. В. Колчака, Н. Д. Солженицына: «Александр Исаевичу Солженицыну, 45 лет назад лишенному гражданства и высланному в изгнание, довелось послужить живым мостом через ров, глубокий ров разрубленной, раздвоенной исторической памяти...

Он поспешил обратиться к еще живым современникам Революции и Гражданской войны с призывом – хранить семейные архивы, каждую строку и каждый предмет, чтобы свидетельства роковых лет России не ушли вместе с ними бесследно, но сохранились бы для русской памяти» [4].

А. И. Солженицын, предваряя первую публикацию ВМБ, писал, что «некоторые присланные рукописи выделяются своей яркостью, даже увлекательностью, неожиданным углом зрения или описанием полностью утраченного ныне...» [5, с. 6]. Художественные достоинства архивов, увидевших свет, отмечал и еще один вынужденный изгнанник, поэт Ю. М. Кублановский: «...Читаешь превосходно написанные, остросюжетные тома Мемуарной Библиотеки и не устаешь удивляться: каким образом непрофессиональные авторы, собственно, впервые взявшие в руки перо, так мастерски им владеют и достигают такой степени выразительности и эмоционального напряжения, какие недоступны большинству современ-

ных беллетристов-профессионалов? <...> одной образованностью такого феномена не объяснишь...» [6, с. 10] Признанному поэту, отмеченному высокими профессиональными наградами, оказалось важно понять причины эстетического успеха писателей непрофессиональных – мемуаристов, откликнувшихся на призыв А. И. Солженицына. «...При всех изощренностях современной литературы, – приходит к выводу Ю. Кублановский, – она часто лишена подлинного “внутреннего сюжета”»: прозаик талантлив, но ему, в сущности, нечего говорить. А у наших рассказчиков сама судьба в ее непреложном и неизбывном трагизме является как бы формообразующей закваской повествования, захватывающего заинтересованного читателя и не отпускающего, пока не перевернешь последней страницы» [6, с. 10].

Многие рукописи Всероссийской мемуарной библиотеки были опубликованы в парижском издательстве «УМСА-Press» и московском издательстве «Русский путь».

Печатные публикации ВМБ начались с воспоминаний молодого участника Добровольческого движения Н. В. Волкова-Муромцева (на момент эвакуации ему было 18 лет). Книга, названная мемуаристом «Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920)», в 1983 г. издается в «УМСА-Press» [7], а в 1997 и 2016 гг. – в «Русском пути» [8 и 9 соотв.]. В рецензии на издание 2016 г. В. В. Леонидов, поэт и архивист, сотрудник ДРЗ, воссоздает историю публикации этих воспоминаний: «Когда Солженицын прибыл в Лондон, Волков-Муромцев отправился к нему в отель и предложил свою рукопись воспоминаний. Она была совершенно не готова к изданию. Наталия Дмитриевна Солженицына взялась за приведение ее в порядок, и в 1983 книга Н. В. Волкова-Муромцева открыла серию “Всероссийской мемуарной библиотеки”» [10, с. 377].

В 6-й части воспоминаний, озаглавленной «Белая армия», Н. В. Волков-Муромцев повествует о своей крымской эпопее. Картины, представленные в финальных главах: «Последние дни Деникина», «Врангелевское наступление», «Малая Каховка и Жеребец», «Последние бои. Эвакуация», – рисуют хронологию общей трагедии Русского исхода. Всеобщая усталость и удрученность отступающей Белой армии, чувство безнадежности, «кавардак отступления», страшные слухи, которые превращаются в правду, фантазмагория эвакуации (морской переход в Константинополь Н. В. Волков-Муромцев провел в тифозной горячке), а затем скитания по госпиталям союзников, относившимся к русским военным, попавшим на излечение, как «к хламу», который «высыпали им на голову», ужасающие условия содержания в Галлиполи и на Лемносе – все эти эпизоды мемуаров Н. В. Волкова-Муромцева воссоздают панорамное видение русского беженства [7, с. 396–423]. Не случайно В. В. Леонидов

так охарактеризовал первые воспоминания из серии ВМБ: «“От Вязьмы до Феодосии” кому-то могут напомнить “Доктора Живаго”. Мощное полотно вздыбленной страны, трагедия бесконечного горя и, в то же время, непоколебимая уверенность автора в будущем России» [10, с. 377].

Воспоминания о драматическом исходе из России, о крымской эвакуации в том числе, издавались в серии «Наше недавнее», редактором которой является Н. Д. Солженицына. Как совершенно справедливо заметила Т. В. Есина, одна из тех сотрудников, кто стоял у истоков открытия ДРЗ, а все последние годы жизни (Тамара Владимировна умерла в 2016 г.) неразрывно связанная с архивами Дома: «За каждым воспоминанием – конкретная судьба, неотделимая от исторических судеб России» [11, с. 69].

В серии «Наше недавнее» кроме уже названных мемуаров Н. В. Волкова-Муромцева опубликована книга А. А. Татищева «Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921)» [12]; а сборник «Добровольцы», объединяющий нескольких авторов, выдержал два издания: в 2001 и 2014 гг. [13 и 14 соотв.].

Важно отметить, что в ДРЗ осуществляется проект, благодаря которому исследователям и всем, кто интересуется историей русского беженства, становятся доступны «уникальные, никогда не публиковавшиеся рукописи из архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» [15]. На портале «Русский путь» можно ознакомиться с мемуарами эмигрантов, которые еще не были изданы в печатном виде. Об этом идет речь в информационной заметке портала: «Часть материалов издается в книжной серии “Наше недавнее: Всероссийская мемуарная библиотека”. Но поскольку невозможно охватить весь объем, то некоторые из них мы будем размещать в электронном виде на сайте. Все рукописи публикуются в авторской редакции» [15].

Среди публикаций, содержащих материалы о Крымском исходе, на сайте «Русский путь» в разделе «Книга и общество. Архивные материалы» доступны некоторые воспоминания. И хотя, например, мемуары А. С. Бразоля [16] и А. А. Власова [17] представлены на сайте не в полном объеме, однако архивные справки, которые их сопровождают, помогут исследователям сориентироваться в поиске нужных материалов. Так, в комментариях к архивному делу А. С. Бразоля отмечается, что из воспоминаний полковника можно узнать «о последних днях Добровольческой армии и об эвакуации из Феодосии, чему предшествовали бои за Каховку, в районе Никополя и ст. Чертомлык...» [16]. В справке по материалам А. А. Власова находим такую характеристику записей племянника могилевского губернатора: «Третья часть документов – это дневник Власова. Записи в нем относятся к началу двадцатого года, к периоду его службы

на бронепоезде. Гражданская война день за днем (февраль – март) и ее кульминация – Крым, хаос, эвакуация на французском корабле. И здесь автор остается верен себе: подробности, несомненно, сильная сторона воспоминаний» [17].

На сайте размещено архивное дело А. И. Егоровой, озаглавленное «Воспоминания Анны Ивановны Егоровой, сестры милосердия о войне Белой Армии с красными». Воспоминания записаны Е. Таубер-Старовой (поэтесса, прозаик и критик, хорошо известная в русском зарубежье, покинувшая Россию в 1920 г.) и сопровождаются ее комментариями [18]. Служение А. И. Егоровой раненым началось с Первой мировой войны, когда сестре милосердия исполнилось лишь 17 лет. Она поступила в Первый армейский госпиталь на Тихорецкой и проработала там «до прихода коммунистов в октябре 1917-го года». Затем арест и работа в госпитальном поезде «Летучка № 1» у красных, а после захвата белыми станции Паллагиада сестра вновь оказывается среди своих прежних коллег, в Первом госпитале Белой армии. Ужасы войны, болезни и смерти, трагедии отдельных людей и общая трагедия страны – все это наполняло будни сестры милосердия, но не смогло отвратить ее от поистине святого служения людям, когда о себе человек забывает. Молодая сестра милосердия, по сути, брошенного на произвол судьбы госпиталя готова взять на себя все тяготы эвакуации трех сотен обреченных раненых. И благодаря такой самоотверженности происходит настоящее чудо: находится пароход, раненые обретают надежду на спасение, а история их общего беженства начинается с Константинополя, Байкос-острова, Галлиполи... Воспоминания заканчиваются пронзительным комментарием Е. Таубер-Старовой: «А теперь Анна Ивановна Егорова, 88-летняя старуха, вторично овдовевшая, живет в Каннах и отдает всю свою жизнь на службу Церкви, как в молодые годы отдавала ее раненым. Она русская героиня былой России, к ней подходишь с величайшим уважением, как к лучшим русским женщинам» [18].

Представленные на портале «Русский путь» воспоминания родственников А. А. Татищева, автора книги «Земли и люди...» [12], вышедшей в серии «Наше недавнее», являют собой богатые материалы, лишь отчасти пересекающиеся друг с другом. Благодаря электронным публикациям, можно познакомиться с мемуарами трех поколений: Е. Б. Татищевой [19; 20] (в Именном указателе книги А. А. Татищева Екатерина Борисовна (урожд. Мещерская) отмечена как Мама́ [12, с. 371]), Б. А. Татищева [21; 22] (Борис Алексеевич – Боря [11, с. 371]) и воспоминаниями А. Б. Татищева [23; 24] (Алексей Борисович – сын Б. А. Татищева и внук Е. Б. Татищевой).

Одной из первых среди семейства Татищевых в эмиграции оказалась Е. Б. Татищева, пережившая множество трагических эпизодов новорос-

сийской эвакуации. В ее записках мы находим краткую пометку: «Настал 1920-ый год. Что-то нам принесет? Начало было самое печальное». А буквально через три строки – новая запись: «12–25 Марта 1920 г. Остров Антигона, один из Принцевых островов» [19; 20, л. 34]. Описывая свою одиссею, Е. Б. Татищева указывает на источник стойкости русских беженцев: «Уповаем на Господа! Лишил нас земных благ, но не покинул нас. Да будет его Святая Воля!» [19; 20, л. 45]. Преодолеть невзгоды изгнанничества эмигрантам помогала сохраненная вера и ощущение причастности к культуре покинутой родины. Записки Е. Б. Татищевой обрываются на полфразе, но на последнем сохраненном листе есть два показательных высказывания – первое: «Всякий день благодарю Бога Милосердного...», а второе касается характеристики А. С. Пушкина: «...нашего дорогого поэта *нашей* старой России...» [19; 20, л. 47] (именно пушкинской цитатой заканчивается публикация воспоминаний Е. Б. Татищевой на портале «Русский путь» [19]).

Злоключения парохода «Капуртала», на котором покидала Россию Е. Б. Татищева, описаны и в воспоминаниях ее внука – А. Б. Татищева, для которого было важно отметить нежелание бабушки покидать родину. «...Моя бабушка Татищева... сильно протестовала против того, чтобы покидать Россию, уверяя, что в ее годы никто ее не тронет...» – пишет он в своих заметках, указывая, что бабушке пришлось смириться с эмиграцией, она «все же покинула родину. Поселилась... в Париже, где скончалась в 1933 году 85-ти лет от роду» [23; 24, л. 73]. Вопрос об оставлении России был чрезвычайно мучителен и для самого А. Б. Татищева, который вспоминает о своем «большом унынии» накануне отплытия: «Я чувствовал, что пришла, наконец, пора мне покидать Россию. Я как-то утешал себя мыслью, что не я покидаю родину, а что она покидает меня. Неотвязчиво сидела в голове мысль не идти на пристань, не соединяться с семьей, а уйти восвояси и остаться в России. Хоть с чертом, думалось мне, но с русским» [23; 24, л. 74–75]. А когда юный Татищев пришел к решению «не оставаться в России», его чувства настолько онемели, что он «даже не выходил на палубу, чтобы следить за тем, как пароход отходил от пристани и в последний раз взглянуть на русскую землю» [23; 24, л. 75]. Но все же с покидаемой родиной А. Б. Татищеву попрощаться удалось, благодаря тому что пароход, на котором он эвакуировался, шел по восточному берегу Черного моря: «...уходя в море, с сознанием, что следующая остановка будет уже в Трапезунде – Турции – я долго стоял на палубе и с грустью смотрел на последнюю пядь русской земли, которую мне было суждено опять увидеть только через более чем полвека...» [23; 24, л. 75–76].

Момент расставания с родиной – одна из ключевых точек большинства воспоминаний, хранящихся в архиве ДРЗ. Для многих авторов мемуаров это описание становилось своеобразной кульминацией всего повест-

вованья, кульминацией, после которой нет сил и желания повествование продолжать. Показательны в этом отношении воспоминания-рассказы О. К. Гогиной: маленькая девочка, вместе со своей семьей приговоренная к смертной казни, эвакуируется из Новороссийска. Ей запоминаются слова, полные надежды:

«– Не надолго [орфография источника. – Ю. П.], – говорили все. – Скоро вернёмся домой! Скоро вернёмся!» Но написанные в эмиграции воспоминания хранят новое, неутешительное, знание: «Увы, мы больше никогда не вернулись...» О своей жизни вне России сказано одной фразой: «Ну, а дальше... эмиграция, Египет, Эфиопия...» [25, л. 12]

Вопрос расставания с родиной присутствует и в воспоминаниях всех Татищевых, но чувства, которые ими владели, разнятся в зависимости от того, как долго, по их мнению, продлится разлука. Так, А. А. Татищев, не раз переживший в короткие временные отрезки смену власти, писал: «Странно – у меня не было тогда чувства, что покидаю Россию навсегда. Отчасти оно заглушалось чувством, что удалось еще раз уйти от непосредственной серьезной опасности, отчасти надеждой, что большевики непрочны и мы скоро вернемся обратно» [12, с. 357]. Совсем иное чувство испытывал его брат, Б. А. Татищев. Вспоминая октябрьский вечер 1920 г., он писал: «Я стоял на палубе и смотрел не вперед по ходу корабля, откуда не ждал ничего хорошего, а жадно вглядывался назад в далекие уже очертания Крымского побережья, быстро сгущавшегося в ночном сумраке. Оттуда до нас достигали еще маленькие мигающие огоньки, но делались все реже, их осталось три, вот два, вот, наконец, мигнул и потух мгле последний. Прости, моя Родина, навсегда! Прощай, старая Пушкинская Россия!» [20; 24, л. 73–74].

Обращаясь к страницам крымской истории, можно с особой пронзительностью почувствовать слова героя трагедии А. И. Солженицына «Пленники» [26]. Полковник русской императорской армии Георгий Михайлович Воротынцев (как указала Н. Д. Солженицына в «Кратких пояснениях», имена всех эзков, кроме Е. И. Дивнича, вымышленные [27, с. 840]) оказался в 1945 г. в контрразведке СМЕРШ. В камере с другими арестантами он, вспоминая свои прежние потери, выделяет горечь Крыма:

Мне пришлось изведать самых тяжких,
Самых изнурительных российских отступлений
От Мукдена, Найденбурга и к Ростову от Орла.
Ход необоримый, –
Никогда мне эта чаша горше не была,
Чем из Крыма... [26, с. 173]

Пьеса, начатая писателем в Экибастузском лагере в 1952 г., была закончена в ссылке, в Кок-Тереке, в 1953 г., т. е. еще задолго до того момента, как А. И. Солженицын основал ВМБ, до того периода, когда – среди

прочих материалов – он стал получать воспоминания свидетелей Крымского исхода, но его литературная интуиция помогла воссоздать картину расставания с родиной участников русской трагедии, помогла верно понять и описать их чувства:

Херсонесский воспалённый промелькнул маяк.

Скрылся в темноте.

Родина моя! Увидимся ли мы ещё? И как?

И когда? И где?.. [26, с. 174]

Даже на одном примере – семьи Татищевых – мы можем понять, что вновь увидеть Россию дано было очень немногим эмигрантам, по большей части представители старшего поколения были лишены этой возможности, лишь только А. Б. Татищев, как он сам пишет, смог увидеть «Петроград... снова только 55 с половиной лет спустя Ленинградом» [23; 24, л. 8].

Еще одной животрепещущей проблемой для русской эмиграции было осмысление причин поражения Белого движения. Многие мемуаристы обращаются к анализу тех событий, в результате которых они оказались изгнанниками.

Статский советник, камергер Б. А. Татищев, многие годы отдавший дипломатической службе, в Послесловии своих записок подводит определенные итоги, во многом неутешительные для так любимой им «старой России»: «Попытки вождей Белого Движения в лице главных из них: Адмирала Колчака и Генерала Деникина, которые стремились... вернуть все же Россию на старые рельсы, были... осуждены на неудачу, несмотря на геройство, проявленное в этой борьбе самоотверженными вождями Генералами Корниловым, Марковым, Дроздовским, Бабиевым и бесчисленными анонимными офицерами и казаками, павшими за возрождение Родины. Последний Главнокомандующий, Генерал Врангель сумел спасти честь Белого знамени. Эта заслуга, несомненно, принадлежит ему, как о том может засвидетельствовать всякий, кто, как я, видел эвакуацию Новороссийска в начале и Севастополя – в конце 1920 г.» [20; 24, л. 75] Говоря о себе, как о «верном сыне старой Царской России», как о человеке, который видит «все уродливые стороны советского режима» и не собирается «воспользоваться недавним предложением, сделанным Сталиным русским беженцам в некоторых Европейских странах, записаться в советские граждане» (а записки завершаются записью: «Париж, 9 Августа 1946 г.»), Б. А. Татищев выражает чувство «веры в мою Родину, которая только что блистательно доказала, что Россия жива и сильна...» [20; 24, л. 76].

История русской эмиграции после победы СССР во Второй мировой войне знает два встречных потока: некоторые представители «первой волны», воодушевленные этой победой, устремились на покинутую, но от-

нюдь не забытую родину, а эмиграция «второй волны», так называемые ДР (Ди-Пи), всеми силами старались избежать выдачи на родину, покинутую совсем недавно. Проблемы, связанные с этими потоками, требуют отдельных серьезных исследований. А в данной статье хотелось бы подчеркнуть, что высказывание Б. А. Татищева свидетельствует о сохранении преданности идее «единой Великой России», пронесенной сквозь катастрофу разрушения прежнего мира, о которой писал сын Б. А. Татищева – А. Б. Татищев: «...мир, в котором я жил и который мне казался таким светлым, устойчивым и безопасным, внезапно рухнул, и я вдруг почувствовал себя одиноким и озадаченным среди разбушевавшейся по совершенно мне непонятным тогда причинам стихии...» [23; 24, л. 1]. Здесь речь шла о катастрофе 1917 г., но воспоминания эмигрантов не обходят своим вниманием катастрофы 1920 г.: Новороссийск и Крым стали кровоточащими ранами потери родины.

Говоря о воспоминаниях военных, которые составляют значительную часть Фонда № 1 ДРЗ, Т. В. Есина отмечает, что «каждый описывает тяжкий путь отступления и драматичный уход из России» [28, с. 72]. Опираясь на анализ нескольких архивных дел (все дела из Фонда № 1): Николая Ждана (ед. хр. А-6), Николая Кудинова (ед. хр. А-16), Бориса Павлова (ед. хр. А-41), Александра Судоплатова (ед. хр. Е-18) и Владимира Драшусова (ед. хр. М-26) – исследовательница суммирует выводы военных, к которым они пришли в своих воспоминаниях: «Спустя годы после описываемых событий они анализируют причины поражения Русской Армии и называют среди основных усталость в затянувшейся войне, недостаток патронов и снарядов, действия многочисленных банд зеленых, голод и свирепствовавший сыпной тиф, рано наступившие морозы, неготовность флота перевезти огромное количество военных и мирных беженцев, ошибки высшего военного руководства, а также предательство союзников» [28, с. 72]. Проблема, поднятая в статье Т. В. Есиной, является предметом исследовательской деятельности сотрудников ДРЗ. Так, автору данной статьи ведущий научный сотрудник отдела архивно-рукописных и печатных источников О. Н. Патока предоставила обширную справку по архивному запросу «Крым». В справке указаны 8 различных фондов, при этом 16 архивных дел из Фонда № 1 сопровождаются справками-комментариями. В комментарии к делу Максима Карловича Кулика, члена полкового комитета, делегата Войсковой Рады в Екатеринодаре в 1917 г. и члена Кубанской краевой рады (Ф. 1, оп. 1, ед. хр. А-77) названа еще одна причина поражения белых: «...“теплых отношений между казаками и Добрармией не было никогда” и в этом усматривает Кулик провал Белого движения на юге России» [29].

Статья Т. В. Есиной, благодаря щедрому цитированию фондовых материалов, сама может считаться ценным архивным источником, поскольку позволяет воссоздать перед читателем зримые картины жестокой трагедии Крымского исхода, сопоставимые по силе воздействия с одним из самых пронзительных стихотворений Н. Н. Тuroверова – «Крым»:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня... [30]

Популяризатор творчества казака Области войска Донского, В. В. Леонидов, описывая боевой и творческий путь Н. Н. Тuroверова, говорит об истории создания этого стихотворения: «Дальше был Крым, и наверное, там, раненый, на борту одного из последних пароходов он и задумал строки, которые потом сделали его известным на весь русский мир...» [31, с. 207]. Стихотворение было написано в 1940 г., через 20 лет после Крымского исхода. И это – яркое свидетельство того, что боль пережитого не утихает. Хранящиеся в архиве ДРЗ воспоминания участников событий исхода из Новороссийска и Крыма – это тоже свидетельство о «непреложном и неизбежном трагизме» [6, с. 10] событий русской истории вековой давности.

Подтверждением того, что раны не затянулись и спустя многие десятилетия, стали воспоминания эмигрантов, откликнувшихся на призыв А. И. Солженицына. Написанные в ответ на обращение писателя или много раньше, но до поры хранящиеся в личных архивах, эти мемуары стали пополнять ВМБ.

К таким материалам относятся дневниковые записи Сергея Васильева. Воспоминания, озаглавленные «Добровольчество», имеют две пометы: «Написано 26–12–1946 года. Мюнхен» и «Напечатано 26–28 Декабря 1956 года. Сан Матео» [32, л. 89]. В воспоминаниях есть глава, названная «Впечатления эвакуации и заграницы» [32, л. 49 об. – 51], где описано, как буквально за сутки изменилась обстановка в Севастополе. В записи, относящейся к 12 ноября, отмечено: «На пристани народ кипит муравейником. Каждый стремится скорее попасть на пароход, каждый шумит, кричит, спорит, волнуется, требует, протестует <...> Какая разница по сравнению со вчерашним видом улиц! Обозов – море. Офицеры, солдаты, женщины, дети, горы вещей на подводах... По тротуару не протолпишься» [32, л. 49 об.].

Быстрота перемен стала одним из главных потрясений тех трагических дней, об этом идет речь в заметке «Крымская катастрофа»: «События в Крыму в течение последней недели как громом поразили всех своей по-

трясающей неожиданностью... вдруг свершилось то, что трудно было с такой молниеносностью ожидать...» [33, с. 3].

Материалы публицистического сборника «Последние дни Крыма» подтверждаются тем, что было непосредственно увидено мемуаристом. Вывод, к которому он пришел, совершенно неутешителен: «При мне расклеили Приказ Врангеля, что нас ждет полная неизвестность, что никого принуждать уезжать нельзя и т. д.; общий тон приказа достаточно спокойный. Приказ и газеты читали с жадностью.

Я не видел картин Новороссийской эвакуации (говорили, она прошла еще хуже), но и при виде настоящего на душе стало очень тяжело. После всего, виденного в городе, стало сразу ясно: наше дело погибло» [32, л. 50].

На следующей день пароход, где разместился Сергей Васильев со своими однополчанами, вышел в открытое море. В памяти автора мемуаров осталась «красивая панорама города», Графская пристань, форты... «Вот все дальше и дальше берега покидаемой нами России. Надолго ли? Быть может, навсегда... Это случилось 13–11 нов. ст. – 31–10 ст. ст. 1920 года», – отмечает он день прощания с родиной [32, л. 50 об.].

Автор, как он пишет, «давно мечтал о загранице, в особенности после испытанного и виденного за последние месяцы» [32, л. 49 об.], но оказалось, что, несмотря на все испытанные ужасы Гражданской войны, воспоминания об оставленном – это боль, которую невозможно изжить. Внимание изгнанника постоянно обращено к покинутой родине. И думая, например, о продолжении образования, одним из стимулов он выбирает такой: «...если Бог даст только вернуться домой не хочется оказаться неучем...». А продолжает размышления мечтами: «Иногда даже задаюсь преступными мыслями: хорошо бы вернуться, как говорят казаки, “с нашей властью”...» Однако тут же свои мечты и пресекает: «...никогда не позволил бы себе серьезно даже думать, чтобы личные мои дела, счастье и успехи покоились на закабалении народа; хотя термин “наша власть” абсолютно не означает реакции, но припахивает ею, нужно сознаться!» [32, л. 72 об.].

Воспоминания эмигрантов – свидетелей русской трагедии вековой давности, мемуары, ставшие основой ВМБ, несмотря на то что мы располагаем и печатными, и электронными изданиями, – в большинстве своем пока неопубликованные архивные материалы. Богатейшая коллекция ДРЗ способна представить страницы русской истории с точки зрения судеб отдельных людей, но, объединяя эти страницы, мы можем воссоздать единую книгу исторического пути России. Принципиальным моментом является то, что архивы ДРЗ открыты, а значит, доступны исследователям русского зарубежья.

Список использованной литературы

1. Солженицын А. И. Обращение к русским эмигрантам, старшим революции // Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 315–317.

2. Солженицын А. И. Всероссийская мемуарная библиотека. Обращение к русским эмигрантам // Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 471–473.

3. Егорова Н. А. Патриарх Тихон в годы гонений (1917–1925) : документы, исследования, воспоминания // Егорова Н. «Там, где есть книга...»: Записки библиотекаря о русском зарубежье : сб. статей. М. : Русский путь, 2020. С. 35–42.

4. Солженицына Н. Д. Прямая речь // Емельяненко В. Адмирал вернулся: В Дом русского зарубежья привезли архив Колчака // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. № 27 (8081). 07 февраля. URL: <https://rg.ru/2020/02/07/vozvrashchennyj-arhiv-admirala-kolchaka-predstavili-v-det-100-letia-ego-rasstrela.html> 0

5. Солженицын А. И. К серии публикаций Всероссийской мемуарной библиотеки // Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920) // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер. «Наше недавнее». Вып. 1. Париж : YMCA-Press, 1983. С. 5–6.

6. Кублановский Ю. О Всероссийской мемуарной библиотеке // Книжное обозрение. 1990. № 23. 8 июня. С. 10.

7. Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920) // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер. «Наше недавнее». Вып. 1. Париж : YMCA-Press, 1983. 426 с.

8. Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920) // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер. «Наше недавнее». Вып. 1. М. : Русский путь, Грааль, 1997. 432 с.

9. Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920) // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер. «Наше недавнее». Вып. 1. 2-е изд. М. : Русский путь, 2016. 462 с.

10. Леонидов В. Н. В. Волков-Муромцев. Юность. От Вязьмы до Феодосии. 1902–1920. ВМБ. Сер. Наше недавнее; вып. 1. М. : Русский путь, 2016. 464 с. // Новый журнал. 2017. № 287. С. 375–377.

11. Есина Т. В. Они вернулись в Россию (по материалам Всероссийской мемуарной библиотеки Александра Солженицына) // Александр Солженицын: Жизнь и творчество : материалы Всерос. науч.-краевед. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Солженицына. Кис-

ловодск, 14–16 ноября 2008 г. / сост. И. А. Лачинов, Н. Н. Лузина, М. В. Есаулов ; гл. ред. А. П. Иваненко. Кисловодск : «МИЛ», 2009. С. 68–75.

12. Татищев А. А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921) // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер. «Наше недавнее». Вып. 9. М. : Русский путь, 2001. 376 с.

13. Доброволицы // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер. «Наше недавнее». Вып. 8. М. : Русский путь, 2001. 336 с.

14. Доброволицы / ред.-сост., автор вст. ст., примеч. Т. В. Есина. М. : Русский путь, 2001. 368 с.

15. Рукописи из архива Дома русского зарубежья имени А. Солженицына // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/

16. Бразоль А. С. Производство в офицеры. Воспоминания // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/brasol.php

17. Власов А. А. Воспоминания о Могилеве. Дневник // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/vlasov.php

18. Егорова А. И. Воспоминания // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/egorova.php

19. Татищева Е. Б. Из воспоминаний Екатерины Борисовны Татищевой // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/tatischeva_ekaterina.php

20. Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. А-68/2. Из воспоминаний Екатерины Борисовны Татищевой. Л. 1–47.

21. Татищев Б. А. Из воспоминаний Бориса Алексеевича Татищева // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/tatischev_boris.php

22. Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. А-68/3. Из записок Бориса Алексеевича Татищева. Л. 1–76.

23. Татищев А. Б. Из воспоминаний Алексея Борисовича Татищева // Информационный портал «Русский путь». URL: https://www.rp-net.ru/book/archival_materials/tatischev_aleksey.php

24. Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. А-68/1. Татищев А. Б. Воспоминания. Л. 1–80.

25. Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. Е-126. Фор де Гогин. Л. 1–12.

26. Есина Т. В. Исход русской армии из Крыма (1920). По материалам Всероссийской Мемуарной Библиотеки Александра Солженицына // Крымский архив. 2017. № 2(25). С. 71–76.

27. Солженицын А. И. Пьесы и сценарии // Солженицын А. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 19. М. : Время, 2017. 864 с.

28. Солженицына Н. Д. Краткие пояснения // Солженицын А. И. Пьесы и сценарии // Солженицын А. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 19. М. : Время, 2017. С. 839–842.

29. Патока О. Н. Архивная справка «Материалы по запросу “Крым” из архива ДРЗ».

30. Туроверов Н. Поэзия русского зарубежья // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/04/05/11287>

31. Леонидов В. В. Николай Туроверов // Леонидов В. В. «...Стране, оставшейся в названиях» / сост. и авт. вступ. ст. И. Е. Иванченко. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 203–213.

32. Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. А-66. Сергей Васильев. Воспоминания. «Добровольчество». Л. 1–89.

33. Последние дни Крыма. (Впечатления, факты, документы.) Константинополь : Пресса, 1920. 48 с.

Наталья Валерьевна Турыгина,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, turyginan@mail.ru

УДК 316.347

«Я русская, потому что я русская»: маркеры русской идентичности (по данным интервью с русскими эмигрантами и их потомками)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ
(проект №19-78-00085 «Русская эмиграция между “старой” и “новой” родиной в
условиях Второй мировой войны: проблемы идентичности и патриотизма»).*

Аннотация. В статье на основе анализа интервью с эмигрантами разных волн, представленных в экспозиции Музея русского зарубежья в Москве, а также содержащихся в личном архиве автора, предпринята попытка выявить основные маркеры русской идентичности. По ответам респондентов таковыми можно назвать: русский язык, национальность, традиции, менталитет. Редкими оказались заявления о гражданстве, вероисповедании, родине как территории. Таким образом, культурологический аспект превалирует в самовосприятии русских эмигрантов.

Ключевые слова: национальная идентичность, этническая идентичность, культурные традиции, русская эмиграция, русское зарубежье.

Natalia Turygina

Candidate of Sciences in History, senior researcher of the Institute of History,
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, turyginan@mail.ru.

“I am Russian, because I am Russian”: markers of the Russian identity (based on the interviews with the Russian emigrants and their descendants)

Abstract. The article is based on the analysis of interviews with Russian emigrants presented in the Museum of Russia abroad in Moscow, as well as in the author's personal archive. According to the respondents' answers, the author indicates the main markers of the Russian identity: Russian language, nationality, traditions, and mentality. Statements about citizenship, religion, and the Motherland as a territory were rare. Thus, the cultural aspect prevails in the self-perception of Russian emigrants.

Key words: national identity, ethnicity, cultural traditions, Russian emigrants, Russia Abroad.

Вопрос, который рано или поздно встает перед каждым эмигрантом, – это вопрос о его идентичности: кто я такой? Остро он ощущается не сразу, но он неизбежен, особенно сейчас, когда в эпоху глобализации границы открыты, жизнь динамична и изменения существующей картины мира происходят гораздо быстрее, чем сто и более лет назад. Все чаще можно услышать о появлении космополитичного сознания, о гражданине мира как прообразе будущей всеобщей идентичности, но человек познает себя и этот мир именно через отличие себя от другого, поэтому процессы закрепления национального самоопределения не менее сильны, чем процессы стирания границ.

Проблемами национальной идентичности занимались многие известные социологи, психологи, философы, историки. Весомый вклад в развитие темы внесли Б. Андерсон [1], Э. Эриксон [2], К. Хюбнер [3], Э. Хобсбаум [4], С. Хантингтон [5], Э. Д. Смит [6] и др. Из отечественных специалистов хотелось бы отметить В. А. Тишкова [7], Ю. В. Бромлея [8], Л. Н. Гумилева [9] и др. Несмотря на обилие концепций, в понимании нации условно выделяют два подхода: гражданская нация, основанная на единстве гражданства и политического устройства территории, и этническая нация, основанная на единстве культуры, традиций и языка.

Согласно концепции Дж. Де Воса и Л. Романуччи-Росс, «этническая группа – группа людей, разделяющих комплекс традиций, которые в то же время не распространены среди других людей, с которыми они взаимодействуют. В них обычно включаются “народные” религиозные верования и обряды, язык, чувство исторической преемственности, общее родство и

место происхождения» [10, р. 10]. В этом определении перечислены все основные признаки той или иной этнической идентичности.

Часть этнической группы, проживающей за пределами места своего происхождения, отечественный историк З. И. Левин именует диаспорой и утверждает, что диаспора существует, пока сохраняется ее этнокультурная специфика [11, с. 5]. С теоретическими проблемами в изучении диаспор можно ознакомиться в статье И. Р. Ехануровой [12, с. 104–107], нас же интересует практический момент: какой фактор был решающим в сохранении своей русской самобытности в инокультурной среде?

Для ответа на этот вопрос в статье анализируются интервью с эмигрантами и потомками эмигрантов разных волн, собранные и представленные в экспозиции Музея русского зарубежья в Москве, а также содержащиеся в личном архиве автора. Предпринята попытка выявить наиболее значимые маркеры русской идентичности. В отличие от письменных источников, устные опросы дают мгновенные ответы, даже несмотря на возможную предварительную подготовку к ним, иногда по интонации, по манере общения можно понять больше, чем по тексту.

Было прослушано 38 интервью с современными представителями российской диаспоры, как с потомками эмигрантов первой волны, так и с новыми эмигрантами. Интервью составлены по плану: история эмиграции семьи, ассоциации со словом «русский», быть русским, великие русские, мечта. Кроме того, по такому же принципу было проведено еще 12 интервью. Хотя это и небольшая выборка, она представляет любопытную картину, отражающую динамику и трансформацию решающего фактора в самоидентификации и идентификации группы.

В интервью были представлены следующие географические регионы: 1 – Австралия, 2 – Северная Америка, 3 – Африка, 5 – Южная Америка, 39 – Европа. Что касается истории эмиграции семьи, то из 50 человек 15 – потомки первой послереволюционной волны эмиграции, т. е. потомки белогвардейцев и не принявших советскую власть беженцев, причем уже во втором и третьем поколении; т. н. ди-пи – перемещенные лица, термин, появившийся после окончания Второй мировой войны и применявшийся в отношении остарбайтеров, принудительно вывезенных с территории Советского Союза в годы войны и пополнивших ряды беженцев; но большинство – люди, покинувшие Россию в 1990-е и позднее и зачастую имеющие российское гражданство.

«Я русская, потому что я русская...» – слова одной из интервьюируемых. Но что именно скрывается за этой фразой? Эта дама имеет французское гражданство, но долгое время проживает в Бразилии, считает себя русской, «потому что во мне течет русская кровь». На самом деле, о своих предках, о своих корнях в определении своей этнической идентичности

заявили все респонденты. Следует отметить, что в данном моменте отчетливо видна терминологическая дихотомия: в русскоязычной среде именно родство лежит в основе понятия «национальность», но в западном мировосприятии nationality – это понятие гражданско-правовых отношений.

Следующим фактором по частоте упоминания является менталитет. «Мы другие», «мы по-другому мыслим», «это не паспорт России, а в душе быть русским», некое ощущение, «чувство принадлежности», «сердцем болеть за свою родину» – такими фразами 27 человек из нашей выборки обозначили свое самоопределение.

23 человека отметили большое значение русской культуры в передаче русского самосознания. 15 человек упомянули о традициях, которые соблюдаются в их семье и передаются из поколения в поколение, что, на их взгляд, оказывает большое влияние на сохранение своей идентичности.

10 человек назвали в качестве ассоциации со словом «русский» страну целиком или какое-то конкретное место, причем те, кто провел детство на территории Советского Союза или России, назвали конкретные места, с которыми связаны личные воспоминания и эмоции, а те, кто вырос уже в эмиграции, озвучили клише, устойчивые образы, сформированные в процессе воспитания в русском духе. Соответственно, вторые воспроизвели результаты мифотворческой деятельности своих предков в эмиграции.

8 человек отметили общую историческую память как фактор передачи русскости. Этот ответ перекликается с концепцией этнической группы, предложенной Дж. Де Восом и Л. Романуччи-Росс, однако память потомков эмигрантов, хлынувших после революции и Гражданской войны, и память постсоветской волны эмиграции несколько различается, что не мешает им быть представителями одной этнической идентичности. Возможно, эта разница компенсируется общим видением будущего и себя в нем. Любопытно, что каждое третье интервью содержало мечту о «великой миссии русского народа», в которую каждый интервьюируемый хотел внести свою лепту.

6 человек считают важным маркером принадлежности к русской национальности православную веру, при этом эту мысль выразили только потомки «белой», или антикоммунистической, эмиграции. Ответов респондентов недостаточно, чтобы говорить с уверенностью, тем не менее можно предположить, что это связано с той ролью, которую играла Русская православная церковь за рубежом, где каждый православный приход становился центром общественной жизни русской эмиграции. В то же время тот факт, что не упоминают о вере постсоветские эмигранты, может свидетельствовать об их большей светскости, когда религия – личное дело каждого, а не инструмент идеологической борьбы.

Поразительно, но только 10 человек назвали русский язык важнейшим инструментом сохранения и передачи русской идентичности. Поразительно в данном случае именно то, что только 20% опрошенных озвучили этот маркер, хотя 98% респондентов говорили на русском языке, только одному человеку понадобился переводчик. Возможно, что этот момент кажется очевидным либо не осознается отдельно от других признаков, таких как менталитет или культура. При этом большинство посещало русскую школу либо водит туда своих детей, так как именно русские школы, созданные по частной инициативе, призваны сохранить и передать русский язык, народные традиции и культуру в среде русской эмиграции.

Таким образом, по репликам русских эмигрантов на вопросы «Ассоциации со словом “русский”» и «Что для вас значит быть русским?» можно выделить следующие маркеры русскости как таковой: русский язык, национальность как родословная («кто твои предки»), традиции и культура, менталитет («мы другие»). Редко кто при самоопределении заявлял о гражданской принадлежности, хотя встречалось упоминание о родине, России как территории. В нескольких интервью прозвучал тезис о православии как неотъемлемой характеристике русского человека, причем в большинстве случаев этот маркер указывали потомки первой послереволюционной волны эмиграции. Все маркеры взаимосвязаны между собой, и в зависимости от конкретных обстоятельств и исторической эпохи может усиливаться значение того или иного фактора, что соответствует динамике социальных изменений.

Как видно из анализа интервью, даже несмотря на малочисленную выборку, осознание себя русским не связано с государственной политикой страны исхода, речь идет о культурной составляющей, а наших эмигрантов можно назвать агентами мягкой дипломатии, распространяющими образ великого русского народа. Удивительно, что при более или менее успешной интеграции желание быть другим не исчезает, желание сохранить свою русскость выступает неким гарантом сохранения своей уникальности, своего «я».

Нам бы хотелось продолжить исследование и сравнить ответы русских эмигрантов о своей идентичности с ответами эмигрантов других национальностей, чтобы узнать, есть ли отличия в восприятии себя разными национальностями или же проанализированные нами маркеры универсальны.

Список использованной литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.

2. Erikson E. H. A Way of Looking at Things. Selected Papers / ed. By S. Schlein. New York ; London: W. W. Norton & Co, 1987. 826 p. URL: <https://archive.org/details/wayoflookingatth00erik/page/16> (mode of access: 01.04.20).
3. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Канон+, 2001. 400 с.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб. : Алетейя, 1998. 308 с.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. К. Королева. М. : Изд-во АСТ, 2018. 544 с.
6. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М. : Праксис, 2004. 464 с.
7. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
8. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
9. Гумилев Л. Н. О термине «этнос» : (доклад на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г.) // Доклады Географического общества СССР. 1967. Вып. 3. С. 3–17.
10. Ethnic Identity / ed. By G. de Vos, L. Romanucci-Ross. Chicago : Quadrangle Books, 1982. 395p.
11. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М. : Ин-т востоковедения РАН ; Изд-во «Крафт+», 2001. 176 с.
12. Еханурова И. Р. Теоретические подходы к определению понятия «диаспора» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 104–107.

Юрий Федорович Бунин,

научный сотрудник, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына,
Россия, г. Краснодар, Yurijbunin@yandex.ru

УДК 94.470.62

Культурно-историческое значение войсковых регалий Кубанского казачьего войска в период эмиграции

Аннотация. В статье рассматривается судьба войсковых регалий Кубанского казачьего войска в эмиграции, оказавшихся в странах Европы и Америки, а также прослеживаются судьбы казаков, благодаря которым регалии были спасены и сохранены. В коллекцию регалий входят жалованные грамоты

российских императоров, войсковые и полковые знамена и штандарты (в том числе и Георгиевские), серебряные трубы, мундиры императора Александра II Освободителя и Великого Князя Михаила Николаевича Романова, наместника на Кавказе.

Ключевые слова: Кубанское казачье войско, эмиграция, регалии, музеи.

Yurij Bunin

Scientific researcher, Felitsyn State Historical and archaeological museum,
Russia, Krasnodar, Yurijbunin@yandex.ru

Cultural and historical significance of the military regalia of the Kuban Cossack army during the period of emigration

Abstract. The article discusses the fate of military regalia of the Kuban Cossack army in exile, who left Russia in 1920 after the fratricidal Civil War. The shrines visited the countries of Europe and America, and the fate of the Cossacks is considered, thanks to which the regalia were saved and preserved. The regalia collection includes: letters of honor of the Russian emperors, military and regimental banners and standards (including St. George's), silver trumpets, uniforms of the emperor Alexander II the Liberator and the Grand Duke, governor of the Caucasus Mikhail Nikolayevich Romanov.

Keywords: Kuban Cossack army, emigration, regalia, museum.

Эмиграция времен Гражданской войны и первых послереволюционных лет обернулась для России утратой огромного культурного и научного потенциала, стала незаживающей раной для многих человеческих судеб. По данным Лиги Наций, опубликованным в 1926 г., после октябрьского переворота 1917 г. Россию покинули 1 миллион 160 тысяч граждан, а всего в 1920–1925 гг. в русском зарубежье насчитывалось около 10 миллионов бывших российских подданных [2, с. 5]. Итогом эмиграции «первой волны» был, прежде всего, исход интеллигенции, военных специалистов, ученых, священников, деятелей культуры, опытных чиновников. Русские эмигранты пополнили элиту многих государств Европы и США. Трагический исход из России нанес огромный ущерб стране. Испытав в большевистской стране гонения на церковь, потеряв близких, родные места, русские в изгнании с особой остротой почувствовали стремление сохранить культурно-исторические традиции и духовно-нравственные ценности.

Вдали от России они создавали православные храмы, монастыри, музеи, русские гимназии, хоры, благотворительные общества, русскоязычные издания, кладбища и Дома для одиноких пожилых людей.

Огромные потери как в Гражданской войне, так и в первые годы советской власти понесло российское казачество. Его культурно-исторические традиции не «вписывались» в политическую систему новой

России, и физическое уничтожение казаков велось вплоть до конца 30-х гг. XX в.

В ноябре 1920 г. из Крыма к берегам Константинополя прибыли 145693 русских [8, с. 198–199]. Из них около 50 тысяч кубанских, терских, донских казаков [13, с. 21–25]. Казаки покидали Россию со знаменами, историческими реликвиями, хоругвями, царскими грамотами. Надежда вернуться домой горела ярким и никогда не угасавшим пламенем.

История кубанского казачества неразрывно связана с войсковыми регалиями – символами доблести, героизма и чести, с одной стороны, а с другой – знаковыми предметами истории, играющими самостоятельную роль в деле патриотического воспитания. Все важнейшие церемониалы, парады, молебны, войсковые, государственные и православные праздники в дореволюционной истории казачества сопровождались выносом регалий в главный войсковой собор или на войсковую площадь. Церемониалы с регалиями входили в систему военного, нравственного и духовного воспитания.

К 1917 г. в состав кубанских казачьих регалий входило около 100 знамен, из них 10 Георгиевских, пожалованных за особые военные заслуги, атаманские булавы, Георгиевские серебряные трубы, мундир и кинжал императора Александра II, мундир и шашка наместника на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича, около 100 Высочайших грамот, в том числе и грамоты императрицы Екатерины II для переселения на кубанские земли от 30 июня 1792 г. [16, с. 2–18].

Судьба кубанских войсковых регалий в XX в. – одна из драматических страниц в истории кубанского казачества [8, с. 6–48]. За всю историю Кубанского казачьего войска регалии дважды покидали место своего постоянного хранения в Войсковом штабе кубанской столицы в городе Екатеринодаре. Впервые это произошло в феврале 1918 г., когда в период отступления отрядов Кубанской Рады из города Екатеринодара они были тайно вывезены в станицу Брюховецкую, где хранились в земле в деревянных, оббитых железом ящиках [1, с. 63–68]. Город Екатеринодар 2 августа 1918 г. был взят Кубанским Корниловским полком под командой генерала В. Г. Науменко, и регалии были возвращены в Войсковой штаб.

В феврале 1920 г. военные события развивались столь стремительно и не в пользу Белой армии. Встал вопрос о подготовке ухода в эмиграцию через Крым. Регалии решено было отправить в дружественную Сербию. Для их сопровождения войсковое правительство назначило делегацию в составе: председателя – генерал-лейтенанта П. И. Кокунько, членов – генерал-майора С. П. Звягинцева, полковника В. П. Белого, войскового старшины Я. В. Семикобылина и профессора Ф. А. Щербины. В Войсковом штабе регалии упаковали в двенадцать ящиков. Поездом их доставили

в город Новороссийск, и 28 февраля 1920 г. на пароходе «Константин» казачьи святыни покинули Россию [3, с. 4–11]. Почти 90 лет местом их хранения были чужие страны и города.

Константинополь, Дарданеллы, Салоники – целый месяц пути, а затем поездом в Белград. Дружественная православная Сербия протянула руку помощи русским изгнанникам. Особенно тёплые отношения сложились с казачьей эмиграцией у сербского короля Александра [11, с. 29–31].

Огромную роль в сохранении войсковых регалий, создании музеев, в их экспонировании сыграл атаман ККВ в эмиграции Вячеслав Григорьевич Науменко (1883–1979). Потомственный казак станицы Петровской Кубанской области, генерал-майор, участник Первой мировой войны, за отвагу награжденный Георгиевским оружием, был избран атаманом на острове Лемнос 19 ноября 1920 г. и избирался на этот пост в течение 38 лет до 1958 г.

Известный деятель русской эмиграции кубанский казак Д. Е. Скобцов, председательствующий на лемносской раде, писал: «Лемносская рада была замечательным явлением. Для ее собрания соединили две большие палатки, сильный ветер буквально рвал старые палатки. Перед молебном протоиерей Ктиторов произнес краткое замечательное слово. “Удивительные Вы люди – казаки. Изгнанные из своего Отечества, до предела казалось униженные. Вы сейчас на этом чужом и голом острове. Вы все же не отчаялись! Собрались под этими старыми палатками, чтобы не упустить время и организовать по своему казачьему обычаю”» [14, с. 1].

Ценным историческим источником о судьбе войсковых регалий и судьбах кубанцев в изгнании являются дневники атамана Науменко, которые он вел с 1918 по 1954 г. Эти документы (41 тетрадь) переданы его дочерью Наталией Вячеславовной Назаренко (1919–2013), которая последние годы своей жизни провела в православном монастыре Новое-Дивеево в штате Нью-Йорк. [7, с. 125–127]. Они были изданы в городе Краснодаре отдельной книгой – «Пути-дороги казачьих регалий» [9, с. 3]. Депутация с регалиями 5 апреля 1920 г. прибыла в Белград. Регалии поместили на хранение в Военно-Географический институт, находившийся в городе Земуне. В институте была создана комиссия по хранению во главе с начальником института генералом С. П. Бошковичем. В институте регалии хранились восемнадцать лет. Постоянным хранителем регалий был назначен генерал П. И. Кокунько. Белград в 20–40-е гг. стал одним из центров духовной и политической жизни российской эмиграции. В середине 20-х гг. усиливается борьба самостоятельных казачьих организаций за владение регалиями, усиленно предлагается перевезти регалии в Прагу на условиях потери для Кубанского казачьего войска права собственности. Несмотря на

судебные тяжбы, кубанцы так и не смогли возратить от бывшего председателя Кубанского краевого правительства В. Иваниса булаву войскового атамана. Она и сейчас находится в Канаде, в Торонто, в коллекции церкви Святого Андрея, семинарии для православных священников [4, с. 143].

В ноябре 1938 г. Военное министерство Югославии по договору с Кубанским казачьим войском поместили регалии в Военно-исторический музей, который находился в Белграде в здании старинной крепости Калемегдан. Экспозиция разместилась в трех залах, регалии стали одними из лучших экспонатов, к которым сербы относились с большим уважением.

Большие испытания выпали на долю регалий и их хранителей в годы Второй мировой войны, их скитания по Европе были наполнены поисками, они постоянно находились на краю гибели.

6 апреля 1941 г. в результате немецкой бомбардировки Белграда одна бомба попала в здание Военно-исторического музея, здание было разрушено и частично ограблено мародерами. Из коллекции регалий пропали серебряные Георгиевские трубы, рожки, литавры. От Георгиевского войскового знамени, пожалованного императором Александром II, осталось только древко с копьём и лентами – видимо, оно понадобилось грабителям для того, чтобы завернуть в него награбленное серебро [6, с. 87–90].

С июня 1941 г. до 16 апреля 1944 г. регалии находились в сравнительной безопасности в здании Кубанского штаба г. Белграда. Начавшиеся бомбардировки союзников, по оценкам очевидцев, нанесли больше разрушений, чем немецкая бомбардировка 1941 г., и подвергли опасности регалии, в связи с чем вещи были перевезены в подвал здания Русского дома.

К осени 1944 г., когда стало очевидно, что немцы оставят Белград, атаман Науменко начал думать над тем, куда вывозить регалии. 24 августа стало известно о капитуляции Румынии, появились данные о том, что Словакия, Болгария и Венгрия начали переговоры с союзниками о сдаче, был взят Париж. Вячеслав Григорьевич пишет: «Если так пойдет, то отсюда не выедем» [9, с. 22].

Для вывоза регалий был намечен австрийский город Виллах, в котором планировалось соединиться с полками генерала Т. Н. Доманова. Из-за того что железнодорожное полотно подвергалось неоднократной бомбардировке, положение стало крайне тяжелым: «В таком положении мы еще не были. Когда был крах в России в 1920 г., было куда выезжать, а теперь!.. Сидим в ловушке» [9, с. 23].

Генерал Гельмут фон Паннвиц командировал есаула Н. Г. Назаренко в Германию, снабдив его соответствующими документами и полномочиями и возложив на него миссию благополучного вывоза регалий.

6 сентября 1944 г. кубанские святыни были доставлены на автомобиле в Земун, погружены в пассажирский вагон и отправлены в г. Виллах, однако по прибытии туда выяснилось, что район Виллаха может быть подвержен бомбардировке союзников, и поэтому было принято решение перевезти регалии в более надежное место в центре Германии. Таким местом был определен военный музей в Диппольдисвальде, неподалеку от Дрездена, куда вещи были отправлены 29 ноября 1944 г.

Поезд, в котором шел вагон с регалиями, неоднократно подвергался воздушным бомбардировкам и даже горел. Казакам во главе с войсковым старшиной Н. Г. Назаренко пришлось под обстрелом выбрасывать ящики с регалиями из горящего вагона. В результате падения некоторые ящики сильно пострадали, но сами регалии, к счастью, уцелели. По прибытии вещей в диппольдисвальдский музей заведующий музеем германский майор перепакował регалии в новые крепкие ящики [15, с. 2]. Передача святынь в музей была выполнена начальником войскового штаба полковником Задохлиным и полковником Зарецким.

В этом музее регалии хранились до февраля 1945 г., когда в связи с приближением фронта к Дрездену на 60 км пришлось вновь перевозить регалии, на сей раз в баварский город Кемптен, поближе к швейцарской границе.

Из-за того, что железные дороги были разрушены, поезда шли в Кемптен окружными путями, вагон перебрасывался из одного поезда в другой, а на станции Вюрцбург был задержан на 10 дней. Атаман Науменко отмечает: «Только благодаря настойчивым действиям войскового старшины Назаренко в его германской форме нам удалось вечером 3 марта (покинуть Вюрцбург. – прим. авт.). Наш вагон был прикреплен к товарному поезду, проходившему через ст. Вюрцбург» [15, с. 3]. Стоило регалиям уехать оттуда, союзная авиация буквально стерла с лица земли станцию Вюрцбург и находившиеся там поезда.

В Кемптен вагон с регалиями прибыл 7 марта 1945 г., и по указанию городского бургомистра вещи были помещены в здании местной таможни, где оставались до 23 апреля, после чего на грузовике были вывезены на юг, в город Ройте [9, с. 56–57]. Решение вывезти регалии из Кемптена было принято генералом Науменко очень удачно и своевременно, так как в результате бомбардировок Кемптена 24 апреля 1945 г. здание таможни было полностью разрушено, и стоило бы регалиям задержаться там буквально на день, все святыни кубанского казачества были бы уничтожены.

30 апреля 1945 г. город Ройте был занят американскими войсками, регалии были перенесены казаками в здание отеля «Крона», к ним был приставлен американский часовой, затем они были вывезены американскими солдатами в неизвестном направлении. Только спустя год, 19 июня

1946 г., регалии были возвращены атаману Науменко – как оказалось, все это время они хранились во Францисканском монастыре. При осмотре регалий выяснилось, что 2 ящика из 10 были вскрыты, но все вещи были на месте, ничего не пропало, только знамена сильно слежались [9, с. 93–94].

21 июня 1946 г. в лагерной церкви Кубанского казачьего войска была открыта выставка кубанских регалий, проработавшая всего один день, на выставке экспонировалось около 20 знамен, грамоты, люстра, блюдо, булавы и другие вещи [9, с. 94].

14 октября 1946 г. атаман Науменко решил отпраздновать Войсковой праздник Покров Пресвятой Богородицы; это было первое празднование по окончании Второй мировой войны. Праздник состоялся в городе Мемминген, где в то время хранились регалии. Регалии были выставлены в церковной комнате, отслужена панихида по всем умершим казакам с поминанием Государя Николая II, Наследника Цесаревича.

15, 16, 17 и 18 октября 1946 г. атаман Науменко провел осмотр регалий. Разворачивали все знамена, переключивали их бумагой и сворачивали. Затем, после того как была сделана опись предметов, регалии были упакованы в ящики. Получилось 5 ящиков со знаменами (100 знамен кубанского казачьего войска, а также знамя 2-го ударного Корниловского полка и Кубанской ополченской дружины). Грамоты сложили в один ящик, остальное – булавы, альбомы, мундиры императора Александра II и Великого князя Михаила Николаевича – уложили в отдельный ящик [9, с. 99].

Потеряв надежду на массовое переселение казаков в Парагвай и перевоза регалий туда же, атаман Науменко начал вести работу по пересылке их в Соединенные Штаты Америки.

В августе 1949 г. регалии были отправлены в США на пароходе «Хавман», куда затем выехали атаман Науменко с семьей и многие казаки. Вячеслав Григорьевич вспоминал, как забирали регалии, хранившиеся в монастыре Отбойерн: «Мы передали нашу письменную благодарность приору. Хотели передать небольшую сумму денег для монастыря, но о. Виталис решительно отказался их принять, сказав, что для монастыря была большая честь, что мы доверили на хранение такие большие исторические ценности» [9, с. 124]. По прибытии в США Науменко был арестован по доносу самостийных казачьих организаций, обвинявших его в сотрудничестве с Германией. Несколько месяцев длилось расследование, которое не признало эти обвинения. Более 300 казаков со всего мира прислали письма и свидетельства в его защиту. Материалы следствия широко обсуждались в русскоязычных газетах. В защиту казаков выступила Александра Львовна Толстая, которая возглавляла Толстовский фонд, сыграв-

ший огромную роль в переезде русских из Европы в другие государства после окончания Второй мировой войны [12, с. 3].

В 1951 г. казаки и русская эмиграция собрали благотворительные средства и купили в Нью-Йорке здание, где открыли Русский дом (House of free Russia). Здесь открылся казачий музей, где экспонировались регалии. В 1981 г. казаки построили специальное здание для музея в городе Хоувелл (штат Нью-Джерси). В США регалии постоянно пытались захватить различные казачьи организации, большой интерес они представляли и для коллекционеров. Дети и внуки кубанских казаков, которые сохраняли святыни, на рубеже XX–XXI вв. стали поднимать вопрос о возвращении их в Россию.

Наталия Вячеславовна Назаренко нашла в себе силы последнее десятилетие своей жизни посвятить заветам казаков и своего отца и помочь вернуть регалии на Родину. В ноябре 1998 г. она посетила Кубань по приглашению губернатора Краснодарского края Н. И. Кондратенко, где в 1919 г. родилась в городе Екатеринодаре и откуда в феврале 1920 г. вместе с матерью покинула Родину, находясь в каюте парохода, а затем и в поезде вместе с регалиями [10, с. 3]. Сторонники возвращения несколько лет вели борьбу как в самой Америке, так и в России, пережили несколько судов и судебных расследований. В 2006 г. верховный суд штата Нью-Джерси вынес решение о принадлежности регалий Кубани. Был заключен договор между Кубанским казачьим войском в эмиграции и Кубанским казачьим войском на Кубани о возвращении регалий. Первые коллекции Высочайших грамот поступили на хранение в Краснодарский историко-археологический музей в апреле 2007 г. В 2011 г. вся коллекция поступила в музей, к этому времени в Москве в НИИ Реставрации многие предметы были отреставрированы. Сейчас кубанские регалии экспонируются в отдельном зале музея-заповедника.

Список использованной литературы.

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 5. Д. 92. Л. 63–68. Доклад о выносе войсковых регалий. 14 августа 1918 г.
2. Доронченков А. И. Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. СПб., 1997.
3. Звягинцев С. П. Около кубанских войсковых регалий // Кавказский казак. Белград. 1939. № 145.
4. Из писем соотечественников // Родная Кубань. 1998. № 4.
5. Корсакова Н. А., Фролов Б. Е. Регалии и реликвии Кубанского казачьего войска. Краснодар, 2012.

6. Корсакова Н. А. Дневники атамана Кубанского казачьего войска в Зарубежье В. Г. Науменко как источник о судьбе кубанских войсковых регалий // Зарубежная Россия. 1917–1939 : сб. статей. СПб., 2008.

7. Корсакова Н. А. Памяти Наталии Назаренко // Родная Кубань. 2012. № 2.

8. Матасов В. Д. Белое движение на юге России. 1917–1920. Монреаль, 1990.

9. Науменко В. Г., Назаренко Н. В. Пути-дороги казачьих регалий. Краснодар, 2005.

10. Назаренко Н. В. Регалии должны быть на Кубани // Кубань сегодня. 1998. 2 дек.

11. Науменко В. Г. Регалии кубанского войска // Кубанская старина и современность. Париж. 1931. № 1.

12. Россия. Нью-Йорк. 1951. 12 марта.

13. Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции. 1920–1939. Краснодар, 1997.

14. Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (КГИАМЗ). Д. Е. Скобцов. Письмо атаману В. Г. Науменко. Париж, 29 ноября 1962 г. ПМ-6390/2.

15. Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (КГИАМЗ). Науменко В. Г. «О наших войсковых регалиях». КМ-12380/183.

16. Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (КГИАМЗ). Описание войсковым регалиям. Екатеринодар, 1911. КМ-5075.

Алексей Николаевич Гребенкин,

доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, Россия, г. Орел, angrebyonkin@mail.ru

УДК 94(47)''1917-1945''+355.231

Развитие социокультурных традиций российской военной школы в кадетских корпусах русского зарубежья: преемственность и новации

Аннотация. Кадетские корпуса русского зарубежья были созданы по образу и подобию дореволюционных корпусов. Вместе с тем условия жизни в изгнании наложили серьезный отпечаток на развитие эмигрантской военной

школы. Обучение приобрело в большей степени практический, прикладной характер. Стала более разнообразной культурно-досуговая работа, отчасти также ориентированная на приобретение практических сведений. Кадетские традиции утратили озорной характер и превратились в действенное средство воспитания младших кадет силами старших.

Ключевые слова: русское зарубежье, кадетский корпус, образование, воспитание, традиции, социокультурное пространство.

Alexey Grebenkin

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Theory of State and Law,
Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА,
Russia, Orel, angrebyonkin@mail.ru

Development of sociocultural traditions of the Russian military school in the cadet corps of the Russian Diaspora: continuity and innovations

Abstract. Cadet corps of the Russian Diaspora were created in the image and likeness of pre-revolutionary corps. At the same time, the conditions of life in exile left a serious imprint on the development of the emigrant military school. Training has become more practical and applied. Cultural and leisure work has become more diverse, partly also focused on the acquisition of practical information. Cadet traditions have lost their mischievous character and have become an effective means of educating younger cadets by the forces of older ones.

Key words: Russian Diaspora, cadet corps, education, upbringing, traditions, social and cultural space.

События революции 1917 г. и Гражданской войны, уничтожившие старую Россию, нанесли тяжелый удар по системе военного образования. Кадетские корпуса и военные училища были ликвидированы. Чудом уцелевшие в кровавом водовороте кадеты, юнкера и их наставники после долгих скитаний нашли приют в эмиграции, где попытались воссоздать, насколько это было возможно, дореволюционную систему подготовки офицеров. Как отмечают А. М. Бегидов, В. Ф. Ершов и Е. И. Пивовар, «в крайне тяжелых условиях эмигрантского существования офицеры, преподававшие в военных училищах, и обучавшиеся в них юнкера старались неуклонно продолжать военные традиции учебных заведений дореволюционной России» [1, с. 63]. Генерал-лейтенант Б. В. Адамович, директор 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, поставил задачу «создать идеальный корпус, для чего необходимо восстановить все то, чем жили до революции, и считать, что каждый шаг назад есть шаг вперед по пути нашего прогресса» [2, л. 29 об.]. Его преемник генерал-майор А. Г. Попов также считал своим долгом реанимацию «всех лучших заветов, воспринятых нами сознательно и бессозна-

тельно, путем нашего воспитания, от таких завещателей, какими были для корпусов Шувалов, Бецкой, Ангальт, Мелиссино, великий князь Михаил Павлович, Царь-Освободитель, его сотрудник Я. И. Ростовцев, Милютин, Исаков и великий князь Константин Константинович» [3, л. 74].

Однако, несмотря на все усилия, строгое соответствие прежним образцам достигнуто не было. Одни элементы старой военной школы удалось воссоздать близко к оригиналу, другие в силу объективных обстоятельств были подвергнуты серьезной модификации, от третьих пришлось отказаться.

Официальные воинские традиции в кадетских корпусах русского зарубежья поначалу не претерпели серьезных изменений. Кадеты и их наставники воссоздавали музеи, бережно хранили старые знамена. Так, «при Первом русском кадетском корпусе имелось два музея – Военно-учебных заведений и Врангелевский, хранилось 98 знамен, среди них – знамена Полоцкого, Симбирского и Сумского корпусов» [4, с. 127]. Воспитанникам Донского кадетского корпуса в 1922 г. было даровано право ношения дореволюционных погон – синих с красным кантом и красным вензелем. Убранство помещений было призвано служить цели военного воспитания. А. М. Бегидов отмечал: «Российские военные беженцы, несмотря на крайне скудную обстановку, тем не менее стремились воссоздать атмосферу военно-учебных заведений в своих казармах: вывешивались схемы боевых действий, плакаты, выставлялись имевшиеся учебные пособия» [4, с. 117]. Этому же должны были способствовать парады и корпусные праздники, боевые награды, портреты полководцев.

Во второй половине 1920-х гг. стабилизация внутривнутриполитической обстановки в СССР и крах надежд на скорое свержение советской власти силами эмигрантских воинских формирований привели к существенным изменениям в деятельности кадетских корпусов. Задача подготовки офицеров отошла на второй план, и руководство вынужденно взяло курс на усиление общеобразовательной подготовки кадет в ущерб военно-профессиональной. Военный режим был фактически ликвидирован – преподаватели и воспитатели стали носить гражданскую одежду, кадеты могли ходить в форме лишь на территории заведения без права появления в ней за пределами корпуса. Строевые занятия, вызывавшие раздражение у местных властей, были заменены сокольской гимнастикой, роты, как в военных гимназиях, были переименованы в возрасты [2, л. 5–5 об.]. Кадетские корпуса не превратились окончательно в гражданские школы лишь благодаря настрою самих воспитанников и культивируемым в их среде воинским традициям. Как отмечал Н. Воробьев, «чиновники, ведавшие отделом образования, русские по происхождению, настаивали на устранении “воинского духа” в корпусах. Очень возможно, что они руководство-

вались чисто практическими соображениями и действовали из наилучших побуждений: а вдруг юношам, мечтающим только о военной карьере, и не удастся по окончании корпуса попасть на югославскую военную службу?.. Вот эти их попытки “обуздать нашу воинственность” натыкались на кадетское сопротивление, да и на сопротивление нашего корпусного начальства, начиная с директора корпуса. Это заставляло нас крепче, более цепко держаться наших традиций и помнить наш девиз: “Верны заветам старины”» [5, с. 291–292]. Поэтому воинская дисциплина по мере возможности поддерживалась на прежнем высоком уровне, а жизнь воспитанников была подчинена строгому распорядку дня.

Более стабильными и менее подверженными корреляции были интенциональные линии образовательных традиций. В своей деятельности кадетские корпуса руководствовались дореволюционными законами, правилами и инструкциями, большинство офицеров и преподавателей имели опыт работы в военно-учебных заведениях Российской империи. Учебно-воспитательная работа была организована на прежних началах; новыми предметами являлись лишь сербский язык, история Сербии и география Королевства сербов, хорватов и словенцев. В целом иностранным языкам стало уделяться большее, нежели прежде, внимание, ибо их знание позволяло не только легче адаптироваться к жизни в чужой стране, но и получить образование в европейских и американских учебных заведениях, в том числе и высших.

Нехватка учебных пособий и необустроенность помещений зачастую, особенно в годы беженских скитаний и первые годы нахождения в эмиграции, придавали занятиям «символический» характер, хотя и это было серьезным достижением в условиях общей разрухи. Однако энтузиазм позволял преодолевать трудности, даже невзирая на то, что дисциплина откровенно хромала. Один из кадет-эмигрантов вспоминал: «В Стернице мы быстро обжились, а вскоре начались и занятия. Они велись в весьма примитивной обстановке, особенно первый год. Помещений, приспособленных под классы, почти не было, т. к. в пустых бараках за отсутствием печей и оконных стекол свирепствовал мороз, а потому уроки обычно давались в спальне. Вокруг преподавателя рассаживалось на постелях соответствующее отделение, на некотором расстоянии располагалось другое. Если в числе трех или четырех педагогов, одновременно выступающих в барак, бывал один, который читал свой предмет интересно и увлекательно (как, например, профессор Малахов), публика из других отделений постоянно отпочковывала к нему, оставляя при своем преподавателе лишь несколько человек ”для представительства”. На это, так же как “на самодралы” (т. е. непосещение уроков), первое время смотрели вольно, снисходительно, понимая, что после двух лет пребывания на

фронте трудно нас сразу обуздать и превратить в примерных школяров» [6, с. 118]. Не стоит сбрасывать со счетов то, что многие кадеты при первой же возможности с головой уходили в учебу, пытаясь абстрагироваться от неприглядной действительности, и в итоге приобретали прочные профессиональные знания. По мере обустройства кадетских корпусов оформление классов все больше приближалось к дореволюционному: появлялась новая удобная мебель, оборудовались физические и химические кабинеты. В Донском кадетском корпусе большое внимание уделялось преподаванию прикладных военных дисциплин: баллистики, артиллерийского дела, топографии и т. п. [5, с. 68] В целом кадеты-эмигранты отличались от воспитанников дореволюционных корпусов более серьезным отношением к учебным занятиям, стремлением наверстать упущенное в годы Гражданской войны и приобрести знания, которые бы позволяли завершить образование и приобрести профессию. Поэтому воспитанники «стремились пополнить свои знания чтением, рефератами, дискуссиями и т. п. ...Наибольшей популярностью пользовались факультативные занятия по истории и литературе, действовали семинары по математике, физике и химии» [7, с. 149].

Аналогично выглядели и начала воспитательной системы. По воспоминанию бывшего кадета 1-го Русского корпуса С. Латышева, «когда корпус стал жить нормальной своей учебной жизнью, все наши офицеры-воспитатели, без исключения, служили делу воспитания русского юношества в русском духе и с полной добросовестностью. Это не было просто службой, а выполнением священного долга служения русскому делу...» [8, с. 266]. Воспитательная система сохранила свою православную основу: при кадетских корпусах учреждались церкви, по торжественным дням устраивались богослужения, отмечались все церковные праздники. Большое внимание уделялось продуктивному заполнению досуга воспитанников. Внеучебная деятельность должна была в первую очередь содействовать «созданию в них (кадетских корпусах. – А. Г.) здоровой психологической атмосферы и позитивной ориентации кадетов» [9, с. 65]. Тем самым обстановка жизни кадет вплотную приближалась к условиям подготовки офицеров русской императорской армии.

Вместе с тем следует отметить, что внеклассная работа стала преследовать новые цели. Условия жизни в эмиграции побудили обратить особое внимание на всестороннее развитие военно-учащейся молодежи с тем, чтобы она смогла реализовать себя и вне армии. Это привело к серьезным изменениям в социокультурной матрице кадетской подготовки в части, касавшейся эстетического развития и трудового воспитания: «Если первоначально кадетские корпуса в России готовили кадет преимущественно для суровой военной службы, то в эмиграции 1920–30-х гг. кадет-

ская жизнь стала приобретать художественное разнообразие» [4, с. 144]. Были созданы классные и ротные библиотеки, приобретены инструменты для оркестров, возобновлены празднование корпусных праздников и организация литературно-музыкальных вечеров. Руководство корпусов всемерно, не жалея средств, заботилось о культурном развитии кадет, и воспитанников по-прежнему водили в театры и на концерты, проводили с ними разнообразные чтения и собеседования. Досуг кадет был заполнен также участием в различных кружках (художественных, литературных, театральных), обучением ручному труду, занятиями спортом, изучением иностранных языков и даже изданием школьных журналов. Работа спортивных секций отличалась большой результативностью – кадеты с успехом участвовали в соревнованиях различного уровня, особенно гимнастических. Интерес к спорту был обусловлен в том числе и реваншистскими настроениями: кадеты активно готовились к противостоянию Красной армии, и в силу этого «особое внимание, естественно, уделялось военно-прикладным видам спорта: стрельбе, бегу, фехтованию, борьбе» [1, с. 118]. Занятия спортивной гимнастикой, по мнению кадет, могли пригодиться им при службе не только в возрожденной русской армии, но и в армиях зарубежных государств. Программа кружков ручного труда обрела практическую направленность: воспитанники получали рабочую профессию (например, столяра или автослесаря), которая могла пригодиться им после завершения обучения.

В отличие от официальных воинских и образовательных традиций, неофициальные традиции претерпели весьма существенную трансформацию. Кадеты и юнкера, прошедшие через ужас и лишения Гражданской войны, отлученные от семьи и Родины и лишены будущего, стали носителями других идеалов. Перелом в характере кадетских традиций, начало их инверсивного движения от противостояния педагогам к их поддержке впервые дали о себе знать в 1917 г., когда кадеты и их наставники сплотились в борьбе с ненавистными им нововведениями. Воспитанники интуитивно поняли, что именно от них зависит сохранение необходимого единства: «...уклонения от церкви прекратились, незнание урока по Закону Божию считалось позором, опаздывание в строй – преступлением. Бенефисы прекратились. Кадеты, чувствуя тяжелое положение офицеров-воспитателей, старались облегчить его как могли» [10, с. 3].

Это привело к усилению положительного влияния «традиционного начальства» старших кадет, возглавляемого «генералом выпуска». В первый период существования зарубежных корпусов многие кадеты были преждевременно повзрослевшими, изстрадавшими все «прелести» фронта и бродячей голодной жизни. Они одичали, огрубели, забыли о дисциплине и привыкли к воровству, лжи, сквернословию, пьянству. В Феодосийском

интернате, открытом при Киевском Константиновском пехотном училище в 1920 г. и впоследствии вошедшем в состав Крымского кадетского корпуса, «сложился свой кодекс чести. Схитрить, соврать что-либо офицеру-воспитателю, даже не выполнить его приказание, считалось геройством. Но не выполнить приказания постороннего офицера считалось предосудительным и недостойным кадета. “Спереть” у торговки на базаре грушу, яблоко, кисть винограда не считалось преступлением. Это было “умение”. Взять лакомство тайком у своего товарища считалось недопустимым воровством. Здесь же внедрилась в среде кадетов площадная брань, которую занесли в интернат “фронтовики”» [11, с. 149]. Переоценка ценностей способствовала разращению кадетской массы. Журналы заседаний педагогических комитетов Донского кадетского корпуса за 1919–1921 гг. пестрят записями: «самовольно ушел в отпуск и беззастенчиво лгал командиру сотни и дежурному воспитателю, желая скрыть свой проступок»; «оказался виновным в воровстве у товарища, пытался оправдаться путем лжи, но в конце концов, изобличенный, был вынужден сознаться в своем грязном и некрасивом проступке»; «после целого ряда проступков до самовольной отлучки из корпуса включительно дошел наконец до такой степени нравственного падения, что занялся кражей казенного имущества и открытой продажей его в городе» [12, л. 90 об., 96, 180]. Такие элементы с трудом входили в нормальную учебную жизнь, от них заведения лихорадило.

В новом функциональном контексте традиции, создаваемые и поддерживаемые воспитанниками, не могли не претерпеть серьезных изменений. Их главной целью стало нравственное воспитание младших, что было особенно актуально в условиях серьезного ослабления формального педагогического контроля. Эмигрантские корпуса не были, подобно дореволюционным, «кадетскими монастырями»: воспитанники зачастую жили на частных квартирах, подрабатывали, и активные контакты с окружающей средой, как правило, негативно отражались на их моральном облике. К тому же фронтовой опыт многих кадет уже не давал возможности обращаться с ними как с детьми. Свою роль сыграло и изменение статуса обучающихся и обучаемых: «...соблюдение воинской дисциплины кадетами в условиях неопределенного правового положения военных училищ, да и самих офицеров за рубежом, носило чисто добровольный характер: в любой момент кадет мог беспрепятственно покинуть училище и уехать на другое место жительства и т. п.» [4, с. 123] В первые годы эмигрантской жизни корпусов весьма частым явлением были выступления кадет против командиров и преподавателей, желавших навести порядок, – так называемые «бенефисы». Корпусной «цук» во время Гражданской войны и первые годы пребывания кадетских корпусов за границей утратил прежде присущую ему (хотя и в весьма ограниченных рамках) положительную

роль и в сочетании с тяжелейшими бытовыми условиями привел не только «к потере дисциплины, к сильнейшим психологическим срывам и жестокостям среди кадет...» [13, с. 207], но и к череде самоубийств.

Поэтому наиболее сознательные лидеры кадетской массы решили помочь педагогам оздоровить атмосферу в корпусах. Офицеры-воспитатели действительно нуждались в поддержке. По воспоминаниям очевидцев, «настроение духа у всех в силу перенесенных испытаний и безнадежности на будущее было самое подавленное» [14, л. 2–2 об.], и у многих педагогов опустили руки. Кроме того, в силу объективных условий беженской жизни воспитатели, не получавшие жалованья, были вынуждены заниматься «на стороне» тяжелым физическим трудом, чтобы обеспечивать свои семьи, и не могли уделять кадетам должного внимания. Небрежный внешний вид, постоянное переутомление, апатия не позволяли офицерам, как прежде, являться авторитетом для своих подопечных. В этих условиях старшие воспитанники по собственной инициативе приняли на себя заботу о младших и миссию защитников доброго имени заведения.

Таким образом, в эмиграции «традиционное начальство» стало играть в жизни заведений необходимую и существенную роль. Руководство, видя инициативу старших кадет, пошло им навстречу. Директор Крымского кадетского корпуса, генерал-лейтенант В. В. Римский-Корсаков признал существование «традиционного начальства» и назначил младшим воспитанникам «дядек» из числа старших кадет. Взаимоотношения между «дядьками» и их подопечными не имели ничего общего с «цуком», который поддерживали полтавцы и отрицали владикавказцы. Иной позиции придерживался генерал-лейтенант Б. В. Адамович, возглавлявший 1-й Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Он признавал роль кадетского начальства, однако ставил ее в весьма жесткие рамки своих «Шестидесяти семи заветов кадетам». Бывший «крымец» В. Бодиско, завершивший кадетское образование уже в 1-м Русском кадетском корпусе, писал: «...генерал (Б. В. Адамович. – А. Г.) не понимал, что самое сильное кадетское воспитание – это воспитание младших кадет старшими и что влияние педагогов, включая и офицеров-воспитателей, даже таких любимых, как командир роты полковник Чудинов или незабвенный капитан Трусов, всегда менее действенно, нежели влияние корпусных традиций» [15, с. 132].

Благодаря настойчивому воздействию «традиционного начальства» уже через несколько лет пребывания в эмиграции поведение кадет вошло в норму. Дикие, разнузданные выходки, разнообразные проявления цинизма и агрессии, апатия и навязчивые мысли о самоубийстве, которые вошли в жизнь воспитанников вследствие экстраординарных условий

Гражданской войны и эмигрантского рассеяния и были нередким явлением в начале 1920-х гг., постепенно сошли на нет.

Традиции, имевшие изначально шуточный, озорной характер, претерпели существенные изменения, став серьезнее и сдержаннее. Кадеты русского зарубежья были психологически гораздо старше их дореволюционных сверстников, поэтому корпус представлял собой не «собрание мальчиков-кадет, отданных папой и мамой на учебу в корпус, а собрание добровольно пришедших сознательных юношей, которые пришли учиться и если не перевоспитаться, то загладить шероховатости не вовремя узнанной жизни» [16, л. 128–128 об.]. «Звериада» в эмиграции утратила свою нецензурную форму и приобрела вполне официальный характер: «Элемент шутки становился все меньше и меньше, а если она и была, то уже во всяком случае без злого намека на неблаговидное поведение» [5, л. 29 об.]. На смену высмеиванию педагогов пришло беззлобное, добродушное подшучивание над ними. Внесение новыми выпусками в текст непристойных стихов было запрещено.

Такую же серьезную, воспитательную функцию выполняли и традиционные парады, которые бывали в высокотожественные дни, начиная с корпусного праздника. В них участвовали не только кадеты старшего выпуска, но и следующего за ним, и вообще все классы. Они устраивались после официального корпусного парада и являлись как бы его продолжением. При этом старались соблюдать тайну, но, так как в параде принимал участие и хор трубачей, то начальство прекрасно знало о церемонии, но предпочитало закрывать на эту вольность глаза. Иногда традиционные парады проходили вне корпуса, в горах. Парад в Донском корпусе проходил следующим образом: «Когда все кадеты были выстроены, появлялось традиционное начальство с атаманом во главе. Трубачи играли Атаманский встречный. Парады проходили в очень серьезной атмосфере, а речи атамана и товарища атамана были исполнены призывов хранить кадетские традиции и любить Родину. Все заканчивалось прохождением церемониальным маршем перед атаманом и традиционным начальством. Иногда после парада кадеты, окружив своего атамана, пели различные песни, начиная со Звериады...» [17, с. 157]

И все же традиционный шуточный настрой традиций не угас. По-прежнему два раза в год устраивались «похороны наук». Тайный обряд, смыслом которого было прощание с учебниками как атрибутами детства и вступление в новую жизнь, изучаемую не по книгам, проводился глубокой ночью. Воспитанники в траурных одеждах, со свечами и заупойным пением, выносили из корпуса «гроб» с несколькими учебниками. Худший по успехам кадет или юнкер изображал безутешную вдову «покойника». Процессия выходила из корпуса и направлялась за город, где

«гроб» сжигался на заблаговременно разведенном костре. Начальство было в курсе предполагаемых «похорон», но, как правило, не препятствовало им. По окончании похорон устраивался «ночной смотр» (известный под названием «шванц-парад»), участники которого проходили перед «генералом выпуска» церемониальным маршем в обнаженном виде.

Роль «Звериады» стали играть куплеты «Журавля» – разухабистой, озорной песни. До революции в нецензурном «Журавле» высмеивались отдельные кадетские корпуса; в эмиграции кадеты-донцы приспособили его вместо ставшей серьезной «Звериады» для издевки над педагогами. Про командира 2-й сотни полковника Фицхелаурова в «Журавле» говорилось: «Горбоносый павиан, иногда бывает пьян»; директор корпуса генерал Перрет был заклеен как человек, который «правит корпусом не сам, а посредством старых дам»; про преподавателя немецкого языка пели: «Анекдот, стакан портвейна – это нужно немцу Штейну» [17, с. 325–326].

Сохранялась и традиция «бенефисов» начальству и нелюбимым преподавателям. Выглядел «бенефис» устрашающе: «...в полной темноте катились друг другу навстречу по бетонному полу коридора чугунные ядра – ох, и жутко же было, напоминало чуть ли не бомбардировку... Кошачий вой, завывание шакалов – все это напоминало джунгли, а тут еще лупили в тазы и пели марши – бедлам!» [18, с. 48] Справедливости ради следует сказать, что поводы для «бенефиса» всегда бывали существенными (например, массовые наказания невиновных), и начальство после этого, как правило, шло на уступки. Сами кадеты к «бенефисам» прибегали лишь в крайнем случае, стараясь улаживать возникающие конфликты мирным путем.

Однако ядро кадетских традиций отныне образовывали жесткие требования к моральным и нравственным качествам воспитанников и принципы самоуправления, организуемого в воспитательных целях. Сохранились записанные кадетом А. М. Слезкиным «Правила Русского корпуса» и «Традиции Русского кадетского корпуса», которые появились во время пребывания заведения в Сараево. Смысл разделения на «Правила» и «Традиции» неясен, ибо в них говорилось примерно об одном и том же. И «Правила», и «Традиции» содержали требования к поведению и внешнему виду кадет, регламентировали взаимоотношения воспитанников. Все кадеты должны были поддерживать товарищество («один за всех, все за одного»), стремиться к тому, чтобы отношения между всеми кадетами носили дружественный характер. Старшим кадетам вменялось в обязанность следить за нравственным обликом младших кадет, а те, в свою очередь, были обязаны беспрекословно им повиноваться. Младшим кадетам рекомендовалось исполнять просьбы старших, однако старшим кадетам было запрещено злоупотреблять своим старшинством. Старшинство в заведе-

нии принадлежало 8-му классу, во главе традиций стоял выпускной совет, состоявший из генерала, двух ассистентов, двух полковников, адъютанта, казначея и фельдфебеля корпуса. Во 2-й роте также было начальство – старший и подстарший. Наказания за мелкие проступки налагались старшим кадетом 2-й роты, за крупные – генералом выпуска. Воровство каралось исключением из корпуса. Категорически запрещалось кощунство. Кадеты должны были соблюдать правила ношения формы и за пределами корпуса вести себя хорошо, так как от этого зависела репутация заведения. За нарушение правил ношения формы старший кадет мог отослать младшего кадета в корпус, причем кадет 3-й роты отсылался к вице-унтер-офицеру, а 2-й роты – к старшему кадету этой роты. В пьяном виде в кадетской форме в городе появляться было нельзя; воспитанник, подрывавший авторитет корпуса, был недостоин носить его погоны. Все кадеты должны были отдавать честь офицерам (даже одетым в гражданское платье), приветствовать выпускников корпуса, носящих его знак, и вежливо относиться к частным лицам.

«Цук» в Русском корпусе был запрещен, хотя часть его воспитанников – бывшие «одесситы» – выступали за сохранение этой традиции. Это вносило определенный разлад в жизнь заведения. Бывший воспитанник А. Мальчевский вспоминал: «Камень преткновения между этими корпусами, точно как и в Крымском, – цук. В Одесском – цук, в Киевском его нет» [19, с. 52]. Постепенное сближение одесской и киевской группировок, а также «прибытие в 1924 г. “третьей силы” – дисциплинированной и прошедшей суровую школу группы кадет 1-го Сибирского корпуса из Шанхая сгладило существующие противоречия. VI выпуск Русского корпуса в конце 1925 г. установил полное примирение между враждующими лагерями, и в корпусе создалась здоровая атмосфера, соответствующая более эффективному ходу учебного процесса» [7, с. 80]. Однако кадетские группы старых корпусов не утратили свои традиции. Этому способствовала и позиция руководства Русского корпуса, которое, к примеру, в 1926 г. организовало торжественное празднование 75-летия Киевского кадетского корпуса. Сохранялись и старые погоны, которые надевались во время проведения неофициальных церемоний.

Сознавая значимость изменившихся в лучшую сторону традиций в деле воспитания кадет, директора и офицеры эмигрантских корпусов, как уже было сказано выше, старались опереться на них при организации учебно-воспитательной работы. Однако при этом педагоги стремились использовать термин «кадетские традиции» для обозначения не правил, регламентирующих поведение кадет, а духовных ценностей, которые позволили бы сохранить культурную целостность русской военной молодежи. Так, в 1930 г. Р. Термен, помощник директора Родного корпуса, рас-

полагавшегося в Софии, опубликовал брошюру под названием «Кадетские традиции». В ней Термен называл кадетскими традициями любовь к России, искренние религиозные чувства и монархические убеждения. Они были призваны содействовать интеграции воспитанников, рассеянных по разным странам, помочь им завершить образование, встать на ноги и, не посрамив чести русского кадета, с честью выйти из всех испытаний [20, л. 4 об. – 5 об.]. Тем самым, очевидно, предполагалось отвлечь внимание кадет от их дореволюционных традиций, игравших не только положительную, но и отрицательную роль, и сплотить их на основе «новых» кадетских традиций, имевших духовно-нравственный характер. Примечательно, что инициатива изменения взгляда на кадетские традиции исходила от выпускников Родного корпуса, которые на своем собрании 22 декабря 1929 г. сформулировали их следующим образом: «В основе наших традиций как цель деятельности всех кадет лежит девиз: Жизнь за Веру, Царя и Отечество. Как способ же действия: Сплочение, достигаемое жертвенной взаимной дружбой, строгой дисциплиной, безграничным доверием и любовью к начальству нашему, самоотверженной, честной и энергичной работой во исполнение его предначертаний и поведением достойным русского имени» [20, л. 3].

Таким образом, анализ трансформации неофициальных традиций, позволяет сделать вывод о том, что в эмиграции их главной целью стало не полунасилованное сплочение воспитанников для борьбы с ненавистным начальством и «фискалами», а создание товарищеского союза во имя сбережения чести и достоинства корпуса как во внешнем (чистота, опрятность, аккуратность, форма одежды и т. д.), так и во внутреннем отношении (приверженность к общепринятой идеологии, любовь и преданность Родине, армии, православию) [21, с. 49]. Традиция негативного отношения к начальству, после кратковременного всплеска в начале 1920-х гг., постепенно уходила в прошлое. Главной задачей, объединившей воспитанников и офицеров, было сохранение национальной и культурной идентичности. Необходимо было позаботиться и о том, чтобы не утратить «воинский дух», ибо Государственная комиссия по делам русских беженцев в Югославии требовала преобразовать кадетские корпуса в гражданские средние школы. Зримым воплощением единения кадет и педагогов был обычай «качания» в день Св. Георгия георгиевских кавалеров из числа как педагогов, так и воспитанников. Карнавальная сторона традиций отступила на второй план, и на авансцену выдвинулась задача физического и духовного спасения воспитанников, сплочения их в тесную семью, которая могла бы выжить в чужой стране, вдали от Родины. В основу традиций были положены «честь корпуса, единение кадет и авторитет старших» [16, л. 128 об.].

Подводя итоги, следует сказать, что военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса в эмигрантской военной школе были сохранены в максимально возможном объеме. Как отмечал А. Замостьянов, «традиции российских кадет не исчезли в буре 1917 года. Их бережно перенесли на чужбину русские изгнанники в годы Белого Исхода. В Русском Зарубежье традиции кадет никогда не умирали; в Маньчжурии, в Югославии, во Франции действовали полноценные кадетские корпуса; на разных континентах сохраняются кадетские объединения, ставшие средоточием славных традиций отечественной армии и педагогики... В этих уникальных учебных заведениях (кадетских корпусах русской эмиграции. – А. Г.) двухвековые традиции русских кадет не только сохранились, но и получали развитие, чтобы в XXI в. стать фундаментом новой российской армии» [22, с. 2]. Официальные традиции и традиции учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы не претерпели кардинальных изменений, хотя нельзя не отметить, что практическая сторона учебной подготовки была несколько усилена, а культурно-досуговая работа стала осуществляться в более широких рамках, нежели прежде, содействуя всестороннему развитию воспитанников. Многие выпускники кадетских корпусов русской эмиграции поступали в военно-учебные заведения Югославии и других восточноевропейских стран и впоследствии становились офицерами армий этих государств. Что касается неофициальных традиций, то они, продолжая служить средством сплочения воспитанников, утратили свой антиначальственный характер и стали преследовать цель сохранения нравственного облика русских кадет и национальной культуры. В соответствии с этой новой целью кадетские традиции претерпели существенные изменения: они обрели военно-патриотическую направленность, а традиционная юмористическая составляющая приняла второстепенный характер. «Цук» сам собой ушел на второй план. Старшие кадеты стали по-настоящему заботиться о младших, заменяя им погибших отцов и старших братьев. «Звериада» и прочие символы «традиционного» начальства утратили роль эстафетной палочки в борьбе с начальством и превратились в связующую нить между изгнанниками и далекой Россией, которую они мечтали освободить. Изменились и отношения между различными заведениями. До революции традиции разъединяли воспитанников, в эмиграции они стали играть связующую роль. Кадеты и юнкера, вместе пережившие Гражданскую войну и исход, уже не могли тратить силы на вражду друг с другом, и в эмиграции последовало окончательное примирение десятилетиями соперничавших друг с другом представителей разных военно-учебных заведений. Общие для всей эмигрантской военно-учащейся молодежи традиции, и серьезные, и шуточные, основывались на принципе «сам погибай, а товарища выручай», учили ставить на первое место не личные, а общественные интересы, отстаивать честь родного военно-учебного заведения, русской армии и России.

Список использованной литературы

1. Бегидов А. М. Военное образование в Зарубежной России. 1920–1945. М. : ИВИ РАН, 2001. 330 с.
2. Бегидов А. М., Ершов В. Ф., Парфенова Е. Б., Пивовар Е. И. Российская военная эмиграция в 1920–30-е годы. Нальчик, 1998. 199 с.
3. Бегидов А. М., Ершов В. Ф., Пивовар Е. И. Военно-учебные заведения зарубежной России. Нальчик : Эль-Фа, 1999. 253 с.
4. Бодиско В. [Письмо Г. В. Писареву] // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. Каракас, 1993. № 35. С. 47–49.
5. Воспоминание о кадетских корпусах и институтах благородных девиц : альбом / сост. С. В. Волков, А. А. Замостьянов, В. В. Лобыцын. М., 2001. 40 с.
6. Воробьев Н. С Дону выдачи нет! // Кадетская переключка. 1972. № 3. С. 47–48.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1255. Оп. 2. Д. 64.
8. ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 53.
9. ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 165.
10. ГАРФ. Ф. Р-7065. Оп. 1. Д. 22.
11. ГАРФ. Ф. Р-7065. Оп. 1. Д. 4.
12. Гурковский В. А. Крымский кадетский корпус. 1920–1929 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 147–169.
13. Донской императора Александра III кадетский корпус. Воспоминания кадет Донского корпуса / под ред. М. К. Бугураева. Мадрид, 1974. 590 с.
14. Честь родного погона. Книга о традициях Российских кадетских корпусов / [авт.-сост. А. Б. Иордан]. М. : Фонд содействия Рос. кадет. корпусам им. А. Б. Иордана, 2003. 509 с.
15. Кадет сибиряк-александровец. № 1. Белград, июнь 1925 г.
16. Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945. Нью-Йорк : Изд. Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. 502 с.
17. Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах : воспоминания белого офицера. Буэнос-Айрес, 1977. 230 с.
18. Колмогоров А. 25 лет вне Родины. Русские кадетские корпуса в королевстве Югославия 1920–1945 гг. // Дон. 2001. № 3/4. С. 205–219.
19. Латышев С. Эвакуация кадет из Одессы в 1920 году // Гражданская война в России: Черноморский флот / сост. В. Доценко. М. : АСТ, 2002. С. 259–266.

20. Мальчевский А. Воспоминания // Кадетская переключка. 1973. № 7. С. 42–61.

21. Сотников С. А. Дети российских военных эмигрантов в 1920–1930-е годы: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 63–68.

22. Термен Р. Кадетские традиции. София, 1930 // ГАРФ. Ф. Р-6808. Оп. 1. Д. 10.

Наталья Валерьевна Евдошенко,

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Россия, г. Москва, n.matinale@gmail.com

УДК 930.2

Архивные документы о событиях культурной жизни русской эмиграции во Франции в 1920–1930 гг.

Аннотация. В статье рассматривается культурная жизнь русского зарубежья, представленная различными мероприятиями, такими как балы, концерты, творческие вечера, театральные постановки, вечера памяти, организованные благотворительными обществами русского зарубежья в 1920–1930 гг. во Франции. Публикуются впервые некоторые архивные документы о процессе первой постановки спектакля по пьесе А. Н. Толстого «Любовь – книга золотая» и участии в ней художника С. Ю. Судейкина. Для работы были использованы архивные документы фонда «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции». В результате исследования показана интенсивная культурная жизнь русской диаспоры во Франции, помогавшая эмигрантам из России сохранить свою идентичность, и роль в организации культурного досуга благотворительных организаций. Статья адресована исследователям истории культуры русской эмиграции во Франции.

Ключевые слова: русское зарубежье, культурные мероприятия, Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, история культуры, С. Ю. Судейкин.

Natalia Evdoshenko

Postgraduate student of the academic chair for History and Organization of Archive-Keeping, Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia, n.matinale@gmail.com

Archival documents on the events in the cultural life of Russian emigration in France in 1920-1930

Abstract. The article focuses on the cultural life of the Russian community abroad as shown through numerous events, such as balls, concerts, readings and recitals, theater performances, as well as commemoration gatherings, organized by

the charitable societies of the Russian émigré community in 1920-1930 in France. Some archival documents about the first production of the play by Alexey Tolstoy "Love is a Golden book" (and the participation of the artist Sergey Sudeikin in its preparation) are published for the first time. The research involved archival sources held in the Committee for the Relief of Russian Writers and Scientists in France foundation. The study portrays the vibrant cultural life led by the Russian diaspora in France, which helped Russian émigrés preserve their identity, and describes the role charitable organizations played in the cultural leisure organization. The article appeals to all researchers of the cultural history of Russian emigration in France.

Keywords: Russian community abroad, cultural events, Committee for the Relief of Russian Writers and Scientists in France, history of culture, S. Yu. Sudeikin.

Культурная жизнь проявляется прежде всего в коммуникации между людьми или сообществами с целью сохранения и передачи следующим поколениям своих и накопленных творческих и духовных достижений. С этой точки зрения культурная жизнь российской диаспоры во Франции в 1920–1930-е гг. представляла собой уникальное явление, которое было порождено несколькими факторами. Во-первых, российское эмигрантское сообщество состояло в значительной части из так называемой интеллектуальной и творческой элиты, поскольку, по мнению исследователей, почти «половина творчески активных носителей прежней культуры, ведущих представителей философии и искусства» оказалось в эмиграции [1, с. 3]. Во-вторых, это было достаточно замкнутое общество, которое, по крайней мере в первое десятилетие эмиграции, совершенно сознательно стремилось противостоять ассимиляции с другими народами и главным образом в области культуры. Сочетание этих факторов дало совершенно невероятный результат в виде чрезвычайно насыщенной культурными событиями жизни, центр которой находился во Франции, ставшей местом притяжения многих людей творческих профессий, которые оставили нам богатое культурное наследие во всем многообразии его направлений: литература, живопись, театр, балет, опера – в каждом из них есть авторы и произведения, навсегда вписанные в историю культуры.

Изучение культуры российского зарубежья часто предполагает изучение именно «наследия». В этом смысле больше всего «повезло» литературе. Вероятно, потому, что словесная форма, зафиксированная на бумаге, – это просто готовый письменный источник, к тому же часто вышедший большим тиражом. Так, историк М. И. Раев считал литературу «доминирующей формой выражения творческого потенциала русской культуры», указав, что «культурная жизнь и творчество в Русском Зарубежье развивались по преимуществу, если не исключительно, в словесной форме» [2, с. 22]. Поэтому работ, посвященных именно осмыслению литературного творчества и его феномена, немало. Отметим лишь некоторые. Монография А. Г. Соколова представляет очерк о судьбах литераторов,

эмигрировавших из России после Октябрьской революции 1917 г. [3], А. М. Зверев в своей работе «Повседневная жизнь русского литературного Парижа» [4] анализирует не только мировоззренческие проблемы культуры, но и проблемы быта писателей. Французский историк Ральф Шор в своей статье [5] рассматривает проблемы поиска русскими писателями своей идентичности. О становлении и развитии театра в обществе русского зарубежья несколько значительных исследований опубликовала М. Г. Литаврина [6; 7]. Весьма интересна монография Д. Я. Северюхина, которая рассматривает судьбы эмигрантов-художников, но также затрагивает вопросы формирования центров русской художественной культуры за рубежом, объединений художников и сохранения их архивного наследия [8]. Это же направление – российской художественной эмиграции во Франции – раскрывает и монография В. Ф. Ершова [9]. Есть работы, в которых затрагиваются все направления культуры, такие как, например, фундаментальный труд Никиты Струве [10, с. 103–141]. События культурной жизни русского зарубежья, не оставившие после себя наследия (например, праздники), проанализированы и классифицированы историком Л. В. Климович [11].

Несмотря на высокую степень изученности темы, можно обнаружить в архивах неизвестные факты и дополнить новой информацией то, что уже стало достоянием исследователей.

Организацией культурной жизни русской диаспоры в 1920–1930-х гг. во Франции, как правило, занимались различные союзы, комитеты, ассоциации и общества, объединившие своих членов на профессиональной основе. Они устраивали балы, концерты, творческие вечера, вечера памяти, театральные постановки, выставки и тому подобные мероприятия – часто с целью сбора средств и распределения их среди малоимущих. Именно поэтому в архивных документах таких благотворительных организаций можно найти многочисленные свидетельства того, как создавались и проводились эти культурные мероприятия. Например, множество балов было организовано «Профессиональным союзом русских художников во Франции» (*L'Union professionnelle des artistes russes en France*), основанным в ноябре 1920 г. [12, с. 387]. По сохранившимся афишам, которые сами по себе уже являются культурной ценностью, можно восстановить некоторые организованные им благотворительные балы: «Ночной праздник Монпарнаса» («*Fête de Nuit à Montparnasse*», 30 июня 1922), «Заумный маскарадный бал», («*Grand Bal Travesti Transmental*», 23 февраля 1923), «Обычный бал» («*Bal Banal*», 14 марта 1924), «Олимпийский бал» («*Bal Olympique*», 11 июля 1924), «Бал Большой медведицы» («*Bal de la Grande Ourse*», 8 мая 1925) [13, с. 256].

Другая организация «Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции» (*Comité de secours aux écrivains et aux savants russes en France*) (далее в тексте – Комитет) за все время своего существования с 1919 по 1935 г. также провела немало интересных культурных мероприятий в Париже как самостоятельно, так и в сотрудничестве с Союзом русским писателей и журналистов в Париже (*L'Union des écrivaines et des journalistes à Paris*) (далее в тексте – Союз).

Целью настоящей статьи является исследование процессов организации различных культурных мероприятий в Париже в 1920–1930 гг. членами благотворительных организаций на примере деятельности «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции». Чтобы раскрыть тему наиболее полно, мы рассмотрим следующие аспекты. Во-первых, проанализируем деятельность Комитета по организации Новогодних балов, во-вторых, представим ранее не опубликованные документы по реализации им первой постановки пьесы «Любовь – книга золотая» А. Н. Толстого. И наконец, составим список прочих культурных мероприятий, таких как выставки, творческие вечера, вечера памяти и других, организованных Комитетом.

Для изучения вопроса о том, какие мероприятия и как организовывались, мы будем использовать ранее не опубликованные документы фонда «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции», которые хранятся в «Современнице» (*La contemporaine* – название бывшей «Библиотеки современной международной документации» – BDIС в Нантере, Франция).

«Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции» был создан в августе 1919 г. в Париже по инициативе членов американского «Фонда помощи нуждающимся российским литераторам и ученым». Комитет в Париже был создан с единственной целью помощи и поддержки нуждающихся русских писателей и ученых, которые были вынуждены по разным причинам эмигрировать из большевистской России. Первым председателем Комитета и до самой своей смерти в 1926 г. был Н. В. Чайковский. В состав Комитета входили: В. Н. Бунина, И. А. Бунин, М. А. Ландау, И. И. Фондаминский (Бунаков), А. Н. Толстой, К. Д. Бальмонт, А. И. Куприн и многие другие.

Предметом постоянной заботы членов Комитета было пополнение кассы. Для достижения этой цели основным и хорошо работающим способом была организация вечеров, балов и концертов, обычно посвященных какой-нибудь годовщине или событию.

О деятельности благотворительных организаций по устройству таких балов и вечеров в своих воспоминаниях писала дочь Куприна:

«Раз или два в год устраивались большие благотворительные балы, обычно в залах гостиницы “Лютеция”, на левом берегу Сены. [...] Билеты распространялись среди богатых эмигрантов так называемыми “дамами-патронессами”. В первые годы на такие балы собирались очень многие. [...]

В 1924–1925 годах многие писатели, артисты, художники раз в год устраивали свои вечера. Снимали зал, печатали билеты, те же дамы-патронессы их распространяли. Обыкновенно на вечере выступал сам виновник торжества и приглашал выступить наиболее популярных артистов эмиграции. Это давало возможность расплатиться с долгами и немножко вздохнуть от вечной мерзкой нищеты» [14].

Новогодние балы совместно с «Союзом русских писателей и журналистов в Париже» Комитет организовывал ежегодно, каждый январь начиная с 1924 г. Назывались они «Встречи русского Нового года» и происходили в отеле «Лютеция». Каждый раз в программе вечера было что-то новое, неожиданное и интересное. Все балы тщательно и задолго готовились, обсуждались на заседании Комитета, распределялись обязанности по подготовке, распространению билетов, и заранее делались публикации в прессе.

В январе 1924 г. на такой бал Комитетом была приглашена Т. П. Карсавина.

13 января 1925 г. программа новогоднего бала предусматривала согласно листовке: «Ряженые в публике, Чарли Чаплин среди русских, Кабаре – танцы до утра, Два джаз-банда», в программе выступление певицы Надежды Плевицкой, которая участвовала без оплаты (Листовка, La Contemporaine 832 (05) (08) 001).

Атмосферу, царящую на этих балах, хорошо передают рекламные публикации в газетах, например, от 12 января 1926 г.:

«Посетителей завтрашнего Новогоднего Бала Комитета помощи писателям и ученым ждет множество сюрпризов. Так, в нижнем этаже “Лютеции”, в одной из зал они попадут в восточный киоск, где настоящие арабы в пестрых национальных костюмах и барышни и дамы в восточных одеяниях будут предлагать настоящий турецкий кофе, ликеры и папиросы. Неподалеку – убежище предсказателя судеб по звездам – доподлинного астролога. В другой зале – “Три Пифии” – г-жа Тэффи и г.г. Саша Черный и Петр Потемкин – предскажут за скромную лепту судьбу всем желающим, причем ответ будет стихотворный.

В верхнем этаже – “Книжная лавка писателей”. Почти все пребывающие в Париже и его окрестностях русские писатели и некоторые французские прислали для продажи свои произведения, украсив их автографами. Д. С. Мережковский прислал книгу, написав на заглавном листе нигде

не появлявшееся стихотворение, З. И. Гиппиус – две книги и на обеих написаны стихотворения»¹.

13 января 1926 г. в программе бала были указаны Александр Вертинский, Алла Литвицкая, балерина балета Дягилева – Сумарокова².

О праздновании бала 13 января 1927 г. в фонде Комитета есть множество документов – от афиш со списком участвующих артистов, писем с приглашениями, газетных рекламных публикаций до меню ужина с ценами на блюда³. Особенностью этого бала стало представление скетча, задуманного Н. А. Тэффи и написанного И. А. Буниным, который помимо них исполнили: А. Даманский, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев, А. И. Куприн, В. Н. Ладыженский, Бор. Лазаревский, Ирина Одоевцева, Иван Сургучев, Михаил Осоргин, Саша Черный и А. А. Яблоновский. На балу была устроена лотерея с выставкой работ художников А. Н. Бенуа, И. Я. Билибина, М. В. Добужинского, Льва Зака, Н. С. Гончаровой и др.

Через год, 13 января 1928 г., изюминкой Новогоднего бала стала постановка написанной Н. А. Тэффи шуточной пьесы-пантомимы «Чудовищная мамка, или Неожиданный конь», в которой А. И. Куприн сыграл роль Коня⁴. В фонде Комитета находится афиша вечера, а также машинописный текст самой пьесы на двенадцати страницах⁵.

В фонде Комитета также хранятся афиши бала русского Нового года, состоявшегося 13 января 1930 г.⁶

Помимо Новогодних балов, хорошим источником дохода для Комитета были театральные постановки. В конце 1921 г. в Комитете помощи русским писателям и ученым была создана отдельная «театральная» комиссия с участием представителей французского общества, которой предстояло заниматься вопросами организации концертов, вечеров и пр.⁷ Первым большим делом этой вновь созданной комиссии было завершение постановки пьесы Алексея Николаевича Толстого «Любовь – книга золотая»⁸, над которой начали работать еще в начале 1921 г. В Журнале заседаний Комитета от 10 февраля 1921 г.⁹ об этом есть следующая запись:

---

¹ Газета «Последние Новости» от 12.01.1926 «Завтра – бал в Лютеции», La Contemporaine F delta rés.832 (6) (4).

² Программа Новогоднего бала 13.01.1926 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (6) (4).

³ La Contemporaine F delta rés. 832 (6) (6).

⁴ «Иллюстрированная Россия» № 5 (142) 1928 год, с. 1.

⁵ Текст пьесы «Чудовищная мамка, или Неожиданный конь» La Contemporaine F delta rés.832 (7) (8).

⁶ La Contemporaine F delta rés. 832 (9) (8).

⁷ Журнал № 67 Заседания Комитета от 14.12.1921 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (2).

⁸ «Любовь – книга золотая» – пьеса, комедия, написанная в 1918 г. На сценах театров идёт до настоящего времени.

⁹ Журнал № 30 заседания Комитета от 10.02.1921 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (1) (4).

«Е. Н. Дживилегова договорилась о собрании у г-жи Денисовой¹ по делу устройства большого вечера-спектакля. Гр. А. Н. Толстой дал детальные объяснения относительно принципов устройства этого вечера». Далее на протяжении года на заседаниях Комитета тема постановки этого спектакля обсуждалась многократно.

Для постановки спектакля «Любовь – книга золотая» привлекли художника Сергея Юрьевича Судейкина, и в архивных документах Комитета имеется копия соглашения от 03.03.1921 г. между С. Ю. Судейкиным и А. Н. Толстым, которому было доверено проведение переговоров с художником:

«Я, гр. Алексей Николаевич Толстой, по поручению Вырубова и Е. М. Дмитриевой представителей общества (комитета) по устройству благотворительного спектакля в театре Коппо по пьесе моей “Любовь – книга золотая” с согласия вышеуказанных членов комитета условился с Сергеем Юрьевичем Судейкиным о следующем:

Сергей Юрьевич Судейкин обязуется сделать эскизы к трем актам “Любовь – книга золотая”, костюмы и все необходимое, наблюдать за ходом работы и выполнением всей декоративной части спектакля. За эту работу комитет по постановке спектакля уплачивает Сергею Юрьевичу Судейкину четыре тысячи франков и, кроме того, отдельно за эскиз программы и просмотр ее выполнения одну тысячу франков.

1921 г. 3 марта

уполномоченный комитета гр. Алексей Н. Толстой
со всем согласен Сергей Судейкин»².

В фонде Комитета есть также письмо А. Н. Толстого, адресованное председателю Комитета Н. В. Чайковскому от 27 мая 1921 г.³, в котором он подтверждает, что контракт с директором театра Коппо подписан и постановка спектакля планируется на осень 1921 г.

Однако к осени эскизы еще не были сделаны. Причину этому мы узнаем из письма С. Ю. Судейкина в Чайковскому от 14.12.1921 г.:

«Я очень сожалею, что Вам приходится обращаться ко мне в качестве председателя комитета помощи по поводу злополучной пьесы гр. Ал. Толстого. [...] У меня имеется письмо Толстого, копию которого я пересылаю Вам, чтобы познакомить Вас, на каких условиях я сделал эскизы для Коппо. [...] Мои отношения с Коппо ограничились двухнедельной ра-

---

¹ Денисова Софья Владимировна входила в состав группы по устройению концертов и спектаклей в пользу Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции и Союза литераторов и журналистов.

² Копия письма гр. А. Толстого от 03 марта 1921 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (3).

³ Письмо А. Н. Толстого, адресованное Н. В. Чайковскому от 27 мая 1921 г., La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (3).

ботой на сцене, результатом которой были мои эскизы для пьесы. Относительно работников пера и кисти я помогаю им всю жизнь как могу. Если в настоящее время благодаря моей огромной работоспособности я начинаю иметь работу в театрах Парижа, это только благодаря постоянной работе ночами, которую я уже год веду в Париже. Я приехал сюда оборванным и голодным, а потому хорошо знаю и вникаю в жизнь моих соотечественников. Пьеса Толстого мне была предложена 1½ года тому назад, и я в течение этого времени дожидался ее осуществления, теперь, когда я работаю по контракту в двух театрах, я должен подробно выяснить время и возможности сделать пьесу, которую я горячо люблю. Главная часть работы для Коппо мной сделана еще полгода тому назад, я сумел бы найти время для этой работы, если захотят понять, что я никогда не просил «добавочных» вознаграждений и если верят в мое русское сердце»¹.

Таким образом, причина задержки была не в том, что С. Ю. Судейкин не сделал эскизы, а в том, что они не были воплощены на сцене из-за недопонимания, кто именно это должен делать. В декабре 1921 г. в Комитете даже встал вопрос о его замене: «Возникшие финансовые и чисто технич. затруднения с художником Судейкиным будут устранены, в случае необходимости заменят его другим художником уже назначенным директором театра»². На этом же заседании было отмечено, что этот спектакль «unique»³ будет повторен всего 2–3 раза в зависимости от успеха. Из Журнала следующего заседания от 21.12.1921 г. мы видим, что «между г. Коппо и Судейкиным (или др. русским художником) будет, вероятно, достигнуто соглашение по вопросу о декорациях к пьесе А. Н. Толстого»⁴.

Премьера спектакля «Любовь – книга золотая» («L'Amour, Livred'Or») состоялась 24 февраля 1922 г. на сцене театра «Vieux Colombier»⁵ в афише указано «Декорации и костюмы Сергея Судейкина, выполненные Александром Шервашидзе».

Свидетельство Куприна об этой первой постановке пьесы привел историк О. Н. Михайлов: «Русский XVIII век, в причудливом смешении задубелого помещичьего самодурства и утончённой столичной галантности, ожил на парижской сцене. Репетиция шла в костюмах и с декорациями, сам Коппо из партера своим мощным басом вносил поправки. Императрица

---

¹ Письмо С. Ю. Судейкина, адресованное Н. В. Чайковскому от 14.12.1921 г., La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (1).

² Журнал № 67 заседания Комитета от 14.12.1921 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (2).

³ Unique (фр.) – единственный.

⁴ Журнал № 68 заседания Комитета от 21.12.1921 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (2).

⁵ Vieux Colombier (фр.) – «Старая голубятня» – театр, созданный Жаком Коппо в 1913 г. в Париже. В настоящее время в этом помещении располагается один из залов театра Comédie-Française. Расположен в районе Сен-Жермен.

Екатерина и её протеже юная княгиня очаровательно носили фижмы. Княжеский шут Решето, загримированный чуточку под автора, хохотал за кулисами подлинным толстовским смехом, единственным и великолепным. Декорации Сергея Судейкина были, как всегда, прекрасны и исполнены весёлого фарса в русском национальном стиле» [15].

Но помимо таких крупных событий, как устройство Новогодних балов и театральных постановок, Комитет постоянно организовывал различные другие мероприятия. Это были выставки, тематические вечера и концерты, являющиеся источниками финансирования для раздачи пособий нуждающимся писателям и ученым. Далее в хронологической последовательности приведем некоторые из них.

5 января 1921 г. состоялся Литературно-музыкальный вечер памяти Л. Н. Толстого в Salle Gaveau (45&47, Rue La Boetie) и в рекламной листовке отражен состав участников:

«При участии в литературном отделе: Артисток Государственных Петроградских театров Е. Н. Рощиной-Инсаровой; М. Д. Прохоровой; Академика И. А. Бунина; А. И. Куприна; Гр. А. Н. Толстого; М. А. Стаховича и Артиста Государственных Петрогр. Театров Ю. Э. Озаровского¹, в музыкальном отделе: Пианиста А. П. Браиловского»².

23 июня 1922 г. состоялся «Час старинной музыки» польской пианистки Ванды Ландовской (Wanda Landowska), также организованный Комитетом и состоявшийся у госпожи Цетлин.

Следующим большим совместным мероприятием, организованным Комитетом и Союзом журналистов, стал Гала-концерт Балета Дягилева в театре Могадор³ 27 июня 1922 г.

В 1923 г. было организовано два концерта, в числе которых 21 апреля на сцене театра Эдуарда VII (фр. Edouard VII)⁴ выступила Ида Рубинштейн⁵. Для привлечения публики на этот концерт члены театральной комиссии Комитета организовали огромное число рекламных публикаций в прессе, часть из которых в виде газетных вырезок находится в архивных документах Комитета⁶.

21 июня 1923 г. состоялся гала-вечер театра Н. Ф. Балиева «Летучая Мышь» в пользу нуждающихся писателей, журналистов и ученых. В ар-

---

¹ Озаровский Юрий Эрастович (1869–1924) – актёр.

² Рукописный текст листовки не датирован, но ранее 5.01.1921 г. Орфография оригинала сохранена. La Contemporaine F delta rés. 832 (2) (3).

³ Театр Могадор (фр. Le théâtre Mogador) – был построен в Париже в 1913–1919 гг. на месте бывших конюшен, недалеко от вокзала Сен-Лазар.

⁴ Театр Эдуарда VII – был построен в 1913 г. как кинотеатр и в 1916 г. начал использоваться для театральных постановок. Расположен недалеко от здания Парижской оперы.

⁵ Ида Львовна Рубинштейн (1883–1960) – российская танцовщица и актриса.

⁶ La Contemporaine F delta rés. 832 (4) (2).

живных документах Комитета есть письмо ¹ от 2 июля 1923 г. Н. В. Чайковского, адресованное Н. Ф. Балиеву с благодарностью за этот спектакль.

24 июня 1924 г. Комитет и его французская секция, состоящая из видных представителей французского общества, представили совместно подготовленный концерт *Matinée de Gala* в *Théâtre de l'Étoile*. В программе² были заявлены выступления: квартета Кедрова с русскими популярными песнями, американской арфистки *Mildred Dilling*³, певицы *Maria Delna*⁴, пианистки *Lucie Caffaret*, актрисы *Mary Marquet*⁵ и др.

10 июня 1925 г. французской секцией Комитета был устроен *Matinée de Gala* в театре Эдуарда VII⁶.

18 ноября 1925 г. в залах отеля «Лютеция» состоялся «Бал русских ученых и прессы», то есть мероприятие, организованное совместно Комитетом и Союзом. В программе заявлены: Надежда Плевицкая с русскими песнями, Дмитрий Смирнов исполнил романсы Кюи и Рахманинова, «Дом Артистов», «Московские бродяги», «Факир», хор «5 Аслановых», Цыганский хор и скетч Н. А. Тэффи. Конферансье вечера была Лидия Потоцкая.

10 января 1926 г. в Сорбонне в зале Ришелье был устроен «Вечер памяти Л. Н. Толстого» в связи с 15-летней годовщиной со дня его смерти. В программе вечера участвовали Квартет Мусоргского под управлением М. А. Труненко (В. Верещагин, А. Труненко, В. Захаров и В. Саливан), выступали дочь Толстого – Т. Л. Сухотина-Толстая, К. Д. Бальмонт и А. И. Куприн с воспоминаниями о Л. Н. Толстом. Вход на этот вечер был за символическую плату в 1, 2 и 3 франка для покрытия расходов на аренду зала⁷.

15 ноября 1926 г. в зале Гаво (*Salle Gaveau*) состоялось организованное Комитетом и Союзом писателей и журналистов в Париже концертное представление оперы А. Бородина «Князь Игорь» с оркестром, хором из 120 человек под управлением К. Д. Агренева-Славянского и с участием Нины Кошиц, Е. Германовой, Л. Коротневой. В архивном фонде Комитета собраны, вероятно, все газетные публикации, посвященные этому пред-

---

¹ Письмо Н. В. Чайковского, адресованное Н. Ф. Балиеву от 2.07.1923 г., *La Contemporaine F delta rés.* 832 (4) (2).

² Программа концерта, *La Contemporaine F delta rés.* 832 (4) (10).

³ Милдред Диллинг (1894–1982) – американская арфистка, училась у Генриетты Рене в Париже. Начала выступать в 1911 г. Много гастролировала по Европе и Азии. На радиостанции NDC имела собственное еженедельное шоу.

⁴ Мари Дельна (1875–1932) – известная французская певица, контральто.

⁵ Мари Марке (1895–1979) – французская актриса театра и кино. Снялась в нескольких десятках фильмов. Творческая карьера с 1913 по 1976 г.

⁶ Афиша концерта, *La Contemporaine F delta rés.* 832 (5) (8).

⁷ Афиша вечера, *La Contemporaine F delta rés.* 832 (6) (4).

ставлению, как официальные, так и художественно исполненные в виде шуточного рассказа Дон-Аминадо¹.

20 мая 1927 г. был устроен Вечер в Отеле Мадам Розенталь. В программе указаны квартет Кедрова, одноактная пьеса «Урок Тальмы», выступление Нины Кошиц, Мозжухина и др.²

В 1928 г. с 7 по 12 января проходила организованная Комитетом выставка работ художников³.

В заключение надо отметить, что все полученные от проведенных мероприятий денежные средства распределялись среди нуждающихся в помощи, а члены Комитета выполняли возложенную на себя миссию совершенно безвозмездно. Выплата пособий производилась на основании заявлений просителей и по решению бюро Комитета на еженедельных заседаниях. В списках получателей пособий⁴ мы видим сотни имен, в том числе и «первой величины», таких как И. А. Бунин, А. И. Куприн, К. Д. Бальмонт, Тэффи, Д. С. Мережковский, М. Цветаева, И. С. Шмелев, В. Ф. Ходасевич, А. Н. Толстой, Г. В. Адамович, В. Я. Парнах и многие другие. После каждого проведенного бала или концерта финансовые отчеты публиковались на страницах печати.

Настоящая статья показывает, что архивный фонд благотворительной организации «Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции» является источником значительного количества документов для изучения истории культуры российской эмиграции. Изучение архивных документов выявляет качественный и количественный состав мероприятий, их интенсивность, а также значимость работы благотворительных организаций для адаптации творческих деятелей русской эмиграции в Европе. В то же время и для всей русской диаспоры участие в подобных мероприятиях – это способ сохранения «русской идентичности» и сопротивления ассимиляции среди иных. Полученные результаты исследования дополняют знания о культурной жизни российской диаспоры во Франции в 1920–1930-е гг. и еще раз показывают, что культурные мероприятия – необходимый и существенный элемент полноценного функционирования «России в изгнании». Данная работа намечает также перспективы и новые возможности при изучении документального наследия фондов организаций, которые ранее были мало востребованы.

---

¹ Заметка: «Роковое сцепление обстоятельств, или Князь Игорь» в газете «Последние Новости» от 15.11.1926 г. La Contemporaine F delta rés. 832 (6) (4).

² Афиша вечера La Contemporaine F delta rés. 832 (7) (3).

³ La Contemporaine F delta rés. 832 (7) (8).

⁴ Список русских писателей и ученых, получавших ссуды от Комитета, La Contemporaine F delta rés. 832 (10) (9).

Список использованной литературы

1. Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции (1920–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 5. С. 120–173.
2. Раев М. И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М. : Изд-во «Прогресс-Академия», 1994. 296 с.
3. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М. : Изд-во МГУ, 1991. 184 с.
4. Зверев А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920–1940. М. : Мол. гвардия, 2003. 372 с.
5. Ralph Schor, « Les écrivains russes blancs en France. Un entre-deux identitaire (1919–1939)», *Revue européenne des migrations internationales*, vol. 33 – n°1, 2017, p. 11–26.
6. Литаврина М. Г. Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. СПб. : Алетейя, 2003. 224 с.
7. Литаврина М. Г. Русские деятели театра во Франции (1920-е гг.): жизнь и смерть на Лазурном Берегу // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 3. С. 98–115.
8. Северюхин Д. Я. Русская художественная эмиграция 1917–1939. Сер. Петербургские исторические записки. Вып. 1. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2003. 130 с.
9. Ершов В. Ф. Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг. : монография. М. : МАКС Пресс, 2008. 136 с.
10. Struve N. *Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989)*. Paris : Fayard, 1996. 303 p.
11. Климович Л. В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920–1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356–368.
12. Эпштейн Алек Д. Забытые герои Монпарнаса: художественный мир русско/еврейского Парижа, его спасители и хранители. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 400 с. (Сер. «Очерки визуальности»).
13. Поэзия и живопись : сб. тр. памяти Н. И. Харджиева / сост. и общ. ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 845 с. : ил., портр.
14. Куприна К. А. Куприн – мой отец. М. : Худож. лит., 1979.
15. Михайлов О. Куприн. М. : АРМАДА, 1997. 411 с.

Ольга Артуровна Гриневич,

аспирант, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
Беларусь, г. Гродно, olga.grinevich.1994@mail.ru

УДК 82.091:821.161.1

Усадебный текст как ретранслятор культурной памяти в творчестве русских эмигрантов первой волны

Аннотация. Усадебный текст русской литературы (текст дворянской усадьбы) после 1917 г. вступает в постусадебный период функционирования. В литературе первой волны эмиграции наиболее очевидным становится разрыв между реальностью и воспоминанием, что отражается на структуре сверхтекста. Организующей семантической оппозицией становится противопоставление языка и опыта (искусства и реальности), что отражается на уровне синтактики (обращение к элегическому сюжету усадебной прогулки, организующему синтаксическую последовательность воплощения образов и мотивов) и прагматики (во взаимодействии поэтических и прозаических, вербальных и визуальных реализаций усадебной семантики).

Ключевые слова: сверхтекст, локальный текст, усадебный текст, семиозис.

Olga Grinevich

Postgraduate student, YankaKupala State University of Grodno, Belarus, Grodno,
olga.grinevich.1994@mail.ru

Estate text as a relay of cultural memory in the works of Russian emigrants of the first wave

Abstract. The estate text of Russian literature (the text of the noble estate) after 1917 enters the post-estate period of functioning. In the literature of the first wave of emigration, the gap between reality and memory becomes the most obvious, which affects the structure of supertext. The opposition of language and experience (art and reality) becomes the organizing semantic opposition which is reflected at the syntactic level (appeal to the elegiac plot of the estate walk, organizing the syntactic sequence of the images and motives) and pragmatic level (in the interaction of poetic and prosaic, verbal and visual implementations of estate semantic)

Key words: supertext, local text, manor text, semiosis.

К усадебному тексту как локальному сверхтексту русской литературы можно применить понятие семиосферы, введенное Ю. М. Лотманом [1]. Усадебная семиосфера организована по модели центр – периферия. Структурный центр данной семиосферы представляет собой набор инвариантных характеристик – сквозных образов, мотивов, топосов, систему оппозиций и мифов, определяющих семантику сверхтекста (мифы о Золотом веке, Аркадии, Элизиуме, Рае). Периферийное положение в структуре

семиосферы занимают параметры, отражающие динамику сверхтекста, – законы сочетаемости семантических констант (уровень синтактики) и коммуникативные особенности функционирования (уровень прагматики). Модель центр – периферия распространяется и на хронологию развития сверхтекста: «золотой век» усадебной поэзии и прозы приходится на XIX век, а периферийные периоды охватывают время зарождения усадебного текста (середина – вторая половина XVIII в.) и постусадебный период (с 1917 г. по настоящее время).

Литература эмиграции относится к периферийному периоду функционирования усадебного текста. Изменения в структуре сверхтекста затрагивают референтные отношения: на первый план выходит не реальный объект изображения (дворянская усадьба), а образ, сохранившийся в памяти или сформированный литературной традицией. Актуализация мемориальной функции сверхтекста (передача памяти об ушедшей эпохе) способствует тому, что на первый план в системе оппозиций выходит противопоставление культурной и личной памяти; языка, традиции, с одной стороны, и невербализуемого опыта – с другой. Колебания между противоположными полюсами в художественной практике эмигрантов составляют специфику функционирования сверхтекста на данном этапе.

Специфику реализации усадебного текста в творчестве эмигрантов, кроме того, составляет фокусировка внимания на противопоставлении своего и чужого пространств. Осуществляются попытки увидеть усадебное прошлое с позиции чужого. Актуальными становятся проблема границы и болезненное переживание пространственной и/или временной отдаленности от описываемых мест и событий.

Наиболее наглядно образование инвариантных элементов, устойчивых формул, образов и мотивов в структуре сверхтекста отображается в поэтической речи. Их воспроизведение в усадебной поэзии эмигрантов регулируется двумя семантическими механизмами, которые соответствуют разным полюсам оппозиции (культура/язык – опыт).

Апелляция к личным воспоминаниям вызывает действие *метафорического* механизма, при котором происходит наложение предметно-материального и психологического семантических полей. Этому механизму соответствуют жанровые особенности элегии и пространственно-временные характеристики элегического хронотопа. Авторы, которые обращаются к данному механизму как способу репрезентации воспоминаний, используют жанр/сюжет усадебной прогулки. Как отмечают Е. Е. Дмитриева и О. Н. Купцова, «прогулка по усадьбе выступает как свернутая форма путешествия, предполагая, в первую очередь, освоение или присвоение пространства. Литературный ее субстрат – жанр “прогулки” как отпочковавшийся от “литературного путешествия”, лирический

сюжет которых составляет элегическая прогулка, проходящая в парке (усадебные), на природе, которая символически призвана явить читателю «ландшафт души» [2, с. 76]. Уже на этапе своего возникновения жанр прогулки был связан с ментальной сферой лирического героя, и в литературе русского зарубежья этот аспект становится определяющим. В усадебных прогулках первой трети XIX в. в основе сюжетосложения лежали «подвижные картины» – чередование видов и пейзажей, проходящих перед глазами лирического героя. В постусадебный период визуальный план сохраняет свою значимость, но «подвижные картины» становятся частью воспоминания: «Закрой глаза – в виденьи сонном / Восстанет твой погибший дом, / Четыре белые колонны / Над розами и над прудом. <...> И вот стоят навеки вместе / Они, среди своих полей, / И, как жених своей невесте, / Отец целует руку ей. // А рядом мальчик черноглазый / Прислушивается, к чему / Не знает сам, и роза в вазе / Бессмертной кажется ему» (В. А. Смоленский, «Стансы», 1923–1936) [3, с. 155–156]; «Кто эти девочки? Садится солнце / И нежно плачут жаворонки в небе, / В аллее тень, и камень бел и сух. / Кто эти девочки? То ты, быть может, / И я, и вместе нам идти легко» (Н. Н. Берберова, «Две девочки. Одна с косою тугой...», 1922–1953) [4].

В приведенных примерах проявляется важная особенность образной системы усадебной элегии – «раздвоение» лирического героя, актуализация нетождественности «я» прежнего и «я» нынешнего. Это позволяет фокусировать внимание на фигуре лирического «я» и нюансах его психологического состояния – сфера «опыта» преобладает над сферой «культуры».

Метонимический механизм порождает противоположную стратегию. В центре внимания в данном типе стихотворений находится культурная память – ностальгия по утраченной культуре и историческому прошлому. Обращение к историческим и культурным аллюзиям способствует реактуализации павловского и царскосельского текстов как ответвлений усадебного и возрождению традиций усадебного панегирика. Отличительной чертой панегириков XVIII в. является прием возведения к образцу, поиск прецедента, с которым сопоставляется объект изображения. В стихотворениях эмигрантов действие метонимического механизма проявляется в замене целого (дореволюционной культуры) частью (упоминанием мест культурной памяти, исторических персонажей, литературных аллюзий): «На берегу Невы / Несется ветер, разрушеньем вея. / Где Олечка Судейкина, увьи! / Ахматова, Паллада, Саломея? / Все, кто блистал в тринадцатом году – / Лишь призраки на петербургском льду. // Вновь соловьи засвищут в тополях, / И на закате, в Павловске иль Царском, / Пройдет другая дама в соболях, / Другой влюбленный в ментике гусар-

ском...» (Г. В. Иванов, «Январский день. На берегу Невы...», 1931) [5, с. 43]. Пространственно-временной рубеж подчеркивается использованием экфрасиса – описания произведений искусства (картин, скульптур, усадебных интерьеров, парков): «Миниатюры Изабэ, / Полуистлевшие гравюры, / Дагерротип: на серебре / Едва заметные фигуры, // И весь тот милый, старый хлам, / Что завещали наши предки, / И в парке, строгие, как храм, / И колоннады, и беседки...» [6] Прочитанное стихотворение А. С. Штейгера разделяется на две равные части. Первые две строфы посвящены перечислению дорогих лирическому герою деталей прошлого, последние показывают временную грань между прошлым и настоящим: «Но дальше, дальше! Пыль и тлен / Не могут долго душу нежить. / В глубоких нишах темных стен / Водилась всяческая нежить. // Ах, бедный Вертер! Не без слез / Мы расстаемся, верно, с вами. /... И, уходя, букетик роз / Я прикрепил к какой-то раме» [6]. Рама выступает символическим эквивалентом этой границы, а также воплощает лежащую в основе экфрасического описания оппозицию реальность – изображение (естественное – искусственное).

На уровне синтактики сверхтекста отражаются отношения между элементами семантической парадигмы, их взаимодействие и порядок следования. Обращение к жанровой модели элегической прогулки предопределяет структуризацию семантики в виде перечисления «подвижных картин», которые переносятся из реального плана в воображаемый. Складывается устойчивый метасюжет «вглядывания в прошлое»: «Глаза прикрою – и мгновенно, / весь легкий, звонкий весь, стою / опять в гостинной незабвенной, / в усадьбе, у себя, в раю. // И вот из зеркала косоуго / под лепетанье хрусталей / глядят фарфоровые совы – / пенаты юности моей. // И вот, над полками, гортензий / легчайшая голубизна, / и солнца луч, как Божий вензель, / на венском стуле, у окна» [7, с. 90]. В стихотворении В. В. Набокова порядок следования визуальных впечатлений организуется синтаксической структурой, повторами союзов в начале предложений. Внимание лирического героя переносится из дома в сад, и синтаксическая упорядоченность нарушается анжамбеманами: «По потолку гудит досада / двух заплутавшихся шмелей, / и веет свежестью из сада, / из глубины густых аллей, // неизъяснимой веет смесью / еловой, липовой, грибной: / там, по сырому пестролесью, – свист, щебетанье, гам цветной! // А дальше – сон речных извилин / и сенокоса тонкий мед» [7, с. 90]. В синтаксической организации, как и на уровне семантики, проявляется влияние оппозиции язык – опыт: сквозь строгую упорядоченность поэтической речи прорывается буйство цветов, звуков и запахов, и в тот момент, когда видение готово стать явью, оно обрывается: «Стой, стой, виденье! Но бессилен / мой детский возглас. Жизнь идет, // с размаху небеса ломая, / идет...

ах, если бы навек / остаться так, не разжимая / росистых и блаженных век!» [7, с. 90].

Помимо линейных связей между элементами, уровень синтактики включает систему отношений между текстом и контекстом. Здесь существуют закономерности, связанные с действием семантических механизмов метафоры и метонимии. Так, метафорический механизм предполагает устранение контекстуальной информации (упоминания исторических событий и персонажей, культурных отсылок) и сосредоточение на личных воспоминаниях лирического героя, а метонимический – напротив, включает в текст исторические и культурные контексты. Первая стратегия характерна для усадебной поэзии и мемуарной прозы В. В. Набокова. Рассмотрим ее на примере автобиографии «Другие берега». В конце пятой главы, которая посвящена дяде Василию Ивановичу Рукавишникову, автор вспоминает его любимую книгу – роман мадам де Сегюр «о мальчиках и девочках, которые сто лет тому назад жили во Франции тою стилизованной *viedechateau* (усадебная жизнь (франц.), на которую *M-me de Segur, nee Rastopchine* (мадам де Сегюр, рожденная Ростопчина (франц.) добросовестно перекладывала свое детство в России, – почему и налаживалась <...> тонкая связь с русским усадебным бытом» [8, с. 69]. Автор восстанавливает эту «тонкую связь», оживляя стилизацию собственными воспоминаниями детства: «...когда я опять читаю всю эту чепуху, я не только переживаю щемящее упоение, которое переживал дядя, но ложится на душу мое воспоминание о том, как он это переживал. Вижу нашу деревенскую класную, бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно: оно отражается вместе с частью наружной водосточной трубы в овальном зеркале над канапе, где сидит дядя Вася, чуть не рыдая над растрепанной розовой книжкой. Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркерово перо в моей руке и самая рука с глянцем на уже веснушчатой коже кажутся мне довольно аляповатым обманом» [8, с. 70]. Сопоставление книги мадам де Сегюр об усадебной жизни и личных воспоминаний героя автобиографии вписывается в оппозицию языка и опыта: «готовый» усадебный канон, который воспроизводит мадам де Сегюр, относится к сфере языка как конвенциональной системы знаков и способов структурирования реальности, а воспоминания героя представляют собой сферу опыта, фиксируемую на бумаге для повторного возвращения в утраченное прошлое.

Сопоставление поэтических и прозаических реализаций усадебного текста, их взаимовлияния лежит в области межсемиотического перевода, как и взаимодействие языков разных видов искусства (живописи и литературы). На этом уровне наиболее очевидна актуализация оппозиции язы-

ка и опыта, которая сближается с экфразистической оппозицией реального – воображаемого (изображаемого). Для усадебной поэзии, в которой реализуется метонимическая стратегия, характерно включение контекстуальной информации и осмысление ее в ностальгическом ключе: «А еще недавно было все, что надо, – / Липы и дорожки векового сада, / Там грустил Тургенев... / Было все, что надо, / Белые колонны, кабинет и зала – / Там грустил Тургенев... // И ему казалась / Жизнь стихотвореньем, / Музыкой, пастелью, / Где, не грея, светит мировая слава, / Где еще не скоро сменится метелью / Золотая осень крепостного права» (Г. В. Иванов) [5, с. 126]. Блоковская «метеорологическая» метафора революции-метели соседствует с идиомой Золотого века, который неожиданно сопоставляется не только с расцветом русской литературы, но и с крепостным правом. Аналогичным образом формула «дореволюционная жизнь = русская культура» реализуется в поэзии третьей волны эмиграции. Например, в стихотворении И. Бродского «Классический балет есть замок красоты...» (1976) дореволюционная эпоха ассоциируется с произведениями искусства и описывается с помощью интертекстуальных отсылок: «Классический балет! Искусство лучших дней! / Когда шипел ваш грог, и целовали в обе, / и мчались лихачи, и пелось бобэоби, / и ежели был враг, то он был – маршал Ней. // В зрачках городских желтели купола. / В каких рождались, в тех и умирали гнездах. / И если что-нибудь взлетало в воздух, / то был не мост, а Павлова была» [9, с. 114]. Несмотря на ироническую интонацию, создается образ дореволюционной эпохи как «лучших дней» России, в подтексте подразумевается миф о Золотом веке, в котором искусство и жизнь гармонично дополняли друг друга.

В творчестве поэтов первой волны эмиграции дореволюционное прошлое чаще осмысливается в категориях личной памяти, частной жизни. Даже такие «публичные» пространства, как павловский или царскосельский парк, ассоциируются с интимными переживаниями «усадебной» любви: «Бороться против неизбежности / И злой судьбы мне не дано. / О, если б мне немного нежности / И вид на “Царское” в окно / На солнечную ту аллею, / Ту, по которой ты пришла. / Я даже вспоминать не смею, / Какой прелестной ты была / С большой охапкою сирени, / Вся в белом, в белых башмаках, / Как за тобой струились тени / И ветра ласковый размах / Играл твоими волосами / И теребил твой черный бант... [5, с. 175–176]. Образ возлюбленной приобретает черты портрета, что подчеркивается рамой окна – знаком временной и пространственной границы. Для поэзии Г. В. Иванова инвариантным становится сюжет реальной или воображаемой встречи влюбленных на фоне садово-парковых декораций, символизирующих дореволюционную Россию.

В прозаических реализациях усадебного текста вербальное и визуальное вступают в более сложное и конфликтное взаимодействие. В художественно-документальной прозе оппозиции языка и опыта, искусства и жизни занимают значимое место, что наиболее наглядно проявляется в автобиографических произведениях. В романе «Канун Восьмого дня» О. А. Ильиной-Боратынской, который создавался в 30–50-е гг. XX в. на основе автобиографического материала, отражаются разные этапы личностного становления главной героини, Ниты Огариной. Детство и юность Ниты тесно связаны с локусами городской и деревенской усадеб, которые представлены как пространства родовой и культурной памяти. На разных этапах жизни происходит взаимодействие Ниты с культурным наследием – с одной стороны, осознание конвенциональности норм и канонов искусства, с другой – самоопределение посредством образов классической литературы (амплуа тургеневской девушки). Маленькая Нита размышляет, разглядывая фамильные портреты в доме: «Недавно я думала о моем прадеде Огарине, вокруг которого собрались синие тучи, и соображала, почему его нарисовали снаружи во время грозы, а он с лентой через плечо, в белом парике и весь сухой?» [10, с. 7]. Сближение и отталкивание жизни и искусства становится одним из сквозных микросюжетов, что отражается на репрезентации пространства и образной системе романа (противопоставление персонажей, руководствующихся собственным опытом проживания жизни, персонажам, которые выстраивают жизненную стратегию на основании культурных стереотипов). В автобиографической «Жизни Арсеньева» (1927–1929) И. А. Бунина наблюдается то же диалектическое взаимодействие реального опыта и опыта чтения. Период раннего детства героя описывается на языке сенсорного опыта – звуков, запахов, цветов: «Всюду была своя прелесть! На скотном дворе, весь день пустом, с ленивой грубостью скрипели ворота, когда мы из всех своих силенок приотворяли их, и остро, кисло, но неотразимо привлекательно воняло навозной жижей и свинными закутами» [11, с. 18]; «И я помню веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак, лезущих в дом, в растворенные двери, много мух и великолепных бабочек...» [11, с. 22]. В изображении усадебной идиллии детства угадываются следы риторического топоса «изобилие», используемого в усадебной поэзии XVIII в. – эпохи зарождения усадебного текста. С другой стороны, в описание включаются те стороны быта, которые принято скрывать, – запахи скотного двора, описание хозяйственных построек. Это является отличительной чертой прозаических реализаций усадебного текста. При этом усадебную топику на разных стадиях развития поэтики можно интерпретировать по-разному. На стадии рефлексивного традици-

онализма топос представляет собой «общее место», устойчивый способ выражения мысли, и пространственный компонент занимает в семантике топоса подчиненное положение. В усадебной поэзии XVIII в. распространены риторические топосы изобилия, умеренности, благодарности Творцу, Фортуны, а также пространственные топосы дома, сада, реки. В структуре отдельных топосов пространственные и риторические компоненты значения пересекаются. Например, топос *locus amoenus* («возлюбленное место», лат.) сочетает в себе пространственно-изобразительные пейзажные компоненты и семантику природного изобилия.

Для периода юности лирического героя автор использует другой художественный код, относящийся к периоду расцвета усадебного текста. Здесь преобладает восприятие реальности сквозь призму прочитанного – так представлена юношеская любовь Арсеньева: «Мои чувства к Лизе Бибиковой были в зависимости не только от моего ребячества, но и от моей любви к нашему быту, с которым так тесно связана была когда-то вся русская поэзия.

Я влюблен был в Лизу на поэтический старинный лад и как в существо, вполне принадлежащее к нашей среде.

Дух этой среды, романтизированный моим воображением, казался мне тем прекраснее, что навеки исчезал на моих глазах» [11, с. 111]. Имя возлюбленной отсылает к образу классической тургеневской героини, а мотив тоски по утраченному прошлому – к усадебным элегиям первой трети XIX в.

В художественной прозе эмигрантов дореволюционная эпоха часто воплощается в образах произведений искусства, и большую роль в усадебном тексте играет экфрасис. При этом распределение оценок в оппозиции реальность – изображение может быть различным. Например, рассказчик бунинской «Несрочной весны» (1923) отдает предпочтение артефактам прошлого, хранящимся в музее-усадьбе, чудом сохранившейся после революции. Герои прошлого, изображенные на старинных портретах, обладают яркой красотой, превосходящей, по мнению рассказчика, серую действительность настоящего: «И всюду глядели на меня бюсты, статуи и портреты, портреты... Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавцы в мундирах, в камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами» [12, с. 213].

Обратное соотношение оценок в оппозиции жизнь – искусство наблюдается в рассказе А. Н. Толстого «Граф Калиостро» (1922). Разрушение границы между жизнью и искусством (оживление портрета) нарушает идиллическую усадебную жизнь XVIII в. Как и в автобиографической прозе, в рассказе Толстого отражается процесс взросления героя, который выражается в отказе от опосредующих восприятие жизни призм,

сформированных искусством. На протяжении повести герой несколько раз оказывается в позиции зрителя, наблюдающего за происходящим из открытого окна – символической рамы, отделяющей его от событий. Только непосредственное вовлечение его в сюжетное действие становится способом восстановления утраченной гармонии и обретения истинной любви: «Алексей Алексеевич распахнул окно, выскочил из галереи в сад и подбежал к молодой женщине» [13, с. 144].

Обратный мотиву оживающего изображения мотив вхождения в картину присутствует в рассказе В. В. Набокова «Венецианка» (1924). Инверсия мотивной составляющей приводит к тому, что в рассказе Набокова фокус внимания смещается с проблемы сравнительной ценности жизни и искусства на отношения внутри оппозиции реальное – изображаемое и проблеме границы между полюсами оппозиции. Ее разрушение (вхождение одного из героев в живописное полотно) на сюжетном уровне компенсируется на уровне нарратива введением в текст маркеров фикциональности – знаков авторского присутствия в тексте (обращений к читателю), что отчасти восстанавливает нарушенную границу. Тем не менее разграничение искусства и реальности в рассказе размыто. Реальность описывается как живописное полотно; обилие темных красок, многоплановость (вид на интерьер через открытую дверь) напоминает картины Вермеера: «Сад внизу дышал темнотой, сквозь стеклянную дверь видать было полуосвещенную столовую, а в глубине, сквозь другую открытую дверь, яркий уголок гостиной и три фигуры, играющие в карты» [14, с. 156]. С другой стороны, факт вхождения в картину находится на грани сна и яви: Симпсон склонен истолковать происшествие как сон, а садовник находит на газоне под окном «небольшой темный лимон с отпечатками на нем пяти пальцев» [14, с. 169] – лимон подарила Симпсону девушка на картине.

Вхождение в картину становится метафорой читательского погружения в текст. Симпсон, влюбленный в женщину на портрете и перешагнувший границу, остается ни с чем, в то время как автор портрета реализует свой живописный талант (получая одобрение отца) и испытывает взаимную любовь к Морийон, которая и стала моделью для портрета венецианки. Таким образом, Набоков реализует концепцию идеального читателя – не просто погруженного в текст, но ставшего его соавтором, участником творческого процесса. Усадебная топика (мотивы приезда в родовое гнездо, усадебных досугов, сближающие русский и английский усадебный текст) создает дополнительное напряжение между реальностью и литературным канонам.

Обновление семантики усадебного текста оказывает влияние на его функционирование на уровнях синтактики и прагматики. Если в усадебной поэзии XVIII в. в качестве центральной оппозиции было противоп-

ставление частного и публичного пространств (деревни и города / двора), а в середине – второй половине XIX в. ему на смену пришла оппозиция красоты и пользы, обсуждаемая в полемике «реалистов» и представителей «чистого искусства», то в постусадебный период, охватывающий творчество эмигрантов, на первый план выходит оппозиция языка и опыта (искусства и жизни), которая подчиняет себе все уровни сверхтекста – линейную организацию сюжета, взаимодействие текста и контекста, коммуникативное взаимодействие между поэтическими и прозаическими, вербальными и визуальными реализациями усадебной семантики. Семантический уровень становится связующим звеном, обеспечивающим непрерывность функционирования сверхтекста.

Список использованной литературы

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
2. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. Утраченный и обретенный рай. М. : ОГИ, 2008. 528 с.
3. Смоленский В. А. «О гибели страны единственной...» : стихи и проза. М. : Русский путь, 2001. 288 с.
4. Берберова Н. Н. «Две девочки. Одна с косою тугой...» // Национальный корпус русского языка. URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&startyear=1991&text=lexform&req=%D0%94%D0%B2%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B8&ext=10&endyear=2011&mode=poetic&env=alpha&nodia=1&docid=NDMyNDQ=&sid=p:0_0&expand=full.
5. Иванов Г. В. Стихи. Проза. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 704 с.
6. Штейгер А. С. «Миниатюры Изабэ...» // Национальный корпус русского языка. URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&lex1=%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA&parent1=0&mydocsize=35115&mysize=4352434&max2=1&mysentsize=0&mycorp=%20%28i_start_year%3A%3C%3D%221960%22%29%20%28i_end_year%3A%3E%3D%221917%22%29&level2=0&level1=0&ext=10&endyear=1928&parent2=0&env=alpha&text=lexgramm&min2=1&nodia=1&startyear=1908&mode=poetic&docid=NzkyODc=&sid=p:1_0&expand=full.
7. Набоков В. В. Стихи. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
8. Набоков В. В. Другие берега. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 288 с.
9. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 312 с.

10. Ильина-Боратынская О. А. Канун Восьмого дня. СПб. : Славия, 2012. 400 с.

11. Бунин И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 13 т. М. : Воскресенье, 2006. Т. 5: Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). 480 с.

12. Бунин И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 13 т. М. : Воскресенье, 2006. Т. 4: Воды многие (1914–1926); Грамматика любви (1914–1926). 536 с.

13. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1958. Т. 3: Повести и рассказы 1917–1924. Аэлита. 712 с.

14. Набоков В. В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабинов. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 752 с.

Надь Иштван,

доктор филологических наук, профессор,
Будапештский университет им. Лоранда Этвёша,
Венгрия, г. Будапешт, nagy_istvan@mail.ru

УДК 821.161

«Я хочу воскресить весь тот мир...» (письма Марины Цветаевой к Вере Муромцевой)

Аннотация. В статье предпринят герменевтический анализ писем М. Цветаевой к Вере Муромцевой. Эта переписка является важным источником интерпретации автобиографической прозы Цветаевой. Показаны мифологическая, философская, интеллектуальная составляющая писем, их преломление в мемуарной и автобиографической прозе поэта.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, М. Цветаева, переписка, герменевтический анализ.

Nagy Istvan

Doctor of sciences in Philology, Prof. Habil., ELTE University,
Hungary, Budapest, nagy_istvan@mail.ru

«I want to resurrect the whole world...» (Tsvetaeva's letters to Vera Muromtseva)

Abstract. The article undertakes a hermeneutic analysis of M. Tsvetaeva's letters to Vera Muromtseva. This correspondence is an important source of interpretation of Tsvetaeva's autobiographical prose. The author characterizes the mythological, philosophical, intellectual elements of the letters, and their reflection in the poet's memoir and autobiographical prose.

Key words: Russian literature abroad, M. Tsvetaeva, correspondence, hermetic analysis

«Мы не в изгнании – мы в послании» (1, с. 471), – провозгласили русские эмигранты первой волны. Находиться в послании означает быть отправленным куда-либо, с каким-либо поручением, с какой-либо целью. Многие из философов, художников, композиторов и писателей в эмиграции выполняли историческую миссию, то есть в меру своих возможностей открывали русскую культуру для Европы, для всего мира. Следует отметить, некоторые из русских эмигрантов первой волны брали на себя служение «русской идее», несмотря на то что Запад, западная культура не оказалась восприимчивой, предрасположенной к ней. В этом нет ничего из ряда вон выходящего, ибо любая эмиграция, и не только русская, приобретает, как правило, характер разнонаправленных потоков. Однако следует отметить, Цветаева никогда этой идее не отдавалась, кроме того, никогда не доходила до того, чтобы видеть в художнике своего рода «светского спасителя» (Иммерманн), творения которого в малом масштабе призваны способствовать снятию мирового проклятия, на которое так надеется «лишенный святости мир» [2, с. 133].

После прочтения книги «М. Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции» у меня сложилось впечатление, что каторжные условия ее эмигрантского существования и ее вечная обида на судьбу предполагали друг друга. Если характерной чертой русского зарубежья была приверженность соборному типу поведения, то для Цветаевой такое поведение было чуждо. «Она была трижды изгнанницей: в эмиграции была чужой и как человек трудный, и как романтик, тоскующий в земном плену, и как поэт, выполняющий свое послание» – читаем в одной из статей в сборнике «Годы эмиграции» [3, с. 106]. Она как художник была одиночкой. Как пишет в своих воспоминаниях в 1973 г. Ариадна Эфрон, «на ладони ее судьбы начала обозначаться жесткая, глубокая линия одиночества» [4, с. 6]. Предполагается, Цветаева не единственная в русском зарубежье, кто реагирует болезненно на безвоздушное пространство чужбины. Будучи поэтом-художником, творцом, она жалуется особенно болезненно на то, если ей не пишется, если ей не дают печататься или предложенная ею вещь сокращается редакцией. Она в таком случае чувствует, что ее «выпихивают» (ее слово) в Россию, в которую она ехать не может. «Здесь я не нужна. Там я невозможна», – читаем в одном из адресованных А. Тесковой письме [5, с. 390].

Кстати, эту же парадоксальную ситуацию переживает она и тогда, когда пишет в эссе «Поэт и время»: «Там бы меня не печатали – и читали,

здесь меня печатают – и не читают. (Впрочем, уж и печатать перестали)» [т. 6, с. 344]. (Кстати, хочется отметить, это не совсем так.)

Эссе «Поэт и время», между прочим, заслуживает внимание с той точки зрения, что в нем Цветаева дает метафорическое толкование «поэта – эмигранта Царства Небесного» и сравнивает его с реально существующим эмигрантским поэтом, и она все это дает таким образом, что последний проигрывает, ибо в эмиграции – «все в порядке литературы, не в ходе жизни», следовательно, эмигрантский поэт «отстал от себя». Как она замечает в одном месте, в эмиграции поэзия на задворках.

Огромнейшая переписка Цветаевой является наиболее надежным источником сведений о том, что и как она переживала в эмиграции, а мемуарная проза, например блестящая «Дом у старого Пимена», возвращает ее в детство и способствует пониманию того, откуда она пришла. Письма к Вере Николаевне Муромцевой имеют особое значение потому, что они проникнуты любовью, а любовь, как известно, не только открывает клапан к познанию жизни, но помогает ей восстановить судьбу семьи Иловайских и, что важнее всего, понять, что случилось в детстве, в младенчестве, понять трагическую историю семьи. Кроме того, в переписке осуществляется не только понимание эмигрантского бытия, но и самопонимание и понимание друг друга с партнером по переписке. Перед нами чистой воды герменевтическая ситуация.

В письме к Раисе Николаевне Ломоносовой мы читаем: «Ведь всякое письмо – черновик, не доведенный до беловика, отсылая – страдаю. А времени проработать письмо – нет. Всякое письмо сопровождается угрызением моей словесной совести (совести пишущего, а м. б. и самого слова во мне). Эта своеобразная и трагическая этика была дана мне – если не взамен, то в ущерб другой. Трагическая потому что ей ни всем мире ни в том – что награды! ответа нет... Но одно: если существует Страшный Суд Слова – в нем я буду оправдана» [т. 7, с. 320].

Из этих рассуждений следуют по меньшей мере два вывода: в основе человеческого общения лежит «взаимная нуждаемость», в которой, во-первых, надо искать истоки коммуникативных потребностей, во-вторых, «для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее безответности», ибо, как пишет Бахтин, слово «всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания» [6, с. 306]. Я уверен, что персональная поэтика и этика эпистолярного наследия Цветаевой соприкасаются с персонально-антропологической позицией, с герменевтикой М. Бахтина. Письма к Вере Муромцевой следует читать с этой точки зрения, их пишет художник как этически живущий человек, как нравственная личность. Понятно, если в переписке язык играет значительную роль, а язык Цветае-

вой в человеческих ситуациях всегда интерперсонален, он является предметом и орудием страстной и приверженной человеческой ситуации.

«Я под ударом вашего письма»; «Пишу Вам под непосредственным ударом ваших писаний, не видя ни пера, ни бумаги...»; «Вы шагаете в меня гигантскими шагами – шагом души» [т. 7, с. 236, 247] – подобные обороты являются отнюдь не обычными комплиментами или словесным буйством, в них выражается прежде всего благодарность за то, что ответные письма Веры Николаевны помогают ей погрузиться в их общий трехпрудный дом (мир). Читая ее письма, она чувствует СОЮЗ, ибо Вера Николаевна любила тот мир, была причастна к тому миру, который Цветаева восстановила в своей мемуарной прозе.

Существуют три варианта герменевтической интерпретации текста: первый – эстетическая (в данном случае разница между мемуарной прозой и художественной прозой), второе – историческая (история семьи Иловайских), третье – языковая (понимание самого себя и другого языком и в языке). Она довольно подробно аргументирует за живое воспоминание в противовес художественному произведению. Вот что она пишет: «...живое, ЖИВЬЕ, т. е. по мне тысячу раз ценнее художественного произведения, где все переиначено, пригнано, неузнаваемо, искачено. (Поймите меня правильно: я говорю об “использовании” (гнусно слово – и дело!) живого. Вашего Иловайского напр(имер) – для романа, где он будет героем: с другим именем – и своей внешностью, не у старого Пимена, а у Флора и Лавра, и т. д. Так делали Гонкуры, дневник которых я люблю, как свой, вернее чувствую своим (т. е. ЖИВЫМ!), а романы которых, сплошь построенные на видоизмененной правде, забываю тут же после прочтения и даже до прочтения – шучу конечно – не забываю, а хуже: на каждом шагу изобличаю авторов в краже – у себя же, т. е. у живой жизни и у живого опыта. Преображать (поэт) – одно, “использовать” – другое. – Какая длинная скобка!). Какова цель (Ваших писаний и моих – о людях)? ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим...» [т. 7, с. 247].

Цветаева пишет автобиографическую прозу, точка зрения которой связана с историей одной семьи: частная сфера исторического бытия, то есть семейный микромир, который, конечно, имеет много точек зрения с той историей, которую историк Иловайский пишет до конца своей жизни. Являясь, по ее словам, историком микромира семьи Иловайских, факты она никогда не трогает, она их только толкует. Она все понимает эмоционально и почти ничего достоверно, как она замечает. Она опирается на память и пробелы заполняет любовью. Она видит в истории семьи только то, что ей хочется видеть, и этой ситуацией она крайне недовольна. Цитирую: «Это жизнь мне мстит – за мои глаза, ничего не видящие, ничего не желающие видеть, видящие свое» [т. 7, с. 250].

Реконструкция прошлого историком-микроисториком Цветаевой мотивируется долгом перед умершими.

«Я хочу воскресить весь тот мир – что все они не даром жили – и чтобы я не даром жила!» – читаем в одном из писем, адресованном Вере Муромцевой [т. 7, с. 250]. В самом деле, идет речь о том, что из жителей Дома уже никого нет в живых, и смерть, как во многих цветаевских текстах, и здесь придает особую перспективу тексту. Между тем как она прощается с ушедшими из жизни, со всеми по-своему, одновременно и с исторической эпохой, к которой она относится теплым голосом вспоминающего, и с тем сознанием, что уход образа жизни и привязанные к нему мышление и поведение были необходимы. Цветаеву как пишущего историю семьи микроисторика мотивирует прежде всего потребность понимания, то есть что, как и почему произошло. Понимая историю жизни членов семьи как событие судьбы, она становится выше более узкой перспективы истории семьи. Она понимает Историю с большой буквы.

Мемуарную прозу Цветаевой, в том числе и «Дом у старого Пимена», можно читать и как психоаналитическое, и как философское эссе. В теоретических работах о мемуарной прозе М. И. Цветаевой мы читаем о том, что она представляет собой некий мемуарный метажанр, одной из модификаций которого являются воспоминания, реализуемые из двух временных измерений: «тогда» и «теперь». Таким образом, в письмах Цветаевой к Вере Муромцевой два временных измерения сосуществуют друг с другом: прошлое, в котором восстанавливается детство, и настоящее, которое определяет авторское присутствие и в котором осуществляются и понимание эмигрантского бытия, и самопонимание, и понимание с Верой Николаевной друг друга.

Наиболее продуктивным представляется подход со стороны герменевтической проблематики. Тонкий анализ образа жизни родителей и бессознательного, эмоциональная установка матери (подсознательная месть своим дочерям за свою разбитую жизнь; по мнению Юнга, ничто не определяет душевную жизнь ребенка сильнее, чем непрожитая жизнь родителей), а также упомянутая Пастернаком неутомимая страсть анализа могут оправдать двойное прочтение. Речь идет о таком произведении, которое стоит на грани мемуарной автобиографической прозы и писательского эссе. И если выше мы охарактеризовали его как психоаналитическое и философское произведение, тогда наряду с лиричностью, характерной для поэтической прозы, нам бы хотелось дать почувствовать его философскую настроенность и интеллектуальную приверженность.

Наряду с взаимообусловленностью субъекта и объекта понятийная настроенность анализа является характерной чертой художественной прозы Цветаевой – как автобиографической, так и эссе. Внимание Пастернака

привлекли как раз эти особенности ее прозы: «Теперь я прочел твою прозу. Вся очень твоя, везде смотришь в корень и даешь полные, запоминающиеся определения, все безошибочно, но всего замечательнее “Искусство при свете совести” и “У старого Пимена”, отчасти и о Волошине. В этих, особенно названных двух, анализ, ненасытимостъ анализа, так сказать, вызвоны природою предмета, и жар и энергия, которые ты им посвящаешь, естественны и легко делимы» [7, с. 556].

Письма Вере Муромцевой являются важным вкладом в автобиографическую прозу Цветаевой, в том числе в анализируемый здесь «Дом у старого Пимена». В сборнике «После России» мы читаем следующее послание: «Вере Муромцевой, одних со мной корней» [т. 7, с. 299]. Эти общие корни восходят к дому Иловайских, так как Надя, дочь историка, и Вера Муромцева были подругами. Общие корни, определяющие целостность переписки, имеют двойное значение: с одной стороны, они уточняют биографические факты и в этом отношении соответствуют нашим ожиданиям относительно исторической правды, а с другой – и это, пожалуй, важнее, – помогают вспоминаящим реконструировать достоверный психологический задний план. Знание того, что корни одни и те же, означает еще и то, что они черпают из общего колодца памяти, а это есть для них душевная опора. «Этих времен никто не знает, не помнит, Вы мне возвращаете меня тех лет – незапамятных, допотопных... Я там никогда не бываю, живу свой день, в холоде, в заботе и жесткости – и вдруг “Sesam, thue dich auf”» [т. 7, с. 237].

Из отрывка письма звучит голос благодарности за то, что Вера Николаевна знает и помнит те времена, которые, с некоторым преувеличением, уже погрузились во мрак забвения. То, что Цветаева называет дореволюционное время «допотопным временем», означает личное к нему отношение, по крайней мере, мы не ошибаемся, если видим в нем характерное для нее понимание времени. Заслуживает внимания оборот «Вы мне возвращаете меня тех лет – незапамятных, допотопных...», хотя читатель ожидал бы: «Вы возвращаете меня в те незапамятные, допотопные времена», которые обе пережили. Было бы это вроде фрейдистской оговорки относительно того, что она еще и теперь там и тогда живет? Вряд ли. Глагол «возвращает» внушает скорее всего то, что она живет в настоящем, и строчки письма ее партнера по переписке возвращают ее оттуда. «Я там никогда не бываю, живу свой день, в холоде, в заботе и жесткости...» однозначно свидетельствует о том, что воспоминание для нее оказывается не бегством из настоящего (даже и том случае, если оно для нее словно невыносимо), а, скорее всего, нравственным императивом, что тот мир следует воскресить, то есть следует принять жизнь, понять, что она не была напрасной. Это такой личный довод, который превосходит объективность историка: «Теперь Вы может быть поймете, дорогая Вера Никола-

евна, почему мне нужно воскресить весь тот мир – с его истоков» [7, с. 242].

Память никогда в себе не замыкается, она каким-то образом всегда мотивируется требованием понять, что произошло с субъектом памяти в прошлом, короче говоря, если мы вспоминаем, то на самом деле вспоминаем о самом себе (*tua res agitur*). Понимание начинается с того, что кто-то обращается к нам, и это оказывается наиважнейшим герменевтическим условием понимания. Цветаева истолковывает память по-разному, но, что особенно интересно, она ассоциирует память с «колодцем». Подобную метафору можно назвать общим местом. Возьмем хотя бы начало романа Т. Манна «Иосиф и его братья»: «Прошлое – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто Бездонным».

Интерпретация мифа Цветаевой по существу соприкасается с тем, как Т. Манн понимает его в своем эссе «Фрейд и будущее»: «В словосочетании “глубинная психология” “глубина” имеет и временной смысл: архиглубины человеческой души – это вместе с тем и архидревность, это та бездна колодца времен, где миф у себя дома, где он устанавливает древнейшие нормы, древнейшие формы жизни. Ибо миф есть установление жизни» [8].

То, что у Т. Манна – «архидревность» и соответствующая ей «археглубина человеческой души», у Цветаевой – «спуск в шахту, на дно морское». В «Живое о живом» память также передается как «бездонный колодец»: «Чем глубже я гляжусь в бездонный колодец памяти, тем резче встают мне навстречу два облика Макса: греческого мифа и германской сказки» [т. 4, с. 204].

Цветаева любила творить мифы и самой в них верить, даже обыкновенную дружбу она умела преобразить в миф. Связывая память с глубочайшим колодцем, мы признаем правомерность «глубинной психологии» как в мемуарной автобиографической прозе, так и в художественном произведении и в рецепции. «Глубочайший колодец памяти» как душевная установка обнаружена не только в мифологии, но и в мифотворчестве современного модернизма. Мы цитировали начало романа «Иосиф и его братья», но и у Цветаевой можно найти высказывания, которые почти дословно совпадают с тем, о чем говорит Томас Манн. Эссе Цветаевой о Волошине («Живое о живом») можно читать как пример мифотворчества нашей эпохи. «Память» как «глубочайший колодец» и «жизнь в мифе» (Карой Кереньи, венгерский филолог-классик, исследователь греческой филологии) совпадают друг с другом (Т. Манн и Карой Кереньи много лет состояли в переписке). Мифический аспект среди современников Цветаева использует наиболее последовательно, поскольку в повествовательной модальности у нее важнейшую роль играет не воспоминание о прошлом (ведь что было, «кончилось навсегда»), а история, происходящая в настоящем. Человек должен понять то, что с ним происходит актуально в настоящем времени, потому что о чем идет речь, то не было. «Слушайте, –

пишет она Вере Муромцевой. – Ведь все это кончилось. Навсегда. Наши трехпрудные тополя, особенно один, гигант, собственноручно посаженный отцом в день рождения первого и единственного сына – деревьев – нет. Нас тех – нет. Все сгорело дотла, затонуло до дна. Что есть – есть внутри: Вас, меня, Аси, еще нескольких» [т. 7, с. 243].

Список использованной литературы

1. Ходасевич В. Колеблемый треножник. М. : Сов. писатель, 1991. 683 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и Метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. Слоним М. О Марине Цветаевой. Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М. : АГРАФ, 2002. 334 с.
4. Эфрон А. Одиночество Марины Цветаевой // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М. : АГРАФ, 2002.
5. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. Письма. М. : Эллис Лак 1995. Далее ссылки даны в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
6. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 448 с.
7. Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М. : Вагриус, 2004. 720 с.
8. Манн Т. Фрейд и будущее. URL: <https://readli.net/freyd-i-budushee>

Елена Андреевна Закрыжевская,

аспирант, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва,
elenazakryzhevskaya@gmail.com

УДК 82-6

О письмах Н. Н. Берберовой к Г. В. Адамовичу в книге воспоминаний «Курсив мой» (по материалам Гуверовского архива)

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент мемуаров Н. Н. Берберовой, в котором она использует два отрывка из собственных писем конца 1939 г. неназванному адресату. На основе документов, хранящихся среди бумаг Берберовой в Гуверовском архиве, доказывается, что по крайней мере одно из указанных писем является ответом на письмо Г. В. Адамовичу, текст которого приводится в статье. Раскрывается роль данных писем Берберовой в структуре ее мемуаров. Статья посвящается памяти О. А. Коростелева, предоставившего автору копии архивных материалов, приведенных в тексте.

Ключевые слова: русская эмиграция, Н. Н. Берберова, Г. В. Адамович, письма, автобиография, мемуары, «Курсив мой».

Elena Zakryzhevskaja

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, faculty of journalism,
Russia, Moscow, elenazakryzhevskaya@gmail.com

Letters to G. Adamovich in the memoirs of N. Berberova *The Italics are Mine: Insights from the Hoover Institution Archives*

Abstract. This article is concerned with an episode in Nina Berberova's memoirs *The Italics are mine*. In order to investigate the role of two Berberova's letters quoted in this work, I researched the letters' origin and to whom they were addressed. Moreover, I propose an answer the question why Berberova placed them in her quazi-diary, *The Black Notebook*.

Dedicated to the memory of Oleg Korostelev.

Keywords: *The Italics are Mine*, memoirs, N. Berberova, G. Adamovich, letters, Hoover Institution Archives.

В своей книге воспоминаний «Курсив мой» писательница первой волны русской эмиграции Н. Н. Берберова широко использовала письма знаменитых современников, дополняя ими свое повествование. На страницах мемуаров можно найти письма к ней В. Ф. Ходасевича, А. М. Пешкова (Максима Горького), И. А. Бунина, Г. В. Иванова, Б. К. и В. А. Зайцевых, А. Ф. Керенского. Кроме того, там напечатаны три письма от разных лиц к Б. Н. Бугаеву (Андрею Белому), случайно осевшие в архиве Берберовой, а также отрывки из писем Горького к Ромену Роллану и даже анонимное письмо, присланное в 1927 г. группой русских писателей в редакцию зарубежной газеты. Из своих собственных писем Берберова перепечатала только два отрывка, адресат которых неизвестен.

Ввиду исключительного положения этих писем нам кажется небезынтересным рассмотреть их более подробно.

Оба письма находятся в шестой главе мемуаров под названием «Черная тетрадь», представляющая собой дневник¹ Берберовой, который она вела в 1939–1950 гг. Они помечены декабрем 1939 г.

Берберова не уточняет, как письма оказались в «Черной тетради». Отрывки следуют один за другим. Берберова вводит их в текст дневника лаконичными фразами: «Из одного моего письма на юг: <...> Из второго письма...» [1, с. 440–441]. В них содержатся размышления о судьбе рус-

---

¹ Записи «Черной тетради» велись нерегулярно, лишь в некоторых случаях Берберова отмечает точные даты тех или иных событий, в основном указывая только год и месяц.

ской эмиграции в обстоятельствах развернувшейся в Европе войны. В первом (по порядку следования в мемуарах) письме Берберова выражает мрачную уверенность в том, что ее поколение «перебьют, старые вымрут в ускоренном порядке» [1, с. 441]. Отрывок из второго письма начинается с того, что автор благодарит (правда, достаточно саркастично) своего корреспондента за полученные от него слова утешения, тут же замечая, что она не спрашивала «“зачем жить” и “как жить”», – и добавляет, – «Ваше “жизнь прекрасна” может оказаться одной из тех иллюзий, которые Вы так хотите изжить» [1, с. 441]. Таким образом, у читателя создается впечатление, что перед ним два письма, отправленные последовательно одному и тому же лицу.

Пожалуй, эти два приводимых Берберовой отрывки из собственных писем – единственное место в «Курсиве», где она с достаточной определенностью выражает свое отношение к действиям Советского Союза во время Второй мировой войны. В первом письме автор осторожно затрагивает текущие политические события: «За кого мы? За наших гениев или за наших дураков, несущих с собой в восточную Польшу портреты Сталина и стихи Кумача? Я думала написать часть того, что написала Вам, Бунину¹. Но я боюсь еще больше его огорчить, ему и так тяжело. Я кое-что сказала Зайцеву, и он сразу во всем согласился со мной» [1, с. 441]. Вероятно, эти слова инспирированы сообщением французского информационного агентства Гавас от 28 ноября 1939 г. о том, что на секретном заседании Политбюро Сталин произнес речь, содержащую положения о разделе Европы на сферы влияния между СССР и Германией, а также надежды на «советизацию» Франции. Второе письмо касается начала советско-финской войны: «Мое “западничество”, – пишет Берберова, – не отрывает меня от России, скорее – наоборот. Ваше западничество Вам и развлечение, и утешение на всю жизнь. Это – ваше *кровное* (выделено у Берберовой. – Е. З.). Мое *кровное* покрыто сейчас уже не трехцветным, но пятикопечным позором – пактом с Гитлером и нападением на Финляндию» [1, с. 441–442].

В первом из процитированных Берберовой писем нет ничего, что как-то характеризует адресата письма. Второе, напротив, сравнительно с объемом процитированного текста, дает довольно много сведений. Берберова начинает с того, что частично пересказывает письмо, на которое отвечает. Благодаря этому нам было достаточно легко соотнести отрывок, приводимый Берберовой, с одним из писем к ней Г. В. Адамовича и таким образом установить имя адресата. Стоит отметить, что найденный документ лишь подтвердил наши читательские догадки. Они были основаны

---

¹ Берберова все-таки написала Бунину, см. письмо от 6 декабря 1939 г. [2, с. 57–58].

на упоминании о том, что Берберова читает фельетоны своего корреспондента, а также о том, что ее письмо отправлено на юг (подразумевается юг Франции). К декабрю 1939 г. из двух главных газет русского зарубежья – «Последних новостей» и «Возрождения» – продолжали выходить только «Последние новости», одним из главных вкладчиков которых как раз был Адамович. Там работала и Берберова вплоть до закрытия издания в 1940 г. Газета печаталась в Париже, там же или поблизости проживали ее основные сотрудники. Однако Адамович находился на особом положении и часто уезжал из столицы в Ниццу к родственникам, продолжая давать материалы в газету.

Приведем письмо Адамовича целиком¹:

Дорогая Нина Николаевна

На Ваше письмо я отвечаю с опозданием не случайно – и не по какой-либо внешней причине. Я просто не знал, что ответить на все, что вы сказали, не хотел отписываться формальными возражениями – и надеюсь только, что такое состояние не может длиться долго.

Мне вспомнилась «Скучная история» Чехова, хотя я и не чувствую себя старым профессором. Но как он, я думал: «что я могу сказать? Что я знаю?» Очень легко было бы заявить *quel avie est belle*², все-таки, всегда – и так далее. Я склонен это думать – всерьез. Но Вам это показалось бы неубедительно, потому что пришло бы не вовремя.

Для меня, Ваши мысли – лишь «термометр», показатель Вашего <настроения?> или душевного <положения?>, а сами по себе они и верны, и не верны – в зависимости, как и кто их переживает. Для черного отчаяния нет места в мире, если его не хотеть – но оно неизбежно, если ему уступить, поддаться. Надо признаться честно, «объективных данных» и в прошлом, и в настоящем для него хоть отбавляй! Но с той минуты, как я хочу что-то улучшить, возникает и надежда – а сбудется она или нет, к счастью, мы (да и никто) узнать не успеем. Знаете гимназическую формулу: «жизнь-борьба». Это много глубже, чем кажется.

Но я боюсь морализировать. Насчет одиночества – конечно, это так. Но есть хорошее лекарство от всех несчастий: представьте себе, что худшее, самое худшее уже произошло! Тогда внезапно обнаруживается, что все еще не так плохо в реальности.

Если вы будете читать мои утешения в том же состоянии, что и две недели тому назад, то, конечно, пожмете плечами и разорвете письмо. Но

---

¹ Печатается по современным нормам орфографии и пунктуации, но с сохранением характерных особенностей авторского написания. Для обозначения слов, чтение которых является проблемным, используются ломаные скобки, в конце конъектуры ставится знак вопроса. Публикуется по автографу (Hoover Institution Archives. Nicolaevsky collection. Box 400. F. 7).

² Что жизнь прекрасна (фр.).

если в другом, то, пожалуй, согласитесь – что так будет тянуться еще годы, еще десять, двадцать, не знаю, сколько кому из нас положено, и чем дальше, тем меньше останется иллюзий, словом, заблуждений, привязанностей, и тем глубже все-таки будет сознание, что жить стоило, если даже жизнь и «промазана». Промазана у всех, у нас особенно, и не только по нашей вине. Но сколько бы не было свинств или глупости вокруг, что-то останется над этим – и мы это видели. «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце». Вот, Бальмонт то уж наверно глуп, а ведь это верно. Вы живете в деревне. Неужели вечером, без книг, сидя просто так и глядя на небо, Вам никогда не кажется, что не может быть все плохо – и что зависит только от нас, от Вас дотянуться до того, что ни плохим, ни несчастным быть не может?

Простите этот gadotage¹. Вы его сами вызвали, но я все-таки чувствую некоторую «позу поучительности», как говорил, кажется, Поплавский, в моем письме. Поверьте, это без претензий иметь какое-то право поучать. Но всякое противодействие жизни вызывает желание за нее вступить – и само собой получается <какая-то?> полупроповедь.

Целую Вашу руку и шлю сердечный привет.

Ваш Г. Адамович

Nice

6, av. Gustave Nadaud, Cimiez

G. Adamovitch

6 дек. 1939.

При последовательном чтении первого из отрывков, напечатанных Берберовой в мемуарах (I), письма Адамовича(II) и отрывка из ответного письма Берберовой (III) наше внимание привлекли два факта.

Во-первых, Адамович не развивает ни одну из тем, затронутых Берберовой в первом письме (I). Он не комментирует отсутствие новостей и газет из советской России, не касается положения эмигрантов в условиях войны в Европе и сам не спешит высказывать своего отношения к последним политическим событиям.

Во-вторых, Адамович в начале своего письма (II) считает нужным заметить, что отвечает Берберовой с опозданием. Напомним, что оба отрывка из писем Берберовой, (I) и (III) соответственно, помечены в «Курсиве» декабрем 1939 г. Письмо Адамовича (II) датировано 6 декабря 1939 г. Выходит, что между тем, как Адамович получил письмо Берберовой, и тем, как он начал писать ответ (II), прошло не более четырех-пяти дней. В обычной ситуации такое промедление было вполне допустимо, об

---

¹ Бессмыслица, хаос (фр.).

этом не нужно было упоминать особо. Далее в письме Адамовича (II) встречаются такие слова: «Если вы будете читать мои утешения в том же состоянии, что и две недели тому назад, то, конечно, пожмете плечами и разорвете письмо». На наш взгляд, вполне вероятно, что здесь содержится указание на время получения предыдущего письма Берберовой – две недели назад, то есть в начале 20-х чисел ноября. Налицо довольно существенное расхождение как с датировкой Берберовой, так и с нашими собственными предположениями о том, что первое из приведенных в мемуарах писем (I) было написано не раньше 28 ноября 1939 г.

Отсюда можно сделать два взаимоисключающих вывода: либо Адамович проявляет известную щепетильность, объясняя Берберовой незначительную задержку своего письма (II) и в то же время не находит нужным поддержать ни одну из волнующих ее тем, либо первое письмо Берберовой (I) вовсе не было адресовано Адамовичу. Вероятность этого нельзя исключать. К тому же этим объясняется, почему Берберова прямо не назвала имени Адамовича, а лишь обиняками дала понять, что письма предназначались ему. Намекнуть на это читателю для нее было важно и вот по какой причине.

В двух рассматриваемых нами отрывках – (I) и (III) – нашли отражение главные составляющие так называемого «скандала в письмах», в результате которого имена Берберовой и ее мужа Н. В. Макеева оказались в одном ряду с именами тех, кто сотрудничал с немцами во время оккупации¹. Не вдаваясь в подробности этого дела, отметим, что из всех вовлеченных в него главными фигурами были Адамович и Бунин, в письмах к которым на юг, в свободную от немцев зону, Берберова допустила «неосторожные»² высказывания, а также Зайцев, выступивший главным защитником Берберовой³.

Пытаясь выяснить, что именно из их с Адамовичем частной переписки оказалось достоянием общественности, Берберова получила от него такой ответ:

«Когда-то, года три тому назад, а может быть, и больше, я получил от Вас открытку, где Вы писали, что “многое пересмотрели” и что теперь “мы с Вами во многом бы, вероятно, разошлись”. Цитата, конечно, не дословна, но смысл передаю верно. Сознаюсь, что эти фразы на меня произ-

---

¹ Эта тема изучена довольно обстоятельно, см.: [2], [3], [4], [5].

² Из письма Б. К. Зайцева И. А. Бунину от 14 января 1945 г.: «Одно сделала глупо: написала что-то неосторожное Адамовичу. Этот, очевидно за неимением лучшего дела, стал раззванивать всюду, и чепуха эта добралась даже до Америки» [6, с. 165].

³ Было еще одно лицо, фигурировавшее в этом деле – В. В. Руднев. О том, что связано с ним, Берберова рассказала отдельно на страницах «Курсива» [1, с. 341–342]. Также см. копию письма Берберовой к М. С. Цетлиной по этому вопросу [7, с. 439–440].

вели впечатление: я от Вас их не ждал. В то время в Ницце было еще много наших общих друзей, впоследствии переехавших в Америку. *Может быть* (выделено автором. – Е. З.), я с ними о Вас говорил, расшифровывая Ваши туманные слова скорее с осуждением, чем с одобрением» [З, с. 110].

Это письмо датировано 3 сентября 1945 г. Речь в нем, очевидно, идет о переписке, которую Адамович и Берберова вели не в конце 1939 г., а в 1942–1943 гг. Вряд ли ответ о каких-то «туманных» расхождениях ее удовлетворил. Однако и этот компонент «скандала» наряду с именами основных действующих лиц попал в мемуары Берберовой в виде размышлений о «пропасти» между нею и ее корреспондентом, а также о ее «западничестве» (III).

Заканчивая разговор о выбранном нами фрагменте из воспоминаний Берберовой, добавим, что письма Берберовой Адамовичу, как и сама «Черная тетрадь», не сохранились, и не представляется возможным узнать, что именно является источником двух ее собственных процитированных в «Курсиве» писем – копии ли, которые она сняла заблаговременно, какие-то неизвестные нам записи или собственная память. Мы можем только констатировать, что в этих двух рассматриваемых отрывках все «дело» Берберовой в некотором смысле сконцентрировалось и нашло приемлемое для писательницы отражение.

Список использованной литературы

1. Берберова Н. Н. Курсив мой : автобиография / предисл. А. Кузнецовой. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 687 с.
2. Переписка И. А. Бунина и Н. Н. Берберовой (1927–1946) / вступ. ст. М. Шраера ; публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. М. : Русский путь, 2010. С. 8–110.
3. Будницкий О. В. «Дело» Нины Берберовой // Новое лит. обозрение. М., 1999. № 39. С. 141–173.
4. Siggy Frank // A Scandal in Letters: Nina Berberova and the Nazi Occupation of France // RussianReview . 77(4). 2018. Pp. 602–620.
5. Винокурова И. Неоконченные споры. // Звезда. 2019. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/8/neokonchennyye-spory.html>
6. Письма Б. К. Зайцева к И. А. и В. Н. Буниным / публ. М. Грин // Новый журнал. 1980. Кн. 140. С. 157–181.
7. «Журнальная работа и впроголодь не кормит»: Н. Н. Берберова и В. Ф. Ходасевич / публ. Дж. Малмстада // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева, М. Шрубь // НЛО. 2012. Т. 2. 976 с.

Людмила Аркадьевна Кастлер,

доктор филологических наук, доцент, Университет Гренобль Альпы,
Франция, г. Гренобль, ludmila.kastler@univ-grenoble-alpes.fr

УДК 314.743; 792.06

Русские эмигранты первой волны как проводники русской театральной культуры во Франции

Аннотация. Русскоязычные театры в Париже, создаваемые театральными деятелями первой волны русской эмиграции во Франции, представляли собой особый мир – русский театр в изгнании, выполняя при этом функцию сохранения дореволюционной культурной памяти. Вместе с тем некоторые представители русской артистической эмиграции активно взаимодействовали с французской театральной средой, оставаясь при этом верными русскому репертуару. Благодаря их неутомимой переводческой и режиссёрской деятельности удалось не только сохранить и развить русскую театральную культуру, но и заинтересовать ею французских режиссёров и зрителей и привить им любовь к русскому театру, которая продолжается до сих пор.

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, театр, культурная память, культурологическая миссия, культурное взаимодействие, проводники русской театральной культуры.

Ludmila Kastler

Doctor of Philology, Associate Professor, Grenoble Alpes University,
France, Grenoble, ludmila.kastler@univ-grenoble-alpes.fr

Russian “first-wave” emigrants as transmitters of Russian theatre culture in France

Abstract. Created by theatre figures of the “first wave” of Russian emigration in France, Russian-language theatres in Paris represented a special world – Russian theatre in exile, – serving at the same time as custodians of pre-revolutionary cultural memory. At that point, some actors, representatives of the Russian emigration, actively interacted with the French theatre environment, while remaining faithful to the Russian repertoire. Thanks to their tireless translation and directing activities, it was possible not only to preserve and develop Russian theatre culture, but also to interest French directors and spectators in it and to instill in them a love of Russian theatre, which remains strong up to now.

Keywords: «first wave» of Russian emigration, theatre, cultural memory, cultural mission, cultural interaction, transmitters of Russian theatre culture.

Вынужденная постреволюционная эмиграция увела из России самую образованную, самую творческую часть российского общества. В условиях оторванности от родины художественная элита страны с её огромной духовной и артистической энергией находила выход в сохранении доре-

волюционной культурной памяти, а также в создании новых пластов культуры русского зарубежья. В данной статье очерчены различные пути, которые выбирали театральные деятели «первой волны» русской эмиграции, лишившиеся привычной культурной почвы, чтобы попытаться возобновить свою творческую деятельность на чужбине, в данном случае во Франции. В отличие от других исследований [1], особое внимание уделено деятельности тех представителей русской художественной эмиграции, которые активно взаимодействовали с французской театральной средой, выполняя миссию проводников русской театральной культуры во Франции. Основным источником корпуса нашего исследования, помимо архивов Национальной библиотеки Франции, послужил биографический словарь «Российское зарубежье во Франции» [2] под редакцией Льва Абрамовича Мнухина (1938–2020), выдающегося исследователя русской эмиграции, светлой памяти которого посвящена наша статья.

Культурный и артистический контекст

Это вовсе не случайность, что многие представители художественной эмиграции оказались в конце концов во Франции, хотя некоторые из них первоначально оседали в Германии, Италии, Чехии или в других странах, где им удавалось в той или иной степени продолжать свою творческую деятельность. И всё же именно Франция и особенно её столица больше всего привлекали бежавших от большевистского террора российских артистов, режиссёров, художников. И это логично: ведь не зря Париж с его традиционным космополитизмом слыл мировой столицей артистической жизни. К тому же во Франции уже с середины XIX в. существовал устойчивый интерес к русской литературе и культуре. Это было следствием неустанной деятельности замечательных проводников русской культуры, таких как И. С. Тургенев, «посол русской интеллигенции» в Европе, П. Мериме, который своими историческими и литературными эссе, а также переводами на французский язык Пушкина, Гоголя, Тургенева во многом способствовал интересу французов к России, виконт Э. М. де Вогюэ, французский писатель, дипломат и знаток России, открывший французскому читателю Толстого и Достоевского в опубликованной им в 1886 г. книге «Русский роман» и введший в обиход понятие «русская душа», и многие другие.

В конце XIX – начале XX в. культурные связи между Россией и Францией усиливаются на фоне их политического сближения. Интересным примером культурного взаимодействия может служить парижский фаланстер «Улей» (La Ruche), созданный в 1902 г. для бедных художников и поэтов, приютивший в предвоенные годы немало русских художников, которые жили и творили там в маленьких мастерских. Среди них – Шагал, Сутин, Цадкин, Липшиц, Маревна, Архипенко, Кремень, Штерен-

берг и другие представители так называемой «Парижской школы», к которым, помимо Модильяни и Пикассо, относили также Михаила Ларионова и Наталью Гончарову, переехавших в Париж в 1915 г. Все они собирались в кафе «Ротонда» или «Куполь», что очень хорошо описал Илья Эренбург [3, с. 137–143]. И хотя эти художники еще не были такими известными и знаменитыми, какими стали впоследствии, они всё же создавали определенную русскую атмосферу в Париже, которую так ценили французские поэты и интеллектуалы, такие как, например, Гийом Аполлинер, Блез Сандрар, Жан Кокто и многие другие [4, с. 108–112]. Но настоящую моду на русское искусство создали, конечно, «Русские сезоны» Сергея Дягилева, непревзойденного пропагандиста русской культуры на Западе.

Как известно, «Русские сезоны» ежегодно проходили в Париже, а затем и в других городах и странах с 1907 г. вплоть до смерти Дягилева в 1929 г. Тесное сотрудничество Дягилева с выдающимися русскими композиторами, певцами, танцовщиками, хореографами и художниками дореволюционной эпохи, а затем и создание постоянной труппы в 1911 г. «Русский балет Дягилева» позволило показать Европе русское искусство во всем его великолепии. Такие балеты Стравинского, как «Жар-Птица» (1910, сценография А. Головина и Л. Бакста), «Петрушка» (1911, сценография А. Бенуа), опера-балет «Золотой петушок» на музыку Римского-Корсакова в сценографии Н. Гончаровой (1914) или балет «Русские сказки» А. Лядова (1917, сценография М. Ларионова и Н. Гончаровой) и другие постановки возбуждали огромный интерес к русской культуре, подготовив в какой-то степени почву для культурной деятельности представителей постреволюционной русской эмиграции.

Наконец, в контексте русской театральной культуры невозможно не упомянуть имя Жоржа Питоева и его неутомимую режиссерскую и актерскую деятельность сначала в Швейцарии, а затем во Франции, которая вызвала огромный интерес к русскому театру. Жорж и Людмила Питоевы обосновались в Женеве во время Первой мировой войны, и первые их спектакли были сыграны на русском языке: «Дядя Ваня» Чехова, «Балаганчик» Блока, «Безденежье» Тургенева. Но поскольку в годы войны в нейтральной Швейцарии оказались не только русские политические эмигранты, но и представители пацифистской европейской элиты, Питоев довольно быстро стал ставить спектакли на французском языке, которые пользовались невероятным успехом [5, р. 42]. После окончания войны театр Питоева несколько раз выезжал на гастроли в Париж, а в 1922 г. Питоевы окончательно переехали со всей труппой во французскую столицу, где выдающийся режиссер продолжал свою бурную деятельность вплоть до своей смерти в 1939 г. За все годы европейской театральной деятельно-

сти Жорж Питоев поставил около 200 спектаклей различных авторов самых разных национальностей, из которых 30 – по пьесам русских драматургов, открыв западному зрителю драматическое творчество прежде всего Чехова, а также Гоголя, Андреева, Островского, Толстого, Тургенева и других авторов [5, р. 328–329].

Таким образом, во Франции в первой четверти XX столетия уже существовала культурная почва, располагающая к восприятию русского искусства, в том числе и театрального. Поэтому возобновление артистической деятельности артистов-эмигрантов из России, обосновавшихся во Франции после перипетий Гражданской войны и скитаний по всей Европе, было в какой-то степени облегчено их предшественниками. Вместе с тем планка, заданная Дягилевым и Питоевым, была столь высокой, что создаст, как мы увидим, определённые проблемы для театральных деятелей Белой эмиграции, которые стремились тем или иным способом вновь стать востребованными в новых обстоятельствах. Наиболее активные и предприимчивые выходцы из художественной эмиграции возобновили свою театральную деятельность, как только оказались во Франции, другим понадобилось определенное время, чтобы собраться с силами и создать свои труппы и театры. Одни ставили спектакли только на русском языке, другие ориентировались не только на русскоязычную публику, но и на франкоязычную.

Русский театр в изгнании: 1920–1940

Одним из первых, кто открыл свою театральную компанию в Париже, был Никита Балиев, который эмигрировал в 1920 г. во Францию вместе с труппой своего театра-кабаре «Летучая мышь», основанного им в Москве ещё в 1908 г. Труппа Балиева оставила то же название, но на французском языке – «Le Théâtre de la Chauve-Souris» и выступала в помещении парижского театра «Fémina». Яркие афиши и программы спектаклей, иллюстрированные известными художниками-мирискусниками С. Судейкиным, А. Бенуа, Ю. Анненковым, М. Добужинским, а также Н. Ремизовым, фольклорный репертуар в стиле кабаре, как, например, спектакль под названием «Кзаки Платова в Париже», а также использование пантомимы привлекали не только русскую публику, но и французскую. Театр сотрудничал с известными режиссерами: так, Фёдор Комиссаржевский, который большей частью работал в Англии, поставил в 1931 г. по приглашению Балиева спектакль «Пиковая дама» по повести А. С. Пушкина; Николай Евреинов поставил здесь несколько музыкальных комедий, в том числе «Любовь Жана Пьера» известного в те годы французского автора Бетова, которая продержалась три сезона [6, р. IX]. Одну из последних программ «Летучей мыши» на французском языке Никита Балиев попросил поставить именно Евреинова. Всего во Франции те-

атр Балиева поставил 520 различных представлений, при этом много гастролируя в Англии и в США [6, р. 13]. Театр просуществовал до 1933 г., оставив заметный след в культурной жизни Франции и русского зарубежья, а сам Никита Балиев был награжден в 1928 г. орденом Почетного легиона.

Постепенно в Париже стали создаваться и другие небольшие русские драматические театры. Например, в 1921 г. открылся театр М. Н. Кузнецовой-Массне, чьи спектакли также шли в помещении театра «Fémina». Из значимых спектаклей можно отметить трагическую пантомиму «Lâcheté» с впечатляющими декорациями Л. Бакста, поставленную в 1922 г. Ричардом Болеславским, одним из основателей 1-й студии МХТ, который вскоре переехал в США [7].

К сожалению, из-за постоянных финансовых проблем большинство русских театров были недолговечными и существовали, как правило, всего лишь несколько сезонов, как, например, труппа Е. Н. Рошиной-Инсаровой, известной актрисы Суворинского и Александринского театров, которая в 1927–1928 гг. руководила Русским драматическим театром – Новым театром в Париже. А основанный в 1930 г. Русский зарубежный камерный театр был закрыт в 1932 г. после смерти своего основателя и директора Бориса Эспе.

Немного дольше просуществовал Интимный театр Д. Н. Кировой, созданный бывшей актрисой Суворинского Малого театра совместно со своим мужем князем Ф. Н. Касаткиным-Ростовским в 1928 г. в небольшом помещении на улице Кампань Премьер в самом центре квартала Монпарнас. Репертуар театра составляли пьесы русских классиков, но самым любимым автором был А. Н. Островский, чью пьесу «Волки и овцы» выбрали в качестве первого спектакля нового театра. В течение нескольких лет было поставлено около 40 спектаклей по Островскому, в то время как всего было поставлено более 100 спектаклей. Концепция театра заключалась прежде всего в сохранении русской театральной культуры дореволюционного периода, но преследовала также и просветительские цели: «Не дать русской молодежи, разбросанной в эмиграции, забыть русский язык, русских классиков, русский быт, историю и лучшие стороны прошедшей (и уже им незнакомой) русской жизни, в лучших произведениях русских писателей» [8, с. 38].

Как и в других эмигрантских театрах, вся деятельность Интимного театра держалась на энтузиазме его создателей: художественная часть лежала на плечах самой Д. Н. Кировой, которая выступала как режиссер-постановщик и при этом играла в каждом спектакле, а её муж князь Ф. Н. Касаткин-Ростовский помогал ей с организацией спектаклей и распространением билетов, программ и афиш. В 1930 г., несмотря на финан-

совые трудности, Интимный театр дважды выезжал на гастроли в Бельгию. В начале 1931 г. состоялся юбилейный, сотый спектакль театра (это была популярная комедия дореволюционного драматурга В. А. Крылова «Девичий переполох»), прошедший с большим успехом и, как отметила сама Д. Н. Кирова, весьма торжественно: «Было много речей. Я даже и не думала, что вся эмиграция заметила и оценила наш труд и ту цель, ради которой мы старались» [9, с. 252]. Пресса, причём не только русскоязычная, но и французская, а также бельгийская, печатала благосклонные статьи о театре. Тем не менее в начале 1933 г. Интимный театр прекратил своё существование вследствие болезни Д. Н. Кировой. Несколько лет изнурительной, хотя и очень творческой работы – ведь каждое воскресенье в театре шла новая пьеса, а также бесконечные финансовые проблемы привели к полному эмоциональному выгоранию и болезни, после которой у Д. Н. Кировой уже не было сил вновь поднять театр.

Русскоязычные театры продолжали создаваться и в 1930-е гг., но они также существовали не более нескольких сезонов. Так, в 1934 г. известный драматург, режиссёр и теоретик театра Николай Евреинов, который много работал с разными режиссёрами, в том числе и французскими, создаёт в Париже свой театр «Бродячие комедианты», чьё название являлось, по-видимому, аллюзией на литературно-артистическое кабаре «Привал комедиантов», существовавшее в Петрограде с 1916 по 1919 г., с которым Евреинов был тесно связан. Он также работал в Театре русской драмы, воссозданном в 1934 г. при активном участии Е. Н. Рошиной-Инсаровой и финансовой помощи Ильи Фондаминского.

Таким образом, русские эмигрантские театры, периодически возникавшие в 1920–1940 гг. во Франции, в основном в Париже, где была сосредоточена значительная часть постреволюционной артистической эмиграции, пользовались определенным успехом среди соотечественников. Для русских эмигрантов первой волны посещение русскоязычных театров было не только приятным развлечением, но и способом погружения в ту культуру, которая была своей, легко узнаваемой и очень ностальгической, воплощенной в именах Островского, Чехова, Тургенева, а также популярных дореволюционных авторов В. Крылова, М. Арцыбашева и др. Репертуар русскоязычных театров включал и пьесы драматургов, оказавшихся в эмиграции, таких как А. Амфитеатров, Н. Тэффи, А. Ренников, который сочинял забавные комедии об эмигрантской жизни, а также В. Набоков-Сирин, чья пьеса «Событие» была поставлена в 1938 г. в Русском театре режиссёром Ю. Анненковым.

Соответственно, основной культурной функцией русского эмигрантского театра была культурно-просветительская: сохранение дореволюционных структур русского языка и устойчивых концептов русской культу-

ры, по выражению известного культуролога Ю. С. Степанова [10, с. 84–85], разделяемых представителями образованных слоёв российского общества конца XIX – начала XX в., а также передача их новому поколению русских, эмигрировавших во Францию вместе с родителями в юном возрасте или уже родившихся на чужой земле.

Вместе с тем подобная сосредоточенность исключительно на сохранении дореволюционной культурной памяти со временем привела русский эмигрантский театр к некоему тупику: поколение первой волны эмиграции постепенно уходило из жизни, а их дети и внуки, охваченные обязательным обучением во французской школе, становились франко-русскими билингвами, погруженными скорее во французскую культуру, но сохраняя при этом тягу к русской культуре. Некоторые из них стали затем настоящими проводниками русской театральной культуры во Франции.

Французско-русское театральное взаимодействие

Итак, в 1920–1940-е гг. эмигрантские драматические театры, несмотря на энтузиазм артистов и интерес русскоязычной публики, функционировали в Париже довольно спорадически, открываясь и закрываясь из-за финансовых трудностей, но каждый раз возрождаясь из пепла. У них была достаточно сильная конкуренция со стороны гастролирующих театров из России или эмигрантских театров из других стран. Сильным конкурентом была прежде всего Пражская группа МХТ, состоящая из бывших артистов Московского Художественного театра, не возвратившихся в Советскую Россию после гастролей МХТ по Европе, в том числе и во Франции, а также в Америке в 1922–1923 гг. «Пражане» с успехом гастролировали по всей Европе, приезжая довольно часто и во Францию. Кроме того, с гастролями приезжали и театры из Советской России. Помимо Художественного театра, получившего к тому времени статус академического (МХАТ), в 1923 г. во французской столице с большим успехом показал свои спектакли, в том числе и знаменитую расиновскую «Федру», Камерный театр Таирова, который вернулся сюда еще раз в 1930 г. В 1928 г. в Париже побывал театр Вахтангова со спектаклями «Турандот» и «Вириная», а в 1930 г. с фурором прошли гастролы ТИМа, театра Мейерхольда, показавшего два спектакля – «Ревизор» Гоголя и «Лес» Островского, вызвавшие очень противоречивые отклики. Наконец, парижане имели возможность посмотреть в 1930, 1931 и 1935 гг. спектакли труппы легендарного Михаила Чехова. Таким образом, между двумя войнами русский театр был весьма заметен в артистическом калейдоскопе космополитичного Парижа. Это отмечалось и во французской прессе. Но поскольку спектакли игрались в основном на русском языке, даже если программы и афиши составлялись часто на французском, русский эмигрантский театр, как и

русская литература, представляли собой некий параллельный мир – Россию в изгнании.

Впрочем, отдельные театральные деятели, такие как Никита Балиев и Николай Евреинов, активно взаимодействовали и с французскими театрами. Так, в 1933 г. Евреинов поставил несколько спектаклей на французском языке в юношеском театре «Весёлая сцена», который он основал со своей женой А. А. Кашиной при театре «Старая голубятня» при участии барона Н. Н. Дризена. Это были, в частности, спектакли «Le Pater» (Отче наш) Франсуа Коппе и «Медведь и паша» Эжена Скриба, эскизы костюмов для которого были созданы известным художником-графиком Фёдором Рожанковским (Rojan) [6, p. 19]. В 1934–1935 гг. Евреинов работал с театральной группой студентов Сорбонны над постановкой спектаклей средневекового театра. Кроме того, его пьесы переводились на французский язык и ставились французскими режиссерами: «Весёлая смерть» еще в 1922 г., до окончательного переезда Евреинова в Париж, была поставлена в театре Жака Копо «Старая голубятня» в переводе Дени Роша; пьесу «Комедия счастья» (первоначальное название «Самое главное») поставил в 1926 г. Шарль Дюллен в своем театре «Ателье» (в 1930 г. этот спектакль будет показан в театре «Селестен» в Лионе, а в 1932 г. – в Гренобле); в 1948 г. Евреинов осуществил постановку своей «Инфернальной комедии» в антрепризном театре «Казино-Монпарнас». После войны Евреинов постепенно отходит от режиссёрской деятельности и занимается обобщением своей театральной практики и теоретическими изысканиями, продолжая издавать свои труды, посвященные теории театральности, понятию монодрамы, истории русского театра и театра в Советской России, а также истории эмигрантского театра под символическим названием «Памятник мимолетному» [11]. Таким образом, Николай Евреинов, оставаясь верным русскому театру, активно взаимодействовал с французской театральной средой, оставив заметный след во театральной жизни Франции.

Нацеленность Николая Евреинова и Жоржа Питоева на франкоязычный театр при частичном сохранении русского репертуара вдохновила и других, более молодых выходцев из художественной эмиграции. Ярким примером такой стратегии является Андрей Барсак (André Barsacq), известный французский режиссёр, сценограф и драматург русского происхождения (1909–1973). Андрею Барсаку было всего десять лет, когда он оказался вместе со своей матерью и братом в Париже, где он сначала учится в лицее Генриха IV, а затем поступает на архитектурное отделение Национальной школы декоративных искусств. Будучи студентом, он страстно увлекается русскими балетами Сергея Дягилева, впоследствии женится на племяннице художника Леона Бакста. Выбрав художественную стезю, Андрей Барсак становится сначала театральным художником и

сотрудничает с ведущими режиссёрами того времени: А. Арто, Ш. Дюлленом, Ж.-Л. Барро, Ж. Копо. Он также создавал декорации для балета Иды Рубинштейн и, конечно, был хорошо знаком с Николаем Евреиновым и Жоржем и Людмилой Питоевыми. В 1936 г. он становится соучредителем, а затем директором и постановщиком передвижного театра «Четыре времени года», который гастролировал по городам Франции и за границей, в частности в США и Бразилии. Именно этот опыт позволил Барсаку почувствовать вкус к режиссуре. В 1940 г. Шарль Дюллен, директор театра «Ателье», переходит в другой театр и предлагает своему ученику А. Барсаку возглавить театр. Отныне основная деятельность Андрея Барсака как режиссёра, художника и инсценировщика пройдёт на сцене именно этого театра. А. Барсак ставит множество спектаклей как классических, так и современных французских и зарубежных авторов. С 1945 г. Барсак начинает ставить пьесы русских авторов: Гоголя, Достоевского, Тургенева, Островского, Чехова, Маяковского. В 1966 г. он осуществил в театре «Эберто» постановку знакового спектакля «Три сестры» А. П. Чехова (в переводе Л. и Ж. Питоевых при участии П. Ж. Жува), в котором главные роли играли актрисы русского происхождения – Марина Влади, Одиль Версуа и Элен Валье, урождённые сёстры Поляковы.

Андрей Барсак сам переводил на французский язык пьесы русских драматургов, которые он ставил на сцене своего театра, и, что немаловажно, регулярно публиковал свои переводы, в отличие от Людмилы и Жоржа Питоевых, чьи переводы русских пьес были опубликованы позднее их сыном Сашей Питоевым, французским актером и режиссером, который также много сделал для развития русского театра во Франции. Театральные переводы режиссеров-билингвов представляют особую ценность, поскольку они отражают их постановочный опыт, «сверхзадачу» соответствующего спектакля, точность ощущений от произносимых реплик, реакцию актеров и публики. Таким образом, театральная и переводческая деятельность Андрея Барсака свидетельствует о его миссии проводника русской культуры во Франции, которую он неустанно выполнял в течение нескольких десятилетий.

Другой пример проводника русской культуры во Франции, вышедшего из русской эмиграции, это Артур (Артюр) Адамов (Arthur Adamov, 1908–1970), французский драматург, писатель, переводчик русско-армянского происхождения, который перевёл на французский язык в конце 1950 – начале 1960-х гг. почти все пьесы Чехова, а также несколько пьес Горького, одну из которых – «Мещане» – поставила в 1964 г. молодой французский режиссер русского происхождения Ариана Мнушкина, причём это был первый спектакль только что созданного ею Театра дю Солей (Théâtre du Soleil). Адамов также переводил произведения Достоев-

ского, Гончарова, Гоголя, чьи «Мёртвые души» были изданы на французском языке в 1964 г. с иллюстрациями Марка Шагала и предисловием переводчика. Кроме того, Артур Адамов создал несколько инсценировок произведений Чехова, Лескова, Толстого и Достоевского для французского радио и телевидения [12, р. 167–176].

Помимо Ж. Питоева, А. Барсака, А. Адамова, пьесы русских драматургов на французский язык переводили в этот период Эльза Триоле, Евгения Каннак, Нина Гурфинкель, представительницы первой волны русской эмиграции, способствуя, таким образом, всё большей популяризации русского театра во Франции. Позднее развитию русского театра во Франции и русской культуры в целом содействовали потомки русских эмигрантов первой волны, такие как Маша Мериль, Марина Влади, Робер Оссейн, Маша Макееф и многие другие французские режиссёры и актёры.

Заключение

Изгнанники часто стремятся стать проводниками своей родной культуры в стране, которая их приняла. Как мы увидели в ходе нашего небольшого исследования, основная миссия театральных деятелей первой волны русской эмиграции заключалась в сохранении дореволюционной культурной памяти, передаче русского языка и дореволюционных театральных традиций молодому поколению – иными словами, это была культурно-просветительская миссия. Русскоязычный театр был своеобразным островком прежней России в иноземном пространстве. Вместе с тем некоторые представители русской художественной эмиграции испытывали потребность культурного взаимодействия с французской театральной средой, оставаясь при этом верными и русскому репертуару. Благодаря их неутомимой переводческой и режиссерской деятельности удалось не только сохранить и развить русскую театральную культуру, но и заинтересовать ею французских режиссеров и зрителей и привить им любовь к русскому театру, которая продолжается по сей день.

Список использованной литературы

1. Литаврина М. Г. Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. СПб. : Алетейя, 2003. 224 с.
2. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 : биографический словарь [L'Émigration russe en France, 1919–2000] : в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой. 2008–2010. URL: <http://www.dommuseum.ru/old/?m=dist>
3. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Под колесами времени. Книги первая, вторая, третья. М. : АСТ, 2017. 656 с.
4. Шагал М. Моя жизнь / пер. с фр. Н. С. Мавлевич. М. : Эллис Лак, 1994. 204 с.

5. Jomaron J. Georges Pitoëff, metteur en scène. Lausanne : L'Age d'Homme, 1979. 369 с.
6. Nicolas Evreïnoff (1873–1953). Catalogue de l'exposition à la Bibliothèque Nationale. Paris : Bibliothèque Nationale, 1981.
7. МХТ им. А. П. Чехова. Ричард Болеславский. URL : <https://mxat.ru/history/persons/boleslavsky/>
8. Кошкарян В. Интимный театр Д. Н. Кировой в Париже // Кирова Д. Мой путь служения Театру. Воспоминания. Париж ; Н. Новгород : Изд-во «Дятловы горы», 2006. С. 7–39.
9. Кирова Д. Мой путь служения Театру. Воспоминания. Париж ; Н. Новгород : Изд-во «Дятловы горы», 2006. 379 с.
10. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 982 с.
11. Евреинов Н. Н. Памятник мимолётному. Из истории эмигрантского театра в Париже. Париж : Изд-во тип. «Наварра», 1953. 87 с.
12. René Gaudy. Arthur Adamov. Essai et document. Paris : Stock, 1971. 187 с.

Марина Геннадиевна Литаврина,

доктор искусствоведения, профессор, Российский институт театрального искусства ГИТИС, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, marpons@rambler.ru

УДК 314.743; 792.071

«Актриса. Ничего другого не умела...»

(Е. И. Корнакова-Бринер в зарубежье: новые материалы)

Аннотация. В статье, основанной на найденных автором архивных материалах (Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, Москва), рассказывается о судьбе бывшей актрисы МХТ Екатерины Корнаковой-Бринер (1895–1956) и ее попытках театральной деятельности в зарубежье. Автограф, связанный с работой над ролью в пьесе Чехова «Дядя Ваня», обнаружен в фонде бывших мхатовцев В. Греч и П. Павлова, впоследствии эмигрантов. Актриса Корнакова, бывшая студийка МХТ, также покинула советскую Россию в конце 1920-х гг. Разработка роли, вероятно не сыгранной Корнаковой, а также материал о создании русского театра в Лондоне, который можно датировать началом 50-х гг., обнаруженный в указанном фонде, представляют сегодня интерес для истории культуры русского зарубежья первой половины XX в. и вносят некоторые коррективы в представления о судьбе актрисы в отрыве. Одновременно эти материалы свидетельствуют о попытке укрепления творческих позиций русской диаспоры в Лондоне и русско-британской кооперации в сфере театра в сложные годы начавшейся холодной войны.

Ключевые слова: русское зарубежье, МХТ, актриса, Екатерина Корнакова-Бринер, Дом русского зарубежья, архив, Вера Греч.

Marina Litavrina

Doctor in Art criticism, Professor, Russian Institute of theatre art GITIS,
Moscow State Lomonosov University, Russia, Moscow, marpons@rambler.ru

“Actress. Was unable to do anything else...” (Katherine Kornakova-Brynnner abroad. New materials)

Abstract. The paper is based on archive manuscripts, found by the author in the holdings of House for Abroad Russia, Moscow. The text, containing keen acting remarks on Chekhov’s drama “Uncle Vanya”, belonged to the actress Ekaterina Kornakova-Brynnner (1895–1956), former member of Moscow Art theatre team. Mentioned by Stanislavsky as one of most professional MAT studio disciples, the actress left Soviet Russia for good in the late 20-s. The interpretation given by Kornakova is a subject of interest today, as it provides Chekov’s character with bold and original view, thus endowing the part with new colors. Another document linked possibly with the name of Kornakova, discovered in the same holding, – is in fact a short survey on Russian theatre in London in post-WW2 period. (We are of very short knowledge about Russian theatre workers in post-war England). It covers the attempts of Russian diaspora to maintain Russian actors’ activity on colonial boards, and thus presents new information on Russian-British cultural cooperation in London in the early 1950-s, thus bridging the “cold war” gap.

Keywords: Russian cultural diaspora, Moscow Art Theatre, Katherine Kornakova-Brynnner, manuscript, Vera Gretch, House for Russian Abroad, archive.

В архиве Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына мы обнаружили интересные документы. Они находились в полученном из Франции полтора десятилетия назад фонде супружеской пары бывших артистов МХТ и создателей эмигрантского парижского театра, но по рассмотрении выяснилось: относятся они к авторству другого человека, когда-то также известной мхатовской актрисы.

Первый из них определенно принадлежит бывшей артистке МХТ Екатерине (Катерине) Корнаковой (1895–1956), ибо подтвержден личным автографом. Обширные комментарии к роли Елены Андреевны в «Дяде Ване» А. П. Чехова (машинописная рукопись) нашлись в фонде артистов МХТ и Пражской группы Веры Греч и Поликарпа Павлова, в подборке «Работа над ролями» (в разборе материалов этого фонда нам довелось участвовать). Характерно, что на титульном листе машинописной рукописи крупно напечатано: «Неувязки», а наверху – приписка от руки: «трактовка роли Корнаковой-Бринер». Печатный текст – хорошо продуманный и структурированный – подвергнут далее рукописной правке, снабжен до-

полнениями-дописками (почерк актрисы был далее сопоставлен нами с ее иными эпистолярными, хранящимися в фондах РГАЛИ [4]).

Вначале необходимо не только рассказать о Екатерине Корнаковой, но и пояснить, каким образом уже в зарубежье пересеклись вновь через много лет пути актрис-эмигранток из Художественного театра Веры Греч и Катерины Корнаковой, в разное время и при разных обстоятельствах покинувших советскую Россию. И чем на самом деле замечательна автор рукописи, чья профессиональная судьба в эмиграции, как считается доныне, не сложилась. Особое очарование (вспомним афоризм Пушкина о женщине и грамматике) и, добавим, аутентичность данному документу придает большое количество грамматических ошибок и опечаток.

Автор рукописи, Екатерина Ивановна Корнакова (настоящая фамилия Елина, 1895–1956), принадлежала к небольшому числу самобытных молодых актрис, на которых возлагались большие мхатовские надежды. Она стала загадочной женщиной-мифом, обещанной звездой, вдруг улетевшей в другие миры, оставив обычную жизнь далеко в прошлом. Пообещав многое, затем «звезда» исчезла с горизонта МХТ, якобы предпочтя судьбу богатой заграничной «контессы» и существование во дворце на каком-то райском острове [5, с. 229 и др.] прозаическому и демократическому ансамблю МХТ. Ее выделял Станиславский из общего числа учеников, называя Корнакову вместе с Мих. Чеховым самыми перспективными; он писал, что «школа и студии существовали для того, чтобы выработать одного Чехова и одну Тарасову и Корнакову» [13, с. 145]. И еще: «...Это из молодежи, это наиболее талантливые лица: Чехов, Тарасова, Корнакова» [3, с. 86]. Тройка имен самых достойных везде одна и та же. Иногда, правда, сердился на нее, ибо обожал сшибать гонор «с зазнавшихся артистов».

Она училась в частной студии трех Николаев (затем преобразованной во Вторую) под непосредственным руководством Н. О. Массалитинова вместе с Аллой Тарасовой. Само поступление ее в студию мемуаристом Львом Гольденвейзером в опубликованных беллетризованных воспоминаниях описано комически. Абитуриентка предстает такой дремучей Бурлаковой Фросей из знаменитого советского фильма – неуклюжей, дурно одетой, самонадеянной провинциалкой с чемоданом, приехавшей в Москву «представлять». «Своеобразная барышня» в поношенном пальто и нелепой соломенной шляпе напрямик отправилась туда, «где актрис нанимают». Притом понятия не имела, что надо что-нибудь прочитать на вступительном испытании, а на требования устроившего ей спонтанное собеседование руководителя студии фыркала и даже раз «обложила трехэтажной бранью». Однако эти непосредственность и вспыльчивость неожиданно пришлись в МХТ ко двору, и ее вскоре назначат на

роль Саши в «Село Степанчиково» по Достоевскому, и за ней надолго закрепится репутация «девушки-вспышки». Станиславский сразу понял главное про нее: она настоящая, живая, органически не способная «представлять», наигрывать – и за это ей прощались вспышки, уже внесценические.

Играла Екатерина и в знаменитом «Зеленом кольце» З. Гиппиус (1916), правда, скромную роль Лиды, а бенефицианткой этой постановки была Алла Тарасова в роли Финочки. И опять – игра со «вспышками». Как известно по пьесе, там возникло так называемое братство кольца. Вот и в студии сложились особая атмосфера, особый круг и стилистика не только игры, но и общения, человеческих отношений. Тогда в Первой студии собралось несколько прелестных молодых женщин, они и дружили, и конкурировали. Вообще здесь нужно сделать одно важное замечание, коснувшись темы, о которой обычно не говорят. Мхатовка Тамара Дейкарханова, впоследствии эмигрантка, в зарубежье, вспоминая жизнь в стенах театра, замечала: «МХАТ был театром Актера, Режиссера, Учителя, но не театром Актрисы. Мужская диктатура в МХТ чувствовалась сразу же, как только молодежь появлялась в его стенах на экзамене...» [3, с. 172]. Избежать давления этой диктатуры, возможно, удалось одной О. Л. Книппер-Чеховой. Несогласные с «зажимом» женской инициативы уходили, как М. Ф. Андреева, – еще в раннюю пору театра, как М. Н. Германова, – после революции. Конечно, в решении и той и другой сыграли свою роль конкретные обстоятельства и факторы, но и женские обиды тоже (см. изданные недавно мемуары Германовой [6]).

Девушкам-студийкам приходилось нелегко, – выбиться из «толпы», из пресловутого ансамбля было счастливым случаем. Обратим внимание: знаменитый своими женскими партиями и модный во всем европейском театре начала XX в. Ибсен в МХТ был представлен не лучшими пьесами, ибо отбирались они на Актера, а не на Актрису. Корнакова играла второплановые роли, дублировала основной состав, прошла школу культовых студийных постановок – «Гибели “Надежды”», «Сверчка на печи». Участвовала Корнакова в спектаклях как Первой студии (затем МХАТ Второго), так и собственно Художественного, выходя поначалу в толпе с другими юными сотрудниками. Это для Корнаковой было тяжелой повинностью, «выходами» она часто манкировала, судя по дневниковым рапортам помощника режиссера Юрия Понса, режиссеров Вахтанга Мчеделова, Валерия Бебутова: «Корнакова отпущена по болезни», «Е. И. Корнакова – больна», «Корнакова не явилась», «причина отсутствия неизвестна» [3, с. 277, 283, 285 и др.]. Во всяком случае, поначалу в театре она часто скучала. Иногда она получала совсем не то, что хотела, – ее чуть ли не заставили быть «травести», осчастливив ролью мальчика Васьки в «Младо-

сти» Леонида Андреева. Назначению она чуть ли не объявила войну. Станиславскому пришлось ее долго «уламывать». Режиссеры видели ее совсем иначе, чем ей самой хотелось. Парча, кринолины и прочие выигрышные наряды придут к хорошенькой Корнаковой только со временем. Правда, потом ей выпал шанс, и роли побольше и повыигрышнее для нее нашлись. В частности, играла юную княгиню Серпуховскую в пьесе Алексея Толстого «Любовь – книга золотая» (1924). Ставила спектакль в Первой студии Серафима Бирман, но в целом постановка была критически оценена советской прессой [7, с. 761], хотя, добавим, Корнакову выделяли. Историк Художественного И. Соловьева так пишет об игре Корнаковой в этом спектакле: «Княгиня Дарья Дмитриевна входила в череду ролей Корнаковой – в череду женщин простодушных и во всех их изгибах, любопытствующих и удивляющихся, горячих, вспыхивающих дотла» [9, с. 397]. Наверное, такой была и ее Катарина в «Укрощении строптивой» (впрочем, играла ее она недолго). А еще она стала Алиной в романтической «Балладине» Ю. Словацкого в постановке Р. Болеславского, вскоре покинувшего Советскую Россию. Алина – невинная жертва, «беленькая розочка», получилась у нее «юная, нежная, святая». Голос звучал в монологах как «удивительный музыкальный инструмент». Убедительнее всего она умела передавать романтизм и влюбленность, следовательно, была необычайно органична. Еще одно доказательство тому – исполнение роли Маруси в одном из последних ее спектаклей в МХАТ-2 – «Закате» Бабеля, где играла рискованную любовную сцену со стареющим Манделем Криком, – исполнение, «прекрасное, простое и свежее», восхитило критика А. Гвоздева [10, с. 94]. Забегая вперед, заметим, что любовь, перевернувшая жизнь самой Катерины, оказалась для нее не «золотая», а, как вышло, – роковая...

Ее удостоил короткого портрета в очерке о Первой студии летописец театра Павел Марков, отметив своеобразие личности и сравнив ее дарование с другими артистками. Оценку можно назвать «амбивалентной». Но в любом случае, не полностью комплиментарной. Дабы не быть голословными, процитируем: «Игравшая в Первой студии Е. И. Карнакова по качествам индивидуальности, казалось, приближалась к С. В. Гиацинтовой (последняя как актриса явно ставится критиком выше. – М. Л.). Но у нее был другой образ, который она, варьируя и видоизменяя, показывала на сцене: образ капризной и удивленной женщины, потому она любила пользоваться внезапными и изломанными интонациями и любила переломы чувств: каприз был для ее героинь законом, так же строила она и рисунок своих ролей» [8, с. 137]. Капризная женщина, транслировавшая свой образ на сцену, – заметим, вряд ли этого было достаточно, вряд ли вызвала бы она высокую оценку Станиславского... Фотографии являют образ удиви-

тельной женственности, даже пленительной сексуальности, впрочем, сомнительно, что эти качества были у советского МХАТа в приоритете. Изломы, синкопы, прихотливые переходы в ее игре отмечают и иные наблюдатели. Корнакова могла актерски «взбрыкнуть», и не случайно в ее репертуаре в середине 20-х появляется шекспировская Катарина. Один из лучших портретов Корнаковой находим у товарки по студии, упомянутой Софьи Гиацинтовой: у нее Корнакова сначала «хорошенькая аккуратная девочка с детски пухлым личиком», «пленительное дарование», «волшебница»... Потом – портрет более точный: «Иногда придет вялая, бледная, а выйдет на сцену – загорается, засветится, заозорует. В природе ее вольного таланта была та свобода, которой учил нас Станиславский. Он любил Корнакову...» [11, с. 193]

Ее неординарная внешность, как и пронзительная молодость и взрывной темперамент, в свое время привлекли художника Юрия Анненкова, графически воспевшего главным образом ее великолепные ноги. Художник принес в мемуарную литературу о Корнаковой образ дикой кобылицы, вырвавшейся на «мировые сквозняки». Впрочем, этот троп был позаимствован им из стихотворения Корнея Чуковского – тот утверждал, что на самом деле Катерина – «молоденькая монголка», в жилах которой бродит «безумная кровь» (NB: Чуковский пишет, как и цитированный выше Марков: Крнакова) [12, с. 59] – при том, что в программах московских театров 1927-го, как и документах МХАТ, ее фамилия пишется через «о»).

И то правда: она родилась среди степей, в Кяхте, у монгольской границы, в семье купца-золотопромышленника и известной ученой женщины-этнографа. Росла среди степей и сопок, держала изюбря (основывавшиеся именно на этом видении публикации анненковеда И. Обуховой-Зелинской [9, с. 53–65] закрепляют данный образ). Однако портретируемая мемуаристами как *enfant terrible*, с детства хорошо училась и знала языки, играла в любительской студии. То, о чем собираемся здесь поведать, свидетельствует не только о примечательной антропологии артистки, но и о ее незаурядном уме, творческой смелости и редкой пытливости. Из биографии: после развода с первым мужем Алексеем Диким Корнакова круто изменила свою жизнь, выйдя замуж за швейцарского бизнесмена русского происхождения Бориса Бринера. Познакомилась с ним, прибывшим по делам фирмы в Москву, в 1923-м, влюбилась без памяти. В письмах своей подруге Олимпиаде Гальпериной [4] говорила, что тот очаровал всех юных актрис студии, поголовно в него влюбившихся, но он выбрал ее, «дикую» Катю Корнакову. На фотографии 1924-го, сделанной накануне премьеры пьесы «Любовь – книга золотая» А. Н. Толстого (выезжали в мхатовскую экспедицию в Ополье, в Переславль-Залесский), Б. Бринер

сфотографировался с первостудийцами, и видно, что он здесь быстро стал своим. Она уехала с ним на Дальний Восток и впоследствии прожила значительный отрезок жизни в Харбине и Шанхае. В географии их странствий будут Швейцария, Франция, США, Лондон...

С конца двадцатых она уже не значится в постоянной труппе МХАТ. Корнакова, выйдя замуж за Бориса, стала мачехой знаменитого впоследствии американского киноактера на экзотические роли Юла Бринера¹ (и явно повлияла на его жизненный выбор) и знакомицей писательницы Натальи Ильиной, ставшей ученицей актрисы по харбинской драматической студии (также оставившей воспоминания о Корнаковой [13, с. 126–163]. Между тем в самом большом на сегодняшний день очерке о Корнаковой Ильина пишет о ней в основном как о яркой личности, по своим данным – актрисе милостью Божьей, а на деле – лишь жене преуспевающего бизнесмена, спорадически работавшей режиссером любительской сцены в зарубежье: «Эта женщина была, по-видимому задумана как аппарат узкого назначения, лицедейка... Актриса. Ничего другого не умела...» [13, с. 146] Формально Корнакова – не эмигрантка, она последовала за границу за мужем, но очевидно: ее неуправляемый нрав и острый язык не довел бы до добра в сгущавшейся атмосфере сталинского «великого перелома». Свободолюбивой Кате в МХАТ 1930-х было бы душно (напомним: МХАТ Второй закрыт в 1936-м).

Материнство ее не состоялось: Катерина потеряла новорожденного ребенка. Пережив горе, она стремилась заполнить пустоту жизни. Однако именно в зарубежье отчетливо выяснилось, что главное для нее – театр. Она физически страдала без сцены и жадно интересовалась театральной жизнью Москвы. Муж, имевший и средства, и связи, помог с созданием харбинской драматической студии под ее руководством. Катерине удалось поставить и показать местной публике несколько спектаклей: среди них и возобновления из репертуара Первой студии («Сверчок на печи» Диккенса), и классика – «Ночь перед Рождеством» по Гоголю, Пушкинский спектакль; ею инсценировались рассказы Надежды Тэффи...

В послевоенные годы она даже побывает в Москве, будет по случаю присутствовать на похоронах народного артиста И. М. Москвина, но тут не останется. А в середине 1940-х судьба преподнесла ей роковой поворот: Борис Бринер был арестован, депортирован в СССР, но благодаря связям и усилиям родственников был обменен на советских граждан, находившихся в швейцарских тюрьмах. Все перечисленное да еще тяже-

---

¹ Дабы правильно отобразить на письме латиницей звучание фамилии актера (по правилам английского произношения), в нее вставили вторую букву «Н» – Yul Brynner. Таково принятое написание фамилии актера-пасынка Корнаковой в США.

лая болезнь удочеренной Корнаковой девочки, видно, сказались на его состоянии.

Налаженная и обеспеченная жизнь пошла под откос. После скоропостижной смерти мужа Екатерина Корнакова оказалась в очень сложном материальном положении в Лондоне, последние годы работая на молочной кухне, где мыла бутылки. Как многие русские эмигранты-неудачники, пила. Тяжело заболевшую Корнакову, умершую впоследствии в дешевом муниципальном госпитале, навещала в начале 1950-х гг. организовавшая чеховские спектакли в Кембридже бывшая мхатовка Вера Греч, которая, вероятно, и получила от нее кое-какие материалы, в том числе и упомянутую рукопись. О фактах их общения мне сообщила в интервью Ирина Сергеевна фон Шлиппе, эмигрантка, также девочкой навещавшая Корнакову. На эту тему также удалось расспросить и мемуаристку Ольгу Ильину-Лаиль – сестру Натальи Ильиной [15] во время пребывания последней в Москве пять-шесть лет назад... Очевидно, рукопись Корнаковой пригодилась: Греч вскоре сама поставит «Дядю Ваню» и «Вишневый сад» на любительской сцене – для английских славистов-учеников их с Поликарпом Павловым русской театральной студии в Кембридже, о чем говорят сохранившиеся программки чеховских спектаклей, находящиеся в том же фонде [3]. Впоследствии «Дядя Ваня» будет показан на сцене театра Йена в Париже [18] полученной для представлений *Груп де Праг* у городских властей. Правда, на сей раз Вера Греч, в силу возраста, уже сыграет не Елену Андреевну, а няньку Марину. Довелось ли самой Корнаковой в зарубежье ранее сыграть чеховскую Елену Андреевну – пока установить не удалось. Но как режиссер и толкователь Чехова, она предстает в этом документе абсолютно убедительно. Когда-то Ахматова говорила, что Чехов для интеллигенции – икона. Так вот: никакой иконы, никакого идолопоклонства – Корнакова беседует с автором «Дяди Вани» на равных, находит нестыковки и «неувязки» в многочисленных деталях его драматургического текста.

Корнакова, как сказано, ставила своей задачей некую реабилитацию Елены Андреевны, с ее точки зрения, отнюдь не «нудного эпизодического лица», как аттестует себя сама героиня. Она считала, что предшественники – постановщики, да и исполнительницы, выражаясь по Чехову, не прочли как следует его пьесы. Мало того, она полагала эту роль самой интересной в «Дяде Ване». Для Корнаковой Чехов – старший современник, самый молодой драматург-классик; отсюда никакого почитания, напротив, критический взгляд, жесткие вопросы: например, почему профессор Петербургского престижного вуза настолько беден, что на него вынуждены работать годами, во всем себе отказывая, и Ваня, и Соня, даже при том, что долг за имение уже выплачен. Почему приехавшую пару, профес-

сора и его супругу, демонизируют и обвиняют в нарушении всего порядка жизни? Трактовка, может быть, спорная, но оригинальная и острая, свидетельствующая о том, что Екатерина Корнакова была по-настоящему интеллектуальной актрисой, давала себе труд самостоятельного, без наводки режиссера вчитывания в пьесу, вступая при этом в диалог-спор с драматургом. Характерно, что как исполнительница она отстаивала женское достоинство и ум, супружескую верность и доброту героини, обычно воспринимавшиеся постановщиками прохладно, если не иронично. Сценическую традицию отношения к чеховской Елене просто как к красивой, но бесполезной вещи Корнакова считает несправедливой. Елену Андреевну, говоря современным языком, артистка в своей интерпретации представляет жертвой сексизма и харассмента. Вспомним: героиня бросает окружению: «Почему вы равнодушно не можете видеть женщину, если она не ваша?». Основания для отторжения актрисой сложившегося подхода были: еще директор московской театральной конторы, а далее всех императорских театров В. А. Теляковский, прочитав пьесу «Дядя Ваня», брезгливо назвал Елену «самкой – женой глупого профессора», которую все «мнут» [17, с. 95].

С другой стороны, традиционно воспринимаемые как «милые» чеховские интеллигенты, герои пьесы, все эти Сони и Войницкие – обитатели имения и члены одной семьи в толковании актрисы на деле черствые эгоисты, они не проявляют к Елене ни дружеского участия, ни понимания, ни уважения. А на самом деле – только и ждут ее «падения», вульгарной измены старому мужу. И вот это «искушение Елены» в пьесе деконструируется: Елена, по Корнаковой, не разыгрывает пошлого сценария, к которому ее подталкивают окружающие родственники («ну будьте же русалкой»). Вполне актуальная и сегодня интерпретация. Еще раз отметим: трудно понять, получила ли такая трактовка, явно расходящаяся с традицией, сценическое воплощение.

Упоминания Кембриджа, Англии, где работали бывшие мхатовцы в середине 1950-х, здесь далеко не случайно. К описанному документу в том же собрании примыкает еще один, состоящий всего лишь из единственной машинописной страницы. Называется – «Русский театр в Лондоне» [1]. Установить косвенную связь между двумя материалами помогает только знание внешних обстоятельств и контекста взаимоотношений между Греч и Корнаковой. К тому же, второй документ очень важен для исследования культуры русского зарубежья, ибо опровергает сложившееся в театральных кругах убеждение, что Корнакова никакого отношения в Европе к театру не имела и даже не пыталась организовать театральную труппу или студию, примкнуть к русскому театральному начинанию за рубежом. Считается к тому же, что столица Британии не знала в межвоен-

ные годы постоянно действующего профессионального эмигрантского театра, в отличие от Парижа, Праги, Белграда, что самих начинаний такого рода не наблюдалось – «островной менталитет» англичан и слабость русской диаспоры препятствовали формированию здесь русской театральной среды. Тем более интересны факты о попытках создать таковую в годы пребывания в Лондоне Корнаковой. Впервые здесь приводится солидный список имен тех, кто задался этой благородной целью. Из ранее знакомых и достаточно известных – фамилия актеров Бураковских и Веры Чаровой. Упоминаются и преподающие в Кембридже студентам-славистам В. Греч и П. Павлов, а также их предшественник по университетскому театру Кембриджа режиссер Б. Раневский, осуществивший здесь постановку «Бориса Годунова».

Предполагаемый репертуар будущего лондонского русского театра, как и большинства европейских эмигрантских, явно опирается на русскую классику – тут «Месяц в деревне» Тургенева, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Женитьба» Гоголя, «Бедность не порок» Островского. Задуманный театр, согласно документу, должен был выполнять явно просветительскую и культуртрегерскую функцию и, как планировалось, обращался не только к эмигрантам, но и к англичанам, изучающим русский язык («Большой интерес к этому проявлен не только в русских кругах»). Популярность и авторитет Чехова и Толстого в Англии, как известно, беспрецедентны еще в межвоенные годы. Доказательство тому – толстовские общества, чеховские кружки, то влияние, которое оказали русские писатели на английскую литературу XX в. [18] Если же говорить о театре, то необходимо упомянуть и гастроль в Лондоне русских актеров в первое двадцатилетие века [19, с. 382–388]. До начала Второй мировой войны здесь, в Дартингтоне, вел международную частную студию, принадлежавшую Дороти Элмхерст, и племянник А. П. Чехова Михаил Александрович [19, с. 388–389], создатель будущей системы актерской игры и позже актер и педагог Голливуда. В Лондоне в 1930-х гг. с М. Чеховым встретится и Корнакова.

Задуманный на принципах товарищества на паях – вспомним организационную основу Художественного – театр должен был стать Передвижным, знакомить со спектаклями зрителей Ливерпуля, Манчестера, Оксфорда, Ноттингема и Глазго. При этом заранее объявлялось, что целью его деятельности является не получение прибыли, а популяризация в англосаксонском мире достижений русской театральной школы и классической драматургии. Говорилось о роли Попечительского совета (патроната, делающего добровольные пожертвования) при Обществе русской культуры. Тенденции в организации всего дела отражают уже зарекомендовавший себя в США тренд на создание серьезного некоммерческого театра в университетских городах и больших культурных центрах, где, добавим,

часто инициатором был русский педагог-эмигрант [20]. Деятельность театра, как предполагалось, должна быть окружена заботой совещательного комитета, куда должны были войти представители театрального мира, литературы и прессы Великобритании. В документе приведены некоторые расчеты, в том числе сообщалось, что определялся рабочий капитал в 500 фунтов, при этом назначался казначей и давался адрес для пожертвований (всего требовалось, по расчетам создателей театра, собрать более 8 тыс. фунтов стерлингов). Ясно, что к серьезному театральному делу стремились привлечь как бывшую мхатовку Екатерину Корнакову – к представителям этой труппы в зарубежье, особенно в Англии и США, относились с особым уважением, многие из ее бывших членов, как говорилось, нашли здесь работу театральных педагогов, преподавателей великого «Метода». На ее, Катерины, печатной машинке (шрифт, одинаков с первым документом) и был напечатан этот театральный «манифест».

Полноценному счастью Корнаковой в спектаклях на лондонской сцене не суждено было сбыться. Возможно, ряд театральных усилий захлебнулся в водах холодной войны. Но разве не свидетельствуют обнаруженные материалы, что, лишившись сцены, актриса в новых и очень трудных для любого деятеля драматического театра условиях пыталась найти себя в качестве педагога, режиссера, наставника, словом, создать нишу для продолжения культурной миссии? С. В. Гиацинтова, советская народная артистка, пишет о судьбе Корнаковой как безусловно «трагической», дескать, Екатерина Ивановна пополнила ряды эмигрантов-неудачников. Действительно, ее невостребованность за рубежом в главном профессиональном качестве глубоко драматична, но в судьбе коллег, в памяти любителей-театралов, в культурных кругах диаспоры Екатерине Корнаковой удалось оставить неизгладимый след [см.: 21]. И это – главное. Иначе она не стала бы женщиной-мифом, о которой в театральном мире за железным занавесом сочиняли волшебные сказки. Что, конечно, случалось и ранее в отечественном театре. К тому же в каком-то смысле это модус истории Сонечки Голлидей, не нашедшей в Отечестве своей Цветаевой.

Список использованной литературы

1. Дом Русского Зарубежья имени А. И. Солженицына (Москва.) Архив-музей. Ф. 11 (Греч Вера Мильтиадовна и Павлов Поликарп Арсеньевич). Оп. 1. Ед. хр. 56.

2. Дейкарханова Тамара. Московский Художественный театр (К 50-летию со дня основания) // Новый журнал (“The New Review”), 1948. № XX. С. 171–185.

3. Художественный театр. Творческие понедельники и другие документы [1916–1919]. М. : Изд-во «Московский худ. театр», 2006. 634 с.

4. РГАЛИ (Москва). Письма Корнаковой Екатерины Ивановны Гальпериной Олимпиаде. 1924–1930. Ф. 2618. Оп. 2. Ед. хр. 52.
5. Гольденвейзер Л. В. Дом Чехова // И вновь о Художественном. МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. М. : Авантитул, 2004. С. 204–281.
6. Германова М. Н. Мой ларец с драгоценностями. Воспоминания. Дневники. М. : Русский путь, 2012. 448 с.
7. Толстой А. Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Пьесы. Примечания. М. : Худож. лит., 1960. 792 с.
8. Марков П. А. Статьи о театре XX в. Избранное. Т. 1. М. : ГИТИС, 2013. 656 с.
9. Соловьева Инна. Первая студия. Второй МХАТ. Из практики театральных идей XX в. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 667 с.
10. Гвоздев А. А. Театральная критика. Л. : Искусство, 1987. 280 с.
11. Гиацинтова С. В. С памятью наедине. М. : Искусство, 1989. 543 с.
12. Чуковский К. И. Дневник. [Без купюр] : в 3 т. Т. 2 (1922–1935). М. : ПРОЗАиК, 2011. 656 с.
13. Ильина Н. Дороги и судьбы. М. : Сов. писатель, 1985. 560 с.
14. Обухова-Зелиньска И. Катерина Корнакова – дома и «в мировых безумных сквозняках» // Люди и судьбы русского зарубежья. Вып. 2. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 53–65.
15. Личный аудиоархив автора.
16. Программка спектакля «Дядя Ваня». Париж, 1957. Личный архив автора.
17. Теляковский В. А. Воспоминания. Л. ; М. : Искусство, 1965. 481 с.
18. Литературное наследство. Т. 100. Чехов и мировая литература. Кн. первая. М. : Наука, 1997. 640 с.
19. Литаврина М. Г. Двое из чеховского круга. Русские драматические актеры Л. Б. Яворская и М. А. Чехов в Англии (1910–30-е гг.) // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании. 1917–1940 : материалы междунар. науч. конф. М. : Русский путь, 2002. 448 с.
20. Черкасский С. Д. Станиславский – Болеславский – Страсберг. Мастерство актера. История. Теория. Практика. СПб. : РГТСИ, 2016. 816 с.
21. Самитов Д. Г. Продюсирование некоммерческого театра. История, социология, менеджмент, маркетинг, правовые аспекты региональных театров США. М. : ГИТИС, 2016. 559 с.
22. Брюханов А. Г. Екатерина Корнакова. Судьба женщины, судьба артистки. URL: <http://bryners.ru/content.php?material=19>; <http://bryners.ru/gallery/php?album=8>

Елена Александровна Ржевская,

кандидат искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, ученый секретарь Научно-организационного управления, Российская академия художеств, Россия, г. Москва, Lrjevskaya@rah.ru

УДК 347.471.33.37.

«Сломишь, но не согнешь!»

Барон П. Н. Врангель: образ в искусстве

Аннотация. В статье рассматриваются произведения искусства, посвященные правителю Юга России и Главнокомандующему Русской армии барону Петру Николаевичу Врангелю. В его образе современники подчеркивали необычайную внутреннюю энергию. Прижизненных изображений было немного, что характерно для военного времени. Портреты доносят силу духа человека – Удерживающего время. Карикатурные плакаты – объявленную охоту на него. Преждевременная смерть стала Вечной жизнью и – героической темой батального жанра истории искусства: высокая честь избранных! С конца XX до первой четверти XXI в. пластическая иконография обогащается открытием ранее неизвестных произведений и работами современных художников. Прижизненный почет на Кавказе, верность памяти герою дали импульс инициативе возведения парадного конного памятника Петру Николаевичу и создания его мемориального музея.

Ключевые слова: русская эмиграция, барон Врангель, искусство, художественный образ.

Elena Rjevskaya

Candidate of Sciences in Art criticism, The Russian Fine art Academy,
Corresponding Member of the Russian Academy of Arts, Russia, Moscow,
Lrjevskaya@rah.ru

Abstract. The article discusses works of art dedicated to the ruler of the South of Russia and the Commander-in-Chief of the Russian Army, Baron Pyotr Nikolayevich Wrangel. In his image, contemporaries emphasized extraordinary internal energy. There were few lifetime images, which is typical of wartime. Portraits convey the strength of the spirit of man - Holding the time. Cartoon posters - declared hunt for him. Premature death has become Eternal Life and is the heroic theme of the battle genre of art history: the high honor of the elect! At the end of the 20th and first quarter of the 21st centuries, plastic iconography is enriched by the discovery of previously unknown works and works of contemporary artists. Lifetime honor in the Caucasus, Fidelity to the memory of the hero, gave impetus to the initiative to erect a grand equestrian monument to Pyotr Nikolayevich and create his memorial museum.

Keywords: Baron Wrangel, strong-willed character, art, outcome, ceremonial monument, museum, memory.

Побеждает лишь тот, кто
умеет верить, хотеть, дерзать и терпеть.

Петр Врангель

В тот момент он казался нам
воплощением силы и могущества.
Он вселил в нас веру и вернул душевное
спокойствие.

Капитан Орехов, офицер Конной гвардии

Последний главнокомандующий Русской армией, генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928) как аристократ имел много художественных фотографий своей персоны, в том числе с родными и близкими людьми. Как у военного человека его живописная портретная иконография была не столь богатой.

Георгиевский кавалер, Врангель находился на передовых позициях во время Русско-японской¹ и Первой мировой войны. В Гражданскую войну ему как главнокомандующему Русской армией (1920 г.) выпала ключевая роль лидера Белого движения, а затем эмиграции. Это обеспечило ему необычайную популярность по обе стороны враждующих сторон, что нашло свое отражение в агитационных плакатах и листовках.

Многочисленные сохранившиеся фотографии передают выразительные черты лица Петра Николаевича. Военная форма офицера великолепно смотрится на его стройной фигуре кавалериста-гвардейца. В ней он предстает на фотографиях во весь рост среди сослуживцев-офицеров или верхом. Семейные хроники не менее ценны для истории. Современник барона князь Павел Долгоруков (1866–1927)² в своих воспоминаниях неоднократно подчеркивал исключительные черты характера Петра Николаевича: «Во Врангеле более чувствовалось потентной энергии. И он впоследствии доказал, что не только может из деморализованной массы формировать, воодушевлять и вести в бой боеспособное войско, но и не выпускал из своих рук вожжей и после катастрофы» [1, с. 143].

---

¹ Во время Русско-японской войны в чине он был отправлен во 2-й Аргунский казачий полк, входивший в отряд генерала фон Ренненкампа.

² П. Д. Долгоруков – деятель земского либерального движения, один из основателей Союза освобождения, кадетской партии. Выступал против применения насилия в революции и против самой революции. После Октябрьской революции участвовал в Белом движении. С 1920-го в эмиграции. В 1926 г. для выяснения ситуации в СССР нелегально перешел границу, был арестован и через год расстрелян.

П. Н. Врангель. 1919 г.

Плакат ВСЮР. П. Н. Врангель

Волевой характер и личное обаяние прослеживаются в прижизненном графическом портрете¹ Петра Николаевича, выполненном И. В. Косминым. По поводу этого портрета Н. Бартельс пишет: «Один из последних ярких образов уходящей России – портрет барона П. Н. Врангеля. Когда и при каких обстоятельствах он был сделан – неизвестно. Портрет датирован 1920 годом, со слов бывшей владелицы, внучки художника Н. А. Лапшиной» [2, с. 65]. Если учесть, что в 1920 г. Врангелю было 42 года, то на портрете он выглядит моложе своих лет. На его же фотографиях этого периода перед нами Личность, которой вверена судьба доблестной армии России и к характеристике которой можно отнести пушкинские слова: «Какая дума на челе! Какая сила в нем сокрыта!».

Однако этот портрет мог быть создан раньше. Из биографии художника известно, что в Первую мировую войну (1916 г.) И. В. Космин был призван на службу в качестве полкового художника и выполнил ряд портретов героев Первой мировой войны. Virtuозный рисовальщик, он обладал даром документально точно передавать черты своих моделей. Н. Бартельс выдвигает свою версию: «Портретируемый и художник могли встретиться в 1916 году в Петербурге, куда Врангель приезжал на несколько дней в ноябре в составе делегации от Первого Нерчинского каза-

¹ Портрет барона П. Н. Врангеля (1920 (?)) Картон, графитный карандаш, акварель. (30x19). Находится в собрании Академии живописи, ваяния и зодчества. Москва.

чьего Наследника Цесаревича полка для представления Его Императорскому высочеству... Не была ли заказана для какого-либо издания серия портретов георгиевских кавалеров (затея вполне в духе времени)?» [2, с. 65]. На портрете Врангеля, на его погонах нет знаков отличия, на этих местах видны размытые пятна. Как и на едва намеченных газырях – след от стертого знака ордена Святого Георгия. Портрет сохранился в семье художника, и за его хранение ее членам могло грозить наказание. Вероятно, поэтому и были уничтожены знаки отличия.

Замечательно, что портрет П. Н. Врангеля работы И. В. Космина был опубликован в виде открытки [3] с указанием места и времени: Франция – Бельгия, первая четверть XX в. В отличие от сохранившегося оригинала, на этом снимке погоны, георгиевская звезда и некоторые детали портрета проработаны достаточно подробно. Информация о наличии такой открытки была получена в переписке с участником одного из аукционов, проходящего в Киеве.

В 1920 г. П. Н. Врангель посчитал необходимым организовать для обучения воинского состава артиллерийским навыкам курсы в береговой крепости Ахтиарской бухты Севастополя. В 2014 г. Михайловская батарея стала северной экспозиционной площадкой Военно-исторического музея фортификационных сооружений Российской Федерации. В экспозиции музея представлен портрет П. Н. Врангеля. По сведениям, полученным от сотрудников музея, это копия живописного портрета (или фотографии) работы неизвестного автора. Стоит отметить, что портрет достоин будущего исследования, так как это одно из лучших живописных изображений Врангеля.

И. В. Космин.
Портрет барона П. Н. Врангеля.
1920 г. (?)

В. Н. Ржевский.
П. Н. Врангель
(Сербия 1922 г.) 2012 г.

В разгар Гражданской войны в серии «генеральских плакатов ВСЮР» были изданы плакаты с образом Врангеля: погрудное изображение в нескольких вариантах и стилизованный конный парадный портрет (Командующий Кавказской армией, 1919 г.). Его дополняет следующий текст: «Под мудрым Его водительством войска Славной Кавказской Армии овладели могучей опорой врага – городом Царицыном предварительно разбив в период сорокадневных боев 5-ю и 11-ю армии, взяв 40 000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов, бронепоезда, броневики и много другой военной добычи».

На 1919–1920 гг. приходится пик популярности Врангеля. Красная пропаганда бросила все силы на борьбу с «черным бароном». Карикатурные образы были созданы в ОКНАХ РОСТА В. Маяковским (1920 г.), Н. Кочергиным (1920 г.), Д. Моором (1920 г.), В. Дени (1920 г.) и другими известными художниками. Можно сказать, что к этому были привлечены молодые, талантливые творческие силы страны Советов. Власти не успокоилась и тогда, когда П. Н. Врангель скончался от болезни в Брюсселе. По мнению же историков, он был отравлен: «Болезнь барона совпала с появлением в их доме чужого человека – брата денщика генерала, прибывшего из советской России» [4, с. 86]. В 1928 г. Е. С. Самородовым была создана карикатура «Вместо некролога. Умер барон Врангель». Знаменитые Кукрыниксы (Куприянов М. В., Крылов П. Н., Соколов Н. А.) в серии «Кого мы били» (после 1935 г.) также создают карикатуру на Врангеля.

Но злые карикатуры, как документы времени, теперь пылятся в запасниках музеев или напечатаны в альбомах по искусству. Они уже не могут затмить его славу офицера, последними словами которого перед смертью были: «*Боже, храни армию!*» [4, с. 86]

В 1929 г. прах почившего был перенесен в Белград, где местом его последнего пристанища стала церковь Святой Троицы.

В Сербии, в Сремски-Карловцах, в 2007 г. был установлен памятник Врангелю¹. Его автор – петербургский скульптор В. Н. Аземша (1946 г. р.). Композиция памятника дополнена стендом с фотографиями офицеров Русской армии. Выбор места памятника не случаен. С конца 1921 г. Сремски-Карловцы стал духовным центром русского зарубежья, а в 1921–1924 гг. – местом пребывания Верховного главнокомандующего Русской армии – генерала П. Н. Врангеля и его штаба. У стен больницы, в которой располагался штаб Русской армии, и был установлен памятник. В трехстах метрах от нее находится дом, в котором он жил с семьей.

---

¹ Памятник установлен по инициативе Российского государства.

Сербы увековечили память Петра Николаевича мемориальной доской на этом доме.

В 2012 г. в Черногории, на пленэрах в Столиве, был написан портрет П. Н. Врангеля академиком Российской академии художеств В. Н. Ржевским (1951 г. р.). Второй план портрета – тематический фон, который передает прибытие кораблей, обеспеченных военным эскортом в результате долгих и мучительных переговоров с Францией¹ – страной-союзником в Первой мировой войне – с остатками Русской армии в Которскую бухту и высадку эмигрантов на сербскую землю. Сюда пришли корабли с оставшимся составом офицеров и солдат из Константинополя в конце февраля 1922 г. Сербия стала вторым домом для Русской армии. «Сербское правительство щедро помогало беженству, – пишет П. Д. Долгоруков, – в частности русскому студенчеству... Кроме того, небогатая сербская казна содержала два русских института, кадетские корпуса, Россия не забудет то, что сделала для нас небогатая Сербия и стоявший несменно во главе правительства старик Пашич» [1, с. 183].

В 2009 г. в Литве была установлена памятная доска в усадьбе Милулю, близ города Зарасай, где родился П. Н. Врангель.

В 2014 г. в Калининградской области (пос. Ульяново) была установлена памятная доска солдатам и офицерам врангелевской армии в память «Великого исхода». Инициатива увековечить память принадлежит казакам. Текст доски был составлен известным московским писателем Владимиром Черкасовым-Георгиевским. За основу изображения был взят рисунок портрета барона из серии «генеральских плакатов ВСЮР» (в овальной раме), как и в оригинале, составленной из атрибутов военной славы.

Первый в России памятник П. Н. Врангелю появился совсем недавно, в 2016 г. Он был открыт в Керчи. По благословению митрополита Феодосийского и Керченского Платона для установки монумента было выбрано место на территории храма апостола Андрея Первозванного. Автор монумента А. В. Клыков (1962 г. р.). Выбор этого города обусловлен тем, что в конце октября 1920 г. Керчь наряду с Евпаторией, Севастополем, Феодосией и Ялтой стала портом погрузки кораблей² Русской армии. На 126 судах Крым оставили 145 693 человека – чины армии и присоединившиеся к ним гражданские беженцы. Врангель находился у берегов Керчи на крейсере «Генерал Корнилов» и отбыл в Константинополь, убедившись, что погрузка в этом городе прошла успешно. Участвовавший в этом

---

¹ Франция вступила в Первую мировую войну 3 августа 1914 г., когда Германия объявила войну Франции. Немцы вторглись в Люксембург, оккупировав его за сутки, и обеспечили своей армии выход к французской границе.

² В октябре 1920 г. По приказу барона Врангеля Белый Черноморский флот возглавил М. А. Кедров (1878–1945) – вице-адмирал.

исходе князь П. Д. Долгоруков, вскоре по долгу чести опять вернувшийся в Россию, писал, что «в общем эвакуация Крыма прошла блестяще» [1, с. 156].

Исключительная натура генерала раскрывается в его труде последних лет жизни – автобиографическом очерке [5], воспоминаниях современников, немногочисленных исторических книгах и научных статьях о нем.

После снятия «запрета на тему» в начале 1990-х гг. на основе прижизненных фотографий постепенно стали появляться немногочисленные живописные произведения в жанре портрета. Они были представлены на тематических выставках в городах России¹.

*А. В. Клыков. Памятник
П. Н. Врангелю в Керчи. 2016 г.*

*В. Н. Аземша. Памятник
П. Н. Врангелю, Сербия*

Именно осенью 2020-го в России пройдет ряд мероприятий, посвященных столетию знаменитого исхода. Со слов генерального директора ГВСМЗ Светланы Евгеньевны Мельниковой, на выставке будет представлено уникальное произведение в пластике, которое станет открытием героики периода и предметом работы крупного мастера русской эмиграции.

Масштаб личности Петра Николаевича Врангеля, его жизненный подвиг и круг лиц, с которыми он был связан, – всему этому в артефактах предстоит стать основой постоянной экспозиции в музее. Наследие Вран-

¹ Одна из значительных выставок прошла в Москве в Новоспасском монастыре в 2016 г. («С нами Бог! Да воскреснет Россия!»).

геля состоит и в том, что в мае 1920 г. Правитель Юга России и главнокомандующий Русской армией подписывает документ, в котором призывает к защите Родины и мирному труду людей. Об этом неоднократно писал А. А. Трубецкой: «Этот закон П. Н. Врангеля принят правительством как закон о земле на территории Крымского полуострова и северной Таврии. На основе этого закона под руководством реформатора и экономиста А. Кривошеина началась аграрная реформа. Фактически, закон о земле признавал принадлежность земли крестьянам, предусматривая ее выкуп в течение 25 лет» [6].

В последние годы общественность и пресса поднимали вопрос о создании дома-музея барона Врангеля в Ростове-на-Дону¹. Красивый особняк в Казанском переулке был построен в 1885 г. по проекту известного ростовского зодчего Н. Дорошенко. В 1890 г. он был приобретен отцом Петра Николаевича, семья прожила в нем затем в течение семи лет. Спустя более века, уже в наше время, этот особняк ассоциируется у горожан исключительно с именем барона П. Н. Врангеля. К сожалению, этот объект культурного наследия, который переходит из рук в руки, находится в плачевном состоянии и требует реконструкции. Связь барона П. Н. Врангеля с Югом России очевидна, казачество высоко ценит его жизненный подвиг. Поэтому создание музея в его честь в доме Врангелей было бы вполне уместно. Это могло бы стать местом нравственно-патриотического воспитания молодежи и способствовать расширению ее общего кругозора. Музей познакомит посетителей как с героическими страницами Гражданской войны, так и с образом Петра Николаевича, предки которого служили России на протяжении нескольких веков. Героика была в крови у членов всех поколений этой замечательной семьи, в какой бы области они не проявляли свои дарования. В подтверждение тому – мысли князя Сергея Щербатова: «Вспоминаются слова моего петербургского товарища (брата известного генерала²), столь беззаветно преданного изучению искусства и тонкого знатока и критика: “Во время войны искусству нет места, и художник обязан бросить палитру...”» [7, с. 370] Николай Врангель (1880–1915 гг.) – брат Петра Николаевича, был известным историком искусства, но во время Первой мировой войны служил санитаром.

---

¹ В Ростове-на-Дону П. Н. Врангель учился в Ростовском реальном училище, а затем Врангели переехали в Санкт-Петербург и поселились по адресу: Екатерингофский проспект, дом 53.

² С самого начала Первой мировой войны Н. Н. Врангель посвятил себя деятельности Красного Креста, став уполномоченным санитарного поезда имени Великой княгини Ольги Николаевны. Во время поездки на Западный фронт Николай Врангель заболел желтухой и скончался в госпитале в Варшаве.

История искусств России знает достойные примеры, увековечившие героев в изобразительном искусстве. Достаточно вспомнить парадные памятники полководцам Барклаю-де-Толли и Михаилу Кутузову в Петербурге (Б. Орловский), также – Георгию Жукову (В. Клыков) у стен Московского Кремля. К сожалению, парадный памятник Петру Николаевичу потомки не воздвигли, а как бы он смотрелся на боевом коне со всей своей статью и энергией! Идея создания парадного памятника была высказана Почетным членом РАХ, Р. И. Оздоевым на торжественном собрании в Российской академии художеств, посвящённом 105-й годовщине образования доблестной Кавказской туземной конной дивизии. К рассмотрению были предложены города Ростов-на-Дону или Краснодар: «Монумент П. Н. Врангелю станет символом памяти всем истинным патриотам, радевшим о единстве и благополучии народов России».

Художественные фотографии, произведения станковой портретной графики, живописи и скульптуры передают человека чести, верного присяге «За Веру, Царя и Отечество!». В них отражен образ легендарной личности «светлого», православного русского воина – Петра Николаевича Врангеля.

Список использованной литературы

1. Долгоруков П. Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М. : Центрполиграф, 2007. 367 с.
2. Бартельс Н. Неизвестный портрет барона Врангеля // Русское искусство. 2005. № IV. С. 62–65.
3. Бартельс Н. «Белые пятна» в биографии художника И. В. Космина // XIII научная конференция Экспертиза и атрибуция (28–30/11/2007 г.) М., 2011. С. 82–86.
4. Семенов К. К. Генерал Петр Врангель, Константин Семенов. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2018. 92 с.
5. Врангель П. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М. : Изд-во «Вече», 2012. 480 с.
6. Трубецкой А. А. «Залог величия России» // Русская мысль. 2016. № 2. С. 61–65.
7. Кн. С. Щербатов. Художник в ушедшей России. М. : Согласие, 2000. 688 с.

Виктория Андреевна Костоева,

соискатель степени Ph.D, Санкт-Петербургский университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, vikkmedia@gmail.com

УДК 7.03+72.036

Церковные проекты Романа Верховского в США и последние годы его жизни: новые материалы из архивов

Аннотация. Роман Николаевич Верховской – выдающийся архитектор-храмостроитель русского зарубежья и США, автор проектов для 33 храмов, реализованных в Америке. Сведения о творческом пути Верховского хранятся в американских архивах православной церкви в Америке, Свято-Троицкого мужского монастыря в Джорданвилле, Бахметевском архиве Колумбийского университета, Толстовском фонде и в самих храмах. Работа в архивах и натурные обследования памятников позволили уточнить авторство многих проектов и опровергнуть ранее опубликованные сведения о психическом заболевании Верховского в последние годы жизни.

Ключевые слова: Роман Верховской, США, русское зарубежье, архитектура, архивы, храмы.

Victoria Kostoeva

Applicant for the degree of Candidate of Art History at the Institute of History,
Department of the Russian Art History, St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg, vikkmedia@gmail.com

Church projects of Roman Verhovskoy in the Unated State and last years of his life: new information from archives

Abstract. Roman Nikolaevich Verhovskoy is an outstanding architect-church-builder of the Russian Abroad and the United States, the author of projects for 33 churches implemented in the United States. Information about Verhovskoy's career is stored in the American archives: the Tolstoy Foundation (NewYork), the Archives of Holy Trinity Monastery (Jordanville, NewYork), the Bakhmeteff Archives of Columbia University (New York), the Archive of the Orthodox Church of America (Sayosset, New York), and into the Orthodox churches. Work in archives and field surveys of monuments made it possible to clarify the authorship of many projects and refute previously published information about Verhovskoy's mental illness in recent years of his life.

Keywords: Roman Verhovskoy, United States, Russian Abroad, architect, archives, churches

Среди русских зодчих, с первой волной эмиграции покинувших Россию, архитектор Роман Николаевич Верховской (1881–1964) был одним из самых ярких. Однако на родине его имя практически неизвестно, крайне

недостаточно в отечественной историографии представлено и значительное наследие архитектора.

В общей сложности по проектам Верховского было построено 10 храмов, одна колокольня, две часовни, 14 иконостасов, выполнено 11 художественных росписей храмов, несколько престолов, Скорбные Сени и минимум один аналой (1).

Роман Николаевич Верховской родился 28 января 1881 г. в городе Вильно в семье действительного статского советника Николая Петровича Верховского, уроженца села Обудово Новоторжского уезда Тверской губернии, и Ольги Петровны Брянской. Верховские происходили из старинного рода костромских дворян. В 1904 г. окончил семь классов Варшавского реального училища. В августе того же года был принят на архитектурное отделение Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств, в мастерскую академика А. Н. Померанцева.

В 1913 г., по окончании курса и возвращении из пенсионерской поездки в Европу, Верховской получил должность архитектора зданий Собственной Его Императорского Величества канцелярии и звание архитектора правления Бухарской и Ферганской железной дороги. Проектирование объектов для этих железных дорог и здания железнодорожного вокзала в Бухаре позволило Верховскому получить необходимый практический опыт. В 1914 г. он покинул гражданскую службу и добровольно ушел вольноопределяющимся в действующую армию, где оставался следующие 10 лет до своей первой эмиграции в Белград.

Имя Верховского в истории сербской архитектуры межвоенного периода связывается с возведением монументальной и парковой скульптуры. Работал он и как художник, в частности над интерьерами королевской виллы на Дединье. К середине 1930-х гг. архитектор принял решение уехать в США. Через французский порт в Шербурге 28 января на судне «Беренгария» отплыл к берегам США и 3 февраля 1937 г. прибыл в Нью-Йорк [1]. Если в Югославии Верховской состоялся как скульптор-монументалист, то в США – как церковный зодчий.

В отечественной и зарубежной историографии Верховской известен главным образом как автор двух крупных храмов – мемориального Свято-Владимирского в поселке Джексон, штат Нью-Джерси (1988), и Свято-Троицкого собора мужского монастыря в Джорданвилле (1950). Сведений об участии Верховского в этих проектах не так много, но все же они присутствуют в большинстве публикаций, посвященных творчеству архитектора. Это неудивительно: оба храма действительно являются наиболее значительными творениями архитектора в его карьере. При этом несколько десятков остальных его церковных проектов – менее крупных, но не менее интересных и значимых – обделены вниманием исследователей.

В основном по причине труднодоступности архивов, где содержится информация об этих постройках, а также невозможности провести натурные обследования самих памятников. В рамках этой статьи более подробно остановимся на ранее не названных работах архитектора.

Самым первым проектом Верховского в США стало возведение часовни в память митрополита Платона на кладбище Свято-Тихоновского монастыря в штате Нью-Джерси (1941). Верховской интерпретировал русские мотивы в духе национально-романтического модерна: прямоугольная, вытянутая в плане на восток, с наклонными выступами наружных стен часовня оставляет впечатление легкости и изящества (рис. 1).

Рис. 1. Часовня митрополита Платона на кладбище Свято-Тихоновского монастыря, шт. Нью-Джерси (1941); в 1970-х гг. была перестроена и утрачена

Синхронно со строительством часовни Верховской работал над одним из двух своих крупнейших проектов – мемориальным Свято-Владимирским храмом. Памятник было решено возвести в честь 950-летия Крещения Руси по инициативе архиепископа Виталия (Максименко) и по заказу Свято-Владимирского общества. Перед Верховским стояла амбициозная задача – проложить зримую связь длиной в 950 лет между древностью и новейшей историей. Проект стал настоящим долгостроем в карьере Верховского; храм строили 30 лет, строительство было завершено уже после смерти архитектора. Замысел удался: одноглавый, квадратный в плане собор воздвигнут на стилобате, выложенном гранитными камнями, его облик акцентирован двумя крупными пристройками с юго-западной и северной сторон, соединенными с основным объемом аркбутанами. Тот, что крупнее, рифмуется с более компактным, входящим в сложную композицию парящей двухпролетной звонницы, поставленной на аркбутан. Это оригинальное решение, отсылающее к традициям псков-

ских звонниц, но в переложении на язык национально-романтической версии модерна. Венчает звонницу компактная группа вытянутых главок-«свечек» на тонких шеях.

Рис. 2. Свято-Николаевский храм (1952) в Доноре, Пенсильвания

Наибольшее число памятников по проектам Верховского было построено в Пенсильвании. Один из крупных проектов – храм с мощным барабаном и луковичным завершением – был реализован в городке Донора, в 30 милях от Питсбурга. Одноглавый, одноапсидный, бесстолпный Свято-Николаевский храм (1952) с одним световым барабаном, вырастающим из средокрестия, облицован светлым кирпичом, что очень характерно для культового зодчества любых конфессий в США. Это исключительно удачный образец храма в неорусском стиле, объединяющий элементы новгородской и московской архитектуры (рис. 2). В архиве храма были найдены фотокопии чертежей, подписанные Верховским.

В соседнем городке Монессен высится еще один большой одноглавый храм, облицованный бежевым кирпичом, – Свято-Иоанновский (1955). Чертежи церкви не сохранились или пока не найдены. В докумен-

тах, хранящихся в архиве Американской православной церкви в Сайоссете, Верховской неоднократно упоминает о том, что построил в Монессене «крупный храм» [2]. Очень необычна трактовка входной группы: архивольты портала переходят в гигантскую вытянутую килевидную закомару, по форме напоминающую шлем русских богатырей. В центре «шлема» – мозаичная композиция, увенчанная свечеобразной главкой и крестом (рис. 3).

Рис. 3. Западный фасад Свято-Иоанновского храма в Монессене (1955)

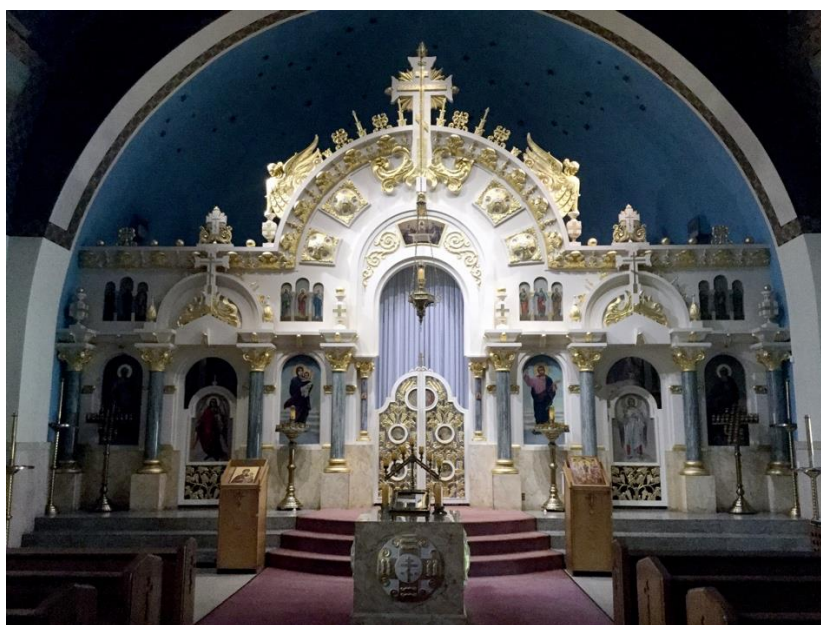
Еще один одноглавый, с массивным луковичным завершением и надвратной столпообразной колокольной храм Святого Григория (1951) в городе Хомстед возведен в неорусском стиле предреволюционной эпохи. Два храма по проектам Верховского были построены для сербов: церковь Воскресения Христова в городе Стьюбенвилль, Огайо (1950), и храм Святого Георгия в городе Мидланд (конец 1950-х). В архиве православной церкви в Америке содержится информация об этих постройках [3]. Оба храма базиликального типа, бескупольные, возведены по мотивам средневекового сербско-византийского стиля.

Редкий пример шатрового храма – Свято-Николаевская церковь в Стратфорде (1942), штат Коннектикут. Этот кубический в плане храм с высоким шатром, четырьмя венчающими луковичными главками на стройных барабанах построен в неорусском стиле в конкретную историческую эпоху. Портал заключен в полуциркульную нишу, в центре которой располагается голубец с мозаичным изображением Святителя Николая. Притвор завершен звонницей с островерхим двускатным покрытием, опирающимся на два столба-кубышки. Партнером Верховского в строительстве стал Алексей Ефремович Болдаков (1891–1951), русско-американский архитектор и гражданский инженер [4].

Второй крупнейший проект Верховского – уже упомянутый Троицкий собор Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле – также имеет шатровое завершение. Прототипами для создания проекта послужили Серафимовский храм в селе Федино Московской области работы архитектора В. В. Сулова (1913) и известные образцы северного зодчества: деревянная церковь Михаила Архангела (1685) в селе Юрома Архангельской области и другие северные храмы, рубленные «шатром на крещатой бочке», – ступенчатость их силуэта и воспроизвел в своем проекте Верховской. Свято-Николаевский храм в Стратфорде – второй совместный проект Верховского и Болдакова, участие которого выразилось в составлении планов, расчетов, чертежей и надзора за строительством.

Для верхнего храма собора Верховской спроектировал иконостас, но проект остался нереализованным. В общей сложности на сегодня известно о 14 иконостасах, возведенных по проектам Верховского.

Рис. 4. Иконостас «триумфальная арка» в Свято-Иоанновском храме в Монессене, Пенсильвания (ок. 1954–1955)

Весь корпус иконостасных работ можно разделить на три типа. Первый – «иконостасы-грады»: в церкви Доноры, в храме Святой Троицы городка Йонкерс (штат Нью-Йорк), в часовне Святого Иннокентия, в соборе Покрова Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке.

Второй тип – иконостасы «триумфальные арки» – реализован в храмах Монессена (рис. 4), Мидланда, в церкви Святого Духа в Амбридже (Пенсильвания).

Третий тип – группа классических алтарных преград – представлен в Успенской церкви в Клифтоне (штат Нью-Джерси), сербской церкви в Стьюбенвилле, храмах Святого Григория в Хомстедде и Пресвятой Богородицы в Коалдале (оба в Пенсильвании). Церковь в Коалдале имеет богатую художественную программу росписи авторства Верховского.

Отдельно стоит отметить резной дубовый иконостас Свято-Троицкой церкви в Бруклине (Нью-Йорк) и другие иконостасные работы.

В числе нереализованных работ остались проекты восьми храмов. Благодаря публикациям в отечественной историографии наиболее известны из них Всеамериканский кафедральный собор в Нью-Йорке (ок. 1940–1942) и первый в США буддийский храм (1955). Список стоит дополнить двумя проектами переделки: фасада собора Покрова Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке (1947) и греческой церкви Святого Димитрия в Джамейке (Нью-Йорк; 1947). Еще один проект греческой церкви, судя по записям, найденным в архиве Иллариона Ланского, был разработан, но так и не построен в Питсбурге или его окрестностях, как и некий храм в городке Джольет, штат Иллинойс и храм в канадском городе Торонто.

Интересная история связана с созданием проекта Спасо-Преображенского собора в Лос-Анджелесе (1956). Известно, что в конкурсе на разработку архитектурного проекта приняли участие как минимум два архитектора – Роман Верховской и Георгий Сташевский. Еще в Белграде оба работали в одном архитектурном ателье, владельцем которого был Валерий Сташевский, отец Георгия. В архиве православной церкви в Америке (Сайоссет, штат Нью-Йорк) были найдены документы, подтверждающие факт участия Верховского в разработке проекта собора в Лос-Анджелесе. В письме от 27 июня 1958 г., адресованном Его Преосвященству владыке Леонтию, Верховской упоминает, что «выполнил проект крупного пятикупольного собора для Лос-Анджелеса» [5]. Подтверждение факта работы над этим проектом находится и в «Списке известных, выполненных и невыполненных проектов архитектора Р. Н. Верховского», написанном Илларионом Ланским [6]. В пункте 17 упомянут «проект собора в Лос-Анджелесе в трех вариациях». Все проекты Верховской предоставил на рассмотрение более чем ста членам местной епархии

и владыке Антонию. Церковному совету проект Верховского понравился, но владыке – нет. В результате был выбран проект Сташевского (2).

Несмотря на значительное количество выполненных работ, заказчики редко обеспечивали архитектору достойное вознаграждение. Иногда Верховской сознательно работал безвозмездно, но чаще всего оказывался без вознаграждения не по собственной воле. Будучи уже в зрелом возрасте, архитектор оказался без достаточных средств существования. В 1960 г. он был вынужден уехать из своей студии на Манхэттене и арендовать комнату в округе Суффолк, штат Нью-Йорк, у своего товарища, инженера Ордынского.

Сотрудница Толстовского фонда в Нью-Йорке Кира Мальковская писала племяннику Верховского, Артуру Келлеру: «Сама я никогда не встречала Вашего дядю, хотя много слышала о его эксцентричном поведении из многих источников. Очевидно, что, несмотря на его колоссальный талант, он уже в течение многих лет был не совсем нормален» [7, с. 375]. Утверждение о психическом заболевании, которым якобы страдал Верховской, прочно закрепилось за последними годами жизни архитектора и часто встречается в отечественной историографии.

В Бахметевском архиве Колумбийского университета хранится маленький личный архив близкого друга архитектора, Иллариона Сергеевича Ланского, а в нем – брошюра под названием *Biography of R. N. Verhovskoy*, где содержатся сведения, опровергающие прежнюю информацию о том, что Верховской «был не совсем нормален». Оставшись без достаточных сил и средств, архитектор обратился в американский старческий дом. «Там приняли во внимание его возраст и материальное положение, взяли сразу, – пишет Илларион Ланской. – Однако выяснилось, что он резидент штата Нью-Йорк и не может оставаться в старческом доме Нью-Джерси» [8, с. 14]. Администрация сделала запрос ближайшему родственнику, родному племяннику Верховского, Николаю фон Келлеру (не Артуру, переписку с которым вела Мальковская), и тот ответил, чтобы его дядю поместили в *Bellevue Hospital* в Нью-Йорке (старейшая больница Америки, известная своим психиатрическим отделением).

Верховской в таком лечении не нуждался, пишет Ланской. Но поскольку архитектора нельзя было вернуть в старческий дом, администрация перевела Верховского в один из штатных госпиталей на Лонг-Айленде – *Central Islip State Hospital*. Там он оказался в отделении для душевнобольных мужчин. Однако заведующий отделением информировал друзей архитектора о том, что «Верховской нормальный и совершенно свободно может жить в частном доме» [8, с. 15]. Эта информация крайне важна для восстановления репутации Романа Верховского – на самом деле он не был психически болен, напротив, пребывал в ясном сознании.

«Племянник не только посадил своего дядю в сумасшедший дом, но и дальше действовал против его воли» [8, с. 17], – пишет Ланской. В подтверждение своих слов он приводит письмо секретаря Общества русских инженеров, которое после смерти Верховского направило запрос директору похоронной конторы, а также ответ тому же директору со стороны Николая фон Келлера. В своем письме от 14 февраля 1968 г. (содержалось в брошюре Ланского) племянник подтвердил, что дал распоряжение о кремации тела Верховского и о том, что после этого пепел следует развеять «в любом месте». Таким образом, друзья и коллеги архитектора не только не были оповещены о смерти Верховского, но и были лишены возможности прощания с ним.

Спустя 20 лет после смерти архитектора был достроен и освящен Свято-Владимирский храм – один из самых известных памятников русского зарубежья. Сегодня это единственный из всех проектов Романа Верховского, где бережно хранят память архитектора: в нижнем храме, спроектированном Алексеем Болдаковым (нижнего храма не было в первоначальном проекте), на стене помещена памятная доска с выгравированным именем своего создателя.

Примечания

1. Более детальному описанию наследия посвящена статья автора «Архитектор Роман Верховской и православное зодчество США в 1940–1960-х годах: новые материалы из зарубежных архивов» // Вопросы всемирной истории архитектуры / гл. ред. и сост. А. Ю. Казарян. М. ; СПб., 2020. (В печати.)

2. Истории строительства собора посвящена статья «Спасо-Преображенский собор в Лос-Анджелесе: к истории создания архитектурного проекта (1974 – конец 1990-х)» // Матици српској. Београд, 2020. (В печати.)

Список использованной литературы

1. List or Manifest of Alien Passengers for the United States. January 28, 1937. URL: <http://ancestry.com>.

2. Архив Православной Церкви в Америке [б. г.]. Перечень главных церковных работ, выполненных художником /архитектор, скульптор и живописец/ Ром. Н. Верховским, за несколько лет его пребывания в Америке для русских и других народностей. Без данных. 2 листа, машинопись. Архив Православной Церкви в Америке. Ящик VII. Файл «Архитектура. Консультации».

3. Архив Православной Церкви в Америке 1952. Список выполненных построек, составленный Романом Верховским от 13 марта 1952 г. 1 лист, машинопись (приложение к письму Р.Н. Верховского от 12 марта 1952 г, рукопись, 2 листа). Архив Православной Церкви в Америке. Ящик VII. Файл «Архитектура. Консультации».

4. Архив Свято-Троицкой духовной семинарии. Nikolai Nikolaevich Aleksandrov Papers. Письмо А. Е. Болдакова Н. Н. Александрову. Январь 30, 1945. Temporary Box 12. Folder 3.

5. Архив Православной Церкви в Америке. Ящик VII. Файл «Архитектура. Консультации». Письмо Р. Н. Верховского [б. д.]. Июнь 27, 1958.

6. Lanskoj I. S. Biography of R. N. Verhovskoy. The Bakhmeteff Archive of the Columbia University. S. l.: s.n., s.d. — приложение на 1 листе, машинопись.

7. Ульянкина Т. И. По документам Архива Толстовского фонда (США): о вкладе архитектора Р. Н. Верховского в православное искусство США и о последних годах его жизни // Архитектурное наследие русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX в. : сб. науч. трудов / сост. и отв. ред. С. Лешко. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. С. 356–386.

8. Lanskoj I. S. Biography of R. N. Verhovskoy. The Bakhmeteff Archive of the Columbia University. S. l.: s.n., s.d. P. 14–17.

Ольга Валерьевна Муромцева,

кандидат исторических наук, доцент, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова,
Россия, г. Москва, omurom80@gmail.com

УДК 930:253 +325,2 + 7.036"192" +7.07:929П

Архив Ивана Пуни и Ксаны Богуславской: неизученные источники русской художественной эмиграции

Аннотация. В 1964–1966 гг. часть архива Богуславской-Пуни была передана в дар Национальной библиотеке Франции. Самые ранние письма из этого архива, относящиеся к первым годам эмиграции (художники прибыли в Берлин в октябре 1920 г., а в 1923 г. переехали во Францию), позволяют воссоздать круг дружеских связей с представителями европейского художественного мира (от Л. Мохой-Надя до А. Сальмона); переписка с родственниками раскрывает ряд неизвестных ранее биографических аспектов. Значительную часть архива составляет блок корреспонденции Богуславской, восстановившей отношения со многими старыми друзьями после посещения СССР

в 1959 г. Документы из архива в совокупности – это редчайший материал, представляющий большую ценность как для историков искусства и литературы, так и для исследователей жизни, быта, личных и профессиональных связей представителей русской художественной эмиграции.

Ключевые слова: Иван Пуни, Ксана Богуславская, архив, история русской художественной эмиграции, круг художников галереи «Der Sturm».

Olga Muromtseva

Candidate of Sciences in History, Associate professor, The Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts, Russia, Moscow, omurom80@gmail.com

Archive of Ivan Puni and Xénia Boguslavskaya: unexplored sources on Russian artistic emigration

Abstract. In 1964–1966 the part of Puni-Boguslavskaya archive was donated to the Bibliothèque Nationale de France. The earliest letters from this archive relating to the first years of emigration (I. Puni and his wife arrived in Berlin in October 1920, and moved to France in 1923), allow us to recreate a social networkties with representatives of the European art world (from L. Mohoy-Nagy to A. Salmon); correspondence with relatives reveals a number of previously unknown biographical aspects. A significant part of the archive is the correspondence block of Boguslavskaya, who restored relations with many old friends after visiting the USSR in 1959. Documents from the archive is the rarest material of great value both for historians of art and literature, and for researchers of life, personal and professional relations of representatives of Russian artistic emigration.

Keywords: Ivan Puni, Xana Boguslavskaya, archive, history of Russian art emigration, circle of artists of “Der Sturm” gallery.

Иван Пуни, один из лидеров авангарда, соратник Казимира Малевича, организатор выставок «Трамвай В» и «0,10» вместе с супругой Ксаной Богуславской покинули Советскую Россию в январе 1920 г. В первые послереволюционные годы Пуни проявил себя как сторонник новой власти: художник был делегирован во Временный комитет уполномоченных Союза деятелей искусств, преподавал в Государственных свободных мастерских (ГСХМ) в Петрограде и в Витебском училище, писал статьи, пропагандирующие идеи футуризма и левого искусства, в петроградские и витебские газеты и в сборник «Революционное искусство» [1, 2, 3]. Причины и обстоятельства спешного бегства Пуни и Богуславской в Финляндию, где они дожидались европейской визы в доме отца Пуни в поселке Куоккала, остаются окончательно не проясненными. Конечно, Гражданская война и тяжелые бытовые условия вынуждали многих покинуть Петроград в это время. Можно предположить, что критическая полемика против футуризма, развернувшаяся в ответ на пропагандистские статьи И. Пуни в витебской прессе [4, с. 66–86], а также негативные отзывы соратников на представленный им на Первой Государственной Свободной выставке

в Петрограде (апрель 1919 г.) ассамбляж с тарелкой [5, 6] сыграли свою роль в принятии решения об отъезде. Нельзя не упомянуть также о начавшейся весной 1919 г. по всей стране кампании по изгнанию футуристов из государственных органов, инициированной «пролетарской общественностью». Одним из результатов этой кампании стало закрытие газеты «Искусство коммуны», в которой Пуни публиковался несколько раз.

Период пребывания Ивана Пуни в Берлине (1920–1923), вероятно, один из самых ярких в его творческой биографии, получил широкое освещение как в российской, так и в зарубежной историографии [7–12]. В Германии художникам быстро удалось восстановить былые связи, а главное – завязать новые контакты, позволившие им обрести популярность и авторитет, выходящие за пределы эмигрантской среды. Вероятно, ключевыми персонажами в жизни Пуни и Богуславской после прибытия в Берлин стали скульптор российского происхождения Александр Архипенко и галерист Херварт Вальден. В галерее Вальдена «Der Sturm» нередко устраивались выставки с участием художников из России, а также персональные выставки представителей русского авангарда. Галерея открылась в марте 1912 г. экспозицией «Синего всадника»; в октябре 1912 г. и в сентябре 1916 г. состоялись персональные выставки В. Кандинского; в июне 1914 г. и в октябре 1917 г. – М. Шагала; в сентябре 1913 г. и в марте 1921 г. – А. Архипенко, с которым И. Пуни был дружен со времен своего пребывания во Франции в 1912 и 1914 гг. На протяжении всего существования галереи Архипенко поддерживал с ней связи, предоставляя работы на множество групповых выставок, открывавшихся Вальденом ежемесячно. С 1921 по 1923 г. скульптор большую часть времени проводил в Берлине, где открыл собственную школу. С большой долей вероятности можно предположить, что именно Александр Архипенко познакомил Пуни с Вальденом и посодействовал организации персональной выставки художника в феврале 1921 г. В каталоге-резюме опубликована карикатура Пуни на Архипенко, датированная 1921 г., рядом с карикатурами на Херварта Вальдена [14, с. 121].

Любопытно отметить, что именно в этот период Пуни создает серии гуашей и линогравюр, явно демонстрирующих влияние декоративного кубизма, как будто бы пришедшее из Парижа и привнесенное, вероятно, Архипенко. Плоскостность плавно перетекающих друг в друга форм и особая роль силуэта косвенно указывают на связь с работами скульптора.

Выставка в галерее «Der Sturm» способствовала росту известности Пуни в Германии. Постепенно круг общения Пуни и Богуславской расширялся. Благодаря переписке из архива Пуни, переданного в Национальную библиотеку Франции Ксаной Богуславской, и воспоминаниям современников, мы знаем, что он включал Курта Швиттерса, Ханса Рихтера, Ханса

Арпа, Рауля Хаусмана, Ласло Мохой-Надя, Наума Габо, Викинга Эггелинга. В архиве сохранилась почтовая открытка, отправленная Мохой-Надем на берлинский адрес Пуни в сентябре 1921 г. [15] Содержание послания свидетельствует о существовании дружеской связи между художниками. Мохой-Надь содействовал публикации материала о Пуни в венгерском авангардном журнале «МА», издававшемся Л. Кашшаком в Вене. Статья, написанная арт-критиком Эрнё Каллаи, посетившим выставку Пуни в галерее «Der Sturm» в Берлине, появилась во втором номере «МА» за 1922 г. [16, с. 35] В ней автор рассматривает эволюцию Пуни, анализируя его эскизы к празднованию годовщины Октябрьской революции, работы витебского периода и берлинские произведения. В том же номере журнала были опубликованы четыре линогравюры Пуни.

Интересно, что в почтовой открытке Ласло Мохой-Надь упоминает о некой картине Шагала, которую, видимо, ранее передали ему Пуни и Богуславская, и сообщает, что Кашшак ее отправить им не может, так как она находится у «fabriqueur de clichés», – вероятно, здесь имеется в виду фотограф. Учитывая тот факт, что французский не был родным языком ни для одного из респондентов, сложно дать однозначную интерпретацию выражения, использованного в письме. Однако сама информация об этой картине вызывает большой исследовательский интерес. Пуни, бежавший из Петрограда в Финляндию, а оттуда через Данциг в Берлин, не мог захватить с собой много вещей; большая часть его собственных произведений осталась в Петрограде, о чем также мы узнаем из одного из писем брата Ксаны Богуславской Леонида из французского архива (о нем будет сказано ниже). Конечно, нельзя с определенностью утверждать, что речь идет о привезенной ими с собой картине, но вероятность такая существует.

В той же открытке Мохой-Надь благодарит Пуни за присланные им русские стихи и просит отправить ему прозу. Можно предположить, что речь идет об авангардных произведениях, предназначенных для публикации в «МА». В последних строках послания он сообщает, что будет в Берлине в 20-х числах сентября и вскоре они увидятся.

Еще одним свидетельством дружеских и профессиональных контактов Пуни и Мохой-Надя в берлинский период стало появление в октябрьском номере журнала «De Stijl» «Призыва к Элементарному искусству» (Aufruf zur Elementaren Kunst), подписанного кроме них двумя представителями движения дада – Раулем Хаусманом и Хансом Арпом. Четыре автора воззвания представляли собой практически образцовый срез художественной жизни Берлина 1920-х гг. – интернациональной, бурлящей новыми идеями, разноплановой, объединяющей конструктивизм и дадаизм в единый поток левого искусства. В своем манифесте художники призы-

вали «уступать элементам формы» и провозглашали возможность и необходимость стилового разнообразия: «Художники, заявите о себе для искусства! Отвергайте стили. Мы требуем свободы от стилей, чтобы провозгласить СТИЛЬ. Стил – это никогда не плагиат...» [17, с. 156]

Берлинский период отмечен активной социальной, организационной, выставочной и публицистической деятельностью Пуни и Богуславской. По свидетельству современников, их мастерская на Кляйстштрассе стала местом встречи немецких, русских, литовских и венгерских художников. Кроме упоминавшейся выше персональной выставки Пуни принял участие в ряде важных международных проектов: «Первой русской выставке» в галерее Ван Димена в Берлине, «Больших берлинских выставках» 1922, 1923 и 1924 гг. в составе «Ноябрьской группы», в «Первой международной выставке» и Международном съезде прогрессивных художников в Дюссельдорфе. На заседании съезда разразился спор между организаторами – членами «Ноябрьской группы», выступившими с инициативой подписания единой прокламации, сторонниками конструктивизма и утилитаризма (Эль Лисицкий, Ханс Рихтер, Тео ванн Дусбург) и теми, кто ратовал за приоритет индивидуального стиля, экспрессивного начала в искусстве (в числе последних был И. Пуни). Этой дискуссии предшествовала публикация в апрельском, посвященном съезду, номере «De Stijl», обращения к художникам, подписанного Иваном Пуни и его латвийскими друзьями Карлом Зале и Арнольдом Дзиркалом. В тексте обращения вновь провозглашался приоритет индивидуализма, отрицалось деление на прогрессивных и не прогрессивных художников, «высокое и низкое искусство» и содержался призыв «быть личностью» и не отождествлять массовое (коллективистское) с радикальным и современным [18, с. 54]. По всей вероятности, столь враждебная позиция Пуни в отношении советских конструктивистов и распространения их идей на Западе была также спровоцирована участием художника в «Первой русской выставке» в Берлине и его общением с бывшими соратниками, прибывшими из советской России с пропагандистскими целями – Н. Альтманом, В. Маяковским, Д. Штеренбергом и др.

Таким образом, можно утверждать, что во время пребывания в Германии укрепились позиции Пуни как теоретика современного искусства. Он принимал активное участие в дискуссиях о путях развития авангарда, развернувшихся как в российской эмигрантской среде, так и в международном художественном сообществе, выступая достаточно категорично против бывших соратников – супрематистов и конструктивистов. Итогом полемики Пуни с Ильей Эренбургом, возникшей вокруг изданной российским публицистом апологии конструктивизма «А все-таки она вертится» [19], стала публикация собственной книги «Современная живопись» [20],

написанной на основе скандально известного доклада в «Доме искусств» [21, 22] и других публичных выступлений и текстов берлинского периода. Высказанные Пуни в тексте книги положения в целом созвучны идеям возвращения к предметности и поискам нового синтеза в живописи, ставшими популярными в 1920-е гг. в Европе.

В 1923 г. супруги Пуни переехали в Париж, где прожили до конца жизни. И. Пуни продолжал активную творческую деятельность, К. Богуславская целиком посвятила себя продвижению карьеры мужа. Парижский период творчества Пуни охватывает более 30 лет. За это время художник создал около 1200 произведений. В Париже его художественный стиль претерпевает очередную трансформацию: от опытов, близких к эстетике пуризма и новой вещественности, он постепенно обращается к импрессионистскому стилю, к концу его жизни эволюционировавшему в почти абстрактные экспрессионистические вещи. Пуни сотрудничал со множеством крупных галерей (галереи *Barbazanges*, *Jacques Bernheim*, *Jeanne Castel*, *Louise Carre'*, *Galerie de France* и др.), проводивших его персональные выставки, регулярно выставлялся на Осеннем салоне и салоне Тюильри, участвовал во множестве других групповых выставок. После смерти супруга в 1956 г. по инициативе Ксаны Богуславской был организован ряд крупных ретроспектив художника: в Национальном музее современного искусства в Париже (1958 г.), Музее Тулуз-Лотрека в Альби (1958 г.), Музее искусств в Цюрихе (1960 г.), галерее *des Ponchettes* в Ницце (1961 г.), музее *Stedelijk* в Амстердаме (1961 г.), галерее *Charpentier* в Париже (1961/62 г.), Галерее современного искусства в Турине (1962/63), галерее *Krugier&Sie* в Женеве (1964 г.) и др. В 1964–1966 гг. Богуславская передала в дар Государственной библиотеке Франции несколько рисунков, серию гравюр, комплект афиш и каталогов ранних выставок, а также часть личного архива, состоящего преимущественно из писем друзей и родственников [23].

Документы в архиве Пуни-Богуславской из Национальной библиотеки Франции можно условно разделить на несколько разделов, что позволит внести некий порядок в их описание и анализ. Хронологически наиболее ранняя группа включает корреспонденцию Ивана Пуни и Ксаны Богуславской (в основном, открытки) 1920–30-х гг. Большая часть этих открыток написана на французском языке, письма от членов семьи – на русском. По ним можно проследить знакомства и связи художников в первые годы эмиграции (открытки от К. Швиттерса, Л. Мохой-Надя, письма О. Фриза и А. Сальмона и др.), а также отношения с семьей и родственниками (письма от отца и сестер И. Пуни, переписка Ксаны с братом Леонидом). Тематически к данной части архива примыкает несколько открыток 1950–1960-х гг., написанных старыми друзьями пары – соратни-

ками по «героическим годам» и напоминающих о минувших событиях (Д. Бурлюк, Н. Габо, Х. Рихтер и др.). По своему содержанию эти открытки обращены в прошлое, опираются исключительно на воспоминания, связывающие респондентов. Описанная выше часть архива представляет, вероятно, наибольшую историко-культурную ценность, однако отличается фрагментарностью, что можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, наиболее ценные документы своего архива (каталоги ранних выставок, афиши и манифесты, фотографии, карандашные наброски, карикатуры и пр.) К. Богуславская передала Х. Бернингеру, коллекционеру и меценату, поддерживавшему художника в последнее десятилетие его жизни и участвовавшему в организации посмертных выставок Пуни. В 1972 г. Херман Бернингер и арт-критик Жан-Альбер Картье совместно издали первый том каталога-резоне И. А. Пуни. Приведенная в нем информация позволяет сделать вывод о том, что документы из собрания Ксаны перешли в архив Бернингера. Второй причиной обрывочности материала наиболее ранней части архива являются, конечно, обстоятельства жизни Пуни и Богуславской, часто менявших место жительства и не отличающихся особой скрупулёзностью в отношении собственных бумаг. Ксана Богуславская, постоянно занятая борьбой за выживание, поиском заработка, продажей картин мужа и организацией его выставок, вряд ли имела возможность тщательно вести архив. Сам Пуни, по свидетельствам друзей и судя по некоторым его письмам, был нередко подвержен приступам депрессии и не отличался большим желанием поддерживать эпистолярные связи. В одной неотправленной открытке, написанной им сводной сестре Ольге, он отмечает: «...Переписка со мной *c'est le temp perdu*», т. к. я отвечать на письма не могу» [15, 171, л. 2].

Второй, достаточно объемный, раздел архива включает переписку Ксаны Богуславской второй половины 1950–1960-х гг. Большинство респондентов Ксаны – ее соотечественники (хотя тут есть несколько исключений). Возникновение этой переписки, несомненно, является следствием активной деятельности Богуславской, направленной на сохранение и популяризацию творчества ее покойного мужа. Связи с некоторыми респондентами были восстановлены/завязались после визита Ксаны в СССР в 1959 г. Во многих последующих письмах обсуждаются ее будущие приезды. Эти письма, богатые бытовыми подробностями, взаимными просьбами, описаниями состояния здоровья и житейских обстоятельств, удивительным образом выстраиваются в ряд документов эпохи, демонстрирующих процесс зарождения актуального до сих пор восприятия русского авангарда. Они относятся как раз к тому периоду, когда многие авангардистские находки были заново обнаружены и началось конструирование истории из чудом сохранившихся фрагментов мозаики. Роль отдельных

личностей переоценивалась, некоторые фигуры вышли на первый план, другие имена оказались в забвении. Долгое время созданная тогда трактовка воспринималось как некая данность. Благодаря документам из архива мы можем проследить истоки подобного восприятия на примере деятельности Ксаны и ее знакомых, которая отражается в ответах ее респондентов.

Третий раздел архива представляет собой записки сестры Ивана Пуни Марии, переданные ею Ксане с просьбой найти возможность опубликовать их. Часть из них имеют мемуарный характер, часть представляют собой беллетристику, главы романа и рассказы. Мы не будем подробно останавливаться на анализе этих документов, а лишь воспользуемся некоторыми содержащимися в них биографическими данными.

Самым ранним документом первого раздела архива является открытка, отправленная 31 мая 1921 г. на берлинский адрес И. Пуни и К. Богуславской. Автор открытки – известный немецкий художник, член дадаистского движения Курт Швиттерс, обосновавшийся к этому времени в Ганновере и приступивший к созданию знаменитой серии *merz*-произведений. Открытка адресована Ксане и написана по-немецки. Швиттерс сообщает, что «картина, полученная в обмен от Пуни, висит в рамке» в его комнате и «доставляет радость» ему и его друзьям, а «Мольцан¹ от нее в полном восторге». Известно, что в собрании Швиттерса было две работы И. Пуни: рисунок и линогравюра. Рисунок, датированный 1915 г., вероятно, входил в то небольшое число работ, которые Пуни и Богуславская привезли с собой в Германию. Видимо, у них также хранилось какое-то произведение Курта Швиттерса, однако других сведений, кроме этой открытки, подтверждающих данный факт, пока нет. Интересно отметить, что рисунок Ивана Пуни оказал некое влияние на Курта Швиттерса, о чем может свидетельствовать композиция и колористическое решение его более поздних рельефов, например «*Heavy Relief*» (1945 г.). В открытке также упоминается сумочка Богуславской, которую Швиттерс надеется получить. Ксана занималась изготовлением сумок футуристического дизайна еще в России. В каталоге выставки объединения «Мир искусства» (1916 г., галерея Добычиной, Петроград) обозначены разноцветные сумки ее работы среди других экспонатов – рисунков и картин других художников [24, с. 3].

Открытка от 31 мая 1921? – единственное послание от К. Швиттерса в архиве Пуни-Богуславской, однако среди ранних документов хранится несколько почтовых карточек с его фотографией. Предположительно эти от-

---

¹ Йоханнес Мольцан (Johannes Ernst Ludwig Molzahn) – немецкий художник, член Рабочего совета по делам искусств (Arbeitsrat für Kunst); дружил с Хервартом Вальденом, Вальтером Гропиусом, Тео ван Дусборгом, Эль Лисицким.

крытки были отправлены Швиттерсом на парижский адрес супругов в память о берлинском периоде их дружбы. Одну из них Иван Пуни использовал, чтобы в короткой записке сообщить Ксане, что отправился обедать «в тот ресторан, где раньше всегда обедали» [15 – 171, л. 2]. Другая представляет больший интерес в связи с тем, что любивший карикатуры художник решил слегка видоизменить фотографию Швиттерса, пририсовав ему брови, очки, усы, орден, пуговицы, эполеты и маленькую саблю в руку. Чуть выше он написал комические комментарии («пример редчайшей красоты», «пресловутой Швиттерс или...»), а на другой стороне открытки зачеркнул имя Швиттерса и подписал вместо него «Иван Мозжухин¹». Эта записка, адресованная сводной сестре Ольге², цитировалась выше. В ней Пуни признается в своем нежелании писать ей в ответ на ее письма.

В архиве хранится одно письмо от Ольги, датированное 24 июля 1924 г. [15 – 171, л. 7–14]. В этом письме на восьми листах ведется очень пространное повествование о сложной ситуации в семье, вероятно, вынуждавшей Пуни и Ксану торопиться с отъездом из дома в Куоккале, а также частично объясняющее его нежелание вступать в переписку с родственниками. Не случайно эмоциональное послание Ольги Андреевны Пуни начинается следующими словами: «Целью настоящего письма является мое сильное желание реабилитировать себя перед тобой и примириться вполне (если ты найдешь это возможным). Все эти годы я непрерывно думала о тебе. И я чувствовала, что ты, уезжая отсюда, проклинаешь Куоккалу и что на всю жизнь у тебя останется о нем отвратительное воспоминание». Ольга и Юлия были младшими сводными сестрами Ивана от второго брака его отца, виолончелиста оркестра Мариинского театра Альберта (в крещении – Андрея) Цезаревича с бывшей гувернанткой семьи Юлией Михайловной Кауль³. Мать Ивана и Марии Пуни Людмила Михайловна Ломакина, по первому мужу Салтыкова, умерла в 1905 г. К этому времени у Альберта Цезаревича уже родились две внебрачные дочери (пяти и трех лет от роду), которых он официально признал и вскоре женился на их матери. Отношения в семье, видимо, сложились напряженные. В двенадцать лет Иван был отправлен на обучение в Николаевский кадетский корпус, располагавшийся в Санкт-Петербурге, однако после его окончания в 1908 г. начинать военную карьеру не захотел. Не об-

---

¹ Иван Ильич Мозжухин (1889–1939) – русский актёр эпохи немого кино, сценарист, работал также во Франции, Германии и США. В 1920 г. покинул Россию, в начале 1920-х жил в предместье Парижа. В 1923 г. поставил по собственному сценарию фильм «Костёр пылающий», сыграв в нём несколько ролей – от демонического героя до эксцентрического персонажа.

² Ольга Андреевна Пуни, в замужестве Кобылянская-Горянская (23 июля 1903–1981, Париж).

³ Юлия Михайловна Кауль, в замужестве Пуни, затем Вимеркати (1863 – 18.8.1933, Куоккала).

ладая еще полной самостоятельностью, он договорился с отцом, что не будет претендовать на наследство покойной матери в обмен на ежемесячное содержание в размере 200 рублей [14]. Так Пуни получил возможность заниматься любимым делом, путешествовать (поездки во Францию и Италию в 1912 и 1914 гг.) и даже финансировать некоторые смелые авангардистские проекты (печать сборника «Рыкающий Парнас», выставки «Трамвай В» и «0,10»).

Более подробно тема конфликта между мачехой Юлией Михайловной и детьми Альберта Цезаревича от первого брака раскрывается в двух письмах родной сестры Ивана, Марии Пуни (в замужестве Штерн)¹, написанных летом 1924 г. из Куоккалы и также хранящихся в архиве 15 – 171, л. 15–21]. В начале одного из них Мария с горечью сообщает, что у нее «в руках хранятся замечательные письма Альб. Цез. где он отказывается от детей 1-го брака». Однако, несмотря на все противоречия внутрисемейных отношений, отец продолжал поддерживать Ивана Пуни материально в первые годы эмиграции, о чем свидетельствует его письмо 1922 г. [15 – 171, л. 4–6]. Видимо, находясь в Берлине, художник получал еще какую-то помощь из дома (по крайней мере, в 1922 г.), что, конечно, давало возможность заниматься не только заказами, но и творческими поисками, размышлениями и теорией искусства. В письме Альберта Цезаревича от 23 августа 1922 г. есть любопытная приписка, касающаяся одной из живописных работ сына: «Илья Ефимович Репин желает купить твою картину большую, где Щукин, я и Юлинька. Напиши, за сколько ему ее продать. Она ему и дочери очень нравится». Можно предположить, что речь идет о важном для Пуни раннем полотне «Завтрак», показанном на Четвертой выставке Союза молодежи (4 декабря 1912 г. – 10 января 1913 г.). Считается, что картина сгорела во время пожара на даче Репина в Куоккале.

Судьба работ Пуни российского периода остается до конца не проясненной до сих пор. С этим связано появление большого числа фальшивых картин и рисунков, некоторые из которых выставлялись и публиковались в достаточно авторитетных изданиях (монографиях, альбомах к выставкам) рядом с подлинными вещами. В первом томе каталога-резюме И. Пуни приводится информация о 65 живописных работах (не считая рельефов и ассамбляжей) российского периода (ок. 1910–1920 гг.), из которых согласно информации, которой располагали Бернингер и Картье, сохранились 32 картины. Всего шесть с половиной десятков картин, созданных за десять лет, кажутся несколько преуменьшенным числом, принимая во внимание, что Пуни выбрал путь профессионального художника, много

---

¹ Мария Альбертовна Пуни, в замужестве Штерн, с 1914 г. после смены мужем фамилии – Астрова (20 января 1880, С.-Петербург – 4 февраля 1971, Париж).

выставлялся и, по утверждению В. Шкловского, «имел одну печальную любовь – к картинам», т. е. был по настоящему увлечен творчеством и обладал способностью ничего не замечать вокруг себя работая, а порой «смеяться над конструкцией, как над остротой» [25, с. 56–58]. Архив, переданный Ксаной Богуславской в Национальную библиотеку Франции, не позволяет дать исчерпывающий ответ на вопрос о местонахождении всех ранних работ Ивана Пуни или об их количестве. Судя по письмам респондентов Ксаны, она сама не имела представления о судьбе его творческого наследия российского периода. Так, Леонид, брат Ксаны, с которым переписка была достаточно регулярной приблизительно с середины 1920-х гг., в одном из своих, как обычно, длинных посланий 1934 г. сообщает: «О Ваниных картинах. Все, что было свернуто в трубки – тухло и осыпалось еще давно. Часть взял себе Лебедев – сохранить, т. к. у нас не осталось места и было сыро и холодно (при жизни мамы). Несколько холстов он продал и деньги мне приносил. В красном платье портрета не помню. У меня на стене висят 5 картин – 2 пейзажа и 3 футуристических. Все они сохранились и мне нравятся» [15 – 171, л. 110]. Очевидно, Леонид таким образом отвечает на вопрос сестры о том, что стало с картинами. «Свернуто в трубки», «осыпалось» звучит мало обнадеживающе. Несмотря на то что Леонид в других своих письмах отмечает упоминания Ивана Пуни в советской прессе и его картины, представленные на выставках в Петрограде в 1920-е гг., т. е. проявляет как будто интерес и внимание к творчеству своего друга и мужа сестры, картины его, видимо, представляли слишком малую ценность в голодной и тревожной жизни 1920-х гг., чтобы о них позаботиться специально. Владимир Лебедев, упомянутый в письме, – художник, друг и ученик Ивана Пуни, преподававший в Петроградских свободных мастерских и участвовавший в плане монументальной пропаганды в первые послереволюционные годы. Судя по сведениям из писем Леонида, можно сделать вывод, что контакт Пуни с Лебедевым не прерывался в 1920-е гг., они продолжали писать друг другу. Однако во французском архиве писем от Владимира Лебедева нет. Под «портретом в красном платье» подразумевается портрет Ксаны, созданный И. Пуни во время пребывания во Франции в 1914 г. Считается, что это была единственная работа, привезенная супругами из заграничной поездки в связи с поспешностью их возвращения на родину из-за начала Первой мировой войны.

Во второй части архива – корреспонденции Ксаны конца 1950 – начала 1960-х гг. – также нередко встречаются свидетельства того, что она пыталась узнать местонахождение ранних работ супруга, задавала о них вопросы. В связи с проведением ряда ретроспективных выставок Ивана Пуни и возрастающим интересом к русскому авангарду эти попытки

вполне понятны. Приезд Богуславской на родину также был связан с поиском его работ и информации о «героических годах»: каталогов выставок и других документов. Архитектор Сергей Турковский¹, друг семьи Богуславской, поддерживавший дружеские отношения с ее братом Леонидом и его второй женой Клавой, в письме от 30 июня 1959 г. сообщает: «Сестра покойной Лениной жены собирается поехать в Рыбинск к племяннику и, если найдет, привезет Ванечкины картины. Но боюсь, что нет ничего: во время блокады все сжигали» [15 – 172, л. 198]. Упомянутый здесь племянник – сын Клавы от первого брака, который жил вместе с ней и Леонидом и о котором Леонид рассказывал в письмах к Ксане 1930-х гг. Видимо, ему перешли картины, находившиеся у Леонида, который, по информации от С. Турковского, «умер в августе (40?) г. от рака желудка».

После посещения СССР летом 1959 г. наиболее интенсивная переписка завязалась у Ксаны с Натаном Альтманом и его супругой Ириной Рачек-Дега. Альтман был дружен с Пуни в первые годы после революции. Художники участвовали в украшении Петрограда к революционным праздникам, преподавали в СВОМАСе, позднее встречались и общались в Берлине, куда Альтман приехал как организатор и участник «Первой русской выставки» в галерее Ван Димена. Ксану Богуславскую связывали с Альтманом старые дружеские связи, что, впрочем, в переписке не упоминается. В одном из писем Н. Альтман подробно описывает, что нужно предпринять, чтобы получить картины Пуни из советских музеев на зарубежные выставки [15 – 172, л. 2]. В архиве хранится письмо от директора Русского музея Пушкирева [15 – 172, л. 192], к которому К. Богуславская обращалась с официальным запросом о предоставлении работ. Альтман также обращается к Ксане с просьбой узнать судьбу его картин во французских коллекциях, сетуя: «...работы мои разбросаны по всему свету, и о многих я даже не знаю, где они находятся». Альтман справедливо подмечает, что Ксана то же самое делает для наследия Ванички, у него же «нет своей Ксаны» [15 – 172, л. 16]. Многие другие документы из Парижского архива подтверждают роль Богуславской в сохранении и популяризации творчества И. Пуни. Более внимательное и доскональное изучение архива позволяет воссоздать неизвестные ранее подробности жизни супругов и проливает свет на факты их биографии, не переданные Ксаной Богуславской составителям каталога-резюме и не зафиксированные. Данная статья знакомит лишь с малой частью хранящихся в архиве документов, изучение которых продолжается автором.

---

¹ Сергей Яковлевич Турковский (1882–1960) – советский архитектор, родился в Одессе (где, вероятно, и произошло его знакомство с семьей Ксаны Богуславской), учился в Академии художеств с 1900 г., после революции преподавал в Академии.

Список использованной литературы

1. Пуни И. Творчество жизни // Искусство коммуны. 1919. 5 янв. С. 1.
2. Пуни И. Современные группировки в русском левом искусстве // Искусство коммуны. 1919. 13 апр. С. 2.
3. Пуни И. Футуризм; Новое производство и новое искусство; Вывески и искусство на улицах; Освобождение живописи; Декларация имажинистов // Революционное искусство. Издание Витебского Губернского Подотдела Изобразительных искусств. Сборник первый. Витебск, 1919. С. 3–4; 5–8.
4. Изобразительное искусство Витебска. 1918–1923 в местной периодической печати : библиогр. указатель и тексты публикаций / сост. В. Шишанов. Минск : Медисонт, 2010. 263 с.
5. Э. Г. Первая свободная художественная выставка // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 13 мая. С. 2.
6. Ф. Праздник искусства // Северная коммуна. 1919. 14 апр. С. 2.
7. Боулт Дж. Э. «Бегство форм». Иван Пуни в Берлине. 1920–1923 // Вопросы искусствознания. 1997. Вып. 2. С. 179–184.
8. Евсеева Н. Иван Пуни и латвийские художники в начале 20-х годов XX века // Бюллетень Музея Марка Шагала. Вып. 21. 2013. Витебск, 2013. С. 107–111.
9. Сарабьянов Д. В. Иван Пуни в Берлине. 1920–1923 // Художественная культура русского зарубежья: 1917–1939 : сб. статей. М. : Индрик, 2008. С. 12–19.
10. Iwan Puni. Synthetischer Musiker / Mit Beitr. von Eberhard Roters; Hubertus Gassner und Schriften zur Kunst (1915–1923) von Iwan Puni. Berlin : Ars Nicolai, 1992. 152 S.
11. Lodder C. Ivan Puni and the Flight of Forms. From St. Petersburg to Berlin // Experiment 23, 2017. P. 104–116.
12. Nieslony M. Bedingtheit Der Malerei: Ivan Puni Und Die Moderne Bildkritik. Berlin : Mann, Gebr., 2016. 300 S.
13. URL: <http://archipenko.org/life-and-work.html>
14. Berninger H., Cartier. J.-A. Pougny. Jean Pougny (Iwan Puni) 1892–1956. Catalogue de l'oeuvre. Tome 1: Les Années d'avant-garde, Russie – Berlin, 1910–1923. Tübingen, 1972. 256 p.
15. Slave 171–173. Ivan Puni et Xénia Bogouslavskaia, Papiers. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits.
16. Kállai E. Iwan Puni // MA. 1922: Jahrgang 7. Heft 3. P. 35.

17. Hausmann R., Hans Arp, Iwan Puni, Maholy-Nagy. Aufruf zur Elementaren Kunst // De Stijl. N 10. 1921. S. 156.
18. Puni Iwan, Zalit Karl, Dzirkal Arnold. Proclamation der Gruppe von Kuenstlern über Fragen, die der Beurteilung des Kingressnichtunterliegen // De Stijl. VIJFDE JAAGANG, 1922. N 4. April. S. 53–55.
19. Эренбург И. И все-таки она вертится. Берлин : Геликон, 1922. 139 с.
20. Пуни И. Современная живопись. Берлин : Л. Д. Френкель, 1923. 36 с.
21. Новая Русская книга. 1922. № 9. С. 25–26.
22. Эренбург И. Люди, годы, жизнь : в 3 т. / [коммент. Б. Я. Фрезинского]. Изд. испр. и доп. М. : Сов. писатель, 1990.
23. Pougny. Bibliothèque National. Paris. 1964.
24. Мир искусства. Каталог выставки картин. 2-е изд. Пг., 1916. 24 с.
25. Шкловский В. Зоо, или Письма не о любви. СПб. : Азбука, 2009. 288 с.

Анастасия Евгеньевна Чернова,

кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский финансово-юридический университет, Николо-Перервинская семинария, Россия, г. Москва, litsot@yandex.ru

УДК 82.09

Мотив странствий в поэме Николая Туроверова «Легион»

Аннотация. Художественные образы поэмы Николая Туроверова «Легион» сравниваются с военной лирикой других авторов, а также со стихами об Африке Николая Гумилева. Характеризуется тип странничества и пространственно-временные позиции поэмы: «земная жизнь – вечность», «Европа – Африка», «родной дом – чужбина». Тем самым выявляется своеобразие поэмы и лирического героя – русского казака, эмигранта, поэта и «испытанного бродяги».

Ключевые слова: художественный образ, мотив, поэзия, пространство, время, лирический герой, военная лирика.

Anastasia Chernova

Candidate of Sciences in Philology, The head Lecturer, Perervinsky Seminary,
Russia, Moscow, litsot@yandex.ru

The motive of wanderings in the poem of Nikolai Turoverov "Legion"

Abstract. The artistic images of Nikolai Turoverov's poem "Legion" are compared with the military lyrics of other authors, as well as with verses about Africa by Nikolai Gumilyov. The type of pilgrimage and the spatio-temporal positions of the poem are characterized: "earthly life – eternity", "Europe – Africa", "native home – a foreign land". The originality of the poem and the lyrical hero – the Russian Cossack, the emigrant, the poet, and the "experienced tramp" – are revealed thereby.

Keywords: artistic image, motive, poetry, space, time, lyrical hero, military lyrics.

Мотив странствий, или странничества, проявляется почти во всех ключевых произведениях русской литературы. Несмотря на то что интерпретация у разных авторов может варьироваться, общая аксиологическая направленность сохраняется. Странничество связано не с конкретной земной целью и точкой назначения, но с «вечным беспокойством русской души, стремящейся найти выход из мучительного жизненного пространства в благодатном направлении» [1, с. 8]. Человек выходит один на дорогу, чтобы яснее услышать разговор звезд, тихо зреющий в «торжественных и чудных» небесах. Причем это стремление можно отнести к разряду фундаментальных духовных особенностей, определяющих своеобразие русского характера.

Священник Сергей Сидоров в работе «О странниках земли Русской» называет странничество подвигом исключительно русским, «в котором Русь выявила свой лик» [2, с. 155]. И, размышляя далее, выделяет три типа странничества. Первый – это бегство от мира, выбор пантеистов, ищущих самости и новизны: «Этот путь знает множество перипетий. Конец его зрится в темных делах ночных и осенних дорог» [2, с. 155]. Второй путь – богоискателей, интеллигентов, что мечутся «от келий монастырских к озеру Светлояру»: «Их дороги беспокойны, они безнадежно длинны, и нет в конце их тихого пристанища, о котором так томятся вступившие на этот путь люди» [2, с. 155]. Наконец, третий путь – путь светлого странничества – выбирают не ради исканий или ухода от мира, но ради Христа, конец земной дороги видится на небесах, в золотом сиянии инобытия.

Описание состояний, которые переживает странник, мы найдем в изобилии в стихах русских поэтов. Каждое литературное направление будет предлагать свои вариации пути. От милой тропы акмеистов «вдоль изгороди из цветов» [3, с. 275], в которой выпукло очерчен каждый мелкий

камень, до взвихренной дороги футуристов, кипящей трамваями и автомобилями.

Революция 1917 г. поколеблет все привычное и знакомое, устоявшееся в веках. Скажутся ли изменения общественного климата на литературе? Особенно если обратиться к творчеству писателей-эмигрантов? Будет ли по-прежнему варьироваться выявленная типология пути, или же зародится иной тип странничества, соответствующий новому, ранее не ведомому опыту? Ведь если раньше путник мог в любой момент вернуться к родному дому, соприкоснуться с теми местами, где прошло его детство, то теперь и дом, и Родина превратились в небесный остров, светлую мечту, слитую с воспоминаниями... Рассмотрим этот вопрос на примере поэмы «Легион» Николая Николаевича Туроверова, донского казака, офицера русской и Белой армий, участника трех войн: Первой мировой, Гражданской и Второй мировой. Покинув революционную, захваченную большевиками Россию, Туроверов остановился во Франции.

В поэме «Легион» описываются события времен Второй мировой войны, военные действия в Африке. В произведении отражены лично пережитые впечатления. В 1939 г. подьесаул Туроверов зачисляется добровольцем-офицером в 1-й кавалерийский полк французского Иностранного легиона. Почти два года он сражается в Африке и возвращается во Францию лишь в конце 1942 г. В письме к поэту, донскому казаку Н. А. Келину, Николай Николаевич признавался: «...Вы спрашиваете о Легионе? Да, я был в нем добровольцем во время последней войны, – не усидел. И не жалею...» [4]

Поэма состоит из 20 главок разной ритмики и объема: от 28 строк до четверостишия. Сюжет льется свободно, словно дыхание, интонационное же разнообразие некоторых фрагментов можно сравнить с поэмой Блока «Двенадцать». Например, в 11-й главе описывается лихорадка, болезненные видения заболевшего, и в конце, когда лирический герой приходит в себя, вырывается из плена иллюзий, ритмический рисунок резко меняется:

*Но веселый ковшик не дается...
Снова парус надо мною рвется...
Строевое седло в головах.
Африканский песок на зубах [4].*

Поэма музыкальна, мелодия ее льется то радостно, даже восторженно, то напряженно сжимается, очерчивая звуковые углы. Напевность и простота, отсутствие каких-либо вычурных деталей ради эффекта (хотя красота южной природы к этому располагает!) присущи произведению с первой до последней строки; стремление же к образной конкретике и поэтической точности соответствует лучшим традициям Пушкина.

Открывается поэма эпиграфом из стихотворения французского поэта Артура Николета:

В рай идут сильные люди
По пустыне долгого мужества [4].

Так с самого начала задано художественное измерение поэмы: речь будет идти не только про войну, сражения и битвы, но про фундаментальные основы человеческого бытия. В эпиграфе звучит тема пути («идут сильные люди») и мотив поиска утраченного рая. При этом само слово «рай» в поэме ни разу не встречается, а слово «ад» употребляется лишь один раз.

И вот, в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзей [4].

Вновь наблюдается сопряжение крайнего состояния человеческого духа с мотивом пути. Действие развивается в двух планах: сражения идут на африканской земле, наемники помогают подавить восстание местных племен, но одновременно борьба происходит и в духовном мире. Причем, как это следует из эпиграфа, райскую обитель нельзя достичь без преодоления трудностей. Подобные мысли соответствуют Евангельскому учению и размышлениям Святых Отцов. В 11-й главе Евангелии от Матфея читаем: «От дней же Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» [5, с. 56]. Или из наставлений прп. Макария Египетского: «Весьма многие из людей хотят сподобиться Царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие невозможно» [6].

Напряженное действие, развивающееся в двух реальностях, земной и небесной, видимой и невидимой, характерно и для стихотворений Николая Гумилева, посвященных Африке. Например, в стихотворении «Африканская ночь» рисуется картина непроглядной ночи перед битвой. На одной стороне реки – войско, в котором состоит лирический герой, на другой стороне – «неизвестное племя, / Зажигая костры, шумит». Еще неизвестно, кто победит, а кто погибнет. Однако земное сражение переходит в небесное, точнее, совершается одновременно с ним:

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черным борется бог [3, с. 233].

Такая сопряженность миров свойственна не только стихам, описывающих сражения на экзотической земле, но и шире – военной лирике в целом. Аналогичный мотив звучит в стихах, посвященных Первой мировой войне.

Например, в другом стихотворении Гумилев пишет:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны [3, с. 213].

Или в стихотворении Анны Ахматовой бойцов защищает Покров Богородицы:

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат [7, с. 99].

В стихотворении Георгия Иванова почти полностью повторяется ситуация «Африканской ночи», когда в сражение включаются и высшие силы:

И если устали, ослабли мы,
Не видим в ночи, –
Скрещаются с вражьими саблями
Бесплотных мечи [8].
Илья Эренбург также наблюдает в небе сечу ангелов:
Когда замолкает грохот орудий,
Жалобы близких, слова о победе,
Вижу я в опечаленном небе
Ангелов сечу... [9].

Сопряженность миров присутствует и в стихотворениях о Великой Отечественной войне. При этом прямое описание, упоминание ангелов и небесных воинств почти не встречается. Однако сохраняется главное: ощущение высшего духовного мира и того, что погибшие воины живы и находятся рядом. Они могут превратиться в белых журавлей (Расул Гамзатов «Журавли»), могут возвращаться вновь и вновь виде одинокого и страшного столба крутящейся пыли (Юрий Кузнецов «Шел отец невредим...») или же незримо присутствовать на встрече друзей-фронтовиков, как, например, в стихотворении Владимира Соколова «Девятое мая»:

У сигареты сиреневый пепел.
Жалко, что третий в тот день с нами не пил.
Он под Варшавой остался лежать.
С ним мы и выпили за благодать [10, с. 34].

Таким образом, действие, развивающееся в двух планах, земном и небесном, – константная черта военной лирики. Присутствует она и в поэме Туроверова «Легион», обретая здесь более сложное, многоступенчатое содержание. Художественные особенности категории пространства и

времени не исчерпываются здесь только лишь константой сопряженности земного и небесного. Ведь сам лирический герой не столько воин, сколько бродяга и поэт. Именно так он себя и называет:

Ты получишь подарок поэта,
Мой последний подарок тебе.

Или, в другом месте:

Смотри, испытанный бродяга,
Не затянулась ли игра?
Смотри, поэт, пока есть время,
Не жди бесславного конца... [4].

По всей видимости, он и в Африку отправился, чтобы вкусить новых впечатлений. Все по Гумилеву:

Весело думать: если мы одолеем, –
Многих уже одолели мы, –
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы [3, с. 233].

Мотив дороги, странствия будет здесь одним из основных. Лирический герой и Туроверова, и Гумилева любит жизнь и мир (о чем в стихах заявляется прямо и не один раз), поэтому первый тип странничества, который представляет суровый пантеист, отрекающийся от земного веселья, по всей видимости, не подходит.

Сравним два четверостишия. Николай Гумилев:

Есть Бог, есть мир; они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога [3, с. 216].

Николай Туроверов:

О, жизнь моя! О, жизнь земная!
Благодарю за все тебя,
Навеки все запоминая
И все возвышенно любя [4].

Герой Туроверова способен понять и принять убеждения другого человека, его инаковость: *«И братом стал мне Абдуллах»*. С восторженной легкостью он провозглашает: *«Велик Господь! Велик Аллах!»* Это звучит не как отречение от своей веры, но скорее как следствие «всемирной русской отзывчивости».

Остается третий тип странничества – светлого пути, который выбирают не ради исканий или ухода от мира, но ради Христа. Сидоров, напомним, замечает: «...конец земной дороги – видится на небесах, в зо-

лотом сиянии инобытия» [2, с. 155]. Эти слова совпадают с заключительными строчками «Легиона», где описывается окончание пути:

Пароход наш уходил на Запад,
Прямо в золотые небеса [4].

Золотой цвет символизирует небесное царство и бессмертие. Не случайно на иконах общий фон и сияние вокруг лика святого, чаще всего золотой. Та же самая символика свойственна и фольклорным произведениям: например, в народной сказке «Курочка Ряба» дед с бабой бьют золотое яичко, или в сказке про Садко в Ильмень-озере плавает рыба с золотым пером. Таким образом, в поэме реализуется третий тип странничества. Лирический герой словно совершает восхождение из ада пустыни к райским селениям, которые недостижимы без упорной борьбы и мужества. В лаконичных поэтических образах реализуется сюжет «Божественной комедии» Данте, а общее звучание поэмы становится восходящим и мажорным.

Сам путь к райским селениям, как правило, неотделим от жизни воина и череды сражений. Это можно отнести не только к поэме «Легион», но и к творчеству Туроверова в целом. Вот как описывается смерть воинов, замерзших среди снегов, в стихотворении «Было их с урядником тринадцать...»:

Ветер стих. Повеяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем,
Без потери, к райским берегам [4].

Не случайна символика числа тринадцать (двенадцать апостолов и Христос). А гибель всего разъезда изображается как переход «без потери, к райским берегам». Вот высшая и конечная цель любого странствия! Однако в поэме «Легион» представление о странничестве как пути в золотой мир инобытия является лишь одной из возможных трактовок пространственно-временной парадигмы. Пожалуй, одной из главных, поскольку задается с самого начала, с эпиграфа, но не единственной.

Вторая позиция, которая также сохраняется на протяжении всей поэмы, – это противопоставление Европы и Африки. Европа представляет знакомые сюжеты:

Над золою Золушка хлопочет,
Чахнет над богатствами Кашей... [4].

Европа – это плен:

Снова стану пленником Европы
В общечеловеческой судьбе... [4].

В Африке даже время протекает иначе, замедленно. Возможно, оно и вовсе отсутствует. Паша изучает Шанфара, и его не волнуют «европейские сроки»:

Только строки, арабские строки
Тысячелетних стихов [4].

«Покою столетних олив» не может угрожать война, а «небо и песок» уже много веков «глядят беспечно на Пальмиру».

Неизменяемость, покой – один из признаков инобытия. Лирический герой, подобно герою волшебной сказки, отправляется в далекий путь, в загадочное «тридесатое царство, тридевятое государство», чтобы, пройдя все трудности, обновленным человеком возродиться к новой жизни.

В отличие от Европы, дороги которой покрыты асфальтом, Африка дарует «неведомые тропы». Неведомость, непредсказуемость – очень важная составляющая пути Николая Туроверова. Такой же взгляд свойствен и Николаю Гумилеву, который четыре раза бывал в Африке. «Первобытный мир с девственной природой Гумилев находил в экзотических странах. Только там поэт-Адам мог обрести свой первозданный рай, и там путешественник Гумилев ощущал радость и полноту бытия... Поэт-акмеист уподоблялся первому человеку – Адаму» [11, с. 5].

Африка – и страшна, и прекрасна, и таинственна; в ней высшая красота сочетается с томительным ужасом знойной пустыни. Все краски приглушенно мерцают и словно размыты: «в лиловатом дыму бивуака», «в розоватом мареве пустыни», «в дымно-розовых песках». Много раз лирический герой «Легиона» переживает близость смерти, но, оживая, вновь и вновь будет восхищаться и радоваться тому, что видит вокруг. Главы 15 и 17 звучат как кульминация:

... И опять восторгом жгучим
Преисполнилась душа.
Где мой дом? И где мне лучше?
Жизнь повсюду хороша!
И, качаясь на верблюде,
Пел я в жаркой полумгле
О великом Божьем чуде —
О любви ко всей земле [4].

В приведенном отрывке поставлен и разрешен один из основных вопросов поэмы, вопрос, формирующий третий пласт пространственно-временной парадигмы: родной дом – и чужбина. Образ лирического героя усложняется: перед нами не просто поэт и бродяга, но эмигрант, навсегда утративший родину. Третий сюжет также дается с самого начала:

Ты ж, в вещах моих скомканных роясь,
Сохрани, как несбывшийся сон,
Мой кавказский серебряный пояс
И в боях потемневший погон... [4]

Автор не будет «потрясать» перед изумленным читателем приметам казачьего быта, утраченного навсегда. «Серебряный пояс» и «в боях потемневший погон» так и останутся почти единственными деталями, связанными с прошлым, но именно они настроят общий тон поэмы, ее эмоциональный регистр... Тема утраченного родного дома прозвучит трагично и вместе с тем целомудренно, без подчеркнутой сентиментальности и жалости к самому себе. Лишь однажды вырвется, прозвучит фраза, похожая на вздох: *«И никто нас уже не жалеет, / И родная страна далека»* – такое чувство наполнит душу лирического героя во время виртуозной игры гармониста. В 14-й главе, посвященной князю Н. Н. Оболенскому, душевный накал, достигает, кажется, своего предела:

Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне
Ни жалости, ни состраданья [4].

Но не спешим делать выводы о порочной бесчувственности лирического героя. Такое признание сродни образам стихотворения Марины Цветаевой «Тоска по Родине».

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть... [12, с. 323]

Проговаривая свое отчаяние, автор ищет выход из случившейся духовной катастрофы. Мы читаем слова о равнодушии, но за ними чувствуем боль, пульс иной мысли. С такого «затекста» и начинается любая настоящая литература... Не все можно выразить словами. Суггестивный фон, который не передается «кирпичиками» слов, но скрепляет замысел воедино, придает произведению бесконечность и глубину. Просвет в стихотворении Марины Цветаевой наступит в самой последней строке, через образ куста рябины; Туроверов же найдет выход, взглянув на ситуацию шире, вплетая свою личную судьбу в общемировую историческую канву:

Наш Иностраннный легион –
Наследник римских легионов [4].

Кульминационное звучание 15-й и 17-й глав, объединенных мотивом восхищения, радости и «любви ко всей земле», обусловлено целым рядом образов и поэтических сюжетов.

В черной Африке видел я мост
Из громадных, дрожащих, розовых,
Никогда здесь не виданных звезд [4].

К такому видению и откровению герой пришел не сразу, и путь его был нелегким. Все слова про счастье и веселие (а их будет в поэме немало) выстраданы. Вечерняя звезда «счастливо сияет», несмотря на то что *«на свете не было людей / Меня бездомней и бедней»*. Эпитет же «веселый» – один из самых любимых и часто встречающихся у Туроверова. «Веселый арабский фурзит», «веселый ковшик», «как ручей, веселый голосок» в поэме «Легион» и... более шестидесяти случаев в сборнике «Горечь задонской полыни». Приведем лишь некоторые характерные случаи словоупотребления. Весь мир вокруг весел: *«веселый закат», «веселой радуги стезя», «веселый скворец», «веселое лето», «веселый дождь», «веселая свобода», зари «веселые шелка», веселые раскаты саней. Веселы родные люди: «и слезы, сдержанные слезы / всегда веселого отца»; веселость может быть парадоксальной: веселая тоска и «день веселых похорон». И наконец, знаменитая фраза: «Франция, страна моей свободы / – Мачеха веселая моя».*

Веселье – это и заповедь, которая дается поэту-пророку: *«в скитаньях весел будь и волен»,* и искреннее чувство жизни: *«О, Боже мой, милый, как весело жить!»* Семантические нюансы употребления этого эпитета в творчестве Туроверова могут стать темой отдельного исследования. Мы же пока заметим, что корни такой веселости – в христианском мировоззрении. Почему похороны названы веселыми? Да потому что смерти нет! Христос Воскрес!

И казаки-покойники, в усах,
Воссядут на открывшейся лужайке,
А будут птицы райские в кустах,
Зверье ручное и ручные зайки [4] –

так завершается это стихотворение про похороны. Общий настрой и направление веселости выражают слова Пасхального канона: *«Безмёрное Твоё благоутрóбие, áдовыми úзами содержи́мии зряще, к свéту идя́ху Христé, весéлыми ногáми, Пáсху хва́ляще вéчную»* [13, с. 12].

Образ пути («к свету идяху») оказывается исполненным веселия. От пленения ада – к Пасхе вечной. Именно такой, третий, тип странничества

и представлен в поэме Туроверова «Легион». Исторические события и катастрофы XX в. не поколебали и не разрушили возможность такого выбора. Кроме первого, общего-типологического образа пути существуют еще два направления движения «поэта» и «испытанного бродяги». Между общечеловеческой Европой и неведомой Африкой, между домом, утраченным кровом, и чужбиной, которая также может стать домом... Главное – не утратить чувство Божественного начала мироздания. И тогда жизнь будет «повсюду хороша». В сплетении трех этих поэтических мотивов и рождается неповторимый колорит поэмы «Легион», ее терпкое и одновременно радостное звучание.

Список использованной литературы

1. Лишова Н. И. Мотив странствий в художественном дискурсе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Елец, 2012. 16 с.
2. Записки священника Сергия Сидорова, с приложением жизнеописания, составленного его дочерью В. С. Бобринской. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2019. 494 с.
3. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. М. : Сов. писатель, 1988. 632 с.
4. Туроверов Н. Н. Горечь задонской полыни... Поэзия, проза и публицистика. Ростов н/Д : «Ростиздат», 2006. 416 с. URL: https://royallib.com/book/turoverov_nikolay/stihi.html
5. Святое Евангелие. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 592 с.
6. Макарий Египетский, прп. Сочинения // Электронная библиотека. С. 10. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=315156&p=10>
7. Ахматова А. А. Полное собрание поэзии и прозы : в одном томе / сост. Н. Василькова. М. : Альфа-книга, 2009. 1007 с.
8. Иванов Г. В. Стихотворения. (Полное собрание стихотворений). URL: <http://litra.pro/stihotvoreniya-polnoe-sobranie-stihotvorenij/ivanov-georgij/read/3>
9. Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. Новая библиотека поэта. СПб. : Академический проект, 2000. URL: <https://fplib.ru/books/poetry-/poetry/page-4-247522-ilya-erenburg-stihi.html>
10. Соколов В. Н. Позднее утро. Книга стихов. М. : Современник, 1977. 240 с.
11. Полиевская А. С. Экзотический топос в творчестве Н. С. Гумилева : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2006. 16 с.

12. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. М. : Сов. писатель, 1979. 576 с.

13. Христос воскрес! Пасхальный молитвослов. М. : Храм Вознесения Господня («Малое Вознесение»), «Свеча», 2003. 32 с.

Екатерина Анатольевна Сафонова,

кандидат филологических наук, доцент,
Томский государственный педагогический университет,
Россия, г. Томск, Safonova_k@mail.ru

УДК 82-14

Тема любви в лирике Ирины Одоевцевой

Аннотация. Для ранней любовной лирики И. Одоевцевой характерно чувство тревожности; любовь сопряжена с расставанием. В зрелой лирике, созданной в эмиграции, поэтесса создает зарисовки предметов быта, уделяя внимание многочисленным деталям, что становится знаком мелочности и пошлости жизни, в которой чувства атрофированы. Любовь – вздор и чепуха, однако за иронией лирической героини проскальзывает боль и грусть. В поздней лирике И. Одоевцевой многие стихотворения посвящены Г. Иванову. «Я поэт и вдова поэта. Это очень важно», – заключает она в одном из последних стихотворений, подводя итоги жизни.

Ключевые слова: русская эмиграция, поэзия, И. Одоевцева, тема любви.

Ekaterina Safonova

Candidate of sciences in Philology, Associate Professor,
Tomsk State Pedagogical University, Russia, Tomsk, Safonova_k@mail.ru

The theme of love in the lyrics of Irina Odoevtseva

Annotation: The early love lyrics of Irina Odoevtseva is disturbing; love is linked by parting. In the mature lyrics in exile, the poetess writes about things and objects, this is a sign of the pettiness and vulgarity of life. There is a no place for real feelings in life. Love is nonsense, but pain and sadness slip through irony. In the late lyrics of I. Odoevtseva, many poems are devoted to G. Ivanov. «I am a poet and a widow of a poet. This is very important», – she will say, summing up the results of life.

Key words: I. Odoevtseva, theme of love, poetry of the first and second waves of Russian emigration.

Ирина Владимировна Одоевцева (псевдоним, настоящее имя Ираида Густавовна Гейнике) (1895, Рига – 1990, Санкт-Петербург) – русская поэтесса и прозаик Серебряного века. Литературой увлеклась в

Петрограде, где входила в третий «Цех поэтов», организованный Н. Гумилёвым. В 1922 г. вышел ее первый сборник стихов «Двор чудес», благосклонно принятый критикой, отметившей искусное владение поэтессой балладной формой. В том же году она вышла замуж за поэта Георгия Иванова, брак с которым продлился 37 лет, и уехала из Петрограда, не имея намерения стать эмигранткой.

Сначала с мужем жила в Германии, затем во Франции, где прошла большая часть ее жизни. В эмиграции И. Одоевцева почти не писала стихов, однако обратилась к рассказам и романам о любви: «Ангел смерти» (1927), «Изольда» (1930), «Зеркало» (1939), «Год жизни» (1957). С 1950 г. сотрудничала с нью-йоркским «Новым журналом»; опять стала писать стихи: «Контрапункт» (1950), «Стихи, написанные во время болезни» (1951), «Десять лет» (1961), «Одиночество» (1965), «Златая цепь» (1975), «Портрет в рифмованной раме» (1976). Ею написан социальный роман о сталинских репрессиях «Оставь надежду навсегда» (Нью-Йорк, 1954).

В 1958 г. Одоевцева овдовела. В 1978 г. вышла замуж за писателя Якова Горбова, с которым прожила до его смерти в 1981 г. В 1987 г. триумфально вернулась в СССР, спустя почти 65 лет эмиграции. Самые известные ее произведения: мемуары «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «На берегах Сены» (Париж, 1983). Книга «На берегах Леты» осталась недописанной. И. Одоевцева владела несколькими языками, но писала только по-русски.

Произведения И. Одоевцевой становились предметом исследований А. А. Кузнецовой, Е. А. Евтушенко, Е. В. Витковского, М. Рубинс. Исследователи сожалеют, что, несмотря на свой талант, Одоевцева оставила незначительное количество стихотворений. Е. Витковский объясняет это желанием И. Одоевцевой совершенствовать свои стихи, переписывая текст одного стихотворения по несколько раз. Критик замечал: «Поэзию И. Одоевцевой отличает оригинальная, никем не повторенная поэтика, замкнутый микрокосм отчаяния, озаренный возможным светом надежды на еще что-то хорошее в будущем...» [1].

Журналистские работы О. А. Кучкиной, А. П. Колоницкой, С. Л. Иваницкой касаются личных отношений между Г. Ивановым и И. Одоевцевой. Пересказана история их знакомства, любви, совместной жизни. По мнению Э. И. Бобровой, «стихи Одоевцевой содержат множество оттенков и отражают сложную гамму чувств, носят сугубо личностный характер, но вместе с тем читатель узнает в них свои собственные переживания и схожее мироощущение» [2, с. 50]. А. А. Саакянц характеризует Одоевцеву как уникального, легкого и отзывчивого человека, бережно хранящего память о своей эпохе [3].

Несмотря на определенное количество уже вышедших материалов, посвящённых произведениям И. Одоевцевой, многообразие аспектов её творчества на данный момент остаётся нераскрытым и требует дальнейшего изучения. В первую очередь необходим целостный анализ её поэзии, в том числе и лирики о любви.

Поэзию Одоевцевой можно разделить на три периода: ранние стихи, написанные в Петрограде молодой девушкой; зрелый период – стихи, написанные в эмиграции в 1950-х гг. дамой среднего возраста, поздний период творчества – стихи, написанные после 1960 г. пожилой женщиной.

Дебютный сборник стихотворений «Двор чудес» посвящен Сергею Алексеевичу Попову. Это первый муж И. Одоевцевой, о котором она не любила вспоминать. С. Попов – рижанин, юрист и помощник ее отца – приходился ей родственником; брак с ним вскоре распался.

Заглавие сборника указывает на два пространственных плана: реальный (двор) и ирреальный (чудеса). В бытовые зарисовки вплетается инфернальное начало (мотивы сна, колдовства, превращений), причем в отличие от символистов выдуманный мир не является идеальным.

Открывает сборник стихотворение «Памяти Гумилёва», написанное на смерть поэта. Н. Гумилёв считал И. Одоевцеву лучшей ученицей, ему импонировало то, что она не входит в круг многочисленных «подахматовок», но романа между ними не случилось.

Самое известное стихотворение сборника – «Он сказал: – Прощайте, дорогая!» [4, с. 72]. Лирическую героиню оставляет её возлюбленный, и, чтобы усмирить боль, она меняется телами с мраморной статуей в Летнем саду. Скульптура – античная богиня – показана сильной и властной, лирическая героиня – простая женщина – выглядит слабой и покорной. Обмен телами происходит посредством поцелуя статуи и ее «белого» взгляда. Поцелуй в мифе служит символом пробуждения, но может быть связан и с застыванием, умиранием. Превращение статуи в женщину возвращает к античному мифу о скульпторе Пигмалионе и его творении Галатее. Окаменение героини отсылает и к античному образу медузы Горгоны, взгляд которой превращал людей в камень. Обычно окаменение в мифах и фольклоре связано с наказанием, неизбежным горем (Ниоба), стремлением не достаться врагу живым. В стихотворении окаменение происходит лишь внешне, внутренне лирическая героиня остается собою:

Господи! И вдруг мне стало ясно –
Я его не в силах разлюбить.
Мраморною стала я напрасно –
Мрамор будет дольше сердца жить [5, с. 9].

Произошедшая метаморфоза не приносит забвения и забытья. Действие в балладе происходит ночью. Ночь – любимое и часто

встречающееся время суток в поэзии И. Одоевцевой. Утро семантически связано с бытовыми реалиями («Утро... с молоком проходят бабы...»), ночь же полна мистических событий. Образ ночи тесно переплетается с мотивом сна, который присутствует практически во всех стихотворениях сборника; например, сон может восприниматься как послание («Памяти Гумилёва»). В стихотворении «Ты заснул тревожным сном» возлюбленный лирической героини одновременно находится в двух пространствах: реальном – морозном и снежном городе на Неве вместе с ней – и в ирреальном – во сне вместе с другой женщиной. Потустороннее пространство сна ему милее, оно сродни раю (там ветвистые кипарисы, белые голуби, море). Лирическая миниатюра заканчивается словами:

С нею мчишься ты, с бледною и злою,
К морю, все скорей.
Но не бойся, милый, я с тобою
В комнате твоей [5, с. 6].

Героиня мысленно обращается к милому со словами «не бойся», однако же страх и тревогу на самом деле испытывает она, боясь потерять любимого, и слова эти звучат как самоуспокоение, за которым скрывается нежелание признавать себя чужой и ненужной. В стихотворении «За старой сосной зеленела скамья» ситуация обратная: теперь лирическая героиня находится между сном и явью, поэтому не ощущает движение времени. Во сне она переносится в детство, где играет в саду с храбрым мальчиком, рассказывающим ей о злых драконах и добрых медведях, в реальности она – в Петрограде, рядом с любящим ее поэтом (о том, что она влюблена в него – не упоминается).

Сон непосредственно связан с прошлым и воспоминаниями, но может быть и проекцией будущего. В стихотворении «С луны так сладостно и верно веет» лирическая героиня констатирует, что в настоящей реальной жизни любовь невозможна:

Качая крылья, пролетает птица,
Благоуханно дышит резеда,
Любовь и радость могут только сниться.
Не видела тебя я никогда.

Любовь могла бы случиться, однако описывается ситуация не-встречи героев, живущих в разное время. В данном случае портрет героини, как и статуя из рассмотренного выше стихотворения, является предметом, позволяющим запечатлеть мгновение и оставить о себе память. Память для всех акмеистов – антитеза смерти, связующее между временами:

И все напрасно здесь, на этом свете.
Когда-нибудь найдешь ты мой портрет.
– Кто это? – спросишь ты. Тебе ответят,
Что я была и что меня уж нет.

Задумаешься ты и тихо скажешь:
– Вот эту женщину я б мог любить...
Я знаю – это будет, знаю даже,
Что ты потом уж не захочешь жить [5, с. 10].

Мотив сна неразрывно связан с миром несбыточной мечты и лишь воображаемой любви. В стихотворении «Окрепи паруса. Отраднo кораблю» также утверждается, что настоящая любовь, подобная истории Тристана и Изольды, встречается лишь в книжках, в реальности все похожие чувства – лукавство и обман.

В одном из заключительных стихотворений сборника «Под окном охрипшая ворона» время опять происходит ночью, при свете луны [6]. Описывается пространство тихой комнаты, в которой безмятежно спит возлюбленный. С лирической героиней происходит метаморфоза – теперь она превращается в рыжую кошку, чтобы отомстить возлюбленному за жестокость, причиненную ей. Образ кошки – любимый в поэзии Одоевцевой, поскольку поэтесса имела рыжие кудри и зеленые глаза, из-за которых всю жизнь сравнивала себя с этим животным. Мужчина во сне беззащитен и не подозревает о готовящемся смертельном прыжке демонического зверя. Но финал открыт: состоялся ли прыжок, читатель решает сам.

Таким образом: любовь в ранней лирике И. Одоевцевой связана с разлукой, расставанием и печалью. Рефреном проходит мысль о невозможности любви в настоящем реальном мире, счастливая любовь бывает лишь в воображаемом мире сновидений и мечты.

Следующий поэтический сборник «Контрапункт» И. Одоевцевой вышел в эмиграции спустя почти тридцать лет. Заглавие книги отсылает к произведению О. Хаксли «Контрапункт» 1928 г., в котором писатель демонстрирует времяпрепровождение лондонской интеллектуальной элиты, показывая бездуховность, пошлость и бессмысленность жизни. В книге И. Одоевцевой отражено другое время и пространство – Париж начала 1950-х гг., но праздность, безделье и бесцельность также являются лейтмотивом сборника. Репрезентативным видится стихотворение «В этот вечер парижский, взволнованно-синий», показывающее, как живет столица элегантной моды после недавно закончившейся войны:

В этот вечер парижский, взволнованно-синий,
Чтобы встречи дожидаться и время убить,
От витрины к витрине, в большом магазине
Помодней, подешевле, получше купить.

С неудачной любовью... Другой не бывает –
У красивых, жестоких и праздных, как ты.
В зеркалах электрический свет расцветает
Фантастически-нежно, как ночью цветы.

И зачем покупаешь ты шарфы и шляпки,
Кружева и перчатки? Конечно, тебе
Не помогут ничем эти модные тряпки
В гениально-бессмысленной женской судьбе [5, с. 29].

Счастливой, как и несчастной любви, здесь не бывает, только «неудачная», впрочем, это не приносит боли, поскольку в предметно-вещном мире купли-продажи нет места чувствам, только сделкам. «Электрический свет» говорит о фальшивости мира, в котором за красотой и стилем скрывается пустота. Отсутствие настоящих чувств представлено и в другом стихотворении:

– В этом мире любила ли что-нибудь ты?..
– Ты должно быть смеешься! Конечно любила.
– Что? – Постой. Дай подумать! Духи, и цветы,
И еще зеркала... Остальное забыла [5, с. 30].

Вспоминается лирическая миниатюра, написанная на эту же тему в 1936 г. А. Штейгером:

У нас не спросят: вы грешили?
Нас спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,
Мы скажем горько: – Да, увы,
Любили... как ещё любили! [7, с. 95].

И. Одоевцева вместо местоимений «нас, мы» использует местоимение «ты», причем впервые в ее поэзии представлен диалог персонажей, только разговор этот пустой – он о любви не к людям, а к вещам. Нет драмы, представленной у Штейгера, а есть признание любви к удовольствиям, подаркам и комплиментам. Образ зеркала является самым распространенным в зрелом творчестве И. Одоевцевой, он отсылает к мифу о Нарциссе, влюбившемся в собственное отражение. С ним сближается образ портрета, который также встречается в стихотворениях Одоевцевой,

напоминая о Дориане Грее Оскара Уайльда. В стихотворениях мы видим признание в любви лирической героини к себе самой.

И. Одоевцева писала в письме В. Ф. Маркову от 10.09.1957 г., что стихотворение «В этом мире любила ли что-нибудь ты» написал на самом деле Г. Иванов, который «потом подарил ей его за ненужностью» [8, с. 29], однако это доказывает только то, как хорошо знал Г. Иванов свою супругу.

Обращает на себя внимание концовка произведения: «Остальное забыла». И. Одоевцева в эмиграции продолжала придерживаться эстетических установок акмеизма, поэтому утрата памяти, которая у акмеистов ассоциируется с нерасторжимой связью времен, равносильна «духовной смерти». Обильное использование в стихотворениях многоточий – знаков умолчания, позволяет предположить, что перед нами лишь маска лирической героини, которая о многом не договаривает. Мотив игры также является ведущим в стихотворении «Облокотясь на бархат ложи», в котором лирическая героиня с упоением наблюдает за любовной интригой, разворачивающейся на театральной сцене, но в финале стихотворения интонация меняется:

Нравоучительно, как в басне,
Любовь кончается бедой...
– Гори, гори, звезда, и гасни
Над театральной ерундой [5, с. 34].

Иронично и насмешливо смотрятся наигранные чувства, однако и жизнь – тот же самый театр, в котором каждый играет определенную роль, и, может быть, не одну.

Показательно, что в зрелом творчестве И. Одоевцева пишет о любви мало и практически ничего не говорит о своем браке с Г. Ивановым. Семейной жизни посвящено лишь одно стихотворение «Было счастье подвечное». В первой строфе в ретроспекции описывается венчание, радость и мечты влюбленных, во второй строфе – первые годы жизни с «праздничной повседневностью». Кажется, что счастье будет вечным, о чем говорит использование фраз с семантикой бесконечности: Млечный Путь, океанская безбрежность. В третьей строфе описан день сегодняшней, все поглотила скука:

А теперь пора
Днями жить, а не ночами,
Стать портретом в пышной раме,
От тоски и от удушья
Научиться равнодушью,
Одиночеству вдвоем.
Принимать, вести свой дом.
Быть женою экономной,
Томной, скромной, вероломной...
Вся земная суть,
Вся земная жуть [5, с. 42].

Семейная жизнь потеряла смысл, все бывшие радости банальны и примитивны, все приелось; воссоздано ощущение пустоты и истощенности жизни. Пошлость обнаруживает себя в бесконфликтности, конформизме и апатии. В стихотворении не используются местоимения «я, ты, мы», что говорит о разобщенности супругов. Перечислительный ряд глаголов-инфинитивов иллюстрирует однообразие и бессмысленность дней. Рваный ритм стихотворения подчеркивает душевную дисгармонию лирической героини.

Таким образом, в лирике 1950-х гг. поэтесса создает зарисовки предметов быта, уделяя внимание многочисленным деталям. Нагромождение и перечисление вещей становится знаком мелочности и бессмысленности жизни, в которой любовное чувство атрофировано. В банальном и пошлом мире нет места душевным переживаниям, любовь – вздор и чепуха, иллюзия и игра, однако за иронией лирической героини проскальзывают боль, грусть и тоска.

В стихотворениях, написанных Одоевцевой через десять лет, мы опять видим подчеркнута эффектную «гламурную» даму, которая на самом деле лишь двойник настоящей героини, одно из ее зеркальных отражений. Поэтесса признается:

Всё вокруг двоится, троится,
В зеркалах отражаются лица,
И не знаю я, сколько их,
Этих собственных лиц моих [5, с. 49].

(«Началось. И теперь опять»

из цикла «Стихи, написанные во время болезни»)

Отражения в зеркалах – это ненастоящая героиня, как и вся ее «напускная жизнь» без любви. «Невыносимая легкость бытия» напоминает бегство от страданий, измен и разлук реальной женщины, в то время

как ее инфернальные подобные зеркальные отражения берут на себя функции прожигательниц жизни:

Надоели мне анти-я
Анти-я, что живут в зеркалах,
И в стихах моих и грехах.

<...>

Я не больше пяти минут
Настоящая» [5, с. 79].

(Стихотворение «Королевская мантия»)

Перед нами признаки распада личности, разрушения целостности мироощущения, причем где настоящая героиня, а где лишь ее зеркальное отражение, сказать затруднительно. Лишь изредка в стихотворениях мы можем увидеть искренние чувства. Например, в сборнике «Златая цепь», относящемся к позднему периоду творчества, Одоевцева делится своей болью после потери мужа. Г. Иванову посвящены стихотворения «Я не могу простить себе», «Но была ли на самом деле», «Я поэт и вдова поэта», «Любовь. Как изучить ее законы» и др. Она винит себя за то, что не смогла облегчить судьбу Г. Иванова и спасти от смерти, страдает от одиночества, но тут же иронично признается:

И печальна, и грустна,
До прозрачности бледна,
Молча в черное одета,
Вот проходит «Я – вдова
Знаменитого поэта»...

Только было ли все это?
Или это лишь игра?
Лишь игра теней и света?

Хоть бесспорно жизнь прошла,
Песня до конца допета,
Я все та же, что была,
И во сне, и наяву
С восхищением живу [5, с. 84]. («Ненароком»)

Автоцитата «И во сне, и наяву / С восхищением живу» настойчиво повторяется в книге несколько раз, являясь девизом поэтессы и главной идеей сборника, что не может не удивлять. «Легкое дыхание» поэтессы, которая так быстро справляется со своим горем, с одной стороны, заставляет усомниться в глубине чувств И. Одоевцевой к Г. Иванову, с другой – это объясняется тем, что писать о личном и сокровенном

Одоевцева не считала нужным. Завесу семейной жизни она не раскрыла даже в мемуарах.

Жизнелюбию и оптимизму наперекор всему И. Одоевцева учится у А. С. Пушкина, не случайно цитаты из творчества поэта так щедро рассыпаны в книге. Заглавие сборника «Златая цепь» и эпиграф «И днем и ночью кот ученый / Все ходит по цепи кругом» отсылает к сказочному миру Лукоморья. Поэтесса не хочет верить в исход из мира волшебства, она хочет вернуться в юность, почувствовать себя молодой, и ей это удается. Использование образа Лукоморья воплощает культуртрегерскую миссию И. Одоевцевой, которая в эмиграции приобщает читателей через свое творчество к лирике знаменитого русского поэта. Если в раннем творчестве Одоевцева сравнивала себя с дикой кошкой, то теперь в ее поэзии возникает образ кота ученого [9], и не намекает ли это на обретение родственной души? Тем более что одно из самых жизнеутверждающих стихотворений сборника «Снег – серебряный порошок» о коте посвящено будущему мужу Я. Горбову.

Таким образом, в поздней лирике И. Одоевцевой многие стихотворения посвящены Г. Иванову. «Я поэт и вдова поэта. Это очень важно», – заключает она в одном из последних стихотворений, подводя итоги жизни, но через некоторое время спохватывается и беспечно заявляет: «Я во сне и наяву / С наслаждением живу». Когда-то в юности, уезжая из Петербурга за границу, она как заклинанье произнесла: «Я всегда и везде буду счастлива!» [10, с. 203]. Поэтесса осталась верна себе вопреки всему.

Список использованной литературы

1. Витковский Е. В. «Мне нравятся неправильности речи...» // Против энтропии. (Статьи о литературе). URL: http://lib.ru/NEWPROZA/WITKOWSKIJ/s_entropia.txt (дата обращения: 25.05.2020).
2. Боброва Э. И. Ирина Одоевцева: поэт, прозаик, мемуарист: литературный портрет. М. : Наследие, 1995. 156 с.
3. Саакянц А. А. «С восхищением живу!» // Только ли о Марине Цветаевой? : воспоминания. М. : Аграф, 2002. 384 с.
4. Ерошевская М. В. Ирина Одоевцева. «Он сказал: «Прощайте, дорогая!..» Анализ одного стихотворения // Амурский научный вестник. 2017. № 3. С. 72–76.
5. Одоевцева И. Собрание стихотворений. М. : Эллис Лак, 2008. 320 с.
6. Ерошевская М. В. Циклообразующие скрепы в поэтической книге И. Одоевцевой «Двор Чудес» // Уральский филологический вестник. 2019. № 4. С. 133–143.

7. Штейгер А. $2 \times 2 = 4$. Стихи 1926–1939. New York : Russica publishers, INC, 1982. 97 с.

8. Одоевцева И. В. «...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: письма И. В. Одоевцевой В. Ф. Маркову (1956–1975). М., 2008. С. 29–31.

9. Леонтьева А. Ю. «Кот ученый» Н. С. Гумилёва и И. В. Одоевцевой в интертекстуальном аспекте // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук. Н. Новгород, 2016. С. 14–22.

10. Кучкина О. Смертельная любовь: личные истории знаменитых людей // Над розовым морем: Георгий Иванов и Ирина Одоевцева. М.: Время, 2008. 480 с.

Светлана Александровна Гарциано,

доктор филологических наук, доцент, Университет им. Жана Мулена Лион 3,
Франция, г. Лион, svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

УДК 821.161.1; 930.253

Маргиналии как источник изучения культурного сознания русского зарубежья: заметки к теме

Аннотация. Маргинальные записи являются собой наглядно-иллюстративный материал для изучения внутренних пластов культурного сознания эмиграции. Пометы, находящиеся в книгах, периодических изданиях, на отдельных листках, вложенных в книги или же сохранившихся в различных архивно-документальных фондах русского зарубежья, не предназначались для печати, а служили представителям эмиграции способом сверить свои мысли на бумаге. Калейдоскоп субъективно-личностных и разрозненных заметок позволяет создать реконструкцию многих узловых событий, имевших место в историко-литературном процессе эмиграции.

Ключевые слова: русская эмиграция, маргиналии, М. И. Цветаева, Б. Ю. Пошлавский, В. Ф. Ходасевич, А. С. Головина.

Svetlana Garziano

Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, Jean Moulin Lyon 3
University, France, Lyon, svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Marginal manuscript notes as a source of studying Russian emigration's cultural consciousness: notes on the topic

Abstract. Marginal manuscript notes are a visual and illustrative material for studying the inner layers of the cultural consciousness of emigration. Some notes found in books, periodicals, on separate sheets enclosed in books, or preserved in various archival and documentary funds of Russian emigration were not intended for printing, but served for the émigré representatives to verify their thoughts on paper. A kaleidoscope of subjective-personal and scattered notes allows the reconstruction of many key events that took place in the historical and literary process of emigration.

Keywords: Russian emigration, marginal manuscript notes, Marina Tsvetaeva, Boris Poplavsky, Vladislav Khodasevich, Alla Golovina.

Нам хотелось бы начать свои размышления о маргиналиях и их использовании в научной области с идеи, заключенной в стихотворении А. Штейгера «Неблагодарность» (1936), в котором многообещающий поэт молодого поколения эмиграции затрагивает тему субъективно-личного письма и его «сохранности» для будущих поколений:

Мы уходя большой костер разложим
Из писем, фотографий, дневника.
Пускай горят...
Пусть станет сад похожим
На крематориум издалика [1, с. 29].

Как указывается в заглавии, «заметки к теме» не претендуют на ее исчерпанность, несмотря на то что маргиналии (пометы на полях книг и рукописей) являются одной из важных (хотя и мало разработанных) сторон академического литературоведения. Записи на полях, некая разновидность *ultima thula*, могут быть также теоретически соотнесены с палимпсестическим [2] и диалогическим [3] принципами в процессе толкования «чужого слова». Функции помет могут быть обозначены как дневниковость (субъективно-личностное начало), установка на внутренний диалог с современниками-поэтами и отношение автора к своим произведениям.

В ограниченных рамках данной статьи мы попытаемся обозначить важность помет на примере работы, проведенной с некоторыми материалами Медонской славянской библиотеки, которая была передана в 2002 г. на пятидесятилетнее хранение в Высшую нормальную школу г. Лиона.

В настоящее время она носит название Иезуитской славянской библиотеки и включает в себя другие фонды, так или иначе связанные с Лионом или Францией, такие как, например, небольшой архивный фонд Г. М. Лимонт, представительницы первой волны эмиграции, преподававшей русский язык в одном из лионских лицеев.

Поэт-эмигрант А. Штейгер, можно сказать, оказался провидцем, и спустя столетие Франция, явившаяся основным очагом культуры русской эмиграции в межвоенный период, все больше превращается в архивно-документальную *tabula rasa*. Но, может быть, именно такое забвение в месте произошедших событий должно быть присуще и жизнетворчески нужно узловому периоду развития русской культуры. Конечно же, во Франции сохранились архивные фонды, которые, формально не являясь собранием источников по истории русского зарубежья, содержат довольно интересные материалы, которые могут дополнить или по-новому осветить некоторые важные факты, связанные с биографическим и художественным контекстом наследия эмиграции: «штрихи к портрету», особенности сознания, комментарии, читательскую рефлексию и т. д.

В этой связи отметим, что в Лионском университете им. Жана Мулена сложилась многолетняя традиция изучения русской эмиграции, которая всегда включает результаты подобной поисковой работы. В качестве примеров можно обратиться к тринадцатому номеру «Модернитэ рюсс» («Преломления советской культуры и литературы в русской эмиграции», 2012), четырнадцатому номеру «Модернитэ рюсс» («Эмиграция и русская классика», 2014), а также к первому номеру научной коллекции «Серебряный век и русская эмиграция» («Современный взгляд на память о Русской революции в изгнании», 2019). В настоящее время наш научный коллектив ведет подготовку второго номера коллекции «L'Âge d'argent et l'émigration russe», который выйдет в ноябре 2020 г. и будет посвящен столетию русской эмиграции.

Изучение многочисленных источников показывает, что представители эмиграции довольно часто использовали прием фиксирования своих мыслей на полях книг, что, например, наглядно можно видеть в маргиналиях Георгия Адамовича к предисловию «Стихов» П. Бобринского: «Пишу эти строки и ловлю себя на мысли: а не пытаюсь ли я, сам того не замечая, дать “комментарий” к стихам гр. Бобринского, вопреки воле автора? Нет, эти замечания я делаю на полях книги, ничего в ней не объясняя» [4, с. 10]. Небезынтересно отметить, что в этой мысли записи на полях методологически противопоставляются интеллектуальному упражнению комментария, чрезвычайно свойственного французской литературной среде. Истолковывая цитируемое высказывание Г. Адамовича, можно пред-

положить, что герменевтическая функция замечаний на полях состоит не в объяснении текста, а, скорее всего, в его субъективном сопровождении.

Вторая книга экземпляра «Благонамеренного», находящаяся в Медонской библиотеке и принадлежавшая достаточно репрезентативной поэтессе молодого поколения первой эмиграции Алле Головиной, содержит двойной принцип маргинальных дописываний на страницах «Цветника» Марины Цветаевой. В этом тексте, идущем за статьей «Поэт о критике», она комментирует выдержки из «Литературных бесед» Г. Адамовича, публиковавшихся в «Звене» в 1925 г. [5, с. 126–136], а Головина, хорошо знавшая этих двух великих представителей эмиграции, продолжает диалог на полях своего экземпляра. По отношению к цитате Г. Адамовича «Ведь и раньше порой писали плохо: Марлинский, Загоскин, Бенедиктов, столь похожие на некоторых наших современников» Цветаева задается лаконичным вопросом, фигурирующем в сноске: «Кого, например?», сопровождаемого головинской ремаркой: «...Вероятно, говоря о Марлинском, А. имеет в виду Ремизова» [5, с. 134]. Говоря о беллетристическом даровании П. Краснова (выше среднеписательского уровня), первый критик эмиграции приходит к выводу: «Конечно, Краснов все время подражает “Войне и Миру”, но, во-первых, в этом нет ничего плохого, а во-вторых, Краснов – далеко не такой умелый человек, чтобы копировать или стилизовать, – он просто перенимает толстовскую манеру». Цветаева комментирует по-французски в сноске: «Словом, “fait du Tolstoï sans le savoir”» («сделано из произведения Толстого без знания»). Головина же ставит восклицательный знак около «просто перенимает толстовскую манеру», лаконично приписывая «И это просто?» [5, с. 129].

Другие примеры маргинальных использований могут быть найдены в бунинской книге «О Чехове», изданной посмертно. Во второй сноске предисловия, написанного Марком Алдановым, мы можем прочесть: «Гиппиус в статье о Н. Чайковском в “Живых лицах” говорит: “Не надо возвращаться к старикам. Не надо повторять их путь. Но “от них взять” – надо; взять и идти дальше, вперед». – Иван Алексеевич подчеркнул последнее слово и написал на полях: “Куда это, сударыня?”» [6, с. 9]. И далее: «М. Курдюмов в своей книге “Сердце смятенное” излагает содержание одного мрачного рассказа Чехова. Иван Алексеевич на полях пишет: “Да, в е з д е (подчеркнуто им. – М. А.) у него мерзость и ужас”. Быть может, сам почувствовал несправедливость своей записи (ведь не “езде”, конечно): читая в той же книге о “предельном тупике” у Чехова, Бунин написал: “Преувеличение ужасное!” – Не любил всю жизнь преувеличений. Автора “Скучной истории” будто бы м у ч и л а участь человека, – И. А. раздраженно подчеркивает слово “мучила” и на той же странице приписывает: “Любил завтраки, обеды, ужины, колбасу Белова”. Это кста-

ти мог бы написать и сам Чехов; ему замечание верно понравилось бы» [6, с. 13]. Во вступлении к этой же книге Вера Муромцева-Бунина упоминает, что в ее вторую часть вошли также бунинские заметки на полях различных трудов о Чехове [6, с. 30]. В нашем анализе некоторых значительных для понимания эмигрантского сознания документов, выбранных из фондов Медонской библиотеки, мы попытаемся применить данную «маргинальную» методологию использования помет на полях, в частности выявленную в работах представителей русской эмиграции, также разрабатываемую и применяемую в изучении бунинских рукописных записей с целью их введения в научный оборот буниноведения [7, 8, 9].

В самом начале мы хотели бы остановиться на некоторых уникальных документах. Первый из них хранится в досье фонда Г. М. Лимонт, опубликовавшей переписку Марины Цветаевой с Н. Н. Тукалевской (1938–1939). Это напечатанное на отдельном листке стихотворение под названием «Песенка», подписанное Мариной Цветаевой, с исправлением в десятой строке «вострет» на «вытрет» [10]. Внизу находится запись рукой Марины Цветаевой «Никогда этих стихов не писала. МЦ», сбоку – пометка, сделанная Н. Н. Тукалевской: «Н. В. Это стихи Ходасевича». По поводу авторства В. Ходасевича Марина Цветаева с Н. Н. Тукалевской ошибались. Вернее всего, Ходасевичу стихотворение не принадлежит, так как оно опубликовано в сборниках стихотворений И. Одоевцевой под названием «Баллада о площади Виллет» (1923 г., с посвящением Роману Гулю). Интересно, что Цветаева отрицает свое авторство, приписывая его Ходасевичу, который тоже этого не писал, но сам факт подобной путаницы демонстрирует сложную атмосферу эмигрантской жизни, что тоже является интересным поисковым фактом, который можно использовать в изучении творческих связей эмиграции (см. фото, рис. 1).

Второй документ представляет собой конверт, на котором находятся записи Марины Цветаевой [10]. Это обычный большой конверт без штемпелей или других отличительных знаков (фото, рис. 2). В этих записях речь идет, по-видимому, о правке различных версток. Упоминаются «Красный бычок», «Поэма воздуха», «Октябрь в вагоне», «Твоя смерть», «Крысолов» и другие произведения, датирующиеся разными годами. Судя по тому, что упомянут Маяковский, можно предположить, что это 30-е гг.. Так как данный конверт находится в бумагах, принадлежавших Н. Н. Тукалевской, возможно предположить, что он датируется, скорее всего, весной 1939 г., когда уже в СССР Марина Цветаева собирала как раз этот сборник для публикации, которой не суждено было осуществиться из-за цензуры.

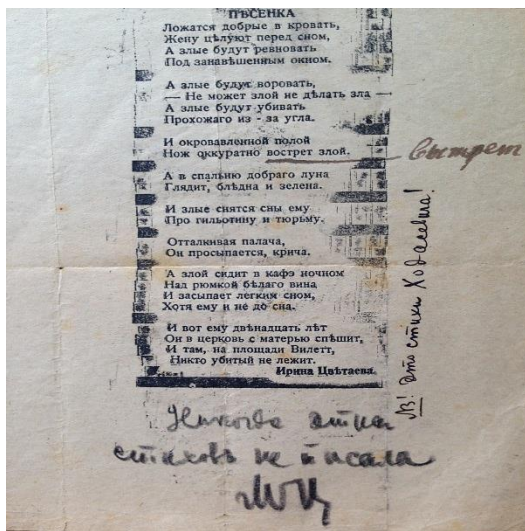

Рис. 1. Стихотворение «Песенка»

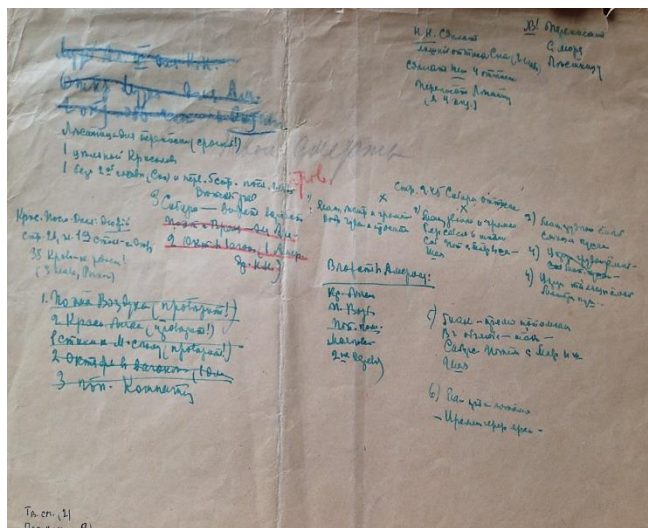

Рис. 2. Записи М. Цветаевой. План сборника

Третий документ представляет собой дарственный рисунок Алексея Ремизова Алле Головиной, который был вложен в его книгу «Пляшущий демон. Танец и слово», изданную в Париже в 1949 г. [11] Надпись на рисунке определяет воображение как наложение мысли на воспоминания (фото, рис. 3):

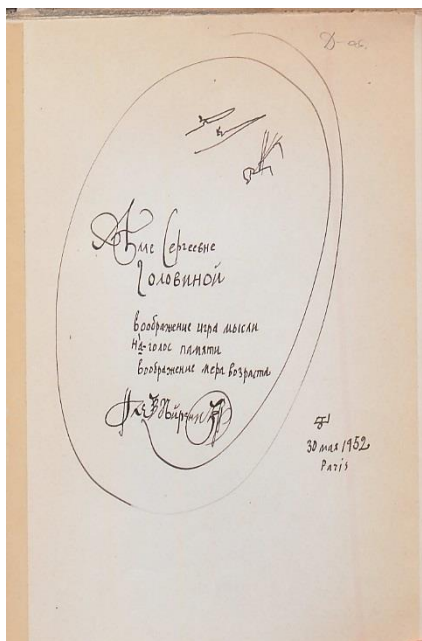

Рис. 3

«Алле Сергеевне Головиной
воображение игра мысли
на-голос памяти
воображение мера возраста
Алексей Ремизов
30 мая 1952
Paris»

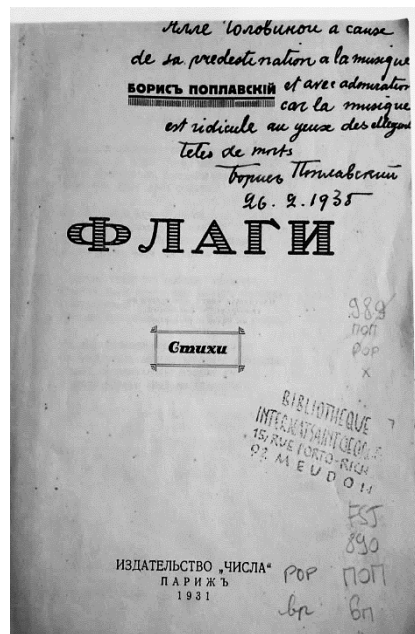

Рис. 4

В Медонской библиотеке находится экземпляр сборника стихов «Флаги» Бориса Поплавского, вышедшего в парижском издательстве «Числа» в 1931 г. (фото, рис. 4). Данная книга содержит эксlibрис Алла Gillès de Péligny. На первой странице мы находим две дарственные надписи, одна по-русски, другая по-французски, принадлежащие руке первого поэта молодого поколения эмиграции (фото, рис. 5):

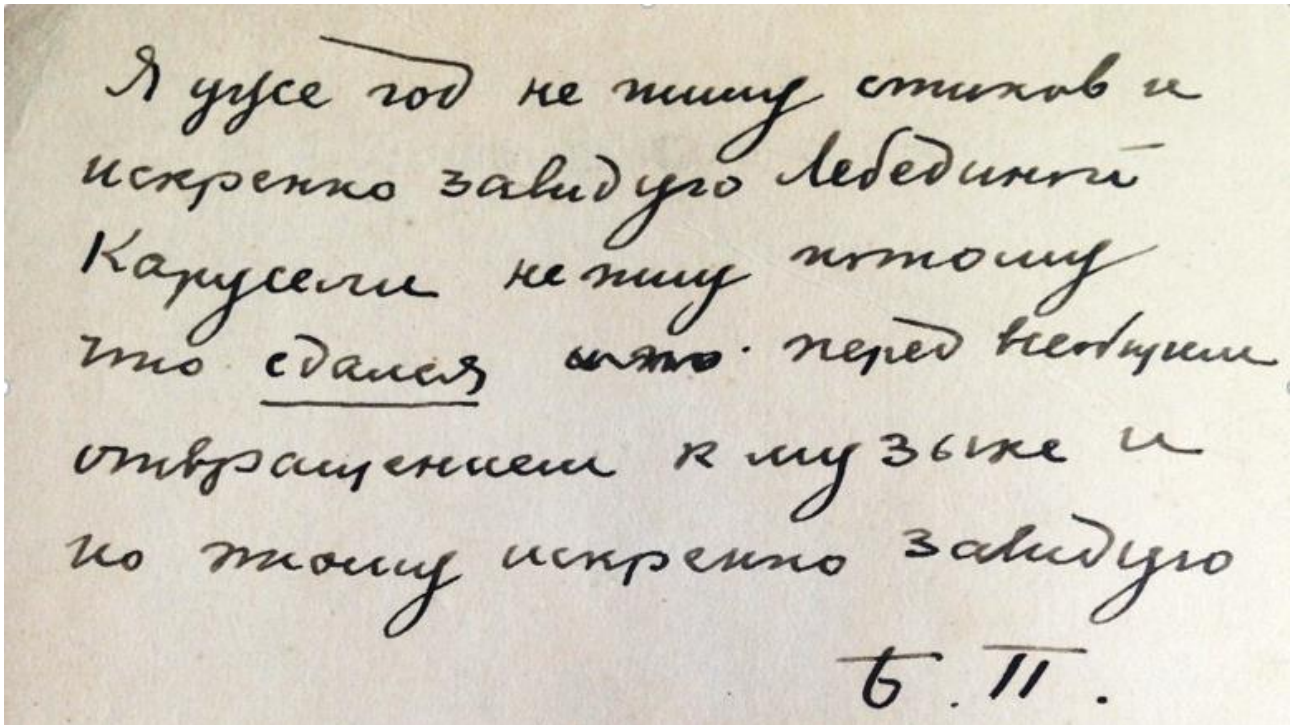

Рис. 5

«Я уже год не пишу стихов и искренно завидую Лебединой Карусели не пишу потому что сдался < и по – зачеркнуто > перед всеобщим отворачиванием к музыке и по этому искренно завидую.

Б. П.

Алле Головиной a cause de sa predestination a la musique et avec admiration car la musique est ridicule au yeux des ellegantes tetes de morts.

Борис Поплавский
26.2.1935» [12]¹

¹ Исправленный текст по-французски: «Алле Головиной à cause de sa prédestination à la musique et avec admiration car la musique est ridicule aux yeux des élégantes têtes de morts.

Борис Поплавский
26.2.1935»

Б. Поплавский за несколько месяцев до трагического ухода из жизни записывает эти строки. В них звучит повторенный несколько раз мотив музыкальности («перед всеобщим отвращением к музыке», «sa predestination a la musique», «la musique est ridicule au yeux des ellegantes tetes de morts»): поэт должен слышать музыку свыше, которая переходит в его поэтические тексты. Также в нескольких строчках по-русски повторяются глагольные конструкции «не пишу», «искренно завидую».

Последний документ, который мы представим достаточно детально, – это пометы Аллы Головиной в сборнике «Собрание стихов» (1927) В. Ф. Ходасевича. Они представляют особый интерес, потому что данный экземпляр книги буквально испещрен многочисленными и разнообразными личными записями.

На первой оборотной странице сборника стихов мы находим библиографические записи:

«См. о Ходасевиче в моем каталоге. Пока что еще черновик. 22.10.1966.

Библиография

О Вл. Ходасевиче см. в моих книгах (имеющихся у меня в настоящее время 11.1957-1962) (по каталогу)

у Берберовой Н. Памяти Ходасевича. «Совр Зап» кн. 69. Париж 1939. Предисловие к «Литературным статьям и воспоминаниям». изд. Чех. Нью-Йорк 1954

Терапьяно Ю.

Ульянова Н. Застигнутый ночью. Нью-Йорк. «Новый Журнал». № 39. 1954

Алданова М. В.Ф. Ходасевич. «Русск. Зап.». Париж. № 7 июль. 1939

Вейдле В. Поэзия Ходасевича. Сов. Записки. Кн. 34. Париж. 1928 (То-же отд. издание – не имею – 69 – –

Сирина В. (Набоков) О Ходасевиче

Вишняка М. «Совр. записки» воспомин. редактора. стр. 206. U.S.A. 1957

В «Новой Русской книге» за 1922 г. № 7. Поэты о себе. Берлин

Кроме того) В. Ледницкий: Литер. заметки и воспоминания (Тяжелая лира) – журн. «Опыты» № 2 стр. 152-174. Нью-Йорк. 1953.

В. Вейдле. Ходасевич издали-вблизи. журн. «Новый журнал». № 66. 1961. Нью-Йорк.

Перевод: «Алле Головиной по причине ее предназначенности к музыке и с восхищением, так как музыка смешна в глазах изысканных лиц мертвецов».

Б. Филиппов: Владислав Ходасевич. журн. «Грани». № 49. 1961. Франкфурт.

Н. Берберова: «Владислав Ходасевич русский поэт» журнал «Грани» № 12. 1951. Германия.

Дм. Кленовский. Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века. «Грани» № 20. 1953. Франкфурт. Германия.

В. Смоленский. Мысли о Вл. Ходасевиче. Журнал «Возрождение». № 41. Май 1955. Париж.

У Марка Слонима: в журнале «Воля России» Прага (Чехосл.) № 6-8. Апрель 1923. Статья: Тяжелая лира.

К юбилею В. Ходасевича. – А. Кондратьев. стр. 311-314. Журнал «Числа». № 2-3. 1930. Париж.

Д. С. Мирский: История русской литературы. Лондон. 1949 (новое издание) / по-английски

Н. Берберова. Предисловие к <зачеркнуто>. Вл. Ходасевич. Russian Review. № 2 1952 / по-английски

У меня нет: А. Белый. Рембрантова правда о поэзии наших дней. «Записки мечтателей» кн. 5. Петроград. 1921. Он-же: Тяжелая лира и русская лирика. «Совр. Зап.». № 15. 1923. Париж. Г. Струве. Письма о русской поэзии. «Русская мысль». Кн. 1-2 1923. Ю. Тынянов. Промежуток. «Русск. Современник» № 4. 1924 Ленинград. М. Слоним: Литературн. отклики. «Воля России» кн. 6-7. Прага 1923.» [13, титульные страницы]

Не говоря о документальной ценности данной библиографической заметки, которая наглядно показывает, какие периодические издания хранились в личной библиотеке одного из представителей молодого поколения, отметим также использование подчеркиваний не только имен, но также и мест публикаций, что показывает важность географического критерия для поэтики эмиграции.

На второй странице обозначены сведения о приобретении книги в 1927 г., когда Алла Головина училась в Моравской Тржебове, описанной в ее различных автобиографических рассказах, как, например, «Аттестат зрелости» или же «Именитые гости» [14]. Далее следуют записи 1957 г., в которых поэтесса возвращается к тридцатилетним воспоминаниям (фото, рис. 6):

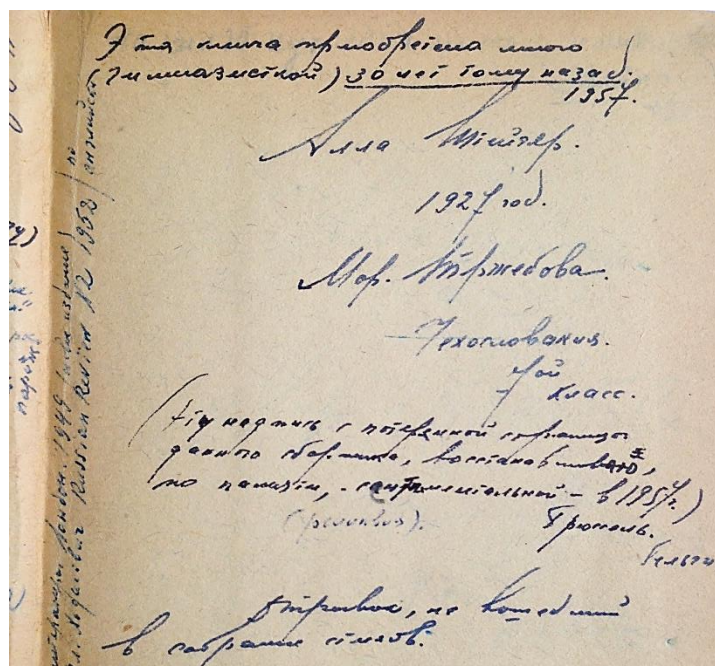

Рис. 6

«Эта книга приобретена мною (гимназисткой) 30 лет тому назад.
1957

Алла Штейгер.

1927 год.

Мор. Тржебова.

Чехословакия.

7ой класс.

(эту надпись с потерянной страницы данного сборника, восстанавливаю, по памяти, сентиментальной – в 1954 г.)
(реликвия) Брюссель. Бельгия.

Отрывок, не вошедший в собрание стихов :

– Я родился в Москве; я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладонки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.
России пасынок, о Польше
Не знаю сам, кто Польше я ?
Но 8 томиков – не больше, –
И в них вся родина моя [13, титульные страницы].

На третьей странице идет краткая биографическая справка, записанная в 1957 г., в которой Головина уточняет, что близко общалась с Ходасевичем с 1934 по 1939 г. (см. приложение). В этой справке также представ-

ляет определенный интерес прием подчеркиваний, которыми определяются самые существенные биографические факты из жизни В. Ходасевича: начало и конец жизненного пути, близость общения с некоторыми важными литературными деятелями (А. Белый, М. Горький, В. Вейдле). Особо выделяется его подвижнический вклад в пушкиноведение.

Далее идет титульная страница с обозначением автора, названия и книгоиздательства публикации. После имени Ходасевича Головина дописывает: «(1886–†1939)», и внизу страницы: «1927 г.». В правом верхнем углу страницы находится запись, в которой уточняется, что поэтессой переписаны с экземпляра Н. Берберовой комментарии поэтических текстов, сделанные самим Ходасевичем:

«Заметки ко стихотв. по комментариям Ход. на экзempl. Н. Берберовой.

переписано мною) 1964.

(Старый или новый стиль?)» [13, титульные страницы].

На следующей странице Головина приводит список книг и основных, по ее мнению, статей В. Ходасевича. Крестиком отмечены книги из ее личной библиотеки:

«Книги Вл. Фел. Ходасевича

Молодость (стихи). 1908. Москва

+ Счастливый домик. 1914 (стихи). Москва.

+ Путем зерна. 1920-21. (стихи). Москва-Берлин.

Статьи о русской поэзии. 1922. Москва.

+ Тяжелая лира. 1923 (стихи). Москва-Берлин. Изд. Гржебина.

+ Державин. 1931. <? – зачеркнуто> изд. «Современные Записки».

Париж

+ Некрополь. 1939. Воспоминания. изд. Петрополис. Брюссель.

+ Собрание стихов (Путем зерна. Тяжелая лира. Европейская ночь)

1927. изд. Париж. «Возр.»

(посмертно) + Литературные статьи и воспоминания. изд. им. Чехова.

Нью-Йорк. 1954.

+ О Пушкине. Изд. Петрополис. Берлин. 1937.

посм. + Собрание стихов (1913-39). 1961. Мюнхен.

Статьи о русской поэзии. Россия 1922. Изд. город ??

+ «Событие Сирина» в русском театре (статья) «Совр. Зап. № 66. Париж. 1938

Отмечено + имеющиеся у меня книги и отдельные произведения, помещ. в журналах и сборн.» [13, титульные страницы].

Комментарии Ходасевича на экземпляре Берберовой достаточно известны и не представляют особого интереса в описании Головинской книги. Но на некоторых страницах можно также найти некоторые уникальные записи Головиной. Например, на странице 15, перед последней строфой стихотворения «Мельница»:

А теперь у мельника –
Лес да тишина,
Да под вечер трубочка,
Да хмельная чарочка,
Да в окне луна.

Написано: «“Трубочка есть, чарочка есть”. Г.Иванов. 1950» [13, с. 15].

После стихотворения «Перед зеркалом» дописано после обозначения 1924 г.:

«- 34

вспоминаю

эти стихи идя с ним знакомиться. Январь 1934 г.

(мне 23 г. – ему 48)» [13, с. 158].

Следующие интересующие нас записи находятся на странице 177. Здесь Головина переписывает стихотворение «Похороны» (Люб – мел. / Бел – гроб. / Спел поп. / Сноп стрел – / День свят! / Склеп слеп. / Тень – в ад!), дописывая «не помню откуда переписанные стихи Х. в 1933 г. Прага». Библиографические данные стихотворения находятся в 1957 г.: «Нашла. («Совр. Зап.». Париж. (№ 37. 1928) 1957. Брюссель» [13, с. 177].

На странице 178 сборника вклеен пригласительный билет на вечер В. Ф. Ходасевича «Воспоминания о Горьком» с надписью от руки «пригласительный» (Salle du musée social. 5, Rue Las-Cases, Paris (VII) – Métro: Solférino / Суббота, 14 ноября 1936 / В.Ф. Ходасевич. Воспоминания о Горьком / Начало в 9 час. вечера).

Начиная со страницы 183 в сборник вплетены белые листки. На них Головина записывает не вошедшие в данный сборник и посмертные стихи: «посмертные стихи, напечатанные в 69 и 70 №№ “Современных записок”. Париж. 1939» («Сквозь уютное солнце апреля», «Не ямбом ли четырехстопным», «С высот надзвездной Музикии», «Памятник», «(из чернови-ков)»); «Современные записки». Париж. № 35. 1928. «Дактили»; «Воля России» Прага. № 1–2. 1924. «Доволен я своей судьбой»; «Современные

записки». Париж. № 34. 1928. «Ночь». «Граммофон»; «Современные записки». Париж. № 37. 1928. «Веселье». «Скала».

На последней оборотной странице обложки находится экслибрис Алла Gillès de Pélichy и вклеенная вырезка из «Русской мысли» (№ 2233 21.XI.64. Париж (фото, рис. 7):

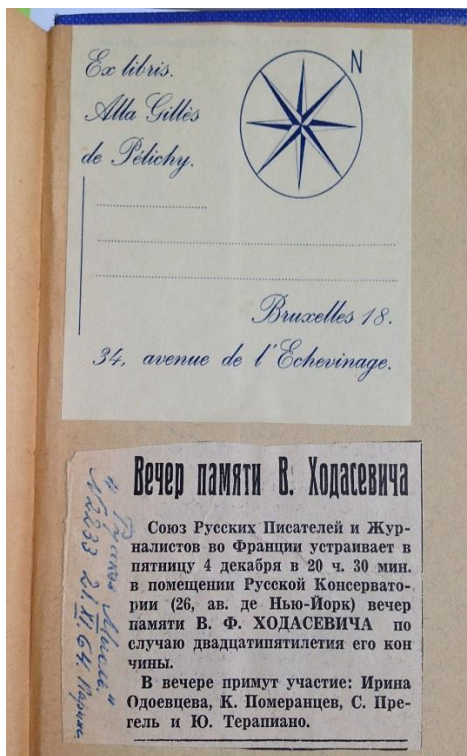

Рис. 7

«Вечер памяти В. Ходасевича»

Союз Русских Писателей и Журналистов во Франции устраивает в пятницу 4 декабря в 20 ч. 30 мин. в помещении Русской Консерватории (26, ав. де Нью-Йорк) вечер памяти В. Ф. ХОДАСЕВИЧА по случаю двадцатипятилетия его кончины.

В вечере примут участие: Ирина Одоевцева, К. Померанцев, С. Прегель и Ю. Терапиано».

Наглядный пример «Собрания стихов» также интересен и тем, что в нем можно проследить использование и функционирование помет не только на определенном узком текстовом отрывке, как было упомянуто во всех предыдущих текстах, но также и на уровне семантического единства целой книги.

Наши размышления, не связанные каким-то определенным «сюжетом» и основанные на записях Марины Цветаевой из фонда Лимонт и пометах в книгах из библиотеки А. Головиной, приводят к выводу о важности и необходимости использования в научных целях «поисковых фрагментов» маргиналий. Разрозненные рукописные записи, которые мы смог-

ли собрать и изучить на данный момент, показывают, что еще многие французские архивные «залежи» эмиграции ждут своих исследователей. Представители эмиграции дописывают на полях книг свои спонтанные, глубоко личные, интимные мысли и комментарии прежде всего для себя, пытаясь создать некий кусочек вечности в своем лично-творческом пространстве, не ориентируясь на предполагаемого читателя, что позволяет говорить о своеобразной дневниковости заметок, возникающей в духовной атмосфере русского зарубежья. Дальнейшая работа с фондом Медонской библиотеки может позволить открыть новые материалы из книг и других эмигрантских авторов, которые приведут нас, в частности, к лучшему пониманию субъективно-личного своеобразия художественного наследия русской эмиграции.

Список использованной литературы

1. Штейгер А. С. Дважды два четыре: стихи (1926–1939). Париж : Рифма, 1950. 61 с.
2. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris : Seuil, 1982. 576 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1965. 525 с.
4. Бобринской П. А. Стихи / предисл. Г. В. Адамовича. Париж : Imprimerie Beresniak, 1969. 91 с.
5. Цветаева М. И. Цветник // Благонамеренный. 1926. № 2. С. 126–136. FSJ. На экземпляре надписано рукой Головиной: «Куплено у <зачеркнута печать> Korniloff-Chaperon № 96 13, rue de Roumaine Bruxelles».
6. Бунин И. А. О Чехове. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. 412 с.
7. Закружная З. С., Коростелев О. А., Фролов М. А. Записи и выписки И. А. Бунина для академического собрания сочинений // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 65–73.
8. Закружная З. С., Коростелев О. А. «Сундук с вырезками» Ивана Бунина // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 65–73.
9. Коростелев О. А., Кузнецова Е. В. Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на одном томнике А. Блока 1946 г.) // Вестник Томского университета. Филология. 2019. № 58. С. 196–224.
10. Фонд Г. М. Лимонт. Иезуитская славянская библиотека Лионского университета.
11. Ремизов А. М. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж, 1949. 108 с. FSJ 890 с REM am 27.
12. Поплавский Б. Ю. Флаги. Париж : Числа, 1931. 92 с. FSJ 890 ПОП бп 4.

13. Ходасевич В. Ф. Собрание стихов. Париж : Возрождение, 1927. 183 с. FSJ 890 ХОД вф. 14.

14. Головина А. С. Вилла «Надежда» : Стихи. Рассказы. М. : Современник, 1992. 366 с.

Приложение

**Биографическая справка, записанная Аллой Головиной в 1957 г.
в своем экземпляре «Собрание стихов» (1927) В. Ф. Ходасевича**

«Малая справка. (Была знакома (близко) с ним с начала 34 г. и до конца)

записано в 1957 г.

Владислав Фелицианович Ходасевич родился в Москве в 1886 г.

Отец Х. был польским шляхтичем, лишившимся дворянства и земель <во время – зачеркнуто> за участие в польском восстании, в начале <30-х – зачеркнуто> 40-х годов. <Их – зачеркнуто> род Х. принадлежал к той же геральдической ветви, что и род Мицкевичей (семьи поэта).

Отец Х. был, по началу, живописцем (расписал один из костёлов в Вильно). Невозможность прокормить семью<,> заставила его перейти к коммерции. Имел, к моменту рождения поэта, первый в Москве магазин фотографических принадлежностей. Мать. крещ. еврейка – Брафман, дочь <сестра? – запись карандашом> автора «Книги кагалы <исправление карандашом “ы” на “а”>».

Х. родился, когда обоим родителям было “под 50”. Всегда был хвор и хрупок. Очень изящен. В детстве мечтал о балете. Страдал от грубости или некрасивости одежды. От бедности. Был некрасив, но исключительно обстоятелен (конечно, когда хотел). Газетная работа (статьи, критика, библиография) и переводы<,> спасали его от нищеты. Но эта же работа не давала ему возможности ни писать стихов, ни работать над биографией Пушкина («Поэтическое хозяйство Пушкина»). Скончался В.Ф. в 1939 г. в Париже. Будто-бы от “рака поджелудочной железы”, но были слухи, что его “зарезали”, приняв за рак камни в печени. У него не было сил “бороться за жизнь”, после операции. Был женат 4 раза. Был верующим (католиком). Считал себя – русским. Похоронен на кладбище – ? в Париже. (Бианкур).

Выехал из России в 1922 г.

Был близко дружен с А. Белым и М. Горьким, В. Вейдле.

автобиогр. см. стихи «Не матерью, но Тульской крестьянкой...» стр. 69 и Дактили. – IV. и в «Н. Русск. книге». № 7. 1922. Берлин» [13, титульные страницы].

Татьяна Владимировна Левицкая,

кандидат филологических наук,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, г. Москва, tanuhamozzzkva@yandex.ru

УДК 821.16.1

**Роман Н. А. Оцупа «Беатриче в аду»:
люди тридцатых годов на фоне дантовского ада**

Аннотация. Ю. К. Терапиано охарактеризовал тридцатые годы XX в. временем переоценки ценностей, когда на смену «человеку внешнему» [1, с. 211], довольствующемуся миражами и умозрительными выкладками, приходит человек, жаждущий истины, как бы неприглядна и страшна она ни оказалась. Статья посвящена роману Н. А. Оцупа «Беатриче в аду» (1939), который практически полностью выпал из литературной памяти. Дантовские образы, пронизывающие роман, не случайны: в зыбком двоящемся мире эмигрантского Парижа Данте становится для автора символом «прозрения и конкретности» [2, с. 241], указавшим на те формы выражения, в которых личное неразрывно связано с вечным.

Ключевые слова: Данте, молодое поколение, Н. А. Оцуп, Париж, тридцатые годы, эмиграция.

Tatiana Levitskaia

Candidate of Sciences in Philology, Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, tanuhamozzzkva@yandex.ru

**N. Otsup's novel "Beatrice in hell": people of the thirties against the
background of Dante's hell**

Abstract. Y. Terapiano characterized the thirties of the twentieth century as a period of the revaluation of values, when to replace the "external" contentment mirages and mental calculations, comes people wanting the truth, no matter how miserable and terrible it was. The article is devoted to N. Otsup's novel "Beatrice in hell" (1939), which has almost completely fallen out of literary memory. Dante's images that permeate the novel are not accidental: in the shaky, twofold world of emigrant Paris, Dante becomes for the author a symbol of "insight and concreteness", indicating those forms of expression in which the personal is inextricably with the eternal.

Keywords: Dante, the young generation, N. Otsup, Paris, the thirties, emigration.

Младший акмеист, соратник и ученик Н. С. Гумилева, Н. А. Оцуп известен как поэт, литературовед, критик и создатель эмигрантского журнала «Числа», ненадолго ставшего приютом для многих молодых литераторов. Г. В. Адамович в своей рецензии на поэтический сборник Оцупа «В

дыму» отмечал: «Стихотворения поэта отражают смятение человека “страшных лет России” перед всем, что довелось ему увидеть: катастрофы, потрясения, разрыв мировых декораций. Но впереди поэта ждет любовь, похожая на обожествление новой Беатриче» [3, с. 42]. И действительно, поэт встретил музу (супруга Н. А. Оцупа – Д. А. Карен), которой и посвятил свой единственный роман «Беатриче в аду» (1939). Правда, в итоге произведение оказалось посвящением не столько женщине, сколько эпохе. Искусственная любовная история просто теряется за обилием подробностей жизни русского Монпарнаса. Роман до краев наполнен страхами, сомнениями и чаяниями эмигрантского сообщества 30-х гг. Тут есть и ощущение надвигающейся катастрофы, и религиозный поиск, и недоверие к советской России, и попытки предугадать будущее русского искусства, и литературные споры того времени.

Критика холодно приняла роман. Особое недовольство рецензентов вызвала его форма. С. Савельев недоумевал, как строгий и внимательный к композиции поэт смог в прозе создать произведение поистине «дилетантской» беспомощности: в героях нет ни капли «живой жизни», они лишь «условные носители эмигрантских настроений» [4, с. 282]. Г. В. Адамович назвал первый прозаический опыт коллеги по перу авторской неудачей, отметив, что при чтении романа «вопрос о форме и сущности настойчиво “сверлит” сознание, а к концу становится чем-то вроде навязчивой идеи» [5, с. 3]. Оценив авторский замысел и страстность изложения, он сетует на ошибку в выборе жанра: Прекрасная Дама требует «воспевания» [5, с. 3], а не повествования, т. е. поэмы, а не романа. Критик Ю. В. Мандельштам не согласился с Адамовичем: по его мнению, «беспомощная форма» органична «неубедительному содержанию» [6, с. 9]: диалоги с претензией на философию, переполнившие роман, настолько избытны и примитивны, что вряд ли могут подарить читателю хоть толику «нового и существенного» [6, с. 9].

При чтении становится очевидно, что раскритикованная рецензентами в пух и прах форма – смесь философского романа с бульварным – передает атмосферу русского Парижа нагляднее всяких биографических отсылок. Читатель вынужден продираться сквозь лес умозрительных диалогов к трагичному финалу любовной истории художника и актрисы. Оцупу не удастся влиять на умы через рассуждения героев: скорее они представляют собой ту тину неразрешимых вопросов, в которой увязло целое поколение. В итоге роман становится своего рода посвящением «молодому поколению» эмиграции – шаткому образованию, оцепеневшему на перекрестье культур. Как отмечала И. М. Каспэ, это была «молодость, не имеющая преемников, но зависимая от предшественников» [7, с. 95] – первое поколение русских художников-эмигрантов было обречено стать послед-

ним. Оцуп не хладнокровный художник. Он не просто делает зарисовки тонущих в водовороте бесплодных рассуждений современников, но и пытается спасти их: отыскать нравственную опору для целого поколения. Непропорциональность произведения – не столько авторский провал, сколько следствие авторского поиска. Оцуп с первых строк романа выявляет проблематику произведения: утверждение художниками-эмигрантами факта собственного существования, поиск нравственного ориентира. Он обращает внимание читателей на возраст героев: художник Ртищев и писатель Бобров были приблизительно одних лет – около тридцати трех. Литератору Борецкому двадцать шесть лет. Борецкий в беседе с друзьями говорит о чувстве эфемерности, сопутствующем его пребыванию в эмиграции: если они, хоть и с натяжкой, но могут причислить себя к «старшему поколению», то он словно завис «между небом и землей» [8, с. 8] – России он почти не помнит, но при этом считается русским писателем.

Атмосфера промежуточности, неустойчивости пронизывает роман: главная героиня не может объяснить себе неодолимую тягу к эмигрантской среде (пытаясь уяснить возникшее чувство к Ртищеву, она восклицает: «русский, неужели в этом все дело» [8, с. 26]) и буквально разрывается между успешным лишь по эмигрантским меркам художником Ртищевым и сказочно богатым английским меценатом Рональдом; меняющийся под влиянием любви Ртищев ежеминутно чувствует борьбу ангела и дьявола за свою душу; Борецкий балансирует на грани преступления; Бобров ищет точки соприкосновения христианского и иудейского мировоззрений.

Смысл нескончаемых диалогов един – нащупать почву под ногами. В поисках опоры Оцуп обращается к дантовским образам. Для обитателей зыбкого двоящегося мира эмигрантского Парижа Данте стал утешительным примером: предшественником, поэтом-изгнанником, лишённым родины, но не изменившим своим идеям [см. 9]. Писатель Бобров за свое благоговейное преклонение иронично называет себя «дантистом». Главной героиней романа становится женщина-муза, современная Беатриче – Дженни Лесли, актриса русского происхождения, которая с 14 лет воспитывалась в Лондоне и которую Европа сделала знаменитой. Эта женщина влияет на судьбы трех русских эмигрантов: для писателя Боброва Дженни является нравственным ориентиром, воспоминанием о России; задавленного нищетой писателя Борецкого она спасает от преступления; а для художника Ртищева становится роковой возлюбленной. Образ Беатриче-Лесли был благосклонно встречен критикой: Адамович отметил новизну и важность образа; Савельев увидел новую для эмигрантской литературы искреннюю тоску по «воплощенной чистоте» [4, с. 282].

Дженни Лесли, перевоспитывая заядлого Дон Жуана Ртищева, соединяет в себе божественные и материнские черты: она пишет ему «Десять заповедей», которые он должен неукоснительно соблюдать, она же оберегает его от порочного влияния, наставляет, воспитывает: буквально «взрачивает» в нем душу. В романе Оцуп вновь обращается к мысли, высказанной им еще в записях 1934 г., – «отказ от искусства» тоже может стать подвигом, если «то, во имя чего отказываются, – может быть названо жизнью или волей к жизни» [10, с. 200]. Под влиянием своей «Беатриче» Ртищев отказывается от творчества и коммерческого успеха, углубившись в самопознание. В диалоге с профессором Шредером и фанатически религиозным художником Трюмо он делится сокровенной тайной: любовь к женщине становится его путеводной звездой на пути к Богу и единственной религией, ведь «без любви нет триединства» [8, с. 193]. Чувство меняет сознание Ртищева: личная история сливается с мировой. Герой уверен: «От любимой женщины, как от Бога для верующего, обязательно должна исходить благодать. Она должна быть выше, неизмеримо выше человека ее любящего. Я и вашу веру в Него понял только через такую любовь» [8, с. 196]. Беатриче-Лесли сделала из героя «почти христианина» [8, с. 246], узревшего в перипетиях собственной судьбы примеры «кары и воздаяния» [8, с. 246]. Встретив Ртищева после их разрыва – нищего маляра с «идиотским восхищением» [8, с. 240] слушающего ее пение в ресторане, – Дженни публично называет его своим мужем, перечеркивая этими словами свое будущее и отрекаясь от успешной карьеры. Духовно переродившийся герой, осознав себя мучителем, утягивающим возлюбленную на дно, не может позволить себе истребить ее «свободу, искусство, жизнь» [8, с. 247] и совершает самоубийство.

Беатриче, спустившись в монпарнасский ад, вынуждена искать спасения, и если прочитывать этот образ символически, то «русская муза» встает перед выбором: или раствориться в иной культуре, или погибнуть. Распутье, на котором задумчиво стоит героиня, отражает настроения эмигрантского сообщества тридцатых годов, словно оцепеневшего в предчувствии катастрофы. В публицистике все чаще и чаще встречается понятие «гибель Европы» [7, с. 88], а советская Россия предстает «территорией пугающей и непонятной новизны» [7, с. 88]. Возлюбленный героини Рональд становится символом умирающей европейской культуры. Он не появляется в романе, существуя лишь в упоминаниях, портретах, письмах. Осуждая таинственного мецената за излишнюю уступчивость, Бобров размышляет: «Рональд ведет себя, как полагается обреченному миру: мне время тлеть, тебе цвести... Но зачем, зачем уступать? Ведь он-то и нужен ей. О, этот рыцарски уступчивый Запад! Он как будто извиняется за свои достоинства... Перед кем? Перед своей же распутной богемой, рядом с

которой ему неловко за свое благоустроенное существование, перед восточным мифом о равенстве, в лучах которого ему неловко за свои инстинкты собственности» [8, с. 98]. В выборе между Рональдом и Ртищевым (читай, между европейским и русским культурными кодами) одну из решающих ролей сыграла встреча героини с родственниками, приехавшими из Советской России. На фоне еще молодой, но уже измученной, «столетней в своем равнодушии ко всему, кроме спасения жизни детей» [8, с. 209] жены брата успешная европейская актриса выглядит до неприличия блистательно. А разговоры с племянницей, желающей отправить своих заграничных дядюшек на Лубянку, чтобы сбить с них буржуазную спесь, окончательно убеждают ее в том, что прежней России больше нет. Диалог между родственниками, говорящими на одном языке, но находящимися бесконечно далеко друг от друга, точно передает настороженное отношение эмигрантов к людям «оттуда». Страх перед этими «новыми» (советскими) русскими лаконично выразил А. Алферов в своем докладе, прочитанном в «Зеленой лампе» в 1933 г.: «Мы боимся тамошних новых людей (даже в фотографии близких вглядываемся с недоверием) и часто принимаем за новое то, что прежде не заметили» [12, с. 202].

Антиподом Беатриче является женщина русского происхождения, жена немецкого ученого Шредера, демоническая красавица с говорящим именем Ада. Противопоставление героинь наглядно продемонстрировано в размышлениях Борецкого о сущности красоты: «Ведь и Ада Шредер красива, – задумывается герой, – и я именно ее и хочу, а какая разница между ней и Дженни Лесли. Это как *amor sacra* и *amor profana* у кого-то из великих художников. Как любовь, очевидно и красота может быть священной и низкой» [8, с. 159]. В отличие от практически бесплотной Дженни Лесли, образ Ады весь состоит из чувственности, апофеозом которой становится обнажение на костюмированном балу (два “дьявола” срывают с нее платье). В образе ведьмы на шабаше она появляется во сне Шредера, в котором ее роль в качестве королевы Монпарнаса утверждается окончательно. Но и Беатриче в пространстве ада теряет ориентиры: как Вергилию не был доступен Рай, так и не должен быть доступен Ад для Беатриче. Трагичность смешивается с пошлостью, свет блекнет, ирония убивает полет. Измельчавшая эпоха приносит измельчание вечных образов: «мировая скука – тень мировой скорби» [8, с. 159]. Как метко отметил в своей рецензии Савельев, «по аду и Беатриче» [4, с. 283]. Образы дwoятся: в чаду эмигрантского Парижа в Дженни Лесли все отчетливее проступают черты ибсеновской Гедды Габлер, а самоубийство Ртищева из акта героического самоотречения превращается в признание своего поражения – нищий эмигрант не годится в мужа успешной актрисе. Если в традиционной расстановке сил судьба молодой женщины в эмиграции могла

иметь «счастливый финал» (успешное замужество и растворение в иной культуре), то для мужчин «незамеченного поколения», перед которыми закрывались все двери, изгнание имело гораздо более трагичные последствия.

Взбесившаяся эпоха смешивает вечное с сиюминутным, высокое с низким, подлинное с ложным. И все вертится, двоится, тонет в чертовщине парижских кафе. Монпарнасцы занимаются лишь междоусобными склоками да бездушными стилистическими играми – но как отыскать смысл, когда «вместо носа и мира, и Бога – ничего: дырка» [8, с. 138]. Оцуп сравнивает Париж с Летучим Голландцем, который на всех парусах несется в бездну. Этот образ обреченного корабля созвучен образу, созданному Б. Поплавским: он приводит своего героя в «ковчег мирового потока – мировой войны» [11], который строился на Монпарнасе. Обреченный ковчег появляется и в романе Оцупа в диалоге Шредера и Борецкого, где общей родиной эмигрантов провозглашается палуба корабля, а сами изгнанники напоминают команду, связанную не на жизнь, а на смерть, общей бедой.

Описание порочности эмигрантского сообщества вызвало бурное недовольство. Ю. Мандельштам осудил Оцупа за очернение монпарнасцев: он посчитал, что автор чрезмерно «сгустил краски», не высмеивая, а бичуя мир русского Парижа [6, с. 9]. Его же критик обвинил и в неприкаязности молодежи: именно вокруг «Чисел», по его мнению, сложилась удушливая «монпарнасская атмосфера» [6, с. 9]. Г. Адамович был уверен, что высокие идеи романа оскудели от необоснованно пренебрежительного отношения к богеме. С. Савельев не мог побороть чувство брезгливости: ад Оцупа больше походил «на ад передоновский, нежели дантовский» [4, с. 283].

Но существует ли истинный дом для художника-эмигранта, или, оторвавшись от корней, он навсегда обречен на вечные скитания и творческую бесплодность?

Оцуп отыскал опору в «прописной морали» и подлинном искусстве: позднее, уже в 60-е гг., в статье о персонализме он прямо провозгласит «ценность “вечности” как оборотной стороны “современности”» [7, с. 90]. Вечность становится единственным приютом для художников: Оцуп называет Пушкина и Данте своими современниками. Великий флорентинец предстал неизменным спутником изгнанников, живущих в катастрофические эпохи: «Для нас он – современник. Он писал свою поэму в 1300 году, думая, что наступил конец мира. Мы имели бы право думать то же самое. Апокалиптическое значение наших дней отмечалось не раз самыми разнообразными мыслителями, даже не склонными к мистике. И нам, как

Данте, самое важное до конца проверить себя и хозяйство всех веков» [2, с. 239].

В этой же статье Оцуп охарактеризовал дантовскую Беатриче как «самый смелый синтез философии, богословия и реальнейшей здешней человеческой любви, восторженной до экстаза и трезвой как алгебра» [2, с. 240]. Пушкин – русский двойник Данте: «Пушкинская легкость не менее морально и художественно ответственна, чем тяжесть Данте» [2, с. 242]. Оцуп видел и в Беатриче и в Татьяне Лариной образы вечной женственности – «нетленные, прочные, божественные» [13, с. 248] – отличные от зыбких двоящихся фантомов обманчивого мистицизма романтиков. Соединив русский образ с мировым, размышляя об универсальности нравственного абсолюта, автор попытался создать вневременное и безграничное пространство, в котором должен обитать настоящий художник. Следует отметить, что в более поздних теоретических выкладках эти идеи звучали вполне убедительно, но в романе «Беатриче в аду» на первом плане оказались вовсе не «вечность» и не Данте, а судьбы людей тридцатых годов.

Список использованной литературы

1. Терапиано Ю. К. Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210–212.
2. Оцуп Н. А. Персонализм как явление литературы // Оцуп Н. А. Современники. Нью-Йорк : Орфей. 1986. 344 с.
3. Адамович Г. В. Рецензия на сборник Н. Оцуа «В дыму» // Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные беседы. Кн. 2. («Звено» 1926–1928). СПб. : Алетейя, 1998. 506 с.
4. Савельев С. Николай Оцуп. Беатриче в аду // Критика и библиография. Современные записки. 1940. С. 282–283.
5. Адамович Г. В. Литературные заметки // Последние новости. 1939. 6 июля. С. 3.
6. Мандельштам Ю. В. «Беатриче в аду» // Возрождение. 1939. 21 июля. С. 9.
7. Каспэ И. М. Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. М. : Новое литературное обозрение. 2005. 190 с.
8. Оцуп Н. А. Беатриче в аду. Париж : Дом книги, 1939. 247 с.
9. Николюкин А. Н. Данте и русская эмиграция // Данте Алигьери: pro et contra, антология. Т. 2 / сост., вступ. ст. М. С. Самариной и И. Ю. Шауба ; коммент. М. С. Самариной, И. Ю. Шауба, Е. А. Булучевской. СПб. : РХГА, 2019. С. 442–452.
10. Оцуп Н. А. Из дневника // Числа. 1934. № 10. С. 200–203.

11. Поплавский Б. Ю. Домой с небес. URL: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j/text_0110.shtml (дата обращения: 10.03.2020).

12. Алферов А. Эмигрантские будни. Доклад, прочитанный в «Зеленой лампе» // Числа. 1933. Кн. 9. С. 200–206.

Елизавета Ильинична Исаева,

кандидат филологических наук, доцент,
Театральный институт имени Бориса Щукина,
Россия, г. Москва, elizaveta50@list.ru

УДК 314. 743, 82.3

**Изгнание в психологическом аспекте:
концепция личности в прозе Гайто Газданова**

Аннотация. XX век – век исторических катаклизмов – в корне изменил представление о природе личности, закономерностях ее взаимодействия со временем и социумом. Следствием распада историко-социальных моделей стал распад личности, понимаемой как некая целостность, устойчивое единство в социальном и психологическом аспекте. В истории России прошлого века проявлением такой трансформации понятия «личность» стала ситуация изгнанничества. Биография писателя Гайто Газданова (1903–1971) сама оказалась воплощением судьбы изгнанника. Такого рода опыт лег в основу его концепции личности, своеобразной и содержательно, и эстетически. Тем самым эстетика Газданова обозначила новую страницу в развитии отечественной прозы.

Ключевые слова: русское зарубежье, Г. Газданов, личность, трансформация, психология изгнания.

Elizaveta Isaeva

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Russia, Moscow,
elizaveta50@list.ru

**Psychological aspects of Exile:
the concept of personality in prose by Gaito Gazdanov**

Abstract. The twentieth century – the century of historical cataclysms – fundamentally changed the idea of the nature of the individual, the laws of its interaction with time and society. The collapse of historical and social models has led to the collapse of the personality, understood as a kind of integrity, a stable unity in the social and psychological aspect. In the history of Russia of the last century, the situation of exile became a manifestation of such a transformation of the concept of personality. The biography of the writer Gaito Gazdanov (1903-1971) itself turned out to be the embodiment of the fate of the exile. This kind of experience formed the basis of his concept of personality, original and substantial, and aesthetically

pleasing. Thus, the aesthetics of Gazdanov marked a new page in the development of domestic prose.

Key words: Russian emigration, G. Gazdanov, exile, individual, transformation, social models, concept.

XX век – век исторических катаклизмов, мировых войн, революций, восхождения и падения диктаторских режимов – в корне изменил казавшиеся незыблемыми представления о природе человека и закономерностях его взаимодействия со временем и социумом. Когда «распалась связь времен», стало очевидным, что распалась и человеческая личность, понимаемая как некая целостность, устойчивое единство как в социальном, так и в психологическом аспекте.

Ностальгическая формула Бродского «В каких рождались, в тех и умирали гнездах» уже не соответствовала действительности. Человек при стремительной смене «цветов времени» мог прожить словно не одну единственную, неповторимую, а несколько вариаций своей жизни. Степень и глубина трансформации личности при этом могли быть различными – от поверхностной социальной мимикрии до полной перемены судьбы.

Если подобное неравенство человека самому себе можно определить как социально-психологический инвариант, то варианты, модели могут быть многообразны, конкретика определяется временем и местом. В отечественной истории прошлого века событием, определившим великое множество искажений изначально заданных человеческих судеб, стала катастрофа революции – Гражданской войны – эмиграции. Ситуация изгнанничества трансформировала понятие «личность». Эта проблема стала главенствующей в творчестве одного из наиболее заметных писателей русского зарубежья Гайто Газданова. Сама биография писателя оказалась символическим воплощением судьбы изгнанника. Гимназист, с шестнадцати лет – рядовой Добровольческой армии, в эмиграции – рабочий завода «Рено» и студент Сорбонны, водитель ночного такси в Париже – и писатель. Первый роман Газданова «Вечер у Клэр» (1929) был и художественным воссозданием прошлой жизни, и прощанием с ней.

Определившийся к концу 20-х гг. образ жизни Газданова в изгнании также был лишен цельности: ночью он был шофером такси, днем – писателем. Попытка стереть черту между ночной и дневной жизнью (о чем рассказано в автопсихологическом романе «Ночные дороги») оказалась бесплодной, это каждый раз должно было быть абсолютное и совершенное перевоплощение. В этом он был не одинок. Как напоминает биограф Газданова Ольга Орлова, так же делилась надвое жизнь его собратьев по литературному цеху: Юрий Терапиано работал упаковщиком, Александр

Гингер – инженером, Юрий Софиев мыл стекла, Довид Кнут развозил товары, Екатерина Бакунина продавала лотерейные билеты [2, с. 98].

Мотив причудливых метаморфоз человеческой личности, рожденный личным опытом, станет доминирующим в прозе Газданова. Судьбы русских эмигрантов давали ему обширный прототипический материал. Первые подступы к этой теме обозначились в рассказах, название одного из них – «Превращение» – можно считать объединяющим и символическим.

«Ночные дороги» (1939–1952), по определению автора монографии о Газданове Нугзара Цховребова, «привязаны» к самой жизни, реальности [3, с. 130]. Такая установка на подлинность обусловила описание перевернутых судеб как неоспоримых фактов, зафиксированных повествователем: «...В пьяном старике с седыми усами и мутным взглядом, которого я встретил в маленьком кафе одного из парижских пригородов... – я узнал свирепого усатого генерала, которого помнил по России, высокомерного и жестокого начальника», по слухам, уехавшего после пышного банкета преподавать баллистику не то в Аргентину, не то в Бразилию. «Это он себе похороны устраивал, – сказал я, – вот почему эта поминальная роскошь. – Бразилия, Аргентина! а в самом деле, сырая рабочая гостиница в шести километрах от Парижа, заводская сирена, красное вино, ежедневное хождение на фабрику <...> и ни одного утешения с той самой минуты, когда дымным осенним вечером нагруженный до отказа пароход вышел в бурное море, оставляя навсегда берега побежденного Крыма» [1, т. 1, с. 492].

Эти отдельные зарисовки соединяются в целостную концепцию в романе «Призрак Александра Вольфа» (1947). Мотив разных жизней одного человека становится здесь сюжетной основой повествования, он определяет способ существования обоих героев. Повествователь, чей образ, бесспорно, автопсихологичен, переживает достаточно типичную метаморфозу: от подростка-бойца в Добровольческой армии до изгнанника, чья жизнь состояла наполовину «из воспоминаний, сожалений, предчувствий и смутного ожидания». Символично – при всей конкретике биографии и образа жизни – отсутствие у него имени: ни собеседники, ни возлюбленная к нему напрямую не обращаются.

Герою, чье имя вынесено в заглавие, даны жизни, психологически резко противоречивые: в одной он – Саша Вольф, боец конного партизанского отряда, вовлеченного в Гражданскую войну на Юге России, авантюрист, пьяница, любитель женщин, в другой – пишущий изысканную английскую прозу Александр Вольф, перу которого принадлежит сборник «I'll Come To-Morrow». «Мне больше всего хотелось знать... как Саша Вольф, авантюрист и партизан, превратился в Александра Вольфа, написавшего такую книгу» [1, т. 2, с. 26]. Границу между этими не равными

друг другу людьми проложила смерть, по выражению Вольфа, «промахнувшаяся», но уже вошедшая в сознание, получившая даже конкретный облик, так не совпадавший со «страшным, железным лицом» его сновидений – «...мальчик, наверное, четырнадцать или пятнадцать лет, с обыкновенной и некрасивой физиономией, которая не выражала ничего, кроме явной усталости» [1, т. 2, с. 12]. Александр Вольф не умер благодаря случайности, и эта несостоявшаяся смерть начинает жизнь другого человека, столь же реальную, сколь и призрачную – в его собственном восприятии. Эпиграфом к своему рассказу писатель Вольф поставил строку из Эдгара По: «Подо мной лежит мой труп со стрелой в виске». Но и он, всадник на апокалиптическом белом коне, вскинувший винтовку к плечу, тоже нес смерть – тому же усталому мальчику с сонными глазами.

Александр Вольф не двойник и не антипод повествователя, а вариант его судьбы, при том, что инвариант у них один и тот же. Ситуативно – это Гражданская война, когда идея убийства «была облечена в форму двойной неизбежности: нести с собой смерть или идти ей навстречу, убить или быть убитым» [1, т. 2, с. 102]. Психологически – это способность к убийству, той же войной сдвинутая из подсознательных глубин в пространство возможного действия: «...Он не мог не знать эту безличную притягательность убийства, которую так отдаленно и теоретически знал и я и с которой началась история мира – в тот день, когда Каин убил своего брата» [1, т. 2, с. 102].

Концепция многовариантности человеческого существования, утвердившаяся в прозе Газданова, с очевидностью соприкасалась с принципами философии буддизма. И образ Будды возникает в следующем после «Призрака...» романе – «Возвращение Будды» (1949): как сюжетный стержень, доминирующая ассоциация и психологический лейтмотив.

В этом романе многое уже традиционно для эстетики Газданова. Прежде всего, это задающий интонацию автопсихологический образ повествователя. В экспозиции воссоздана тоже уже знакомая коллизия – причудливая трансформация судьбы изгнанника. В этом романе она словно описывает круг: нищий, которому Повествователь подал милостыню, по своим манерам явно принадлежавший к сброшенным на парижское дно русским беженцам, получил нежданное наследство и смог вернуться к облику своего прежнего «я» – обеспеченного интеллигента Павла Александровича Щербакова.

Через его судьбу в фабулу романа введен образ Будды. Золотая статуэтка индийского божества, мирно стоявшая на книжной полке кабинета Щербакова и украденная убийцей, оказывается единственной уликой, доказавшей невиновность главного героя. Но этот сюжетный ход не исчерпывает реминисценции, связанные с образом Будды. В романе присут-

ствуется линия, связанная с одной из основополагающих идей буддизма – реинкарнацией. Герой, лишенный психологической определенности, оказывается подверженным своего рода душевному недугу: независимо от своей воли он может погружаться в иные существования, логически никак с ним не соприкасающиеся. Но и оставаясь самим собой, в моменты, названные им «душевыми обмороками», герой переходит в миры, рожденные лишь его воображением. Так возникает в романе эпизод пребывания в тюрьме несуществующего Центрального государства.

Таким образом возникает эстетический парадокс прозы Газданова. С одной стороны, в основополагающих своих характеристиках она существует по традиционным реалистическим канонам. Но в построении характера писатель отходит от важнейших для реализма принципов обусловленности – исторической, социальной, психологической, предполагавшей некую определенность очертаний личности и предсказуемость человеческого поведения. Газданов не обращается к истокам формирования характера своих персонажей, не воссоздает биографий, не мотивирует переход из одного состояния в другое, отсутствует даже сюжетная детализация их причудливых превращений. Все накопленные в реалистической эстетике приемы, работающие на принцип обусловленности человеческого поведения, отодвинуты. Персонажи Газданова воссоздаются в исходных и конечных точках своего существования, психологическое движение между ними не становится предметом анализа. В рассказах такой принцип может быть объяснен жанром, накладывающим определенные ограничения на объем текста. Однако те же подходы сохранены и в романах. В «Возвращении Будды» вне истолкования остается путь, приведший Павла Александровича Щербакова на улицу Simon le Franc в Париже – месту, символизирующему беспросветную нищету и отчаяние. Лишь один эпизод из его прошлого, при этом только через внешние детали, говорит о том, что Павел Александрович был офицером. Второстепенный персонаж романа, Костя Воронов, предстает в облике парижского клошара – «в засаленном и обтрепанном пиджаке, в узких и дырявых штанах, небритый и мрачный» [1, т. 2, с. 182]; но неизменно напоминает, что он «поручик императорской армии», который «отличился неустрашимым мужеством, подавая пример офицерскому составу и подчиненным» [1, т. 2, с. 181]. Расстояние между этими двумя состояниями остается вне его воспоминаний.

Такие биографические «белые пятна» – константа в романах Газданова. Художественным обоснованием является здесь сама структура повествования: его ведет не всезнающий автор, а рассказчик – свидетель и участник происходящего, который посвящен только в то, что персонажи хотят или могут ему поведать. Так, прошлое персонажей может оставаться загадочным из-за нежелания хранить воспоминания о нем: после смерти

Павла Александровича остался лишь константинопольский паспорт с французской визой: «...Все эти годы, со дня рождения до даты, стоявшей на константинопольском паспорте, были совершенно пустые – ни бумаг, ни фотографий» [1, т. 2, с. 155]. Обозначена и другая ситуация: в противоположность подлинным судьбам в среде русских беженцев возникает своего рода жанр вымышленной биографии – в качестве «возвышающего обмана» или с банальной целью получить деньги, как это происходит в рассказе «Письма Иванова». Ни то ни другое не может быть ключом к пониманию истины. Газданов словно утверждает несущественность поворотов индивидуальных судеб, коль скоро они объединены одной исходной точкой – изгнанием.

В творчестве писателя утверждаются иные закономерности воссоздания личности – не формирование и закономерная эволюция, а преобразование и метаморфоза, толчком к которым становится радикальное изменение социально-исторического контекста. Ситуация изгнанничества обозначила путь к концепции личности у Газданова, своеобразной и содержательно, и эстетически, обозначив тем самым новую страницу в развитии отечественной прозы.

Список использованной литературы

1. Газданов Г. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Согласие, 1996. Далее цитаты из произведений Гайто Газданова приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Орлова О. Гайто Газданов. М. : Мол. гвардия, 2003. 275 с.
3. Цховребов Н. Гайто Газданов: жизнь и творчество. Владикавказ, 2003. 269 с.

Татьяна Фёдоровна Куприянова,

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, tat66360700@yandex.ru

УДК 821.161.1

«Где ты, страждущая душа, моей родная? Что там развеяно, по мирам угасшим?!»

Аннотация. Статья посвящена эмигрантскому периоду творчества писателя Ивана Сергеевича Шмелёва, в частности эпопее «Солнце мёртвых», написанной через несколько месяцев после приезда во Францию, и сборнику статей, опубликованных писателем в разных газетах за период с 1924 по 1950 г.

В центре внимания автора важная для творчества писателя проблема: нашли ли продолжение в публицистических выступлениях И. С. Шмелёва разных лет мотивы, что определяли тематические линии и стали основополагающими в художественном мире первого произведения писателя времён эмиграции.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, И. С. Шмелёв, эпопея, тема России, душа.

Tatyana Kupriyanova

Candidate of Sciences in Philology, Lecturer, St. Petersburg State University,
Russia, Saint-Petersburg, tat66360700@yandex.ru

«Gde ty, strazhdushchaya dusha, moyey rodnaya? Chto tam razveyano, po miram ugasshim?!»

Abstract. The Article is devoted to the emigrant period of the writer Ivan Shmelev's creative work. The focus is on the epic "Sun of the dead", written a few months after arriving in France, and a collection of articles published by the writer in various Newspapers between 1924 and 1950. The report examines the problem: whether the motives that defined the expression of thematic lines and became fundamental in the material of the first work of the writer of the emigration times found continuation in the publicistic speeches of I. S. Shmelev of different years.

Keywords: Russian Emigration, I. S. Shmelev, epic, theme, Russia, soul, unity.

Слово **душа**, ставшее частью названия этого сообщения, стало также одним из двух слов названия сборника и первой его статьи: «Душа Родины». Оно входит в название трёх глав сборника: «Душа России», «Душа Москвы», «Удар в душу» и в название одной из главок эпопеи Ивана Сергеевича Шмелёва «Солнце мёртвых». Тридцать пять главок эпопеи, среди которых «Пустыня», «Что убивать ходят», «Хлеб насущный», «Волчье логово», «Игра со смертью», «Круг адский», «Конец доктора», «Хлеб с кровью», «Земля стонет», есть главка «**Жива душа!**». Предикативную силу этому названию придаёт краткая форма прилагательного. Смысловая составляющая усилена восклицательным знаком.

Автор-повествователь эпопеи в своём настоящем времени её написания – март – декабрь 1923 г. – редко использует форму прошедшего времени. Для него и через месяцы всё, что было в 1920–1922 гг., есть сейчас в его настоящем.

*«Низко плывёт по балке стервятник... **Теперь** я хорошо знаю, как трепещут куры, как... стоят в дрожи вытягивая и вбирая шейки...*

Хорошо знаю, как люди людей боятся, – людей ли? – как онемело роют себе могилы.

Ястребам простится: это их хлеб насущный<...> тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребёнка» [1, с. 24].

Написанная в 1923 г., уже в эмиграции, эпопея «Солнце мёртвых» в 1924 г. вышла отдельной книгой. Переведённая более чем на десять иностранных языков, названная самой страшной из всех книг, написанных на русском языке, эпопея рассказывает о том, что происходит **теперь**, соотнося события настоящего, когда вся сила у **тех, что убивать ходят**, с тем, что было в прошлом. Стадно организованные, подчиняющиеся, **те, что убивать ходят** – которым **всё можно** [2, с. 91, 92], действуют в эпопее в актуальном для её повествователя **теперь**, смысловая наполненность которого находит выражение в референтном соотношении сообщаемого не только с событиями объективной реальности, но и с прошлым: «*Покинутые кони по холмам стояли, качались. Белеют теперь их кости*» [1, с. 26]. «*Убил ли Коряк, – не важно. Теперь – не важно. Убил... – слово совсем пустое*» [1, с. 63]. На каждом шагу в настоящем повествователя – уничтожаемое или уже уничтоженное: «*Заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! – и новый хозяин, недоуменный, повыбил стёкла повырвал балки... повыпил и повылил глубокие подвалы, в крови-вине поплавал...*» [1, с. 12].

Как преодолеть разрушительное воздействие внешнего мира? «*Я... упора себе ищу... С детства ещё привык отыскивать С о л н ц е П р а в д ы...*» [1, с. 62]. Каждый, через чью жизнь прошла трагедия 1917–1921 гг., отвечал на предъявленные жизнью вопросы сам. К автору «Солнца мёртвых», сказавшему: «*Бога у меня нет: синее небо пусто*» [1, с. 16], Небо вернулось. К православному – с приходом мусульманина. Как соотносить представленный повествователем разрушенный мир прежней жизни с тем единственным в эпопее гимном Богу и с той страстной молитвой, которые последовали за полными тоски по Небу страницами и которые были вызваны ночным приходом одного и царским по тому времени подарком другого татарина?

«*Теперь ничего не страшно. Теперь и х нет. Знаю я; с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из тёмного угла смотрит, из маленьких глаз татарина. Татарин привёл Е г о! Это Он велит дождю сеять, огню – гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше и освети! Ты в с ё можешь! Не уходи от нас, Господи, останься. В дожде и в ночи пришёл Ты с татаринном, по грязи... Пребудь с нами до солнца!*» [1, с. 154].

Есть сила, способная преодолеть разрушение, – единство. Глобальное единство каждого человека друг с другом. Единство, достигаемое пониманием, а понимание, достигаемое через ощущение другого как себя

самого. И как продолжение единства человека в другом – единство и продолжение конфессиональное, одной религии – в другой, через осознание единого Бога как Создателя.

Для творчества, но более вероятно, и для миропонимания И. С. Шмелёва подобный гимн, пропетый ликующей восстанавливающейся душой, спонтанно возникший в душе, не единственный. В написанной через десять лет после начала эмиграции повести «Няня из Москвы» уже простая русская женщина, не слышавшая, скорее всего, и слова такого – всеединство – принимает в свою православную душу иноверца, тоже татарина. Потому, что и ей с её Катинькой гибели помог избежать тоже татарин: *«...да как же я не догадалась-то?! Да мне бы всё татарину тому подарить! Месяцу молится, а верный-то какой. Ведь он в рай попадёт, в ра-ай... и спрашивать не будут, какой веры. Голову свою за нас клал. Да без него бы, может и в живых-то нас не было. Ну, вот, возьмите... таттарин, а и у него совесть есть. Только до месяца мог понять, а если бы он да Христа-то знал, в святые бы попал...»* [3, с. 144]. Тема разграбления России чужими звучит в этой повести так же горько, как и в эпосе тема разрушения России своими: *«В Париже... у старьёвщика... чего-чего не наставлено! И иконы наши, и царские врата, краденые, и кресты крестильные, всего-всего... – пёрышки-то наши как разлетелись по всему белу-свету... Так вот и грабили, на корабли волокли. Весь Крым и вытряхнули, за грош без денежки... Каждый день пароходы отходили, полным-полнёхоньки»* [3, с. 115].

Тема подвига Русской Добровольческой армии времён Гражданской войны и преклонения перед представленным её воинами примером безоглядной смелости ради других также звучит и в эпосе, и в сборнике.

В минуты всеохватной гибели всего живого со всем живым прощаешься как с самым дорогим. Прощание повествователя эпоса с ушедшей на его руках курочкой – это прощание с тем, с кем он не смог проститься в своей реальности, с самым дорогим, кто ушёл из его жизни: *«Счастливая ты, Торпедка – на добрых руках уходишь! Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце моё живое, прощай! А сколько теперь больших, которые знали солнце и кто у х о- д и т во тьме!.. Ни шёпота, ни ласки родной руки...»*

«Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых... Родину защищали. Родину и Европу защищали на полях прусских и австрийских в степях российских. Теперь, замученные, попали они в подвалы... Из подвалов их брали и убивали» [1, с. 26].

Для того, чтобы знать от самого Ивана Сергеевича, что не вымышленные персонажи, а реальные люди ходят и тыкаются по страницам его эпоса, нужно прочитать небольшие книги, вышедшие в алуштинском из-

дании, где называются реальные адреса реальных живших в двадцатые годы в Алуште местных жителей и приехавших в свои дома жителей других российских городов [5]. Но самым главным свидетельством документальности описанного в «Солнце мёртвых» можно считать заявление И. С. Шмелёва по поводу одного судебного дела, представленное в сборнике «Душа Родины» на 184-й странице. С полным указанием своего звания и парижского адреса, с точным указанием, когда и где он проживал в Крыму, с полными подробностями описаниями людей, живших в двадцатые годы в Алуште и связанных с ними ситуаций. Заявление содержит тринадцать пунктов подробной информации о том, когда и за что был арестован его сын, офицер, прошедший Первую мировую войну. Указано количество военных и полицейских чинов, расстрелянных в те годы в Крыму; с полным указанием званий и имён представлены фамилии тех, кого лично знал писатель и кто был расстрелян; со ссылкой на официальную медицинскую статистику указано количество расстрелянных местных жителей, а также имена трёх самых известных руководителей новой власти, под чьим руководством проводилась новая политика. Заявление содержит клятвенное подтверждение, что всё изложенное в нём – правда.

Этот документ позволяет рассматривать текст эпопеи не как представление, измышление или запись с чьих-то слов повествователем того, что происходило в двадцатые годы в Крыму. Эпопея – рассказ о том, чему свидетелем был сам писатель. А сборник «Душа Родины» нельзя назвать расширением мотивов эпопеи. Но можно говорить, что он – документальное расширение текста эпопеи. Указанный документ позволяет рассматривать представленную в художественном произведении жизнь на полуострове как документальное свидетельство, подтверждённое опубликованными этим же писателем статьями и эссе.

Статьи сборника: «Крестный подвиг», «Душа России», «Вечный завет», «Подвиг», «Сынам России» – об армии. Об офицерах и солдатах. Кто были они? Первая статья говорит о тех, кто не бросил фронта весной 1917 г. и остался в строю, несмотря на приказ номер один. Потому что три года назад они шли воевать за Россию. А она ещё не была освобождена. Уже в ноябре 17-го года растерянная власть им кричала: революция в опасности! Но три года назад они шли защищать не революцию. Они шли защищать Россию. Но они пошли выполнять и этот приказ новой власти. А потом были годы скитаний: Юг, север, Ледяной поход, Урал, Кубань и... Крым. И все эти годы стреляли им в спину. Их бросали больных и мучили в чрезвычайках. И это о них досуже говорили: они борются за угнетение России! А кто были, эти не бросившие оружия и военных окопов люди? «...То были сыновья России. Были среди них казаки, и сыновья – купцов, рабочих, мещан, крестьян, дворян, – всего народа. Это з н а ю т.

Они оставили училища, прилавки, инструменты, косы, плуги, книги, свои стихи, своих невест, свои надежды... пошли искать, добыть Россию... Тысячи таких были. Только жертвой перед Безмерным можно признать т а к о е !» [2, с. 22–24]. Их давно обвиняют, что была и жестокость, были и расстрелы, были и грабежи. Писатель не принимает этих обвинений. Не они первыми применили оружие против своих же. Не они вешали без суда офицеров ещё на фронтах. Не они стреляли им в спину! «Но “зверством” не закрыть Ж е р т в ы !» [2, с. 25]. Это статья – января 1924 г. Статья «Душа России» – ноября 1927 г. О воинах Белой армии. Всех их – аристократов, крестьян, казаков, дворян, горожан – писатель считает истинными сынами России, Её душой. Три года борьбы Белой армии в России Шмелёв называет проломом русской истории. Прежние изменения и траектории развития страны не изменяли Россию в её содержании. Нынешнее, 1917 г. и последующих нескольких лет, должен открыть Новую Россию, «которая непременно будет». Что новое и основное должно быть в этой открывшейся России? Это «напряжённейшие искания подлинного национального бытия, национального обновления, собирания и оберегания того, что есть Россия, что лежит в ней естественно. Без чего она быть не может, – что есть Православная Великая Россия» [2, с. 195].

Не только Иван Сергеевич Шмелёв говорил о православии как основе основ нового времени в любимой им стране. Говоря о том, что современное (тридцатых годов) художественное произведение, даже очень талантливое, не даёт «катарсиса», который считался одним из признаков подлинной художественности. А. Л. Бем приводит цитату из книги В. В. Вейдле «Умирание искусства»: «Искусство и культуру может сейчас спасти лишь сила, способная служебное и массовое одухотворить, а разобщённым личностям дать новое, вмещающее их в себе, осмысляющее их творческие усилия, единство. Такая сила, в каком бы облике она ни проявлялась, звалась до сих пор религией» [4, с. 436].

Борьбой не только с земным, а с Вселенским Злом называет И. С. Шмелёв Ледяной поход остатков царской армии, которые после скитаний, предательств и невозможности противостоять новой власти уходят в ледяные степи Кубани. Писатель оценивает этот поход как один из чудесных мигнов человеческого мира, когда проявляются два порядка: рабство и свобода, бесчестие и честь. Писатель не считает Ледяной поход ни оконченным, ни разбитым. Для него он – негасимая лампада Господнего Света.

В «Солнце мёртвых», в прощании с умирающей курочкой: «*А ты что же, маленькая Торпедка...? стоит под кипарисом, поклёвывает голловкой, затягивает глазки. Я понимаю: она у х о д и т...*» – в тихий, полный любви голос врывается крик отчаяния и беспомощности: «*Вы, сидя-*

щие в креслах мягких, может быть, улыбнётесь. Какая сантиментальность! Меня это нисколько не огорчает. Курите свои сигары, швыряйте свои слова, гремучую воду жизни. Стекут они, как отброс, в клоаку. Я знаю, как ревниво глядитесь вы в трескучие рамки листов газетных, как жадно слушаете бумагу! Вижу в ваших глазах оловянное солнце, солнце мёртвых. Никогда не вспыхнет оно, живое, как вспыхивало даже в моей Торпедке, совсем незнайке! Одно вам брошу: убили вы и мою Торпедку! Не поймёте. Курите свои сигары» [1, с. 29].

И ещё один вскрик автора-повествователя. **Те, что убивать ходят**, – они в словах только за простых были людей, за их детей, за будущее. Мальчик из соседнего с повествователем двора всё тянул и тянул своё: *Хочу са-а-ла-аааа...* – и слышавший этот плач повествователь перебил себя, слышавшего это, ещё одним своим внутренним криком:

Славные европейцы, восторженные ценители «дерзаний»!

Охраняемые Законом, за богатыми письменными столами, с которых никто не сбросит портреты дорогих лиц...

Покиньте свои почтенные кабинеты, с успокоительным светом приятных ламп... Ступайте и досмотрите сами. Увидите не бумагу, засыпанную словами: увидите затёкшие кровью живые души, брошенные как сор. Увидите в с ё, если только х о т и т е в и д е т ь ! [1, с. 76–77].

Бумаге и треску пустых слов противопоставляет повествователь правду жизни, которую являло пространство полуострова Крым. Услышаны ли вскрики ужаса и беспомощности перед всевластьем разрушителей уже там, в Европе, в стране, к которой издали зывал слышавший детский плач повествователь?

На Западе западным обществом демократии на основах гуманности устроена Лига Прав Человека. «Свобода, равенство, братство» – какими они видятся вблизи? «Равенство!.. Больше столетия топчутся все на том же месте... братство не от ума рождается, а из живого сердца, которое носит Бога... Свобода там, где обуздываем себя, во имя Освобождения Величайшего, во имя вселенских целей... Свободы духа не даст никакой парламент» [2, с. 11, 12]. В первой статье сборника «Душа Родины» писатель называет свободу членов этой Лиги теми, кто «получил все свободы по парламентскому декрету, а самой главной, свободы духа, и не получил». Их свобода изменила просто основам человечности. Члены Лиги сделали всё, стараясь, «чтобы признали большевиков хозяевами русского народа, полноправными членами семьи народов, признали этих убийц, сознательных и иступлённых, пославших миллионы людей на бойни! Мучивших пытками, разоривших Великую Россию!» [2, с. 12]. По мнению Шмелёва, Лига думает о правах человека, который для этой структуры – абстракция. Поэтому гибель тысяч людей, которые стали тенью, не счита-

ется причиной для того, чтобы говорить о том, что эта структура оправдывает право на убийство.

В жизни общества писатель видит м а с о жизни, где нет места д у х у живому. Писатель находит прекрасную метафору, указывающую на отсутствие в современной ему жизни стремления к истинному знанию и пониманию её: *«Пошлость безмерная, исполинское чванство, всемирное второклассничество!»* [2, с. 13]. Воссоздание России, по мнению писателя, возможно лишь в огне веры, на основе творящего слова, когда *«мы вырвем из себя грехи гордыни и преимуществ... без Света Разума во Христе... пуста Земля и дичает...»* [2, с. 16].

Словами: «Да где же вы, “совесть мира, прозорливцы”?» начинается открытое письмо Ивана Алексеевича Бунина, написанное к десятилетию октября семнадцатого года. Писатель не только указывает на то, что они, русские писатели, так были научены, что голос совести должен не молчать, когда происходит уничтожение человека. И несмотря на то, что молчит писательский мир, не слышит слова из-за границ России, писатель, памятуя евангельское «толцые и отверзетс я вам», взывает в этой пустыне: «Проснитесь и отзовитесь!.. Есть у вас величайшие... или вы отказались от наследства? Тогда перестаньте считать Великими духовных вождей своих...» [2, с. 159].

И – продолжение этой же темы – восклицание из статьи «'Похоть' совести»: «Да что же случилось – с совестью?». В «Солнце мёртвых» при описании вычитания из жизни того прекрасного, вкусного и пахучего, что было жизнью раньше, здесь, в этой статье – не вычитание – констатация, той же синтаксической формой, оттого и сильнее воспринимается, потому что и здесь: и констатация, но и отсутствие тоже: «...конденсаторы совести?! Они... заступились раз за одного провинциального учителя, уволенного за что-то с места... в Китае, кажется... Но за миллионы казнённых бессудно русских граждан, человек... – заступки не было... **Ни** митингов, **ни** “остановок движения”, **ни** процессий-манифестаций, **ни** мощного голоса “Великих”»! [2, с. 161]. И это странно писателю: почему? Что случилось: «...совесть была – живая. Письмо Золя: Я обвиняю... Золя обвинял. Толстой, по другому поводу, кричал на весь мир – “Не могу молчать!” Эти знали, для чего их авторитет» [2, с. 162]. Дело Дрейфуса. «В России... волновались университеты, учёные общества, академики, профессура, адвокатура. Магистратура, гимназисты... Даже школьники городских училищ, члены союза поваров и ресторанные лакеи... Какие были речи, статьи... [2, с. 163]. Писатель поражён тем, что ведь страдает даже не один-два человека – целый народ. Частица **же** – как хорошо указывает на умиленное непонимание совершенно очевидного, а неопределённое местоимение будто показывает, как действительно нелегко

найти среди сделанного субъектом действительно значимого, но, правда, не очень уж: «Народ, который в годину войны народов спас... не один народ; который дал **же кое-что** миру, а не только уголовно прославился...» [2, с. 165]. Не смешно это. Страшно. И об этом Иван Сергеевич пишет и в других своих статьях. Пишет как о недостатке самого народа. Который должен осознать и перемениться в отношении сам к себе.

Об этой необходимости перемениться, о необходимости «понять своё **н а ц и о н а л ь н о е** назначение, понять Россию, её пути» [2, с. 183] статья «Как нам быть» – ответ на письма в газету. Авторы писем винят «вожаков-отцов» в том, что те не понимают того, что есть **Р о д и н а**; отсутствие истинного патриотизма, по словам автора писем, ведёт к рабскому подчинению «европе». Авторы писем ставят «отцам» в вину корыстные захват власти, властолюбие, рабство мысли, приведшее к поклонению «фетишам», в стремлении решать «астрономические» задачи вместо того, чтобы смотреть на проблемы родного «чернохлебья». Напрасными были ненависть к ошибкам былой власти, преступно было не видеть великого роста родной страны, которую «отцы» «проглядели в с ю, не желая видеть великих достижений, пугавших и изумлявших мир» [2, с. 176].

Но «отцы-вожди», отвечает писатель, так же раздумывают так же оплакивают, «так же бессильно бьются незадачливой головой об душевные стены... мира... У многих из них сердце облито кровью: их дети – мученики... Не только... придётся поговорить и о **п р а в и т е л я х**» [2, с. 180]. Самой главной ошибкой России Шмелёв считает приятие ею за истину, за вечное любое слово из Европы. Да, история европейских идей знает примеры, когда они раскалывали передовые массы любой страны. Интеллигенция России получила множество разных идей и, не переработав их для русской почвы, для определённого момента в историческом развитии **с в о е й** страны, бросалась применять, не продумав: «Мы скороспелки, мы были обречены догонять», – говорит Шмелёв о русских идейных вождях. Многоплеменное общество, которое не имело крепкой **н а ц и о н а л ь н о й** почвы, не образовало того, что необходимо для понимания истинности государственной задачи – не образовало национального ядра. «Множество сил ушло на “прямые ответы”, на разрешение эти вопросов, часто далёких нам когда требовалось железной жизнью, сущими интересами России ставить единый, **с в я т о й** вопрос – укрепление бытия России. Но был великий разноречивый сил. Было переоценено пространство, которое показало себя **с в о и м**, а не нашим, враждебным нам, оно показало в себе много совсем чужих, национальных ядер, которые охраняли **с в о ё**, которые не пожелали принять безродное; – и, откинутая в пространство, Россия пошла к **у д а - т о**... – и попала... в цепкие лапы Интернационала, безродного, безгосударственного, безбожного, алчного и завистливого, умерщвляющего **ж и в о е**... Освобождение – путь вели-

чайших напряжений... Лучшей части народа... надо понять своё национальное назначение, понять Россию, её пути...» [2, с. 183].

Сборник «Душа Родины» статьями И. С. Шмелёва раскрывает то, что для писателя было самым важным в его России, то, что составляло душу именно этой страны. Любая страна, любой народ имеют свою, отличную от другого народа, сердцевину своей жизни. Так и Россия. И, раскрывая душу России, писатель раскрыл и свою душу тоже. «Проникание к истокам... крепит падающих духом. Проникание к недрам – целебное лекарство: оно будит и выпрямляет дух. Проникание к родным истокам, вглядывание в самые камни древние – большая сила» [2, с. 338].

«Душа, фундаментальное понятие, представленное в различных культурах, религиях, философских учениях широким спектром значений: как универсальное жизненное начало, витальная сила, присутствующая в каждом живом существе (предельным выражением этого является представление о всеобщей одушевлённости космоса в панпсихизме); как нематериальная бессмертная субстанция, придающая целостность и непрерывность индивидуальному существованию; как субстрат всех сознательных и бессознательных психических процессов» [6].

Список использованной литературы

1. Шмелёв И. С. Солнцемёртых. М. : «Патриот», 1991. 179 с.
2. Шмелёв Ив. Душа Родины : сб. статей от 1924–1950 г. Париж : Издание Русского научного института при Русской Академической группе в Париже, 1967. 339 с.
3. Шмелёв И. С. Няня из Москвы. М. : Изд. дом «Никея», 2014. 254 с.
4. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М. : Языки славянской культуры, 2001. 447 стр.
5. URL: <https://nashenasledie.livejournal.com/1658919.html>
6. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/1971376>

Тамара Николаевна Жужгина-Аллахвердян,

доктор филологических наук, профессор, Горловский институт иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета,
Украина, г. Бахмут, allahverdian.tamara@rambler.ru

УДК 821.133.

Максимилиан Волошин и русская эмиграция

Аннотация. Данная статья является попыткой создать единый социокультурный «портрет» М. Волошина как русского интеллектуала в контексте

его отношения к событиям 1918–1924 гг. и в свете его контактов с современниками из числа русских эмигрантов «первой волны». Исследователи ставят имя М. Волошина, отказавшегося эмигрировать, рядом с именами писателей, покинувших Россию, – И. Бунина, А. Толстого, И. Шмелева, К. Бальмонта, З. Гиппиус, Б. Зайцева, В. Никифорова-Волгина, Д. Мережковского и др., называя его поэтом «внутренней эмиграции», в одном ряду с поэтами С. Парнок, А. Герцык, А. Ахматовой, М. А. Кузминым, акцентируя внимание на позиции «над схваткой», на роли «универсального примирителя» и пацифиста. Однако сам поэт не соглашался с таким узким определением своих взглядов, утверждая, что он стоит «между» воюющими сторонами и не разделяет взглядов ни одной из партий. Позиция миротворчества, со временем показавшая аполлоновскую мудрость поэта, не вписывается ни в одну из схем и интерпретационных альтернатив и не отражает в полной мере ни характер и широту души М. Волошина, ни его творчество, ни особенности оригинального мировоззрения, взгляды на историю и современность, на войну и террор. Повторяя идею бессмысленности и неестественности гражданской конфронтации, неразумности вражды и борьбы за власть, Волошин видел свою миссию в защите людей, своих соотечественников, в помощи нуждающимся и спасении одних от других, противодействовал убийствам и предотвратил многие казни.

Ключевые слова: Волошин, эмиграция, позиция «между», история, современность, Гражданская война.

Tamara Zhuzhgina-Allahverdian

Doctor in sciences in Philology, Professor, Gorlovka State Institute of Foreign Languages of the Donbas State Pedagogical University, Ukraine, Bakhmut, allahverdian.tamara@rambler.ru

Maximilian Voloshin and Russian emigration

Abstract. This article is an attempt to create a unique sociocultural “portrait” of M. Voloshin as a Russian intellectual in the context of his attitude to the events of 1918–1924. and in the light of his contacts with contemporaries from among Russian emigrants of the “first wave”. Researchers put the name of M. Voloshin, who refused to emigrate, next to the names of the writers who left Russia – I. Bunin, A. Tolstoy, I. Shmelev, K. Balmont, Z. Gippius, B. Zaitsev, V. Nikiforov-Volgin, D. Merezhkovsky and others, calling him the poet of “internal emigration”, along with the poets S. Parnock, A. Gertsyk, A. Akhmatova, M. A. Kuzmin, focusing on the position “above the fray”, on the role of “universal conciliator” and the pacifist. However, the poet himself did not agree with such a narrow definition of his views, argued that he was “between” the fighting parties and did not share the views of any of the parties. The position suffered by the poet only with time showed his Apollonian wisdom, which does not fit into any of the interpretation schemes and alternatives, which do not fully reflect either the character and breadth of the soul of M. Voloshin, nor his work, nor the features of his original worldview, views on history and modernity, on war and terror. Repeating the idea of the senselessness and unnaturalness of civil confrontation, hostility and the struggle for power, Voloshin saw his mission in protecting his compatriots, in helping them and saving some

from others, from committing criminal acts, as much as he counteracted murders and prevented many executions.

Key words: Voloshin, emigration, “between”, history, modernity, Civil War.

Имя М. Волошина ставят рядом с именами тех, кто изображал события 1918–1920-х гг. как историю, которая не должна повториться, – И. Буниным, автором «Окаянных дней», И. Шмелевым с его «Солнцем мертвых», В. Никифоровым-Волгиным с его «Дорожным посохом» [1, с. 245]. Однако следует заметить, что ни один из упомянутых писателей не разделял волошинских взглядов, считая их «наивными», «ребячливыми», «идеалистическими». Волошина также называют поэтом «внутренней эмиграции» в одном ряду с Софьей Парнок, Аделаидой Герцык, Анной Ахматовой, М. А. Кузминым [2, с. 165]. При этом одни делают акцент на особой позиции М. Волошина, который своим отношением к происходящему отличался от авторов-эмигрантов (И. Бунина, И. Шмелева, З. Гиппиус, Д. Мережковского, А. Ремизова), снискав себе репутацию стоящего «над схваткой» [3, с. 72; 4]. Другие ставят знак равенства между позицией «над схваткой» и позицией «между», определяя социокультурный статус М. Волошина как «всеобщего примирителя», который отводил России особую миссию – «стать в будущем плацдармом примирения двух противоположных тенденций мирового исторического развития – “восточной” и “западной”, “азиатской” и “европейской”» [1, с. 258]. В окружении поэта было много тех, кто не понимал и даже осуждал его по тем или иным причинам [5, с. 5], не заметив справедливых протестных смыслов его стихотворений, не услышав его заявлений о бессмысленности и противоестественности гражданского противостояния, социальной вражды и борьбы за власть кровавыми методами. «Многие его считали равнодушным, холодным: он глядел на жизнь заинтересованный, но со стороны», – вспоминал Илья Эренбург, признаваясь, что «охладел к его поэзии», а в волошинских статьях об эстетике увидел «цирковые фокусы» и «детские игры», которые сердили [3, с. 342–343]. Соглашаясь с выводом исследователя о том, что выстраданная Волошиным позиция со временем показала «мудрую правоту многих его идей» [1, с. 258], отметим, что имеющиеся представления и определения, как и различные сопоставления позиций, не отражают полно ни характера и широты души М. Волошина, ни его творчества, ни особенностей самобытного мировоззрения, ни взглядов на историю и современность, на войны и террор. В 1919 г. М. Волошин становится свидетелем жесточайшего военно-политического террора на Крымской земле, воспринимает его как «конкретность» и воочию убеждается в его бессмысленности («Все это время я живу лицом к лицу с террором. Для меня это не цифры, а конкретность» [6, с. 360]). Он совершает самые конкретные поступки, бесстрашно и открыто противодействуя убийствам,

по мере сил старается помочь попавшим в беду, используя свой авторитет, и предотвращает многие бессмысленные казни и расправы. Он говорит об этой своей деятельности в письме к К. В. Кандаурову от 24 апреля 1921 г., делясь своими мыслями о последних событиях в Крыму: «Мне необходима во что бы то ни стало поддержка из Центра: правозаступничество за художн<иков> и писателей. (Сейчас в Судаче в третий раз арестована Софья Парнок, и ее могут «разменять» каждую минуту. Я уже два раза ее вытаскивал из тюрьмы. Сейчас нет путей.) Мне необходима гарантия личной неприкосновенности. Все это время я телеграфировал и писал с оказиями Горькому и Луначарскому, посылал списки арестов<анных> художников, но результатов никаких видимых не было. Недавно была телеграмма Калинина и Луначарского о том, что ряд писателей, находящихся в Крыму, берет под покровительство РСФСР, там были перечислены Тренев, Ценский, Елпатьевский, Шмелев. Но не было ни Вересаева, ни П. С. Соловьевой, ни Герцык, ни Парнок, ни меня» [6, с. 360–361]. В том же письме Волошин разъяснял слова и выражения, характерные для местного террористического дискурса, и раскрывал особенности крымской «политики» по отношению к людям из художественной среды. Он обращал внимание на методы борьбы враждующих сторон, писал о самоуправстве местных властей и их неподчинении Центру: «Говорят о прекращении Террора с мая месяца. Но не верю. Присутствие Зеленых в горах будет порождать постоянные рецидивы. Распоряжения же с севера о прекращении Террора ведут только к спешному ликвидации человеческого материала, содержащегося в подвалах. Казнить по местной терминологии – это: “разменять”, “хлопнуть”. Казнь – “шлёпка”» [6, с. 360]. Различение Волошиным местных особенностей политической ситуации в годы Гражданской войны, усложнивших положение крымской интеллигенции, как и активное участие в деле спасения преследуемых и арестованных людей, а также культурных ценностей, не вписываются ни в философскую схему абстрактного гуманизма, ни в схему пассивного соглядатайства, наивного и беспомощного пацифизма, которые приписывали Волошину исследователи прошлых лет [7, с. 174, 182, 185]. Определения нетипичной человеколюбивой позиции поэта как эксцентричной, наивной и идеалистической, данные его современниками, во многом неуместные, необоснованные и субъективные, исправлены нашими современниками, но эти исправления еще очевидно неполные. Одни исследователи ограничиваются концепцией влияния антропософских и историософских идей [8, с. 20–40], другие – мифотворческим подходом, выдвиганием на первый план «рыцарского» принципа в выстраивании волошинской парадигмы «мифологической истории мирового пути человечества как смены культурных эпох: Восток – Европа (Франция) – Россия (Киммерия)»

[9, с. 298–307]. Однако определение историко-культурного статуса Волошина как «последнего рыцаря Средневековья», странствующего по эпохам и культурам, представляется красивым и романтичным, но недостаточно научным. Репутация М. Волошина как поэта-странника сложилась уже в начале прошлого века, и сам поэт этому немало поспособствовал. Его молодые годы отмечены бесконечными переездами с места на место. Осенью 1900 г. студент Волошин был сослан в Среднюю Азию. С 17 сентября 1900 г. по 22 февраля 1901 г. он работал в экспедиции по Сырдарье на изысканиях Оренбург-Ташкентской железной дороги [6, с. 697]. С апреля 1901 г. начались странствия Волошина по Франции, Германии, Италии, Испании. Он побывал в Греции и Константинополе, на Корсике и Сардинии, на Балеарских островах и в Андорре и, «как губка», по собственному признанию, впитывал в себя романо-средиземноморскую культуру, религиозно-философские учения, буддизм, католичество, магию, масонство, оккультизм, теософию и антропософию [10, с. 7]. В годы активного сотрудничества с символистами, особенно в бытность в Париже, поэт почувствовал себя «русским французом» и вел образ жизни парижского денди. «Среди сотрудников “Аполлона”, – вспоминал издатель журнала “Аполлон” Сергей Маковский, – он оставался чужаком по всему складу мышления, по своему самосознанию и по универсализму художественных и умозрительных пристрастий, но в Париже “он офранцузился не на шутку, примкнув к монпарнасской богеме”» [11, с. 314]. В те «годы странствий» поэт называл своей духовной родиной не Киев, где родился в 1877 г., не Москву, где учился, не Петербург, где долгое время вращался в символистских кругах, где любил, дружил и разочаровывался – и в дружбе, и в любви, и в творческих предпочтениях, а – Париж. «Столица мира», законодательница моды и вкусов, прельщала Максимилиана Волошина своей стариной, поэт возвращался в этот город многократно, чтобы проникнуть в тайны «всех веков и стран, легенд, историй и поверий» [12, с. 52]. После ряда разочарований и неудач, разрыва с женой и соратницей М. Сабашниковой вскоре после их женитьбы поэт переживает «кризис символистской идеи “жизнетворчества”» [4] и уезжает из Петербурга в Крым. По контрасту с парижскими урбанистическими стихами вырастают «степные» стихи – о пути в «безрадостный Коктебель». Начинается эпоха «киммерийских сумерек», время от времени прерываемая поездками в Европу, завершившимися только во время войны в апреле 1916 г. Поэт поселяется в доме своего детства в Коктебеле после революции 1917 г. и покидает его только во время коротких отлучек. Илья Эренбург, в целом не скрывавший своего раздражения от ранней поэзии Волошина, но высоко ценивший его человеческие качества, его природную мудрость, размышлял над парадоксальностью его натуры: «Иногда я

спрашиваю себя, почему Волошин, который полжизни играл в детские, подчас нелепые игры, в годы испытаний оказался умнее, зрелее да и человечнее многих своих сверстников-писателей? <...> Пока все кругом было спокойно, Макс разыгрывал мистерии и фарсы не столько для других, сколько для самого себя. Когда же приподнялся занавес над трагедией века – в лето 1914 года и в годы гражданской войны, – Волошин не попытался ни взобраться на сцену, ни вставить в чужой текст свою реплику. Он перестал дурачиться и попытался осознать то, чего не видел и не знал прежде» [3, с. 347]. Начиная с 1917 г. М. Волошин с такой же силой, как некогда к Парижу, привязывается к ландшафту, быту, климату суровой крымской степи. Поняв ее, наконец, «коктебельским просветленным сознанием» [6, с. 789] и полюбив ее суровую безрадостность, он запечатлевает в поэзии и в акварельных рисунках, подписанных стихами, однообразные виды киммерийской «пустыни» – в ее кажущемся равнодушии, в застывшем спящем величии, в героико-исторических и сдержанно-лирических картинах.

В посмертном очерке о поэте и друге М. Цветаева, сравнивая голову Волошина с головой Зевса, размышляла о сродстве поэта-аскета, по ее словам, «француза культурой, русского душой и словом, германцем – духом и кровью», – с воспетой им степью: «Парусина, полынь, сандалии – что чище и вечнее, и почему человек не вправе предпочитать чистое (стирающееся, как парусина, и сменяющееся, но неизменное, как сандалии и полынь) – чистое и вечное – грязному (городскому) и случайному (модному)? И что убийственнее – городского и модного – на берегу моря, да еще такого моря, да еще на таком берегу! Моя формула одежды: то, что не красиво на ветру, есть уродливо. Волошинский балахон и полынный веночек были хороши на ветру» [13, с. 200]. И далее там же она рассуждает о «полднейной сущности Волошина», т. е. его сродстве с «самым телесным, вещественным» временем суток, «с телами без теней и с телами, спящими без снов, а если их и видящими – то один сплошной сон земли»; «таким же маго-мифо-мистическим» часом суток, как полночь, но часом «Великого Пана, *Démonde Midi*, и нашего скромного русского полуденного» [13, с. 200].

В крымский период жизнедеятельности Волошина вопрос о его этно-географическом («русский француз»? германские корни? «киммериец»? и т. д.) и «странническом» статусе отпадает сам собой. Вопрос начинает терять актуальность в трагический период войн и революций, когда Волошин пересматривает свои эстетические и частью эстетико-дендистские взгляды. Марина Цветаева заключает: «Француз культурой, русский душой и словом, германец – духом и кровью. <...> Этот французский, нерусский поэт начала – стал и останется русским поэтом. Этим мы

обязаны русской революции» [3, с. 262]. Окончательно Волошин определяется в своем отношении к искусству, истории и современности в 1918–1924 гг. Недружелюбный к Волошину Сергей Маковский, по-видимому, не простивший ему мистификацию Черубины де Габриак, писал о Волошине революционных лет: «И вдруг забили в нем какие-то из глубины русские истоки: он вырос в эти революционные годы, проживая в своем возлюбленном киммерийском Крыму, в Коктебеле, вырос в крупного поэта» [11, с. 317]. В конце жизни поэт завещает похоронить себя на фоне холмистого пейзажа «возлюбленного киммерийского» края на выгоревшем склоне горы Кучук-Янышар. «Поэт ритма вечности...» – так сказал о нем А. Толстой [3, с. 173].

В пламенные годы М. Волошин многократно и отчетливо формулирует свою позицию – ясными словами, лишёнными недомолвок и недосказанностей, выражает ее в статьях, письмах и стихах: «А я стою один меж них, / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других» [12, с. 213]. Около 3 июля 1921 г. М. Волошин отвечает из Коктебеля на приглашение давнего друга лингвиста А. М. Пешковского приехать для чтения лекций в Екатеринославском народном университете: «...Я жив, здоров и до сих пор почему-то не повешен белыми и не расстрелян красными, даже моя библиотека цела, дом не разграблен и мама жива» [6, с. 357]. Он сообщает, что получил за эти годы 3–4 письма, но с таким опозданием, что Екатеринослав оказывался «в пределах иного государства». Поэт шутливо упрекает друга: «Ну и городок ты избрал для того, чтобы тихо провести эти бурные годы! Эти годы я писал стихи о текущем и боролся с гражд^{анской} войной во всех ее формах, выручал приговоренных, вел процессы и т. д.» [6, с. 357] А 1 сентября 1921 г. в письме к А. М. Петровой Волошин мрачно иронизировал: «Как приятно родиться поэтом в России! Кто меня раньше повесит: красные за то, что я белый, или белые за то, что я красный?» [6, с. 372–373]

24 апреля 1921 г. поэт пишет К. В. Кандаурову, описывая положение в Крыму за последние годы: «Более страшного времени Крым не переживал. И по психологии тех, кто приезжает из Москвы, я вижу, что на севере никто и не подозревает, что у нас делается. Резня 1918 г., время разложения Черн^{оморского} Флота – идиллия. За эти пять месяцев у нас казнено около 30 тысяч (т. е. столько, сколько во всей Франции за время всей Великой Революции, т. е. за 10 лет). Но многие утверждают, что цифра гораздо выше. И это далеко не только военные, а тут все: одни за имя, другие за состояние, за то, что интеллигент. Целые семьи в нескольких поколениях. <...> Меня несколько гарантирует то, что то же делал при Деникине и Врангеле для коммунистов (но и тогда из контрразведок предупреждали: передайте-ка ему, что он у нас еще на веревочке поболтается)».

В этом письме поэт называет имена казненных во время массового истребления офицеров и «буржуев» из состоятельных семейств и интеллигенции, организованного в Симферополе, Ялте, Феодосии в феврале 1918 г., когда погибли около 600 человек в течение пяти месяцев после занятия Крыма Красной Армией с 29 октября (11 ноября) по 4/17 ноября 1920 г.) [6, с. 359–361].

В годы революций и Гражданской войны поэт пытался умерить вражду, спасая в своём доме преследуемых: красных от белых, белых от красных. В письме от 31 октября 1919 г. к двоюродному брату, племяннику матери, Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной, переводчику и журналисту Я. Глотову (он будет расстрелян в 1938 г.) М. Волошин писал: «Я же относился ко всем партиям с глубоким снисхождением как к отдельным видам коллективного безумия, ни к одной из них не питаю враждебности: человек мне важнее его убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял, – это мешать людям расстреливать друг друга. И пока довольно удачно» [6, с. 263]. В цитируемом письме к Кандаурову от 24 апреля 1921 г., напоминая о своей позиции в Гражданской войне, Волошин говорил о том, что ему дорог человек, а не его убеждения: «Моя позиция такова: мне нет дела до гражданской войны, программы и т. п., но я не хочу, чтобы проливалась бессмысленно кровь и тратились без толку художественные силы и ценности. Во время Белого Террора я провел все дело генерала Маркса, вырвал его из-под расстрела и добился освобождения. Провел дело Феодос<ийского> Наробраза, ездил в Екатеринодар и Ростов для этого. У меня прятались десятки коммунистов, поэтому вы мне должны те жизни, о которых я прошу теперь. Я прошу помощи и поддержки, потому что я один» [6, с. 261]. При белых Волошин действительно прятал у себя революционных матросов, при красных спасал белых офицеров. Не занимаясь политикой, он занимался людьми. И видел прежде всего людей в одних и в других. Марина Цветаева, в жизни которой дружба с Волошиным сыграла большую роль [14, с. 439–449], лучше других понимала индивидуальность Волошина, воспринимая его и как друга, и как «учителя» – носителя «универсальных поэтических черт»: миротворчества, внепартийности, маргинальности и единственности [2, с. 10]. Она писала: «Макс неизменно стоял вне: за каждого и ни против кого. Он умел дружить с человеком и с его врагом» [13, с. 235]. В другой раз М. Волошин выступил в защиту арестованного белыми О. Э. Мандельштама. И. Эренбург в своих воспоминаниях рассказывает историю спасения поэта из плена: «Белые арестовали поэта Мандельштама – какая-то женщина заявила, будто он пытал ее в Одессе. Волошин поехал в Феодосию, добился приема у начальника белой разведки, которому сказал: “По характеру вашей работы вы не обяза-

ны быть осведомленным о русской поэзии. Я приехал, чтобы заявить, что арестованный вами Осип Мандельштам – большой поэт”. Он помог Мандельштаму, а потом и мне выбраться из врангелевского Крыма. Он делал это не потому, что проникся идеями революции, нет, он был человеком смелым, любил поэзию, любил Россию – как его ни звали за границу и те же Цетлины, и другие писатели, он остался в Коктебеле» [3, с. 346]. Другой известный случай – укрытие и забота о Сергее Яковлевиче Эфроне (1893–1941), муже Марины Цветаевой, скрывавшемся от преследования «красных» в период подготовки к эмиграции, и помощь в отправке его за пределы России. М. Цветаева благодарила «дорогого Макса» в письме от 7 ноября 1921 г. Отдавая «долг благодарности и дань восторга», она писала: «...низкий поклон тебе за Сережу» [14, с. 446]. В это страшное для многих время Макс «буквально на дороге» вблизи Коктебеля увидел умирающую от голода сестру милосердия Марию Степановну Заболоцкую (1887–1976), привел в дом, откормил и отогрел. Женщина осталась в доме Волошина и позднее стала его женой, разделив с ним трудные годы (1922–1932), их брак был зарегистрирован 9 марта 1927 г.

Волошин не менял своих взглядов и честно следовал своим представлениям о Гражданской войне как «усобице», писал и говорил о России как «священном жертвоприношении». О «России распятой» он говорит языком поэзии в сборниках, изданных в основном за границей, за исключением харьковского издания «Демонов глухонемых» (Харьков : Камена, 1919. 62 с.; рис., заставки и фронт. автора; портр. поэта на обл. К. А. Шервашидзе). За пределами страны были опубликованы волошинские: «Усобица: Стихи о революции» (Львов : Живое слово, 1923. 24 с.); «Стихи о терроре» (Берлин : Кн-во писателей в Берлине, 1923. 72 с.; обл. Л. Голубева-Багрянородного); «Демоны глухонемые». (Изд. 2-е. Берлин: Кн-во писателей в Берлине, 1923. 74 с.; обл. Ив. Пуни). «В январе 1923 года Волошин передал в эмиграцию стихи, которые не могли быть напечатаны в Советской России, о терроре в Крыму» [15, с. 76–77].

Постигая происходящее через Библию и учение об особой миссии России по С. М. Соловьеву, М. Волошин особо выделяет слова Исая, открывшиеся ему в 1918 г.: «Каждый побрел в свою сторону / И никто не спасет тебя». Это откровение во многом объясняет волошинский выбор пути и его привязанность к Крымской земле, его решимость в деле сохранения крымчан и их культуры, бескомпромиссность и нежелание оставить этот край во времена смуты. В 1919 г., при подходе атамана Григорьева к Одессе, в которой в то время находился, провожая в эмиграцию Алексея Толстого, Волошин пояснил свой отказ уезжать: «...когда мать больна, дети ее остаются с нею». В упомянутом письме к Глову поэт с воодушевлением сообщал: «Пишу стихи исключительно на современные темы – о

России и о революции. Как всегда, всё, что бывает со мной, оказывается парадоксальным: мои стихи одинаково нравятся и большевикам и добровольцам. Моя первая книга “Демоны глухонемые” вышла в январе 1919 года в Харькове и была немедленно распространена большевицким Центрагом. А второе её издание готовится издавать Добровольческий Осваг. Из этого ты можешь видеть, что я стою, действительно, над партиями. <...> Между тем, как развертывающаяся историческая трагедия меня глубоко захватывает, и я благодарю судьбу, которая удостоила меня чести жить в такую эпоху» [6, с. 263]. В письме упоминается сборник «Демоны глухонемые», названном по Тютчеву: «...одни зарницы огневые, перекликаясь чередой, как демоны глухонемые, ведут беседу меж собой» [6, с. 10]. Письма и стихи Волошина тех лет отражают события как «демоническую» политическую круговерть, «кровавую кадрили». Полуостров переходил из рук в руки, власть постоянно менялась, и под угрозой оказывались жизни людей и культурные ценности. В письмах Волошин выражает надежду на искоренение вражды и беспорядков, полагаясь на скорое выздоровление страны. С оказией с генерал-лейтенантом Н. П. Калининым, командиром 2-й Донской казачьей дивизии, жившим в доме Волошина в августе – сентябре 1920 г., поэт отправляет из Коктебеля в Варшаву письмо Б. В. Савинкову от 28 сентября / 11 октября 1920 г., в котором подробно излагает свое видение событий и проект будущего России. В январе 1920 г. Савинков по приглашению Ю. Пилсудского находился в Польше, где возглавил «Русский политический комитет» и принял участие в формировании антисоветских военных отрядов и объединений «Информационное бюро», «Русский эвакуационный комитет», «Народный союз защиты Родины и Свободы». Волошин писал в своем письме: «Смены режимов проходят надо мной. Деятельностью я не принимал никакого участия в Революции, если не считать того, что всеми силами, поскольку это было в моих возможностях, мешал истреблению одних русских людей другими. Но жил и живу эти годы только совершающимся и не написал за все это время ни одного стихотворения, которое не было бы о России. Мое отношение к текущему – то же, что было во время войны: я отнюдь не нейтрален и не равнодушен, но стремлюсь занять ту синтетическую точку зрения, с которой борьба всех в настоящую ми<нуту> противопоставленных сил истинным единством России и Русского духа» [6, с. 340]. Далее Волошин высказывает свои соображения о том, что Россия нуждается в «деятелях практических», умеющих «преодолеть всякую собственную политическую идеологию» ради реальных потребностей страны. Волошин полагает, что такими способностями обладает Врангель, чьи распоряжения и действия, по его мнению, отличались здравым смыслом и твердой волей, носили характер «истинной политической мудрости», ибо, «не-

смотря на свой личный монархизм, он не допускал никаких его проявлений и манифестаций» и может быть «единственной гарантией за то, что кровавая кадриль, которая третий год ведется по южно-русским степям, может быть, наконец, окончится» [6, с. 341]. И при этом, как он утверждает в письме Л. З. Каменскому от 1 января 1924 г., он считает себя «вполне легальным», так как с самого начала признавал советское правительство<ство>, а «в частном своем обиходе» он проводил «коммунизм более строго, чем большинство политических коммунистов» [6, с. 762–764]. Однако он признавал чуждость ему идей марксизма и экономического материализма, «системы Марксовых классификаций», не совместимых с его натурой и образом мыслей. Он считал материализм «научным абсурдом» и в порядке «идеологического фронта» вычеркивал себя из русской литературной жизни, но соглашался со статьями Троцкого, с его «разумными и умеренными мнениями», хотя утверждал, что они совершенно расходятся с тем, что происходит на практике. Он определял марксистскую идеологию как «чисто религиозный фанатизм», объясняя этим свою несогласную позицию и намерение «переждать у себя в глуши, а не в центре, ибо ничего доброго из сего выйти не может» [6, с. 762–764]. Исходя из собственных наблюдений, Волошин прозорливо прогнозировал: «...Россия идет неизбежным путем к единовластию, даже независимо от торжества той или иной стороны. И насколько в настоящую минуту можно рисковать предсказывать будущее, мне представляется, что равнодействующей силой окажется монархия с крайней социальной программой. Социал-монархизм далеко не так абсурден, как звучит этот термин (образец – Жорж Сорель!)». О роялистских установках теоретика революционного анархосиндикализма Жоржа Сореля Волошин говорил в лекции «Россия распятая» (май 1920 г.). Здесь же, осмысляя современность в единстве с историей и говоря об особом пути России, он упоминает имя Ю. Крижанича, сербского просветителя XVII в., сторонника славянского единства, который обрисовал в своих «Политичных думах» «печальное состояние» России [16, с. 25] и указал на его причины: «Русский человек ни в чем не знает меры и все бродит по пропастям». Фрагмент из «Политичных дум» Юрия Крижанича Волошин приводит по их изложению в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, изложенной в 29 тт. и вышедшей при жизни ее автора по одному тому с 1851 по 1879 г. [16, с. 738]. Сохранились наброски Волошина к ненаписанной статье о Ю. Крижаниче. В письме Савинкову Волошин излагает свое видение общественно-политического устройства современной ему России, которая, по его мнению, «никогда не остановится на парламентарном строе, а осуществит совершенно новое конституционное сочетание, ретушированное по лекалу Соединенных Штатов: широкая децентрализация в виде земско-

крестьянских Советов, а во главе Правитель пожизненный, но не наследственный, но сам назначающий себе преемника и, вероятно, помазанный, т<ак> к<ак> участие церкви мне представляется тоже неизбежным и исторически суверенитет русской государственной власти сейчас находится в руках Патриарха» [6, с. 341]. «Конечно, этот строй не осуществится сразу, но элементы его мне представляются рассеянными всюду в русской действительности, и такое сочетание представляется мне единственной возможной формой окончательного сплава, когда борьба окончится» [6, с. 342]. Это социально-политическое устройство не противоречило ни религиозным взглядам М. Волошина, ни его видению циклического развития Российской истории – взлетов и падений, расцветов и смут, подъемов сознания и саморазрушения. Деструктивные 1920-е гг. Волошин понимал как «Божий бич», как венец новой Смуты, историю которой он постигал, читая Библию, а также книги о далеких смутных временах, в том числе написанные современниками.

Список использованной литературы

1. Павлова Т. А. «Всеобщий примиритель» (Тема войны, насилия и революции в творчестве М. Волошина) // Долгий путь российского пацифизма. М. : ИВИ РАН, 1997. С. 245–261.
2. Корниенко С. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 45 с.
3. Воспоминания о Максимилиане Волошине : сб. / сост. В. П. Купченко, З. Д. Давыдова. М. : Сов. писатель, 1990. 720 с.
4. Полонский В. В. Волошин // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 275–278. URL: <http://www.pravenc.ru/text/155179.html>
5. Озеров Л. Максимилиан Волошин, увиденный его современниками // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М. : Сов. писатель, 1990. С. 5–28.
6. Волошин М. Собр. соч. : в 13 т. Т. 12. Письма 1918–1924 / под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова при участии Р. П. Хрулевой. М. : Эллис Лак, 2013. 794 с.
7. Куприянов И. Т. Судьба поэта. Киев : Наук. думка, 1978. 230 с.
8. Дашевская О. А. Историчесофские идеи М. Волошина и Д. Андреева: миф о России // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. № 7. Томск : Томский гос. ун-т, 2005. С. 20–40.
9. Палачева В. В. «Последний рыцарь Средневековья»: легенда о святом Граале в творчестве М. А. Волошина // Культура и текст. СПб.

и др., 2000. С. 298–307. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-rytsar-srednevekovya-legenda-o-svyatom-graale-v-tvorchestve-m-a-voloshina>

10. Лавров А. В. О поэтическом творчестве Максимилиана Волошина // Волошин М. Избранные стихотворения. М. : Сов. Россия, 1988. С. 5–26.

11. Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955. 414 с.

12. Волошин М. Избранные стихотворения. М. : Сов. Россия, 1988. 394 с.

13. Цветаева М. Живое о живом // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М. : Сов. писатель, 1990. С. 199–267.

14. Цветаева М. Сочинения. Т. 2. Проза и письма. М. : Худож. лит., 1988. 638 с.

15. Мирошниченко Н. М. Книга М. Волошина «О терроре»: литературно-билиграфический контекст // Вопросы русской литературы. 2014. 29(86). С. 76–77.

16. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1990. 768 с.

Анна Сергеевна Столетова,

кандидат исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет, Россия, г. Вологда, Stoletowa-A-S@yandex.ru

УДК 82.09

**История трансформации уклада деревенской жизни
в повести А. Я. Яшина «Сирота»,
осмысленная эмигрантом Т. К. Чугуновым**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация
российского общества 1950—1990-х гг.: классовый генезис и эволюция
экономического устройства», проект № 19-18-00269.*

Аннотация. В статье анализируется жизненный путь и публицистическое наследие эмигранта Т. К. Чугунова. На примере повести писателя А. Я. Яшина «Сирота», попавшей в поле зрения исследователя, рассматривается проблема смены поведенческих стереотипов, духовных идеалов и ментальных характеристик жителей колхозной деревни. Обозначается, что утверждающаяся практика умаления значения крестьянского труда взамен на возвышение таких явлений жизни, как лихоимство, кумовство, иждивенчество, потребительство, усугубляла материально-бытовые условия жизни советского села.

Ключевые слова: Т. К. Чугунов, А. Я. Яшин, эмиграция, деревенская проза, колхозная деревня, крестьянские ценности, частнособственническая мораль.

Anna Stoletova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University, Vologda, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru

**The history of the transformation of the way of village life
in the novel A. Ya. Yashina «Orphan»,
understood by the emigrant T. K. Chugunov**

Abstract. The article analyzes the life path and journalistic heritage of the emigrant T. K. Chugunov. For example, a story by writer A. Ya. Yashin «Orphan» who is in the field of view of the researcher, considers the problem of changing behaviours, beliefs and mental characteristics of the inhabitants of the collective farm village. It is indicated that the affirmed practice of diminishing the value of peasant labor in exchange for the exaltation of such phenomena of life as extortion, nepotism, dependency, and consumerism aggravated the material and living conditions of the life of the Soviet village.

Keywords: T. K. Chugunov, A. Ya. Yashin, emigration, village prose, collective farm village, peasant values, private property morality.

Сведения о жизни педагога, психолога Тихона Козьмича Чугунова (настоящая фамилия Чугуев) практически отсутствуют. Известно, что он родился 26 марта 1902 г. в селе Бородино, под Орлом. Закончил психфак МГУ в 1926 г. В 1930-е гг. работал преподавателем МГУ. Во время Второй мировой войны попал в оккупацию и был отправлен в исправительно-трудовой лагерь под Хемницем. В апреле 1945 г. был освобожден американскими войсками, но в СССР не вернулся. Вместе с семьей пешком дошел до Швейцарии. Был арестован швейцарской пограничной полицией и препровожден в рабочий лагерь под Зингеном, расположенный во французской оккупационной зоне. Под угрозой выдачи в СССР бежал и попал в польский лагерь для военнопленных, где находился до 1950 г. Во время депортаций сменил фамилию на «Чугунов». В ФРГ он жил в г. Зиммерне (Рейнланд), участвовал в работе мюнхенского Центрального объединения политэмигрантов (ЦОПЭ). Печатался в «Вестнике Института по изучению СССР», но к самому Институту отношения не имел. Личный архив Т. К. Чугунова хранится в отделе редких книг и рукописей Колумбийского университета. Связанные с ним документы есть также в коллекции Центра русской культуры Амхерстского колледжа. Умер Тихон Козьмич в 1977 г. Известны некоторые сведения из биографии второго из трех сыновей Тихона Чугунова – Владимира Чугуева. Будущий журналист и издатель родился в городе Бобруйске (Советский Союз) 2 июля 1936 г., а вырос в не-

большом городке Бернкастель в Германии недалеко от французской границы. Здесь он окончил частную школу и был удостоен премии Гёте за немецкий язык и литературу. Посещал бизнес-школу в Мюнхене. Впоследствии по контракту с русской службой Би-би-си поехал в Лондон, одновременно стал личным секретарем А. Ф. Керенского – министра-председателя Временного правительства. В 1966–1975 гг. владел и управлял издательской фирмой под названием «Искандер». С 1975 по 1981 г. работал в качестве лондонского корреспондента радио «Свобода» США. В 1981 г. он вернулся в Русскую службу Би-би-си в качестве старшего журналиста, а затем стал продюсером Всемирной службы Би-би-си. Многие из его программ были переведены на основные восточноевропейские языки и транслированы в соответствующие страны. Отметим также, что Владимир Чугуев работал радиопродюсером книг Александра Солженицына. Умер в Сент-Ло (Франция) 6 января 2005 г. [1]

Обратимся к наследию Т. К. Чугунова. Наиболее известными книгами автора являются следующие издания: «Народное образование в Советском Союзе и в России» [2], «Высшее образование в Советском Союзе» [3], «Деревня на Голгофе: летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г.» [4] Кроме того, есть немецкоязычная работа Т. Чугунова «Die staatliche Leibeigenschaft. Analyse des sozialistischen Landwirtschaftssystems» [5] (Государственное крепостничество. Анализ социалистической системы сельского хозяйства), опубликованная издательством «Korn» в Мюнхене в 1964 г. (перевод выполнен сыном, В. Чугуновым). Упомянутые труды были достаточно известны, после их публикации в свет выходили соответствующие рецензии и обзоры. В своем большинстве они печатались в газете «Русская мысль» (Париж). К примеру, А. Ф. Слизской представил обзор книги Т. Чугунова «Высшее образование в Советском Союзе» [6]. Ю. Мишалов обозначил, что вышедшая в Мюнхене на немецком языке книга Т. К. Чугунова – оригинальное и объективное научное исследование социалистического сельского хозяйства; оно основано на статистических данных и официальных документах, взятых из советских источников [7]. Отзывы на книгу «Государственное крепостничество» обобщены в отдельной статье «Русской мысли» [8].

Перечень авторских публикаций, представленный в электронном каталоге периодических изданий фонда литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (РГБ) довольно широк. Большой массив статей автора обнародован газетой «Русская мысль» [9] (43 публикации). Исследования посвящены темам колхозной деревни: анализу положения сельских учителей, превращенных в нищих работников и бесправных людей [10], посевной кампании 1963 г. [11], денежным доходам

колхозников [12], целям и путям социализации сельского хозяйства [13], «колхозному аду» [14], колхозной демократии, советской законности и пропаганде [15], бедственному положению советского крестьянства из-за мизерных размеров натуральной оплаты их труда [16], «добровольной» коллективизации [17], бездарному партийному руководству как главной причине упадка сельского хозяйства в СССР [18], итогам выполнения семилетнего плана (1959–1965 гг.) [19] и т. д. Другими темами, которые поднимал и развивал автор, являлись вопросы движения науки и техники [20], политизированности советских учебников [21; 22], грамотности [23] и др. Т. К. Чугунов публиковался и в других периодических изданиях; среди них назовем общественно-политические тетради «Зарубежье» (Мюнхен) [24] и эмигрантскую газету «Возрождение» (Париж) [25]. На наш взгляд, краткий экскурс в биографию и историографию работ эмигранта показывает неординарность и многогранность его личности, что в свою очередь является основанием для обзора его научного и публицистического наследия.

В 1968 г. в Мюнхене российским эмигрантом Тихоном Козьмичем Чугуновым был опубликован уникальный документально-аналитический труд по истории крестьянства в СССР за период с 1917 по 1967 г. [4] Своеобразие исследования состоит в том, что жизнь деревенских жителей показана в том числе и на примере анализа художественных произведений (часть III книги). Так, социологические очерки (помимо обсуждения романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», повести А. Кулаковского «Добросельцы», романа А. Андреева «Грачи прилетели») включают рассмотрение творчества писателя-деревенщика А. Я. Яшина. Выбор прозы не случаен. Александр Яшин являлся дискуссионным автором второй половины XX в. Будучи одним из родоначальников деревенской прозы, Александр Яковлевич отличался правдивым фокусом взгляда, неодобрительно настроенным к процессам ломки традиционного крестьянского уклада, кризисным явлениям в эволюции колхозно-совхозной деревни. Наиболее остро деревенские проблемы писатель отразил на страницах рассказа «Рычаги» (1956) [26; 27]. Еще более обостренно жизнь деревни была показана в повести «Вологодская свадьба» (1962) [28], после опубликования которой была развернута идеологическая кампания критики, инспирированная властью [29; 30]. Однако литератор-правдолюб не отрекся от своих воззрений и продолжил описание злободневных вопросов потребительства в повести «Сирота», изданной журналом «Москва» в 1962 г. [31], а затем «Молодой Гвардией» в 1963 г. [32].

Положительные отклики и рецензии [33] на столь остросоциальные произведения в советском социалистическом государстве давать решались не многие. Тихон Чугунов отозвался о личности А. Яшина следующим

образом: «Мужественный писатель-правдолюб не стал изготавливать “колхозный сироп”, а продолжает идти своей честной, тернистой дорогой. Об этом убедительно говорит его повесть “Сирота”. Вместо сусальных “героев колхозной деревни”, которых начал расписывать еще Михаил Шолохов, повесть “Сирота” показывает нам персонажи колхозных руководителей иного типа» [4, с. 471]. Издание произведения А. Я. Яшина Т. К. Чугунов прокомментировал словами: «В повести колхоз описан, как он есть, правдиво, без прикрас, без лакировки. Писать такие произведения в Советском Союзе – дело опасное и трудное. Только писатели-правдолюбцы, мужественные духом, могут писать такие книги» [4, с. 486].

Спектр проблем, назревших в жизни вологодского колхоза, на которые обратил внимание благодаря работе с текстом А. Яшина Т. Чугунов, масштабен и широк: от описания образов простых колхозников, диссонирующих с портретом их начальников, до отображения тяжести каторжного сельского труда и нищеты. Посредством фактов, представленных в повести, Т. Чугунов сделал вывод о полном разорении хозяйства «закрепощенных крестьян» к началу 1960-х гг., причем как в частном, так и колхозном секторах деревни [4, с. 479]. Воцарение взяточничества, т. н. права «хозяина» председателя колхоза, «тусклое просвещение», отсутствие культурного отдыха в деревне, возврат к архаике быта – важные наблюдения очеркиста. Материально-бытовые условия жизни в деревне по сравнению с довоенным периодом не только не улучшились, а даже ухудшились [4, с. 482] – и это еще один важнейший маркер эпохи. Тихон Козьмич указывал на описанную А. Я. Яшиным крестьянскую нищету, в том числе невозможность из-за низкой зарплаты починить крышу дома или перестроить двор для скота [4, с. 480]. Автор упоминал: «А теперь, в XX веке, колхозницы опять занялись домашним изготовлением полотна и от “самопрялки” вернулись к веретену. Надо полагать, что колхозницы сделали это из-за горькой нужды: фабричного полотна они не могут достать, а прялок, вероятно, больше не сохранилось. Жительницы “великой индустриальной державы” вернулись к веретену, тому инструменту, с помощью которого пряли нити их прабабушки в помещичье-крепостной деревне, более 100 лет назад» [4, с. 481–482].

Примечательны высказывания Т. Чугунова, касающиеся главы колхоза «Красный Боровик». Прокофий Кузьмич, кроме начального, никакого образования не имел; при этом, управляя организацией около двух десятилетий, он так и не стал специалистом в отрасли сельского хозяйства. При этом руководитель твердо усвоил, что он полный «хозяин колхоза»: и земли, и колхозного имущества, и самих колхозников. Взятничеством председатель занимался систематически. В стиль его общения прочно вошли приказ, ругань, издевка, угрозы. Этот невежественный стиль управ-

ления призвал героя повести А. Яшина Шуру иронично назвать колхоз «Красный Боровик» артелью «Напрасный труд» [4, с. 472–473, 476]. Не менее важным замечанием Т. Чугунова являлось наблюдение об утверждающемся в среде руководящей власти обычае: «Выполняя роль погоняльщика на колхозных полях и болтуна на собраниях, бригадир вырывал подачки, получал заработную плату, кормил себя и свою семью, жил “сыт и пьян”, освобождал от колхозной работы жену и готовил своих детей следовать по его стопам» [4, с. 472]. Образ жизни начальников, их отношение к труду, стремление к материальному достатку, низвержение духовных скреп, традиционных крестьянских идеалов вызывали стойкое неприятие среди рядовых граждан. Обнародование данных фактов воспринималось населением (несмотря на идеологические диверсии) как оказание помощи в ограничении и низложении вопиющих эпизодов повседневности. Однако трансформации материального мира остановить было невозможно, власть денег и менталитет накопления, переоценка ценностей не только изменяли деревенский уклад, но и способствовали его полному исчезновению и ликвидации.

Тематика прозы литератора была обоснованно связана с характеристикой разрушающегося обихода хозяйственной жизни. Трансформацию семейных ценностей, жизненных идеалов, продемонстрированную А. Яшиным, явственно запечатлел в своем сознании и выразил в своей работе Т. Чугунов. Осуществлялся поворот к индивидуализму и нравственному разобщению. Пороки и процессы утверждения принципов частнособственнической морали, материальной наживы уже были глубоки и бесповоротны. Особенно наглядно они представлены через образы Павла и Шуры – братьев-сирот, мировоззренческие позиции которых отличны настолько, что ведут к распаду родственных связей, отображают тление семейных ценностей, а в итоге приводят к разорению семейного гнезда – отцовского дома. Отъезд деревенских жителей в города в начале 1960-х гг. – это уже массовое явление. В данной связи Т. К. Чугунов отмечал, что «“Сирота” – это также земля, которую покидают колхозники» [4, с. 486]. «Вся книга показывает, что “сиротой” является вся колхозная деревня, у которой нет ни любящего отца, ни разумного хозяина. Эту “сироту” повседневно ограбляют, угнетают и оскорбляют всевозможные “начальнички”, начиная от бригадира и кончая высокими сановниками», – резюмировал публицист [4, с. 486].

В заключение отметим, что смысл содержания повести «Сирота» состоит не только в констатации сиротства земли, но и духовного сиротства. Александр Яшин обозначил некий ментальный поворот, когда в обществе второй половины XX в. теряли свое высокое значение моральные ценности и самозабвенный труд, при этом торжествовали корысть, выгода, спе-

куляция сиротством, вероломство. Писатель запечатлел процесс формирования социального типа вымогателя. Трансляция аномалий деревенского воспитания, потакания бездельничеству были восприняты Т. К. Чугуновым как твердость духа и бесстрашие перед советской цензурой. Описанные метаморфозы и вскрытые факты отзывались в душе эмигранта решительным осуждением, а вместе с ним фиксировались в восприятии большого числа поклонников, современников, в том числе нынешних ценителей таланта и смелого творчества советского прозаика.

Список использованной литературы

1. Vronskay J. Vladimir Chuguev // INDEPENDENT. 2005. 8 January. URL: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/vladimir-chuguev-495664.html>
2. Чугунов Т. К. Народное образование в Советском Союзе и в России. Мюнхен : Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЕ), 1960. 36 с.
3. Чугунов Т. К. Высшее образование в Советском Союзе. Мюнхен : Центральное объединение политических эмигрантов из СССР, 1961. 89 с.
4. Чугунов Т. К. Деревня на Голгофе: летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г. Мюнхен : Изд. авт., 1968. 509 с.
5. Czugunow T. K. Die Staatliche Leibeigenschaft: Analyse des sozialistischen Landwirtschaftssystems. München : Bergstadtverlag Wilh. Gottl. Korn, 1964. 192 s.
6. Слизской А. Ф. Результаты Хрущевской школьной реформы // Русская мысль. 1961. 5 авг.
7. Мишалов Ю. Книга о «Государственном крепостном праве» // Русская мысль. 1964. 1 окт.
8. Стороннее сообщение: [обзор] // Русская мысль. Париж, 1967. 25 марта.
9. ФГБУ «Российская государственная библиотека». Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 941. Газета «Русская мысль».
10. Чугунов Т. К. Бедственное положение учителей в колхозной деревне // Русская мысль. 1964. 23 апр.
11. Чугунов Т. К. «Великая битва за урожай» // Русская мысль. 1963. 20 июня.
12. Чугунов Т. К. Денежные заработки колхозников в 1961–63 гг. // Русская мысль. 1964. 28 июля.
13. Чугунов Т. К. Для чего создана колхозная система сельского хозяйства? // Русская мысль. Париж, 1963. 12 февр., 14 февр.
14. Чугунов Т. К. Идеал земного рая и колхозный ад: (Утопия Чернышевского и колхозная действительность). Роман «Что делать?» // Русская мысль. 1963. 24 янв.

15. Чугунов Т. К. «Колхозная демократия» и «советская законность» // Русская мысль. 1965. 11 дек.
16. Чугунов Т. К. Колхозники на голодном пайке // Русская мысль. 1965. 11 мая.
17. Чугунов Т. К. «Колхозы распустить, самим править» // Русская мысль. 1965. 24 авг.
18. Чугунов Т. К. Кто виноват в упадке колхозного хозяйства?: По поводу письма «бывшего колхозника» // Русская мысль. Париж, 1964. 14 июля.
19. Чугунов Т. К. Неутешительные итоги семилетки // Русская мысль. Париж, 1966. 24 мая, 28 мая.
20. Чугунов Т. К. Космические зрелища // Русская мысль. Париж. 1965. 9 янв.
21. Чугунов Т. К. «Азбука коммунизма» для студентов-иностранцев // Русская мысль. Париж, 1964. 11 июня.
22. Чугунов Т. К. Вечная «история» с учебниками // Русская мысль. Париж, 1964. 10 дек., 24 дек.; 1965. 14 янв., 15 апр., 17 апр.
23. Чугунов Т. К. Новый вариант мифа о «неграмотной России» : [полемика] // Русская мысль. Париж, 1964. 30 июня.
24. Чугунов Т. К. Рабство и крепостничество в XX веке // Зарубежье. Мюнхен. 1966. № 3(7). С. 9–11.
25. Чугунов Т. К. Царь-освободитель и его хулители : (к 100-летию освободительной реформы 1861 г.) // Возрождение. Париж, 1961. № 111. С. 75–87.
26. Яшин А. Я. Рычаги : рассказ // Литературная Москва : лит.-худож. сб. московских писателей. М., 1956. Сб. 2. С. 502–513.
27. Яшин А. Я. Рычаги : рассказ. London : Flegonpress, 1965. 24 с.
28. Яшин А. Я. Вологодская свадьба // Новый мир. 1962. № 12. С. 3–26.
29. Столетова А. С. Идеологическая кампания против писателя А. Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. // Вестник Вологодского государственного университета. 2019. № 1(12). С. 47–50.
30. Столетова А. С. Литературная репутация и творчество писателя А. Я. Яшина (исторический контекст) // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 158–168. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi21
31. Яшин А. Я. Сирота : повесть // Москва. 1962. № 6. С. 3–62.
32. Яшин А. Я. Сирота : повесть. М. : Мол. гвардия, 1963. 142 с.
33. Чугунов Т. К. Колхоз без лакировки : повесть Александра Яшина «Сирота» : [рец.] // Русская мысль. Париж, 1965. 6 июля, 24 июля, 27 июля.

Мария Карловна Кшондзер,

доктор филологических наук, руководитель литературного общества «Арион»,
Германия, г. Любек, mkkshondzer@googlemail.com

УДК 82.0

Эмиграция как текст жизни и текст творчества Иосифа Бродского

Аннотация. Иосиф Бродский по своей сути – поэт одиночества и изгнания, ибо, по его же словам, «изгнание и есть естественное условие существования поэта». Поэзия Бродского до эмиграции уже была выражением экзистенциального одиночества и отщепенства, лирический герой в ней как бы отсутствует, отстраняется от текста. Однако полное самоустранение и отчуждение от своего «я» – это только маска, за которой скрывается трагедия личности, вырванной из стихии родного языка и пересаженной на другую культурную почву.

Ключевые слова: одиночество, отчужденность, отстранение, самоидентификация.

Maria Kshonzer

Doctor of Sciences in Philology, Head of the literary society "Arion", Germany,
Lubeck, mkkshondzer@googlemail.com

Emigration as the text of the life and work of Joseph Brodsky

Abstract. Joseph Brodsky is, in essence, a poet of solitude and exile, since, according to him, "exile is the only condition of a poet's existence". Before emigration, Brodsky's poetry already conveyed existential solitude and dissent. His lyric hero seemed to be absent and alienated from the text. However, the poet's estrangement was just a mask disguising the tragedy of a person who was expatriated and deprived of his language and cultural background.

Keywords: loneliness, alienation, estrangement, self-identification.

Одной из важнейших слагаемых литературного процесса является эволюция представлений о мире и человеке. Русская литература XX в. в силу сложившихся социально-исторических и идеологических условий оказалась разделенной на два потока:

- 1) литературу, созданную после Октябрьской революции в России и затем в СССР;
- 2) литературу русского зарубежья.

В течение длительного времени в критике и литературоведении существовало жесткое противостояние двух точек зрения на русскую литературу XX в. Критика русского зарубежья не признавала советскую лите-

ратуру, считая ее несвободной и подчиненной социальному заказу; в свою очередь советская критика игнорировала литературу русского зарубежья, называя ее упаднической и перепевающей старые ностальгические мотивы.

В современных работах, посвященных двум составляющим русской литературы XX в., появился более взвешенный и конструктивный взгляд на данную проблему. Многие исследователи склонны рассматривать русский литературный процесс XX в. как единое и целостное явление [1, с. 196]. На наш взгляд, наиболее корректной и близкой к реальности можно считать точку зрения ученых, признающих существование одной русской литературы XX в., в рамках которой развивались два литературных процесса, в чем-то пересекающихся друг с другом (в плане продолжения классических традиций), а во многом и противоположных [2, с. 22].

Изучение литературы русского зарубежья в последние два десятилетия приобрело в России солидную базу: существуют как общеметодологические работы, так и труды, посвященные творчеству отдельных писателей-эмигрантов. Проблема литературы в изгнании на протяжении XX в. видоизменилась: если эмигранты первой волны уезжали навсегда, не имея надежды увидеть свои произведения опубликованными на родине, то писатели-эмигранты конца XX в. не теряли связи с метрополией. Пожалуй, одним из последних русских поэтов, изгнанных из родной страны в никуда, испытавших на себе всю жестокость и непримиримость государственной машины, был Иосиф Бродский. Противостояние с Системой поэт ощущал на себе с детства. В эссе «Меньше единицы» он с предельной откровенностью говорит об избранном им пути отчуждения и необходимости альтернативного существования в жизни и в искусстве. Пытаясь выбраться из «паутины лжи», которой Система опутывала личность, Бродский избрал для себя позицию отстранения – от государства, от идеологии, от общепринятых стереотипов, что определило в дальнейшем творческое кредо художника и привело в конечном итоге к самоотчуждению авторского «я» в поэзии.

Любой творец по своей сути – изгнанник, его судьба изначально трагическая. По мнению Мандельштама, «душевный строй поэта располагает к катастрофе» [3, с. 191]. Марина Цветаева, пережившая опыт изгнания, также считала внутреннюю эмиграцию нормальным состоянием поэта, даже если он находится на родине: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России... На поэте – на всех людях искусства – но на поэте больше всего – особая печать неуютта, по которой даже в его собственном доме – узнаешь поэта. Эмигрант из Бессмертия в время, невозвращенец в свое небо» [4, с. 548].

Отстранение как основной принцип творчества складывалось в поэзии Бродского в какой-то степени под влиянием эстетики Петербурга – мистического города, в силу своего географического положения и европейской ориентации противопоставленного остальной России. В эссе «Путеводитель по переименованному городу» И. Бродский напишет: «Нет другого такого места в России, где бы воображение отрывалось с такой легкостью от действительности: русская литература возникла с появлением Петербурга... Как это нередко случается с человеком перед зеркалом, город начал впадать в зависимость от своего объемного отражения в литературе» [5].

В одном из ранних стихотворений – «Стансы городу» – пророчески звучит щемяще-интимная интонация связи с родным городом и неизбежность будущей разлуки с ним. Поэт как бы предвидит свою судьбу, обращаясь к другому гению и к другой эпохе: в стихотворение вплетены реминисценции из нескольких лермонтовских стихов, а «кривоногий мальчик» – это юный Лермонтов, с судьбой которого поэт соотносит собственную жизнь:

Да не будет дано
Умереть мне вдали от тебя,
В голубиных горах,
Кривоногому мальчику вторя.
Да не будет дано
И тебе, облака торопя.
В темноте увидеть
Мои слезы и жалкое горе [6].

Поколение Бродского – это поколение, которое, с одной стороны, испытало все материальные лишения (голод, нищету, разруху), а с другой стороны, прекрасно понимало ту ложь, которой была проникнута Система. Это и вызвало резкое неприятие существующего мира и стремление уйти от него, отгородиться, создать свой собственный мир грез и откровений. Сам Бродский так напишет о своем поколении в эссе «Меньше единицы»: «Если мы делали этический выбор, то исходя не столько из окружающей действительности, сколько из моральных критериев, почерпнутых в художественной литературе... Книги стали первой и единственной реальностью, сама же реальность представлялась... абракадаброй... Это было единственное поколение русских, которое нашло себя, для которого Джотто и Манделштам были насущнее собственных судеб» [7, с. 721]. В стихотворении «Рождественский романс» рефреном звучит тема «тоски необъяснимой», определившая основную интонацию всего последующего творчества Бродского:

Твой Новый год по темно-синей
Волне среди шума городского
Плывет в тоске необъяснимой....
Как будто жизнь качнется вправо,
Качнувшись влево [7, с. 9].

Осознавая дисгармоничность бытия, Бродский пытается «упорядочить хаос», преодолеть «раздробленность мироздания посредством поэтического текста». Уже в ранних стихах 60-х гг. появляются темы отъезда и возврата на родину, когда поэт и не помышлял об эмиграции. Это было реакцией на несправедливое устройство всего мира, а не только какой-нибудь политической системы.

Творчество Иосифа Бродского впитало в себя лучшие традиции русской и мировой культуры. Его поэзия – это воплощение мандельштамовской «тоски по мировой культуре», однако Время и Эпоха – категории, основополагающие для поэта, побудили его создать свой уникальный поэтический мир. Даже в трактовке «вечных» сюжетов Бродский очень оригинален. Размышляя в стихотворении «Два часа в резервуаре» о вере и неверии, он дает свой вариант Фауста, отличный от гетевского и пушкинского: Фауст Бродского стремится овладеть знанием ради знания, а истинная вера, по Бродскому, – это сфера глубоко интимная, далекая от мистических игр. Не случайно во всех интервью и эссе поэт говорит о своей симпатии к кальвинизму с его центральным тезисом о непосредственной ответственности человека перед богом.

Говоря о традициях, нельзя не обратиться к пушкинским традициям в творчестве Бродского, которые проявляются в его поэзии не прямо, а опосредованно. В этом отношении очень интересно стихотворение «От окраины к центру», которое в чем-то даже текстуально перекликается со знаменитым пушкинским стихотворением «Вновь я посетил...» (у Бродского – «Вот я вновь посетил эту местность любви...»). Одиночество лирического героя приобретает у Бродского романтический ореол. Однако пушкинский мотив возвращения в родные места трактуется не столь оптимистично: радостная встреча с юностью невозможна. Главная тональность стихотворения определяется внутренним состоянием лирического героя, ощущающего себя человеком своего поколения и в то же время гражданином мира, задающим себе извечные вопросы бытия [См. 8, с. 200–285]:

Значит, нету разлук.
Значит, зря мы просили прощенья
У своих мертвецов.
Значит, нет для зимы возвращенья.
Остается одно:
По земле проходить бестревожно.
Невозможно отстать.
Обгонять – только это возможно [7, с. 21].

Все творчество Бродского пронизано мотивами одиночества, отчуждения и изгнания, поэт пророчески предрекает свою судьбу, понимая, что горькая чаша изгнания не минует его. В стихотворении 1964 г., написанном в архангельской пересыльной тюрьме, явственно ощущаются предчувствие своего изгнания и пронзительная любовь к родине, отторгающей его:

Сжимающий пайку изгнанья
В обнимку с дремучим замком,
Прибыв на места умиранья,
Опять шевелю языком...
Перо поднимаю насилу,
И сердце пугливо стучит,
Но тень за спиной за Россию,
Как птица на рошу, кричит [9].

Стихотворение «Сад» – ещё одна вариация на эту тему. Сад – это символический образ мира, «несопряженность» с которым, по словам Мандельштама, поэт чувствовал с самого детства. Тема ухода в данном контексте приобретает глубокий философский смысл, означая не столько реальный отъезд из страны, сколько осознание высоких и вечных категорий жизни и смерти, любви и разлуки, когда путь поэта и высокий путь мировой гармонии становятся «тождественно огромными».

Любовная лирика Бродского опровергает распространенное мнение о его поэзии как чисто интеллектуальной игре со словом, в которой преобладают рационализм и холодная созерцательность. За внешней отстраненностью часто кроются глубокие и сильные страсти, и тогда слагается «песня навзрыд». Любовные стихи Бродского, как лакмусовая бумага, выявляют особенности его тонкой и ранимой души, способной любить и страдать. В стихотворении эмигрантского периода «Дорогая, я вышел сегодня из дому...» (1989) слились в единое целое боль и тоска по утраченной возлюбленной, воспоминания о прожитой жизни и вечная для Бродского тема всепожирающего времени:

Не пойми меня дурно. С твоим
голосом, телом, именем
ничего уже больше не связано;
никто их не уничтожил,
но забыть одну жизнь – человеку
нужна, как минимум,
ещё одна жизнь. И я эту долю
прожил [7, с. 619].

Вынужденная эмиграция в 1972 г. как бы отсекала всю прошлую жизнь и обострила душевную драму поэта. Именно в России он создал «мир в себе» и унес этот мир с собой, но авторское «я» поэта в изгнании претерпело серьезные изменения, и, хотя сам Бродский в одном из интервью называл изгнание «естественным условием существования поэта», его творчество эмигрантского периода представляет собой постепенный отказ от лирического героя. Центром его художественного мира становится неиндивидуализированный человек вообще, на которого автор смотрит как бы со стороны, ниоткуда. По справедливому мнению В. П. Полухиной, «я» в изгнании обречено на распад идентичности, поскольку есть прямая связь между опытом изгнания и метонимическим описанием перемещенного авторского «я» [10, с. 36].

Отчуждение, которое в ранних стихах было условным приемом, теперь стало драматической реальностью. Одержав победу над внешними обстоятельствами, человек выпадает из времени и становится неким абстрактным субъектом [11, с. 172]. В этом отношении очень характерно стихотворение эмигрантского периода «Часы останови. Забудь про телефон» – из У. Х. Одена – англо-американского поэта, сильно повлиявшего на творчество Бродского. Английская поэтическая традиция отличается от русской спокойным, внешне бесстрастным отношением к изображаемому. Бродский соединил в своей поэзии традиции русского стиха с англоязычной традицией кажущегося отчуждения автора от своего текста. В вольном переводе «Из Одена» мы видим застывшую картину мира, где остановилось время, нет связи с окружающей действительностью, герой находится в вакууме – без любви и с ощущением мертвой Вселенной.

В стихотворении «Метель в Массачусетсе», написанном также в эмиграции, кроме названия, нет никаких привязок к определенному географическому месту. Это, как всегда у Бродского, размышления о мгновении и вечности, о быстротечности жизни, уподобляемой снегопаду – вихрю, сметающему все на своем пути и оставляющему человека один на один с тишиной. Образ снега, также очень характерный для поэтики Бродского, вызывает прямые ассоциации со стихотворением Бориса Пастернака «Снег идет». Перекличка чувствуется уже в первой строке стихотворе-

ния Бродского («Снег идет – идет уж который день»). Безусловно, стихотворения Пастернака и Бродского отличаются поэтической стилистикой, образностью и эстетикой, однако их объединяет одна тема – быстротечности времени и трагичности человеческого существования. В то же время в обоих стихотворениях явственно ощущается мотив «непреходящести» простых и вечных категорий, таких как снег, «цветы герани», «перекрестка поворот» (у Пастернака) и «полотнища цвета прощенных душ» (у Бродского).

Ср. у Пастернака:

Снег идет – и все в смятеньи,
Все пускается в полет, –
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот <...>
Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой
Может быть, проходит время? [12, с. 114–115]

У Бродского:

Снег идет – идет уж который день,
Так метет – хоть черный пиджак надень.
Городок замело. Не видать полей.
Так бело, что не может быть белей.

Или – может: на то и часы идут.
Но минут в них меньше, чем снега тут.
По ночам темнота, что всегда была,
Непроглядна, и та, как постель, бела [7, с. 655]

Вариацией на ту же тему является еще одно стихотворение эмигрантского периода – «Осенний вечер в скромном городке». В одном парижском журнале о поэзии Бродского периода эмиграции было сказано так: «Поэзия Бродского есть в некотором смысле запись мыслей человека, покончившего с собой. Он живет отчаянием, он живет в отравленной атмосфере» [11, с. 172–173]. Именно в таком состоянии находится герой стихотворения «Осенний вечер в скромном городке» – вне Пространства и Времени, «забыв про календарь», а о его смерти случайно узнает молочник по нетронутому скисшему молоку.

Изгнание меняет самоидентификацию поэта, в центре его внимания, как и прежде, отношения человека со временем («Человек есть конец самого себя и вдается во Время»), однако постепенно в поэзии Бродского

происходит полное отчуждение авторского «я» от самого себя и превращение его в вещь, в неодушевленный предмет, который, в свою очередь, «становится немедля частью речи». Основные мотивы творчества поэта в эмиграции – ощущение потерянности, полного одиночества, инородности всему окружающему (при внешнем благополучии и процветании), лирический герой его поэзии превращается в ничто, в безличного «человека в плаще», потерявшего «память, отчизну, сына», посылающего прощальный привет любимой из пустоты, из «ниоткуда», но с «любовью», и это очень важный компонент лирики Бродского. Его поэзия до крайности индивидуализирована, но она не эгоистична, в ней сосуществуют две порой взаимно исключаящие тенденции: внешняя отчужденность, холодный рационализм и в то же время страстное отношение к жизни, любви, несправедливости, умение прощать и благодарить судьбу за весь пройденный путь:

Что сказать мне о жизни? Что
оказалась длинной.
Только с горем я чувствую
солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь
благодарность [7, с. 4].

Наиболее полное представление о мировоззрении Бродского и сочетании в его творчестве рационального и эмоционального начал дает эссеистика поэта и в первую очередь его выдающееся эссе «Набережная неисцелимых», написанное на английском языке в 1991 г. по просьбе одного из венецианских издательств, но по сути представляющее собой глубокие мировоззренческие размышления о смысле жизни, о вечности, о связи человека с пространством и временем, о сущности бытия. Конкретный анализ эссе «Набережная неисцелимых» позволяет обнаружить за внешней сдержанностью и аскетичностью глубокую эмоциональную насыщенность и скрытую гамму сильных чувств и эмоций. Так, в самом начале эссе, которое даже трудно определить в жанровом отношении, Бродский не может справиться с нахлынувшими на него эмоциями от первого восприятия Венеции: «Ночь была ветреной, и прежде чем включилась сетчатка, меня охватило чувство абсолютного счастья: в ноздри ударил его всегдашний – для меня – синоним: запах мерзнувших водорослей... Все отдавало приездом в провинцию – в какое-нибудь незнакомое, захолустное место – возможно, к себе на родину, после многолетнего отсутствия» [13, с. 68–69]. Казалось бы, после такого эмоционального всплеска должно быть продолжение ностальгической темы, но здесь вступает в силу основной принцип поэтики Бродского – антиномичность, соединение взаимоисключаю-

ших суждений: автор тут же пытается найти рациональное объяснение своих чувств и ощущений: «Привязанность к этому запаху следовало... приписать детству на берегах Балтики... Я всегда знал, что источник этой привязанности где-то в другом месте, вне рамок биографии, вне генетического склада, где-то в гипоталамусе, где хранятся воспоминания наших хордовых предков об их родной стихии – например, воспоминания той самой рыбы, с которой началась наша цивилизация» [13, с. 69] (имеется в виду упоминание о рыбе как эмблеме ранних христиан. – М. К.)

Проблемы рационального и эмоционального начал у Бродского непосредственно связаны с религиозно-философским осмыслением действительности, однако вера определяется поэтом очень своеобразно, в контексте основополагающей для него категории Времени, ассоциативно связанной в художественном мире Бродского с водной стихией. Рациональному подходу к действительности Бродский противопоставляет сверхрациональный, т. е. религиозный, вера воспринимается им не как догма, а как проявление глубоко интимного, личностного чувства, непосредственно связанного с внутренним миром поэта, с его экзистенциальным взглядом на окружающую реальность. Сочетание нарочитой приземленности с философским обобщением, углубление в себя и в то же время отчуждение от собственного «Я» – из этих противоречий состоит все творчество Бродского. Рассуждая на эмоциональном уровне о Венеции как о мистическом, непостижимом городе, в котором не действуют законы разума, автор в то же время постоянно анализирует свои чувства, пытаясь отстраниться от самого себя и воспринимать действительность как нечто совершенно абстрактное, не зависящее от личностных эмоций. Этот симбиоз способствует созданию нового, чрезвычайно интересного жанра, в котором мнимое самоустранение автора на самом деле заставляет читателя глубоко проникать в текст и за внешней отчужденностью находить огромный философский, мировоззренческий и эмоциональный подтекст.

Полное самоустранение и отчуждение от своего «я» – это только маска, за которой скрывается трагедия личности, вырванной из стихии родного языка и пересаженной на другую культурную почву. Судьба и Система поставили опыт на поэте, пытаясь перерезать все нити, связывающие его с жизнью. Но опыт не удался – натура оказалась крепче. Отчаяние диалектически переросло в творческую свободу самовыражения, а родной язык стал центром поэтического мира и способом выживания в эмиграции. В своей нобелевской речи Бродский называет поэта «средством существования языка», и благодаря этой миссии ему удалось перенести русский язык в центр мировой культуры, превратив его в «мистическое» оружие, способное победить время.

Бродский не приехал в Россию при жизни, он не хотел возвращаться туда, где был одновременно и счастлив, и несчастен, но он все-таки вернулся – своими стихами, своим творчеством, своей посмертной судьбой.

Интерес и любовь к его поэзии, многочисленные переложения его стихов на музыку, стремление подражать его творческой манере – все это подтверждает мысли поэта о том, что творчество – единственная ценность, способная победить смерть:

Меня упрекали во всем, кроме погоды,
И сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны
И стану просто одной звездой...

И если за скорость света не ждешь спасибо,
То общего, может, небытия броня
Оценит попытки ее превращения в сито
И за отверстие поблагодарит меня [7, с. 693].

Список использованной литературы

1. Эткинд Е. Русская поэзия 20 века как единый процесс // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 189–211.
2. Чагин А. Расколота лира. М. : Наследие, 1998. 269 с.
3. Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. лит, 1990. 463 с.
4. Цветаева М. Избранные сочинения : в 2 т. М., 1998. Т. 2. 568 с.
5. Бродский И. Путеводитель по переименованному городу. URL: <http://www.sevenline.narod.ru/pdf/brodsky.pdf>
6. Бродский И. Стансы городу. URL: <http://www.world-art.ru/lyric.pdp?id=7386>
7. Бродский И. Сочинения. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. 831 с.
8. Ранчин А. «На пиру мнемозины». Интертексты Иосифа Бродского. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.
9. Бродский И. Сжимающий пайку изгнанья. URL: <http://www.world-art.ru/lyric.php?id=7470>
10. Полухина В. Авторское «я» в изгнании // Больше самого себя. О Бродском. Томск : ИД СК- С, 2009. 416 с.
11. См.: Лурье С. Свобода последнего слова // Иосиф Бродский. Размером подлинника. Таллинн : Изд-во ЛО СП СССР и Таллинского центра МШК МАДПР, 1990. С. 165–176.
12. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 2. Л. : Сов. писатель, 1990. 368 с.
13. Бродский И. Набережная неисцелимых // Венецианские тетради. Иосиф Бродский и другие. М. : ОГИ, 2002. 264 с.

Татьяна Юрьевна Ланда,

доктор филологических наук, профессор, Тель-Авивский университет,
Израиль, Тель-Авив, tatyanalanda7@gmail.com

УДК 821.161.1; 82-2

Язык драмы XXI века – варианты, эксперименты, искушения (на примере творчества Владимира Сорокина)

Аннотация. «Хочу сказать, с полной ответственностью, что каждый настоящий писатель – экстремист в той мере, в которой он берет на себя смелость говорить о вещах противоестественных собственному сознанию» (В. Ерофеев). И эта уникальная способность отражена в драматургии XXI в. В форме, о которой столько раз говорили исследователи, в форме, начатой общеизвестной фразой классика: «...Тара-ра...бумбия... сижу на тумбе я» (А. П. Чехов). В форме языка «новой новой драмы» сложный пазл литературы постмодернизма складывается из нескольких составляющих: текстов, созданных в соответствии с художественно-эстетической системой постмодернизма, а также антитезой всему только что сказанному, т. е. антиэстетикой и антиидеологией постмодернизма. Или, другими словами – неоавангардизмом и гипернатурализмом. И это усложнено сочетанием несочетаемого – «элитного» и «массового». Как у И. Бродского в пьесе «Мрамор»: «...лестница; только начинаешь не с первой ступеньки, а с последней. И следующую сам себе сколачиваешь».

Ключевые слова: драма, постмодернизм, В. Сорокин.

Tatyana Landa

PhD, Professor, Tel-Aviv University, Faculty of Art,
Israel, Tel-Aviv, tatyanalanda7@gmail.com

The Language of the Drama of the XXI Century: Options, Experiments, Temptations (on the Example of the Work of Vladimir Sorokin)

Abstract. "I want to say, with full responsibility, that every real writer is an extremist to the extent that he takes the liberty to talk about things unnatural to his own consciousness" (V. Erofeev). And this unique ability is reflected in the drama of the XXI century. In the form that researchers have spoken about so many times, in the form started by the well known phrase of the classic "...Tara-ra...bumbia... I am sitting on the pedestal" (A. P. Chekhov). In the form of the language of the "new - new drama".

The complex puzzle of postmodern literature consists of several components: texts created in accordance with the artistic and aesthetic system of postmodernism. As well as the antithesis to everything just said i.e. anti-aesthetics and anti ideology of postmodernism. Or in other words: anti - aesthetics and hyper - nationalism. And this is complicated by a combination of incongruous - "elite" and "mass". Like I. Brodsky in the play "Marble": "...Stairs; only you start up not with the first step, but with the last. And you make the next one yourself."

Keywords: Drama, Postmodernism, "Marble", V. Sorokin.

Драматургия как неотъемлемая часть литературы отражает все процессы, течения и колебания, которые происходят в культуре, обществе, сознании. Но с некоторой поправкой на особенности жанра. Драматургия – это не просто часть литературы, это неотъемлемый материал театра. Таким образом, на долю драматургии выпала роль обслуживать и править, вершить и формировать.

Театр становится местом, где с молчаливого согласия автора и исполнителя на зрителя возлагается задача додумывать, «довоображать» перформативные акты, происходящие на сцене. И тут роль текста сложно переоценить. Зрительское восприятие, и в особенности если речь идет о драматургии XXI в., расширяется, достраивается либо катастрофически «зависает», в зависимости от определенных стереотипов (ментальных, интеллектуальных, возрастных, социальных и т. д.), которые учитывал либо игнорировал драматург, а затем и режиссер.

Важнейшим свойством современного текста является: «...процесс самопроекции зрителя... перспектива развития самого себя и всех своих возможностей. Таким образом, сценическая реальность формируется и окрашивается зрительским Я» [1, с. 24].

И все это вышеперечисленное отражено в процессе развития драматургии XXI в. Что достаточно трудоемко, поскольку «не дрейфуют (тексты) сами через культурные границы» [2, с. 277].

Драматургия XXI в. как часть литературы, культуры подвержена анализу взаимоотношений, взаимовлияния и взаимоисключения между новой парадигмой развития и традиционными функциями литературы и культуры. Чаще всего искусство XXI в. в работах современных исследователей представляется как "terra incognita". Что понятно и объяснимо. Мы находимся в центре живого процесса – развивающегося, растущего, формирующегося. И роль исследователя, на наш взгляд, – «не навредить». Один из исследователей современной культуры Б. Гройс считает, что «в искусстве есть простая цикличность: мы наблюдаем колебания между ценным и обесцененным. Дабы удовлетворить прогрессивному требованию новизны, ценным становится маргинальное или иное, затем, в свою очередь, подлежащее переоценке» [3, с. 174].

На то, что в приведённой выше гипотезе есть своя правда, указывает время от времени повторяющаяся «мода» на темы, стили и образы. Если это так, то, с одной стороны, искусство XXI в. разнообразно и пестро лишь односторонне. С другой стороны, оно монотонно. Мы знаем достаточно примеров самоограничения художника. И каждый следующий художник оставляет все меньше и меньше места для новых экспериментов,

ограничивая круг первичных понятий и объектов. Искусство и драматургия как его часть все больше и больше становятся похожими на шагреновую кожу, которая сжимается и приближается...

Тут мы позволим себе не заканчивать предложение, а, создав интригу, увести читателя/слушателя, в другую сторону. В сторону живого языка драмы XXI в.

Что же происходит здесь? Наблюдается несколько тенденций, одна из которых своими корнями уходит в классику, в рождение «новой драмы», а именно к А. П. Чехову, с его популярной фразой: «...тум-таратумба... я сижу на тумбе» [4. с. 217]. Именно этот рефрен, на наш взгляд, открыл двери языку драмы постмодернизма. И им поторопились воспользоваться.

В пьесе В. Сорокина «Занос» (2009) похожим языком написана треть текста. Драматургу это необходимо для передачи авторского отношения к персонажам и создания колорита постмодернистского произведения. Выписав до мелочей образы «полковника внутренних войск с рацией в руке, человека в сером костюме с маленьким значком на лацкане пиджака, изображающим щит и меч, и человека в коричневой тройке со значком депутата Государственной Думы, с портфелем в руке» [5. с. 635], он вкладывает в их уста сленговую речь. Общение происходит на языке, понятном лишь им или тем, кто владеет языком жаргона, сленгом «братанов».

СИЛОВИК. Где это торжественное пропихо?

ДЕПУТАТ. Или проще: хорошее пропихо? Про-пи-хо?

СИЛОВИК. Вы не понимаете?

СЕРГЕЙ (через силу). Тут... слева кабинет.

ДЕПУТАТ. Хлеб?

СИЛОВИК (с усмешкой). Хлеб? (Показывает Сергею на замок). Ты знаешь хлеб?

ПОЛКОВНИК. Надо спросить у печального носорога.

СИЛОВИК. ОН обрадуется.

ПОЛКОВНИК. Надо спросить грустно.

СИЛОВИК. Времени нет. Так, (полковнику) зовите справедливых, пусть умножают Приличное.

ПОЛКОВНИК (по рации). Колосов. Майор, тут придется обидеться» [6, с. 636–637].

Итак, часть языка пьесы – сленг либо жаргон, часть – мат, часть похожа на язык плохого реалити-шоу.

С одной стороны, хотим мы того или нет, расширился арсенал языка, а с другой – почти полностью потеряна функция языка, формирующая национальную идентичность. Язык, как и само произведение, определяет-

ся потребительскими качествами, сформулированными в жесткой формуле: «Чем проще и понятнее, тем меньше усилий». «...Сорокинский язык, трансгрессивный, постоянно оперирующий на грани табу, использует все мыслимые сигнификации телесности из области крови и плоти, чтобы соматизированным словом семантизировать дискурсивные системы» [7, с. 175].

Сложный пазл драматургии XXI в. складывается из «отрицательного провозглашения» (Т. Л.). И этим «провозглашением» становится отсутствие в произведении положительного героя. Того героя, на котором выросло и сформировалось поколение нынешних драматургов, переживших эмиграцию. Что это? Парадокс жизни?! Внутренний надлом?! Или новое поколение героев?! Когда надо разбирать не тонкие струны души, а через грязь и мерзость определять наличие либо полное отсутствие человечности и духовности. «Хочу сказать, с полной ответственностью, что каждый настоящий писатель – экстремист в той мере, в которой он берет на себя смелость говорить о вещах противоестественных собственному сознанию» [8].

Об отношении к персонажам мы упоминали – практически полное отсутствие героя в классическом понимании. Но и тот минимум «положительных» персонажей, которые существуют в пьесе (на наш взгляд, их двое – девочка-тренер и... попугай, чудом выживший после всех катастроф), бесцветны и мало индивидуальны. Это полуживые образы, движение которых происходит под натиском авторской воли. Может быть, это оттого, что тренер (Таня) ведет гиперздоровый образ жизни. И в этом также есть авторская оценка модного тренда. Ну, а попугай?! Ему отведена особая роль – в финальной сцене закрыть занавес пьесы. Этаким Фирс, но в постмодернистской трактовке: «...ПОПУГАЙ. Супрематизм!» [9, с. 665]

Супрематизм – одно из ярких художественных движений в русском и европейском искусстве XX в. «С точки зрения супрематиста явления предметной природы сами по себе не имеют значения; существенным является лишь чувство как таковое, совершенно независимо от окружения, в котором оно было вызвано» [10, с. 103]. К супрематизму К. Малевич относил свой «Черный квадрат».

И если вспомнить, что В. Сорокин не только писатель и драматург, но и художник, то финальной фразой пьесы он определяет, на наш взгляд, ее стиль. «Занос» – это «Черный квадрат» постмодернистской драматургии. И доказательством тому служит построение пьесы, которую открывает не традиционный список действующих лиц, а отрывок прозаического текста, где тоже встречается слово «супрематизм»:

«... Мда... супрематизм... – пробормотал Михаил, шурясь на проносящиеся мимо заснеженные подмосковные поселки» [11, с. 585]. При этом у пьесы «Занос» отмечается кольцевая композиция – слово «супрематизм» повторяется в начале пьесы и в финале.

Введение в пьесу, в котором В. Сорокин закодирует то множество смыслов и многосложность, на которые способен только он, написано в жанре рассказа или постмодернистской притчи. Чего в нем только нет! И точная дата происходящих событий – первое марта; и марка машин, на которой приезжает герой – БМВ; и название шоссе, где проехала эта машина, – Можайское; и цитата В. И. Ленина; и фирма туфель главного героя – «Alden»; и ковровая дорожка «цвета переспелой хурмы», по которой пройдет герой. Все, абсолютно все в подробностях и мельчайших деталях, что тоже не характерно для драматургии. Объяснить происходящее драматург не в силах. Создав собственный художественный мир, мир утопии, он вписывает в него героев. Драматургическая утопия Сорокина протоколно точна, что, с одной стороны, нагнетает атмосферу пьесы, а с другой – делает ее гиперреалистичной.

Но! Центральное место введения отведено «возвышавшейся фигуре, которую он издали принял за вставшего на дыбы медведя. Но это был вовсе не медведь, а скульптурная композиция, состоящая из двух человеческих фигур... Одна из этих фигур сидела на закорках у другой. Нижняя фигура была искусно выточена из дерева, текстурой похожего на дуб: судя по пропорциям, низкорослый человек в костюме, при галстукe, в ботинках стоял на подиуме в спокойной и уверенной позе. На закорках у него, обхватив руками за плечи шею, сидел голый человек, отлитый из темного металла, похожего на простое железо. Руки деревянного человека поддерживали за голени ноги железного. По пропорциям обе скульптуры были почти одинаковы, но выражение лица у них сильно различалось. Лицо деревянного человека было простоватым, широковатым и самоуверенно-благодарным. Дубовые, коротко постриженные волосы слегка курчавились на его голове, деревянные губы расходились в полуулыбке. Голова железного человека была лысоватой, жилистое лицо сужалось к маленькому упрямому подбородку и смотрело напряженно с неприветливой внимательностью. Небольшие, но мускулистые руки железного человека цепко оплелись вокруг широкой шеи деревянного, пальцы вцепились в предплечья, по которым бежали подробные дубовые складки» [12, с. 593]. На наш взгляд, вот он, тот «золотой ключик», та художественная метафора, во имя которой В. Сорокин пишет пьесу, его модель видения мира. Все, что будет происходить потом, в той или иной степени будет соотноситься с описанной художественной композицией. Именно в ней драматург, пренебрегший всеми законами жанра (драмы), закодировал то сорокинское множество и глубину, о которых будет говорить и пытаться распутать еще не одно поколение исследователей его творчества. Например,

скульптурная композиция на первый взгляд кажется герою медведем. Медведь – это многофункциональный символ в русской культуре. Используемый сейчас даже в символике ведущей российской партии. И В. Сорокин, безусловно, это знает. Чучело медведя присутствует также в пьесе Бродского «Демократия», и там Медведь связан скрытой в нем камерой с теми, кто вершит судьбы страны.

При близком рассмотрении медведь В. Сорокина превращается в сложную композицию с большим количеством ассоциаций и многофункциональных образов (деревянный – железный, деревянный – дубовый, деревянный – простоватый, деревянный – простодушный и т. д.).

Кроме множества вышеприведенных ассоциаций художественная композиция В. Сорокина – это сложнейшая, многофункциональная схема конфликта, лежащего в основе пьесы. И все, что кажется схематичным, примитивным, известным, у В. Сорокина оказывается «лестницей, начало которой не с первой ступеньки, а с последней» [13. с. 731].

Список использованной литературы

1. Журчева О. Природа конфликта в новейшей драме XXI века. // Новейшая драма XX–XXI вв.: проблема конфликта : материалы науч.-практ. семинара. 12–13 апреля 2008 г., Тольятти / сост. и отв. ред. Т. В. Журчева. Самара : Универс-групп, 2009. С. 22–27.
2. Автономова Н. Философия и филология // Ускользящий контекст: Русская философия XX в. М. : Ad Marginem, 2002. 277 с.
3. Гройс Б., Кабаков И. Диалоги. М. : Изд-во Герман Титов, 2010. 348 с.
4. Чехов А. П. Три сестры // Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Т. XIII. М. : Наука, 1974–1983.
5. Сорокин В. Занос // Сорокин В. Капитал. Пьесы. М. : Изд. АСТ, 2018. 672 с.
6. Там же. С. 636–637.
7. Буркхарт Д. Эстетика безобразного и пастиш в творчестве Сорокина // «Это просто буквы на бумаге...». Владимир Сорокин: после литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 168–183.
8. Ерофеев В. Особенности национальной травли писателей. Открытое письмо президенту России В. В. Путину // Время МН. 2002. 5 сент.
9. Сорокин В. Указ. изд. С. 585.
10. Демпси Эми. Стили, школы, направления. Путеводитель по современному искусству. М. : Искусство – XXI век, 2008. 304 с.
11. Сорокин В. Указ. изд.
12. Там же.
13. Бродский И. Стихотворения. Мрамор. Набережная неисцелимых. СПб. : Азбука, 2015. 1024 с.

Эдуард Валентинович Фомин,

кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, г. Чебоксары, yeresen@yandex.ru

УДК 821.512.111

Архив поэта в эмиграции

Аннотация. Архивы чувашского поэта Г. Айги – малоисследованная область айгиведения. Многие документы, связанные с его именем, хранятся в различных архивных и музейных учреждениях, а также библиотеках Чувашии. Личный архив поэта после его смерти был поделен на две части – чувашскую, переданную сестре Е. Лисиной, и русскую, оставленную супруге поэта Г. Куборской. В свою очередь «русский» архив поэта был передан на хранение в университет г. Бремена, ФРГ. Специалистам предстоит значительная работа по изучению документального наследия Г. Айги.

Ключевые слова: чувашская поэзия, русская литература, айгиведение, межкультурные взаимосвязи.

Eduard Fomin

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Russia, Cheboksary, yeresen@yandex.ru

Archive of the poet in exile

Abstract. Archives of G. Aygi is a poorly studied area of knowledge about the poet. Many documents associated with his name are stored in various archival and museum institutions, as well as in the libraries of Chuvashia. G. Aygi's personal archive after his death was divided into two parts – the Chuvash, handed over to the sister of E. Lisina, and the Russian, left to the poet's wife G. Kuborskaya. In turn, the "Russian" archive of the poet was deposited at the University of Bremen, Germany. Specialists have a lot to do to study G. Aygi's documentary heritage.

Keywords: Chuvash poetry, Russian literature, studies of Aygi, intercultural relationships.

На конференции, посвященной 85-летию поэта Г. Айги, в г. Чебоксары в сентябре 2019 г. профессор Воронежского университета А. А. Житенёв выступил с интереснейшим сообщением «Поэтика черновика: наблюдения над рукописями стихотворений Г. Айги “Крик: розы-рисунки”, “Розы в горах”». Где вы нашли черновики поэта? – спросили профессора. В Бремене, был ответ...

Геннадий Николаевич Айги – чувашский поэт, переводчик. Родился в деревне Шаймурзино Батыревского района Чувашской Республики 21 августа 1934 г. Выпускник Литературного института им. М. Горького 1959 г. (творческий семинар М. Светлова). С 1961 по 1971 г. работал заве-

дующим изосектором музея В. Маяковского в Москве. С 1972 г. полностью посвятил свою жизнь творческой деятельности.

Народный поэт Чувашии (1994), лауреат множества премий, в том числе Французской академии (1972), Андрея Белого (1987), имени Петрарки (1993), Пастернаковской (2000), командор Ордена искусств и литературы (1998), номинант Нобелевской премии.

«Айги достоин всяческих премий, но его порыв не может служить образцом для русского языка (ничего обидного, акад[емик] В. В. Виноградов даже язык Гоголя и Лескова не брал в “образцы”). И он вряд ли со всей апологией языческого авангарда, вопреки утверждению Л. Робеля, “вписывается в магистральную линию русской поэзии, траектория которой проходит через точку “Пушкин” и точку “Хлебников”. Айги тем и хорош, что движется в стороне и в своих поэтических снах принципиально неподражаем» [1].

Переводы произведений Г. Айги осуществлены более чем на 50 языков народов мира. В свою очередь переводческая работа являлась для поэта одной из приоритетных: он выступил инициатором и переводчиком с чувашского языка поэтических антологий на венгерский (1985), итальянский (1986), английский (1991), французский (1995) и шведский (2004) языки, а также издал на чувашском языке антологии французской (1968), венгерской (1974) и польской (1987) поэзии.

В мире сложилось целое направление литературоведческих исследований, ставящее целью изучение жизнедеятельности Г. Айги, – айгиведение. Оно успешно развивается с 1990-х гг., когда стало возможным возвращение поэта из внутренней эмиграции и произошло его признание на родине. Для обозначения круга друзей поэта французский славист Л. Робель ввел в обиход термин *айгист* [2, с. 148].

К настоящему времени айгиведческие архивные фонды в России сложились на родине Г. Айги – в Национальной библиотеке Чувашской Республики с самой полной коллекцией айгианы, а также в Чувашском национальном музее, получившем в 2015 г. архив парижского издателя Г. Айги художника Н. Дронникова.

Поэта не стало 21 февраля 2006 г. Согласно завещанию его архив был передан супруге Г. Куборской. В свою очередь ею было принято решение чувашскую часть архива отдать сестре поэта – писательнице Е. Лисиной.

Сестра поэта считает, что чувашская часть архива – самая интересная, поскольку она позволяет проследить пути становления мастера. На основе архивных документов Е. Лисиной издана книга «Вуниккёри Айхи = двенадцатилетний Айги» [3], представляющая фотокопию детских литературных журналов «Хёлхем» («Искра») с построчным переводом текстов

на русский язык. Ею же планируется подготовка к изданию дневниковых записей. Иначе говоря, та часть архива Г. Айги, которая оказалась у сестры, продолжает работать – активно изучается и издается.

За обладание ею ведется борьба между учреждениями Чувашии. Их мечтает видеть в своих фондах Государственный архив современной истории Чувашской Республики (и часть документов туда уже передана), а представителем Чувашского государственного института гуманитарных наук (НИИ) на той же памятной конференции было заявлено о готовности получить архив Г. Айги на вечное хранение в свой архив.

Правообладатель же придерживается другой точки зрения. Е. Лисина планирует сдать документальное наследие поэта в Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Единственное, что не позволяет решиться на этот шаг, – желание его сестры творчески осмыслить еще не опубликованное наследие поэта.

Архивные документы могут быть весьма полезными в борьбе с мифотворчеством вокруг имени Г. Айги. В частности, значительными неточностями выделяются воспоминания И. Ракши. «Сенсационные признания», коими можно назвать записи первой супруги поэта, воспринимаются читателем как истина и достаточно живучи, при этом не имея каких-либо фактических оснований.

Иная судьба была уготована русской части архива Г. Айги. Она в 2008 г. была передана в Исследовательский центр Восточной Европы при университете г. Бремен, ФРГ.

Исследовательский центр Восточной Европы основан в 1982 г. профессором Вольфгангом Айхведе, который руководил им до 2008 г. Центр ставит целью изучение неофициальной культуры СССР и стран Восточной Европы, включая Венгрию, ГДР, Польшу, Чехословакию. Здесь по настоящее время собираются и изучаются материалы, запрещенные в коммунистическую эпоху по идеологическим причинам.

В отделе Советского Союза и стран бывшего СССР хранится более 600 личных фондов преимущественно художников и писателей [4].

Надо полагать, что одним из инициаторов передачи личного архива Г. Айги в Исследовательский центр Восточной Европы был Г. Суперфин, с 1995 по 2009 г. работавший здесь архивариусом.

По оценке Г. Куборской, архив университета Бремена – достойное место в Европе, где могут храниться документы великого поэта вместе с собраниями И. Холина и Г. Сапгира.

По наблюдениям сестры поэта, в бременской части архива содержатся материалы, датируемые периодом с 1982 г. и связанные главным образом с признанием литературных заслуг Г. Айги.

«...Фонд Геннадия Айги весьма обширный, ок[около] 7 погонных метров, большая часть – творчество (поэтические произведения, состав-

ляющие девять коробок из 17. – Э. Ф.). К великому сожалению, фонд еще детально не обработан, но структурирован, так что подборка материала для работы вполне возможна» (из письма М. Классен, сотрудницы архива департамента Советского Союза и государств-правопреемников, Е. Лисиной). Важная составляющая архива – переписка, заметки, наброски, рецензии, отзывы, аудиовизуальные документы, диапозитивы, фотографии.

По признанию специалистов архива, запросы на изучение документов Г. Айги в настоящее время пока еще редки. Тому причиной – языковые и географические факторы, но более всего невостребованность архивного фонда поэта связана с тем, что мало кто даже из айгистов знает о его нахождении в Бременском университете.

Несомненно, архивы поэта будут обуславливать пути развития айгиведения в будущем. Специалистам предстоит обработать фонды поэта. Вполне вероятно, что важнейшие документы следует издать отдельным сборником.

Список использованной литературы

1. Куприянов В. Миф об Айги или о... URL: <https://stihi.ru/2004/04/22-318> (дата обращения: 19.04.2020).
2. Робель Л. Айги / пер. с фр. О. Северской. М. : Аграф, 2003. 218 с.
3. Вуниккёри Айхи = двенадцатилетний Айги / сост. Е. Н. Лисина. Чебоксары : Тип. Брындиных, 2019. 201 с.
4. Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете. URL: <https://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

Ирина Николаевна Новокрещенова,

аспирант, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
Россия, г. Тамбов, I16041992@yandex.ru

УДК 821.161.1

Ларисса Андерсен – поэтическая «душа» русского Харбина

Аннотация. Ларисса Андерсен – поэтесса и танцовщица Русского культурного центра в Харбине. В пятнадцать лет она впервые посетила собрание членов клуба «Молодая Чураевка». Вскоре она опубликовала свое первое стихотворение «Яблони цветут». Во время ее работы в Шанхае вышел ее первый поэтический сборник «По земным лугам». В 1946 г. ее стихи вошли в сборник стихов поэтов-чураевцев «Остров».

Ключевые слова: литература русского зарубежья, поэзия, Л. Н. Андерсен, литературные объединения.

Irina Novokreshchenova

postgraduate student, Tambov state University named after G. R. Derzhavin,
Russia, Tambov, I16041992@yandex.ru

Larissa Andersen – poetic "soul" of Russian Harbin

Abstract. Larissa Andersen is a poet and dancer at the Russian cultural center in Harbin. She first attended a meeting of members of the Young Churaevka club at the age of fifteen. She soon published her first poem, "Apple trees bloom". Her first poetry collection, «On earth's meadows», was published while she was working in Shanghai. Her poems in 1946 were included in the collection of poems by churaevtsev poets "Island".

Keywords: literature of the Russian abroad, L. N. Andersen, A. Achair, collection of poems.

Лариса Николаевна Андерсен родилась 25 февраля 1911 г. в городе Хабаровске. В 1920 г. семья переехала во Владивосток. В 1922 г. после окончательного разгрома Белого движения они эмигрировали в Китай и поселились в Харбине.

В Харбине вокруг поэта А. Ачаира собралось много талантливой молодежи, так как он занимал пост секретаря ХСМЛ (Христианского Союза Молодых Людей). Организация проводила культурную и воспитательную работу среди молодых эмигрантов. При союзе он организовал поэтический кружок «Молодая Чураевка». В пятнадцать лет к нему пришла учиться и юная поэтесса.

Литературное объединение организовывало творческие вечера. Там читались и разбирались русские книги. Поэты учились сочинять стихи и обретали творческое вдохновение. Там Ларисса Андерсен написала свое первое стихотворение «Яблони в цвету»:

Надо быть всегда и всем довольной.
Месяц – парус, небо – звездный пруд...
И никто не знает, как мне больно
Оттого, что яблони цветут [8, с. 27].

В 1931 г. в сборнике стихотворений «Семеро», который опубликовали члены «Молодой Чураевки», были напечатаны стихотворения Лариссы Андерсен «Яблони цветут» и «Колыбельная песенка».

В 1934 г. литературное объединение «Молодая Чураевка» распалось. Многие участники переехали в Шанхай. Это произошло из-за подавления гражданской свободы и террора японцев в Харбине.

Л. Н. Андерсен в 1933 г. переехала в Шанхай. Там она работала в литературном журнале «Прожектор» и занималась танцами. В 1940 г. из-за болезни матери поэтесса вернулась в Харбин, и в это же время вышел ее первый поэтический сборник «По земным лугам».

В стихотворении «Кошка» лирическая героиня проводила вечер с кошкой и пела ей песни. В ответ на ласку животное мурлыкало ей интересную историю про вечера в лесной сторожке. Девушку осуждали за гордость и неприступность. В этом она была похожа на свою пушистую любимицу. Ее любили от скуки, и как только добивались внимания, тут же теряли интерес. Поэтому героиня считала, что лучше всего ей быть вдвоём с кошкой:

И как только ветер шевельнёт листом,
Так махнёшь вот этим шёлковым хвостом.
Я ж, глаза сощуря, – следом за тобой:
И в грозу, и в бурю, и с судьбою в бой! [3, с. 52]

В стихотворении «Лучшие песни мною не спеты» лирическая героиня говорила, что лучшие песни находились у нее в сердце. Она жалела, что никто не слышал ее душевные крики. Всем цветущим девушкам, подобно яблоням, приходилось прятать в груди нежный яд:

Сладким, безумным предсмертным ядом
Яблони майскую ночь поят...
Знаю я – всем нам, цветущим, надо
Прятать в груди этот нежный яд... [4, с. 35]

Стихотворение «Невыполненный обет» было посвящено Алексею Ачаиру. Лирическую героиню все любили, потому что она соответствовала ожиданиям каждого. Для людей – подушкой, жилеткой для слез, развлечением и слегка поэтом. Для животных – защитой в драке и вкусной едой. У нее не было какой-то определенной формы.

Ночью девушка услышала голос своего духовного учителя. Он говорил о том, что она свернула со своего духовного пути и забыла о своих мечтах. Героиня была невыполненным обетом для своего наставника. Она переживала и спрашивала, что можно было сделать, чтобы угодить ему:

Всем я рада, и все мне рады,
Но укор твой стоит стеной.
Так скажи же, что делать надо,
Чтобы ты был доволен мной [5, с. 95].

В Шанхае был издан сборник стихотворений молодых «чураевцев» «Остров». Ларисса Николаевна Андерсен писала о сборе материалов для сборника: «Харбинские поэты, перебравшиеся в Шанхай, решили еженедельно собираться вместе. Для “раскачки“ выдумали игру: название стихотворения вытягивалось из “урны“ и каждый был обязан написать к следующей встрече стихи, как-то подходящие к этому названию. Вдохновение послушалось и пришло <.> Так, к концу войны возник наш сборник – альманах “Остров“» [10, с. 177].

В стихотворении «Химера» говорилось о том, что герои не впускали в свою жизнь радость, а горе оставляло в душах выжженные полосы. Химера стала их единственной подругой и утешительницей:

Молчанье книг... Поникший сумрак серый,
Но все еще томится у плеча,
Пленительные вымыслы шепча,
Она – моя химера [7, с. 52].

В стихотворении «Карусель» поэтесса обращалась к детским годам. Все, что было нужно для счастья ребенку, это хорошая погода и коробка шоколада. Поездка на карусели была стимулом для хорошего поведения. Героиня хотела бы, чтобы и в жизни было легко и просто, и карусель никогда не останавливалась. Мимо проносилось бы все плохое:

Карусельный поворот
Сделал все наоборот:
Мы сидим себе, а вот
Мир играет в хоровод.
Если б можно так всю жизнь!
Светлый мир, кружись, кружись... [1, с. 47]

В 1960 г. Ларисса Андерсен вместе с мужем поселилась во Франции. Там она продолжала писать стихи и участвовала в литературной жизни русского зарубежья.

В 2006 г. в России вышел сборник стихотворений, воспоминаний и писем поэтессы «Одна на мосту».

Евгений Евтушенко внес ее имя в антологию отечественной поэзии, признавая поэтический талант «Печального цветка» и «Белой яблоньки»:

Мир, где не будет нас, безадресен.
Не принято там гомонить.
Удастся мне с Лариссой Андерсен
Там все-таки договорить? [9]

Таким образом, творчество Лариссы Андерсен стало одним из культурных феноменов эмиграции. Ее стихи прочно вошли в культуру и литературу русского Харбина.

Список использованной литературы

1. Андерсен Л. Н. Карусель // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

2. Андерсен Л. Н. Колыбельная // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

3. Андерсен Л. Н. Кошка // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

4. Андерсен Л. Н. Лучшие песни мною не спеты // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

5. Андерсен Л. Н. Невыполненный обет // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

6. Андерсен Л. Н. Сквозь цветное стекло // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

7. Андерсен Л. Н. «Химера // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

8. Андерсен Л. Н. Яблони в цвету // Андерсен Л. Н. Одна на мосту : [стихотворения, воспоминания, письма] : сб. / сост., вступ. ст. и примеч.

Т. Н. Калиберовой ; предисл. Н. М. Крук ; послесл. А. А. Хисамутдинова.
М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с.

9. Евтушенко Е. А. Островитянка // Десять веков русской поэзии.
URL: <https://newizv.ru/news/culture/27-12-2006/60942-ostrovitjanka>

10. Русский Харбин : сб. / сост., предисл. и коммент. Е. Таскиной.
М. : Изд-во Моск. ун-та «ЧеРо», 1998. 272 с.

Лариса Петровна Черникова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Россия, г. Москва, Larisa-che@mail.ru

УДК 314.74

Феномен восточной эмиграции в Китае и проблема диалога культур

Аннотация. Представлен анализ феномена восточной эмиграции в Китае в период с 1900 по 1964 г.; вводятся новые данные открывшихся архивов и фонда «Мемориал», проведшего работу по выявлению лиц и судеб. Рассмотрены взаимоотношения россиян-старожилов Китая и беженцев Гражданской войны (условно русских-русских), а также взаимоотношения русских и китайцев, русских и японцев, русских и иностранцев, а также белоэмигрантов-антисоветчиков и советских граждан в Китае. Диалог культур происходил во время борьбы мировоззрений в политической, социальной и даже литературной областях.

Ключевые слова: восточная эмиграция, беженцы Гражданской войны, жизнь русских колоний, диалог культур, реэмиграция.

Larisa Chernikova

Senior Researcher, Candidate of Sciences in History, Associate Professor;
Department of China Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of
Oriental Studies” RAS, Moscow, Larisa-che@mail.ru

The phenomenon of eastern emigration in China and the problem of dialogue of cultures

Abstract. The analysis of the phenomenon of eastern emigration in China in the period from 1900 to 1964; new data from the opened archives and the Memorial Foundation, which has carried out work to identify individuals and fates, are being introduced. The relationship between the Russians-old-timers of China and the civil war refugees (conditionally Russian-Russian), as well as the relationship of Russians and Chinese, Russians and Japanese, Russians and foreigners, as well as white emigrant anti-Soviet and Soviet citizens in China are examined. The dialogue of cultures took place during the struggle of worldviews in the political, social and even literary struggle.

Keywords: emigration, refugees of the civil war, foreigners and Russian colonies, transformation of views, re-emigration.

2020 год проходит под знаком 100-летия исхода из России-СССР многих миллионов сограждан, не принявших победу большевиков в Гражданской войне. Пройденный путь в 100 лет показал, что мы не только не открыли основной пласт информации по эмиграции в целом – оказалось, что последние новые материалы архивов, воспоминаний и мемуаров совершенно иначе подают проблему исхода, ставшего наиболее актуальным после распада СССР и последующего отъезда многих миллионов россиян в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Особый разговор – о восточной, или дальневосточной, эмиграции, людях, ушедших в четыре восточные страны – Китай, Монголию, Японию и Корею. Оттуда уже разными путями они уезжали в США, Австралию, Новую Зеландию, Латинскую Америку, единицы перебирались в Европу, Турцию и Израиль.

Историография проблемы эмиграции сегодня напоминает гигантский айсберг: накоплен поистине громадный материал, написано бесчисленное количество статей, тысячи книг и монографий. Наиболее известными в СССР и РФ стали книги Л. К. Шкаренкова, отличающиеся обличительным подходом к теме (здесь опускаем публицистику советских газет 1930–1940-х гг., а также пропагандистские издания этих же лет дальневосточных военных издательств). Несомненно, Л. К. Шкаренков работал с архивами НКВД-КГБ и НКВД, но в работе его это не отразилось.

За границей в разные годы были опубликованы известные работы Г. К. Гинса, И. И. Серебренникова, П. П. Балакшина и другие эмигрантские издания.

После публикаций книг Г. В. Мелихова и Е. Таскиной словно открылся некий шлюз, который влил в информационное пространство большое число информации о восточной эмиграции в Китае и прилежащих азиатских странах. Нельзя не отметить статьи в советско-российских газетных изданиях репатриантов 1980–1990-х гг. – «Русские в Китае» (с 1995 г. и позже), «Русская Атлантида» и др. Необходимо отметить особую заслугу работ Г. В. Мелихова в научном освещении темы, ставших открытием истории русской эмиграции в Харбине и Маньчжурии. В Маньчжурии, «далекой и близкой», давно и прочно обосновались русские люди, железнодорожники, строители и первопроходцы КВЖД, а позднее – сотни тысяч белоэмигрантов, для которых этот край стал пристанищем, временным домом и кровом на 20–40 лет жизни. В своих работах Г. В. Мелихов (1930–2019) не только осветил конкретные стороны жизни российской эмиграции в разные периоды истории, но и постарался ответить на ряд

теоретических вопросов историографии. Далее из значимых авторов заслуживают внимания работы В. Ф. Печерицы [12], включая его докторскую диссертацию по культуре восточной русской эмиграции в Китае.

Отдельной строкой необходимо отметить работы А. А. Хисамутдинова, исследовавшего все «темные углы» восточной эмиграции от Австралии до США и Латинской Америки. Значительный вклад в эмигрантоведение внесли исследования Н. Н. Абловой, Е. Е. Аурилене, Н. Н. Аблажей, Н. А. Василенко, М. В. Кротовой, Е. Н. Наземцевой, С. В. Смирнова, которые ввели в научный оборот множество новых материалов из архивов. Этнической структуре эмигрантского населения Китая и Маньчжурии посвящены работы В. В. Романовой, Е. Н. Чернолуцкой, М. В. Кротовой. Отдельным этническим группам эмиграции уделили внимание в своих публикациях Л. П. Черникова, М. И. Ефимова, В. А. Черномаз, А. А. Сапелкин. Здесь, главным образом, хотелось бы обратить внимание на то, что не только национальные противоречия встречались на просторах Поднебесной в среде русских колоний больших и малых городов (как пережиток непреодоленных вопросов Российской империи), но и, в основном, противоречия между белоэмигрантскими и советскими колониями в Китае, чему посвящено исследование М. В. Кротова.

Численность восточной эмиграции. Всевозможные упоминания о численности наиболее образованного и самого мобильного на тот момент контингента русского населения в Китае грешат ошибками и неточностями. Первоначальная оценка Лениным численности эмиграции первой волны в 1,5–2 миллиона была весьма приблизительной, никто особо не занимался более или менее точным подсчетом ушедших из России изгнанников. В этой цифре слились все потоки эмиграции – и западной, и восточной. Однако, по последним сведениям из архивов и опубликованным источникам, мы приходим к выводу, что за границу перебралось (добровольно или принудительно) гораздо большее число людей, чем это обозначено в справочниках по эмиграции. Дальневосточный ученый В. Ф. Печерица даже называл число в 5 миллионов человек, но документальных свидетельств нет. Так, в связи с неразберихой первых месяцев советской власти и разразившейся в дальнейшем Гражданской войны исход, собственно, не был зафиксирован, а анализ произведен явно небрежно.

Революция и Гражданская война стали причиной самой массовой волны беженцев из России в Китай. Россияне оседали в крупных городах и регионах, где уже имелось русское население. Когда поток беженцев превысил все разумные пределы, китайские и иностранные власти (Китай как полуколония крупных европейских держав) предприняли все усилия для того, чтобы ограничить их въезд. Это стало причиной первых крупных конфликтов в русских колониях 1920-х гг. в Китае, первого большого рас-

кола между «старожилами» и новоприбывшими беженцами. Мы можем отметить этот факт как серьезный феномен именно в восточной эмиграции. Насколько нам известно, такие отношения не были замечены в западной эмиграции, по крайней мере, в таком масштабе.

«Старожила» в Китае вовсе не намерены были принимать новичков (из соображений сохранения имиджа белого человека в Азии, а также собственной безопасности), и прежняя русская имперская дипломатия всячески стремилась «повернуть» поток беженцев обратно в Россию. Такого же образа мыслей придерживались китайская и иностранная администрации. Иностранная диаспора в Китае, где главную роль играли англичане и французы, зорко следила за статусом белых в восточной стране. Этого явления мы не заметили в Европе, возможно, потому, что там главную роль играли социальные силы принимающих государств: русские изначально имели низкое положение на рынке труда. Введение т. н. «нансеновских» паспортов несколько реабилитировало русскую эмиграцию, дало ей существенный пакет правовых полномочий; в отличие от Европы, в Китае «нансеновские» паспорта не были введены.

Однако в результате усилий иностранной и китайской администраций примерно из 200–250 тысяч стихийных беженцев Гражданской войны репатриации в 1920-е гг. подверглись едва ли 10–15 тысяч из числа военных и деморализованного мирного населения.

Таким образом, в 1920-е гг. через Китай прошло около 250–300 тыс. человек из России, рассредоточившись по крупным китайским городам и индустриальным поселкам. Заметим попутно, что, в отличие от западной эмиграции, отношение к белогвардейским отрядам среди населения Маньчжурии и Харбина сначала было резко негативным. Это можно увидеть по публикациям в некоторых харбинских газетах 1920-х гг.: мало того, что белогвардейские отряды назывались «бандами», отношение к атаману Семенову и его соратникам было отрицательным. В прессе постоянно рассказывалось о неприличном поведении некоторых военных, обманывающих честных трудяг-харбинцев, принявших служак за приличных людей, предоставивших им «стол и дом» и ожидавших в течение нескольких месяцев оплаты услуг из-за якобы «задержанного жалованья». Дело кончалось тем, что служака съезжал, обещая выплаты в ближайшем будущем; больше этих постояльцев никто никогда не видел [7]. Таким образом, феномен белогвардейского имиджа был совершенно отличен от устоявшегося на Западе. Да, со временем военная эмиграция несколько изменила свой имидж; участие в гражданской войне в Китае поправило и экономическое, и имиджевое положение этой группы. Однако новые публикации, например Военного института, вновь показали всю неприглядность проигравших Гражданскую войну в России белогвардейцев [15].

Для определения численности россиян в Китае мы пошли своим путем; несмотря на сложность и противоречивость, он дает некоторое представление о масштабе эмиграции на восток: мы стали подсчитывать тех, кто вернулся на родину в последующие после окончания Гражданской войны годы и вплоть до середины 1950-х гг. (т. е. подсчитали и послевоенную эмиграцию). Конечно, этот подсчет несколько некорректен, поскольку условно с 1917 по 1957 г. прошло 40 лет, то есть за это время родилось два поколения, не считая первого – собственно стариков родителей. По нашим подсчетам, только из Китая (не беря во внимание небольших по численности эмигрантских сообществ в Монголии, Корее и Японии) на родину вернулись около 280–290 тыс. человек (по сведениям научно-исследовательского центра «Мемориал», с 1917 по 1938 г. советская репрессивная машина ОГПУ-НКВД применила те или иные меры воздействия на бóльшую часть репатриировавшихся из Китая граждан – по документам прошли 49 тыс. человек [13]).

Соотношение численности «харбинцев», служащих КВЖД и китайцев, репрессированных в годы Большого террора

Все эти цифры приведены на основании архивов и зафиксированных данных из публикаций исследователей 2000-х гг., которые пока только осмысляются специалистами темы. Не забудем учесть также старожилов «Русского Китая» – 150–250 тыс. служащих и рабочих КВЖД, которые, собственно, и помогли адаптироваться в восточной стране беженцам Гражданской войны. И это тоже феномен восточной эмиграции, потому

что Европа рубежа веков и начала XX в. воспринималась русскими образцом свободного демократического капитализма, и многие посещали её для лечения, отдыха или «глотка свободы»; тогда ни о какой массовой русской диаспоре в Европе речь идти не могла.

Кроме того, подсчет студентов, молодых людей, отправляющихся из Китая или через Китай в США и другие страны на учебу, составил около 20 тыс. человек (П. Балакшин). И сразу возникает вопрос: должны ли мы включать этих людей в общее число русских эмигрантов или нет, поскольку они прожили в Китае от 2–3 месяцев (в ожидании визы) до нескольких лет. Основной контингент студентов покинул Китай до 1925 г., хотя подрастающее поколение имелось во всех выборках 1920-х гг., впрочем, как и в 1930–1940-х гг. То есть всегда имелся определенный процент молодежи, стремящейся выехать с Востока на Запад [17, с. 3]. Нельзя считать, что учиться ехали только на Запад. В СССР тоже выезжали; также служили в советской армии и во флоте. В эту статью мы не включили студентов, молодежь в сведения по общей численности эмиграции в Китае, но вопрос остается открытым. Потому что имеются иные социальные группы и сообщества, которых мы обязательно включаем в свои подсчеты: прежде всего, это военные, дипломаты, служители культа, медики (Красный Крест и др.), учителя, торговые работники и прочие иные категории; тогда почему же не включить и студентов?

Волнообразное движение на границах. Несомненно, эмиграция в Китай из России имела поступательно-возвратное движение. И это тоже важное отличие ее от иных направлений эмиграции. Не исключено, что часть этих людей могла переходить границы туда и обратно по нескольку раз, ведь граница между Россией и Китаем – самая длинная. Кроме того, мы всегда имеем в виду исторические кампании в СССР, такие как «коллективизация и индустриализация всей страны» Во время этих кампаний 1921–1941 гг. происходило скрытое и явное движение населения на границах. Мало кто учитывает такое нелегальное «движение» населения, как переход границы в обозначенные годы, тем более что сведения о масштабах этих движений мы осознаем только сегодня; и так же точно осознаем, насколько трудно эти цифры поддаются подсчетам. Не исключены во время этих переходов границ и смерти (трудно фиксируемые), и различного рода трагические случаи. Это гибель людей, не поддающаяся прогнозам и подсчетам. Только в наше время, когда на некоторое время открылись архивы, стали просачиваться сведения о разных пограничных инцидентах на границах, хотя в советское время любой инцидент фиксировался в советской печати. Например, при работе со списками депортированных из Китая лидеров русской эмиграции бросалось в глаза, что примерно 1/3 контингента в этих списках причину переезда в Китай указывали как

«нелегальный переход границы в конце 1920-х – начале 1930-х годов», т. е. в разгар двух самых крупных кампаний советской власти (а третья – это репрессии) [1, л. 1, 10–62, 139–159].

Кроме того, фиксируется также «движение» русского населения через Китай в иные страны. И это также феномен восточной эмиграции. В Европе такое движение фиксировалось в незначительном масштабе и касалось, прежде всего, низких категорий населения, не нашедших себе стабильного заработка. Обычно по Китаю передвигались семьями или небольшими компактными группами, месяцами, а то и годами проживая в разных городах и местностях, медленно «текли» в сторону крупных портов, задерживались там на некоторое время в ожидании визы и, получив ее, уплывали морским путем в дальние страны. Так, например, в известном историческом повествовании Е. И. Сафроновой рассказывается о мытарствах ее семьи и нескольких таких же казачьих и старообрядческих семей. Они проделали длинный путь из Синьцзяна в Гонконг (далее в Австралию) по «дикой восточной стране» без знания языка, в совершенно экстремальных условиях [16]. Возникает вопрос: регистрация происходила в разных китайских городах заново, или, получая разрешение (нечто вроде «вида на жительство»), беженцы переезжали с этими документами вплоть до порта, откуда покидали страну? Этот вопрос важен хотя бы потому, что в свете открывающихся, в том числе в Китае, архивов стали появляться различные публикации китайских исследователей и молодых ученых, которые фиксируют в полицейских сводках и портовых городах в Китае суммарное число россиян в итоговой цифре в 600–750 тыс. человек. Об этом пишет исследователь Чжан Цзяньхуа, который приводит выписку из данных полиции по численности русских в Китае, выкладки которой свидетельствуют, что в 1928 г. их было более 600 тыс. человек [18]. О большей цифре – более 750 тыс. россиян в Китае – говорил нам в частной беседе и проф. Ван Чжичэн, автор известной монографии по истории эмиграции в Шанхае [8]. Он с цифрами в руках и выписками из донесений полиции и таможенной службы доказал в других своих изданиях по эмиграции, что в Шанхае в послевоенные годы скапливалось до 50 тысяч иностранных граждан, причем эта цифра говорила о постоянном движении эмиграции: сколько бы ни выезжало из порта людей, в Шанхае неизменно снова регистрировалось более 50 тыс. человек. Это подтверждает тезис проф. Вана о постоянном движении иностранного населения (в том числе русского) через порты – в третьи страны. Заметим, что в 1947 г. из Шанхая выехали на родину всего лишь 5 тыс. человек. Остальные отправлялись «по белу свету, куда глаза глядят». Такая цифра наглядно показывает масштаб самой большой ветви русской эмиграции, хотя под этим

названием могут иметься в виду и вообще все выходцы из России вне зависимости от национальности.

Не забудем также персонал многочисленных консульств Российской империи в Китае, – все эти люди, оказавшись не у дел, еще какое-то время проживали в стране вместе с семьями, домочадцами, прислугой, ожидая выезда за границу. Они так же, как и на Западе, оказывали влияние на русскую эмиграцию, но влияние советских консулов и персонала советских консульств постепенно нарастало [10], а во второй половине 1930-х гг. уже весьма существенно деформировало «нутро» эмиграции, воздействуя, в основном на второе-третье поколение – детей и внуков белоэмигрантов, с восторгом воспринимавших советские фильмы, песни, пропаганду, информацию.

В дальнейшем часть этих бывших дипломатов переехала в Европу, большинство нашли себе пристанище в США, некоторые из этой группы попали в Австралию, Новую Зеландию. Некоторые из дипломатов остались в Китае и трудились в финском, польском, литовском консульствах и т. д. Советское гражданство взял всего один человек (он не занимал высокой должности и некоторое время работал в советском консульстве). Все остальные верой и правдой служили Империи, ее памяти, берегли ее честь. Численно вместе с персоналом и семьями, по грубым подсчетам, они составили около 1 тысячи человек, но исследователи обычно игнорируют эти данные. Таких разрозненных групп со своим специфическим влиянием и функциями среди эмиграции было немало.

Для большинства россиян Китай не стал «землей обетованной» – наиболее активные стремились выехать в третьи страны, переехать в цивилизационно близкую им Европу, найти себе пристанище в Северной и Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии и других странах. Образно Китай можно назвать «пористой губкой», не раз принимавшей волны беженцев из России. Одновременно для выезжающих из страны многочисленных людских потоков (вплоть до Второй мировой войны) Китай стал страной транзита: россияне могли покидать порты небольшими группами и даже отдельными семьями для выезда в третьи страны. Таких оказалось не менее 50–70 тыс. человек. Кроме того, мало кто из исследователей учитывает масштабы людских потерь (хотя есть описательные статьи и даже книги о т. н. «мемориальной культуре» русской эмиграции в Китае, но без учета статистики они мало что дают исследователю). Не забудем многочисленные факты нападений, избиений, издевательств и даже убийств россиян в период китайской гражданской войны 1945–1949 гг. – это также заставляло россиян срочно искать себе нового пристанища. Мы прогнозируем цифру в пределах 70–80 тыс. человек в период с 1900 до 1956 г. по-

гибших россиян в Китае, но опять-таки эти цифры трудно поддаются доказательному анализу.

С русскими в Китае произошла большая метаморфоза, и достаточно большое число людей оказалось не зарегистрировано, уходя «под флаг» других стран, создавали семьи с иностранцами и китайцами, проживали в многочисленных малых городах и местечках, рассредоточившись по всему Китаю.

Со времени начала Второй мировой войны европейская эмиграция справедливо заключила, что эмиграции пришел конец [14, с. 343–381], хотя о разложении эмиграции писали еще в 1920-х гг. и белоэмигрантские газеты Европы, и газеты белоэмигрантов в Китае [9, с. 2]. Однако «конец эмиграции» в Китае пришелся примерно на два года ранее: японская агрессия 1937 г. и Вторая мировая война стали причиной массового отъезда из Китая и репатриации в СССР значительной доли российского населения: в СССР с 1943 по 1964 г. выехали около 550 тыс. человек. В третьи же страны реэмигрировали еще около 150–250 тыс. человек [2, л. 57–68].

Несомненно, в восточной эмиграции отмечалось значительное влияние советской пропаганды и советских консульств, и в этом отличие от западной эмиграции, причем значительное. Имеющаяся Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) с советским управлением и наличие в Китае советских колоний в крупных населенных пунктах Маньчжурии, Синьцзяна и торговых городов страны влияли на настроения и мировоззрение молодой части эмиграции, а старики и пожилые люди так или иначе прислушивались к мнению молодежи. Да и «сроки давности» тоже давали себя знать: кто же думал, что советская власть не прощает ни малейшей ошибки, считает эмигрантов по-прежнему лютыми врагами режима в СССР? [5, л. 8–12; 6, л. 98]

В самом Китае национальная принадлежность не принималась во внимание властями, как в царской России. Собственно, в начале XX в. людей по национальностям не разделяли: главным критерием было вероисповедание. Самыми активными россиянами по этому признаку были евреи; вторыми по активности – тюрко-татары, выходцы из Урало-Поволжья [11, с. 6; 3, л. б/п]. (В газете «Харбинское время» была особая «Мусульманская страница» для всех, кто исповедует магометанство.) Немало украинцев и народов кавказских национальностей [15, с. 6] прибыли в Китай во время строительства КВЖД и позже, с волнами беженцев. В газете «Харбинское время» имелась страничка «Кавказские народности в Маньчжу-Ди-Го», где рассказывалось о положении на родине, о событиях в Маньчжурии). Отдельно позиционировали себя после Первой мировой войны поляки, финны, прибалтийские народы [4, л. б/п], ибо их государства стали лимитрофными, независимыми.

Тем не менее россияне в Китае никогда не были дружной колонией, как бы это противоречиво и резко ни звучало. Основной стратификацией здесь служили признаки «старожильства» в Китае и новоприбывших беженцев в результате волнообразных приливов населения из России. Основными направлениями, по которым шло развитие национально-конфессиональных групп, были образование, религия, общественные движения, культура и искусство, традиции и быт, спорт и наука.

В связи с размежеванием дальневосточных эмигрантов по возрастным категориям можно рассматривать т. н. когортные группы, когда независимо от национального или конфессионального признаков община или этническая группа в процессе проживания тех или иных событий делилась на социально-экономические группы, на поколенческие уровни, а также на идеологические группы (особенно ярко – на «антисоветчиков» и «большевиков»).

Многочисленные советские колонии в Китае, пережившие тяжелую судьбу, прошли путь от презираемой белыми и дискриминируемой китайскими и японскими властями группы до расширения размеров колонии укрепления (идеологического и материального с помощью советских консульств) и даже морального перевеса к концу Второй мировой войны. Повторимся вслед за исследователями дальневосточной эмиграции, что Вторая мировая война стала «водоразделом» российской эмиграции в Китае, когда более половины эмигрантов стали на сторону отвергнувшей их Родины и добровольно приняли советское гражданство.

Работа по выявлению документов по численности, национальному составу и конфессиям российских эмигрантов в Китае требует еще много усилий и времени и будет продолжаться в ближайшее время достаточно интенсивно, так как открытие архивов и опубликованных источников дает пищу для нового осмысления русской эмиграции на Дальнем Востоке. Эти следы российского рассеяния не могут оставить равнодушными исследователей из России, поскольку тема «белые начинают и проигрывают» до сих пор еще не раскрыта до конца.

Список использованной литературы

1. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 42. Пап. 289. Д. 35. 1948 г. Л. 1, 10–62, 139–159. Референтура по Китаю. Русская эмиграция в Китае.
2. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. Пап. 132. Д. 48. 1947 г. Референтура по Китаю. Местные советские граждане в Китае (включая Синьцзян и Маньчжурию). Л. 57–68.
3. АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. Пап. 3. Д. 27. Л. б/п. [Тюрко-татары в Маньчжурии].

4. АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. Пап. 3. Д. 27. Л. б/п. [Латвия и перепись населения].
5. АВП РФ. Ф. 0308. Оп. 1. Пап. 8. Д. 58. Генконсульство СССР в Харбине. [Старообрядцы Маньчжурии]. Л. 8–12.
6. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2828. Л. 98. Цит. по: Земсков В. Репатриация перемещённых советских граждан. URL: http://scepsis.net/library/id_1234.html
7. Белогвардейщина на Дальнем Востоке. Подготовка новой авантюры // Шанхайская жизнь. Шанхай, 1922. 3 мая; Белогвардейщина на Дальнем Востоке. Новое предприятие. Вербовка семеновцев. На пополнение // Шанхайская жизнь. Шанхай, 1922. 25 мая; «Сиятельная» афера. Князь аферист. Колчаковский «консул-благотворитель». Финал аферных дел еще впереди // Новости жизни. Харбин, 1923. 6 июня; Что произошло в Гензане? Гензанская «рять» разбегается // Новости жизни. Харбин, 1923. 6 июля.
8. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / [пер. с кит. Пань Чэньлонга и др.]. М. : Русский путь : Русское Зарубежье, 2008. 573, [1] с. : табл. ; 25 см. (Ex cathedra / Б-ка-фонд «Русское Зарубежье»).
9. Накипь [Устрялов?] // Новости жизни. Харбин, 1923. 28 июня.
10. О восстановлении в гражданстве СССР // Новости жизни. Харбин, 1923. 16 окт.; Вокруг регистрации русских граждан // Новости жизни. Харбин, 1923. 21 мая.
11. Перепись тюрко-татар в Харбине // Харбинское время. 1934. 13 июля.
12. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток : ДВГУ, 1998. 276 с.; Кочубей О. И., Печерица В. Ф. «Исход и возвращение (русская эмиграция в Китае в 20–40-е годы)». Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998; Они же. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994.
13. Прудовский С. Б. «Спасская красавица». 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова. М. : Изд-во АСТ, 2019. 384 с.
14. Рапопорт Ю. Конец Зарубежья // Современные записки. 1939. № 69. С. 273–382.
15. Русская военная эмиграция 20–40-х годов : документы и материалы / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ и др. ; сост.: И. И. Басик (отв. сост.) и др. ; пер. фр. В. Карпов. Т. 7. Восточная ветвь, 1920–1928 гг. / [сост.: В. А. Авдеев и др.]. 2015. 951, [1] с.; Русская военная эмиграция 20–40-х годов: документы и материалы / Институт военной истории Министерства обороны РФ и др. ; сост.: И. И. Басик (отв. сост.) и др. ; пер. фр. В. Карпов. Т. 8. Противостояние, 1927–1941 гг. / [сост.: В. А. Авдеев и др. ;

пер. с фр. Е. Н. Широкова ; пер. с нем. Е. Н. Наземцева], 2016. 974 с., [6] л. ил., портр. : табл. Имен. указ.: с. 927–950.

16. Софронова Е. И. Где ты, моя Родина? / под ред. А. В. Попова ; вступ. ст. А. В. Попова. Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. V. М. : ИАИ РГГУ, 1999. 392 с.

17. Харбинские гимназии и русские университеты // Новости жизни. 1923. 10 мая.

18. Чжан Цзяньхуа. Общественная жизнь российской эмиграции в Пекине в 1920-е годы XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5.

Научное издание

**Эмиграция как текст культуры:
историческое наследие и современность**

Корректор Т. Н. Котельникова
Компьютерная верстка А. А. Харунжевой
Оформление обложки – А. А. Харунжева

В оформлении обложки использованы фотографии
Имре Кински («Цепной мост в тумане») и Андре Кертеша
(«Набережная ранним утром. Париж» и «Железная дорога»)

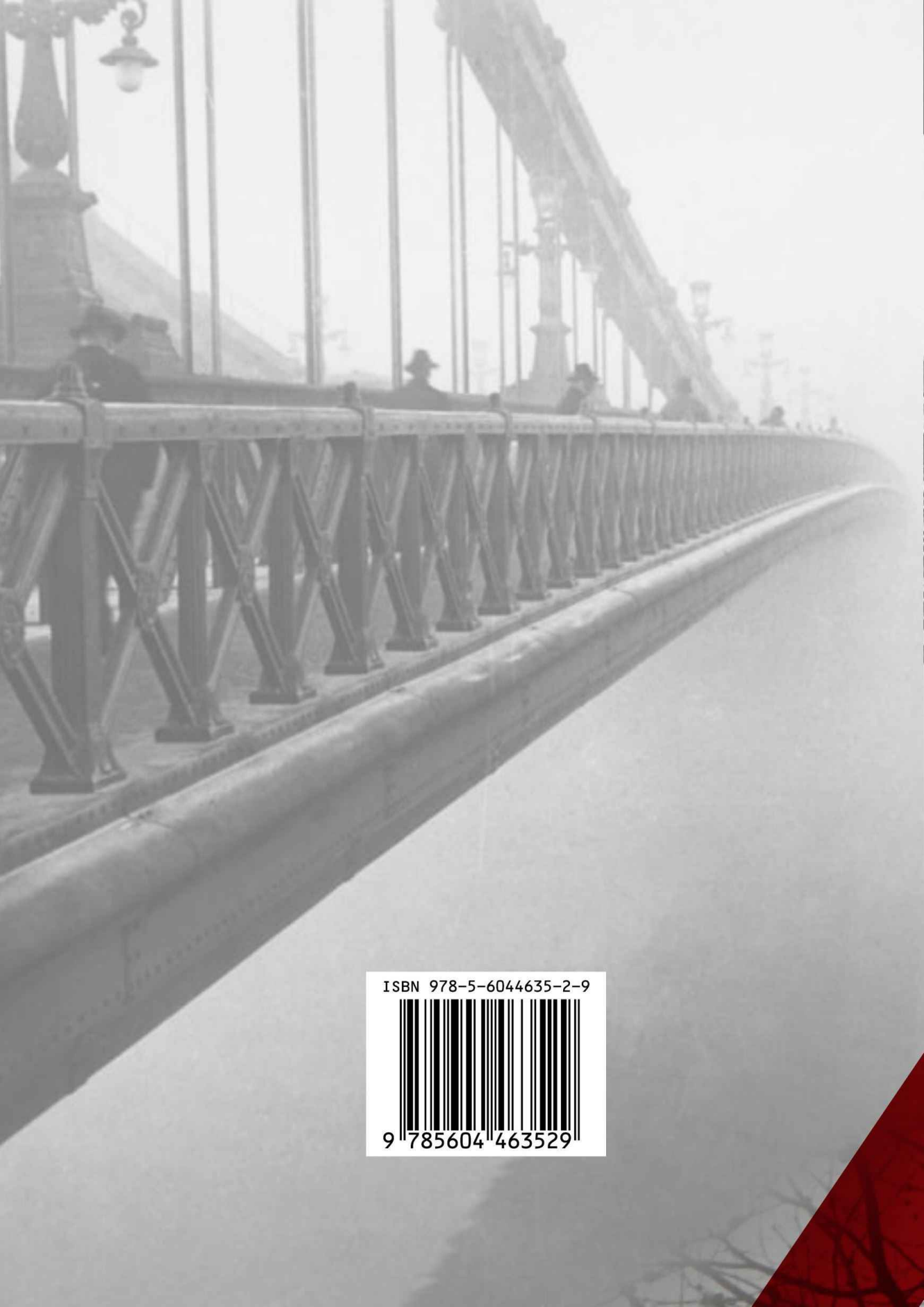
Подписано в печать 19.08.2020 г.
Формат 60х84 / 16.

Бумага офсетная
Усл. печ. л. 27,3
Тираж 500 экз.
Заказ № 40.

Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT), Венгрия
1093, Budapest, Közraktár ut., 28.

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»,
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48, т. (8332) 262-390
www.raduga-press.ru
E-mail: raduga-press@list.ru

Отпечатано в полиграфическом цехе
ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
610002, г. Киров, ул. Ленина, 83
т. (8332) 262-390

ISBN 978-5-6044635-2-9

9 785604 463529

